

Сочиненія И. С. Аксакова

ПРИБАЛТІЙСКІЙ ВОПРОСЪ

ВНУТРЕННІЯ ДѢЛА РОССІИ

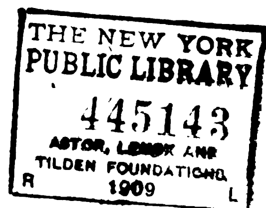
Статьи изъ «Дня», «Москвы» и «Руси».

ВВЕДЕНІЕ КЪ УКРАИНСКИМЪ ЯРМАРКАМЪ.

1860—1886

ТОМЪ ШЕСТОЙ

МОСКВА.
Типографія М. Г. Волчанинова (бывш. М. Н. Лаврова и К°).
Леонтьевскій пер., д. Лаврова.
1887.

ОГЛАВЛЕНІЕ СТАТЕЙ ШЕСТАГО ТОМА.

I.

ПРИБАЛТІЙСКІЙ ВОПРОСЪ.

Статьи изъ газеты „День“.

Изъ газеты „Москва“.

Изъ газеты „Русь“.

II.

О ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛАХЪ РОССІИ.

Изъ газеты „День“.

Изъ газеты „Москвичъ".

Изъ газеты „Москва".

Изъ газеты „Русь".

ОПЕЧАТКА. Въ 1-мъ отдѣлѣ, на стр. 79, въ заглавіи, вмѣсто „откровеній“ должно быть *откровеніяхъ*.

ПРИБАЛТІЙСКІЙ ВОПРОСЪ

СТАТЬИ

ИЗЪ ГАЗЕТЪ „ДНЯ“, „МОСКВЫ“ И „РУСИ“.

Какъ понимаетъ Остзейскій Нѣмецъ идеалъ Россіи.

«День» 2-го іюня 1862 г.

Вѣроятно, не многимъ нашимъ читателямъ извѣстно, что «День» удостоивается особеннаго вниманія со стороны Нѣмецкаго общества Прибалтійскихъ провинцій. По крайней мѣрѣ «Рижская Газета» (Rigascher Zeitung), передовой и либеральный, Нѣмецки-основательный органъ Остзейской прессы, притомъ едвали и не самый старѣйшій (ему 85 лѣтъ существованія), съ особенною тщательностью занимается нашей газетой. Пробужденіе Русскаго народнаго самосознанія, проявленіе чувства народности въ Русскомъ обществѣ, подъемъ Русскаго народнаго духа, — все это составляетъ для Нѣмецкой газеты предметъ серьезныхъ — не сочувственныхъ намъ размышленій. Почти каждая статья «Дня», выражающая «славянофильское» направленіе, подвергается строгому, внимательному разбору—Rigascher Zeitung. Хотя мы, какъ извѣстно читателямъ, еще ни разу даже не упомянули о Курляндіи, Лифляндіи и Эстляндіи и не провинились ни въ какихъ поползновеніяхъ на ихъ средневѣковыя привилегіи, — тѣмъ не менѣе «Рижская Газета» относилась и относится къ намъ съ постоянною, систематическою, Нѣмецки-солидною непріязненностью. Въ этой непріязненности, впрочемъ, не было для насъ ничего лично оскорбительнаго или неуважительнаго, — не было и легкомыслія нашихъ Петербургскихъ антагонистовъ: напротивъ, въ ней было до сихъ поръ даже что-то своеобразно-почтенное, потому что она очевидно — дѣло не личной вражды, а серьезнаго убѣжденія. Она—логическій выводъ цѣлаго политическаго ученія, которое мы, конечно, угадывали, но о которомъ мы до сихъ

поръ, ради щекотливости предмета, избѣгали и говорить. Но помѣщеніе въ 91 № «Рижской Газеты» статьи, въ которой Нѣмцы объявляютъ намъ прямо — войну, не на животъ, а на смерть (именно такъ — *so, so!*), огласка, данная этой статьѣ переводомъ ея въ одномъ изъ Русскихъ журналовъ, письмо, полученное нами изъ Риги и которое читатели найдутъ въ областномъ Отдѣлѣ нашей газеты,—все это заставляетъ и насъ «прервать молчаніе» и дать нѣсколько словъ объясненія господамъ Остзейскимъ Нѣмцамъ. Въ своей статьѣ «Рижская Газета» дѣлитъ всю Русскую журналистику на двѣ партіи: къ одной причисляетъ «славянофиловъ» и тѣ органы нашей печати, которые не показываютъ особеннаго сочувствія къ Нѣмцамъ (а обнаруживаютъ болѣе симпатіи къ Французамъ и Англичанамъ, какъ о томъ подробно объясняетъ «Рижская Газета» въ предыдущихъ своихъ №№),— къ другой—себя, все Нѣмецкое и онѣмеченное въ Россіи, и нѣкоторые Русскіе журналы. Но обратимся къ самой статьѣ.

«*Рига, 21 Апрѣля. Партіи въ Россіи.* «Во вчерашнемъ № мы сообщили нѣкоторыя замѣчанія на враждебную Нѣмцамъ статью «Сѣв. Пчелы»; еслибъ дѣло шло только о полемикѣ, то мы могли бы еще на дняхъ, по поводу письма г. Гильфердинга, представить критику программы славянофиловъ, которая содержится также и въ этомъ письмѣ. Но мы уклонились отъ этого, чтобъ не навлечь на насъ подозрѣнія, будто мы возжигаемъ антагонизмъ, который впрочемъ уже давно существуетъ (хотя и съ одной стороны). Нѣкоторыя однакожъ проявленія Русской печати убѣждаютъ насъ, что настало время прервать молчаніе и дѣйствовать уже не только оборонительно, но *наступательно* *) (angreifend). Программа славянофиловъ гласитъ: возвращеніе къ древне-Славянскимъ порядкамъ (altslavische Zustände), оттѣсненіе (Zurückdrängen) Нѣмецкаго элемента и оппозиція противъ Правительства, *во сколько оно наклонно къ Западнымъ идеямъ*. Мы видимъ, что эта партія для насъ самая опаснѣйшая, потому что ей ничего бы не стоило воспламенить народную ненависть грубыхъ массъ. Только немногія газеты не впадаютъ никогда въ этотъ тонъ (мы назовемъ

---

*) Курсивъ въ статьѣ поставленъ нами. *Ред.*

здѣсь, для примѣра, «Сѣверную Почту», «С.-Петербургскія Биржевыя Вѣдомости» и «Наше Время»). Это та либеральная Русская партія, которую мы должны привѣтствовать съ симпатіей и относиться къ ней предупредительно (die von uns... entgegenkommend behandelt werden muss), потому что насъ связываетъ съ нею общій интересъ: готовность поддерживать Правительство во всѣхъ реформахъ, противодѣйствіе всякому одностороннему преобладанію (Betonen) національности, будь она Русская, Польская, Нѣмецкая, Латышская или Финская,—и стремленіе ко всеобщимъ гуманнымъ цѣлямъ. Эта партія заинтересована въ дѣлѣ экономическихъ успѣховъ и народнаго образованія. Намъ почти и нѣтъ надобности упоминать, что представители этого направленія, именно «Наше Время», преслѣдуются — самыми грубѣйшими (какъ недавно въ одной статьѣ «Сѣв. Пчелы») насмѣшками со стороны народно-прогрессивной партіи (которая во многихъ случаяхъ есть партія реакціонерная). Такъ какъ нѣтъ никакого сомнѣнія, что эти обѣ крупныя партіи (Gruppen) существуютъ, то здѣсь должна идти въ дѣло старая Нѣмецкая пословица: *или быть молоткомъ, или наковальней!* (H a m m e r o d e r A m b o s s e i n!) Или побѣдитъ Западная просвѣщенная мысль (интеллигенція, Intelligenz), къ представителямъ которой мы причисляемъ (вмѣстѣ съ Германскимъ элементомъ *столицы* и Остзейскихъ провинцій) и эту литературную партію,—или же побѣдитъ партія, которая хочетъ возвратить древне-Славянскіе («urslavische»), т. е. полуазіатскіе порядки, и проповѣдуетъ принципъ нанаціональности, — который, будучи проведенъ последовательно, долженъ привести къ распаденію государства (Reich). П о б ѣ д и т ь и л и п о г и б н у т ь! В ъ э т о й б о р ь б ѣ н ѣ т ъ с е р е д и н ы!»

Вотъ какъ! М о л о т о к ъ и л и н а к о в а л ь н я! Побѣдить или погибнуть! Кличъ достойный рыцарей Ливонскаго Ордена! Только мы рѣшительно не понимаемъ, что̀ собственно возбудило боевой жаръ новѣйшихъ крестоносцевъ?... Русская земля—уже давно *наковальня!*... Что̀ же безпокоитъ ихъ?... Наковальня заговорила? Русскій народъ пробуждается духомъ? вырабатывается Русское народное самосознаніе, опять поднимается голосъ и дѣйствуетъ «наиопаснѣйшая для Нѣм-

цевъ» партія «славянофиловъ»?... Успокойтесь, Лифляндскіе, Курляндскіе, Эстляндскіе бароны, бюргеры и беамтеры! Вамъ, видно, плохо знакомы наши домашнія обстоятельства и міръ Русской журналистики: такъ-называемые славянофилы стоятъ почти одиноко въ Русской литературѣ; загляните въ Русскіе журналы и порадуйтесь: бо́льшая часть изъ нихъ вовсе не такъ далеки отъ васъ, какъ вы думаете, и во всякомъ случаѣ ближе къ вамъ, чѣмъ къ «славянофильству!» Они, какъ и вы, страшно боятся односторонности и преобладанія Русской національности, они — люди передовые, космополиты: нѣкоторые наклоннѣе къ Романскимъ, другіе къ Германскимъ идеямъ, но знаете ли? Германскія и Романскія племена часто ссорятся между собою, но чуть дѣло коснется Славянъ или Россіи,—они тотчасъ же соединяются въ общемъ чувствѣ ненависти къ Славянской стихіи... Такъ и у насъ дома. Вы справедливо назвали столицу, т. е. Санктпетербургъ, вашимъ союзникомъ, и хотя вы упомянули собственно о *Нѣмецкомъ элементѣ* сего гауптштадта, но попытайтесь опредѣлить объемъ, указать—гдѣ кончаются предѣлы въ Санктпетербургѣ Нѣмецкой стихіи?... вы, безъ сомнѣнія, утѣшитесь!...

Но утѣшивъ такимъ образомъ «вѣрныхъ и преданныхъ» Нѣмцевъ, мы тѣмъ не менѣе займемся, вмѣстѣ съ читателями, краткимъ на сей разъ разборомъ Нѣмецкой теоріи. Мы назвали ихъ вѣрными и преданными, и назвали вовсе не въ шутку и не въ смыслѣ обвиненія въ лести и низкопоклонничествѣ. У Нѣмцевъ это чувство вполнѣ серьезное и искреннее, но истекаетъ совсѣмъ изъ другаго источника, нежели у Русскаго народа. Это особенное политическое убѣжденіе. Это цѣлая система, стройная и послѣдовательная.

Дѣло въ томъ, что преданные Русскому престолу—они, какъ мы видѣли, проповѣдуютъ въ то же время бой на смерть *Русской народности;* вѣрные слуги Русскаго *государства*, они знать не хотятъ Русской *Земли*. Для нихъ существуетъ Россія—только какъ Россійская имперія, а не какъ Русь, не какъ Русская Земля, подъ защитою которой могутъ находиться области, населенныя и другими народностями. Идеалъ, который Нѣмцы проповѣдуютъ для Россіи—это воплощеніе отвлеченной идеи государства, *внѣ народности*,

такая Россія, въ которой бы ничего Русскаго, выдающагося впередъ, не было («никакого Betonen Русской національности»)! совершенное подобіе Австрійскому гезамтъ-фатерланду, гдѣ, какъ мечталъ Австрійскій министръ Бахъ, по механизму, заведенному Вѣнскимъ правительствомъ, должна была бы жить и двигаться только одна-единая—Kaiserlich-königliche Nationalität—императорско-королевская національность! Мы нисколько не ставимъ Нѣмцамъ въ вину такой крупный замыселъ. Показать его несостоятельность было бы дѣломъ Русскаго общества, но Русское общество само добровольно подчинилось Нѣмецкой опекѣ, а реформа и дѣйствія Петра оправдывали вполнѣ замыслы Нѣмцевъ. Государство, созданное Петромъ по Нѣмецкому идеалу, стало дѣйствительно предметомъ ихъ особенной попечительности и заботы, но *только* государство, а ничего болѣе; поэтому и естественно, что всѣ стремленія Нѣмцевъ направлены были къ тому, чтобы поглотить государственной стихіей всякія другія стихіи въ Русской землѣ, чтобъ кромѣ государства—ничего живаго не смѣло бы жить и проявляться! «Все для государства, государствомъ и государству, ничего, кромѣ государства» — вотъ символъ вѣры Остзейскихъ Нѣмцевъ! Разумѣется—*душу живу* въ такое государство должны влагать только Нѣмцы... Одинъ знаменитый Нѣмецъ, графъ Канкринъ, въ своихъ сочиненіяхъ, предлагаетъ даже отнять у Русской земли названіе Русской, и именовать ее *Петровіей*, а Русскихъ—*Петровцами!*...

И въ самомъ дѣлѣ—какой грандіозный идеалъ! Представьте себѣ, читатель: Россіи нѣтъ, а есть Петровія; Русскихъ замѣнили Петровцы; даже Финны, Латыши, Поляки—все это какимъ-то химическимъ процессомъ, смѣшавшись вмѣстѣ, составило на Нѣмецкой закваскѣ одну національность—Петровцевъ, съ общимъ для всѣхъ мундиромъ, вмѣсто разнообразія одеждъ!.. Вездѣ царствуетъ порядокъ и благоустройство; все идетъ какъ по заведенной машинѣ, и творцы, столбы и стражи такого порядка—Нѣмцы, Нѣмцы и Нѣмцы! Не даромъ говорилъ лѣтъ 12 тому назадъ одинъ Нѣмецкій генералъ про Остзейцевъ (какъ прочли мы недавно въ какомъ-то журналѣ): nous sommes les Mamelouks de l'Empire, то есть: мы Мамелюки Имперіи, то есть:

мы Янычары, мы преторіанцы—казеннаго, по Нѣмецкому образцу и подобію созданнаго государства!... Предоставляемъ читателю самому дополнить эту картину своимъ воображеніемъ.

Понятнымъ становится теперь, почему такъ огорчены и встревожены Остзейцы: всякое простое проявленіе жизни въ Русскомъ народѣ, самое невинное требованіе, дозволительное Нѣмецкому бюргеру, должно быть преслѣдуемо въ Россіи потому, что грозитъ опасностью великолѣпному идеалу! И въ самомъ дѣлѣ: каковъ этотъ грубый, варварскій Русскій народъ! туда же жить просится!... Съ точки зрѣнія Нѣмецкой—это истинный бунтъ, бунтъ противъ Нѣмцевъ, противъ задуманнаго ими для Русскаго же народа благоустройства. «На наковальню его! бить его Нѣмецкимъ молоткомъ! не то, по старой Нѣмецкой пословицѣ, станемъ, чего добраго, *мы* наковальней, а Русскій народъ молоткомъ!...»

Вотъ тутъ-то и ошибаются Нѣмцы. Понятіе о наковальнѣ и молоткѣ, возведенное Нѣмцами въ государственную доктрину, чуждо Русскому народу; онъ никакой народности не билъ и бить не охотникъ, а если кого и била—*Петровія*, такъ по вашей же Нѣмецкой теоріи, въ силу «западныхъ же идей»....

Насъ невольно поражаетъ сходство Нѣмецкаго воззрѣнія съ Еврейскимъ, съ которымъ читатели наши познакомились въ 33 № «Дня». Евреи, такъ же какъ и Нѣмцы, не признаютъ въ Россіи Русской народности и подвергаютъ еще сомнѣнію вопросъ (для Нѣмцевъ уже давно рѣшенный отрицательно!) о томъ: дѣйствительно ли Русскіе—хозяева въ Русской землѣ? По ихъ мнѣнію, Евреи въ Русской землѣ такіе же хозяева, какъ и Русскіе. Такое требованіе Евреевъ (принятыхъ подъ особенную защиту Русской журналистики) вполнѣ совпадаетъ съ Нѣмецкимъ идеаломъ отвлеченнаго государства. Русскими, конечно, по Нѣмецкой теоріи, они быть не могутъ, а Петровцами почему же имъ и не быть!

Бѣдный Русскій народъ! Еслибъ ты зналъ, какія теоріи носятся надъ твоей головой—Нѣмецкія и Еврейскія,—еслибъ ты зналъ, съ какимъ сочувствіемъ встрѣчены послѣднія Русскою журналистикой! Но, къ счастію, Русскій народъ

ничего этого не вѣдаетъ, а еслибъ и вѣдалъ, то въ полномъ сознаніи силы и правды своихъ хозяйскихъ правъ, — всякому честному гостю, который бы пожелалъ принять участіе въ его трапезѣ, онъ далъ бы мѣсто за своей трапезой. вспоминая старо-Русскія пословицы: «чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ», «то гостю и честь, когда ему воля!» — вмѣсто старо-Нѣмецкой пословицы, вполнѣ достойной распространителей Вѣры Христовой огнемъ и мечемъ, древнихъ рыцарей Ливонскаго ордена, — пословицы, такъ не кстати вспоминаемой теперь Рижскою Газетой: Hammer oder Ambos sein! или быть молоткомъ или наковальней!...

Не въ духѣ вражды, не съ тѣмъ, чтобъ возбуждать ненависть противъ Нѣмцевъ пишемъ мы эти строки, — но съ тѣмъ, чтобъ вразумить самихъ Нѣмцевъ въ неправдѣ ихъ отношеній къ Русскому народу, и чтобы предохранить отъ государственныхъ Нѣмецкихъ теорій Русское общество, которое влечется къ нимъ такъ безсознательно!.. Впрочемъ вопросъ о государствѣ и національностяхъ, какъ и вообще о Нѣмецкомъ элементѣ въ Россіи, такъ обширенъ, что мы еще не одинъ разъ будемъ посвящать ему столбцы нашей газеты.

На какомъ основаніи крестьянинъ Остзейскаго края лишенъ тѣхъ правъ, которыми пользуется крестьянинъ въ остальной Россіи?

«День», 27-го ноября 1865.

Положеніе крестьянскаго сословія въ нашихъ Остзейскихъ провинціяхъ не можетъ не обращать на себя вниманія Русскаго общества. Русское общество не можетъ оставаться равнодушнымъ ни къ загадочной исторіи Безбардиса, такъ подробно разсказанной въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», ни къ состоянію православной церкви въ Остзейскомъ краѣ, ни къ тѣмъ оскорбленіямъ и притѣсненіямъ, которымъ подвергаются Русскіе жители Остзейскихъ городовъ со стороны Остзейцевъ Нѣмецкаго рода, — ни къ тѣмъ жалобамъ крестьянскаго, не Нѣмецкаго, туземнаго населенія, которыми все чаще и чаще стала оглашаться наша Русская журналистика. Остановимся теперь на крестьянскомъ вопросѣ въ Прибалтій-

скихъ провинціяхъ, какъ наиболѣе серьезномъ, важномъ и «чреватомъ» грозною будущностью.

Реформы нынѣшняго царствованія вообще, а главное— крестьянская реформа и прогрессивный ходъ нашего внутренняго соціальнаго развитія совершенно измѣнили прежній, странный, даже унизительный характеръ отношеній Россіи къ нѣкоторымъ ея окраинамъ, дали ей нравственный перевѣсъ, могущественную силу притяженія для народовъ,—новое орудіе и знамя. Если прежде позоръ крѣпостнаго права налагалъ молчаніе на наши уста и лишалъ насъ права вступаться даже за угнетенную Польскими панами Русскую народность въ отторгнутыхъ отъ Польши Русскихъ областяхъ; если прежде Остзейское Нѣмецкое дворянство, въ отвѣтъ на наше скромное заступничество за Латышей и Эстовъ, кидало намъ въ лицо рабство нашего собственнаго крестьянства и съ гордостью указывало на отсутствіе въ Остзейскомъ краѣ крѣпостной личной зависимости,—то теперь не то: далеко позади себя оставила Россія Польскій и Остзейскій европеизмъ! Выше всѣхъ инородческихъ знаменъ водружено теперь ея знамя,—она впереди ихъ всѣхъ—и во главѣ движенія. Разрѣшеніе крестьянскаго вопроса въ самой Россіи облегчило и двинуло къ разрѣшенію многіе соціальные вопросы и безъ меча распутало не мало гордіевыхъ узловъ ея внутренней политики,—но оно не имѣетъ ничего общаго съ началами французскаго соціализма или демократизма, какъ хотятъ увѣрить Европу Польскіе паны и нѣкоторые Нѣмецкіе бароны. Въ нашемъ крестьянскомъ преобразованіи слышится присутствіе того Славянскаго историческаго воззрѣнія, въ силу котораго простой народъ составляетъ необходимое условіе полноты общественнаго развитія, именно какъ простой народъ, какъ живая непосредственная самородная сила, подобная силѣ корня въ организмѣ растеній,— а не низводится на степень вещественнаго матеріала, какъ напримѣръ у Нѣмцевъ Остзейскаго края. Наши крестьянскія Положенія, признавая и упрочивая права сельскаго населенія, давая широкое мѣсто его значенію и участію въ общественной жизни, имѣютъ характеръ по преимуществу бытовой, а не политическій, и совершенно чужды того насильственнаго и искусственнаго равенства, того грубаго, принудительнаго еди-

нообразія, о которомъ мечтаютъ французскіе деспоты-демократы и соціалисты. Крестьянская реформа 19 Февраля, вмѣстѣ съ земскими учрежденіями на основѣ всесословнаго представительства, есть продуктъ нашихъ коренныхъ народныхъ началъ, есть у насъ дѣло не только правительственной, но и общественной воли. Это теперь—какъ мы уже не разъ объясняли—наша всенародная, всемірно-историческая проповѣдь; это наше знамя,— то знамя, которое мы можемъ высоко предносить предъ всѣми иноплеменными народами, которое мы призваны внести, можетъ быть, во всѣ ближайшія намъ, и по преимуществу принадлежащія намъ, страны. Мы внесли его въ Царство Польское, мы внесли его въ Грузію. Положимъ, что здѣсь—и собственно въ Царствѣ—дѣйствовали соображенія государственной пользы и принудительная государственная власть. Но и безъ всякаго вмѣшательства правительственной власти, безъ всякихъ усилій со стороны Русскаго общества,—силою вещей, сама собою, напираетъ и на прочія наши окраины эта историческая идея, живущая и дѣйствующая въ насъ, и является съ своею проповѣдью на порогѣ Остзейскаго края. Чтò же дѣлаетъ Остзейскій край? Въ то самое время, какъ Россія ввела въ кругъ своей гражданской жизни 20 милліоновъ сельскаго населенія, надѣливъ ихъ землей, личными правами, общественнымъ самоуправленіемъ, представительствомъ и участіемъ въ земскихъ учрежденіяхъ,—въ это самое время крестьяне Курляндіи, Лифляндіи и Эстляндіи,— правда освобожденные 40 лѣтъ тому назадъ отъ личной крѣпостной зависимости, но безъ земли,—остаются по прежнему обезземеленными и подчинены полнѣйшему произволу помѣщиковъ, какъ начальниковъ вотчинной полиціи, по праву патримоніальной юрисдикціи. Если, какъ нѣкоторые думаютъ, ошибка, сдѣланная при беземельномъ освобожденіи крестьянъ, не можетъ быть исправлена, если къ нимъ нельзя уже примѣнить началъ поземельнаго устройства, принятыхъ въ Мѣстныхъ Положеніяхъ 19 Февраля 1861 года,—то нѣтъ причины, казалось бы, отказывать имъ въ той долѣ самостоятельности и самоуправленія, какая дарована Русскимъ крестьянамъ по силѣ Общаго Положенія. Но ни подобнаго самоуправленія, ни мировыхъ, ни земскихъ учрежденій въ Остзейскомъ краѣ не

существуетъ; для выкупа крестьянами земли у помѣщиковъ принимаются, и то въ недавнее время, совсѣмъ другія основанія, чѣмъ въ Россіи, для крестьянъ разорительныя и не многимъ доступныя. Хотя въ настоящее время и сидитъ въ Ригѣ коммиссія, которая пишетъ Положеніе о личныхъ правахъ, обязанностяхъ, общественномъ, полицейскомъ и судебномъ устройствѣ крестьянъ,—но по полученнымъ нами извѣстіямъ—всѣ эти проектируемыя преобразованія дѣлаются лишь для виду, не съ искреннею цѣлью улучшить быть и даровать полноправность сельскому населенію, а съ тѣмъ, чтобы отвести напирающую грозу, и новою формою замаскировать сохраненіе прежнихъ помѣщичьихъ правъ. Вспомнимъ при этомъ, что съ вопросомъ крестьянскимъ связанъ въ Прибалтійскомъ краѣ и вопросъ объ отношеніяхъ національности пришлой, Нѣмецкой, къ національности туземной—Эстовъ и Латышей. Въ прошломъ году Эстонцы-крестьяне присылали депутацію въ Петербургъ съ просьбою о распространеніи на нихъ началъ крестьянскаго поземельнаго выкупа, принятыхъ въ Положеніи 19 Февраля, и правъ, дарованныхъ Русскимъ крестьянамъ. Казалось бы, что въ этой просьбѣ и въ этомъ желаніи нѣтъ ничего возмутительнаго: Русскіе подданные инородцы просятъ распространить на нихъ благодѣянія и силу общихъ Русскихъ законовъ. Прошеніе, какъ мы слышали, было принято благосклонно; но при этомъ произошла та же исторія, что и съ адресомъ. Въ числѣ составителей прошенія, сколько намъ извѣстно, были два брата Петерсоны, которые, по возвращеніи домой, были Остзейскимъ начальствомъ преданы суду, какъ возмутители, и одинъ изъ нихъ содержался даже въ тюрьмѣ въ Либавѣ. У Остзейскаго начальства—какъ читатели могли видѣть изъ помѣщенной нами въ 44 № корреспонденціи изъ Курляндіи, есть теперь легкій способъ представить любаго Латыша или Эстонца возмутителемъ или по крайней мѣрѣ подозрительнымъ: назвать его принадлежащимъ къ партіи «молодой Леттіи» или «молодой Эстоніи»,—дать ему кличку: junger Lette, junger Esthe. Такое прозвище дается, по сознанію самихъ Нѣмцевъ, всякому Латышу или Эстонцу, старающемуся не поддаться германизаціи, и это сопротивленіе онѣмеченію со стороны Русскихъ подданныхъ вмѣняется въ вину и преступленіе—гдѣ

же? въ предѣлахъ Русскаго государства, отъ Русской правительственной власти!

Такая аномалія отношеній Русскаго правительства къ Остзейскому краю не можетъ не оскорблять Русскаго національнаго самолюбія; такое положеніе дѣлъ не можетъ быть слишкомъ долго терпимо ни Русскимъ общественнымъ мнѣніемъ, ни самимъ Русскимъ правительствомъ, блюстителемъ Русской народной чести. Странно, какъ этого не видитъ и не разумѣетъ само Остзейское дворянство, гордящееся своею образованностью и политическимъ тактомъ? Развѣ не понимаетъ оно, что въ настоящее время, при гласности и свободѣ печати, Прибалтійскій край перестаетъ быть какимъ-то заколдованнымъ, замкнутымъ кругомъ, чрезъ который не смѣла переступать Русская общественная критика, и что отнынѣ никакими подобіями реформъ нельзя ни обморочить Русское общественное мнѣніе, ни помѣшать жалобамъ Латышей и Эстовъ доходитъ до свѣдѣнія Русскаго общества? Развѣ не видятъ дворяне, что вопросы въ настоящее время ставятся уже такъ: почему въ предѣлахъ Русской имперіи будетъ существовать полтора милліона слишкомъ Русскихъ подданныхъ сельскаго состоянія, лишенныхъ тѣхъ благъ поземельнаго и гражданскаго устройства, какими пользуются прочіе подданные Россіи сельскаго же состоянія? Почему Русское правительство должно оставаться глухо къ просьбѣ полутора милліоновъ инородцевъ о томъ, чтобъ распространить на нихъ эти блага и ввести къ нимъ въ школы и въ управленіе ими оффиціальный языкъ Русскаго государства, языкъ шестидесяти милліоновъ его подданныхъ,—т. е. Русскій? Почему Русское правительство должно содѣйствовать насильственному онѣмеченію полутора милліоновъ своихъ подданныхъ, которые не Нѣмцы и Нѣмцами быть не хотятъ? Почему? потому что такъ угодно Нѣмецкому меньшинству края, двумъ-тремъ стамъ тысячамъ жителей Нѣмецкаго происхожденія. Другаго отвѣта на этотъ вопросъ не имѣется; но не можетъ не разумѣть почтенное и просвѣщенное Остзейское дворянство, что такимъ отвѣтомъ нельзя сдерживать движеніе исторической жизни, что вопросъ просится къ иному неотложному и неминуемому разрѣшенію.

Конечно, Остзейское «рыцарство» можетъ сослаться на свои

привилегіи, признанныя и подтвержденныя Русскимъ правительствомъ. Оно можетъ, пожалуй, требовать отъ Русской власти строгаго соблюденія формальной легальности. Но при всемъ добромъ желаніи Русскаго правительства соблюсти до точности внѣшнюю законность, — едвали прочна и благонадежна для Остзейскихъ привилегій такого рода ограждающая ихъ легальность, въ силу которой Русское правительство становится въ прямое противорѣчіе съ своимъ призваніемъ какъ Русскаго государства, съ требованіями Русской народной чести, которой оно хранитель и оберегатель,—съ желаніемъ большинства привилегированнаго края,—съ идеей высшей нравственной правды. Поступая легально въ отношеніи къ двумъ стамъ тысячамъ Нѣмецкихъ дворянъ и горожанъ, не поступитъ ли оно иллегально въ отношеніи къ полутора милліонамъ Латышей и Эстовъ? Имѣетъ ли оно право наконецъ навязывать большинству населенія сохраненіе тѣхъ привилегій, которыхъ оно болѣе для себя не желаетъ? Остзейское почтенное рыцарство можетъ замѣтить намъ, что привилегіи даны были исключительно ему и городамъ, а не сельскому населенію, не всему краю, и что протестъ противъ этихъ привилегій остальнаго края не можетъ служить законнымъ поводомъ къ ихъ отмѣнѣ. Но когда, присоединяя Прибалтійскій край къ Россіи почти полтораста лѣтъ тому назадъ, Русское правительство подтвердило дворянскія и городскія преимущества, оно имѣло въ виду единственныхъ въ то время представителей этихъ провинцій и думало подтвержденіемъ такихъ привилегій содѣйствовать умиротворенію и благосостоянію всего края. Нѣтъ сомнѣнія, что пренебреженіе къ законнымъ и естественнымъ требованіямъ остальнаго, кореннаго населенія края, какъ скоро они сдѣлались извѣстными, исключеніе его, этого туземнаго населенія, изъ общихъ благъ, дарованныхъ прочимъ подданнымъ крестьянскою и земскою реформами,—насильственное онѣмеченіе и тому подобныя мѣры послужатъ неминуемо источникомъ смутъ, безпокойствъ, волненій, безпорядковъ и опасныхъ столкновеній, какъ между классами и народностями Прибалтійскихъ провинцій, такъ и между Нѣмецкимъ элементомъ края и Русскимъ народнымъ государственнымъ элементомъ. Эти Остзейскія привилегіи ставятъ Русское правительство въ слѣдующую дилемму: или уничтожить поводъ къ

смутамъ, безпокойствамъ, коллизіямъ, удовлетворивъ требованіямъ большинства населенія и даровавъ ему то, чего оно желаетъ: равноправности съ Русскими подданными, что̀ требуется и высшею государственною пользой,—но въ такомъ случаѣ продолженіе Остзейскихъ привилегій дѣло рѣшительно невозможное; или же: соблюсти строго букву привилегій, но въ такомъ случаѣ завѣдомо признать неминуемость вышеупомянутыхъ столкновеній и быть готовымъ, для поддержанія привилегій, дѣйствовать въ ущербъ государственнымъ интересамъ, Русской народной чести, своимъ собственнымъ полутора милліонамъ подданнымъ, усмирить ихъ насильственными мѣрами и карать ихъ, какъ за бунтъ, за всякое желаніе ассимилироваться съ Русскимъ народомъ, за всякое сопротивленіе онѣмеченію. Изъ этой дилеммы нѣтъ другихъ выходовъ. Пусть Остзейское дворянство и городскіе классы подумаютъ сами, пока есть еще время, выгодно ли имъ самимъ то положеніе, въ которое они ставятъ Россію и ея правительство.

Остзейскій край есть единственный уголокъ Европы, гдѣ сохранились неприкосновенными такіе остатки феодальной старины, которые давно отмѣнены или сокрушены повсюду. Привилегіи городовъ и рыцарства въ Прибалтійскихъ провинціяхъ—настоящее *rococo*. Прибалтійскія провинціи—это музей историческихъ рѣдкостей соціальнаго и общественнаго устройства, тѣхъ соціальныхъ и общественныхъ неправдъ, которыя вездѣ пали вмѣстѣ съ духомъ ихъ породившимъ, и сохранились только подъ сѣнію Россіи, какъ подъ стекляннымъ колпакомъ. Если бы эти провинціи попали какъ-нибудь случайно подъ власть Пруссіи, то безъ сомнѣнія отъ всѣхъ этихъ готическихъ формъ жизни не осталось бы ни слѣда, въ теченіи одного года: дворянство и города тотчасъ бы лишились своихъ уродливыхъ, устарѣлыхъ, стѣснительныхъ для общаго развитія жизни, привилегій.—Это обстоятельство также должно бы быть принято во вниманіе Нѣмецкимъ населеніемъ края.

Повторяемъ: еще дворянство можетъ предотвратить тѣ неминуемыя столкновенія, которыя вызоветъ аномалія теперешняго порядка, если онъ продолжится, и которыхъ остановить не въ состояніи будетъ никакая правительственная власть. Логикѣ вещей, ходу исторической идеи не въ состо-

яніи противиться никакая сила. Пусть же почтенное Остзейское дворянство перестанетъ быть *rococo* и пусть поможетъ оно ввести въ своемъ краѣ, какъ систему повемельнаго крестьянскаго выкупа на началахъ, принятыхъ въ самой Россіи, такъ и систему мировыхъ и земскихъ учрежденій на началахъ всесословнаго представительства. Долѣе медлить едва-ли разумно.

По поводу введенія русскаго языка въ присутственныя мѣста Отзейскихъ провинцій.

«Москва», 13-го сентября 1867 г.

Господинъ культуртрегеръ, статскій совѣтникъ и кавалеръ, докторъ Беркхольцъ, редакторъ журнала, издающагося въ Ригѣ подъ названіемъ «Baltische Monatsschrift», равно и другіе господа культуртрегеры или культуроносцы, т. е. носители просвѣщенія въ непросвѣщенной Россіи, и русской службы статскіе и иные совѣтники и редакторы нѣмецкихъ газетъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ, съ какимъ-то классическимъ азартомъ древнихъ Грековъ и Римлянъ, вопіютъ хоромъ противъ нашествія варваровъ-Скиѳовъ на ихъ благословенный и мирный Кур-Лив-и-Эстляндскій край, этотъ Германіи якобы уголокъ, этотъ разсадникъ высшей европейской культуры,—заводъ интеллигенціи, нравственности и способности для темной, безнравственной и неспособной Россіи. Какъ пѣнится пиво въ высокихъ нѣмецкихъ стаканахъ, такъ пѣнится и рѣчь сихъ прибалтійскихъ нѣмецкихъ мужей самовосхваленіемъ и поношеніемъ русскаго варварства и невѣжества. Вся эта буря фразъ и словъ, подъятая *одною десятою* мѣстнаго населенія противъ распоряженій верховной русской власти о введеніи русскаго языка въ преподаваніе исторіи въ тамошнихъ гимназіяхъ, а также въ оффиціальное дѣлопроизводство административныхъ мѣстъ и лицъ,—распоряженій столь сочувственныхъ остальнымъ *девяти десятымъ* кореннаго, туземнаго населенія края, — вся эта буря представлялась намъ не болѣе какъ бурею въ стаканѣ воды или пива, и мы не только не считали нужнымъ заклинать ее, но

готовы были съ терпѣніемъ и снисхожденіемъ дать ей время выбушеваться себѣ безвредно,—готовы были отвѣчать упорнымъ молчаніемъ на всѣ любезности нѣмецко-россійской прессы.

Но хитеръ Нѣмецъ на выдумки, гласитъ русская поговорка, и справедливость этого изреченія русскаго народа мы особенно оцѣнили, прочитавъ въ одномъ изъ послѣднихъ нумеровъ нѣмецко-прусской газетки «Ostsee-Zeitung», издающейся въ Штетинѣ, корреспонденцію изъ Варшавы (?), и въ берлинской газетѣ «Bank-und Handels-Zeitung» корреспонденцію изъ Риги о несчастномъ положеніи нѣмецкой національности въ трехъ русскихъ прибалтійскихъ губерніяхъ. Нѣмецъ, хитрый на выдумки, придумалъ аппеллировать къ общественному мнѣнію и столь возбужденному теперь національному чувству Германіи, по поводу именно вышеупомянутыхъ распоряженій о русскомъ языкѣ, придумалъ сдѣлать германскую журналистику орудіемъ гласности въ этомъ домашнемъ нашемъ вопросѣ и произвести, посредствомъ ея, нѣкоторое давленіе на мнѣніе общества и правительства въ Россіи. Онъ знаетъ, по старой памяти, какъ во время оно бывалъ удаченъ такой маневръ, какъ потрушивали въ Россіи строгихъ менторскихъ замѣчаній иностранной журналистики и заискивали у нея отзывовъ благосклонныхъ. Но на всякаго хитреца бываетъ простота: хитрый Нѣмецъ обсчитался во времени. Теперь русское общество не только не поддается вліянію иностранныхъ публицистовъ, но и привыкло видѣть во всѣхъ ихъ разсужденіяхъ о Россіи полезное предостереженіе для себя въ обратномъ смыслѣ. Такъ въ настоящемъ случаѣ выдумка Нѣмца прибѣгнуть къ покровительству иностранной печати по вопросу о русскомъ языкѣ—можетъ и на русское правительство и на общество оказать дѣйствіе совершенно противное тому, какого ожидалъ культуртрегеръ.

Но хитрость выдумки заключается не столько въ переносѣ русскаго дѣла на судъ заграничной публики, околько въ самомъ изложеніи дѣла и въ тѣхъ различныхъ способахъ пуганья и застращиванья, которыми авторы упомянутыхъ двухъ статей думаютъ достичь своей цѣли. Способы крайне любопытные, съ которыми мы и познакомимъ нашихъ читателей.

Такъ, напримѣръ, корреспондентъ прусской газеты «Ostsee-Zeitung» предпосылаетъ своимъ возгласамъ, жалобамъ, а потомъ и угрозамъ, нѣсколько словъ о преданности и вѣрности нѣмецкаго населенія прибалтійскихъ губерній царствующей династіи въ Россіи. Никто никогда въ этомъ и не сомнѣвался, но мы не думаемъ, чтобы преданность и вѣрность своему государю составляли исключительную нравственную монополію прибалтійскихъ Нѣмцевъ; не думаемъ, чтобы даже какое-либо предпочтеніе имѣли въ этомъ отношеніи 200 тысячъ нѣмецкаго населенія прибалтійскаго края предъ 70 милліонами русскаго народа, ради котораго и Россія называется Россіей, и ея государь называется Государемъ Русскимъ Смѣемъ полагать, что вѣрность и преданность русскаго народа своему монарху имѣютъ даже то нѣкоторое преимущество, что русскій народъ не ставитъ ихъ себѣ въ особенную заслугу и въ цѣну, не считаетъ себя въ правѣ просить за это особенной награды, привилегіи или изъятія отъ дѣйствія общихъ законовъ Русской Имперіи. Между тѣмъ статья газеты «Ostsee-Zeitung», съ одной стороны расточая Россіи самые нелестные эпитеты, отрицая, самымъ оскорбительнымъ образомъ, права русскаго государства и русской народности, — съ другой стороны напирая на династическую вѣрность и преданность нѣмецкаго населенія края, обличаетъ нѣмецкую выдумку самой хитрой работы. Хитрость состоитъ въ покушеніи отдѣлить русскую царствующую династію отъ Россіи: какъ будто царствующая династія не есть представительница и блюстительница именно русскихъ, а не какихъ-либо иныхъ государственныхъ и народныхъ интересовъ,— какъ будто у нея есть какіе-либо свои, чуждые Россіи интересы, какъ будто между русскимъ народомъ и его Государемъ можетъ быть проведена какая-либо раздѣляющая черта! Перехитрилъ и здѣсь почтенный мужъ, взывающій къ Германіи изъ прибалтійскихъ губерній,—перехитрилъ, какъ видятъ читатели, не къ выгодѣ нѣмецкаго населенія.

«Мое перо слишкомъ слабо, чтобъ изобразить всеобщее изумленіе и негодованіе нѣмецкаго населенія», восклицаетъ корреспондентъ берлинской «Bank-und Handelszeitung»; «невозможно представить себѣ того всеобщаго смятенія, которое произвелъ на нѣмецкое населеніе остзейскихъ провинцій *указъ*

объ изгнаніи нѣмецкаго языка....» пишетъ корреспондентъ берлинской же газеты «Ostsee-Zeitung». Въ самомъ дѣлѣ поразительно! Есть отъ чего раздразниться германской національной гордости и вскипѣть гнѣвомъ! Что это за указъ? Когда и кѣмъ и откуда изгнанъ нѣмецкій языкъ? спроситъ смущенный читатель. Воспрещено ли нѣмецкому населенію употреблять его дома, или въ своихъ школахъ, или въ своихъ церквахъ, или издавать нѣмецкія газеты, журналы и книги? Ничуть не бывало: и дома, и на улицахъ, и въ школахъ, и въ церквахъ, и въ литературѣ, и въ журналистикѣ не только предоставлена нѣмецкому населенію полная свобода нѣмецкаго языка, но даже и свобода глумиться по-нѣмецки надъ нашею русскою темнотой и варварствомъ и даже побраниваться: сердитые культуртрегеры не упускаютъ пользоваться этимъ правомъ. О какомъ же указѣ идетъ рѣчь? Ни о чемъ другомъ, какъ объ извѣстномъ недавнемъ подтвержденіи, отъ имени комитета министровъ, правительственнаго распоряженія, состоявшагося уже семнадцать лѣтъ тому назадъ и до сихъ поръ неисполненнаго, распоряженія о томъ, чтобъ оффиціальное дѣлопроизводство въ присутственныхъ мѣстахъ и у правительственныхъ лицъ въ этой части Россіи было ведено на оффиціальномъ языкѣ русскаго государства, т. е. на русскомъ. Кажется, дѣло самое обыкновенное, но автору-Нѣмцу нужно было, для своей цѣли, произвести приличный эффектъ, и вотъ онъ придумалъ такой ловкій оборотъ фразы, который, только немножко, повидимому, искажая правду, но соблюдая ея подобіе, окрашиваетъ дѣло инымъ свѣтомъ и заставляетъ шипѣть и кипѣть отъ негодованія германскій патріотизмъ. А между тѣмъ, разсказанная просто, эта мѣра не только не способна произвести эффектъ, но должна вызвать всеобщее одобреніе. Чего требуетъ русское правительство? — Только того, чтобы въ русскомъ государствѣ оффиціальнымъ языкомъ дѣлопроизводства былъ языкъ русскій,—чтобы чиновники *русской* службы говорили и писали *по-руски*. Что можетъ быть естественнѣе и законнѣе этого требованія, и кого же можетъ оно удивить въ Европѣ? Не Прусеію же, которая ни въ Познани, ни въ мѣстахъ, заселенныхъ Датчанами, не признаетъ никакого другаго государственнаго языка, кромѣ нѣмецкаго. Не Францію же, гдѣ языкъ государственный только

одинъ, французскій, для всѣхъ ея подданныхъ, и нѣмецкаго, и итальянскаго, и даже арабскаго происхожденія. Какъ ни хитры наши нѣмецкіе культуртрегеры на выдумки, но хитрѣе такой выдумки и придумать нельзя, чтобы *русская* власть обязана была говорить *не* по-русски, а по-нѣмецки.

Они пугаютъ русское правительство гнѣвомъ нѣмецкаго населенія прибалтійскихъ губерній. «Нѣмецкое населеніе — въ смятеніи», говорятъ они...

А *не* нѣмецкое, спросимъ мы?

Или хитрость нѣмецкихъ выдумокъ, пріютившихся въ заграничной журналистикѣ, перейдетъ наконецъ въ явную ложь, дойдетъ до увѣреній, что и не нѣмецкое населеніе плачетъ о нѣмецкомъ языкѣ, котораго не понимаетъ? Не угодно ли поборникамъ оффиціальности нѣмецкаго языка прочесть хоть корреспонденцію, помѣщаемую нами ниже въ областномъ отдѣлѣ: факты повидимому ничтожные, мелочные, но они потому то и важны, что рисуютъ намъ бытовую изнанку оффиціальной дѣйствительности въ ежедневной жизни крестьянъ. Конечно, такое непониманіе, послѣ 600лѣтняго безграничнаго владычества меченосцевъ и культуроносцевъ, пришедшихъ изъ Германіи съ просвѣтительною и христіанскою миссіею, немного говоритъ въ пользу просвѣтительной способности нѣмецкихъ витязей и ихъ потомковъ, равно какъ немного говоритъ въ пользу ихъ политической мудрости соціальное неустройство крестьянскаго населенія, которое они держали подъ своею просвѣщенною опекой столько вѣковъ сряду, — но объ этомъ подробнѣе мы поговоримъ когда-нибудь послѣ. Для насъ важенъ теперь тотъ несомнѣнный фактъ, что *девять десятыхъ* туземнаго населенія почти вовсе не понимаютъ того языка, который *одна десятая* хочетъ сдѣлать господствующимъ въ краѣ и ради котораго она — эта десятая — изволитъ приходить въ смятеніе, аппелировать къ Германіи, класть на вѣсы свою династическую вѣрность, и наконецъ... Но здѣсь смѣлость выдумокъ доходитъ до дерзости: прибалтійскіе корреспонденты обѣихъ названныхъ нами газетъ позволяютъ себѣ оглашать по всей Европѣ, будто бы нѣмецкое населеніе края намѣревается отправить депутацію къ Государю Императору и надѣется непосредственнымъ предстательствомъ достигнуть отмѣны

указа о русскомъ языкѣ. (Такъ говорится въ «Ostsee-Zeitung;» то же самое читаемъ и въ корреспонденціи «Bank- und Handelszeitung»: Sie (die deutsche Bevölkerung) beabsichtigt zunächst ein Immediatgesuch an den Kaiser zu richten und hofft von demselben günstigen Erfolg). Мы не вѣримъ такому намѣренію. Мы не думаемъ, чтобы достало дерзости у просвѣщеннаго высшею культурой населенія сомнѣваться въ твердой и неуклонной волѣ правительства — привести въ точное исполненіе тѣ мѣропріятія, о которыхъ Государь Императоръ возвѣстилъ въ своей послѣдней, русской рѣчи, произнесенной въ Ригѣ. Его Величество выразилъ при этомъ надежду, что эти мѣропріятія встрѣтятъ содѣйствіе именно въ нѣмецкомъ населеніи, къ представителямъ котораго были обращены императорскія слова. Это «вѣрное и преданное» населеніе поспѣшитъ, конечно, оправдать такую лестную для него надежду. И во имя чего стало бы ходатайствовать нѣмецкое населеніе? Во имя какого начала высшей и политической справедливости? Во имя меньшинства, желающаго навязать свой языкъ большинству мѣрами принудительными, для которыхъ потребно содѣйствіе русской государственной власти? Другими словами, депутація намѣревается просить верховную русскую государственную власть содѣйствовать русскими силами, согласно съ желаніемъ двухъ сотъ тысячъ Нѣмцевъ, — насильственному онѣмеченію полутора милліона русскихъ подданныхъ, не нѣмецкаго происхожденія и испрашивающихъ у русскаго правительства, какъ милости, обязательнаго обученія русскому языку!!

Конечно, протестовать противъ всякой, болѣе или менѣе либеральной, мѣры, нарушающей средневѣковой строй прибалтійскаго нѣмецкаго населенія, вошло, какъ свидѣтельствуетъ исторія, въ его плоть и кровь, даже въ какую-то привилегію, освященную обычаемъ Противъ чего не протестовали «мирные жители изъ Нѣмцевъ прибалтійскихъ береговъ», по выраженію графа Уварова?

Протестъ при Сигизмундѣ III, въ 1604 г., противъ Северинскаго договора, стѣснившаго самоуправство магистратовъ; протестъ при шведской королевѣ Христинѣ противъ ея требованія представить на разсмотрѣніе грамоты и привилегіи; протестъ въ 1786 г., при введеніи новаго город-

скаго положенія; протестъ въ 1811 г. противъ приказанія вести правильную денежную отчетность; протестъ въ 1827 и въ 1841 г. противъ обязанности составлять правильные городскіе бюджеты; протестъ въ 1845 г. противъ свода мѣстныхъ узаконеній, ограничивавшаго возможность своеволія; протестъ въ 1864 г. противъ промышленнаго устава, даровавшаго свободу промысловъ; протестъ противъ гласнаго судопроизводства, уравнивающаго права сословій; протестъ противъ надѣленія крестьянъ землями; постоянный, непрерывный протестъ противъ права Русскаго—быть одинаково Русскимъ во всей имперіи, не исключая Риги и Ревеля; постоянный, непрерывный протестъ противъ полноправности гражданской и человѣческой Латыша и Эстонца; протестъ противъ всего посягающаго на цѣлость стѣснительныхъ для края привилегій, противъ всякаго юридическаго равенства сословій, противъ всего полезнаго, благотворнаго и желаннаго для $^9/_{10}$ туземнаго населенія!... Какое неистощимое обиліе протестовъ, а также и депутацій! Не всѣ, но нѣкоторые изъ послѣднихъ занесены на страницы не одной тайной, но и явной исторіи. Такъ въ «Рижскихъ письмахъ», напечатанныхъ въ 1865 г. въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», мы читаемъ даже, что одной изъ депутацій, по возвращеніи въ Ригу, публично графомъ Буксгевденомъ заявлено (въ 1806 г.) неудовольствіе императора Александра I за пріѣздъ въ Петербургъ съ нѣсколько грубыми, неблаговидными пособіями для успѣха ходатайства...... Но нынче не тѣ времена: нынѣ депутаціи опираются единственно на «вѣрность и преданность нѣмецкаго населенія династіи». Но именно поэтому мы и хотимъ думать, что извѣстія, сообщенныя въ прусскихъ газетахъ корреспондентами, ни болѣе ни менѣе какъ клевета на вѣрное и преданное населеніе. Мы не отрицаемъ, что такою клеветою корреспонденты надѣялись принести пользу защищаемому ими дѣлу, но мы полагаемъ, что хитрые Нѣмцы оказали въ этомъ случаѣ медвѣжью услугу своимъ соотечественникамъ... Впрочемъ ихъ услужливость идетъ дальше и переходитъ въ положительную угрозу... Мы разскажемъ о ней въ слѣдующемъ №.

Угрозы нѣмецкихъ журналовъ по поводу отмѣны нѣкоторыхъ привилегій Остзейскаго края.

«Москва», *14-го сентября 1867 г.*

«Die zu allen Zeiten bewiesene unerschütterliche Loyalität der deutschen Bevölkerung der Ostsee-Provinzen—доказанная во всѣ времена неколебимая вѣрность (присягѣ) нѣмецкаго населенія остзейскихъ провинцій,» — такъ выражается адвокатъ нѣмецкаго языка въ своей корреспонденціи, помѣщенной въ прусской газетѣ «Ostsee-Zeitung», грозитъ, по словамъ того же корреспондента, тѣмъ, что если оно, вышереченное и надѣленное такими качествами населеніе «обманется въ своей надеждѣ добиться отмѣны указа (о русскомъ языкѣ), то сей указъ сдѣлается неиссякаемымъ источникомъ недовольства и внутренняго броженія въ столь вѣрныхъ доселѣ остзейскихъ провинціяхъ, и русское правительство можетъ быть убѣждено, что оно будетъ имѣть противъ себя *весь нѣмецкій народъ* въ этой борьбѣ своей противъ торжественно утвержденныхъ правъ, и потеряетъ всякое къ себѣ сочувствіе»... Вотъ какъ рекомендуетъ корреспондентъ вѣрность населенія культуртрегеровъ Россіи! Мы бы не придавали никакой важности подобной клеветѣ на благородное сословіе остзейскихъ рыцарей, также и горожанъ, еслибъ она представлялась фактомъ исключительнымъ, одиночнымъ; но, къ сожалѣнію, такія угрозы сдѣлались чѣмъ-то въ родѣ mot d'ordre, условнымъ кличемъ, одновременно подъятымъ во многихъ нѣмецкихъ газетахъ, въ формѣ писемъ изъ прибалтійскихъ губерній. Такъ берлинская газета «Bank-und Handelszeitung (Beilage, № 255) прямо говоритъ, что *всѣ корреспонденціи* оттуда изливаются въ горькихъ жалобахъ на обрусеніе края, и приводитъ изъ нихъ одну, полученную изъ Риги, которая будетъ тономъ повыше корреспонденціи газеты «Ostee-Zeitung,» и доходитъ, въ своемъ нѣмецкомъ патріотизмѣ, чуть не до политическаго предательства. Не мѣшало бы благородному рыцарству, столь справедливо хвалящемуся своею вѣрностью и честностью, сдерживать пылъ своихъ адвокатовъ и не дозволять имъ опорочивать свою добрую гражданскую славу: мы увѣрены, что прибалтійскія

нѣмецкія газеты поспѣшать отречься отъ всякой солидарности съ тѣми аппелляціями, которыя отъ имени нѣмецкаго прибалтійскаго населенія печатаются и оглашаются въ заграничной журналистикѣ,—а отрекаться есть отъ чего: пусть судятъ сами читатели:

«Судя по настроенію,—говоритъ рижскій корреспондентъ газеты «Bank-und Handelszeitung»,—которое обнаруживается въ нѣмецкомъ населеніи края по поводу покушенія, направленнаго на самую внутреннюю сторону его бытія, оно, это населеніе, твердо рѣшилось защищать свои утвержденныя грамотами права до послѣдней крайности (bis aufs Aeusserste) и не отступать ни отъ какихъ жертвъ, требуемыхъ такою защитой. Оно начнетъ этотъ бой тѣмъ охотнѣе и тѣмъ большее выкажетъ въ немъ мужество, что ему вѣдомо, что симпатіи всей Германіи, даже всего цивилизованнаго міра, на его сторонѣ, и что они (Германія и цивилизованный міръ) поддержатъ его (нѣмецкое населеніе русскихъ прибалтійскихъ губерній) не только нравственно, но и *дипломатическимъ путемъ* (im diplomatischen Wege)». Правда, вслѣдъ затѣмъ идетъ у корреспондента такая фраза, что нѣмецкое населеніе не покинетъ законнаго, «*легальнаго*» пути, и полагаетъ поэтому послать депутацію, о которой мы уже упомянули во вчерашнемъ №,—но хорошо же это понятіе о легальности, совмѣщающееся съ призывомъ чужеземнаго дипломатическаго вмѣшательства! Въ выгодномъ же свѣтѣ является эта депутація, еще не прибывшая, но уже предпославшая себѣ оскорбительныя для русской государственной и народной чести угрозы, уже заручившаяся или постаравшаяся заручиться поддержкой иностранныхъ кабинетовъ! Въ томъ ли состоитъ честность и преданность или нѣмецкая *непоколебимая* Loyalität, что она тотчасъ же оказала наклонность поколебаться отъ того только, что русское правительство выразило намѣреніе вести дѣлопроизводство въ трехъ губерніяхъ, гдѣ Нѣмцы составляютъ одну десятую часть народонаселенія, на оффиціальномъ языкѣ русскаго государства? Тѣмъ ли доказывается эта, «во всѣ времена доказанная» вѣрность государству, эта пресловутая Loyalität нѣмецкихъ подданныхъ Россіи, что они скликаютъ противъ Россіи чужеземныя силы, воздвигаютъ новый дипломатическій походъ? Напрасно ревнители нѣмецкой національ-

ности въ прибалтійскихъ губерніяхъ, въ крайнемъ ослѣпленіи гордости и эгоизма, вызываютъ еще недавнія воспоминанія, будятъ едва только успокоившееся чувство народной и государственной чести въ Россіи. Напрасно пугаютъ они «всѣмъ нѣмецкимъ народомъ» весь русскій народъ. Лучше пусть не дразнятъ они мирнаго варвара-великана: не только для 200 тысячъ нѣмецкихъ культуртрегеровъ, но и для цѣлой культуроносной Германіи не очень-то разсчетливо поднимать его на ноги. Да и говоря о себѣ, пусть поменьше толкуютъ нѣмецкіе рыцари и горожане вообще о *народѣ*. Общаго съ народомъ эти привилегированныя сословія ничего не имѣютъ, ни съ свободнымъ народомъ всѣхъ странъ, ни съ несвободнымъ народомъ прибалтійскаго края. Между пришлымъ прибалтійскимъ нѣмецкимъ населеніемъ и прибалтійскимъ, нѣкогда насильственно покореннымъ имъ, народомъ идетъ непрестанная глухая и явная борьба, въ которой, примѣняя выраженіе нѣмецкаго корреспондента, симпатіи Россіи и ея народа не на сторонѣ покорителей... Русское правительство всѣми мѣрами сдерживаетъ эти симпатіи, всѣмъ могуществомъ власти охраняетъ миръ малочисленныхъ нѣмецкихъ рыцарей, купцовъ и литератовъ, среди многочисленнаго населенія притѣсненныхъ, лишенныхъ гражданской полноправности Латышей и Эстовъ,— блюдетъ поземельную собственность нѣмецкихъ бароновъ отъ страшнаго для нихъ, во всей Россіи введеннаго, крестьянскаго надѣла, и если только отниметъ отъ нихъ свою крѣпкую руку, Европа не замедлитъ увидѣть—нѣмецкій ли это край!

Не правы ли мы, совѣтуя вѣрному и преданному нѣмецкому населенію поспѣшить отречься отъ всякой солидарности съ своими защитниками, угрожающими намъ Бисмаркомъ и единою Германіей,— отречься не на словахъ только, а на дѣлѣ? На дѣлѣ—потому что защитительные аргументы адвокатовъ слишкомъ компрометтирующаго свойства; на дѣлѣ— потому что прусскія и вообще нѣмецкія газеты выдаютъ печатаемыя ими у себя корреспонденціи вовсе не за личное мнѣніе А. или Б., а ссылаются на мнѣніе всего края. Отреченіе же *на дѣлѣ* будетъ состоять не только въ рѣшеніи не посылать депутаціи (если таковое дерзкое рѣшеніе было), но и въ совершенной покорности всѣмъ распоряженіямъ рус-

скаго правительства относительно русскаго языка и вообще правъ русской народности въ Прибалтійскомъ краѣ. Въ противномъ случаѣ, русское общество въ правѣ будетъ гг. своимъ «просвитителямъ» и не повѣрить: вниманіе его возбуждено, и если одна часть програмы, изложенной корреспондентами въ прусскихъ газетахъ, исполнится (напримѣръ, посылка депутаціи), то кто же порукой, что не будетъ попытокъ исполнить и остальную?

Мы могли бы здѣсь и покончить, но въ упомянутыхъ нами корреспонденціяхъ есть ссылка, неоднократно повторяющаяся, на подтвержденныя грамотами права и привилегіи. Мы не можемъ оставить этой ссылки безъ возраженія. Подобная ссылка может смутить невѣжественную добросовѣстность многихъ изъ Русскихъ и ввести въ заблужденіе иностранцевъ. Между тѣмъ ссылаться на эти привилегіи и искать въ нихъ опоры для своего права нѣмецкое населеніе не имѣетъ никакого основанія. Всякое преніе о юридической стоимости этихъ привилегій разрѣшается слѣдующими словами, неизмѣнно сопровождавшими всякое формальное подтвержденіе прибалтійскихъ грамотъ, начиная съ Петра I,—именно: русскіе государи, подтверждая привилегіи, всегда прибавляли при этомъ: *«елико сообразны они съ общими государства нашего установленіями и законами.»* (Грамоты Александра I, Николая, Александра II). Кажется ясно. Вотъ условіе юридической силы этихъ привилегій. Если это условіе упразднено, если привилегіи, съ теченіемъ времени, перестали быть сообразны «съ общими государства нашего установленіями и законами», то что же за ними остается, на чемъ могутъ онѣ основать свое право?

О несообразности же этихъ привилегій распространяться нечего: это несообразность рѣжущая глаза и вопіющая. Благодаря этимъ привилегіямъ, прибалтійскія провинціи, какъ мы уже однажды выразились,— настоящій музей историческихъ, средневѣковыхъ рѣдкостей соціальнаго и общественнаго устройства, тѣхъ соціальныхъ и общественныхъ неправдъ, которыя вездѣ пали съ духомъ ихъ породившимъ и сохранились пока только подъ сѣнію Россіи, какъ подъ стекляннымъ колпакомъ. Такая искусственная охрана самыхъ вопіющихъ противорѣчій всему, со всѣхъ сторонъ окружаю-

щему ихъ, строю новой жизни становится долѣе невозможною. Требуется уже не только формальность подтвержденія грамотъ для такой охраны, но насилованіе жизни, попраніе ея правъ,— требуется употребленіе всего тяжелаго снаряда власти, чтобы поддерживать такую злую для края, какъ и для государства аномалію. Когда русское правительство впервые подтвердило права и привилегіи пріобрѣтеннаго имъ Остзейскаго края, оно ни отъ кого не слыхало протеста. Но теперь, когда, черезъ полтораста лѣтъ, край, въ лицѣ большинства населенія, возстаетъ противъ этихъ привилегій меньшинства, стѣснительныхъ для его развитія, когда девять десятыхъ жителей края требуютъ отмѣны правъ и преимуществъ, уже отжившихъ свой вѣкъ, вредныхъ для благосостоянія полутора милліона людей и выгодныхъ только для одной десятой части населенія,— справедливо ли, «легально» ли поступитъ правительство, навязывая краю отвергаемое его большинствомъ устройство? Не обязано ли правительство согласоваться какъ съ желаніями населенія, такъ и съ общими интересами всего государства? Имѣетъ ли оно право отказывать полутору милліону русскихъ подданныхъ прибалтійскихъ губерній въ тѣхъ благахъ поземельнаго и гражданскаго устройства, какими пользуются прочіе подданные Россіи? Имѣетъ ли оно право эти полтора милліона русскихъ подданныхъ не-нѣмецкаго происхожденія насильственно онѣмечивать въ угоду ничтожному меньшинству, на основаніи привилегій, данныхъ полтораста лѣтъ тому назадъ, при иныхъ, уже не существующихъ, условіяхъ? Не значило ли бы это отрицать смыслъ исторіи, отвергать значеніе времени, развитія,— наконецъ простой здравый смыслъ? Итакъ право русскаго правительства измѣнять и отмѣнять привилегіи края сообразно съ общею пользою государства не подлежитъ сомнѣнію и не требуетъ никакой защиты. Но для вящаго вразумленія ревнителей нѣмецкой привилегированности, мы прибѣгнемъ къ аргументаціи иного рода: не видятъ ли развѣ они, что всѣ эти привилегіи ставятъ русское правительство въ слѣдующую дилемму:

или уничтожить поводъ къ опаснымъ для Нѣмцевъ смутамъ, безпокойствамъ, волненіямъ, удовлетворивъ требованіямъ большинства населенія и уничтоживъ остзейскія привилегіи,—

или же удержать въ силѣ нѣмецкія привилегіи и предать край въ жертву смутамъ, волненіямъ, безпорядкамъ?

Что̀ для гг. культуртрегеровъ лучше?

Въ правѣ ли прибалтійскіе Нѣмцы протестовать противъ реформъ русскаго правительства во имя принципа національности?

Москва, 23-го сентября 1867 г.

Прославленная защитница прусскихъ интересовъ, нѣмецкая газета русской Императорской Академіи Наукъ, «St. Petersburger Zeitung», та самая, которой корреспонденты, какъ извѣстно нашимъ читателямъ, отправляются на поклоненіе, словно въ Мекку, въ конюшню прусскаго короля и «съ умиленіемъ и признательностію лобызаютъ кобылу его величества, бывшую подъ нимъ въ день сраженія при Садовой» (см. 85-й № «Москвы»),—объявляетъ намъ нынѣ свое нѣмецкое неблаговоленіе. Наши послѣднія передовыя статьи о прибалтійскихъ губерніяхъ ей не понравились; она недовольна ни нашимъ русскимъ слогомъ, ни еще менѣе содержаніемъ. Въ этихъ статьяхъ, если помнятъ читатели, мы внимательно разобрали корреспонденціи изъ нашихъ прибалтійскихъ городовъ въ двухъ прусскихъ газетахъ, и особенно ту корреспонденцію изъ Риги, въ которой, рядомъ съ извѣстіемъ объ отправленіи депутаціи къ Государю Императору, не только Пруссія, не только вся Германія, но даже вся Европа призывается къ дипломатическому вмѣшательству во внутреннія дѣла Россіи, въ административныя распоряженія русскаго правительства, касающіяся Курляндской, Лифляндской и Эстляндской губерній. Зная, что подобная угроза чужестраннымъ вмѣшательствомъ со стороны русскихъ подданныхъ вызоветъ крикъ негодованія по всей Россіи и можетъ лечь позорнымъ пятномъ на все нѣмецкое населеніе Прибалтійскаго края, мы совѣтовали почтенному рыцарству, а также и почтеннымъ бюргерамъ и литератамъ, поспѣшить отречься отъ всякой солидарности съ упомянутыми корреспондентами прусскихъ газетъ, и опровергнуть, разумѣется не на словахъ только, а самымъ дѣломъ, распускаемыя за границей увѣренія о ка-

кой-то предположенной въ краѣ цѣлой программѣ противодѣйствія власти. Мы полагали, что издаваемая въ Петербургѣ нѣмецкая газета, созданная правительствомъ преимущественно для русскихъ подданныхъ нѣмецкаго происхожденія, воспользуется случаемъ, чтобы торжественно очистить ихъ отъ всякихъ навѣтовъ, — не потерпитъ, чтобы даже и тѣнь сомнѣнія пала на честность и вѣрность нѣмецкаго населенія имперіи. Г. Мейеръ, редакторъ и издатель арендуемой имъ нѣмецкой академической газеты, не воспользовался однакожь предстоявшимъ ему случаемъ. У него не нашлось ни одного слова осужденія ни возгласамъ прусскихъ газетъ о русскомъ правительствѣ, ни тѣмъ, конечно самозванными, ходатаямъ, которые отъ имени всего Прибалтійскаго края взываютъ къ чужестранцамъ о дипломатической помощи противъ распоряженій русской государственной власти. У него нашлись только слова осужденія намъ, нашему осужденію подобныхъ поступковъ; его негодованіе обрушивается не на тѣхъ, которые, по нашему мнѣнію, компроментируютъ честь нѣмецкаго населенія, а на насъ, дерзнувшихъ имѣть такое о нихъ мнѣніе и выразить его гласно. Не то раздражаетъ редактора академической газеты, что русскіе подданные нѣмецкаго происхожденія аппеллируютъ на русское правительство къ правительствамъ чужеземнымъ и переносятъ наше домашнее дѣло на судъ Европы, — но то, что мы такимъ ихъ образомъ дѣйствій осмѣливаемся быть недовольны. Онъ даже не признаетъ за нами никакого права порицать такой образъ дѣйствій, и полагаетъ, что мы впадаемъ въ логическое противорѣчіе сами съ собой, осуждая въ прибалтійскихъ губерніяхъ такія же національныя стремленія, за которыя прошлою весной чествовали «безъ конца» представителей славянской народности.

Не поможетъ г. Мейеру его ссылка на логику. Нѣтъ никакой логической связи между этими двумя совершенно несходными стремленіями: стремленіемъ славянскихъ племенъ въ славянскихъ земляхъ и стремленіемъ нѣмецкихъ пришельцевъ въ не-нѣмецкомъ краѣ. Въ нашемъ сочувствіи къ Славянамъ мы опираемся не только на наше племенное единство, на нашу родственную и духовную связь, но на высшій, общечеловѣческій принципъ національности. На этомъ

принципѣ основывается и право славянской народности. Составляя большинство всего народонаселенія Австрійской имперіи, славянскія племена, каждое порознь, составляютъ въ то же время и большинство и коренное туземное населеніе тѣхъ коронныхъ австрійскихъ областей, гдѣ каждое изъ этихъ племенъ искони обитаетъ и жило полною своею историческою жизнью: это коренное туземное населеніе, это большинство, теперь подавленное, угнетенное меньшинствомъ, вновь предъявляетъ права своей народности на свободное развитіе и самостоятельность. Нѣмецкое же населеніе Прибалтійскаго края не можетъ, въ своихъ притязаніяхъ на исключительное господство, опираться ни на принципъ національности, ни на какое-либо высшее нравственное начало, — ни на что, кромѣ насилія, кромѣ факта завоеванія. Если оно вздумаетъ, по совѣту «St. Petersburger Zeitung», сослаться на принципъ національности, то подпишетъ само себѣ и всѣмъ своимъ притязаніямъ смертный приговоръ. Мы ничего такъ не желаемъ, какъ именно примѣненія къ Прибалтійскому краю принципа національностей: въ силу этого начала, народность пришлая, народность 200,000 Нѣмцевъ, представляющихъ только 8, а съ натяжкой много-много 10% всего народонаселенія, котораго остальные 90% составляютъ Латыши и Эсты, — должна уступить народности туземнаго, кореннаго большинства. Что же касается до историческаго права на этотъ край, истекающаго изъ факта завоеванія, то этотъ источникъ права упраздняется позднѣйшимъ фактомъ завоеванія, послужившимъ основаніемъ историческому праву Россіи. Наконецъ, чтобы докончить сравненіе между стремленіями славянскихъ племенъ и нѣмецкихъ жителей въ прибалтійской части русскаго государства, напомнимъ, что славянскія требованія суть требованія свободы, одной свободы, для туземнаго славянскаго населенія: въ свободѣ условіе жизни славянской народности,—ничего другаго не ищутъ Славяне для торжества своей народности, какъ только избавленія отъ насилія чужеземцевъ... Нѣмецкія же требованія въ прибалтійскихъ губерніяхъ суть требованія неволи и рабства для всего многочисленнаго туземнаго населенія: въ порабощеніи туземныхъ племенъ заключается, въ этомъ краѣ, условіе жизни для нѣмецкой народности; только при *насиліи*, при насиль-

ственномъ онѣмеченіи (да еще съ помощью чужихъ внѣшнихъ силъ) возможно торжество нѣмецкой національности.

Напрасно сослался на логику г. редакторъ санктпетербургской нѣмецкой газеты. Впрочемъ, какъ у г. Мейера, такъ и вообще у западныхъ публицистовъ, есть двойная правда и двойная логика: одна про себя и вообще про Западную Европу, другая про Россію, про нашъ русскій обиходъ. Если, по логикѣ г. Мейера, мы, сочувствуя желанію Славянъ освободить свою народность отъ чужеземнаго гнета, обязаны, *поэтому*, сочувствовать желанію нѣмецкаго меньшинства наложить свой гнетъ на національность чужую, національность большинства въ Прибалтійскомъ краѣ,—то и его коллеги по нѣмецкой журналистикѣ не уступаютъ ему въ силѣ логическихъ умозаключеній. Такъ недоучившійся статистикѣ его собратъ, въ другой, германской газетѣ съ австрійскимъ направленіемъ, «Allgemeine Zeitung».—говоримъ «недоучившійся», потому что, по его увѣренію, нѣмецкіе жители прибалтійскихъ провинцій равняются по численности *двумъ третямъ* населенія края, на томъ вѣроятно основаніи, что 200,000 относится къ 1,700,000 туземцевъ какъ двѣ трети къ цѣлому.... и такъ, сей недоучившійся статистикѣ или даже ариѳметикѣ мужъ идетъ въ своемъ заступничествѣ за прибалтійское рыцарство даже далѣе чѣмъ самъ г. Мейеръ. Оказывается, что признаніе русскаго языка языкомъ оффиціальнымъ, вмѣсто нѣмецкаго, не есть еще самый грозный ударъ для края, гдѣ девяносто частей населенія не говорятъ по-нѣмецки. Есть ударъ еще грознѣе: это введеніе въ прибалтійскія губерніи *скораго и праваго суда*, т. е. единственной, извѣстной до сихъ поръ человѣчеству, формы судопроизводства, обезпечивающей возможное на землѣ для людей правосудіе,—другими словами: введеніе такъ-называемаго суда съ присяжными. Нужды нѣтъ, что этого суда добивались и добились всѣ образованнѣйшіе народы Европы, что его благодѣяніемъ осѣняется теперь даже и пространная Россія, что онъ составляетъ славу нашего времени и по истинѣ можетъ назваться самымъ лучшимъ стяжаніемъ европейской цивилизаціи,—нужды нѣтъ: онъ *не долженъ* быть вводимъ, этотъ порядокъ, именно въ тотъ уголокъ Европы, который такъ кичится превос-

ходствомъ своей образованности, своей цивилизаціи предъ варварскою Россіей, который, по словамъ статскаго совѣтника Беркгольца, издающаго въ Ригѣ «Baltische Monatsschrift», есть ни болѣе ни менѣе какъ «открытыя *ворота* для передачи культуры и могучихъ силъ знанія изъ Германіи въ Россію!» Господа культуртрегеры Прибалтійскаго края вопіютъ отъ ужаса при одномъ слухѣ о новомъ судѣ, о подчиненіи ихъ такому, неизбѣжному теперь, жизненному условію европейской культуры! Главное преступленіе Россіи въ томъ и состоитъ, что она предлагаетъ распространить и на своихъ подданныхъ трехъ прибалтійскихъ губерній спасительное дѣйствіе праваго суда въ той формѣ, въ которой оно существуетъ и во Франціи, и въ Германіи, и во внутреннихъ областяхъ Россіи! «Дѣло идетъ теперь,—восклицаетъ довольно безстыдно аугсбургская газета,—объ уничтоженіи старой важной привилегіи, за которую рыцарство до сихъ поръ упорно держалось и которую вырвать будетъ стоить упорнаго *боя*: эта привилегія заключается въ томъ, что балтійскій дворянинъ можетъ быть судимъ только себѣ подобными. Императоръ Николай уже пробовалъ было ее упразднить, но долженъ былъ отъ того отказаться».

Мы не знаемъ, когда Императоръ Николай пытался отмѣнить эту привилегію, и не думаемъ, чтобы балтійское рыцарство, еслибы только покойный Государь въ самомъ дѣлѣ повелѣлъ такую отмѣну, могло его заставить отказаться отъ принятаго однажды рѣшенія, но не въ этомъ дѣло. Судиться себѣ подобными составляло право и русскаго дворянства, но конечно нѣтъ ни одного, сколько-нибудь просвѣщеннаго дворянина въ Россіи, который бы не привѣтствовалъ всѣмъ сердцемъ судебной реформы, которому пришло бы въ голову отстаивать такое безобразное сословное право. Судъ долженъ быть одинъ, общій, равный для всѣхъ, невзирая ни на лица, ни на сословія,—таково единое истинное, общечеловѣческое начало суда, признанное теперь всѣми народами, причастными христіанской цивилизаціи; элементъ общественной совѣсти, вводимый въ правосудіе, можетъ быть выраженъ участіемъ въ судѣ, въ качествѣ присяжныхъ, лишь представителей *всего* общества, всѣхъ его классовъ, безъ различія сословій или происхожденія. Но прибалтійское дво-

рянство, по словамъ корреспондента, противится судебной реформѣ, и очевидно потому, что оно знаетъ за собой грѣхъ, при которомъ правый судъ оказывается неудобнымъ. Этотъ грѣхъ заключается именно въ историческихъ и экономическихъ, до сихъ поръ дѣйствительныхъ и живучихъ отношеніяхъ завоевателей Нѣмцевъ къ порабощенному туземному населенію. Какимъ же образомъ допуститъ благородное прибалтійское дворянство участіе Латышей и Эстовъ въ судѣ, въ качествѣ присяжныхъ, наравнѣ съ собою, когда вся внутренняя политика нѣмецкаго населенія къ тому направлялась и направляется, чтобы не допускать покоренный ими народъ не только до равноправности, но даже до юридическаго равенства съ дворянствомъ передъ судомъ. Да и какой же смыслъ могутъ имѣть тогда, при равноправности, тѣ привилегіи, которыми препоясано нѣмецкое населеніе, и которыми препоясанное, только и можетъ оно, ничтожное меньшинство, удерживать свое господство надъ массами чуждаго ему и непріязненнаго населенія?

Такъ вотъ каковы наши вины предъ прибалтійскими Нѣмцами и передъ всею, приглашаемою ими на судъ, Германіей. Мы—варвары, а они—просвѣтители; у насъ дикость, а у нихъ цивилизація. Но въ чемъ заключаются блага цивилизаціи, въ чемъ состоитъ ея послѣднее слово? Не въ признаніи ли права туземной національности на свободное развитіе? Не въ уничтоженіи ли средневѣковыхъ сословныхъ, цеховыхъ и иныхъ привилегій, правъ и преимуществъ, которыми стѣснялось до послѣднихъ временъ развитіе человѣчества, и которыя пали теперь во всей Европѣ? Не въ юридической ли равноправности всѣхъ гражданъ, безъ посягательства, конечно, на то свободное, естественное неравенство и разнообразіе общественнаго положенія, которое создаетъ и безпрестанно видоизмѣняетъ жизнь? Не въ болѣе ли правильномъ распредѣленіи поземельной собственности задача, мирное разрѣшеніе которой такъ желанно и такъ озабочиваетъ Европу? Не въ обезпеченіи ли благосостоянія низшихъ классовъ, въ отвращеніи страшныхъ золъ пролетаріата и пауперизма? Не въ установленіи ли повсюду лучшихъ способовъ возможнаго для человѣковъ правосудія?...

Россія, эта варварская Россія, призываетъ Прибалтійскій

край къ признанію національныхъ правъ туземнаго населенія, составляющаго большинство въ краѣ и въ теченіи шести вѣковъ протестующаго противъ насильственнаго онѣмеченія.... Цивилизованные Нѣмцы противятся.

Россія, непросвѣщенная, темная Россія, требуетъ для края свободы промысловъ, свободы торговли, свободы гражданской жизни, стѣсняемой теперь въ краѣ всяческими средневѣковыми заставами и перегородками, свободы если не въ той мѣрѣ, какъ она существуетъ въ просвѣщенной Европѣ, то хоть въ той, въ какой ею пользуются прочіе русскіе подданные.... Гордые своею культурой Нѣмцы противятся.

Россія, даровавшая недавно десяткамъ милліоновъ своихъ подданныхъ значительныя гражданскія права, уничтожившая юридическія преграды къ сліянію сословій, предлагаетъ благо юридической равноправности, даже еще не самой широкой, остальнымъ двумъ милліонамъ своихъ подданныхъ Курляндіи, Лифляндіи и Эстляндіи.... Подданные изъ Нѣмцевъ хотятъ имѣть гражданскія права только для себя, а уравнять съ Нѣмцами Латышей и Эстовъ противятся.

Россія, надѣлившая тридцать милліоновъ сельскаго населенія землею, обезпечившая ихъ относительное благосостояніе, разрѣшившая у себя соціальную задачу, тяготѣющую черною тучей надъ остальною Европой, отвратившая отъ себя злую опасность пролетаріата и пауперизма,—Россія, совершившая крестьянскую и поземельную реформу въ 60-ти своихъ губерніяхъ, остановила могучій потокъ преобразованія у самого порога трехъ прибалтійскихъ губерній — единственныхъ, оставшихся непричастными тому благу, о которомъ живъ и радуется весь русскій народъ, моля Бога за Освободителя.... Нѣмецкое рыцарство, считающее себя просвѣтителемъ и учителемъ и носителемъ цивилизаціи въ тираннической и деспотической Россіи,—нѣмецкіе либералы не только противятся, но приходятъ въ ярость при одной мысли объ обезпеченіи крестьянъ землею.

Россія несетъ Прибалтійскому краю скорый и правый судъ.... Представители Европы—Нѣмцы Прибалтійскаго края бьютъ въ набатъ и зовутъ Европу на помощь....

На чьей сторонѣ варварство, рабство и тьма, и на чьей сторонѣ преимущество свободы и свѣта?...

„St.-Petersburger Zeitung“ о прибалтійскомъ вопросѣ.

«Москва», 4-го октября 1867 г.

Нѣмецкая газета съ русскимъ двуглавымъ орломъ не убѣждается нашими доводами. Сказать по правдѣ, она вовсе и не ищетъ убѣдиться чьими бы то ни было доводами—въ справедливости, пользѣ и настоятельной необходимости предположенныхъ правительствомъ въ Прибалтійскомъ краѣ преобразованій. Съ неколебимою увѣренностью въ томъ, что занимаемая ею позиція крѣпка не силою «пользы» и справедливости», а болѣе благонадежными основаніями, и что никакими, хоть бы и самыми наиразумными аргументами, ее изъ этой позиціи не выбьютъ, — съ невозмутимымъ хладнокровіемъ противопоставляетъ «St. Petersburger Zeitung» всѣмъ нападкамъ своихъ враговъ одно и то же свое положеніе, одинъ и тотъ же Satz, не обращая вниманія на возраженія и не подкрѣпляя его никакими новыми доказательствами. При такихъ условіяхъ полемика съ нашей стороны была бы невозможна, еслибы она питалась исключительно надеждою вразумить нашихъ противниковъ, и не поддерживалась иными соображеніями, т. е. желаніемъ разъяснить дѣло русскому обществу и дать отпоръ дружному штурму на Россію нѣмецкой печати, какъ русской, такъ и заграничной. Передовымъ застрѣльщикомъ этой печати является «St. Petersburger Zeitung», и съ нимъ-то намъ и приходится имѣть дѣло чаще чѣмъ съ другими. Эта газета притомъ даритъ насъ лично особеннымъ своимъ вниманіемъ. Ее очень занимаетъ нашъ русскій слогъ; она его положительно не одобряетъ. Такъ какъ мы и сами далеки отъ мысли считать его образцовымъ, то готовы были бы и поучиться у хорошаго мастера; гдѣ бы, казалось, и научиться русскому языку и слогу какъ не въ изданіи Императорской Академіи Наукъ, вмѣстившей въ себѣ и бывшую Россійскую Академію, хранительницу и блюстительницу чистоты и правильности русской рѣчи. Но изданіе русской академіи издается на языкѣ нѣмецкомъ, а редакторъ, хотя конечно и *учитель* русскаго народа въ своемъ качествѣ Нѣмца (такъ

по крайней мѣрѣ всѣ Нѣмцы себя называютъ и сама «Petersburger Zeitung» о томъ свидѣтельствуетъ), все же пишетъ пока еще понѣмецки и упорно держитъ отъ насъ въ секретѣ свои русскія произведенія.

Какъ бы то ни было, но строгій пуристъ русскаго языка и стиля, г. Мейеръ изъ Вестфаліи, выступая снова, въ послѣднихъ №№ академической нѣмецкой газеты, на защиту нѣмецкихъ притязаній въ Прибалтійскомъ краѣ, снова же ссылается и на принципъ національности, и даже на авторитетъ одного изъ нашихъ гостей, бывшихъ на московскомъ славянскомъ съѣздѣ, г. Полита. Славянскій съѣздъ сильно врѣзался въ память г. Мейера, равно какъ и прочихъ Нѣмцевъ-публицистовъ, и они возвращаются къ нему безпрестанно: «такой ужь чувствительный предметъ!» говаривалъ Павелъ Ивановичъ Чичиковъ. «Нужно же когда-нибудь положить конецъ господству одной національности надъ другою»: этими словами г. Полита, редакторъ «St. Petersburger Zeitung» и начинаетъ и кончаетъ свое возраженіе, отвѣчая между прочимъ намъ на ту самую статью, гдѣ мы именно доказали всю несообразность сравненія между славянскими національными стремленіями и притязаніями нѣмецкаго меньшинства въ трехъ русскихъ прибалтійскихъ губерніяхъ. Да, скажемъ мы, и вмѣстѣ съ г. Политомъ и вмѣстѣ съ г. Мейромъ: надо же когда-нибудь положить конецъ господству одной національности надъ другою! Надо положить конецъ господству національности 200,000 Нѣмцевъ надъ 1,700,000 Латышей и Эстовъ! Надо положить конецъ ихъ насильственному онѣмеченію! Если г. Мейеръ такой искренній врагъ господства одной національности надъ другою, то онъ долженъ бы вполнѣ сочувствовать съ нами, когда мы возстаемъ противъ преобладанія Нѣмцевъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ. Мы потому-то и противимся германизаціи въ этомъ краѣ, что національность *девяти десятыхъ* туземнаго народонаселенія постоянно, всѣми дорывающимися до насъ воплями, вопіетъ противъ господства чуждой и непріязненной имъ національности *одной десятой*. Что же касается русской національности, то, вопервыхъ, она предъявляетъ свои права во имя государственнаго единства на всемъ просторѣ русскаго государства, въ области государ-

ственныхъ отправленій,—нисколько притомъ не врываясь въ частную жизнь и въ область личной свободы не русскаго населенія; вовторыхъ, она предъявляетъ свои права относительно *русскихъ* жителей края, нисколько не обязанныхъ признавать надъ собою, на русской государственной территоріи, господство не русской національности, особенно же той, которая и сама, какъ народность меньшинства, никакихъ правъ на господство и не имѣетъ; наконецъ русская національность, какъ государственная, въ мѣстности населенной разными, другъ другу враждебными, народностями, является такъ сказать необходимо, нейтральною, государственною почвой, на которой всѣ онѣ сходятся ихъ объединительнымъ началомъ какъ другъ съ другомъ такъ и съ цѣлою остальною Россіей.

Прибалтійскія губерніи поставлены въ такую дилемму: или допустить насильственное онѣмеченіе большинства меньшинствомъ, съ помощью и санкціею русской государственной власти; или же, съ сохраненіемъ и за большинствомъ и меньшинствомъ полной свободы своей народности въ частной и даже общественной жизни, напр. въ литературѣ, въ своихъ, на собственный счетъ содержимыхъ, школахъ и т. д. и т. д.,—въ то же время признать русскій языкъ языкомъ государственнымъ, оффиціальнымъ, языкомъ всякой власти, общимъ для всѣхъ народностей края. Само собою разумѣется, что изъ этой дилеммы возможенъ только одинъ выходъ — послѣдній. Не можетъ же Россія сама, добровольно, содѣйствовать насильственному онѣмеченію своей не-нѣмецкой окраины, онѣмеченію 1,700,000 русскихъ подданныхъ не-Нѣмцевъ, въ ущербъ и ихъ, и своимъ собственнымъ интересамъ, въ угоду, повторяемъ, одной десятой населенія края!

Русская правда въ прибалтійскихъ губерніяхъ такъ очевидна, опирается на такіе разумные принципы, что противники ея противъ этихъ принциповъ никакихъ аргументовъ и не приводятъ. Они, вмѣсто всякихъ другихъ доводовъ, ссылаются, вопервыхъ, на разныя хартіи, укрѣплявшія за нѣмецкимъ населеніемъ разныя средневѣковыя права и привилегіи; вовторыхъ, на безусловную, явную преданность нѣмецкаго населенія русской царствующей династіи. Мы уже говорили однажды, но принуждены и опять повторить, такъ

какъ наши противники не перестаютъ выставлять этотъ доводъ, что мы, нисколько не сомнѣваясь въ этой вѣрности и преданности, въ то же время не считаемъ однако же этихъ необходимыхъ качествъ всякаго вѣрноподданнаго исключительною монополіей Нѣмцевъ прибалтійскихъ губерній. Не могутъ же они, въ своей страсти къ привилегіямъ, считать и отношенія свои къ монархамъ Россіи какою-то особенною, политическою «остзейскою» привилегіей. Мы уже разъ позволили себѣ замѣтить, что русская вѣрность и преданность имѣютъ уже то преимущество, что онѣ не ставятъ себя въ цѣну, не кладутъ себя на вѣсы всякій разъ, какъ приходится исполнять требованіе закона или верховной власти, не посылаютъ депутацій съ ходатайствомъ о нанесеніи ущерба русскимъ государственнымъ и народнымъ интересамъ и не призываютъ, въ то же самое время, на помощь этимъ депутаціямъ, европейскаго иноземнаго дипломатическаго вмѣшательства. Затѣмъ, повторяемъ, мы никогда не дерзнемъ наводить хоть тѣнь сомнѣнія на вѣрноподданническую доблесть нѣмецкаго населенія: слишкомъ много у насъ Нѣмцевъ, послужившихъ Россіи вѣрой и правдой, отдавшихъ за нее душу, пролившихъ за нее свою кровь,—Нѣмцевъ, которыхъ имена стали народными именами и въ Россіи. Но мы разумѣемъ здѣсь не этихъ доблестныхъ мужей, каждаго отдѣльно, но Нѣмцевъ—какъ національную корпорацію и какъ корпораціи сословныя въ прибалтійскихъ губерніяхъ. Для этихъ послѣднихъ корпорацій преданность русской верховной власти отождествляется не столько съ преданностью русскимъ государственнымъ и народнымъ интересамъ, сколько съ преданностью своимъ, съ этими интересами несогласнымъ, привилегіямъ... Намъ могутъ замѣтить, что извѣстіе объ отправленіи депутаціи въ ноябрѣ мѣсяцѣ къ Государю Императору (см. 141-й № «Москвы») ложно, что приглашеніе Европы, черезъ прусскія газеты, къ дипломатическому походу на Россію есть дѣйствіе частныхъ лицъ, за которое остальное вѣрноподданное населеніе не отвѣчаетъ. Мы противъ этого не споримъ, хотя, къ сожалѣнію, категорическаго осужденія такого дѣйствія частныхъ лицъ не встрѣчали до сихъ поръ ни въ прибалтійскихъ газетахъ, ни въ нѣмецкой газетѣ Императорской Академіи Наукъ. Тѣмъ не менѣе депутаціи, съ

выраженіями безусловной вѣрности и преданности русскимъ монархамъ и въ то же время съ протестами и ходатайствами объ отмѣнѣ правительственныхъ распоряженій, направленныхъ къ государственной пользѣ Россіи (слѣдовательно съ доказательствами не меньшей, если не большей преданности своимъ исключительнымъ привилегіямъ и эгоистическимъ интересамъ)—имѣли мѣсто въ продолженіи всей исторіи Прибалтійскаго края подъ русскимъ владычествомъ. Припомнимъ нѣкоторыя подобныя доказательства той и другой преданности.

Екатерина II, которой благоугодно было находить неудобнымъ, съ выгодами русской державы несовмѣстнымъ и для ея чести нѣсколько унизительнымъ, что три ея прибрежныя губерніи составляютъ какой-то особый міръ, чуждый интересамъ всей остальной Россіи и къ русской народности недружелюбный,—преднамѣревалась поставить и прибалтійскія губерніи въ рядъ прочихъ русскихъ губерній. Въ 1786 г. она повелѣла ввести во всѣ города Рижской и Ревельской губерній общее Городовое Положеніе 1785 г., принятое безпрекословно во всѣхъ городахъ имперіи. Рига и Ревель существовали тогда съ средневѣковыми, узкими, сословными привилегіями: новое же Городовое Положеніе уравнивало права гражданъ, уничтожало шлагбаумы, стѣснявшіе свободу торговли и промысла, и дававшіе полный просторъ монополіи и своеволію. Бюргеры, — признавшіе русскую власть не задолго передъ тѣмъ (въ 1710 г.) подъ условіемъ сохранить свои права, насколько они не противорѣчатъ общимъ законамъ государства, — послали депутацію къ императрицѣ съ особымъ меморіаломъ. Всеподданнѣйше благодаря государыню «*за дарованіе Ригѣ тѣхъ самыхъ правъ и милостей, которыя ея величество соизволила излить на прочихъ ея подданныхъ*», они просили однако не вводить къ нимъ Городоваго Положенія, отдѣляя себя такимъ образомъ отъ прочихъ русскихъ подданныхъ. На это притязаніе императрица отвѣчала повелѣніемъ: «немедленно ввести въ Ригѣ Городовое Положеніе, безъ самомалѣйшаго изъятія»...

Положеніе хотя и было введено, но не надолго; при императорѣ Павлѣ его отмѣнили снова.

Тѣ же вѣрноподданическія чувства, которыя заявлены были Ригою при восшествіи на престолъ императора Александра

I-го, побудили, вѣроятно, этотъ городъ и въ 1805 году — отправить новую депутацію въ Петербургъ, со старымъ ходатайствомъ о сохраненіи разныхъ, отжившихъ свой вѣкъ нѣмецкихъ городскихъ порядковъ. Несмотря однакожъ на всѣ заявленія преданности — не привилегіямъ только, но и монарху,—депутація, возвратясь въ Ригу, вынуждена была (какъ мы уже упоминали однажды) выслушать публичное замѣчаніе генералъ-губернатора за то, что возила съ собою въ Петербургъ значительныя суммы денегъ, имѣвшія неблаговидное назначеніе!... *)

Пропускаемъ всѣ не столь крупные, одиночные факты; не станемъ долго останавливаться и на томъ, напримѣръ, что 19-го октября 1833 г., Государственный Совѣтъ вынужденъ былъ напомнить «преданной» Ригѣ, не желавшей подчиниться общему закону о порядкѣ денежной отчетности, что «въ ея привилегіяхъ не отыскивается ни одного постановленія, освобождающаго рижское управленіе отъ ревизіи правительства...» Не остановимся даже и на томъ, что высочайше утвержденное 19 мая 1841 г. мнѣніе Государственнаго Совѣта о порядкѣ пріема лицъ въ городскія братства, въ томъ же году, отважно отмѣнено приговоромъ рижской *скамьи старшинъ*. Подобныхъ фактовъ—легіонъ: перейдемъ прямо къ 1845 г., къ эпохѣ составленія «Свода мѣстныхъ остзейскихъ законовъ.» Напомнимъ прежде всего, что наше правительство уже съ 1728 г. заботилось о составленіи этого свода; съ беспримѣрнымъ терпѣніемъ и снисходительностію, оно призывало неоднократно представителей мѣстнаго дворянства и купечества къ участію въ этой работѣ и, наконецъ, въ 1839 г. обезпечило себя ихъ письменнымъ удостовѣреніемъ, что «проектъ Свода совершенно сходенъ съ дѣйствующими въ краѣ узаконеніями». Но вотъ Сводъ изданъ, утвержденъ высочайшею властью и долженъ воспріять свою силу—въ знаменитомъ своею вѣрностью, преданностью и Loyalität краѣ...

Всѣ эти похвальныя гражданскія свойства нѣмецкаго населенія сказались въ томъ, что всѣ присутственныя мѣста прибалтійскихъ губерній, составленныя тогда, какъ и теперь,

---

*) См. «Рижскія Письма» стр. 9-я.

исключительно изъ лицъ нѣмецкаго происхожденія, единодушно воспротивились верховной волѣ, *не признали Свода*, отвергли его силу и значеніе, какъ обязательнаго закона, и видѣли въ немъ только сборникъ дѣйствующихъ уставовъ, не измѣняющій существовавшаго устройства. Противодѣствіе закону, утвержденному высочайшею властію, было такъ сильно, что въ декабрѣ 1847 г. комитетъ гг. министровъ, «имѣя въ виду примѣры неисполненія мѣстными присутствіями и должностными лицами постановленій Остзейскаго Свода, *подъ тѣмъ предлогомъ*, что Сводъ сей, составляя лишь собраніе дѣйствующихъ уставовъ, не измѣняетъ силы и обязанности существующаго устройства,—призналъ необходимымъ *принять мѣры къ обузданію въ семъ отношеніи присутственныхъ мѣстъ и лицъ*».

Припомнимъ же теперь пятидесятилѣтнее усиліе правительства ввести въ употребленіе въ краѣ русскій языкъ. Обо что̀ разбивались они? Не о «вѣрноподданническую» же преданность и не о преданность интересамъ государства!... Не она же довела до того, что комитетъ гг. министровъ, 1 іюня этого года вынужденъ былъ выразиться, что одно изъ высочайшихъ повелѣній въ теченіи семи лѣтъ остается *мертвою буквою*, и долженъ былъ призвать всѣхъ гг. министровъ *къ совокупному, усиленному дѣйствію*, для приведенія въ исполненіе высочайшей воли....

Иностранная печать сулитъ намъ теперь новую нѣмецкую депутацію....

Объ угнетеніи Нѣмцевъ въ Россіи!?

«Москва», 21-го октября 1867 г.

Въ вѣнскихъ газетахъ напечатана слѣдующая телеграмма изъ Петербурга, отъ 8 (20) октября:

«Нѣмецкимъ газетамъ, издаваемымъ въ Остзейскихъ губерніяхъ, запрещено вести *національную борьбу* **противъ газетъ старорусской партіи»**.

Вотъ оно—прямое послѣдствіе того распоряженія, о которомъ съ такою смиренною покорностью возвѣстила намъ нѣмецкая «Рижская Газета», и по поводу котораго другая

нѣмецкая газета, изданіе императорской Академіи Наукъ, приглашаетъ «противниковъ балтійской печати прекратить борьбу съ *беззащитнымъ* врагомъ». Оглашенное теперь услужливымъ телеграфомъ по всей Европѣ; подхваченное всею непріязненною намъ иностранною журналистикой; расписываемое и толкуемое ею теперь на тысячу ладовъ,—это распоряженіе пришлось такъ кстати, такъ на руку всѣмъ сторонникамъ и участникамъ нѣмецкой «національной борьбы», что мы готовы счесть его выдумкой балтійскихъ газетъ. Мы тѣмъ съ бо̀льшимъ правомъ позволяемъ себѣ это предположеніе, что *самый текстъ* «запрещенія», опубликованнаго «Рижскою Газетой» на весь міръ, ею однако же не напечатанъ: можетъ-быть онъ гласитъ нѣчто иное, или же неправильно ею понятъ? Но такъ какъ, съ другой стороны, извѣстіе объ этой мѣрѣ не было еще опровергнуто, то наши недруги не имѣютъ ни малѣйшей побудительной причины колебать достовѣрность распоряженія, изъ котораго они могутъ извлечь для себя только выгоды, и котораго всѣ невыгоды падаютъ единственно на русскіе интересы.

Въ самомъ дѣлѣ, не дается ли этимъ распоряженіемъ, враждебной Россіи партіи, основательный повидимому поводъ выставить русское правительство предъ всѣмъ просвѣщеннымъ міромъ какъ правительство не только не терпящее свободы слова, но спеціально притѣсняющее нѣмецкую балтійскую печать, слѣдовательно нѣмецкую культуру, нѣмецкіе національные интересы? Не дается ли ей поводъ кричать и вопіять о «новомъ насиліи», со стороны русской власти, ея иноплеменнымъ подданнымъ и производить ту же агитацію въ Европѣ въ пользу нѣмецкаго меньшинства въ Прибалтійскомъ краѣ, какая производилась въ пользу польскаго меньшинства въ Западномъ краѣ Россіи? Не дается ли этимъ распоряженіемъ, той же партіи, поводъ выставить нѣмецкія прибалтійскія газеты и вообще борцовъ нѣмецкой народности—гонимыми, обиженными, «беззащитными», несущими «двойное иго варварства и тиранніи», и возбуждать къ нимъ сочувствіе въ общественномъ мнѣніи Европы, съ тѣмъ, чтобы смутить русское общество и правительство въ ихъ болѣе чѣмъ умѣренныхъ требованіяхъ относительно прибалтійскихъ губерній? Однимъ словомъ—это распоряженіе, въ

которомъ можно видѣть скорѣе благорасположеніе, чѣмъ нерасположеніе со стороны русской власти къ нѣмецкому населенію Россіи,—наши ловкіе противники сумѣли эксплуатировать въ свою пользу такъ, что она же, русская власть, является въ глазахъ Европы—притѣснительницей своихъ нѣмецкихъ подданныхъ,—а это-то именно въ настоящее время имъ и требуется доказать!

Дѣствительно, благодаря этому распоряженію, текстъ котораго намъ, впрочемъ, неизвѣстенъ и о которомъ мы положительно узнали лишь отъ самой «Рижской Газеты»,—нѣмецкая балтійская печать и вся, за одно съ нею дѣйствующая мѣстная нѣмецкая партія создали теперь для себя новую, несравненно выгоднѣйшую противъ прежняго, стратегическую позицію. Вопервыхъ она, эта партія, становится въ положеніе «лежачаго», котораго не бьютъ, котораго бить даже безчестно,—и русскимъ газетамъ предоставляется поэтому или отказаться отъ борьбы съ нею, при такомъ якобы неравенствѣ оружія, или же бить лежачаго! «St.-Petersburger Zeitung» уже поспѣшила укрѣпить за балтійской журналистикой всю выгодность такого положенія, призывая насъ къ рыцарскому, по долгу чести, смиренію предъ «беззащитнымъ», распростертымъ будто бы во прахѣ врагомъ. Такимъ образомъ предполагается достигнуть главнаго: заставить умолкнуть русскія газеты и, освободясь отъ ихъ обличеній, продолжать у себя, негласно и втихомолку, свою домашнюю работу въ ущербъ русскимъ народнымъ и государственнымъ пользамъ, въ видахъ окончательной германизаціи не нѣмецкихъ подданныхъ русскаго государства. Вовторыхъ — оставаясь лежачей, не подвергаясь никакому отъ правительства взысканію, обязывая своимъ покорнымъ безмолвіемъ къ безмолвію и своихъ противниковъ, продолжаетъ ожесточенный бой противъ Россіи—на полѣ иностранной печати. Въ самомъ дѣлѣ извѣстная нѣмецкая партія въ прибалтійскихъ губерніяхъ даже нисколько и не нуждается въ помощи мѣстной печати: она имѣетъ у себя подъ бокомъ заграничную журналистику, вполнѣ гостепріимную для сплетенъ, лжи и клеветъ на Русь и ея правительство. Напротивъ, въ разсчетахъ этой партіи было бы даже вызвать совершенный запретъ отъ русской власти на мѣстную литературу съ тѣмъ

чтобъ, заставивъ умолкнуть русскую журналистику,—самой, ничѣмъ не рискуя и разыгрывая въ Россіи и въ Европѣ роль угнетенной невинности, въ то же время ворочать противъ насъ могущественный рычагъ европейскаго общественнаго мнѣнія и поручить защиту своихъ интересовъ прусскимъ, австрійскимъ, польскимъ и даже французскимъ перьямъ. Прежде, когда «Rigasche Zeitung» не молчала, все неудобосказуемое въ предѣлахъ Россіи излагалось, въ видѣ корреспонденцій «изъ Остзейскихъ провинцій», въ какой-нибудь «Ostsee Zeitung, Handelszeitung» и другихъ прусскихъ газетахъ: эти корреспонденціи, какъ уже извѣстно читателямъ «Москвы», приглашали Пруссію и Европу къ дипломатическому вмѣшательству въ дѣла Россіи. Эти корреспонденціи не сокрылись отъ вниманія русской періодической печати, и потому такой способъ огласки, какъ неудобный, былъ оставленъ. Теперь форма «корреспонденцій» уже не нужна. Теперь, благодаря огласкѣ, приданной послѣднему распоряженію и его истолкованію въ «Рижской Газетѣ», иностранная журналистика готова признать «нѣмецкое дѣло» въ нашихъ губерніяхъ—своимъ и ратовать за него отъ *своего* имени. «Rigasche Zeitung» молчитъ, но не молчатъ за нее «Allgemeine Zeitung», «Neue Presse», «National Zeitung».—«Rigasche Zeitung» не подаетъ и голоса, но голосятъ за нее и католическій «Monde», и атеистическій «Opinion Nationale», и даже, съ претензіею на солидность, уже не газета, а Журналъ «Revue des Deux Mondes»... Не разглашаетъ ли «Wanderer», что русская грубая политика всеуравненія (brutale Nivellirungspolitik) дѣйствуетъ *терроризмомъ* и съ помощью терроризма хочетъ поступить съ Нѣмцами такъ же, какъ поступила съ Поляками? Не оплакиваетъ ли «Kölnische Zeitung»—жестокую участь (das harte Loos) своихъ единоплеменниковъ?... Не называетъ ли берлинская «Bank und Handelszeitung» даже простое учрежденіе русской гимназіи въ Ригѣ и признаніе государственнаго языка имперіи обязательнымъ предметомъ обученія въ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ—такою мѣрой, которою Россія «попираетъ ногами священнѣйшія права человѣчества (die heiligsten Menschenrechte mit Füssen tritt)»??!

Этого мало. Не вызвала ли наконецъ эта непрестанная аппелляція на Россію нѣмецкихъ прибалтійскихъ фанатиковъ къ германскому національному чувству—публичный возгласъ даже въ залѣ Сѣверогерманскаго Сейма со стороны нѣкоего господина Либкнехта, саксонскаго депутата? Чего вы смотрите, говоритъ онъ, обращаясь къ канцлеру и прусскому министру-президенту, — чего вы смотрите, «когда у васъ подъ носомъ (sic) обращаютъ нѣмецкія (?!) области въ русскія?» Но и этого мало: въ газетѣ «Wanderer» напечатанъ цѣлый разсказъ «объ обмѣнѣ нотъ» между прусскимъ и русскимъ кабинетами по поводу «нѣмецкихъ Остзейскихъ провинцій». Разумѣется въ этомъ разсказѣ нѣтъ ни слова правды, но самое то, что такіе разсказы сочиняются, есть такой признакъ настроенія умовъ въ германскомъ обществѣ, который нельзя не принять къ свѣдѣнію. Мы сочли не лишнимъ помѣстить ниже этотъ разсказъ: при всей своей лживости, онъ вѣрно отражаетъ то впечатлѣніе, которое произвела въ Европѣ дипломатическая кампанія Россіи по поводу послѣдняго польскаго мятежа. Подъ господствомъ этого впечатлѣнія, сочинитель разсказа удѣляетъ на долю князя Горчакова снова блистательную роль и приписываетъ ему отвѣтъ, хотя и небывалый, но достойный его дипломатической дѣятельности 1864 года.

Тема всѣхъ статей, кличъ всей враждебной намъ иностранной журналистики, это—«угнетеніе Нѣмцевъ въ Россіи!»—Угнетеніе Нѣмцевъ въ Россіи! Премію заслужилъ бы тотъ, кто открылъ бы такой диковинный, невиданный и неслыханный феноменъ на русской почвѣ! Дорого дали бы мы, чтобъ только взглянуть, любопытства ради, какъ это Русскіе угнетаютъ Нѣмцевъ? какъ Русскому достается отъ Нѣмцевъ—это можно видѣть и слышать даромъ, хоть сейчасъ же въ трехъ прибалтійскихъ губерніяхъ, гдѣ, напримѣръ, не позволяется Русскому въ Россіи искать защиты своихъ правъ на его родномъ и государственномъ русскомъ языкѣ и гдѣ землевладѣлецъ изъ Русскихъ не имѣетъ правъ—равныхъ съ землевладѣльцами не-русскаго происхожденія. Угнетеніе Нѣмцевъ—въ странѣ, гдѣ не только открыто, но едвали не ими же на половину и занято поприще государственной службы на всемъ пространствѣ государства, отъ низшей до самой

высшей сферы управленія, — во всѣхъ чинахъ, должностяхъ и званіяхъ, въ странѣ, гдѣ русское правительство на русскія деньги содержитъ разсадники нѣмецкой культуры, нѣмецкаго просвѣщенія и даже нѣмецкихъ національныхъ стремленій, — отъ уѣзднаго училища до университета! Угнетеніе Нѣмцевъ—тамъ, гдѣ только одного нѣмецкаго населенія прибалтійскихъ губерній не коснулись преобразованія, введенныя благою Волею во всѣ остальныя русскія губерніи; гдѣ только одни землевладѣльцы Прибалтійскаго края не понесли тѣхъ лишеній, которымъ такъ охотно подчинилось все остальное дворянство Имперіи для улучшенія крестьянскаго быта... Угнетеніе Нѣмцевъ въ странѣ, гдѣ по истинѣ, и что долженъ признать каждый хоть сколько-нибудь добросовѣстный Нѣмецъ, не только Нѣмцамъ, но и всѣмъ иностранцамъ полный просторъ, приволье, безопасность, огражденіе правъ, внимательность отъ правительства, снисхожденіе, терпимость и привѣтливость даже отъ самыхъ необразованныхъ классовъ народа!

Не въ томъ ли угнетеніе, что русская власть предъявила притязаніе говорить отъ своего имени въ Россіи по-русски? Что государственнымъ языкомъ въ Россіи признается наконецъ русскій языкъ? Что отъ русскихъ подданныхъ, желающихъ пользоваться выгодами русской государственной службы, требуется знаніе русскаго языка, равно какъ и изученіе этого языка въ общественныхъ учебныхъ заведеніяхъ, содержимыхъ на русскія государственныя деньги? Не въ томъ ли угнетеніе, что русское правительство, обязанное справедливостью ко всѣмъ своимъ подданнымъ безъ различія, вняло наконецъ мольбамъ 1,700,000 своихъ подданныхъ не-Нѣмцевъ въ трехъ губерніяхъ русскаго государства, и рѣшилось не подвергать ихъ насильственному онѣмеченію со стороны 130,000 нѣмецкихъ колонистовъ въ этихъ губерніяхъ?

Кто посмѣетъ утверждать, что нѣмецкой національности этой колоніи въ Прибалтійскомъ краѣ не предоставлено полной свободы? что въ настоящее время поднятъ только вопросъ— о соглашеніи этой свободы съ требованіями государственнаго единства и съ таковыми же правами народности огромнаго большинства кореннаго туземнаго населенія, равно и самой русской народности, въ лицѣ ея представителей въ краѣ?..

Не наша вина, если въ русской печати является подчасъ

жесткое слово правды и обличенія нашей прибалтійской нѣмецкой колоніи. Виною тѣ члены колоніи, которые самымъ умѣреннымъ требованіямъ русскаго правительства возразили не только прямымъ протестомъ, но грубыми выходками, бранью, ругательствами на Россію и русскій народъ и даже угрозами европейскаго вмѣшательства; тѣ члены, которые не перестаютъ агитировать европейское общественное мнѣніе противъ Россіи, стараются создать, на подобіе польскаго, небывалый «остзейскій вопросъ» и уже успѣли нашъ домашній споръ перенести въ среду Сѣверогерманскаго Сейма. При такомъ положеніи дѣлъ—можетъ ли молчать русская печать? Смѣетъ ли молчать русская печать, была ли бы она, наконецъ, достойна названія русской, еслибъ не вступилась за оскорбленную честь русскаго народа и государства? Или же выходки противъ Россіи иностранной журналистики должны быть оставлены безъ отвѣта журналистикой русской, а неприязненному натиску на насъ общественнаго мнѣнія Европы, русское общественное мнѣніе не должно, не смѣетъ давать отпора?...

Дѣло зашло далеко. Мы истинно о томъ сожалѣемъ. Но оно еще поправимо, если успѣютъ образумиться вовремя неистовые фанатики германскаго единства въ средѣ нѣмецкаго прибалтійскаго населенія: надо же думать, что есть въ этомъ населеніи и здоровые элементы.

По поводу статьи „Сѣверной Почты“ объ отношеніи русской печати къ прибалтійскому вопросу.

«Москва», 14-го ноября 1867 г.

Наконецъ оффиціальный органъ министерства внутреннихъ дѣлъ, доселѣ воздерживавшійся отъ всякаго участія въ полемикѣ по дѣламъ Прибалтійскаго края, выступилъ на арену спора и положилъ на вѣсы свое полновѣсное оффиціальное слово. Мы дорожимъ всякимъ разъясненіемъ правительственной мысли и потому придаемъ особенную важность статьѣ «Сѣверной Почты» (которую и перепечатываемъ ниже). Правда, статья помѣщена въ отдѣлѣ неоффиці-

альномъ, но тѣмъ не менѣе и по формѣ, и по тону, и по содержанію—ея характеръ вполнѣ оффиціальный; она говоритъ отъ имени правительства, и авторъ ея ублажаетъ и угрожаетъ какъ власть имущій. Мы давно ожидали появленія подобной статьи. Она была нужна—въ виду тѣхъ клеветъ, которыя, какъ изъ рога изобилія, сыпались на Россію и русское правительство, изъ газетнаго скарба германской прессы, въ формѣ корреспонденцій изъ Риги, изъ Митавы, изъ «deutschen Ostsee-Provinzen», или въ формѣ руководящихъ и особыхъ статей. Какъ ни друженъ былъ отпоръ русской журналистики такому, не то что походу, но натыску заграничной печати, безбоязненно посягавшей на русскую народную и государственную честь и нагло возвѣщавшей, что она является на смѣну умолкшихъ прибалтійскихъ газетъ,—этотъ отпоръ нашей журналистики не могъ оказывать надлежащаго своего дѣйствія, именно при молчаніи ея оффиціальныхъ органовъ. Германскія періодическія изданія, пользуясь этимъ молчаніемъ, наперерывъ старались доказать, что русскія газеты находятся въ противорѣчіи съ правительственнымъ воззрѣніемъ на дѣло, а русскія газеты, съ своей стороны, были дѣйствительно поставлены въ неловкое положеніе распоряженіемъ цензурнаго вѣдомства относительно прибалтійской печати,—распоряженіемъ, которое такъ искусно умѣла эксплуатировать, къ своей выгодѣ, германская пресса.

Нѣтъ сомнѣнія, что и теперь статья «Сѣверной Почты» подвергается за границей, да даже и у насъ дома, всевозможнымъ превратнымъ истолкованіямъ,—именно какъ статья направленная будто бы противъ русской печати. Не знаемъ, что, по своему обыкновенію, будутъ читать наши противники между строкъ, но, читая самыя строки, мы убѣждаемся только въ томъ, что статья оффиціальнаго органа министерства внутреннихъ дѣлъ является какъ бы въ подтвержденіе и оправданіе мыслей и положеній, высказанныхъ русскою печатью. По крайней мѣрѣ «Москва» да, кажется, и «Московскія Вѣдомости» постоянно старались освободить «прибалтійскій вопросъ» отъ той посторонней и зловредной примѣси, которую привносили въ него нѣкоторые неумѣренные ревнители германской національности, да и самый вопросъ

низвести съ пьедестала не только вопроса европейскаго, на который пытались его поставить корреспонденты изъ прибалтійскихъ губерній въ германскихъ газетахъ, но и вообще «вопроса». Мы съ своей стороны даже никогда и не жаловали въ чинъ «вопроса» то несомнѣнное право, на которомъ основывались послѣднія мудрыя правительственныя распоряженія относительно этого края, и тѣ немудреные способы примѣненій къ дѣлу этихъ распоряженій,—способы, для успѣха которыхъ достаточно было простой покорности и повиновенія со стороны вѣрнаго и преданнаго населенія. Совершенно основательно говоритъ «Сѣверная Почта», что «неправильная постановка вопросовъ затемняетъ ихъ истинное значеніе». Мы постоянно ратовали противъ такой неправильной постановки вопросовъ прибалтійскою и германскою прессой, которая, къ сожалѣнію, съ упорной неправильностью представляетъ Прибалтійскій край вполнѣ принадлежащимъ германской національности и упускаетъ изъ виду 1,700,000 кореннаго, туземнаго, не германскаго племени на 130,000 жителей нѣмецкаго происхожденія: понятно, что, внѣ этихъ существенныхъ данныхъ, постановка вопросовъ и не можетъ быть иною какъ «неправильною», употребляя выраженіе «Сѣверной Почты». «Невѣрная оцѣнка,—продолжаетъ далѣе газета министерства внутреннихъ дѣлъ,—правительственныхъ распоряженій измѣняетъ ихъ смыслъ и возбуждаетъ недоразумѣнія насчетъ его дальнѣйшихъ видовъ». Эти слова служатъ прямымъ и строгимъ обличеніемъ той невѣрной оцѣнки, какую нашло себѣ въ заграничной печати и въ ея корреспонденціяхъ изъ прибалтійскихъ губерній высочайше утвержденное положеніе комитета министровъ 1 іюня. Въ самомъ дѣлѣ, не читаемъ ли мы въ «Allgemeine Zeitung» (см. № 163 «Москвы»), что это положеніе 1 іюня «есть такое *насиліе*, такое нарушеніе правъ, предъ которымъ остановился даже, ни предъ чѣмъ не останавливавшійся, покойный императоръ Николай»? Не утверждаетъ ли эта газета, что самая русская рѣчь русскаго Государя въ Ригѣ равнозначительна «уничтоженію нѣмецкаго языка, какъ гарантированнаго права»? Не обзываетъ ли прибалтійскій корреспондентъ «Bromberger Zeitung» учрежденіе русской гимназіи и введеніе русскаго языка, какъ обя-

зательнаго въ казенныхъ заведеніяхъ, такою мѣрой, которая (см. № 159 «Москвы») die heiligsten Menschenrechte mit Füssen tritt (попираетъ ногами священнѣйшія права человѣчества)? Именно такого рода «невѣрная оцѣнка»,—исчисляемъ строгія обличительныя выраженія «Сѣверной Почты»,—«возбужденіе неосновательныхъ подозрѣній», «ошибочныя опасенія насчетъ цѣлаго ряда принудительныхъ мѣръ, будто бы предназначенныхъ къ окончательному устраненію всѣхъ мѣстныхъ особенностей»,—именно все это и вызвало, наконецъ, дружный отпоръ со стороны нѣкоторыхъ органовъ русской печати. Оффиціальная газета министерства внутреннихъ дѣлъ такъ вѣрно и мѣтко охарактеризовала всю ту агитацію, которая производилась иностранною журналистикой, съ помощью цѣлой фаланги корреспондентовъ, принадлежащихъ, вѣроятно, къ какой-нибудь партіи ультрагерманскихъ націоналовъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ, что уже по одному этому мы должны признать статью «Сѣверной Почты» направленною почти исключительно противъ нерусской печати. Ничего подобнаго не встрѣчали мы въ русскихъ газетахъ. По крайней мѣрѣ «Москва» съ своей стороны не только никогда не домогалась окончательнаго устраненія, какъ выражается «Сѣверная Почта», «*всѣхъ* мѣстныхъ особенностей края», свойства историческаго, этнографическаго и вѣроисповѣднаго, «въ составѣ его населенія»,—но напротивъ всегда признавала, вмѣстѣ съ органомъ министерства внутреннихъ дѣлъ, законность этихъ мѣстныхъ особенностей, какъ скоро онѣ не нарушаютъ государственнаго единства и не вредны государственнымъ интересамъ. Именно на этомъ основаніи и отстаивала «Москва», между прочимъ, право этихъ «мѣстныхъ особенностей» за Латышами и Эстами—противъ покушенія стереть эти «особенности» насильственною германизаціей. Надѣемся, что «Сѣверная Почта» отдастъ намъ, въ этомъ отношеніи, полную справедливость. Никогда также «Москва» не стремилась (выписываемъ подлинныя слова правительственной газеты о тѣхъ опасеніяхъ, которыя распространились въ Прибалтійскомъ краѣ), — *никогда*, повторяемъ, «Москва» не стремилась къ «стѣсненію «гарантированной закономъ свободы протестантскаго вѣроисповѣданія», и только выражала желаніе, чтобы точно так-

же не подвергалась стѣсненію гарантированная закономъ свобода вѣроисповѣданія православнаго. Никогда также «Москва» не проповѣдывала «удаленія нѣмецкаго языка даже изъ тѣхъ предѣловъ, въ которыхъ онъ соотвѣтствуетъ нуждамъ и законнымъ правамъ мѣстнаго населенія и не нарушаетъ общихъ условій государственнаго единства». Выраженное здѣсь «Сѣверною Почтой» признаніе, за нѣмецкою частью населенія, права на національный ея языкъ въ извѣстныхъ предѣлахъ, имѣетъ въ своемъ основаніи такое либеральное и гуманное начало, съ которымъ мы не только сочувствуемъ, но котораго постоянно держались во всѣхъ статьяхъ по дѣламъ Прибалтійскаго края. Точка зрѣнія «Сѣверной Почты» открываетъ широкіе горизонты во всѣ стороны. Становясь на эту точку, постановленную оффиціальнымъ органомъ министерства внутреннихъ дѣлъ, мы не можемъ, съ одной стороны, не признать правъ нѣмецкаго языка, съ другой стороны точно также не признать и правъ не только латышскаго и эстскаго населенія на ихъ мѣстныя нарѣчія, но *даже* и русскаго населенія на употребленіе *русскаго* языка. Руководствуясь тою же точкой зрѣнія, мы постоянно противились, выражаясь словами «Сѣверной Почты», *удаленію* этихъ нарѣчій и русскаго языка «изъ тѣхъ предѣловъ, въ которыхъ они соотвѣтствуютъ нуждамъ и законнымъ правамъ мѣстныхъ населеній и не нарушаютъ условій государственнаго единства». Въ силу именно того начала, которое такъ высоко вознесено «Сѣверною Почтой», отстаивали мы права семи осьмыхъ всего населенія въ Нарвѣ, чисто-русскихъ по происхожденію, не понимающихъ по-нѣмецки ни слова, но приневоленныхъ судиться на языкѣ одной осьмой населенія, т. е. по-нѣмецки. Безъ сомнѣнія, не «Сѣверная Почта», такъ вѣрно установившая точку зрѣнія на вопросъ о правахъ языка, станетъ отрицать, что нуждамъ русскаго населенія въ Нарвѣ соотвѣтствуетъ языкъ русскій, и что признаніе за русскимъ языкомъ его правъ въ Нарвѣ не нарушаетъ условій русскаго государственнаго единства.

Повторяемъ, намъ было особенно пріятно встрѣтить въ «Сѣверной Почтѣ» мысль, которую мы такъ часто и на разные лады развивали въ нашей газетѣ. «Правительство,—говоритъ оффиціальный органъ,—не стремится къ принудитель-

ному сглаживанію всѣхъ оттѣнковъ и не имѣетъ въ виду безразличнаго уничтоженія всѣхъ особенностей края»; требуя отъ прибалтійскихъ губерній безусловнаго подчиненія началамъ государственнаго единства, оно принимаетъ въ соображеніе эти особенности и оттѣнки и пр. Мы всегда утверждали, что единство не значитъ единообразіе, и разнообразіе жизни не исключаетъ государственнаго единства. Въ 144 № «Москвы» мы именно говорили, что, въ силу послѣднихъ распоряженій правительства, прибалтійскимъ губерніямъ предстоитъ «признать русскій языкъ языкомъ государственнымъ, общимъ для всѣхъ народностей края, *при сохраненіи и за большинствомъ и за меньшинствомъ полной свободы своей народности* въ частной и даже общественной жизни, напр. въ литературѣ, въ своихъ, на собственный счетъ содержимыхъ, школахъ и т. д. и т. д.» Кажется, ясно и опредѣлительно. Въ то же время мы энергически возставали противъ притязанія одной части населенія, и именно нѣмецкой, *принудительными мѣрами* сгладить всѣ оттѣнки и особенности остальныхъ частей населенія и подвести ихъ подъ одинъ общій уровень германской національности. Органъ министерства внутреннихъ дѣлъ не можетъ, не впадая въ противорѣчіе съ самимъ собою, осудить нашъ отпоръ подобнымъ стремленіямъ. Начала, высказанныя имъ въ статьѣ, обязываютъ его, напротивъ, присоединиться къ нашему мнѣнію.

Въ этомъ же смыслѣ говорила, впрочемъ, и вся русская журналистика. Никогда ни намъ, ни нашимъ собратамъ по журналистикѣ, да и никому изъ Русскихъ—не приходило въ голову *русить* почтенныхъ бароновъ, бюргеровъ и литератовъ и все стотридцатитысячное нѣмецкое населеніе Прибалтійскаго края. Но не желая *русить* лицъ нѣмецкаго происхожденія, мы не можемъ сочувствовать желанію нѣкоторыхъ германофиловъ: *нѣмечить* Русскихъ, поселенныхъ въ краѣ и въ городѣ Нарвѣ, нѣмечить и милліонъ семьсотъ тысячъ не-нѣмецкаго туземнаго, кореннаго населенія. Смѣемъ думать, что такому желанію не можетъ сочувствовать и «Сѣверная Почта»; мало того, основываясь на благородномъ нерасположеніи къ принудительности и *насилію*, выраженномъ органомъ министерства внутреннихъ дѣлъ, мы несомнѣнно

увѣрены, что онъ признаетъ всю справедливость нашего литературнаго протеста противъ «насильственнаго онѣмеченія не-нѣмецкаго населенія края» (№ 136).

Намъ вполнѣ и вполнѣ сочувственно осужденіе, произнесенное «Сѣверною Почтой», раздражительности полемики и крайности взглядовъ и направленій, при этомъ обнаруженныхъ. Нельзя не согласиться съ этою вѣрною оцѣнкой полемическихъ пріемовъ и мнѣній нѣмецкихъ газетъ, какъ прибалтійскихъ, такъ и нѣмецкихъ, потому что только къ нимъ, а не къ русскимъ газетамъ, можетъ относиться упрекъ «Сѣверной Почты». Какъ же иначе какъ не крайностью взгляда можно объяснить, и чему иному какъ не раздражительности надо приписать тѣ выраженія, которыя мы привели выше изъ прибалтійскихъ корреспонденцій въ заграничныхъ газетахъ, равно какъ названіе русской правительственной политики brutale Nivellirungspolitik и т. п.? Мы могли бы привести нѣсколько десятковъ примѣровъ подобныхъ отзывовъ заграничной печати и ея прибалтійскихъ корреспондентовъ, но не желаемъ раздражать этимъ напоминаніемъ народное чувство нашихъ читателей. Скажемъ только, что не русская журналистика была зачинщицею въ этой полемикѣ; напротивъ она находилась въ положеніи оборонительномъ и не могла, не считала даже себя въ правѣ — молчать и не вступаться за оскорбленную, оклеветанную честь русскаго народа и государства. Если въ нѣкоторыхъ русскихъ газетахъ и вырывались изрѣдка, въ жару отпора разнымъ неприличнымъ выходкамъ, и рѣзкія выраженія, то они находили себѣ осужденіе и противувѣсъ въ другихъ органахъ русской печати. Мы съ своей стороны всегда признавали такое положеніе спора прискорбнымъ. «Дѣло зашло далеко,— писали мы въ 159 №,—мы истинно о томъ сожалѣемъ, но оно еще поправимо, если успѣютъ *образумиться во-время* неистовые фанатики германскаго единства въ средѣ нѣмецкаго прибалтійскаго населенія: надо же думать, что есть въ этомъ населеніи *и здоровые элементы*».

Оффиціальный органъ министерства внутреннихъ дѣлъ считаетъ необходимымъ вновь сдѣлать гласнымъ убѣжденіе правительства въ чувствахъ преданности престолу и отечеству нѣмецкаго населенія Прибалтійскаго края, столь часто запе-

чатлѣнныхъ кровью на полѣ брани и пр. Позволимъ себѣ замѣтить, что эти строки—только слабое отраженіе той же самой мысли, которая столько разъ и несравненно сильнѣе была выражена на страницахъ «Московскихъ Вѣдомостей» и «Москвы», да кажется и прочихъ русскихъ періодическихъ изданій. «Мы никогда не дерзнемъ наводить хоть *тѣнь* сомнѣнія,—писали мы въ 144 №, — на вѣрноподданническую доблесть нѣмецкаго населенія: слишкомъ много у насъ Нѣмцевъ, послужившихъ Россіи вѣрой и правдой, отдавшихъ за нее душу, проливших за нее кровь, — Нѣмцевъ, которыхъ имена стали народными именами и въ Россіи». Поэтому-то мы, оберегая ихъ честь и въ предупрежденіе неправильныхъ навѣтовъ, и приглашали ихъ отречься отъ всякой солидарности съ тою партіей фанатиковъ германской національности, которая сочла нужнымъ апеллировать на русское правительство къ германской власти, призывать ея дипломатическое вмѣшательство, агитировать общественное мнѣніе въ Европѣ, и въ дѣйствіяхъ которой намъ трудно было бы усмотрѣть доказательства особенной преданности Россіи».

Такимъ образомъ, разобравъ внимательно статью оффиціальнаго органа министерства внутреннихъ дѣлъ, мы погрѣшили бы и противъ логики и противъ фактической истины, еслибы сочли эту статью осужденіемъ тѣхъ началъ, которыхъ держалась русская печать въ полемикѣ по дѣламъ Прибалтійскаго края. Напротивъ, всѣ основныя положенія статьи, въ логическихъ своихъ выводахъ, могутъ служить только подтвержденіемъ и оправданіемъ взглядовъ нашей же журналистики, за исключеніемъ какихъ-нибудь рѣдкихъ и случайныхъ ея уклоненій во внѣшнихъ формахъ полемики, уклоненій, вызванныхъ такими же уклоненіями враждебной печати. «Сѣверная Почта» справедливо осуждаетъ «возбужденіе племенной непріязни, усиліе возстановить одинъ классъ общества противъ другаго или одну часть населенія противъ другой» и т. п., и справедливо считаетъ «послѣдствія такого направленія вредными». Мы вполнѣ раздѣляемъ мнѣніе оффиціальной газеты. Мы позволимъ себѣ только замѣтить, что такое вредное направленіе исходитъ не изъ литературы, а изъ жизни, и хотя «Сѣверная Почта» полагаетъ возможнымъ упразднить его помощью закона 6 апрѣля о печати,

однакожъ едвали оно можетъ быть устранено иначе какъ устраненіемъ самихъ тѣхъ жизненныхъ условій, которыя производятъ эти прискорбныя столкновенія непріязни племенной и сословной.

Полагаемъ, что только дополнимъ мысль «Сѣверной Почты» слѣдующимъ общимъ выводомъ:

Никакого «балтійскаго вопроса» не существуетъ. Не существуетъ ни вражды, ни ненависти въ русскомъ обществѣ къ людямъ нѣмецкаго происхожденія, ни стремленія къ нивеллировкѣ или сглаживанію *всѣхъ* живыхъ оттѣнковъ и особенностей незначительной нѣмецкой части прибалтійскаго населенія. Мысль о насильственномъ *обрусѣніи* ста тридцати тысячъ жителей нѣмецкаго происхожденія выдумана не Русскими, порождена страхомъ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ корпорацій, которыхъ стремленія дѣйствительно достойны всякого осужденія, и которыхъ мы не смѣшиваемъ съ здоровымъ, честнымъ и полезнымъ для Россіи элементомъ нѣмецкаго населенія. Но дѣло вовсе не о какихъ-нибудь 130,000 Нѣмцахъ, составляющихъ только одну десятую часть всѣхъ жителей края, а о 1,700,000 не-Нѣмцевъ, Латышей и Эстовъ, составляющихъ девять десятыхъ жителей края. Весь вопросъ, и вопросъ серьезный, котораго государственное значеніе «Сѣверная Почта» не можетъ не оцѣнить,—о *будущности* этихъ девяти десятыхъ всего населенія. Вопросъ въ томъ: стать ли этимъ 1,700,000 не-нѣмецкихъ жителей—Нѣмцами, или же Русскими, съ сохраненіемъ, въ послѣднемъ случаѣ, даже своихъ племенныхъ особенностей? Теперь они стоятъ на перепутьи; теперь, покуда, они не-Нѣмцы и Нѣмцами быть не желаютъ, а тянутъ всѣмъ сердцемъ къ Россіи. Настоящая историческая минута важна: она рѣшаетъ ихъ судьбу. Спрашивается: слѣдуетъ ли допустить теперь полную свободу германизаціи этихъ девяти десятыхъ всего населенія, или слѣдуетъ заботиться объ извѣстной степени ихъ обрусѣнія? Если допустить полную германизацію этихъ 1,700,000 жителей, то Прибалтійскій край,—теперь, по своему населенію, вовсе не нѣмецкій,—станетъ сплошнымъ нѣмецкимъ или германскимъ краемъ, а ставши таковымъ, силою исторической логики и по естественному закону національнаго взаимнаго притяженія, не можетъ онъ совре-

менемъ не стать и частью Германіи. Это просто какъ дважды два четыре и ясно какъ Божій день. Мы ставимъ вопросъ безъ всякаго раздраженія, и думаемъ, что ни «Сѣверная Почта», ни тѣ доблестные Нѣмцы, которые такъ ревностно подвизались и подвизаются на русскомъ служебномъ поприщѣ и которые такъ преданы русскому государству, не пожелаютъ этому вопросу разрѣшенія вреднаго интересамъ русскаго государства. А если не желаютъ, то этимъ самымъ не признаютъ ли они за правительствомъ обязанности стремиться къ разрѣшенію благопріятному и, слѣдовательно, въ виду именно этой цѣли — направлять и правительственную дѣятельность въ Прибалтійскомъ краѣ?...

О положеніи остзейскихъ крестьянъ.

«Москва», 21-го іюля 1868 г.

Болѣе семи лѣтъ тому назадъ, 19 февраля 1861 года, впервые пронеслось надъ Россіей благодатное слово уничтоженія крѣпостнаго состоянія; быстро облетѣло оно всю Русь и съ тѣхъ поръ, вотъ уже семь лѣтъ, ростетъ его мощь и расширяется районъ имъ охватываемый. Нынче, черезъ такое короткое время послѣ произнесенія его, нѣтъ самаго дальняго угла въ обширной Россіи, гдѣ бы не вѣяло оно: и горная Мингрелія, страна полудикая, малообразованная, приняла слово свободы, и не только безропотно, но и охотно освободила своихъ рабовъ, уничтожила всѣ слѣды рабства; и въ азіатскомъ Туркестанѣ Сарты освободили рабовъ своихъ отъ вѣковыхъ цѣпей, и непокорная Польша — видитъ теперь не «быдло», а крестьянъ свободныхъ, вполнѣ независимыхъ отъ помѣщичьей власти, полноправныхъ и безъ пролетаріата въ будущемъ. Не только покорно, но и охотно, съ любовью, съ сознаніемъ правды и святости дѣла, съ молитвой на устахъ, осѣняя себя, по слову царскому, крестнымъ знаменіемъ,—вся Русь отъ мала до велика, на всемъ своемъ обширномъ протяженіи, во всѣхъ концахъ полуночнаго царства,—приняла великое слово свободы и закрѣпила

его дѣйствительнымъ освобожденіемъ крестьянъ и надѣленіемъ ихъ землею.

Труденъ, тяжелъ былъ этотъ подвигъ; но онъ совершонъ по всѣмъ селамъ и деревнямъ, по всѣмъ ауламъ и кибиткамъ: крѣпостнаго права нѣтъ въ Россіи, оно схоронено на вѣкъ, и не воскреснуть ему. По всей Россіи совершено погребеніе «барщины», безъ противодѣйствія, безъ изворотливаго удержанія ея подъ какою-либо иною формой. Были случаи неудовольствій, столкновеній и недоразумѣній; были случаи и злоупотребленій, но все это были—случаи, частности. До общаго противодѣйствія не доходило нигдѣ, да и не могло дойти, ибо не въ духѣ русскомъ противодѣйствовать царственному слову свободы: не было области, или цѣлаго болѣе или менѣе обширнаго угла, гдѣ бы великое слово, святая мысль освобожденія получила значеніе закрѣпленія барщины, введеніе ея въ видѣ болѣе худшемъ противъ существовавшаго.

Мирно, тихо, съ здравымъ сознаніемъ невозможности удержать то общественное устройство, которое отжило свой вѣкъ, которое лежало тяжелымъ упрекомъ на государственной совѣсти,—совершена великая реформа. И эта тишь, это величавое спокойствіе объяло ту Россію, которой на языкѣ нашихъ нѣмецкихъ цивилизаторовъ нѣтъ другаго названія, какъ «варварской, необразованной.» Повторяемъ: семь лѣтъ спустя послѣ произнесенія перваго слова о реформѣ, вся Россія увѣрена, что пятно крѣпостнаго состоянія окончательно съ нея смыто, что ни «барщины», ни «крѣпости», нѣтъ и не можетъ быть въ ея предѣлахъ.

И вдругъ теперь, на восьмомъ году послѣ уничтоженія крѣпостнаго права, мы невольно осуждены быть свидѣтелями, какъ вновь возвращается къ крестьянству прежняя «барщина»! Мало того: русская сила призывается къ тому, чтобы вводить вновь крѣпостное право, чтобы штыкомъ привить эту барщину къ освобожденному крестьянину!... И совершается это въ предѣлахъ Россіи, въ земляхъ, покоренныхъ русскою кровью, — совершается въ угоду иноплеменнымъ пришельцамъ!!.. Крѣпостное право, вопреки волѣ Освободителя Россіи, вопреки голосу всего народа, вопреки здравому смыслу и христіанскому ученію, вводится—и гдѣ же?... въ такъ-

называемомъ «Остзейскомъ краѣ»,—въ провинціяхъ, которыя, по словамъ корреспондентовъ нѣмецкихъ газетъ, «*Россія не въ состояніи понимать*»,—въ губерніяхъ, которыя, говоря языкомъ тѣхъ же газетъ, «съ помощію нѣмецкаго языка, нѣмецкаго законодательства, нѣмецкихъ нравовъ, обращены въ мѣстность *весьма выгодно* отличающуюся отъ остальныхъ русскихъ губерній»!!..

Это не пустыя фразы, не трескотня словъ, произносимыхъ нами въ крайнемъ негодованіи, будто бы съ цѣлію возбужденія страстей, къ чему мы не привыкли и не пріучались. Нѣтъ, мы ратуемъ за одинаковое рѣшеніе крестьянскаго вопроса по всей Россіи, въ духѣ слова, произнесеннаго Русскимъ Государемъ. За справедливость нашихъ словъ о введеніи барщины, о невыносимомъ положеніи прибалтійскаго крестьянства, стоятъ тѣ контракты, заключаемые тамошними помѣщиками съ крестьянами, часть которыхъ опубликована въ послѣднее время; за одно съ нами уже высказала свое слово вся русская печать *); за насъ говорятъ тѣ полтораста Эстовъ, которые неожиданно явились въ Петербургъ съ острова Даго—просить о переселеніи ихъ, и тѣ сотни ихъ другихъ собратій, покидающихъ свою родину, горячо ими любимую, и ищущихъ гдѣ-либо поселиться; за насъ говоритъ то, что̀ совершается въ настоящую минуту на островѣ Эзелѣ, и многое множество другихъ свидѣтельствъ.

---

*) Для лицъ, мало слѣдившихъ за нашею журналистикой, считаемъ не лишнимъ указать на слѣдующія газетныя статьи, только за послѣдніе два мѣсяца, въ которыхъ (не говоря о нашемъ изданіи) высказывалось осужденіе порядка, существующаго въ прибалтійскихъ губерніяхъ: «Московск. Вѣд.» №№ 94, 139 и 199; «Современ. Лѣтоп.» № 20; «Голосъ» № 181; «С.-Петерб. Вѣд.» №№ 184, 185 и 186; «Биржев. Вѣд.» №№ 78, 88, 100 и 187. Такимъ образомъ, за исключеніемъ «Вѣсти» — защитницы всего не русскаго и оффиціальныхъ органовъ — «Сѣверн. Поч.», «Русск., Инв.» и «Journal de St.-Pétersb.», молчавшихъ по очень понятнымъ и основательнымъ причинамъ,—всѣ болѣе значительныя русскія періодическія изданія, расходящіяся между собою по многимъ другимъ вопросамъ, высказались въ этомъ дѣлѣ болѣе или менѣе одинаково, въ одномъ духѣ. Мы ограничились указаніемъ только на болѣе крупныя передовыя статьи; извѣстія же менѣе значительныя по объему, но не всегда по содержанію, мы отказываемся перечислять; такъ полны ими наши газеты.

Только-что прошлаго года рѣшено уничтожить послѣдніе остатки барщины въ трехъ прибалтійскихъ губерніяхъ; для этого повелѣно «смѣшанные» контракты замѣнить арендною платой. По «смѣшанному» контракту, крестьяне отбывали часть лежащихъ на нихъ повинностей натурой, работой въ пользу господина; на языкѣ тѣхъ нашихъ цивилизаторовъ, которымъ, по ихъ завѣреніямъ, Россія обязана всею своею культурой, это называлось «смѣшанныя повинности»; на грубомъ, но правдивомъ русскомъ языкѣ, привыкшемъ называть всѣ вещи ихъ настоящимъ именемъ, это зовется, по-просту, барщиной, крѣпостнымъ состояніемъ. Останавливаясь порѣшить крестьянскій вопросъ въ этихъ губерніяхъ тѣмъ же способомъ, которымъ онъ порѣшенъ во всей остальной Россіи, правительство постановило отмѣнить эту смѣшанную повинность крестьянъ и замѣнить ее арендною платой, по добровольному соглашенію. Чтὸ же вышло изъ этого? Предположимъ, что подобное распоряженіе послѣдовало бы по остальной Россіи; нѣтъ никакого сомнѣнія, что оно нигдѣ не породило бы противодѣйствія и было бы выполнено съ точностію; можетъ-быть, въ иномъ мѣстѣ встрѣтились бы недоумѣнія, столкновенія, но никому не пришло бы на умъ выстраивать на немъ именно то, чтὸ оно разрушаетъ. Совершенно иное творится въ тѣхъ губерніяхъ, которыя такъ назойливо ставятся намъ въ образецъ благоустройства. Здѣсь не спорятъ, здѣсь дѣйствуютъ иначе. Еще въ апрѣлѣ этого года, одинъ изъ корреспондентовъ «Neue Preussische Zeitung», говоря о стойкости Нѣмцевъ, завѣрялъ, что «остзейскіе Нѣмцы не затѣятъ никакихъ возмущеній, никакихъ заговоровъ, но за то каждой правительственной мѣрѣ они будутъ противопоставлять пассивное сопротивленіе, передъ которымъ какое бы то ни было принужденіе не будетъ имѣть силы». Вотъ эта-то программа и осуществляется теперь! Какъ бывало уже и прежде, тѣ, къ честности и добросовѣстности которыхъ «National Zeitung» не дерзнулъ приравнять русскую честность, тѣ, которые прокричали намъ всѣ уши о какой-то исключительной преданности и вѣрности, не задумались извратить смыслъ объявленнаго закона: на крестьянъ накладывается арендная плата въ такомъ размѣрѣ, который они не въ состояніи выплатить, и вотъ является «барщина, крѣпость»: крестьянинъ

обязывается особымъ контрактомъ, сверхъ аренды, работать на господина гораздо болѣе того, чѣмъ сколько онъ работалъ, бывши крѣпостнымъ. Все это дѣлается по мнимому «добровольному» соглашенію.

Не желая повторять уже не разъ сказаннаго о томъ, какъ и какими средствами вырывается это «добровольное» согласіе крестьянъ,—мы ограничиваемся тѣмъ, что любопытствующимъ ознакомиться съ этимъ процессомъ поподробнѣе укажемъ, кромѣ помѣщаемой въ этомъ же нумерѣ нашей газеты корреспонденціи изъ Аренсбурга, съ острова Эзеля, на 40 № «Москвы», на 20 № «Современ. Лѣтоп.», на 149 № «Московск. Вѣд.», гдѣ они могутъ прочесть возмутительныя подробности о томъ, что̀ извѣстно уже по всей Россіи, что̀ съ горечью читаетъ каждый, но чего не хотятъ признать мѣстныя власти, мечтающія, въ своемъ ослѣпленіи, что вся Россія, всякій честный русскій человѣкъ, повѣритъ на слово прелести тѣхъ сельскихъ картинъ, которыя они рисуютъ съ помощію разныхъ Zeitung'овъ, издающихся въ Россіи и за границей, съ помощію пера вестфальскаго мужа Мейера, съ помощію гг. Сиверсовъ, Бокка и друг.

По всей Россіи только прибалтійскій крестьянинъ—земледѣлецъ безъ земли, рабочій безъ права на свой трудъ; только онъ одинъ тянетъ тяжелую лямку барщины. Здѣсь, на любимой имъ родинѣ, онъ испытываетъ только нищету, да бѣдность непроходимую, а мыслитъ и знаетъ онъ, что въ Россіи крестьянинъ—собственникъ... вотъ, если можно, да удастся, сотнями садятся Эсты на барку въ Даго и, полуодѣтые, полуголодные, плывутъ по морю, и съ воемъ, какъ писали Петербургскія газеты, принимаютъ вѣсть о необходимости вернуться назадъ... И вотъ цѣлыми семьями нищихъ идутъ Латыши изъ большой Лифляндской мызы Дундангенъ: не зная пути, не вѣдая мѣста и цѣли, странствуютъ они на поискахъ лучшаго. Легковѣрными, неблагодарными обзовутъ ихъ редакторы нѣмецкихъ газетъ, и сыщутъ подстрекателей—какого-нибудь солдата, Симъ Вако, который, по увѣренію вестфальскаго мужа Мейера, будто бы подбилъ и жителей Даго. Не поможетъ это, такъ сдѣлаютъ, какъ сдѣлалъ баронъ З. на Эзелѣ, какъ сдѣлалъ другой лифляндскій помѣ-

щикъ *): потребуютъ экзекуціи «на свой страхъ»... Русскій солдатъ, этотъ «варваръ необразованный», станетъ осторожно выносить скарбъ бѣдняка, будетъ кормить изъ своего котла его и его дѣтей, а «цивилизаторъ Россіи», остзейскій Нѣмецъ, будетъ гнать того бѣдняка для примѣра другимъ!

И послѣ этого, нѣмецкій корреспондентъ «Національной Газеты» осмѣливается бросить намъ въ лицо дерзкое увѣреніе, что «остзейскіе Нѣмцы служили русскому государству вѣрнѣе жителей другихъ мѣстностей». Будетъ ли честно съ нашей стороны оставить безъ отвѣта такую дерзкую клевету на всѣхъ Русскихъ? Будто не имѣемъ мы права спросить г. корреспондента: да гдѣ же ваша вѣрность? Въ томъ ли она, что вамъ велятъ уничтожать барщинную повинность, а вы ее вводите? Въ томъ ли она, что къ вамъ обращается милостивое царское слово о необходимости реформъ, а вы имъ противодѣйствуете? Въ томъ ли она, что вамъ велятъ признавать Русскаго равноправнымъ съ вами, а вы его выталкиваете изъ собранія горожанъ? Въ томъ ли она, что въ ваши училища приказываютъ ввести обученіе русскому языку а вы обходите это приказаніе? Да, вы вѣрны—вашимъ мѣстнымъ, идущимъ въ разрѣзъ съ общими государственными пользами и учрежденіями, привилегіямъ и правамъ, вашимъ личнымъ, эгоистическимъ разсчетамъ, и только имъ....

Такимъ образомъ восхваляемая нѣмецкая культура умѣла свести великое дѣло освобожденія крестьянъ къ еще большему ихъ закрѣпощенію. Нѣмецкія газеты постоянно выставляютъ прибалтійскихъ Нѣмцевъ борцами за германскую національность. Такъ ли и это? Чтò сказывается въ настоящей борьбѣ по главному, жизненному вопросу—по крестьянскому дѣлу? Неужели идея германской національности требуетъ закрѣпощенія крестьянства, требуетъ барщины? Не вдаваясь ни въ какія пренія о національности, мы скажемъ еще разъ, что по-просту здѣсь кроется единственная цѣль сохранить во чтò бы то ни стало свои права и привилегіи; здѣсь играютъ роль только узкіе, частные интересы. Почему же мы, Русскіе, обязаны охранять эти интересы горсти нѣ-

*) См. № 149 «Моск. Вѣд.».

мецкихихъ бароновъ? Почему же мы должны смотрѣть какъ на святыню, какъ на что-то дорогое и вполнѣ справедливое, на тѣ учрежденія, которыя противны общему убѣжденію, которыя разорительны для большинства мѣстнаго населенія и унизительны для чести Русскаго? Закончимъ нашу бесѣду выпискою изъ «Московск. Вѣд.»: «слово Монарха, возвѣстившаго въ прошедшемъ году въ Ригѣ о необходимости *нововведеній*, выражаетъ то, чего желаетъ вся Россія, всѣ вѣрные и истинные сыны ея».

По поводу „Окраинъ" Ю. Ѳ. Самарина.

Москва, 10-го сентября 1868 г.

Сдавите сердце — и оконечности омертвѣютъ; затрудните кровообращеніе — все тѣло разстроится. Утѣсните Русь въ Русскомъ царствѣ—и сгибнутъ для Россіи ея окраины; преградите жизнь народнаго духа — и разсядется, разщепится мало-по-малу весь созданный имъ, этимъ духомъ, громадный русскій политическій организмъ... Не спасти внѣшней государственной цѣлости тамъ, гдѣ въ презрѣніи внутренняя цѣлость народная; не замѣстить зиждительницу-народность никакою сочиненною, отвлеченною штатсъ-національностью; не замѣнить ея живую, творческую, предержащую и объединяющую силу никакими *суррогатами* единства, никакими внѣшними вспомогательными крѣпями и связями, хотя бы въ видѣ единой власти и подданническихъ узъ. Россія не Австрія,— не сборная, не лѣпная; не случайное сочлененіе разнохарактерныхъ племенъ и отдѣльныхъ политическихъ тѣлъ, спаянныхъ между собою верховною властью австрійскаго императора и личною подданническою ему вѣрностью. Мы видимъ теперь, во что обращается въ Австріи эта связь подданныхъ народовъ съ *безнароднымъ* лицомъ монарха, при отсутствіи объединяющей національной стихіи! Не то у насъ. Русское государство создано и стоитъ только Русью, т. е. русской народной стихіей. Всѣ прочія народности—только приращенія къ ея цѣлому народному и государственному организму. То что въ Австріи поставлено въ основаніе, такъ сказать

во главу угла государственнаго единства (единая власть и вѣрноподданничество), то является у насъ, напротивъ, вмѣстѣ съ государственнымъ единствомъ, необходимымъ послѣдствіемъ, живымъ, органическимъ порожденіемъ единства народнаго. Отъ того-то такъ и крѣпки наши подданническія связи. Нашъ государь — не безнародный, какъ императоръ австрійскій; нашъ государь—государь Русскій, «первый человѣкъ русской земли», какъ уже было однажды сказано «Москвою». Онъ не отдѣлимъ отъ русскаго народа; его стихія—русская народность, а потому не можетъ быть и мыслима вѣрность русскому государю съ нарушеніемъ вѣрности Русской землѣ, съ предательствомъ русскихъ національныхъ интересовъ. Упразднить русскую народность въ русскомъ государствѣ—все равно что̀ упразднить причину бытія, источникъ силы и могущества государства,—то чѣмъ оно̀ живетъ, ростетъ и движется, ради чего и зовется оно Россіею...

Упразднить, конечно, нельзя и невозможно, но попытки ослабить значеніе и право русской народности возможны (и бывали),—попытки сознательныя и безсознательныя, преступныя и даже «благонамѣренныя» (случалось и такое извращеніе понятій!!).—не способныя, разумѣется, подточить жизнь народнаго духа, но способныя однакоже надолго разстроивать здоровье государственнаго организма. Первымъ видимымъ результатомъ такого противоестественнаго отношенія государственной власти и властительной части общества къ коренной народности государства — является ослабленіе государственнаго внѣшняго единства. Отношеніемъ къ русской народности опредѣляется и отношеніе къ инородцамъ; отношеніемъ къ центру, къ ядру Россіи, Русской землѣ — отношеніе къ русскимъ государственнымъ окраинамъ. Чѣмъ свободнѣе и выше подъемъ народнаго духа, тѣмъ могущественнѣе и сила сращенія окраинъ съ центромъ, тѣмъ притягательнѣе дѣйствуетъ онъ на инородческія, входящія въ составъ государства, стихіи. И наоборотъ: чѣмъ меньше вѣры въ свою народность и въ ея право, чѣмъ меньшимъ уваженіемъ пользуется она у себя дома отъ своей государственной власти, чѣмъ стѣсненнѣе ея внутреннее развитіе и вообще дѣятельность внутренней органической жизни,—тѣмъ успѣшнѣе дѣятельность паразитовъ или чужеяди, — тѣмъ сильнѣе

преобладаніе иноземцевъ, тѣмъ удобнѣе и легче развиваются, искусственно выгоняемые изъ почвы, племенной инородческій патріотизмъ и сепаративныя стремленія на окраинахъ. По положенію нашихъ окраинъ, можно, стало-быть, судить и о нашемъ внутреннемъ здоровьи. А положеніе ихъ не нормально, по крайней мѣрѣ положеніе нашихъ западныхъ окраинъ. Оно въ свою очередь болѣзненно отзывается на всемъ русскомъ организмѣ. Недугъ, который внутри Россіи имѣетъ всѣ свойства недуга *хроническаго*, переходитъ или способенъ переходить на этихъ окраинахъ, въ силу разныхъ политическихъ, внѣшнихъ обстоятельствъ, въ недугъ воспалительный, *острый*, грозящій опасностью нашему спокойствію, нашей государственной цѣлости и силѣ. Понятно, что изслѣдованіе положенія этихъ нашихъ окраинъ составляетъ теперь насущную потребность для всего русскаго общества...

«Окраины Россіи»—такъ называется новое сочиненіе Ю. Ѳ. Самарина, вышедшее недавно въ Прагѣ, какъ бы въ отвѣтъ настоятельному запросу нашего времени. Появленіе этой книги есть истинное событіе въ нашей общественной жизни. «Московскія Вѣдомости» совершенно вѣрно оцѣнили достоинство изданія г. Самарина, говоря что оно должно сдѣлаться настольною справочною книгою каждаго русскаго дѣятеля въ Балтійскомъ краѣ. Мы скажемъ болѣе: эта книга—гражданскій поступокъ,—заслуга предъ всей Россіей и ея Государемъ. Безпристрастно, на основаніи точныхъ данныхъ, неопровержимыхъ историческихъ свидѣтельствъ, несомнѣнныхъ административныхъ документовъ и собственнаго сознанія нѣмецкихъ балтійскихъ публицистовъ, раскрываетъ Ю. Ѳ. Самаринъ, предъ взорами русскаго правительства и общества—настоящую картину нашей балтійской приморской окраины. Разоблачая все искусное сплетеніе козней и происковъ направленныхъ къ ослабленію связи этого поморья съ Россіей; обнажая съ другой стороны, въ длинномъ перечнѣ, наши административныя и общественныя ошибки и промахи, наши собственные грѣхи противъ русскихъ національныхъ интересовъ,—авторъ напоминаетъ Россіи ея долгъ и ея призваніе.

Нужно было напоминаніе. Пора было сказаться правдѣ о Балтійскомъ поморьѣ. Она являетъ въ истинномъ свѣтѣ нашу

собственную, русскую. нами самими почти незнаемую правду. Въ самомъ дѣлѣ, смущенное крикомъ и гамомъ заграничныхъ нѣмецкихъ публицистовъ, оглушенное лживыми укорами, клеветами, ругательствами, постоянно выдерживая напоръ ненависти и злобы, русское общественное мнѣніе, особенно въ высшихъ сферахъ, поколебалось было въ сознаніи права и обязанности Россіи: дать отпоръ властолюбивымъ притязаніямъ нѣмецкой балтійской колоніи. Пусть же прочтетъ русское общество книгу «Русскія Окраины», и оно увидитъ — на чьей сторонѣ истина. Оно пойметъ — какой живой благодарностью обязано оно автору за разсѣяніе напущеннаго Нѣмцами на Россію тумана, за защиту русскаго дѣла,—дѣла человѣчности, свободы и справедливости; за обличеніе нашей собственной вины относительно Россіи и того громаднаго большинства прибалтійскаго населенія, которое предано нами на насильственное онѣмеченіе, на духовную и матеріальную эксплуатацію чуждой ему и намъ народности и которое желаетъ только одного—стать въ непосредственныя отношенія къ русской землѣ, тѣснѣе примкнуть къ Россіи. Изданіе книги г. Самарина особенно благовременно теперь, когда бывшій вицепрезидентъ лифляндскаго гофгерихта, г. фонъ-Боккъ, организовалъ въ Берлинѣ цѣлую систему агитаціи общественнаго мнѣнія противъ Россіи, и своими періодически являющимися пасквилями, какъ брандерами, распаляетъ прусскій національный патріотизмъ. Почти ежедневно, въ большей части прусскихъ газетъ, помѣщаются статьи проповѣдывающія крестовый походъ на Россію изъ-за братьевъ-Нѣмцевъ, т. е. изъ-за нѣмецкой колоніи въ 180 т., угнетающей 1,600,000 ненѣмецкаго населенія. Почти ежедневно читаемъ мы въ этихъ газетахъ корреспонденціи изъ Риги, Митавы и прочихъ прибалтійскихъ мѣстностей,—не отъ какихъ-либо мелкихъ ничтожныхъ литераторовъ, но отъ имени нѣмецкой прибалтійской аристократіи, отъ имени *консерваторовъ*. Каковы эти корреспонденціи—могутъ служить образчикомъ хоть слѣдующія строки изъ письма изъ Риги въ 170 № «Кёнигсбергской Газеты» отъ 24 іюля сего года. Объявляя Германіи, что балтійское рыцарство дорожитъ своими средневѣковыми привилегіями только какъ почвою удобною для борьбы съ Россіею, авторъ письма заканчиваетъ его такими словами:

«Вы видите изъ всего предъидущаго, что мы можемъ здѣсь защищать аристократію страны не погрѣшая противъ началъ свободы. Я смѣю даже утверждать, что балтійское дворянство, въ *значительномъ своемъ большинствѣ* (in seiner grossen Mehrzahl), охотно принесло бы всѣ еще дѣйствующія свои привилегіи на алтарь отечества (т. е. германскаго), если бы оно могло этимъ способомъ *устранить русское иго* (wenn er damit das russische Ioch beseitigen könnte)»....

Спрашиваемъ опять: благовременно ли появленіе книги г. Самарина?

«На окраинахъ Россіи, особенно сѣверо-западной и балтійской, пахнетъ *гарью*»—говоритъ онъ въ предисловіи, объясняя русскимъ читателямъ побудительныя причины своего труда. «Въ одномъ мѣстѣ недавній пожаръ не совсѣмъ потушенъ, уголья все еще тлѣютъ подъ золою, а ужъ многіе, и въ томъ числѣ учредители новыхъ порядковъ, начинаютъ говорить громко, что вся бѣда не отъ поджигателей, *а отъ пожарной команды*, и что нужно поскорѣе разогнать ее, такъ какъ заливая огонь и срывая горѣвшія крыши, она кое-гдѣ перебила *панскія* зеркала, загрязнила ковры и разметала заборы»...

Прерываемъ эту выписку, чтобъ обратить вниманіе читателей на этотъ мастерской очеркъ современнаго административнаго отношенія къ Сѣверозападному краю — этого соболѣзнованія объ участи польскихъ землевладѣльцевъ и гоненія на мировыхъ посредниковъ, упрочившихъ бытъ русскаго крестьянства въ ущербъ мятежнымъ панамъ; однимъ словомъ: того мнимо-гуманнаго, мнимо-легальнаго, въ сущности антирусскаго отношенія къ краю нѣкоторыхъ нашихъ властительныхъ и общественныхъ петербургскихъ сферъ, котораго отголоскомъ служитъ газета «Вѣсть» и К°. Но продолжаемъ начатую выписку изъ объясненія г. Самарина:

«Въ другомъ мѣстѣ (т. е. на балтійской окраинѣ) накопляются горючіе матеріалы, и безыменныя корреспонденціи, разсылаемыя оттуда во всѣ иностранныя газеты, грозятъ намъ всякими бѣдствіями. Это тѣ же *подметныя* письма, писанныя въ Россіи и для Россіи, но перебрасываемыя къ намъ изъ-за границы...»

Было бы не благоразумно пренебрегать ими, прибавляетъ спра-

ведливо г. Самаринъ и продолжаетъ далѣе развивать ту же мысль о значеніи современнаго состоянія нашихъ окраинъ, которую отчасти мы уже выразили сравненіемъ недуга хроническаго и остраго: «Наше положеніе на окраинахъ существенно разнится отъ положенія нашего внутри Россіи. Здѣсь оплошность, ошибка, фальшивая мѣра вредятъ отрицательно, ослабляя насъ, но никого не усиливая на нашъ счетъ, сдерживая и тормозя естественный ходъ нашего развитія, но все-таки не измѣняя его направленія. Намъ это не въ диковинку и мы, Русскіе, какъ-нибудь оттерпимся, переждемъ, и уже навѣрное не воспользуемся ошибкою для увеличенія зла. Это даже немыслимо, потому что у насъ нѣтъ и быть не можетъ антирусскихъ цѣлей. Не такъ на окраинахъ. Тамъ имѣются наготовѣ, въ полномъ сборѣ, силы прямо намъ враждебныя, съ тою именно цѣлью вышколенныя, чтобъ обращать въ наступательное противъ насъ орудіе всякую нашу ошибку и пользоваться каждою потерянною нами минутою. Тамъ все, что мы дѣлаемъ не впопадъ, или чего не дѣлаемъ вовсе, тогда какъ слѣдовало бы сдѣлать, приноситъ намъ ущербъ прямой, положительный, часто неисправимый».

Но почему же, невольно конечно спроситъ читатель, это благовременное указаніе на грозящую опасность, этотъ спасительный призывъ къ предупрежденію взрыва накопившихся горючихъ матеріаловъ раздается не изъ Москвы или Петербурга, а изъ Праги? Почему книга г. Самарина напечатана за границей? На это отвѣтъ даетъ самъ авторъ въ слѣдующихъ словахъ:

„Когда на крышѣ показывается дымъ, что дѣлать простому обывателю, не должностному лицу, не отвѣтственному блюстителю безопасности и не пожарному служителю?— „Поднять тревогу, будить народъ, бить въ набатъ“.—Хорошо. Но если величественный сторожъ, мѣрными шагами расхаживающій по улицѣ, говоритъ, что это все вздоръ и что опасности нѣтъ; если, по особенному свойству своего политическаго темперамента, онъ предпочитаетъ пожаръ всякой тревогѣ, даже бѣготнѣ толпы, вооруженной ведрами, лѣстницами и баграми; если онъ вчера завѣрялъ хозяина, которымъ онъ приставленъ, что пожара не будетъ и непремѣнно хочетъ донести ему завтра, что *все обстоитъ благополучно;* если въ ту минуту, какъ обыватель сбирается звать на помощь и ударить въ набатъ, сторожъ зажимаетъ ему

ротъ и вырываетъ у него изъ рукъ веревку,—тогда что дѣлать?...—„Идти домой, лечь спать и со сторожемъ не ссориться. *Вѣдь отвѣтчикъ все-таки онъ, а не вы*“ (знакомое замѣчаніе!).—Положимъ, что онъ по крайней мѣрѣ ближайшій; положимъ даже, что завтра, послѣ пожара, его отставятъ; но за ночь деревня все-таки сгоритъ и сторожъ ея не выстроитъ. Чтожъ дѣлать обывателю, если онъ рѣшительно не хочетъ горѣть?—„Пожалуй, не теряя времени, перейдти въ сосѣдній приходъ, гдѣ нѣтъ такого сторожа и постараться оттуда подать пожарный сигналъ...“

«Второй совѣтъ нравится мнѣ больше чѣмъ первый и, кажется, разумнѣе перваго», заканчиваетъ г. Самаринъ. Въ *своемъ* приходѣ будить людей нельзя,—это уже дознано рядомъ опытовъ, и я перехожу въ другой приходъ, въ гостепріимную Богемію, и ставлю на пражскомъ Вышеградѣ пожарную каланчу... Авось увидятъ сигналъ изъ дому...»

Все это, объясняя появленіе пражской спасительной каланчи, возбуждаетъ однакоже въ читателѣ новое недоразумѣніе: почему же именно не дозволяется будить людей въ своемъ приходѣ? какимъ образомъ заводятся такіе сторожа, которые предпочитаютъ пожаръ всякой тревогѣ,—допускаютъ горѣть и не пускаютъ тушить? Такое странное явленіе, по отношенію къ русскимъ окраинамъ, объясняется нашимъ **отношеніемъ къ самой русской народности** у себя дома. Слѣдующая выписка изъ того же предисловія г. Самарина къ его книгѣ, озаглавленной общимъ заглавіемъ: «Русскія Окраины» и въ частности: «Русское Балтійское Поморье»,—поможетъ читателю разрѣшить свое недоумѣніе. Признавая праздными и не своевременными разсужденія о формѣ правленія въ Россіи, авторъ находитъ, что главный вопросъ теперь въ томъ: «которое изъ двухъ побужденій, періодически смѣняющихся въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, окончательно возьметъ верхъ надъ другимъ: **довѣріе или страхъ**»?

«Если восторжествуетъ первое», говоритъ онъ, «то оно дастъ просторъ нашимъ національнымъ стремленіямъ и тѣмъ самымъ укрѣпитъ за нами наши государственныя окраины, ибо Россія, развязанная у себя дома, вѣрная своему историческому призванію, непремѣнно понесетъ и туда *дѣйствительную* свободу для всѣхъ, поставитъ на ноги народныя массы и подниметъ ихъ духъ,—а на всѣхъ нашихъ окраинахъ (къ счастью не вполнѣ нами заслуженному) народныя массы все еще за насъ.

Наоборотъ, второе побужденіе (т. е. страхъ) повело бы къ систематическому давленію внутри и къ неразлучному съ тѣмъ послабленію на нашихъ окраинахъ всѣмъ антирусскимъ стихіямъ, тяготѣющимъ къ заграничнымъ центрамъ. Повторяю: *давленіе дома, послабленіе на окраинахъ.* Мы это можемъ видѣть на каждомъ шагу — одно другимъ обусловливается... Кто нашептываетъ правительству, что оно слишкомъ далеко зашло на пути либеральныхъ реформъ и пугаетъ его полусвободою нашей печати, присутствіемъ крестьянъ на земскихъ собраніяхъ и всесословнымъ выборомъ мировыхъ судей; **кто проповѣдуетъ необходимость подтянуть, обуздать и осадить русское общество, двинувъ противъ него аппараты полицейской власти,—тотъ въ то же время заигрываетъ съ польскою шляхтой и молча пасуетъ при встрѣчѣ съ балтійскимъ рыцарствомъ**...

«Равномѣрно, продолжаетъ г. Самаринъ, *кто внутренно благоговѣетъ предъ балтійскою и польскою гражданственностью*, тотъ вопреки кажущемуся либерализму своихъ стремленій или фразъ,—*оскорбляется въ глубинѣ души лепетомъ недавно пробудившейся русской мысли* и не будучи въ состояніи усыпить ее вновь, по крайней мѣрѣ *отравляетъ ей полусвободу гласнаго выраженія...*» Никому такъ не знакома истина этого замѣчанія, какъ нашей газетѣ...

Ближайшая цѣль изданія г. Самарина состоитъ, по его словамъ, въ томъ, чтобъ по мѣрѣ силъ, простымъ возстановленіемъ фактовъ, противодѣйствовать антирусской пропагандѣ и дать возможность нашимъ соотечественникамъ, «по крайней мѣрѣ тѣмъ изъ нихъ, которые бываютъ за границей, узнавать объ окраинахъ Россіи то, *чего имъ не говорятъ у себя дома* и о чемъ имъ не позволяютъ говорить; я разумѣю», поясняетъ онъ, «обвинительные процессы противъ Россіи и ея правительства, которые ведутся теперь преимущественно на нѣмецкомъ діалектѣ, передъ судомъ западной Европы, вѣрноподданными россійскаго Императора нѣмецкаго и польскаго происхожденія, и тѣ такъ-называемыя у насъ канцелярскія *тайны*, которыя, какими-то непостижимыми путями, прямо изъ нашихъ министерствъ и главныхъ управленій, перелетаютъ черезъ головы нашей публики въ иностранныя газеты для назиданія Европы». При этомъ — добавляетъ г. Самаринъ, — «я претендую на *право* защищать за границею государственные и народные

интересы Россіи противъ балтійскаго и польскаго провинціализма также свободно, какъ напримѣръ гг. фонъ-Боккъ, фонъ-Сиверсъ и другіе, ихъже имя легіонъ, защищаютъ предъ Западною Европою свои провинціальные интересы противъ Россіи! .»

Неужели однако и въ правду таково положеніе дѣлъ Россіи, что для защиты русскихъ государственныхъ и народныхъ интересовъ необходимо Русскому уѣзжать изъ своего отечества, и доискиваться, для безпрепятственности этого подвига, по крайней мѣрѣ такого же права, какимъ пользуются клеветники Россіи и враги ея интересовъ — русскіе же подданные, но Нѣмцы?? Неужели подобная защита русскихъ государственныхъ и народныхъ интересовъ не можетъ быть разрѣшена Русскому и въ Россіи? и неужели же въ призваніи администраціи, вѣдающей русское печатное слово, можетъ лежать—помѣха возстановленію русской правды, запретъ противодѣйствію русской пропагандѣ, ослабленіе отпора измѣнническимъ посягательствамъ на честь Россіи??..

«Русскія Окраины» раздѣлены на серіи, а серіи на выпуски. Вышли только два выпуска первой серіи, посвященной Русскому Балтійскому поморью. Первый выпускъ содержитъ въ себѣ родъ предисловія, подъ заглавіемъ «къ читателю», и цѣлое обширное сочиненіе, озаглавленное: «Русское Балтійское Поморье, въ настоящую минуту (какъ введеніе въ первую серію)». Съ этимъ капитальнымъ трудомъ, богатымъ всевозможными данными, мы не замедлимъ познакомить ближе нашихъ читателей.

„Нѣмецкая вода въ русскомъ винѣ“.

«Москва», 11-го сентября 1868 г.

Заслуга передъ Германіей состоящихъ на русской государственной службѣ уроженцевъ Балтійскаго края,—провозглашаетъ, обращаясь къ германскому общественному мнѣнію, вицепрезидентъ лифляндскаго гофгерихта, г. фонъ-Боккъ, заслуга этого «одноплеменнаго Германіи элемента, *всесторонне и въ значительной степени проникающаго въ глубину весь громадный русскій государственный организмъ*»,—

состоитъ въ томъ, что онъ, этотъ элементъ, «сдерживаетъ, неутрализуетъ, такъ сказать охлаждаетъ и, хотя непримѣтно, но непрестанно, *подливаетъ нѣмецкую воду въ русское вино!*... *). Нельзя не благодарить г. фонъ-Бокка за такое услужливое свидѣтельство въ пользу истины, уже издавна нами проповѣдуемой, но еще не вполнѣ сознанной ни русскимъ правительствомъ, ни высшимъ, особенно же петербургскимъ, обществомъ. Если бы мы позволили себѣ выразиться съ такою же безцеремонною откровенностью и образностью, какъ балтійскій высокородный публицистъ, то насъ конечно бы обвинили въ узкой національной зависти, въ клеветѣ, а главное—*«въ возбужденіи вражды одной части населенія противъ другой»*,—обвиненіе нашимъ читателямъ уже знакомое и уже красовавшееся на столбцахъ «Москвы». Но г. фонъ-Бокка никто конечно не заподозритъ въ «руссоманіи» и слова этого представителя *вѣрнаго* балтійскаго рыцарства, обошедшія теперь всю Германію, какъ слова внезапно смутившія пиръ Валтазара, не могутъ—думаемъ мы—не смутить душевнаго банкета нѣкоторой части нашей администраціи, благодушествующей на радостахъ, что на окраинахъ нашихъ все обстоитъ такъ comme il faut и благополучно и такой вездѣ хорошій, приличный духъ!...

Да, много нѣмецкой влаги, по мѣткому выраженію г. фонъ-Бокка, подлито въ русское вино! Мѣстами оно такъ разбавлено, особенно въ петербургскихъ салонахъ, что обратилось совсѣмъ въ воду. Тамъ въ свою очередь пьянѣютъ уже не отъ своего вина, а какъ говоритъ г. Самаринъ,—тамъ «русскій человѣкъ высшаго полета пьянѣетъ отъ удовольствія (причемъ безъ оглядки вдается во всякій обманъ), когда Нѣмецъ или Полякъ даетъ ему чувствовать, что онъ Русскій, счастливая случайность между своими—un accident heureux parmi les siens...» Процессъ этого разбавленія русскаго вина нѣмецкою влагою, этой парализаціи національныхъ стремленій русскаго государственнаго организма, прослѣженъ во всей подробности въ книгѣ г. Самарина, по признаніямъ самихъ Нѣмцевъ, разсѣяннымъ въ изданіяхъ г. фонъ-Бокка и К°, и по русскимъ оффиціальнымъ актамъ—

*) Livl. Beitr. B. I. Lief. III., S. 295 и 296.

также своего рода признаніямъ. Ни русская власть, ни русское общество не имѣютъ теперь права жаловаться на недостатокъ предостереженія. Благодаря поступку и труду г. Самарина, передъ нами разоблачена до послѣднихъ нитей вся сѣть балтійской нѣмецкой интриги, и указаны тѣ тонкія путы, которыми незамѣтно опутывалось и продолжаетъ опутываться русское правительство, въ ущербъ своимъ собственнымъ и народнымъ интересамъ... Говоримъ—«благодаря поступку», потому что вѣнцомъ интриги, одною изъ самыхъ успѣшныхъ побѣдъ, одержанныхъ надъ нами нѣмецкою ловкостью, являются старанія самой русской администраціи—скрыть отъ себя истину и не допустить обличенія.... Поэтому, прежде чѣмъ знакомить читателей съ главнымъ стратегическимъ планомъ враждебной намъ рати, раскрываемымъ г. Самаринымъ въ его *заграничномъ* изданіи, напомнимъ имъ, пользуясь этимъ изданіемъ, тѣ препятствія къ раскрытію этого плана, какія, къ выгодѣ вѣрнаго балтійскаго рыцарства и ко вреду для Россіи, воздвигались въ самой Россіи русскою администраціей. Самый тотъ фактъ, что раскрытіе этой интриги совершилось при помощи заграничныхъ типографскихъ станковъ, а не русскихъ, служитъ довольно вѣрнымъ мѣриломъ, сколько, къ несчастію, нѣмецкой воды уже подлито въ наше русское вино, и въ какой еще слабой степени выяснено у насъ сознаніе русскихъ народныхъ интересовъ. Конечно, мы шибко идемъ впередъ у себя дома: можетъ-быть, въ настоящую пору, такое разоблаченіе было бы дозволено даже и въ Россіи, но несомнѣнно то, что еще въ началѣ текущаго года оно было невозможно....

Читатели помнятъ, конечно, какъ со введеніемъ въ дѣйствіе положенія о печати 6 апрѣля, московская журналистика вступила въ оживленную полемику съ балтійскими и заграничными нѣмецкими газетами объ отношеніяхъ балтійскихъ губерній къ Россіи, о правахъ русскаго языка, о положеніи Латышей, Эстовъ и русскихъ обывателей края, и т. д. Оказалось,—говоря словами г. Самарина,—что «понятія русской прессы по всѣмъ этимъ предметамъ рѣшительно расходились съ балтійскими провинціальными воззрѣніями, какъ извѣстно, господствующими и въ сферахъ нашей администраціи. Повидимому, имѣя ее на сторонѣ, балтійская

пресса могла бы и не обращать вниманія на безсильные протесты двухъ-трехъ газетъ, но она отнеслась къ дѣлу иначе. Почуяла ли она, что эта ею такъ называемая *старо-русская* партія есть все-таки ни болѣе ни менѣе какъ сама Россія, начинающая сознавать свое политическое совершеннолѣтіе, или по другой причинѣ, только въ жару полемики, тѣснимая запросами своихъ противниковъ», она начала проговариваться и высказывать сокровенныя свои мысли. Но предоставимъ слово самому г. Самарину.

„Такая непростительная неосторожность ставила въ самое неловкое положеніе, не столько рижскую и дерптскую интеллигенцію, сколько ея петербургскихъ патроновъ. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, отрекаться за нее отъ приписываемыхъ ей поползновеній и ручаться за политическую ея благонамѣренность, въ виду цѣлаго ряда собственныхъ ея признаній? И вѣдь ничто не помогало. Оттуда, изъ Петербурга, подмигивали, подавали условные сигналы, подсылали надежныхъ людей проповѣдывать сдержанность, и расходившаяся пресса все не одумывалась; или, можетъ-быть, она и одумалась, но слишкомъ поздно, когда дѣло зашло такъ далеко, что ей самой стало почти невозможно добровольно отказаться отъ полемики или даже перемѣнить тонъ. Еще годъ или два такой полемики, и чего добраго—Россія пожалуй узнала бы всѣ тайны своей балтійской окраины. Пора было придумать противъ этого предупредительныя мѣры, и дѣйствительно придумали. Кто именно? — трудно рѣшить. Сама ли тамошняя интеллигенція выпросила *запрещеніе спорить*, или ея покровители прибѣгли къ этому способу, чтобы выручить ее и себя изъ щекотливаго положенія—это еще не выяснено; во всякомъ случаѣ, какъ нельзя болѣе кстати, послѣдовало спасительное для нея распоряженіе, извѣстное всѣмъ читателямъ, чтобы нѣмецкія балтійскія газеты прекратили національную борьбу съ газетами старорусской партіи. Такимъ образомъ, положенъ былъ конецъ неосторожнымъ откровенностямъ, дана была возможность балтійской прессѣ раскланяться съ своими противниками и сойдти съ поприща состязанія почти съ тріумфомъ, по крайней мѣрѣ, не подвергшись ни малѣйшему порицанію; поданъ былъ вполнѣ основательный поводъ сочувствующей ей заграничной прессѣ протрубить на всѣ лады, что разбитая старорусская партія, въ сознаніи своей немощи, натравила на свою соперницу литературную полицію“...

Читатели «Москвы» помнятъ, можетъ-быть, ту телеграмму, отправленную изъ Риги во всѣ нѣмецкія заграничныя

газеты, которая возвѣщала Европѣ такое «запрещеніе нѣмецкой остзейской прессѣ вести *національную борьбу* съ газетами старорусской партіи». Эта телеграмма была тогда же переведена нами изъ газеты «Wanderer» и помѣщена въ 159 № «Москвы», 21 октября 1867 года. Русскій текстъ оффиціально обнародованъ не былъ. Тогда же, въ передовой статьѣ по поводу сего неожиданнаго маневра, мы выразили мнѣніе, что результатомъ запрещенія будетъ перенесеніе балтійскими публицистами спора на болѣе широкую и видную арену — германскую или даже европейскую, — что представляло для нихъ, конечно, не малую выгоду. Открывалась возможность: возбуждать въ свою пользу противъ Россіи общественное мнѣніе Германіи, при условіи полной личной безопасности и при молчаніи русскихъ газетъ. Если бы же русскія газеты не умолкли, то ихъ удобно было бы выставить на позоръ всему свѣту, провозгласивъ, что онѣ *бьютъ лежачаго*, т. е. несчастныхъ Нѣмцевъ балтійскихъ, якобы лишенныхъ права защиты у себя дома! Къ тому же, продолжая полемику, хотя бы только съ иностранными органами печати, русская пресса легко могла подвергнуться обвиненію въ «возбужденіи одной національности противъ другой», а практическое значеніе этого обвиненія извѣстно. Дѣйствительно, появленіе корреспонденцій въ нѣмецкихъ газетахъ изъ прибалтійскихъ губерній сдѣлалось почти непрерывнымъ. Разумѣется, самыя рѣзкія изъ нихъ были не допускаемы до русской публики заботливою цензурой. Съ тою же цѣлью — не *раздражать русскаго національнаго чувства* противъ батлійскихъ Нѣмцевъ, запрещены были въ Россіи и изданія балтійскихъ публицистовъ въ Берлинѣ, въ томъ числѣ и знаменитые «Лифляндскіе вклады» г. фонъ-Бокка. Но приведемъ замѣчаніе объ этомъ г. Самарина.

„Забота конечно похвальная,—говоритъ онъ—и увѣнчавшаяся полнымъ успѣхомъ. Пасквиль г. фонъ-Бокка, въ которомъ, удачнымъ подборомъ свидѣтельствъ и документовъ, придано было нѣкоторое правдоподобіе самой безстыдной клеветѣ, остался безъ обличенія, на которое онъ, такъ сказать, напрашивался и которое было бы легко. Національное чувство избавилось отъ раздраженія вреднаго для здоровья, а тѣмъ временемъ, за границею, нѣмецкое національное чувство быстро накаливается и раздра-

жается противъ Россіи точь въ точь какъ во Франціи передъ польскимъ мятежемъ и во время мятежа".

Упомянемъ кстати, что, въ предпослѣднемъ своемъ выпускѣ, издатель «Лифляндскихъ вкладовъ», заявляя, что русская журналистика отвѣтила молчаніемъ на его нападенія, объясняетъ это слѣдующимъ образомъ: «опытъ доказалъ еще разъ, что Русскій начинаетъ грубить, когда съ нимъ обращаются учтиво, но что стóитъ лишь ему самому нагрубить, чтобъ заставить его замолчать» (Livl. Beitr. B. II. Lief. II S. 57).

Такова была аттестація, данная намъ самими Нѣмцами, благодаря попечительности о насъ цензуры. Несмотря однако ни на что, московскія газеты продолжали спорить, но уже не съ балтійскими, а съ германскими газетами, т. е. съ тѣми немногими, которыя получались здѣсь въ Москвѣ, и въ которыхъ находились статьи и корреспонденціи по вопросамъ нашего Балтійскаго поморья. Скоро однако найдено было нужнымъ прекратить и эту защиту русскихъ правъ и интересовъ, и косвеннымъ къ тому средствомъ была знаменитая статья, появившаяся въ оффиціальномъ органѣ министерства внутреннихъ дѣлъ «Сѣверной Почтѣ», въ № 9 ноября 1867 года. Статья эта исполнена разныхъ замысловатыхъ внушеній *«нѣкоторымъ газетамъ, обращающимся къ дѣламъ Прибалтійскаго края»*, т. е. къ русскимъ,—внушеній, которыхъ темный языкъ довольно однакоже ясно давалъ понимать, что такое *«обращеніе»* не нравится автору или вдохновителю статьи,—причемъ, для лучшаго вразумленія указывалась, хотя и деликатнымъ маneромъ, въ перспективѣ, карающая статья Положенія 6 апрѣля. Главный же мотивъ статьи, какъ и слѣдуетъ,—необходимость устранить раздраженіе національныхъ страстей, предупредить вредъ отъ крайностей увлеченія, разсѣять ложныя опасенія, распространившіяся въ прибалтійскихъ губерніяхъ насчетъ цѣлаго ряда правительственныхъ принудительныхъ мѣръ, и т. д. Мы тотчасъ же отвѣчали на статью, насколько позволяли намъ это тогдашнія условія печати; но лишь теперь въ книгѣ г. Самарина, при освѣщеніи разныхъ собранныхъ имъ фактовъ, выступаетъ статья «Сѣверной Почты» въ своемъ настоящемъ значеніи. Эта одна статья, лучше другихъ данныхъ, объясняетъ намъ многое въ нашей русской государственной жизни и въ по-

ложеніи русскаго дѣла на окраинахъ: Смыслъ этой статьи, по замѣчанію г. Самарина, заключается въ томъ, что вѣдомство, уполномоченное отмѣривать русскому обществу извѣстную долю свободы на умственный его обиходъ, желало (по крайней мѣрѣ въ то время и при прежнемъ управленіи) избавиться отъ его непрошенныхъ услугъ; мы мѣшали ему. «Безъ насъ, побесѣдовавъ на-единѣ съ балтійскою интеллигенціею, оно гораздо скорѣе сговорилось бы съ нею и порѣшило бы всѣ вопросы къ обоюдному удовольствію; потомъ, по подписаніи мировой, можно было бы объявить намъ, въ общихъ выраженіяхъ, объ этомъ счастливомъ событіи, и намъ оставалось бы только благодарить...» Но въ томъ-то и дѣло, что для разрѣшенія задачи, для умиротворенія края, для пользы самихъ Нѣмцевъ Прибалтійскаго края, равно какъ и для вразумленія Германіи, настоятельная нужда належитъ именно въ томъ, чтобы раздался голосъ не русскаго правительства только, но и свободный, искренній голосъ самого русскаго общества. Казалось бы, что недавній урокъ, данный намъ исторіею въ польскомъ мятежѣ и въ послѣднемъ дипломатическомъ крестовомъ походѣ на Россію, долженъ бы быть свѣжъ въ памяти нашей администраціи. Не могучимъ ли,—даже болѣе могучимъ чѣмъ сотни тысячъ штыковъ,—подспорьемъ правительству въ его отпорѣ иностраннымъ державамъ, явилось громкое и грозное проявленіе русскаго общественнаго мнѣнія, впервые услышанное Европой и смутившее Европу? Наконецъ, если что̀ теперь обезпечиваетъ положеніе русскаго дѣла на западной сухопутной нашей окраинѣ, такъ это именно чуткость русскаго общественнаго мнѣнія, болѣе или менѣе свободно выражающагося,—чуткость не упускающая безъ огласки ни самомалѣйшаго признака опасности.... Почему же, по отношенію къ другой нашей окраинѣ, балтійской, русская печать должна быть поставлена въ иныя условія; и русскому обществу предлагается не принимать къ сердцу наши русскіе интересы въ Русскомъ Балтійскомъ поморьѣ??

Блистательно доказываетъ въ своей книгѣ г. Самаринъ настоятельную потребность заявленій русскаго общественнаго мнѣнія въ дѣлѣ Балтійскаго края,—и мы не можемъ удержаться, чтобы не привести нѣсколько его подлинныхъ выраженій:

„Еслибы шла рѣчь говоритъ онъ, о заграничномъ займѣ или о заключеніи договора съ иностранною державой, всякій бы понялъ необходимость тайны и вредъ огласки. Но дѣла, къ которымъ „Сѣверная Почта“ совѣтуетъ намъ не обращаться, вовсе не такого свойства. Въ Балтійскомъ краѣ, прежде всего, предстоитъ выяснить понятіе объ отношеніи одной части государства къ цѣлому государству и провести въ жизнь практическіе выводы изъ этого понятія. Иными словами: нужно, чтобы три губерніи, въ настоящее время разобщенныя съ Россіей и стремящіяся еще къ большему разобщенію съ нею (я это докажу въ своемъ мѣстѣ), убѣдились наконецъ, что онѣ составляютъ не передовое укрѣпленіе Германіи, какъ онѣ охотно себя величаютъ, а западную, приморскую окраину Россіи, и потому признали бы себя всецѣло, безотговорочно и навсегда связанными въ настоящемъ и въ будущемъ съ судьбою послѣдней. Что ни министерство внутреннихъ дѣлъ, ни какія-либо иныя власти не должны бы имѣть другой цѣли, тому непререкаемымъ свидѣтельствомъ служатъ знаменательныя слова, недавно произнесенныя самимъ Государемъ Императоромъ въ г. Ригѣ. Въ изысканіи и примѣненіи законодательныхъ и административныхъ мѣръ къ ея достиженію правительство свободно,—ничье мнѣніе его не связываетъ; но для успѣха нужно одно, существенное условіе, нужно, чтобы мѣстная интеллигенція убѣдилась окончательно въ томъ, что дѣйствія власти исходятъ не изъ случайнаго расположенія или воззрѣнія того или другаго лица, хотя бы и самого самодержца, а отвѣчаютъ на потребности сознанныя всею землею, и что поэтому, въ будущемъ, не мыслимо повтореніе такого перелома въ нашей внутренней политикѣ, какой произошелъ на другой день по кончинѣ императрицы Екатерины II... А можетъ ли установиться такое убѣжденіе, и есть ли какое-нибудь основаніе ожидать добровольнаго отреченія отъ надеждъ, къ сожалѣнію, находящихъ себѣ въ прошедшемъ полное оправданіе, если, съ той точки зрѣнія, на которой упорно держится интеллигенція окраины, она не будетъ ни видѣть, ни слышать русскаго общества, стоящаго за спиною правительства и поддерживающаго своимъ сочувствіемъ дѣйствія власти?“

Далѣе г. Самаринъ приводитъ нѣсколько примѣровъ разныхъ умышленно распространяемыхъ въ Балтійскомъ краѣ слуховъ, легко воспринимаемыхъ мѣстнымъ народомъ,—между прочимъ слухъ, пущенный балтійскою нѣмецкой колоніей о нерасположеніи будто бы современнаго правительства къ интересамъ православія въ краѣ... И это будетъ продолжаться—говоритъ далѣе г. Самаринъ, —

„....до тѣхъ поръ, пока всѣ тѣ, кому подобаетъ объ этомъ знать, не услышатъ и не убѣдятся, что церковная хоругвь, водруженная на Балтійскомъ поморьѣ, охраняется не только волею Самодержца, но еще и другою силой, имъ же вызванною, имъ воспитанною и ему преданною: я разумѣю общественное мнѣніе православной Россіи. Дѣятель, одаренный нѣкоторою долею политическаго такта, увидалъ бы въ содѣйствіи этой силы не посягательство на свободу правительства и не помѣху, а подкрѣпленіе и оправданіе его дѣйствій; онъ не сталъ бы на нее коситься, даже еслибы способъ ея выраженія былъ ему лично не сочувственъ; онъ понялъ бы, что именно въ Балтійскомъ краѣ нужно, чтобы все мѣстное интеллигентное общество, такъ-сказать, перевоспиталось по отношенію къ Россіи, что для этого недостаточно законодательныхъ и полицейскихъ мѣръ, и что желаннаго сближенія въ понятіяхъ и воззрѣніяхъ никогда не послѣдуетъ, пока балтійское общество съ одной стороны и русское съ другой—будутъ стоять другъ противъ друга и безмолвствовать. Онъ не побоялся бы предоставить обѣимъ сторонамъ одинаковую полную свободу сужденія и спора, со всѣми ея неизбѣжными увлеченіями и крайностями, хотя бы, наконецъ, для того, чтобы домашніе вопросы и недоразумѣнія разрѣшались и улегались дома, не разжигая за предѣлами государства международныхъ страстей. Все это такъ очевидно, что противоположный образъ дѣйствія, эти старанія цензурной полиціи развести спорящихъ по угламъ, отнять у нашей журналистики охоту и возможность обращаться къ дѣламъ Балтійскаго края, спрятать ихъ отъ насъ и порѣшить ихъ за спиною Россіи, не только не укрѣпляютъ въ обществѣ довѣрія къ правительству, а производятъ обратное, прискорбное дѣйствіе.“

Затѣмъ г. Самаринъ,—указавъ на отношеніе русской администраціи къ Сѣверозападному краю до послѣдняго мятежнаго взрыва, открывшаго ей глаза; напомнивъ, какъ администрація, наканунѣ бунта польскихъ пановъ, утѣшалась ихъ вѣрноподданничествомъ, радовалась о консерватизмѣ помѣщиковъ, поручала имъ усмирять крестьянъ, *якобы бунтовавшихъ*, и выслѣживала всюду русскихъ чиновниковъ-коммунистовъ,—г. Самаринъ заключаетъ такими словами:

«Поплатившись такъ дорого за это ослѣпленіе, не пора ли наконецъ уразумѣть, что оно происходило не отъ случайныхъ причинъ, *а отъ свойства зрительнаго органа власти*, отъ котораго, по особенностямъ его конструкціи, цѣлые порядки явленій ускользаютъ очень часто и очень легко,—по крайней мѣрѣ гораздо чаще и легче, чѣмъ отъ цѣлаго общества?.. »

Еще о драгоцѣнныхъ откровеній г. фонъ Бокка.

«Москва», 13-го сентября 1868 г.

«Несмотря на то, что Россія въ своихъ польскихъ и литовскихъ владѣніяхъ принялась за дѣло еще съ большею страстью чѣмъ въ остзейскихъ провинціяхъ, въ ея рукахъ опытъ *обрусѣнія* оборачивается въ процессъ *онѣмеченія»* *). Такъ говоритъ, торжествуя, знаменитый боецъ нѣмецкой національности въ русскомъ Балтійскомъ поморьѣ, бывшій вице-президентъ лифляндскаго гофгерихта, императорской россійской службы статскій совѣтникъ и разныхъ орденовъ кавалеръ, г Вильгельмъ фонъ-Боккъ. «Поляковъ (въ Сѣверозападномъ краѣ) вытѣснили—продолжаетъ онъ, —но такъ какъ ожидаемаго прилива чистой русской крови на рынокъ литовскихъ имѣній не оказалось (?), то были вынуждены (?!) прибѣгнуть къ *смѣлой фикціи*, будто въ указѣ о продажѣ имѣній, подъ категоріею лицъ русскаго происхожденія, подразумѣвались и Нѣмцы, уроженцы Остзейскаго края» **). Дѣйствительно смѣлая фикція—поясняетъ г. Самаринъ: предоставивъ право, на извѣстныхъ условіяхъ, пріобрѣтать имѣнія въ Западномъ краѣ *исключительно* лицамъ *русскаго* происхожденія, наше правительство вслѣдъ за симъ пояснило, что подъ этимъ выраженіемъ слѣдуетъ подразумѣвать и уроженцевъ нѣмецкой балтійской колоніи, т. е., по выраженію издателя «Русскихъ Окраинъ», «лицъ *оффиціально* называющихъ себя Нѣмцами!..» Нѣтъ сомнѣнія, что высшее правительство къ такому широкому истолкованію указа побуждалось чувствомъ деликатности и великодушія,—желаніемъ избѣжать всего, что̀ могло бы обидѣть и огорчить щекотливую честь «вѣрнаго и преданнаго балтійскаго рыцарства» (die loyale Ritterschaft),—показать полное ему довѣріе... И вотъ, въ благодарность русскому правительству за такія ве-

---

*) Sein Russificirungsversuch ihm unter den Händen in den Germanisationsprocess umschlägt.

**) Wesentliche Verschiedenheit der Bedeutung etc. gleichnamiger Factore des öffentlichen Lebens, etc. etc. etc. von W. v. Bock. Berlin. 1868. S. 37.

ликодушныя уступки, рыцарство надъ нимъ же смѣется! Въ то время, какъ всякое замѣчаніе русской печати по поводу такого страннаго расширенія категоріи «Русскихъ по происхожденію, признавалось со стороны цензурнаго вѣдомства неприличнымъ и для вѣрноподданническихъ чувствъ балтійскаго уроженца оскорбительнымъ,—балтійскіе рыцари издѣвались надъ оказываемымъ имъ почетомъ, надъ производимымъ въ ихъ пользу насиліемъ истины, и во всеуслышаніе Германіи объявляли въ Берлинѣ слѣдующее: «ожидать отъ насъ, чтобъ мы, оставаясь Нѣмцами, въ то же время были душою и сердцемъ Русскими (Russes de coeur et d'âme, какъ выразился покойный Государь) — все равно что требовать, чтобы квадратъ, не измѣняясь въ своей формѣ, сдѣлался треугольникомъ!» *). Все это, конечно, не помѣшало балтійскимъ дворянамъ воспользоваться предлагаемыми выгодами и накупить имѣній дешевою цѣной и на льготныхъ условіяхъ. Мы нарочно привели собственное свидѣтельство балтійскихъ Нѣмцевъ о томъ, что обрусѣніе Литовскаго края въ ихъ рукахъ становится процессомъ германизаціи. Все то, что мы писали въ «Москвѣ» о предстоящемъ обращеніи Ковенской губерніи въ *Kowenland*,—что мы сообщали какъ предположеніе, основанное на извѣстіяхъ о подвигахъ одного изъ предводителей дворянства, графа К.,— все это нашло себѣ неожиданное для насъ подтвержденіе въ хвастливомъ сознаніи одного изъ самыхъ видныхъ представителей балтійскаго рыцарства! Какъ неблаговолительно смотрѣли тогда изъ Петербурга на такія выходки московской печати, возбуждающія якобы «вражду одной части народонаселенія противъ другой!» Любопытно бы знать, какъ посмотрятъ на нихъ въ настоящее время, послѣ драгоцѣнныхъ откровеній г. фонъ-Бокка? а также—какую участь испытаетъ *теперь*, уже выработанный, какъ мы слышали, курляндскими дворянами, проектъ о причисленіи Шавельскаго уѣзда къ Курляндской губерніи?... Обмѣнять Поляковъ на Нѣмцевъ въ Сѣверозападномъ краѣ, и именно въ Ковенской губерніи—не все ли это равно, что по пословицѣ, промѣнять кукушку на ястреба?

*) Livl. Beiträge. B. II. S. 118 и 119.

Какъ ни казалось въ прошломъ году газетѣ министерства внутреннихъ дѣлъ *«произвольнымъ и оскорбительнымъ»* встрѣчавшееся въ русскихъ журналахъ сравненіе дѣлъ Западнаго края съ дѣлами Прибалтійскихъ губерній,—но это сравненіе находитъ себѣ полное оправданіе въ фактахъ собранныхъ въ книгѣ г. Самарина. Впрочемъ и прежде, до обнародованія этихъ данныхъ, не трудно было, безъ всякаго особеннаго дара дальновидности, прозрѣть аналогію польскаго и нѣмецкаго дѣла. Какъ въ сѣверозападныхъ губерніяхъ Поляки, такъ и въ Балтійскомъ поморьѣ Нѣмцы— пришельцы и не принадлежатъ къ туземной національности края; какъ тамъ, такъ и здѣсь Нѣмцы и Поляки — господа въ краѣ, въ которомъ представляютъ значительное меньшинство,— послѣдніе одинъ десятый процентъ, а первые всего 8% мѣстнаго народонаселенія. Какъ тамъ, такъ и здѣсь въ рукахъ Поляковъ и Нѣмцевъ сосредоточена поземельная собственность, соціальныя привилегіи и всѣ средства давленія на непольскія и ненѣмецкія массы народа. Какъ тамъ, такъ и здѣсь господствуетъ у Поляковъ и Нѣмцевъ, у каждаго въ своемъ краѣ, стремленіе поглотить національность мѣстнаго населенія своею, чуждою ему, національностью. т. е. стремленія въ Сѣверозападномъ краѣ — ополячить Русскихъ и Литовцевъ, а въ балтійскихъ губерніяхъ—онѣмечить Латышей и Эстовъ. Какъ тамъ, такъ и здѣсь способы претворить туземную народность въ польскую и нѣмецкую — употребляются почти одинаковые: религія, школа, соблазны житейскихъ выгодъ, угрозы, насилія, гоненія, униженія... Какъ тамъ, такъ и здѣсь — высшіе классы, составленные изъ людей чуждой краю національности, т. е. изъ Поляковъ и изъ Нѣмцевъ,— заслоняли, а въ Балтійскомъ поморьѣ продолжаютъ заслонять и теперь, массы сельскаго населенія отъ верховной русской власти. Какъ тамъ, такъ и здѣсь въ этихъ массахъ угнетеннаго сельскаго населенія — глубоко вкоренена національная вражда къ своимъ *насильникамъ*,—къ польскимъ панамъ и къ нѣмецкимъ рыцарямъ,—живетъ искреннее влеченіе къ Россіи, искренняя вѣра въ Русскаго царя... Достаточно было одного этого сходства въ условіяхъ положенія той и другой мѣстности для того, чтобы русское общественное мнѣніе, значительно прозрѣвшее послѣ польскаго

мятежа,—не «произвольно», какъ говоритъ «Сѣверная Почта», а по необходимости,—усмотрѣло готовящуюся Россіи опасность и на Балтійской окраинѣ. Что же касается до *оскорбительности* для Нѣмцевъ такого сравненія и сближенія съ Поляками, пусть на это отвѣчаетъ слѣдующая выписка изъ книги г. Самарина:

„По поводу балтійской агитаціи за границею, я не могу не обратить вниманія на тѣсный союзъ, заключенный между пропагандою нѣмецкою и пропагандою польскою. Въ Пруссіи, познанскіе Поляки, кажется, первые подняли голосъ за мнимо угнетенныхъ Балтійцевъ и продолжаютъ въ своихъ газетахъ оплакивать заранѣе горькую участь, ожидающую лютеранство и нѣмецкую національность. Въ свою очередь, въ отплату, за эту добрую услугу, балтійскіе публицисты указываютъ Европѣ на угнетеніе латинскаго духовенства и негодуютъ на насильственное введеніе въ Западномъ краѣ русскаго языка. Разверните любую заграничную брошюру балтійскаго издѣлія — и вы найдете въ ней всѣ знакомые вамъ мотивы польскаго изобрѣтенія; вы узнаете, напримѣръ, что Русскіе вовсе не Славяне, а выродившіеся Монголы, или Туранцы; что еслибы Русскія интриги не мѣшали дворянству, то крестьяне въ балтійскихъ губерніяхъ давно бы были облагодѣтельствованы своими помѣщиками и сдѣлались бы собственниками, что латинству и протестантству давно бы пора отложить всякія междоусобныя распри и, опознавъ себя взаимно какъ одно цѣлое, именно какъ западное христіанство (das abendländische Christenthum), объявить войну восточному христіанству (т. е. православію) и Москалю — этому исконному и непримиримому общему ихъ врагу (gegen den Erz-und Erbfeind, den Moscowiter)“ *).

Но, возразятъ можетъ-быть въ Петербургѣ: вольно же ссылаться все на фонъ-Бокка и фонъ-Бокка! Въ семьѣ не безъ урода,—фанатизмъ одного или двухъ выродковъ изъ балтійскихъ дворянъ не можетъ оправдывать огульнаго осужденія всему благородному и вѣрному балтійскому рыцарству... Замѣтимъ на это, вопервыхъ, что не одинъ г. фонъ-Боккъ, а и Егоръ фонъ-Сиверсъ, и Юліусъ Экартъ, и множество другихъ писателей раскрываютъ печатно за границей тайны балтійскихъ нѣмецкихъ тенденцій. Эти писанія составляютъ

---

*) Wesentliche Verschiedenheit etc. Berlin, 1868. S. 1, 10, 30. Livl. Beit. von W. v. Bock. B. I. L. 1. S. 10, 110 etc. etc.

цѣлую литературу, которой первенствующимъ корифеемъ долженъ быть признанъ г. фонъ-Боккъ, какъ по своему личному усердію, такъ и по своему общественному положенію въ краѣ. Не говоримъ уже о цѣломъ потокѣ корреспонденцій изъ Риги, Митавы, Ревеля и прочихъ балтійскихъ мѣстностей, неистощимо наводняющемъ германскіе періодическіе листки. Вовторыхъ: ни сочиненія Бокка и К°, ни эти корреспонденціи, не вызвали, со стороны мѣстной балтійской прессы или отъ кого-либо изъ балтійскихъ рыцарей, ни единаго опроверженія, ниже какого-либо, хотя бы слабаго, выраженія негодованія. Въ томъ-то и дѣло, что оппозиція Россіи на Балтійской окраинѣ не можетъ быть отнесена только къ личной винѣ того или другаго сына «лифляндской отчизны», а является общимъ совокупнымъ дѣйствіемъ всей нѣмецкой колоніи, въ которомъ личности исчезаютъ. Это неопровержимо доказывается всею исторіей нашего управленія краемъ и раскрыто г. Самаринымъ во всѣхъ подробностяхъ... Однакожь,— возразятъ опять въ Петербургѣ, — если и есть какая-либо внѣшняя аналогія въ положеніи Сѣверозападнаго края и Балтійскаго поморья, то не только нѣтъ аналогіи, но и ни малѣйшаго сходства между легальнымъ, мирнымъ проявленіемъ любви къ своей народности Нѣмцевъ и мятежнымъ образомъ дѣйствія польской шляхты. Конечно, отвѣчаетъ г. Самаринъ, въ Балтійскомъ краѣ мы не увидимъ ни религіозныхъ процессій съ революціонными эмблемами,—не услышимъ ни пѣнія возмутительныхъ гимновъ, ни одного даже выстрѣла: «тамошніе дворяне никогда не пойдутъ до лясу (гдѣ бы ихъ всѣхъ перехватали Латыши) и ужъ конечно никогда не подумаютъ подкупать народъ къ возстанію отмѣною повинностей и даровыми надѣлами (за это ручается мудрая разсчетливость тамошнихъ помѣщиковъ и общій характеръ всѣхъ сочиненныхъ ими крестьянскихъ положеній)». Но воображая себѣ *мятежъ* не иначе, «какъ въ типическомъ образѣ шляхтича съ закрученными усами и откидными рукавами, мы какъ будто ужъ забыли про закулисныя пружины и общіе пріемы политической интриги, которыми иногда дѣйствительно подготовляются революціонные взрывы, а иногда совершенно иными средствами, втихомолку, безъ всякаго нарушенія благочинія, безъ выстрѣловъ, безъ набата и шитыхъ знаменъ

преобразуется духъ цѣлой страны... Медленно и незамѣтно ослабляются узы, скрѣплявшія область съ государствомъ, осторожно и тихо подпиливаются сваи, на которыхъ опиралась верховная власть; потомъ заблаговременно предусмотрѣнный ударъ извнѣ довершаетъ эту работу и самые слѣды ея исчезаютъ въ общей катастрофѣ»...

Пріемы политической интриги, общіе нѣмецкой колоніи и польской шляхтѣ, сводятся, по мнѣнію издателя «Русскихъ Окраинъ», при всемъ ихъ разнообразіи, къ четыремъ главнымъ: пропагандѣ въ деревняхъ, пропагандѣ въ министерствахъ и столичныхъ гостиныхъ, подрыву личныхъ репутацій и наконецъ журнальной агитаціи за границей. Вотъ что̀ говоритъ г. Самаринъ о первомъ пріемѣ:

„Обыкновенно, начинаютъ съ пропаганды въ деревняхъ. Цѣль ея—отвлечь отъ правительства и отъ господствующей народности довѣріе и сочувствіе массъ. Для этого не требуется ни особеннаго краснорѣчія, ни правдоподобія вымысловъ, ни убѣдительности доводовъ,—дѣло сподручно всякому; но необходимо, чтобы за него брались многіе, единовременно, на разныхъ пунктахъ, и долбили бы постоянно по одному мѣсту, пуская въ ходъ всякаго рода небылицы, приспособленныя къ понятіямъ простонародья, перетолковывая въ дурную сторону распоряженія власти, благоразумно умалчивая о дѣйствіяхъ ея явно благопріятныхъ для большинства, наконецъ,—это самое эффектное средство—выискивая, даже создавая поводы обносить народъ передъ правительствомъ и *наводить на деревни военныя экзекуціи, хотя бы замаскированныя простою перемѣною въ дислокаціи войскъ* (какъ это теперь дѣлается въ балтійскихъ губерніяхъ). Этого рода пропаганда дѣйствуетъ конечно медленно, но вѣрно, и хороша тѣмъ, что высмотрѣть ее изъ Петербурга довольно трудно“...

Въ подтвержденіе своихъ словъ, г. Самаринъ приводитъ нѣсколько поразительныхъ примѣровъ такой эксплуатаціи простонароднаго невѣжества нѣмецкими помѣщиками и пасторами — въ пользу нѣмецкой *справы* и во вредъ Россіи къ потрясенію въ массахъ упованія и надеждъ на русскую власть. Самыя мелкія обстоятельства идутъ здѣсь въ дѣло. Близко незнакомому съ процессомъ образованія народныхъ понятій,—справедливо замѣчаетъ г. Самаринъ,— каждый фактъ, взятый отдѣльно, можетъ показаться случайнымъ и ничтожнымъ; значеніе и силу пріобрѣтаетъ онъ только въ массѣ

другихъ фактовъ совершенно однородныхъ и безпрестанно повторяющихся. Въ этомъ отношеніи изданіе г. Самарина представляется чрезвычайно поучительнымъ для русской администраціи: она можетъ видѣть изъ него — какой осторожности требуютъ, въ отношеніяхъ къ краю, каждое ея выраженіе, каждое дѣйствіе; какъ необходимо ей имѣть постоянно въ виду тѣ темныя массы безправнаго народа, для которыхъ всякое слово власти звучитъ «приказомъ», или «запрещеніемъ», отражается какъ рѣшительное наклоненіе въ ту или другую сторону. Такъ, напримѣръ, всѣ правительственныя мѣры въ томъ краѣ, направленныя къ облегченію смѣшанныхъ браковъ православныхъ съ лютеранами, были поняты народомъ какъ положительное покровительство и даже предпочтеніе, оказанное верховною властью лютеранству. Да и трудно было ему понять иначе: православному священнику воспрещается требовать отъ вступающаго въ бракъ православнаго лица предварительнаго исполненія обряда исповѣди и причастія и вызывать его къ себѣ для надлежащаго увѣщанія; между тѣмъ лютеранскіе пасторы, съ своей стороны, никогда не вѣнчаютъ небывшихъ на конфирмаціи и всегда вызываютъ къ себѣ своихъ прихожанъ, намѣренныхъ вступить въ бракъ съ православными, для увѣщанія и отклоненія отъ такихъ браковъ... На это, конечно, не замедлили пасторы обратить вниманіе крестьянъ-Латышей: «вы видите,—говорятъ они,— что Русскій Царь гораздо благосклоннѣе къ намъ и къ нашей вѣрѣ, чѣмъ *къ русскимъ попамъ* и *русской вѣрѣ:* попамъ онъ строго запрещаетъ удерживать своихъ отъ браковъ съ нашими, а намъ онъ не мѣшаетъ оберегать своихъ отъ браковъ съ *Русскими*...» Повторяемъ: все идетъ въ дѣло, все годно балтійскому Нѣмцу для извращенія понятій Латыша о Россіи. Въ этой «просвѣщенной» странѣ наставники и попечители латышскаго народа, представители германской культуры, издаютъ или издавали недавно духовную газету на латышскомъ языкѣ: »Другъ Народа» (разумѣется, съ одобреніемъ мѣстной цензуры), и вотъ малый образчикъ, въ какомъ духѣ *печатаются* эти пасторскія назиданія:

„Если чортъ станетъ когда-нибудь искать себѣ пристанища

на сушѣ, то, ей-богу, нельзя отрекомендовать ему мѣста болѣе приличнаго и удобнаго какъ Русскую землю...“ *).

Все это, скажутъ, мелочи, бредни, о которыхъ и разсказывать не стóитъ. Такъ, но эти бредни, говоритъ г. Самаринъ, «мало-по-малу дѣлаютъ свое дѣло. Капля за каплей, падая въ одно мѣсто, долбитъ камень. Когда-нибудь онъ намъ понадобится, этотъ камень, *его же небрегоша зиждущіе*, и только тогда мы замѣтимъ, къ немалому своему удивленію, что онъ треснулъ во всю длину...» Затѣмъ, приводя свидѣтельство самого г. фонъ-Бокка, основанное на статистическихъ данныхъ, что еще недавно крестьяне настоятельно требовали обученія русскому языку, а теперь стали къ нему охладѣвать и стараются преобразиться въ Нѣмцевъ, г. Самаринъ прибавляетъ: «Это значитъ, что прежде они тянули къ Россіи, а теперь тянутъ къ Германіи. Въ какихъ-нибудь двадцать лѣтъ, совершился въ ихъ настроеніи рѣшительный переворотъ! Спрашивается: сдѣлалось ли это случайно, такъ, само собою, безъ чьего-либо старанія, или эта нынѣ громко заявляемая побѣда мѣстнаго германизма надъ Россіею была плодомъ той неуловимой пропаганды, о которой ничего не знали и не знаютъ наши генералъ-губернаторы?...»

Не останавливаясь на *документахъ*, приводимыхъ г. Самаринымъ въ подтвержденіе его словъ о систематической клеветѣ на народъ и о военныхъ экзекуціяхъ, какъ о средствѣ застращиванія крестьянъ грозою русской власти, перейдемъ къ словамъ г. Самарина—о второмъ пріемѣ интриги: о пропагандѣ въ министерствахъ, въ высшихъ русскихъ правительственныхъ сферахъ и гостиныхъ:

„Второй пріемъ, пропаганда въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, употребляется для предупрежденія или обезсиленія всякаго противодѣйствія со стороны мѣстъ и лицъ, отъ которыхъ можно ожидать его, для устраненія серьезнаго обсужденія представляемыхъ проектовъ, для испрошенія разрѣшеній на всякаго рода ходатайства экстра-легальнымъ путемъ, вообще для образованія въ центрѣ правительства какого-нибудь, по возможности, изолированнаго и независимаго учрежденія (статсъ-секретаріата

---

*) Leiweeschu Draugs. стр. 27, л. 7. 1841 г. См. „Окраины Россіи“ выпускъ 2-й. „Записки Православнаго Латыша“.

или комитета), въ которомъ бы сосредоточивались всѣ дѣла извѣстной области, и въ которомъ бы засѣдали, разумѣется, только люди безгласные, или такіе какіе нужны. Достаточно указать на Комитетъ по дѣламъ Остзейскимъ, въ теперешнемъ его составѣ и при теперешнемъ, установившемся въ немъ, порядкѣ производства законодательныхъ дѣлъ. Этотъ Комитетъ составляетъ какъ бы маленькое укрѣпленіе in partibus Russorum, выстроенное въ самомъ центрѣ высшаго правительства, и въ стѣнахъ котораго балтійская интеллигенція нашла себѣ неприступный операціонный базисъ и вѣрное убѣжище отъ всякихъ нападеній извнѣ *). Услуги, въ этомъ отношеніи оказанныя ей Остзейскимъ Комитетомъ (дѣйствующимъ иногда въ расширенномъ, а иногда въ сокращенномъ составѣ), до сихъ поръ еще не были оцѣнены по достоинству. Благодаря ему, для законодательныхъ дѣлъ Балтійскаго края установился какой-то совершенно особенный, домашній порядокъ производства и разрѣшенія. Этимъ только обстоятельствомъ и можно объяснить себѣ... что, напримѣръ, цѣлыя уложенія о крестьянахъ, минуя Государственный Совѣтъ, восходили на высочайшее утвержденіе и вводились въ дѣйствіе въ видѣ опыта, на срокъ болѣе или менѣе продолжительный. При этомъ обыкновенно заявлялось, что не стóитъ очень строго разсматривать постановленія, которымъ сами составители придавали значеніе опытовъ, и о достоинствѣ которыхъ предстояло еще впереди имѣть окончательное сужденіе; а между тѣмъ, этими постановленіями, вводившимися въ видѣ опытовъ, разрѣшалось помѣщикамъ отрѣзывать участки отъ крестьянскихъ земель безповоротно и безвозвратно. Государственный Совѣтъ, или Главный Комитетъ по дѣламъ крестьянъ, пожалуй, призадумался бы подвергать цѣлый народъ такого рода опытамъ; но на то именно и нуженъ специальный Остзейскій Комитетъ, чтобы разрѣшать все, чтò подвертывается ему изъ Риги...“

Что же касается до пропаганды въ гостиныхъ, до этой Salonsmission, какъ выражается г. фонъ-Боккъ, то она, по свидѣтельству самихъ Нѣмцевъ, отлично дѣлаетъ свое дѣло.

«Здѣсь, на этой легкой, воспріимчивой почвѣ,—говоритъ г. Самаринъ,—опытными руками разбрасываются сѣмена сомнѣній въ правотѣ самыхъ законныхъ требованій правительства и опорочиваются употребляемыя имъ средства. Запав-

*) Если не ошибаемся, жалованье дѣлопроизводителю этого комитета полагается изъ суммъ балтійскаго дворянства. *Ред.*

шее сомнѣніе скоро порождаетъ ложный стыдъ, потомъ раскаяніе, а эти чувства располагаютъ къ уступкамъ—въ видахъ искупленія мнимыхъ несправедливостей.... Мы склонили головы предъ обличеніями, повѣрили всѣмъ небылицамъ, которыми заѣзжіе бароны (и паны) раздражали наше воображеніе, и повинились во всемъ—въ подговорахъ къ вѣроотступничеству, въ нагломъ нарушеніи всевозможныхъ правъ и договоровъ и т. д. и т. д...» «Такого рода миссіонеры, остзейскіе и польскіе, замѣчаетъ въ другомъ мѣстѣ издатель «Окраинъ Россіи», «никогда не переводятся въ тѣхъ же кругахъ; и теперь, какъ и тогда, наше высшее общество слушаетъ ихъ развѣся уши, не подозрѣвая даже, **какое безконечное презрѣніе оно внушаетъ имъ своею ребяческою довѣренностью, а еще болѣе легкостью, съ которою оно выдаетъ имъ головою все свое (т. е. русское) и всѣхъ своихъ»**!

Третьимъ орудіемъ—клеветою и политическимъ доносомъ, по словамъ г. Самарина, die loyale Baltische Ritterschaft, владѣетъ также беззастѣнчиво, какъ и польская справа. Документальныя, фактическія доказательства, приведенныя г. Самаринымъ, не оставляютъ въ томъ никакого сомнѣнія. Въ смѣлости клеветы Нѣмцы не уступаютъ Полякамъ. Не дальше какъ въ прошломъ году вице-президентъ лифляндскаго гофгерихта напечаталъ въ Берлинѣ, для свѣдѣнія Германіи и Европы, что архіепископъ Платонъ и бывшій управляющій палатою государственныхъ имуществъ, Шафрановъ, «пытались въ самое послѣднее время терроризировать нѣмецкихъ помѣщиковъ **посредствомъ краснаго пѣтуха** и произвели рядъ **тенденціозныхъ церковно-политическихъ поджоговъ** *). Кромѣ явной клеветы и доноса, въ большомъ употребленіи и *нашептыванье*, для котораго, говоритъ г. Самаринъ, существуетъ спеціальный терминъ, часто встрѣчающійся въ конфиденціальныхъ перепискахъ агентовъ балтійскихъ сословій съ ихъ довѣрителями — Privat-Insinuationen: этотъ способъ могущественнѣе всякаго прямаго доноса...

Что же касается до четвертаго пріема политической интриги—до журнальной агитаціи за границей, то этотъ пріемъ

*) Livl. Beitr. I. S. 17—24.

не нуждается ни въ описаніи, ни въ доказательствахъ. Десятки иностранныхъ газетъ, ежедневно привозимыхъ намъ почтою ежедневно убѣждаютъ насъ въ томъ, что эта агитація организована систематически, постоянно ростетъ и ширится. Не можемъ не привести замѣчательныхъ строкъ Ю. Ѳ. Самарина по этому поводу. Авось-либо русское правительство и русское общество призадумаются надъ ними:

«Газетная агитація свое дѣло сдѣлала: она успѣла убѣдить Германію въ томъ, вопервыхъ, что на нашемъ Балтійскомъ поморьѣ частью совершаются, частью готовятся какія-то вопіющія беззаконія; вовторыхъ, что дѣйствія нашего правительства оскорбительны для Германіи, и втретьихъ, что, по своему историческому призванію, она имѣетъ поводъ вступиться въ дѣло: это первый моментъ. За этимъ, обыкновенно, слѣдуютъ запросы, предлагаемые въ представительныхъ собраніяхъ, вожаками крайнихъ партій, людьми отчаянными. Такихъ запросовъ было уже нѣсколько: это второй моментъ. Прусское министерство разъ уже на нихъ отвѣчало и отклонило отъ себя всякое вмѣшательство; вѣроятно, отклонитъ въ другой и въ третій разъ; но запросы будутъ продолжаться. Наконецъ (таковъ обыкновенный ходъ дѣла), правительство дружески къ намъ расположенной державы обратится въ Петербургъ съ ласковою просьбою сообщить ему что-нибудь, въ формѣ если не завѣренія, то хоть бы объясненія, чѣмъ бы оно могло унять у себя докучливую оппозицію и зажать ей ротъ. Я не говорю, чтобъ это могло случиться теперь, когда Пруссіи угрожаетъ ежеминутно разрывъ съ Франціею; но утверждаю, что общественное мнѣніе Германіи настроено и подготовлено къ такого рода запросу для переду. Такъ какъ мы дѣйствительно ничего такого не замышляемъ и не творимъ, въ чемъ бы не могли громогласно сознаться, то почему бы и не успокоить нашихъ добрыхъ сосѣдей? Но, разумѣется, мы этимъ никого не удовлетворимъ, а вызовемъ опять-таки дружескій совѣтъ поступить такъ-то, или не дѣлать того-то, во имя спокойствія Европы и ради поддержанія тѣснаго союза съ державою, желающею намъ всякаго добра.... Только бы завязался разговоръ или обмѣнъ мыслей о Балтійскомъ краѣ, а тамъ мы быстро скользнемъ по отлогому, къ несчастію, очень намъ знакомому скату, и какъ разъ очутимся на скамьѣ подсудимыхъ, предъ трибуналомъ Европы!...»

Читатели конечно не посѣтуютъ на насъ за такія обиль-

ныя выписки; мы увѣрены, что они, напротивъ, благодарны намъ за такую услугу. Мы сочли себя обязанными хотя нѣсколько ознакомить ихъ съ этимъ замѣчательнымъ, благороднымъ трудомъ, къ которому и правительство и русское общество должны отнестись не иначе, какъ съ величайшею признательностью и уваженіемъ,—и въ то же время съ краскою стыда на лицѣ—при мысли, что такой подвигъ, такое служеніе отечеству, такое исполненіе своего гражданскаго долга относительно Россіи—можетъ совершаться свободно лишь внѣ предѣловъ Россіи, при помощи заграничныхъ типографскихъ станковъ!...

Заключимъ на сей разъ наши выписки изъ книги г. Самарина слѣдующими многознаменательными его словами:

«Повторяю: политическая агитація, опознанная нами въ грубѣйшей ея формѣ уличнаго скандала и мятежа, имѣетъ въ своемъ распоряженіи много другихъ средствъ, не менѣе, если не болѣе дѣйствительныхъ, но къ которымъ мы, къ сожалѣнію, какъ будто не успѣли еще приглядѣться. Иной разъ, можно даже подумать, что мы преднамѣренно игнорируемъ ихъ, забывая, что если иногда цѣлыя полосы земли проваливаются мгновенно въ море отъ волканическихъ сотрясеній, то еще чаще случается, что море незамѣтно заливаетъ неукрѣпленный берегъ и шагъ за шагомъ отвоевываетъ его»...

Два политическія вѣроисповѣданія относительно Остзейскаго края.

«Москва», 21-го сентября 1868 г.

«Скажите имъ, что я **Императрица Всероссійская**, а не герцогиня курляндская»—отвѣчала Екатерина II на какое-то заносчивое домогательство своихъ балтійскихъ подданныхъ.

«Счастливъ Императоръ Всероссійскій, что сыны Лифляндіи, Эстляндіи и Курляндіи чтутъ въ немъ своего **Герцога**,—иными словами: могучаго законнаго и *свободнаго отъ всякаго русскаго давленія* (russische Pression) оберегателя своихъ благопріобрѣтенныхъ правъ и преимуществъ, обязавшагося передъ Богомъ и передъ людьми защищать ихъ данною

ему властью»—провозглашают теперь эти балтійскіе подданные *)...

Между этими двумя политическими вѣроисповѣданіями почти столѣтіе, замѣчает издатель «Окраин Россіи». По отлогому же скату двигались мы в этот промежуток времени, если послѣднее вѣроисповѣданіе стало теперь господствующим на нашем Балтійском поморьѣ! Но остановились ли мы? Это ли послѣдній предѣл нашего нисхожденія?

«Отечество наше — **Германія**», отвѣчает на этот вопрос балтійское рыцарство; Лифляндія, Эстляндія и Курляндія—наша родина: Россія — это государство, к которому мы *теперь* приписаны. Мы состоим не *в нем*, а *под ним*. Под защитою наших прав и привилегій, которых соблюденія мы требуем от Русскаго Монарха, мы тѣм удобнѣе можем противодѣйствовать *чужому владычеству* (Fremdherrschaft) и с б е р е г а т ь н а ш у о б л а с т ь д л я г е р м а н и з м а, в ч а я н і и л у ч ш и х в р е м е н». **) А какія это «лучшія времена»—мы уже знаем не только из статей помѣщенных в извѣстном обозрѣніи Вестермана «Unsere Tage», под заглавіем: «Призваніе **Пруссіи** на Востокѣ» и «О будущности нѣмецких остзейских провинцій под владычеством Пруссіи» (ч. 16, гл. VII),—но и из ежедневных воззваній к прусскому и германскому общественному мнѣнію, помѣщаемых нашими Балтійцами в заграничных нѣмецких газетах. Впрочем эти тенденціи и вообще всѣ внѣшніе пріемы балтійской нѣмецкой интриги уже достаточно разъяснены нами читателям в трех наших статьях, посвященных разбору книги г. Самарина. Возвращаемся снова к этому труду, чтобы с его помощью оправдать русскую, оклеветанную и нами самими плохо сознаваемую правду—и еще нагляднѣе показать русской публикѣ: с одной стороны, процесс нашего политическаго нисхожденія, т. е. ослабленія русскаго государственнаго авторитета и власти; с другой—процесс восхожденія нѣмецкой національности на высшую против прежняго степень политическаго значенія и силы.

---

*) См. Livländische Beiträge von W. v. Bock. Berlin. 1868. B. I. Lief. III. S. 297—300.

**) Там же S. 246—290.

Не только за границей, но и у насъ въ обществѣ, особенно въ высшихъ его петербургскихъ сферахъ, распространено мнѣніе, что «какъ ни похвальна, ни почтенна ревность къ русскимъ интересамъ нѣкоторыхъ горячихъ патріотовъ, но все же таки надо признаться: на сторонѣ Нѣмцевъ — право: ils ont le bon droit pour eux. Они стоятъ на почвѣ легальности,—ну, а какое же цивилизованное и уважающее себя правительство можетъ позволить себѣ грубое нарушеніе правъ и законовъ? Не лучше ли въ этомъ случаѣ дѣйствовать путемъ нравственнаго вліянія, привлекать къ себѣ сердца иноплеменныхъ подданныхъ силою общественною, духовною, а не деспотизмомъ, не палкою» и т. д. и т. д.

Рѣчи знакомыя и душу ублажающія! Онѣ давно уже раздаются въ нашихъ гостиныхъ, какъ соблазнительное пѣніе сирены — то во образѣ польскаго графа, то во образѣ остзейскаго барона. Еще на дняхъ послышался тотъ же голосъ въ брошюркѣ, изданной въ Баденъ-Баденѣ подъ названіемъ «Письмо къ г. Ю. Самарину». Замѣтимъ, вопервыхъ, что эти проповѣдники легальности, чистой, нравственной, духовной силы и враги грубаго деспотизма, являясь таковыми въ петербургскихъ гостиныхъ, — у себя дома, гдѣ-нибудь въ Западномъ краѣ или въ Балтійскихъ губерніяхъ, откладываютъ въ сторону эти высокіе принципы по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ простонароднымъ массамъ Русскихъ, Латышей, Эстовъ. Для противодѣйствія успѣхамъ русской національности и вообще народности туземнаго большинства, и для укрѣпленія господства — въ предѣлахъ Россіи — національности меньшинства, т. е. нѣмецкой и польской,—гуманисты изъ польской шляхты и нѣмецкаго балтійскаго рыцарства не брезгаютъ никакими средствами: тутъ нѣтъ мѣста ни праву, ни легальности, ни духовному вразумленію,—тутъ въ ходу безправіе, насиліе, внѣшній гнетъ, самые грубѣйшіе виды тиранніи. Относительно польскихъ помѣщиковъ все это уже не требуетъ и доказательствъ: относительно же образа дѣйствій балтійскихъ нѣмецкихъ чиновниковъ и землевладѣльцевъ — едвали не каждый нумеръ нашей газеты сообщаетъ самыя несомнѣнныя, поразительныя свидѣтельства. На какомъ же основаніи, — дѣйствуя сами, для достиженія своихъ цѣлей, въ области нисколько не духовной, а внѣшней,

т. е. вѣдаемой государственнымъ закономъ и правомъ,—позволяютъ они себѣ предъявлять притязаніе, чтобы въ борьбѣ съ ними Русскіе не смѣли употреблять другихъ орудій кромѣ духовныхъ. Вовторыхъ, мы не менѣе нашихъ противниковъ и ихъ петербургскихъ патроновъ убѣждены въ значеніи и могуществѣ нравственныхъ общественныхъ силъ въ дѣлѣ народнаго и государственнаго объединенія. Но вѣдь для этого необходимо, прежде всего, чтобъ органическому развитію этихъ силъ была предоставлена полная свобода у себя дома, а такихъ благопріятныхъ условій наша общественная національная жизнь, какъ извѣстно, до послѣдней поры почти не имѣла,—и между прочимъ именно вслѣдствіе рѣзкаго преобладанія чужихъ національныхъ стихій, обставленныхъ у насъ въ Россіи не только нравственнымъ авторитетомъ, но и значеніемъ внѣшней власти... Во всякомъ случаѣ, какова бы ни была степень силы и слабости нашей, такъ сказать, *общественности*, все это нисколько не упраздняетъ ни обязанностей правительства—дѣйствовать сообразно съ русскими интересами, въ сферѣ ему подлежащей, ни обязанностей и права русскихъ людей напоминать своей администраціи объ ея долгѣ или обличать ея бездѣйствіе. Есть цѣлая область явленій, гдѣ упущенное однажды правительствомъ не можетъ быть исправлено потомъ никакимъ нравственнымъ развитіемъ общества, хотя бы добралось оно и до высшей степени, до самой нѣмецкой культуры. Да наконецъ, повторяемъ, не похожи ли всѣ эти якобы либеральные совѣты на слѣдующій, напримѣръ, совѣтъ: «при видѣ вора, крадущаго ваше добро самымъ недуховнымъ манеромъ, выжидать свободнаго воздѣйствія на него вашей нравственной общественной силы; другими словами: дать ему напередъ украсть и потомъ уже духовно отнимать у него уворованное?»... Мы хорошо знаемъ, какого рода обвиненіямъ поспѣшатъ подвергнуть наши цивилизованные инородцы и петербургскіе гуманисты и насъ, и книгу нашего сотрудника, — сотрудника «Дня» и «Москвы», г. Самарина. Но предвидя эти обвиненія, онъ уже предупредилъ насъ отвѣтомъ въ своихъ «Окраинахъ», а потому и приведемъ его собственныя слова:

«Понимаемъ, къ чему вы ведете, — скажутъ иные чита-

тели,—(это обыкновенный пріемъ въ подобныхъ случаяхъ):— вамъ нужны политическія слѣдствія, военносудныя коммиссіи, военное положеніе, ссылки, конфискаціи —нуженъ прежде всего Муравьевъ для Балтійскаго края. Такъ, что ли? Этого вы добиваетесь?»

«Нѣтъ, господа, не этого. Я не хочу ни слѣдствій, ни военносудныхъ коммисcій, ни военнаго положенія, ни ссылокъ, ни конфискацій. Напротивъ: я нахожу несправедливымъ, возмутительнымъ, и въ то же время крайне не политичнымъ, послѣ двадцатилѣтняго бездѣйствія и двадцатилѣтнихъ поблажекъ, опрокидываться на отдѣльныя личности, на удачу выхваченныя изъ ряду, на какого-нибудь Вальтера или Дибнера, ничѣмъ кромѣ бо̀льшаго прямодушія не отличающихся отъ другихъ, и вмѣнять имъ въ преступленіе ихъ слова или поступки, тогда какъ то же самое около нихъ говорятъ и дѣлаютъ всѣ, въ глазахъ начальства, съ его вѣдома, подчасъ даже съ его одобренія. И если ужь зашла рѣчь о Муравьевѣ, какъ о лицѣ типическомъ, то я не только не желаю Муравьева для Балтійскаго края, а напротивъ, потому именно позволяю себѣ относиться критически къ противоположному типу Мирковичей... Ливеновъ, Суворовыхъ и др., что образъ дѣйствія, или точнѣе бездѣйствія, послѣднихъ всегда и неминуемо приводитъ къ печальной необходимости прибѣгать къ системѣ перваго. Я нахожу, что жалка та политика, которая умѣетъ только потворствовать или карать, вымещая на другихъ естественныя послѣдствія собственныхъ своихъ послабленій; я желалъ бы вызвать борьбу не съ лицами, а съ общественными силами, ибо я вижу ясно, что противъ насъ, въ Россіи и за границею, въ деревняхъ и въ городахъ, въ гостиныхъ и въ министерствахъ, работаетъ неутомимая антирусская, политическая и общественная пропаганда, и я убѣжденъ, что противодѣйствовать ей съ успѣхомъ можно только (не малодушнымъ задобриваніемъ и не карательными мѣрами), а прямо и рѣшительно заявленною системою національнаго, русскаго законодательства, національной, общественной пропаганды, которая такъ противна «Сѣверной Почтѣ» *). Слова мои кажется, ясны, и я надѣюсь, что на сей разъ ихъ не перетолкуютъ».

*) «Сѣв. Почтѣ» прошлаго года...

Пойдемъ далѣе. «На сторонѣ Нѣмцевъ *право*, говорятъ намъ — le bon droit est pour eux; они стоятъ на почвѣ легальности». Прежде чѣмъ разбирать юридическую годность основаній нѣмецкаго права, мы предъявимъ требованіе также во имя права — права здраваго смысла. Спрашиваемъ: съ тою ли цѣлію «Россія отвоевала свое Балтійское поморье у Швеціи» (а не у лифляндскихъ ландратовъ и не у ревельскихъ бургомистровъ), какъ говоритъ г. Самаринъ, чтобы русская національность подвергалась въ немъ позору и угнетенію, и чтобъ около двухъ милліоновъ не нѣмецкаго и не желающаго быть нѣмецкимъ туземнаго народа было отчуждено отъ Россіи, лишено правъ своей народности и предано на насильственное онѣмеченіе меньшинству, составляющему только 8°/₀ всего населенія?? Или быть-можетъ и дѣйствительно балтійскими Нѣмцами отысканы въ мѣстныхъ дворянскихъ и городскихъ архивахъ, — продолжаетъ г. Самаринъ, — «какіе-нибудь неизвѣстные намъ документы, доказывающіе, что Россія, цѣною неимовѣрныхъ усилій, выучилась наконецъ побѣждать Шведовъ только для того, чтобъ, очистивъ отъ нихъ Лифляндію и Эстляндію, потомъ ударить отбой, сложить руки и выслушать отъ тамошнихъ сословій — какимъ образомъ угодно имъ будетъ распорядиться собою: не пожелаютъ ли они образовать изъ себя отдѣльное государство, или пристать опять къ Германской имперіи, или какъ-нибудь иначе устроить свою судьбу?!»

Или, быть можетъ, изъ уваженія къ «легальности», Россія должна по прежнему игнорировать, т. е. не признавать и существованія этихъ двухъ милліоновъ кореннаго, не нѣмецкаго населенія Балтійской окраины, заслоненнаго отъ правительства 138 тысячами Нѣмцевъ? Мало того, — должна безпрепятственно позволить Нѣмцамъ отвлекать отъ нея сочувствіе массъ и предоставить, какъ выражается г. Самаринъ, «германизму полную свободу раскидываться во всѣ стороны, овладѣвать умами и водворять въ нихъ вѣру въ свое всемогущество?... Этого ему и хочется; а когда онъ этого достигнетъ, когда простой народъ (*который уже теперь* по отзыву г. фонъ-Бокка, *сочувственнѣе относится къ Нѣмцамъ, чѣмъ къ Русскимъ, и быстро дозрѣваетъ до германизма*) окончательно онѣмечится *) (dem vollen Deutschthum

---

*) Livl. B. 1, Lief. II, § 4.

zugeführt wird), тогда Балтійское наше поморье дѣйствительно перестанетъ быть нашимъ, по крайней мѣрѣ въ смыслѣ народно-бытовомъ; тогда и государственное наше владычество въ этомъ краѣ потеряетъ самую прочную, ничѣмъ незамѣнимую свою основу и, при первой обще-европейской компликаціи, сдѣлается вопросомъ; тогда мы будемъ разомъ отброшены къ началу XVIII вѣка; но тогда же, какъ бы не проснулись негодующія тѣни Петра I и Екатерины II и не потребовали отчета въ ихъ легкомысленно растраченномъ наслѣдіи!...»

Спрашиваемъ опять: согласно ли это нѣмецкое «доброе право» съ правами здраваго смысла? Для того ли была ведена Петромъ 20-лѣтняя Сѣверная война и въ такомъ обиліи пролита русская кровь подъ Нарвой, на поляхъ Лифляндіи и Эстляндіи?... Но чтобъ еще нагляднѣе показать читателямъ—каковы послѣдствія нѣмецкой балтійской легальности для насъ, Русскихъ, напомнимъ имъ о томъ положеніи, которое въ русскомъ Балтійскомъ поморьѣ уготовано легальностью всякому человѣку русской національности. Предоставимъ опять слово издателю «Русскаго Балтійскаго Поморья»:

„..Вмѣстѣ съ вопросомъ о преобразованіи городовъ обсуждались, и до сихъ поръ ожидаютъ разрѣшенія, многократно возобновлявшіяся жалобы рижскихъ гражданъ русскаго происхожденія на систематическое ихъ устраненіе отъ общественныхъ должностей и отъ городскихъ бенефицій (доходныхъ мѣстъ). Въ просьбахъ своихъ они домогались предоставленія имъ въ городѣ Ригѣ такихъ же правъ и такого же положенія въ составѣ общества, **какими пользовались Татары въ Казани, а Евреи во всѣхъ городахъ Имперіи, въ которыхъ имъ дозволялось приписываться** (я привожу буквально подлинныя слова). Въ 1847 году дѣло казалось выясненнымъ и близкимъ къ удовлетворительному разрѣшенію, и все-таки, до сихъ поръ, ни одинъ Русскій не удостоился выбора въ должность и ни одинъ не получилъ бенефиціи. Объясненіе этому странному факту читатели найдутъ можетъ-быть въ слѣдующихъ строкахъ:

„О недопущеніи притѣсненій я постоянно заботился и обязанъ присовокупить, что мною не замѣчено, чтобы Р у с с к і е жители края вообще подвергались въ немъ какимъ-либо о с о б ы м ъ, и с к л ю ч и т е л ь н ы м ъ п р и т ѣ с н е н і я м ъ *). „Вообще, отно-

*) „Надобно сознаться, что требованіе очень скромно.—П р и м ѣ ч. г. Самарина.

сительно быта Русскихъ въ Балтійскомъ краѣ, едвали не слѣдуетъ принимать въ уваженіе, что они образуютъ въ немъ не природный слой населенія, а младшее *), по порядку времени, изъ двухъ колонизированныхъ племенъ **). Русскіе выходцы, водворяясь среди неуступчивыхъ формъ германской средневѣковой гражданственности, естественно ***), заняли въ городскихъ обществахъ второстепенное мѣсто и не пріобрѣли всѣхъ преимуществъ, присвоенныхъ себѣ германскими пришельцами, основателями и правителями тѣхъ обществъ".

„Это писалъ, по крайней мѣрѣ подписывалъ—продолжаетъ г. Самаринъ,—не какой-нибудь бургомистръ или эльтерманъ, не стряпчій или агентъ города Риги, а генералъ-губернаторъ, князь Суворовъ, во всеподданнѣйшемъ рапортѣ 8 декабря 1848 года. Я привожу его слова какъ типическое выраженіе воззрѣнія при немъ сложившагося и переходившаго по традиціи отъ одного главнаго начальника края къ другому. Переведите приведенный отрывокъ на нѣмецкій или французскій языкъ, поставьте, вмѣсто Русскихъ, Пруссаковъ или Французовъ, вмѣсто Нѣмцевъ—познанскихъ Поляковъ, Ганноверцевъ или Савойцевъ, и постарайтесь представить себѣ, что бы почувствовалъ графъ Бисмаркъ и весь Берлинъ, или Наполеонъ III и Парижъ, если бы какой-нибудь познанскій оберъ-президентъ или префектъ города Ницы вздумалъ доказывать подобными доводами, что Пруссаки или

---

*) „Старшій слой, стало-быть, Латыши и Эсты; а соотвѣтствуетъ ли ихъ положеніе этому праву старшинства?" Примѣч. г. Самарина.

**) „Русскіе, какъ колонисты, т. е. какъ частныя лица, водворявшіеся на чужой сторонѣ, безъ всякихъ правъ, и въ ней терпимые, жили въ Ригѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ Лифляндіи, по историческимъ свидѣтельствамъ, во времена царя Алексѣя Михайловича. Послѣ того случилось одно происшествіе, о которомъ не слѣдовало бы забывать, а именно: Россія отвоевала у Швеціи всю Лифляндію и Эстляндію, которыя сдѣлались частію Русскаго государства. Считать ли и затѣмъ Русскихъ, проживающихъ въ Ригѣ, Дерптѣ и Пернавѣ, выходцами или колонистами, обреченными на вѣкъ считаться младшими потому только, что формы германской гражданственности не уступчивы?" Примѣч. г. Самарина.

***) „Если это естественно, то не крайне ли противоестественно, что жители завоеваннаго края приняты были въ составъ Имперіи не какъ выходцы или колонисты, а какъ полноправные граждане, и, съ первой минуты, пріобрѣли въ составѣ обществъ всѣ преимущества, которыми пользовались коренные жители, т. е. Русскіе?" Примѣч. г. Самарина.

Французы *естественно* должны довольствоваться въ завоеванныхъ ими областяхъ положенiемъ второстепеннымъ, и что довольно съ нихъ и того, что ихъ не подвергаютъ *особеннымъ притѣсненiямъ*. Вся сила дѣйствительно въ томъ, что формы германской гражданственности, какъ выразился князь Суворовъ, не уступчивы, а русскiе генералъ-губернаторы и съ ними заодно все русское высшее общество, въ вопросахъ нацiональнаго достоинства, черезчуръ уступчивы".

Очевидно, что въ нѣмецкомъ «добромъ правѣ» есть что-то недоброе, и въ нѣмецкой легальности что-то противорѣчащее самымъ простымъ понятiямъ о правдѣ и справедливости. Во всякомъ случаѣ, такая безобразная аномалiя, какой мы сейчасъ представили примѣры, заставляетъ уже a priori предполагать, что относительно нѣмецкихъ привилегiй должно существовать какое-нибудь недоразумѣнiе,—что юридическая пригодность ихъ и обязательность для русской власти свойства весьма подозрительнаго. Такъ и оказывается на дѣлѣ, a posteriori. Посмотримъ же ближе на самыя основанiя нѣмецкаго права.

Читатели, конечно, не мало удивятся, когда мы имъ скажемъ, что въ числѣ этихъ основанiй считаются нашимъ балтiйскимъ рыцарствомъ — Ништатскiй и Абовскiй трактаты, заключенные Россiею *съ Швецiею* въ 1721 и 1743 годахъ. Впрочемъ, это послѣднее основанiе всплыло на поверхность недавно. Прежде Балтiйцы ссылались только на разныя жалованныя грамоты польскихъ и шведскихъ королей и русскихъ императоровъ, но въ послѣднiя 20 лѣтъ стали появляться ссылки и на мирные договоры русскаго правительства съ шведскимъ, которыми окончательно отчуждалось отъ Швецiи отвоеванное нами у нея Балтiйское поморье. Для чего понадобилось такое нововведенiе?—Для того, чтобы возвысить авторитетъ мѣстнаго права, «связавъ его съ источниками *не русскими* и возведя ихъ на степень международныхъ обязательствъ». По балтiйской теорiи, говоритъ г. Самаринъ, политическiя права Лифляндiи и Курляндiи, выговоренныя ими въ *капитуляцiяхъ* (т. е. въ тѣхъ условiяхъ, на которыхъ, во время Сѣверной войны, различныя балтiйскiя мѣстности сдавались или, вѣрнѣе, *передавались* отъ шведскаго владычества въ русское подданство) и подтвержденныя

Россіею при заключеніи трактатовъ Ништатскаго и Абовскаго, «пріобрѣли чрезъ то новую *гарантію* и стали подъ защитою международнаго права» (ein völkerrechtlich garantirtes bilateral-stipulirtes Landesrecht). «По существу этихъ договоровъ—вѣщаетъ издатель «Лифляндскихъ вкладовъ», они, также какъ и гражданскіе частные договоры, могли быть отмѣнены или измѣнены не иначе, какъ по обоюдному добровольному соглашенію между императоромъ съ одной стороны, рыцарствами и городами Балтійскаго края съ другой, и между императорско-всероссійскимъ и королевско-шведскимъ правительствами. Ничто инымъ путемъ совершаемое не можетъ имѣть законной, нравственно обязательной силы и не выходитъ изъ области чисто физическихъ проявленій чисто физическаго закона» *)...

«Кажется, дѣло ясно, и нельзя требовать болѣе радикальнаго отрицанія законодательнаго права верховной власти», замѣчаетъ издатель «Окраинъ Россіи». Выходитъ такимъ образомъ,—приведемъ опять его слова,—«что всякое нарушеніе правительствомъ мѣстныхъ привилегій можетъ послужить вполнѣ основательнымъ поводомъ къ дипломатическому вмѣшательству Швеціи и побудить ее къ заступничеству за обиженную страну. Правда, сама Швеція, повидимому, не признавала за собою такого права ни во времена Екатерины II, ни при покойномъ императорѣ Николаѣ I; по крайней мѣрѣ, она имъ не пользовалась (она не опротестовала, прибавимъ мы, ни одного нововведенія Екатерины II, напримѣръ—общаго положенія о намѣстничествахъ и другихъ узаконеній, отмѣнявшихъ, въ частности, городскія привилегіи), «но это не доказываетъ, чтобы она не могла воспользоваться имъ въ послѣдствіи, при другихъ обстоятельствахъ, когда наступятъ тѣ такъ-называемыя *лучшія времена*, о которыхъ балтійскіе публицисты перекидываются теперь намеками съ своею германскою братіею.... Что сегодня кажется невѣроятнымъ и несбыточнымъ, завтра можетъ сдѣлаться дѣйствительностью... Наши дальновидные балтійскіе политики помнятъ это и потому находятъ не лишнимъ, на всякій случай, какъ можно чаще твердить о правѣ Швеціи и, кстати

*) Livl. B. von W. v. Bock. B. I. Lief. 1, § 139.

и не кстати, напоминать Европѣ о Ништатскомъ трактатѣ».

Но это, со стороны г. Самарина, уже слишкомъ смѣлое предположеніе, — скажетъ можетъ-быть иной удивленный читатель, — и не только слишкомъ смѣлое предположеніе, но даже и слишкомъ легкомысленное обвиненіе. Не правъ г. Самаринъ, выдавая за общее направленіе всего нѣмецкаго балтійскаго населенія—то, что не болѣе какъ частное личное измышленіе. Можно ли и честно ли принимать бредни какого-нибудь фонъ-Бокка за отраженіе всего общественнаго мнѣнія Балтійскаго края? Такъ, или почти такъ обращается къ Ю. Ѳ. Самарину и авторъ вышеупомянутой баденъ-баденской брошюры. Въ такомъ же родѣ поетъ и корреспонденція изъ Петербурга по поводу «Окраинъ Россіи», помѣщенная въ одномъ изъ послѣднихъ №№ «Augsburger Allgemeine Zeitung». Замѣчательно при этомъ, послѣ появленія книги г. Самарина, пониженіе того прежняго тона, съ какимъ въ той же газетѣ еще недавно писали о балтійско-нѣмецкомъ дѣлѣ. Корреспондентъ выдаетъ головой г. фонъ-Бокка (не упоминая впрочемъ его имени), какъ это можно видѣть изъ слѣдующихъ выраженій: «г. Самаринъ поставилъ себѣ задачею изъ сепаративныхъ похотей (Gelüste) отдѣльныхъ остзейскихъ Нѣмцевъ построить обвинительный актъ противъ всего нѣмецкаго населенія остзейскихъ провинцій.... Если дѣйствительно (переводимъ буквально) нѣкоторыя отдѣльныя съ *прожженымъ мозгомъ головы* (hirnverbrante Köpfe) дѣлали за границей кое-какіе шаги—у вліятельныхъ лицъ или въ печати, въ видахъ предполагаемаго присоединенія, то вѣдь этимъ нисколько не доказывается вина той остальной великой численности вѣрномыслящихъ (gesinnungstreue) подданныхъ въ упомянутыхъ остзейскихъ провинціяхъ. Поэтому каждому разсудительному человѣку заключенія г. Самарина должны представляться несостоятельными (wenig stichhaltig)».

Какъ ни пріятно намъ читать вновь увѣреніе въ вѣрности и преданности со стороны нѣмецкой балтійской колоніи, мы не думаемъ однакожь, чтобъ истинно разсудительному человѣку выводы г. Самарина показались неосновательными. Въ томъ-то и дѣло, что все высказанное и выболтанное г. фонъ-Боккомъ вовсе не плодъ его отчаянной, съ прожженнымъ мозгомъ, головы, а составляетъ общій политическій катихи-

весь балтійскаго нѣмецкаго населенія. Г. фонъ-Боккъ только возвелъ въ теорію и выразилъ въ отвлеченной формулѣ то, что живетъ издавна въ сознаніи и творится на практикѣ ежедневно. Что г. Самаринъ имѣлъ полное основаніе, сославшись на вышеприведенныя слова вице-призидента лифляндскаго гофгерихта о Ништатскомъ трактатѣ, приписать не ему одному, а всѣмъ балтійскимъ Нѣмцамъ покушеніе притянуть Швецію къ спору о привилегіяхъ между русскимъ правительствомъ и ими,—доказывается въ тѣхъ же «Окраинахъ Россіи» неопровержимыми документами. Читателямъ «Москвы» уже извѣстно, что рижскій генералъ-губернаторъ балтійскихъ губерній послалъ, не далѣе какъ въ прошломъ году, въ Ревельскій Магистратъ какіе-то акты по частному долговому взысканію при предложеніи отъ себя, писанномъ по-русски. Магистратъ отвѣчалъ ему *по-нѣмецки* и, доказывая свое право получать и писать бумаги исключительно на нѣмецкомъ языкѣ, согласно 25 пункту капитуляціи 1710 г., заключенной при подчиненіи Ревеля Петру I-му, напоминаетъ, что «этотъ пунктъ, въ силу ст. 9 Ништатскаго мира 30 августа 1721 года, *получилъ значеніе* обязательства международнаго (eine internationale Bedeutung)». Если цѣлое оффиціальное учрежденіе рѣшается въ оффиціальной бумагѣ указывать на такое международное будто бы значеніе обязательства,—другими словами, объявляетъ русскому правительству, что обѣщаніе, имъ когда-то данное, поставлено подъ гарантію Швеціи и не можетъ быть нарушено, даже теперь, безъ ея согласія, то какого же инаго свидѣтельства разсудительному человѣку нужно? Или и Ревельскій Магистратъ отнести также къ hirnverbrannte Köpfe? Но вѣдь поступокъ Магистрата вызвалъ со стороны нѣмецкаго общества только сочувствіе, и никакого протеста... Но пойдемъ далѣе. Магистратъ заканчиваетъ свой отвѣтъ слѣдующимъ образомъ:

„Нынѣ, обращаясь къ вашему превосходительству съ почтительнѣйшею и вмѣстѣ р ѣ ш и т е л ь н о ю п р о с ь б о ю: н а б у д у щ е е в р е м я о б л е к а т ь в а ш и п р е д л о ж е н і я в ъ т у ф о р м у, к о т о р а я т о л ь к о о д н а и с о о т в ѣ т с т в у е т ъ в ы в е д е н н о м у в ы ш е п р а в у м а г и с т р а т а в ъ д ѣ л ѣ о ф ф и ц і а л ь н о й п е р е п и с к и,—магистратъ надѣется, что ваше превосходительство благоволите признать эту просьбу не за что

иное какъ за выраженіе того же невозмутимаго и несокрушимаго упованія". Ревель. Сентября 1867. Слѣдуютъ подписи первоприсутствующаго и 12 бургомистровъ.

«Что оставалось дѣлать бѣдной русской власти по полученіи этой нотаціи»?—спрашиваетъ въ заключеніе г. Самаринъ. «Можно было

.. ..„перенести вопросъ съ почвы международныхъ обязательствъ на почву Свода Законовъ и разъяснить за одинъ разъ, всѣмъ мѣстнымъ учрежденіямъ, что есть трактатъ, что привилегія и что законъ. Случай былъ очень удобенъ, но чтобъ рѣшиться поднять такой вопросъ и быть въ состояніи сообразить дальнѣйшій ходъ его, нужна именно та научная подготовка, о которой было говорено выше... Представлялся и другой путь: можно было, уклонившись отъ дерзкаго вызова Ревельскаго Магистрата, обратиться къ шведскому консулу и попросить его навести: позволитъ ли стокгольмское правительство Рижскому генералъ-губернатору говорить и писать по-русски. Можетъ-быть мы къ этому и придемъ, когда насъ окончательно убѣдятъ, что Ништатскій миръ связалъ насъ по рукамъ и ногамъ, и что мы должны управлять Балтійскимъ краемъ не на основаніи мѣстнаго и общаго свода закона, а на основаніи шведскаго кодекса XVII вѣка. Но все же въ настоящую минуту, и особенно генералъ-губернатору вновь назначенному, трудно было рѣшиться на такой шагъ. Затѣмъ оставалось только одно — смириться... Я готовъ допустить, что съ его стороны это было благоразумно, но представьте себѣ рядъ такихъ случаевъ (а ихъ не мало), и вы поймете, отчего авторитетъ власти ежегодно падаетъ, отчего не удается судебная реформа и отчего введеніе въ оффиціальное употребленіе государственнаго языка пошло попятнымъ ходомъ. Лучше бы, кажется, и не предпринимать ничего подобнаго, чѣмъ всякій разъ обращаться вспять съ нахлобучкою".

Въ какомъ смыслѣ Остзейскіе Нѣмцы дорожатъ своими отжившими привилегіями.

«Москва», 24-го сентября 1868 г.

«Въ послѣдніе годы»,—такъ писалъ не очень давно одинъ изъ главныхъ начальниковъ Балтійскаго края (коренной Русскій) въ одномъ изъ своихъ оффиціальныхъ донесеній,— «въ послѣдніе годы часто упоминаемо было о сопротивле-

ніи германской народности и о враждѣ германскаго населенія края противъ Россіи! Я же постоянно руководствовался мыслью, *что съ точки правительства* *) германская народность въ балтійскихъ губерніяхъ *окончательно заключена* **) *въ предѣлахъ домашняго быта* и что стародавнія германскія учрежденія и должностное употребленіе *нѣмецкаго* языка, историческое наслѣдство края, съ присоединеніемъ его къ Россіи, должно было утратить ***) народностное (sic) значеніе. Какими бы побужденіями ни руководствовалось въ данномъ случаѣ мѣстное нѣмецкое населеніе, я считаю *удобнѣйшимъ* оставлять встрѣчаемыя противодѣйствія оффиціально *на уровнѣ* (sic) сословныхъ или частныхъ явленій. Напротивъ того, оффиціальное признаніе ихъ народно*стными* придало бы имъ, сколько мнѣ кажется, значеніе и единство, которое онѣ нынѣ не имѣютъ».

Чтобы понять эту выписку,—говоритъ г. Самаринъ, изъ книги котораго («Окраины Россіи») мы ее заимствуемъ,—«надобно знать, что на языкѣ, который въ канцеляріи балтійскаго генералъ-губернатора слылъ за русскій «народностный» значило: заявляемый отъ имени народности, а «оставлять на уровнѣ» значило: принимать за... Мы нарочно привели эти слова одного изъ представителей русской власти въ русскомъ Балтійскомъ поморьѣ: они характеристичны вполнѣ и изображаютъ цѣлую систему правительственнаго отношенія къ нѣмецкой стихіи въ краѣ. Одна внѣшняя форма выраженія говоритъ уже многое и многое объясняетъ... Что же касается до смысла приведенной нами выписки, то этотъ смыслъ, по словамъ г. Самарина, «слѣдующій: въ оффиціальной своей дѣятельности, я (русскій начальникъ края) встрѣчаю со стороны лицъ и цѣлыхъ сословій, правда, еще не успѣвшихъ сложиться въ плотную организацію, противодѣйствіе во имя нѣмецкой народности; но я притворяюсь, будто бы не замѣчаю этого, и продолжаю повторять, что нѣмецкая народность окончательно заключена въ предѣлахъ домашняго быта. Я знаю, что все это не правда, знаю, что

*) То-есть, вѣроятно, въ интересахъ правительства?

**) То-есть, вѣроятно, должна бы быть заключена?

***) То-есть, вѣроятно, должно бы было утратить?

оффиціальный языкъ все-таки нѣмецкій, что на всѣхъ мѣстныхъ учрежденіяхъ и законахъ лежитъ нѣмецкое клеймо, тщательно подновляемое, чтобъ оно не стерлось; но я все это игнорирую, находя *болѣе удобнымъ* довольствоваться словами, чѣмъ имѣть дѣло съ дѣйствительностью»...

Чье именно удобство имѣлось при этомъ въ виду — не объяснено, но конечно для начинавшагося въ то время новаго сознательнаго движенія нѣмецкой національности въ Балтійскомъ краѣ ничто не могло быть *удобнѣе* этого, какъ бы преднамѣреннаго, игнорированія правды со стороны *мѣстнаго* представителя русскихъ государственныхъ интересовъ. Мы давно указывали на то упорное, застарѣлое недоразумѣніе, которое существуетъ въ отношеніяхъ Россіи къ балтійскимъ Нѣмцамъ, и именно со стороны Россіи: понятное и отчасти извинительное въ Петербургѣ, оно переходитъ въ Ригѣ дѣйствительно въ какое-то упрямое сознательное хотѣніе—и видя не видѣть, и слыша не слышать... Пока русская мѣстная власть утѣшаетъ сама себя и утѣшаетъ другихъ мыслью, что все обстоитъ благополучно, что германская народность есть не болѣе какъ принадлежность домашняго быта, ибо такъ должно быть «съ точки правительства».—эта народность захватываетъ съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе политической силы; для русской же власти, въ результатѣ, выходитъ дѣйствительно «*точка*», какъ выражается начальникъ края, и ничего болѣе...

Дѣло въ томъ, что высшее правительство, какъ замѣчаетъ г. Самаринъ, «повидимому не совсѣмъ ясно понимаетъ свое призваніе въ Балтійскомъ краѣ именно въ настоящую минуту, а недостатокъ яснаго пониманія происходитъ, въ свою очередь, отъ того, что господствующее представленіе объ этомъ краѣ устарѣло и отстало отъ дѣйствительности болѣе чѣмъ на цѣлое двадцатилѣтіе». Балтійскій край все еще, по прежнему, представляется намъ какъ законченный продуктъ прошедшаго, когда-то нами признанный и этимъ какъ будто увѣковѣченный; на сложившійся въ немъ порядокъ вещей— мы все еще смотримъ, какъ на стародавній, своеобразный провинціализмъ, ревниво и упрямо охраняющій свою цѣлость отъ покушеній извнѣ; мы готовы даже охотно извинить эту естественную въ немъ приверженность къ преда-

нію, обычаю, старинѣ; мало того, мы бережемъ этотъ провинціализмъ какъ древнюю, почтенную развалину. Но пока мы стоимъ передъ нею съ такимъ суевѣрнымъ уваженіемъ, не позволяя себѣ до нея дотронуться, ни тѣмъ менѣе отважиться на перестройку, — другими словами: «сдерживая преобразовательную инициативу, къ которой мы призваны,— эта развалина между тѣмъ», говоритъ г. Самаринъ—«разбирается заботливыми руками и втихомолку, безъ нашего участія и вѣдома, перестраивается въ *крѣпость обращенную противъ Россіи*. Не замѣчаемъ же мы этого потому, что вся работа укрывается отъ насъ за средневѣковымъ фасадомъ, къ которому мы пригляделись, и который искусственно поддерживается на прежнемъ мѣстѣ именно для того, чтобы замаскировать на время производящуюся за нимъ перестройку. Такимъ образомъ инициатива, отъ которой мы добровольно отказываемся изъ уваженія къ старинѣ, переходитъ въ другія руки, трудящіяся усердно, но только не для Россіи... Значеніе и цѣль этой внутренней, ускользающей отъ нашего наблюденія работы можно выразить въ немногихъ словахъ: *средневѣковыя перегородки, которыми взаимно разобщались сословія и корпораціи, постепенно падаютъ, а изъ разрозненныхъ нѣкогда частей стараго общества сплачивается новый организмъ — политическая національность*»...

Очень можетъ быть, что читатель усомнится и спроситъ: какимъ же это образомъ—съ одной стороны Нѣмцы выступаютъ такими защитниками своихъ провинціальныхъ старинныхъ особенностей, что всякое правительственное предположеніе вызываетъ въ нихъ дружное и сильное противодѣйствіе; съ другой стороны, вы же утверждаете, что эти особенности упраздняются ими самими? Выходитъ, что Нѣмцы являются передъ русскимъ правительствомъ страстными борцами за привилегіи, которыя осуждены ими же на сломку! Нѣтъ ли здѣсь противорѣчія?.. Не только нѣтъ противорѣчія,—отвѣтимъ мы, но «охраненіе» обусловливается здѣсь именно необходимостью ломки: такова балтійская политика, и въ томъ-то и состоитъ ея мастерство. Г. Самаринъ показываетъ это совершенно ясно. «Намъ долго твердили,— говоритъ онъ,—

„а многіе до сихъ поръ убѣждены, что населеніе Балтійскаго края нѣмецкаго происхожденія чуждается Россіи потому, что для него безконечно дороги его законы, учрежденія и обычаи, уцѣлѣвшіе, какъ бы подъ колпакомъ, отъ Среднихъ вѣковъ. Это и справедливо по отношенію къ прошедшему. Было дѣйствительно время, когда рыцарство и бюргеры чистосердечно вѣрили въ возможность заключиться навсегда въ историческихъ рамкахъ XV вѣка и совершенно добросовѣстно считали всякое къ нимъ прикосновеніе преступнымъ посягательствомъ. Все это теперь измѣнилось. Тѣ же сословія, по крайней мѣрѣ сословныя интеллигенціи, думаютъ иначе; да и нельзя было не одуматься. Въ родной Германіи, гдѣ историческое развитіе общенѣмецкой гражданственности совершалось на свободѣ, при условіи полной политической независимости, замкнутыя корпораціи раскрывались, стушевывались и исчезали въ новыхъ общественныхъ группахъ, слагавшихся на основаніи единства экономическихъ или національныхъ интересовъ; поземельныя отношенія упрощались, торговля и промыслы выбивались на просторъ; личная свобода и гражданская равноправность отвоевывали одну за другою привилегированныя позиціи, укрѣпленныя по средневѣковой системѣ; пути и поприща открытые для личной предпріимчивости расширялись. Въ Россіи, съ тѣхъ поръ какъ началось преобразованіе ея внутренняго устройства, совершалось явленіе аналогическое; при этомъ, въ общественной организаціи, данной нашимъ селамъ, волостямъ, приходамъ и городамъ, въ нашихъ земскихъ собраніяхъ и управахъ, въ нашемъ мировомъ институтѣ, въ нашемъ новѣйшемъ судоустройствѣ и судопроизводствѣ, обнаруживалось гораздо болѣе сходства съ типами однородныхъ учрежденій выработанными новѣйшею европейскою цивилизаціею, чѣмъ съ средневѣковыми учрежденіями Балтійскаго края. Итакъ, становилось очевиднымъ, вопервыхъ, что эти послѣднія учрежденія, отживъ болѣе чѣмъ законный свой вѣкъ, *должны были преобразиться* въ непродолжительномъ времени; вовторыхъ, что всякое въ нихъ улучшеніе непремѣнно должно было *сблизить* ихъ съ порядкомъ вещей, введеннымъ въ Имперіи, и что, такимъ образомъ, самый естественный историческій прогрессъ велъ неминуемо къ постепенному упраздненію тѣхъ „временемъ освященныхъ особенностей", за которыми, какъ за *брустверомъ*, балтійскій германизмъ держалъ себя въ разобщеніи съ Россіей. По мѣрѣ того, какъ это убѣжденіе проникало въ умы, измѣнялось и прежнее воззрѣніе на привилегіи. Что прежде было само себѣ цѣлью, теперь сдѣлалось средствомъ для цѣли внѣшней и, въ извѣстномъ смыслѣ,

высшей. Прежде нѣмецкое населеніе дичилось Россіи и сторонилось отъ нея, чтобы сохранить въ неприкосновенности свои права и обычаи; теперь оно отстаиваетъ ихъ, несмотря на дознанную ихъ обветшалость, чтобъ имѣть законный предлогъ держать себя особнякомъ отъ Россіи“.

—Все, что сказано здѣсь г. Самаринымъ, вполнѣ разъясняетъ намъ, почему противодѣйствіе во имя неприкосновенной старины законодательнымъ предположеніямъ правительства такъ усилилось въ послѣднее время. Конечно, противодѣйствіе это было и прежде, но оно, вопервыхъ, не имѣло совершенно политическаго характера, вовторыхъ, встрѣчалось съ болѣе упругимъ противодѣйствіемъ со стороны самого правительства. Такъ Екатерина II (слѣдовательно въ такое время, когда обстоятельства присоединенія Лифляндіи и Эстляндіи къ Россіи были у всѣхъ въ живой памяти) преобразовала въ самомъ основаніи все тамошнее устройство администраціи, судовъ и сословій, — нисколько не считая этого ни превышеніемъ власти съ своей стороны, ни нарушеніемъ договора, которое могло бы лишить ее права на вѣрность своихъ подданныхъ, и даже не встрѣчая никакого серьезнаго противодѣйствія со стороны послѣднихъ. Правда, г. фонъ-Бокъ относитъ это къ великодушію и къ терпѣливости балтійскаго рыцарства: die sehrgeduldigen Livländer— такъ величаетъ онъ своихъ земляковъ,—но совершенно вѣрно замѣчаетъ г. Самаринъ, что еслибы насажденія великой Императрицы успѣли пустить корень, конечно, новѣйшая балтійская политика, нами теперь изучаемая, «никогда бы не увидѣла свѣта». Вышло однакоже не такъ: «ея преемникъ поспѣшилъ ввести вновь, упраздненный ею, старый порядокъ вещей, во всѣхъ мелочахъ и подробностяхъ, придавъ этому дѣйствію характеръ *возстановленія нарушеннаго права*»... Такимъ образомъ, по мѣрѣ того, какъ русская власть дѣлалась уступчивѣе,—противодѣйствіе со стороны нѣмецкой колоніи становилось все смѣлѣе и шире въ своемъ значеніи, и заняло наконецъ настоящую стратегическую позицію,—«блокгаузъ», какъ выражаются Нѣмцы.

Практика балтійскаго противодѣйствія возведена въ теорію и имѣетъ свою литературу: обѣ другъ друга вполнѣ поясняютъ. Вотъ, напримѣръ, комментарій одного изъ балтій-

скихъ публицистовъ къ извѣстному, оффиціальному практическому сопротивленію Нѣмцевъ ввести въ Балтійскій край наши новыя судебныя учрежденія, преимущества которыхъ предъ балтійскими не отвергаютъ даже и Нѣмцы:

«Несомнѣнная истина, говоритъ онъ, что всѣ выгоды *идущей отъ Россіи реформы балтійской юстиціи не могли бы вознаградить за бѣдствіе, которое постигло бы остзейскія провинціи, еслибъ онѣ добровольно подчинились русскимъ общимъ законамъ Имперіи»*. Тотъ же публицистъ, въ статьѣ писанной спеціально для Пруссіи, защищаетъ противъ общественнаго мнѣнія либеральной Германіи такъ-называемыя привилегіи своей родины, впрочемъ отнюдь не ради ихъ внутренняго достоинства, а только ради ихъ значенія, какъ оборонительнаго орудія противъ Россіи (die in ihrer defensiven Wehrkraft verkannten Institutionen) *). «Откиньте нѣмецкое самохвальство», — такъ заканчиваетъ г. Самаринъ свои выписки по этому поводу изъ балтійскихъ публицистовъ, — «и вы получите выработанную политическую програму: прежде всего нужно уберечь край для Германіи, въ ожиданіи *лучшихъ временъ*, а чтобъ этого достигнуть, необходимо держать его въ полномъ разобщеніи съ окружающею его русскою средою, какъ бы подъ колпакомъ его средневѣковыхъ учрежденій. Нельзя, конечно, оспаривать, что подъ этимъ колпакомъ душно, что эти учрежденія неудобны, тѣсны и дряхлы, — все это мы знаемъ и ощущаемъ, и все-таки не примемъ отъ Россіи ни воздуха, ни простора...» Поэтому и ищутъ они теперь укрѣпить свою внутреннюю домашнюю почву, — и первою задачей въ этомъ смыслѣ составляетъ, въ настоящую пору, для нашихъ балтійскихъ Нѣмцевъ — онѣмеченіе Латышей и Эстовъ. Вотъ что говоритъ объ этомъ г. Самаринъ.

„Глубоко пристыженное скоростью и легкостью отпаденія своей паствы, частью въ гернгутерство, частью въ православіе, лютеранское духовенство не могло не усмотрѣть, что протестантское вѣроисповѣданіе не имѣло въ краѣ никакихъ корней. Это была казнь за вѣковое нерадѣніе и за высокомѣрное пренебреженіе къ простонародью и его нуждамъ. Но мѣстное дворянство не менѣе

*) Livl. B. B. I. Lief. III. § 246—290.

живо почувствовало непрочность своего господства и убѣдилось, что ему нельзя и мечтать о какой-либо политической роли, пока все крестьянство, массою, стоядо противъ него, тянуло къ Россіи всѣми своими надеждами и тѣмъ самымъ вызывало постоянное вмѣшательство со стороны правительства. Надоумились оба сословія, дворянство и духовенство, и принялись серьезно за германизацію Латышей и Эстовъ. Но такъ какъ совладать съ цѣлою массою, побѣдить въ ней недовѣрчивость, вошедшую въ ея плоть и кровь, наконецъ, вырвать изъ ея сердца и помысловъ инстинктивныя чаянія, заставляющія не обращаться къ Россіи, было бы невозможно, то естественно пришлось ограничить задачу. Она теперь опредѣлилась такимъ образомъ: отвлечь отъ массы простонародья и притянуть къ себѣ верхній слой крестьянства, онѣмечить его насквозь посредствомъ первоначальнаго школьнаго образованія и подкрѣпить нѣмецкое общество этими свѣжими силами, взятыми изъ народа; сосредоточить въ рукахъ онѣмеченныхъ или вообще, тѣмъ или другимъ способомъ оторванныхъ отъ массы туземцевъ, крестьянскую поземельную собственность и, такимъ образомъ, единствомъ поземельныхъ интересовъ, связать съ дворянствомъ эту своего рода мелкую шляхту—diese bäuerliche kleine Elite, какъ говорятъ Балтійцы; наконецъ, лишивъ массу сельскаго народонаселенія не только всякаго участія въ землевладѣніи, но и всякой надежды когда-либо пріобрѣсти прочную осѣдлость, осадить ее какъ можно глубже и обречь на вѣчное батрачество крупнымъ и мелкимъ землевладѣльцамъ...."

Эта программа, въ настоящую минуту, свидѣтельствуетъ г. Самаринъ,—«приводится въ исполненіе съ замѣчательнымъ успѣхомъ, благодаря не только бездѣйствію, но во многихъ отношеніяхъ прямому, хотя конечно безсознательному содѣйствію правительства». Свое свидѣтельство издатель «Окраинъ Россіи» подкрѣпляетъ многими поразительными фактами изъ современной исторіи народнаго воспитанія и систематическаго обезземеленія крестьянъ—Латышей и Эстовъ, а также и отзывами балтійскихъ публицистовъ. «Наконецъ нельзя не прибавить,—говоритъ въ заключеніе г. Самаринъ,—что правительство не только никогда не заботилось объ удержаніи за собою довѣрія и сочувствія Латышей и Эстовъ, а совершенно наоборотъ, какъ будто старалось о томъ, чтобъ они о немъ позабыли. Всѣмъ извѣстно, что ему принадлежала иниціатива всѣхъ законодательныхъ и административныхъ мѣръ для улучшенія крестьянскаго быта, и что

дворянство систематически и до последней минуты противодѣйствовало намѣреніямъ власти: тѣмъ не менѣе, при объявленіи законоположеній, дѣйствительно благопріятно дѣйствовавшихъ на судьбу крестьянъ (наприм. о возстановленіи высшаго размѣра барщины, объ упраздненіи вотчинной расправы и т. д.), правительство умышленно маскировалось въ глазахъ народа, давая передъ собою шагъ дворянству и уступая ему всю честь почина. Иногда оно даже принимало мѣры для предупрежденія огласки лучшихъ и благодѣтельнѣйшихъ своихъ начинаній (напр. распоряженія о надѣленіи батраковъ землею въ казенныхъ имѣніяхъ). Къ чему это? И не странно ли, что до сихъ поръ Латыши и Эсты ни разу не слыхали слова Монарха, непосредственно къ нимъ обращеннаго, тогда какъ это могучее слово, какъ давно ожидаемый благовѣстъ, разносилось по всѣмъ деревнямъ Россіи и Польши, сливая въ одинъ электрическій токъ горячей признательности сдержанные вздохи, неопредѣленныя чаянія и долго безотвѣтные порывы? Приписать ли это скромности или пренебреженію къ черни—я не знаю, но во всякомъ случаѣ едвали разумно жертвовать популярностью не только правительства, но и Россіи въ дѣлѣ столь близко касающемся ея политическихъ интересовъ на одной изъ самыхъ для нея важныхъ окраинъ Имперіи? Все какъ будто нарочно въ тѣхъ видахъ придумывалось, дѣлалось или упускалось, чтобъ отвлечь отъ насъ сочувствіе массъ, по крайней мѣрѣ не возбуждать его, а предоставить германизму полную свободу раскидываться во всѣ стороны, овладѣвать умами и водворять въ нихъ вѣру въ свое всемогущество».

„Окраины"—о томъ чего домогается Остзейское рыцарство отъ Россіи.

Москва, 25-го сентября 1868 г.

«Ces bons Allemands, toujours si fidèles et toujours méconnus! Nous leur devons une réparation ne fut-ce que pour sauver notre honneur et repousser toute solidarité avec ce soit-disant parti russe, qui n'est au fond que la révolution déguisée».

«Ah madame! Nous le savons bien, vous êtes dans les bons principes; si tout le monde pensait et sentait comme vous! Mais hélas...» *).

«Кто не слыхалъ въ петербургскихъ гостиныхъ безконечныхъ варіацій на эту тему?» — спрашиваетъ г. Самаринъ... Не только всѣ мы слышали,—скажемъ въ отвѣтъ,—но слышимъ и теперь, и еще не разъ услышимъ, и именно по поводу «Окраинъ Россіи»... Появленіе книги г. Самарина освѣжитъ, такъ сказать, новымъ *поводомъ* эту, уже было выдохшуюся, тему салонной бесѣды и вмѣстѣ съ тѣмъ выставитъ еще рельефнѣе типическую пошлость той умственной среды, гдѣ возможны подобные діалоги. Этимъ типомъ вполнѣ запечатлѣна и французская брошюрка, изданная кѣмъ-то въ Баденъ-Баденѣ въ видѣ письма къ г. Самарину,—брошюрка, которой умствованіе совершенно одинаковой силы съ вышеприведенными разсужденіями петербургской дамы, но приправлено въ то же время и намеками такого же нравственнаго достоинства, какъ и всѣ вообще внушенія нѣмецкихъ и польскихъ салонныхъ проповѣдниковъ. Мы указывали и прежде, со словъ г. Самарина, на значеніе салонной проповѣди какъ одного изъ орудій балтійской интриги; но считаемъ не лишнимъ привести также образчикъ балтійскихъ инсинуацій — уже не въ видѣ летучихъ салонныхъ фразъ или ничтожной брошюрки, а въ болѣе серьезной формѣ, въ видѣ полновѣсныхъ нѣмецкихъ рѣчей корифея балтійской политической литературы, г. фонъ-Бокка. Просимъ читателя внимательно вчитаться въ слѣдующія строки и вглядѣться въ пріемъ и размахъ балтійскаго политическаго доноса:

„Шипами усѣянъ путь къ любимому Монарху, окруженному, осажденному и лишенному всякой свободы дѣйствій враждебными силами все болѣе и болѣе разоблачающейся р у с с к о й ре-

*) По-русски это выходитъ не совсѣмъ складно, но значитъ слѣдующее: «Эти добрые Нѣмцы, всегда такіе преданные и такъ живо понятые! Нашъ долгъ оказать имъ удовлетвореніе, хотя бы ради спасенія нашей чести и ради отклоненія всякаго сообщничества съ такъназываемою русскою партіей, которая въ сущности не что иное, какъ замаскированная революція»... «Ахъ сударыня, мы это знаемъ — вы держитесь здравыхъ понятій; еслибы всѣ такъ думали и чувствовали какъ вы, но увы!...»

волюціи» (Livl. Beitr. B. I. Lief. 1. § 102).... «Пора пріобрѣсти въ общественномъ мнѣніи Европы союзника Монарху, желающему добра, для подкрѣпленія его въ очевидно-трудной и утомительной борьбѣ его съ темными силами, мѣшающими осуществленію его благихъ желаній... Каждый честный Лифляндецъ все еще признаетъ самодержавную власть за принадлежность своего государя, а не темной силы и страстной оппозиціи Москвичей; иными словами: онъ чтитъ не поліарха, а Монарха, который самъ хорошо знаетъ какъ ему властвовать, съ одной стороны, надъ Камчадалами, Самоѣдами-Москалями, съ другой— надъ Финляндцами и Остзейцами... Стрѣльцы! Вотъ та загадочная власть, отъ которой терпитъ честный германизмъ и честное протестантство остзейскихъ губерній, и которая, какъ кажется, посягаетъ и на авторитетъ Всероссійскаго Самодержца. Стрѣльцы!—тѣ самые, которые, недавно, на этнографической выставкѣ, самодовольно любовались собою, роются теперь подъ землею и подпалзываютъ во мракѣ, съ намѣреніемъ, выждавъ благопріятныя минуты, выскочить изъ засады и вырвать изъ рукъ законнаго Государя бразды правленія» (Livl. Beitr. B. I. Lief. II, § 29, 31, 33, 34).

Вотъ какого рода внушеній, намековъ, доносовъ насчетъ своей политической благонадежности долженъ ожидать себѣ всякій Русскій въ Россіи, кому дороги интересы русской народности, кто не допускаетъ разобщенія съ ними интересовъ русской монархической власти и кому преобладаніе нѣмецкой народной стихіи надъ русскою не представляется ни естественнымъ, ни законнымъ!.. Но ничто не плодитъ такъ обильно доносовъ и обвиненій, какъ всякое участіе, принятое кѣмъ-либо изъ Русскихъ въ судьбѣ Латыша и Эста. Впрочемъ въ этихъ случаяхъ трудъ балтійскихъ *дѣлателей* не можетъ назваться неблагодарнымъ; ихъ внушенія и жалобы находятъ въ Петербургѣ внимательный слухъ,—въ тѣхъ особенно сферахъ, гдѣ не только не считается непристойною, но даже патронируется «Вѣсть». Мы убѣждены, что приведенная нами, въ концѣ вчерашней статьи, выписка изъ книги Самарина непремѣнно подастъ поводъ къ обвиненію автора въ намѣреніи возбудить «дурныя страсти» — les mauvaises passions, по выраженію сочинителя баденъ-баденской брошюры; мало того, такое умышленно-лживое обвиненіе будетъ, пожалуй, разноситься и повторяться слабоуміемъ и невѣжествомъ пе

только въ нѣмецкой, а даже иной русской, но не по-русски мыслящей, чувствующей и говорящей средѣ. Кстати: приводя упомянутую выписку, мы опустили помѣщенныя, въ томъ же отдѣлѣ книги, строки г. фонъ-Бокка, изъ которыхъ видно, что не одинъ г. Самаринъ, но даже и русская власть, не перестающая заботиться объ улучшеніи быта крестьянъ, подлежитъ наравнѣ съ нимъ обвиненію въ революціонномъ противодѣйствіи усиліямъ «честнаго германизма»: «Латыши, пишетъ издатель «Лифляндскихъ Вкладовъ», — охотно принимаютъ отъ Нѣмцевъ образованіе, и еслибъ можно было надѣяться, чтобъ *Русскіе*, хотя бы въ продолженіе нѣсколькихъ десятилѣтій, не тревожили, *не подстрекали ихъ* и не расшевеливали бы безпрестанно крестьянскихъ учрежденій» (это можетъ относиться только къ правительству). — «тогда начавшееся развитіе, при нынѣшнихъ общественныхъ отношеніяхъ, пошло бы *наилучшимъ, быстрымъ, здоровымъ, нѣмецкимъ ходомъ*»...

Перейдемъ теперь къ дальнѣйшему изложенію, по книгѣ г. Самарина, балтійской политической теоріи, начатому нами вчера. Мы сказали, что значеніе и цѣль внутренней работы, совершающейся теперь въ Балтійскомъ краѣ и ускользающей отъ русскаго наблюденія, состоитъ въ томъ, чтобы изъ разобщенныхъ сословными и корпоративными перегородками частей стараго общества сплотить новый цѣльный организмъ — политическую, чуждую Россіи, національность. Въ частности же работа дѣлится на три главныя задачи, изъ которыхъ первая, уже подробно нами разъясненная, это германизація Эстовъ и Латышей. А вотъ и вторая задача: «покончить скорѣе домашнимъ порядкомъ всѣ тѣ междоусобныя тяжбы и распри, которыя могли бы подать поводъ законодательной власти вмѣшаться во взаимныя отношенія первенствующихъ въ классѣ сословій, и для достиженія этой цѣли принести добровольно въ жертву все, что въ существующихъ правахъ и учрежденіяхъ мѣшаетъ внутреннему объединенію нѣмецкаго общества» противъ *чужаго владычества* (Fremdherrschaft); но измѣняя въ этихъ видахъ историческую старину, «въ то же время упорнѣе чѣмъ когда-либо отстаивать ее какъ святыню противу всѣхъ начинаній, идущихъ отъ правительства, и отбиваться отъ преобразованій даже очевидно полезныхъ,

буде они влекутъ за собою, въ какомъ бы то ни было отношеніи, объединеніе съ Россіею или хотя бы только сближеніе съ нею». Какъ и въ первомъ случаѣ, г. Самаринъ подтверждаетъ свое мнѣніе ссылкою на факты и на собственныя откровенія балтійскихъ Нѣмцевъ въ заграничной литературѣ. Третья задача гораздо труднѣе и деликатнѣе,— продолжаетъ онъ: она касается внѣшнихъ отношеній края, какъ области, къ Россіи какъ государству, и потому ею завѣдуютъ преимущественно передовые люди, политики и публицисты высшаго полета, подвизающіеся на такъ-называемомъ *сословно-дипломатическомъ* поприщѣ. «Заключается она въ томъ, чтобы, такъ сказать, перелить провинціальный германизмъ изъ старыхъ сильно поврежденныхъ сосудовъ сословныхъ привилегій въ сосудъ новый, изъ другаго болѣе прочнаго вещества, который бы въ состояніи былъ выдержать ожидаемыя впереди столкновенія; иными словами— довести правительство, незамѣтнымъ для него путемъ, до признанія балтійскаго германизма за политическую національность».

На этомъ-то сословно-дипломатическомъ поприщѣ и выработаны,—кромѣ особенной системы защиты юридической пригодности грамотъ и несокрушимости балтійскихъ преимуществъ и правъ, — цѣлыя новыя сподручныя теоріи. Одна изъ нихъ—о *международномъ* значеніи тѣхъ обязательствъ, которыми будто бы связала себя русская власть по отношенію къ нѣмецкому населенію Имперіи: эта теорія, угрожающая Россіи дипломатическимъ иностраннымъ вмѣшательствомъ въ случаѣ нарушенія правительствомъ какой-либо средневѣковой привилегіи города Ревеля и другихъ мѣстностей и сословій края, уже подробно изложена нами въ передовой статьѣ 21 сентября № 136. Вторая теорія—теорія *условной преданности*, какъ выражается г. Самаринъ. «На основаніи этой теоріи,—говоритъ онъ,—мѣстныя сословія и общества пріобрѣли на вѣчныя времена широкое обезпеченіе неприкосновенности и неизмѣнности своей старины и подъ этимъ условіемъ приняли на себя политическія обязанности подданства. Балтійскіе подданные Россійскаго Императора, присягая ему на вѣрность, предполагаютъ, что онъ съ своей стороны будетъ вѣренъ своимъ обязательствамъ.

Die Treue der Monarchen—это нѣсколько странное выраженіе. встрѣчающееся у балтійскихъ публицистовъ, имѣетъ совершенно ясный и точно опредѣленный смыслъ». «Балтійскія провинціи—пишетъ издатель Лифляндскихъ Вкладовъ,—преданы Императору, преданы и Россіи,—но съ *оговоркою;* преданы же они Императору собственно потому, что въ Императорѣ *Всероссійскомъ* видятъ лицо *обязанное*, по договору, оберегать ихъ такъ-называемыя привилегіи, которыхъ главное достоинство — *ограждать край отъ обрусенія...!!* *)

Въ этихъ словахъ высказывается задушевное стремленіе балтійской политики: увѣреніями въ личной преданности Монарху—разобщить его съ русскою народною стихіей, и заподозривъ въ его глазахъ всякое проявленіе любви къ русской народности, выставивъ національное русское чувство въ русскихъ людяхъ отраженіемъ революціоннаго духа,—побудить Монарха искать опоры по преимуществу въ Нѣмцахъ и слѣдовательно укрѣплять елико возможно эту опору. Такъ недавнюю попытку ввести русскій языкъ въ оффиціальное употребленіе балтійскіе рыцари объявляютъ печатно мѣрою принятою вслѣдствіе напора и происковъ такъ-называемой старорусской партіи, «первымъ приступомъ къ осуществленію давнишняго замысла: подавить въ остзейскихъ губерніяхъ *германизмъ—эту стихію, которой царствующая династія обязана надежнѣйшими своими опорами»..* **) Наконецъ приведенныя нами выше выписки изъ г. фонъ-Бокка о шипахъ, усѣявшихъ путь къ любимому Монарху и о стрѣльцахъ, затѣявшихъ этнографическую выставку, равно какъ и инсинуаціи баденъ-баденской брошюры—могутъ служить образцами тѣхъ орудій, маневровъ и пріемовъ, которые выработаны и пущены въ ходъ балтійскими мужами, искусившимися на сословно-дипломатическомъ поприщѣ, auf ständisch-diplomatischen Wege.

Такова балтійская политическая теорія разслѣдованная, изученная и изложенная г. Самаринымъ въ его книгѣ «Окраины Россіи». Итакъ—говоритъ онъ:

*) Liv. B. B. I. Lief. III. S. 297—300.
**) Livl. B. B. I. Lief. II. S. III. IV.

„намъ объявлено печатно, на трехъ языкахъ, нѣмецкомъ, французскомъ и англійскомъ, что если правительство вздумаетъ серьезно настаивать на введеніи русскаго языка въ оффиціальное употребленіе; если оно захочетъ, чтобы судьи назначались въ Балтійскомъ краѣ такимъ же порядкомъ, какъ и въ остальной Россіи; если, въ послѣдствіи, оно потребуетъ, чтобы полиція, въ этомъ краѣ, какъ и Россіи, была въ его рукахъ, а не въ рукахъ дворянства—тогда пробьетъ послѣдній часъ его законнаго владычества, и вѣрноподданные рыцари, ничего никогда не забывающіе, вспомнятъ про своего героя Рейнгольда фонъ-Паткуля. Въ этомъ же духѣ преподается въ учебныхъ заведеніяхъ исторія края и воспитываются молодыя поколѣнія...

„Это одна теорія, а вотъ наша, основанная на историческомъ фактѣ, на смыслѣ и буквѣ капитуляцій, наконецъ на Сводѣ Законовъ. Хотя князь Суворовъ и утверждалъ, что мы, Русскіе, не болѣе какъ младшіе колонисты Балтійскаго поморья, но намъ все еще помнится, что наши предки отвоевали его у Швеціи, сперва на поляхъ Полтавы, а послѣ, въ довершеніе, подъ Ревелемъ и Ригою. Это относится до Лифляндіи и Эстляндіи; что касается до Курляндіи, то хотя она сама отложилась отъ Польши, но подчинилась Россіи безоговорочно и безусловно (Императрица Екатерина II не понимала международныхъ дипломатическихъ отношеній между цѣлымъ государствомъ и сословіями). Далѣе, мы вычитали въ Полномъ Собраніи Законовъ, что во всѣхъ трехъ балтійскихъ губерніяхъ верховная власть дѣйствительно признала и затѣмъ разновременно утверждала особенныя учрежденія, права и обычаи тамошнихъ сословій и обществъ, — но утверждала ихъ условно, оговаривая права верховной власти и общія государственныя установленія, слѣдовательно, подчиняя силу и обязательность частнаго и мѣстнаго интересамъ общаго и цѣлаго. Этимъ оговоркамъ мы позволяемъ себѣ придавать серьезное значеніе, никакъ не считая ихъ ни за риторическія украшенія, ни за канцелярскія продѣлки, и потому думаемъ, что соглашеніе мѣстныхъ учрежденій, правъ и обычаевъ съ государственными интересами и установленіями составляло задачу внутренняго законодательства, къ разрѣшенію которой призвана была верховная власть въ силу своего законодательнаго права, отъ котораго она никогда въ пользу балтійскихъ сословій не отступалась и которымъ никогда съ ними не дѣлилась".

Впрочемъ, продолжаетъ далѣе г. Самаринъ, дальновиднѣйшіе изъ вожаковъ балтійской фаланги предвидятъ возможность такого развитія національной политической жизни въ самой

Россіи, при которомъ уже трудно будетъ нѣмецкой народности ограждаться прежними «брустверами» и «блокгаузами» и ожидать какого-либо удобства для исполненія балтійскихъ нѣмецкихъ замысловъ. Вотъ что по этому случаю говоритъ г. Самаринъ:

„Для борьбы съ новымъ противникомъ, нужно запастись и оружіемъ новымъ,—старое не годится, оно отслужило. Отстаивать передъ лицомъ государственнаго представительства теорію условной, политической вѣрности было бы смѣшно,—она бы лопнула какъ пузырь. Всѣ это знаютъ. Знаютъ также, что заслониться такъ-называемыми привилегіями и поставить подъ защиту ихъ мнимой неприкосновенности притязаніе цѣлаго края на политическое обособленіе—было бы крайне невыгодно. На этой почвѣ не было бы даже мѣста для серьезнаго состязанія, ибо, во-первыхъ, привилегіи даны не Балтійскому краю, а дворянскимъ сословіямъ и городамъ; съ ними же заключены и капитуляціи; какъ юридическая личность, которая могла бы договориться и обѣщать, Балтійскій край въ XVIII вѣкѣ не существовалъ и понынѣ не существуетъ. Вовторыхъ, послѣ присоединенія его къ Россіи, все сельское народонаселеніе, считавшееся прежде дворянскою собственностью, пріобрѣло гражданскія права, и потому, прежде чѣмъ приковывать на вѣчныя времена будущее его развитіе къ результатамъ историческаго прошедшаго, въ которомъ оно не участвовало, справедливость потребовала бы опросить его и удостовѣриться въ его согласіи. Втретьихъ, съ точки зрѣнія формально юридической, оговорки, сопровождавшія утвержденіе привилегій, отнимають всякую возможность отстаивать ихъ безусловную неприкосновенность; а что касается до ихъ содержанія, то можно смѣло сказать и доказать, что оно уже упразднено и отмѣнено болѣе чѣмъ на половину. Во всемъ мірѣ столбовая дорога историческаго прогресса усѣяна обломками привилегій и, въ этомъ отношеніи, не составляетъ исключеніе даже и Балтійскій край. Повторяю, тамошніе политически развитые агитаторы знаютъ все это лучше чѣмъ мы, и вотъ почему, даже теперь, они избѣгаютъ самаго слова привилегіи и, мало-по-малу, вытѣсняютъ его другимъ, лучше гармонирующимъ съ понятіями и потребностями настоящей минуты, словомъ: Verfassung или Landesverfassung—земская конституція... Абрисъ ея теперь только-что намѣчивается балтійскими публицистами, но читатель можетъ уже, до нѣкоторой степени, угадать ея будущія черты сквозь очень неопредѣленныя выраженія, далеко не все то высказывающія, что

подъ ними подразумѣвается: свобода совѣсти *), полное самоуправленіе, замѣщеніе по выбору судебныхъ, полицейскихъ и административныхъ должностей. сословный судъ, замкнутое, корпоративное устройство дворянства (geschlossene Matrikel), нѣмецкій языкъ, какъ языкъ оффиціальный и языкъ преподаванія, самостоятельное завѣдываніе всѣми учебными заведеніями, участіе въ законодательствѣ, право голоса по всѣмъ дѣламъ, касающимся края и т. д.".

Дѣло ясно,—къ такому выводу приходитъ г. Самаринъ: чтобъ отстоять свое изолированное положеніе въ будущемъ, при большемъ развитіи политической жизни въ самой Россіи, балтійскимъ вожакамъ нужно заблаговременно «выманить у правительства признаніе политическихъ правъ нѣмецкой народности,—нынѣ на нашемъ Балтійскомъ поморьѣ, постоянно сплачивающейся въ цѣльный организмъ» — своего рода «Остзейскую Финляндію»... «Вотъ почему, продолжаетъ далѣе издатель «Окраинъ Россіи», важна настоящая минута, и почему необходимо, чтобы Россія не спускала глазъ съ своей Балтійской окраины».

«Время, кажется мнѣ, такъ дорого, прибавляетъ онъ, что я рѣшился съ перваго же раза высказать—въ какомъ видѣ представляется мнѣ положеніе дѣлъ, хотя я нисколько отъ себя не скрываю, что, для меня лично, было бы гораздо выгоднѣе уклониться на первыхъ порахъ отъ столкновенія съ укоренившимися у насъ понятіями и предпослать общимъ выводамъ простое изложеніе фактовъ... За фактическими доказательствами дѣло не станетъ; читатели найдутъ ихъ въ изобиліи въ послѣдующихъ уже подготовленныхъ выпускахъ».

---

*) «Когда въ брошюрахъ балтійскихъ публицистовъ, или въ проектахъ тамошнихъ законодателей, вамъ попадается такъ часто употребляемое ими слово свобода, будьте осторожны и глядите себѣ подъ ноги: это вѣрный признакъ ловушки. Такъ, напримѣръ, свобода труда и передвиженія значитъ утрата права на землю и запрещеніе переходить за границу губерніи; свобода взаимнаго соглашенія значитъ необходимость подчиниться произволу помѣщика въ опредѣленіи размѣра повинностей, свобода перехода недвижимой собственности изъ рукъ въ руки значитъ право сгонять крестьянъ съ усадьбы; свобода совѣсти значитъ стѣсненіе православной совѣсти... Словомъ, въ Балтійскомъ краѣ, идѣже утѣсненіе и стѣсненіе, ту свобода»...

Примѣчаніе г. Самарина.

«Мнѣ остается, въ заключеніе, – говоритъ г. Самаринъ на послѣдней страницѣ своего перваго выпуска, — сказать еще слово. На предшествующихъ страницахъ я указалъ, между прочимъ, въ чемъ сходство и въ чемъ разница между вопросомъ польскимъ и вопросомъ балтійскимъ (котораго, при всемъ моемъ нежеланіи, я все таки, къ стыду нашему, не могу не признать), — но одной, очень существенной, разницы я не коснулся.

«Въ вопросѣ польскомъ наше общество и наше правительство долго находились подъ вліяніемъ фальшивыхъ понятій, ошибались заодно, вмѣстѣ, въ одно время, и отъ того, какъ ни тяжелы, какъ ни обидны были послѣдствія ошибокъ, сознаніе общей и нераздѣльной за нихъ отвѣтственности не только не ослабило нравственнаго авторитета правительства, а напротивъ, въ минуту прозрѣнія, заставило общество еще тѣснѣе примкнуть къ нему.

«Нельзя будетъ сказать того же о вопросѣ балтійскомъ, когда мы наконецъ перестанемъ его игнорировать: въ своевременныхъ предостереженіяхъ недостатка не было....»

Чего ожидаетъ русское общественное мнѣніе отъ Остзейскаго края

«Москва», 8-го октября. 1868 г.

Было темно, но стало свѣтло теперь для Россіи положеніе дѣлъ ея на Балтійскомъ Поморьѣ, — благодаря извѣстной книгѣ г. Самарина, съ которою уже достаточно ознакомили русское общество пространныя изъ нея извлеченія въ нашей и нѣкоторыхъ другихъ газетахъ. Мы впрочемъ далеко не исчерпали содержаніе всей книги, особенно по спеціальнымъ мѣстнымъ вопросамъ, по которымъ она преизобилуетъ документальными данными и самыми характеристическими подробностями. Но мы пріостанавливаемъ пока наши извлеченія – для того, чтобъ слишкомъ усиленнымъ, яркимъ свѣтомъ не раздражить зрѣніе еще не привыкшее къ свѣту... Мы не хотимъ доводить раздраженіе ни въ прямомъ, ни въ иносказательномъ смыслѣ до того предѣла, за которымъ снова мутится взоръ и меркнетъ свѣтъ истины. Въ сознаніи на-

шей русской правды и силы, мы готовы первые пощадить чувство оскорбленнаго племеннаго самолюбія и мѣстнаго провинціализма, и предоставить нашимъ соотечественникамъ нѣмецкаго происхожденія отыскать самимъ почетный исходъ изъ новыхъ, необычайныхъ для нихъ и затруднительныхъ обстоятельствъ. Этотъ исходъ, впрочемъ, можетъ быть только одинъ—согласный съ нашимъ народнымъ достоинствомъ и интересомъ. Свѣтъ, возженный изданіемъ г. Самарина, пусть послужитъ и для нихъ руководительнымъ свѣтомъ.... Теперь не скрыто для балтійскаго нѣмецкаго общества—чего желаетъ, требуетъ и ждетъ отъ него русское общественное мнѣніе,—и не останется отнынѣ скрытымъ и для русскаго общества ни одно явленіе общественной и гражданской жизни Балтійскаго Поморья. Между нами и нашими балтійскими соотечественниками отнынѣ уже нѣтъ, не можетъ, не должно быть, да и не будетъ недоразумѣній, и такая опредѣленность, такая недвусмысленность взаимныхъ отношеній должна благотворно содѣйствовать передовымъ дѣятелямъ Балтійскаго края въ осуществленіи ожиданій Россіи. Она облегчитъ ихъ трудъ, тяжесть котораго мы готовы охотно признать, и ободритъ ихъ усилія, которыя мы сумѣемъ цѣнить. Мы съ удовольствіемъ привѣтствуемъ ихъ первый шагъ на этомъ добромъ пути—ихъ отреченіе отъ столь прославленнаго ими прежде, лифляндскаго уроженца и публициста, г. фонъ-Бокка, — котораго ревельская газета и корреспонденціи изъ Риги въ заграничной нѣмецкой прессѣ именуютъ теперь самозваннымъ, непрошеннымъ защитникомъ балтійскихъ порядковъ и привилегій. Это отреченіе отъ г. фонъ-Бокка не можетъ имѣть другаго значенія, какъ отреченія отъ его теорій... Мы хотимъ этому вѣрить и вѣримъ, и считаемъ себя въ правѣ надѣяться, что намъ вскорѣ представится случай успокоить русское общественное мнѣніе доказательствомъ болѣе полновѣснаго, фактическаго свойства, нежели печатное заявленіе балтійской газетки. Мы убѣждены, что наши Балтійцы нѣмецкой крови не замедлятъ дать намъ дѣйствительное свидѣтельство своей политической зрѣлости, устранивъ не только внѣшнія проявленія, въ печати, взаимной вражды національностей и одного класса мѣстнаго общества противъ другаго, многочисленнѣйшаго, — но и самые

поводы къ этой враждѣ, коренящіеся въ дѣйствующихъ нынѣ соціальныхъ и политическихъ учрежденіяхъ края. Не легко и не охотно враждуетъ русскій народъ; менѣе кого-либо въ мірѣ повиненъ онъ въ своекорыстномъ, узкомъ, національномъ эгоизмѣ; менѣе кого-либо въ мірѣ расположенъ тѣснить жизнь, свободу, своеобычность постороннихъ національностей. Онъ много уступаетъ, много и долго терпитъ и долго вѣритъ въ возможность мирнаго естественнаго, желаннаго соглашенія чужихъ притязаній съ своими законными правами и интересами. Но домогаясь лишь потребнаго, необходимо потребнаго для собственной жизни и свободы, и для жизни и свободы чающихъ отъ него своего избавленія племенъ,—русскій народъ сумѣетъ въ нужную пору проявить силу въ благодушіи, безстрашіе въ миролюбіи, — сумѣетъ настоять на признаніи своего права и заставить, кого слѣдуетъ, уважить свою твердую волю... Мы вполнѣ понимаемъ и высоко цѣнимъ заботу правительства, чтобы періодическая печать не вносила смуту и рознь во взаимныя отношенія племенъ и сословій въ государствѣ и не усложняла разрѣшенія государственныхъ задачъ элементами страсти и гнѣва. Но періодическая печать только отражаетъ послушно движеніе общественной мысли и чувства. Молчаніе печати не упразднитъ бытія и дѣйствія тѣхъ живыхъ причинъ, которыя подвигли наконецъ къ проявленію русское общественное сознаніе. Оно успокоится, и охотно успокоится, лишь тогда, когда упразднятся самыя эти живыя причины; когда убѣдится вполнѣ, что водворившееся молчаніе въ печати служитъ выраженіемъ не уступки, не сдѣлки, не попытки устранить неудобства свѣта и гласности; когда, однимъ словомъ, несомнѣнно и воочію начнется та серьезная работа, которая одна способна привести къ единству и примиренію. Такого удостовѣренія въ правѣ желать и желаетъ для себя русское общество—и отъ правительства и отъ своихъ русскихъ согражданъ Балтійскаго Поморья. Такое удостовѣреніе составляетъ настоятельную потребность времени и мы не сомнѣваемся, что важность настоящей минуты не ускользнетъ отъ проницательности и мудрости нашихъ государственныхъ людей и передовыхъ дѣятелей нѣмецкаго меньшинства на балтійской окраинѣ. Особенно же отъ послѣд-

нихъ чаетъ себѣ русское общество вниманія и удовлетворенія...

Повторяемъ: свѣтъ возженъ, русское общественное сознаніе пробудилось и бодрствуетъ: ни погасить свѣта, ни усыпить сознанія отнынѣ *невозможно*. Но сдерживая напоръ своего національнаго чувства, русскіе люди въ правѣ предположить, что господствующее меньшинство Балтійскаго Поморья поспѣшитъ первое присвоить себѣ честь иниціативы въ преобразованіи его ненормальныхъ отношеній къ Россіи,— отношеній, которыхъ оно главный виновникъ. Печать, съ своей стороны, полагая на время предѣлъ дальнѣйшимъ разоблаченіямъ и обличеніямъ, готова съ радостью поддержать и огласить во всеобщее свѣдѣніе всякое искреннее доброе начинаніе балтійскихъ Нѣмцевъ—въ смыслѣ тѣснѣйшей, органической солидарности съ Россіей. Время благопріятно. Нынѣ Россія *видитъ и вѣдаетъ*,—и не питая вражды, полная сознанія своего права и правды, устремляя взоры на свою балтійскую окраину, ждетъ...

Но не того ждетъ, о чемъ гласятъ нижеслѣдующія строки, перепечатанныя нами изъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей»...

„Подробности о прибытіи въ Петербургъ новой партіи Эстонцевъ, самовольно выселившихся изъ Эстляндской губерніи:

„Сегодня (5-го октября) мы видѣли въ комитетѣ для разбора и призрѣнія нищихъ, временно проживающихъ въ зданіи комитета, Эстонцевъ, которые выѣхали изъ окрестностей Гапсаля, частью съ мызы Нейгофъ (помѣщика г. Гернста), частью съ мызы Лахтри (помѣщика г. Рамма).—Всѣхъ эмигрантовъ 37 человѣкъ, 10 мужчинъ, 6 женщинъ, 2 дѣвушки и 19 дѣтей. Они оставили родину, потому что „ѣсть нечего" и жить негдѣ, такъ какъ хижины ихъ представляютъ нѣчто въ родѣ развалинъ, не защищенныхъ отъ непогоды. Два семейства изъ нейгофскихъ крестьянъ были въ работникахъ у помѣщика. Сначала помѣщикъ выдавалъ имъ по *три* штофа ржи и по *три* штофа ячменя на рабочую душу въ день, а потомъ только по *два* штофа ржи, по *одному* ячменя и по 10 к. сер. въ день, и наконецъ отказалъ совершенно, говоря, что ему нужны холостые работники.

„Цѣль поѣздки всѣхъ этихъ эмигрантовъ въ Петербургъ была— воспользоваться предложеннымъ правительствомъ правомъ селиться на Кавказѣ и въ Симбирской губерніи. — Такъ какъ каждое изъ семействъ было бы совершенно безполезно на новомъ мѣстѣ

поселенія посреди совершенно чужой народности, то они рѣшились селиться всѣ вмѣстѣ и помогать другъ другу во всѣхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ.

„Эмигранты выѣхали изъ своихъ мѣстъ еще въ началѣ сентября; 8-го числа они были въ Ревелѣ и, по ихъ словамъ, обратились въ эстляндское губернское правленіе съ просьбами о выдачѣ паспортовъ, но получили отказъ. Въ правленіи имъ предлагали отослать семейства назадъ и явиться за паспортами только тѣмъ, кто способенъ къ работѣ. Нечего было дѣлать, рѣшили отправиться безъ паспортовъ. — Одинъ изъ финляндскихъ пароходовъ, привезшій въ Ревель муку, взялъ ихъ и за 50 коп. съ души доставилъ въ Петербургъ. Такимъ образомъ въ Петербургѣ они уже около трехъ недѣль. На прошлой недѣлѣ ихъ хотѣли было отправить на пароходѣ обратно въ прежнія мѣста жительства, но такое распоряженіе встрѣтило отказъ со стороны эмигрантовъ, отвѣчавшихъ, что лучше имъ побросаться въ Неву, чѣмъ вернуться на родину и умирать съ голоду.—Разсказываютъ, что одна женщина хотѣла было дѣйствительно бросить своего ребенка въ воду, но была удержана городовымъ. Смотритель зданія комитета для разбора и призрѣнія нищихъ говорилъ намъ, что эмигрантамъ было сообщено распоряженіе правительства, по которому мѣстное начальство ихъ прежней родины должно было озаботиться о пріисканіи для нихъ удобнаго помѣщенія и о доставленіи имъ работы, но они упорно настаиваютъ на рѣшимости не выѣзжать изъ Петербурга до тѣхъ поръ, пока имъ не дадутъ возможности ѣхать внутрь Россіи и тамъ поселиться. Говорятъ, однакоже, что ихъ отправятъ на родину по этапу.

„Видъ эмигрантовъ говоритъ въ ихъ пользу: это народъ по преимуществу еще молодой и трезвый. Служащіе при зданіи комитета для разбора и призрѣнія нищихъ говорятъ, что въ нихъ они видятъ отличныхъ трудолюбивыхъ работниковъ.

„Намъ извѣстно, что нѣкоторые изъ оставшихся здѣсь даговскихъ выходцевъ, получившіе паспорты, были взяты русскими помѣщиками изъ Новгородской и Псковской губерній; что оставшіеся еще при комитетѣ для призрѣнія нищихъ имѣютъ работу и надѣются въ скоромъ времени получить мѣста; наконецъ, что недавно еще одна дама, посѣщавшая выходцевъ изъ окрестностей Гапсаля, заявила было желаніе—взять одну изъ молодыхъ дѣвушекъ къ себѣ въ услуженіе, но дѣло не состоялось только потому, что дѣвушка эта не имѣетъ паспорта.

„Принимая все это во вниманіе, намъ кажется, что лучше было бы, еслибы начальство вытребовало изъ эстляндскаго губерн-

скаго правленія паспорты находящимся здѣсь выходцамъ изъ окрестностей Гапсаля и дало бы имъ возможность, какъ хорошимъ работникамъ, или выселиться внутрь Россіи, или же выждать здѣсь полученія мѣстъ. И дѣйствительно, какая польза этимъ несчастнымъ возвращаться на родину, когда ихъ тамъ, въ особенности при постигшемъ мѣста ихъ жительства крайнемъ неурожаѣ, ожидаетъ чуть ли не голодная смерть?

По поводу рѣчи г. Скарятина, редактора „Вѣсти".

Москва, 15-го октября 1868 г.

Такова ужъ видно судьба въ Россіи многознаменательныхъ словъ и многообъемлющихъ истинъ, что едва оглашенныя они тотчасъ же обращаются въ «хорошія слова» и «общее мѣсто». А обращаясь въ пошлость, они утрачиваютъ свою плодотворную силу, и если продолжаютъ дѣйствовать, то не въ положительномъ, а скорѣе въ отрицательномъ смыслѣ, не подвигаютъ, а отодвигаютъ, не возбуждаютъ, а усыпляютъ и ублажаютъ... За примѣромъ ходить не далеко. Примѣромъ можетъ служить хоть та рѣчь г. Скарятина, которую ему не удалось досказать до конца на смоленскомъ праздникѣ открытія Витебско-Рославльской желѣзной дороги и которую онъ поспѣшилъ напечатать въ «Вѣсти» (114 №), какъ бы во свидѣтельство: вотъ за что человѣкъ страдаетъ, и вѣдь вотъ какимъ отборнымъ цвѣтомъ, fine fleur мудрости, гуманности и патріотизма онъ желалъ угостить собравшуюся публику! И вѣдь дѣйствительно мысли и слова все хорошія. «Я убѣжденъ,—такъ воскликнулъ г. Скарятинъ, упомянувъ напередъ, что вниманіе всего общества поглощено теперь вопросомъ объ окраинахъ, — я *глубоко, безповоротно* убѣжденъ, что Россія выйдетъ торжествующимъ побѣдителемъ изъ настоящихъ затрудненій»... Невольно преклоняешься предъ такимъ могуществомъ убѣжденія и благодаришь мысленно г. Скарятина за такія утѣшительныя и ободрительныя рѣчи, способныя мигомъ разсѣять тяжелое впечатлѣніе, произведенное на русское общество книгою «Русскія Окраины»... «Но, господа, —продолжаетъ ораторъ «Вѣсти», мысленно исправляя и г. Самарина, и московскихъ публицистовъ, о которыхъ кстати

тутъ же помѣщена особая передовая статья, — но, господа, къ побѣдѣ лежитъ намъ *одинъ* только вѣрный путь: мы побѣдимъ широкимъ развитіемъ *нашихъ внутреннихъ силъ*; мы побѣдимъ *мирнымъ* наплывомъ на окраины русской силы, русской жизни, русской мысли»... «Усомнимся ли въ побѣдѣ, когда коренная русская сила сойдется лицомъ къ лицу съ силами намъ враждебными, гнѣздящимися на окраинахъ? *Нѣтъ, нѣтъ, и тысячу разъ нѣтъ!*... Притянемъ окраины къ тѣмъ центрамъ Россійскаго государства, гдѣ вѣетъ русскимъ духомъ, гдѣ жива русская мысль, гдѣ ключемъ бьетъ русская жизнь»... Сильно сказано, и кажется есть тутъ всего, чего только требуется по части патріотизма и народности, — приборъ полный, даже и «*русскій духъ*». Кажется, самый отъявленный славянофилъ, самый крайній приверженецъ «старорусской» или «ультрарусской» партіи — и тотъ могъ бы подписать эти строки не поморщась. Конечно подозрительно ему станетъ, что такъ горячится не кто иной, какъ самъ редакторъ «Вѣсти», и прежде чѣмъ подписать, онъ справится, хоть съ передовой статьей того же 114 №, гдѣ увидитъ выходки противъ демократическаго направленія московской печати,—тогда какъ нѣтъ ничего демократичнѣе въ мірѣ паровика вообще и желѣзныхъ путей въ особенности. Но иной читатель, познакомившійся съ «Вѣстью» только по вышеприведенному отрывку рѣчи г. Скарятина, не можетъ не придти въ недоумѣніе: вѣдь и въ самомъ дѣлѣ разсуждаетъ она вѣрно и даже очень вѣрно: «широкое развитіе нашихъ внутреннихъ силъ, мирный наплывъ русской силы, русской жизни — вотъ чѣмъ надо сладить съ окраинами, а не чѣмъ-либо другимъ...» Какъ съ этимъ не согласиться? Мы-то согласны, да не согласна-то съ этимъ сама «Вѣсть». Мы разъяснимъ это ниже, а теперь замѣтимъ, что такія же «умныя рѣчи» ведетъ, кромѣ «Вѣсти», и «Новое Время»: и оно принимаетъ на себя роль рыцаря мирнаго прогресса, мирныхъ завоеваній русской народности,—тоже толкуетъ о широкомъ развитіи народныхъ силъ! Мало того — ступайте въ нашу западную окраину, вопросите начальство,—и «рѣчи изъ устъ его вѣщихъ сладчайшія меду польются» — все о томъ же мирномъ прогрессѣ, мирной побѣдѣ, развитіи русскихъ духовныхъ, общественныхъ силъ!.. Поѣзжайте въ Петербургъ,

и тамъ въ салонахъ, въ высшихъ общественныхъ и даже иногда административныхъ сферахъ, услышите вы—конечно не возгласы г. Скарятина,—но нѣкій важный, нѣсколько высокомѣрный лепетъ самоувѣренной и самодовольной мудрости—такого же либеральнаго и гуманнаго содержанія. «Ненависть—самый плохой совѣтчикъ, внушительно замѣчаютъ вамъ: вражда ослѣпляетъ, вы *не организуете, а дезорганизуете наши силы* (выраженіе «Вѣсти» про московскихъ публицистовъ); московскій фанатизмъ только портитъ дѣло и мѣшаетъ намъ его вести; мы не хотимъ насильственныхъ способовъ, – только путемъ мира и собственнаго развитія можемъ мы удержать наши окраины; не винить же ихъ за ихъ превосходство надъ нами, надъ скудостью нашей общественной силы»—и т. д. и т. д.

Однимъ словомъ, куда не сунтесь—вездѣ одни и тѣ же «хорошія слова» и разсужденія все такія выспреннія и благородныя... Повидимому одни только московскіе публицисты не понимаютъ этихъ высокихъ истинъ; они одни—враги всякой свободы, всякой гуманности, всякаго мирнаго внутренняго развитія; они одни не вѣрятъ въ будущность Россіи,—не только не досягаютъ до паѳоса вѣры г. Скарятина, но и до болѣе спокойныхъ вѣрованій, высказываемыхъ оффиціальными донесеніями. Они одни, какъ выражается «Вѣсть», навязываютъ русской народности «исключительно инстинкты матеріалистическаго эгоизма», — а «Вѣсть», петербургскіе салоны и петербургскіе политическіе умы отмежевали себѣ—видите ли—вѣру въ «нравственныя силы русскаго народа» и ненавидятъ насиліе и стѣсненіе!..

И это говоритъ «Вѣсть», которая въ теченіи шести лѣтъ сряду чуть не съ пѣной на устахъ толкуетъ о Положеніи 19 февраля, освободившемъ русскій народъ изъ-подъ гнета помѣщичьей власти, надѣлившемъ его землею, обезпечившемъ его отъ пролетаріата, возвысившемъ его до гражданской полноправности! Это *«широкое развитіе внутреннихъ силъ»* обѣщаетъ та самая «Вѣсть», которая уподобляетъ крестьянскія сходбища табуну и при каждомъ удобномъ случаѣ выдаетъ русскаго мужика за полудикое животное, не способное не только къ самоуправленію, но и ни къ какому пользованію гражданскими правами; которая проповѣдуетъ обез-

земеленіе крестьянъ и неравноправность ихъ предъ судомъ; которая обзываетъ и освобожденіе крестьянъ, и земскія учрежденія, и мировой судебный институтъ — исчадіемъ разрушительныхъ теорій французской революціи 1848 года.... О *«русскомъ духѣ, русской жизни»* осмѣливается витійствовать какъ бы съ сочувствіемъ «Вѣсть», которая, ратуя будто бы противъ бюрократіи, силится заподозрить въ глазахъ правительства историческое, исконное, основное начало нашей народной и общественной жизни — начало избирательное. О *«мирномъ наплывѣ на окраины русскихъ силъ»* рѣшается безстыдно и во всеуслышаніе пророчествовать «Вѣсть», которая на западной нашей окраинѣ старается именно подорвать силу русскаго, кореннаго, туземнаго элемента — въ лицѣ крестьянъ, единственныхъ представителей, вмѣстѣ съ духовенствомъ, русской народности въ краѣ, — и которая возвѣстила, что интересъ русской національности (слѣдовательно «русскаго духа, русской мысли, русской жизни») долженъ быть поставленъ ниже интереса сословности или интереса помѣщиковъ польскаго происхожденія. «Вѣсть», которая на Балтійской окраинѣ держала и держитъ руку ничтожнаго по числу нѣмецкаго меньшинства — въ его стремленіи поработить, духовно и экономически, все громадное туземное большинство, онѣмечить все коренное народонаселеніе — нехотящее онѣмечиться и томимое желаніемъ тѣснѣйшаго сближенія съ Россіей!... О *побѣдѣ русской мысли* надъ нашими инородцами отваживается провозвѣщать «Вѣсть», которая недавно, въ лицѣ своихъ патроновъ, браталась, на берегахъ Невы, съ представителями нѣмецкой мысли въ Балтійскомъ краѣ, праздновала съ ними союзъ *сословный*, выставляла отношеніе нѣмецкихъ помѣщиковъ къ Латышамъ за образецъ достойный подражанія и въ Россіи! Но не перечислишь всѣхъ тѣхъ пріемовъ, манёвровъ, словъ, рѣчей и инсинуацій, которыми газета «Вѣсть», подъ видомъ борьбы съ «бюрократо-демократическимъ патріотизмомъ», подъ видомъ «мирнаго развитія внутреннихъ силъ», старается доставить побѣду бюрократо-аристократическому, заимствованному изъ чужи направленію, подавить въ зародышѣ возраждающуюся русскую народную самобытность, стѣснить свободу самостоятельнаго развитія русскихъ народныхъ началъ, — слѣдовательно внутренней жизни Россіи...

И врагомъ насилія, нѣжнымъ любовникомъ русской свободы и мирнаго развитія, выступаетъ туда же и г. Юматовъ, редакторъ № 1 «Новаго Времени»,—газеты, которая видитъ насиліе не въ томъ, что польскіе помѣщики, пользуясь своимъ положеніемъ, обобрали было у русскаго народа, посредствомъ прямыхъ и косвенныхъ притѣсненій, его народность, его языкъ, его вѣру, его землю,—но въ томъ, что обобранное теперь отнимаютъ, что, возстановляя попранныя права русскаго населенія, обрѣзываютъ права польской пришлой народности... И туда же — стыдить Россію недостаточнымъ развитіемъ русскихъ общественныхъ силъ и приглашать правительство, сложивъ руки, только отъ этого развитія ожидать возрожденія русской народности на западной окраинѣ — дерзаетъ газета, редакторъ которой, № 2, еще недавно оффиціально предлагалъ сдѣлать польскій языкъ, отъ имени правительства, обязательнымъ въ русскихъ школахъ Гродненской, Минской, Виленской губерній! Выходитъ, что одно и то же дѣйствіе, какъ скоро предпринимается отъ имени власти въ пользу польской національности и въ ущербъ русской, выдается редакторами «Новаго Времени» за дѣйствіе мирнаго, свободнаго прогресса, ничѣмъ ненарушающее правъ человѣчества, требованій либерализма и цивилизаціи,—и какъ скоро предпринимается въ пользу угнетеннаго русскаго большинства—выдается за насиліе, тиранство, варварство, проявленіе грубой матеріальной мощи!

И тѣ же самыя рѣчи «Вѣсти» и «Новаго Времени» о необходимости не инаго какого-либо, а непремѣнно «мирнаго», ненасильственнаго завоеванія русскихъ окраинъ посредствомъ свободнаго воздѣйствія *русской мысли и жизни и развитія внутреннихъ силъ* — раздаются и въ Западномъ краѣ — *одновременно* съ удаленіемъ отъ должностей православныхъ русскихъ священниковъ: зачѣмъ-де они, не ограничиваясь однимъ совершеніемъ требъ, позволяютъ себѣ проповѣдывать превосходно православной вѣры, тогда какъ «русская-де церковь чужда прозелитизма»... *одновременно* съ составленіемъ проекта о такомъ разверстаніи земли и угодій русскихъ крестьянъ съ польскими панами, которое должно подорвать вѣру русскихъ крестьянъ въ русскую власть, пришибить только-что было оперившіяся въ нихъ надежды на

прочность своего гражданскаго и матеріальнаго обезпеченія— заставить вновь поникнуть духомъ русское населеніе!... *одновременно* съ разрѣшеніемъ пріобрѣтать земли крестьянамъ польскаго происхожденія и латинскаго вѣроисповѣданія и воспрещеніемъ таковаго пріобрѣтенія русскимъ православнымъ крестьянамъ; одновременно съ гоненіемъ на всякое проявленіе въ мѣстныхъ дѣятеляхъ, кромѣ вѣрноподданнической преданности, и живой сердечной преданности интересамъ русской народности,—одновременно наконецъ съ гоненіемъ на гласность и на русскую періодическую печать, отстаивающую права русскаго народа на западной русской окраинѣ!

И точно такъ же сладко лепечетъ о «мирѣ», о «преимуществѣ мирныхъ побѣдъ», о грядущихъ результатахъ «развитія собственныхъ внутреннихъ силъ»,—журчитъ и лепечетъ, чуть коснется дѣло до нашихъ окраинъ, та партія въ Петербургѣ, которая постоянно пугаетъ высшую власть призраками внутреннихъ опасностей, грозящихъ будто бы ей отъ русскаго народа только-что ею облагодѣтельствованнаго и возрожденнаго! которая всякое живое народное чувство выставляетъ предъ властью какъ злую революціонную похоть; которая заподозриваетъ въ ея глазахъ и клеймитъ прозваніемъ соціализма, коммунизма и анархическихъ инстинктовъ даже сочувствіе русскаго общества къ новѣйшимъ великимъ преобразованіямъ; которая подрываетъ довѣріе власти къ родному краю, къ дарованнымъ ею самою правамъ, льготамъ и нѣкоторой гражданской свободѣ; которая порывается вновь, подъ предлогомъ упроченія «консервативныхъ началъ», стѣснить самобытное развитіе внутреннихъ русскихъ силъ; которая пытается вновь, требуя легальности и законности въ отношеніи къ Полякамъ и Нѣмцамъ, пріумножить для русскаго центра административный произволъ, подчинить мировыхъ судей губернаторамъ, отмѣнить несмѣстимость судей, и т. д. и т. д.,—которая наконецъ съ презрѣніемъ относится ко всякимъ запросамъ и требованіямъ во имя интересовъ русской народности и, изгибаясь ужомъ предъ иностранцами и русскими подданными нерусской національности на балтійской и западныхъ окраинахъ,—является чуть не волкомъ внутри Россіи, въ отношеніи къ *своимъ*, Русскимъ... Оно и понятно: съ своими что за счеты!..

Такъ вотъ что̀ значитъ на языкѣ «Вѣсти» и всей ея партіи и всѣхъ, перечисленныхъ нами—эти «хорошія слова» о мирномъ завоеваніи посредствомъ русской мысли и жизни и о широкомъ развитіи русскихъ внутреннихъ и вообще нравственныхъ силъ,—вотъ что̀ значатъ эти фразы, какъ скоро «Вѣсть», и съ нею схожіе начинаютъ судить и рядить объ отношеніяхъ Россіи къ польскому и нѣмецкому элементу въ нашихъ балтійскихъ и западныхъ губерніяхъ! Всѣ эти толки и рѣчи напоминаютъ намъ сказку въ стихахъ одного изъ умершихъ поборниковъ русской свободы и самобытности,—сказку о великанѣ, мирномъ и скромномъ, котораго оковали во время сна цѣпями и потомъ принялись щедро надѣлять ударами палки—его малорослые сосѣди: едва только, выведенный изъ терпѣнія, великанъ начинаетъ негодовать, рвать оковы и собирается дать отпоръ, какъ кругомъ раздаются крики: «это стыдъ, это срамъ, это злоупотребленіе грубой физической силы, это варварство, это тираннія!.. Ты болванъ неотесанный, мы тебя же учимъ добру, — стой смирно, дай себя бить, будешь слыть цивилизованнымъ»,—и смущенный, совѣстливый, вовсе не желающій употреблять во зло свою исполинскую мощь, исполинъ въ недоумѣніи утихаетъ и въ недоумѣніи принимаетъ вновь сыплящіеся на него удары,—но конечно только до поры до времени... Всѣ эти фразы о мирномъ наплывѣ и мирномъ завоеваніи — только фразы и ничего болѣе въ устахъ нашихъ противниковъ,—фразы, отрадно звучащія для русскаго слуха,—но фразы, которыя въ переводѣ на языкѣ практики означаютъ: стѣсненіе развитія *русскихъ* силъ, насиліе надъ *русскою* жизнью. Самымъ лучшимъ и надежнымъ способомъ повѣрки, въ какой мѣрѣ искренни тѣ, которые въ отвѣтъ «московскимъ публицистамъ», какъ они выражаются, мещутъ такія благородныя рѣчи,—самый точный способъ распознать присутствіе въ этихъ фразахъ «духа лестча»—это допытаться объ отношеніи этихъ господъ къ крестьянскому вопросу какъ на окраинахъ, такъ и въ Россіи, объ отношеніи ихъ къ независимости нашего новаго суда и о степени сочувствія къ административному произволу.

Но, можетъ-быть замѣтитъ читатель,—здѣсь всѣ эти разсужденія о томъ значеніи, какое должно имѣть для обрусе-

нія окраинъ укрѣпленіе нашего русскаго центра и развитіе русскихъ силъ (а это, безъ сомнѣнія, есть святая неоспоримая истина), всѣ эти разсужденія являются здѣсь уже чистою ложью, лицемѣріемъ, а не «общимъ мѣстомъ», какъ сказано у насъ въ началѣ статьи?... Конечно такъ, это вполнѣ вѣрно относительно главныхъ представителей указаннаго нами направленія и тѣхъ, которыхъ высылаетъ къ намъ на работу польская и нѣмецкая интрига,—но не совсѣмъ вѣрно относительно всей массы людей, идущей вслѣдъ за этими представителями и увлекающейся мнимою гуманностью и либерализмомъ ихъ рѣчей. Эта масса людей охотно пробавляется громкими фразами, ублажающими ея нравственный вкусъ и убаюкивающими запросъ ея непытливой мысли. Въ ея-то устахъ—всякая истина, не пуская корней въ глубь и оставаясь безплодною, обращается въ пошлость, въ общее мѣсто, которое въ свою очередь становится иногда могучею отрицательною силою—въ томъ смыслѣ, что, легко и дешево удовлетворяя нравственное чувство человѣка, накормивъ его фразами, парализуетъ его положительную дѣятельность. «Будемъ стремиться мирно,» восклицаютъ они, къ обрусенію окраинъ, и осудивъ затѣмъ всякое, напримѣръ, принудительное возвращеніе отъ пана захваченной имъ излишней русской земли русскому населенію, сами конечно уже не двигаются съ мѣста... Иные же, умащаясь елеемъ этихъ миролюбивыхъ рѣченій, предаются маниловскому самоуслажденію, а можетъ-быть и маниловскимъ мечтамъ, что дойдетъ такое настроеніе ихъ до свѣдѣнія миролюбиваго высшаго начальства, и оно всѣхъ такихъ миролюбцевъ пожалуетъ въ генералы!...

По случаю сенаторской ревизіи въ Курляндской и Лифляндской губерніяхъ въ 1882 г.

„Русь“, 30-го января 1882 г.

Опубликованное на дняхъ Высочайшее повелѣніе о производствѣ сенаторской ревизіи въ губерніяхъ Лифляндской и Курляндской *во всѣхъ отношеніяхъ государственнаго управленія* — по истинѣ цѣлое событіе. Привѣтствуемъ его съ искреннею радостію. Едвали оно было мыслимо нѣсколько

лѣтъ тому назадъ. Никогда, сколько мы знаемъ, не подвергалась сенаторскому обозрѣнію наша Прибалтійская окраина, да и ревизія эта не похожа на обычныя ревизіи возлагаемыя на сенаторовъ. Не отступленія на практикѣ отъ постановленій Россійскаго Свода Законовъ подлежатъ здѣсь изслѣдованію ревизующаго сенатора, какъ въ Русскихъ губерніяхъ, — но конечно и не повѣрка точнаго примѣненія на мѣстѣ правилъ такъ-называемаго Остзейскаго Свода. Не говоря уже о томъ, что такая повѣрка требовала бы особаго спеціалиста, предварительнаго изученія этой совершенно спеціальной части законодательства, замѣтимъ, что едвали Прибалтійская окраина можетъ подлежать сильному нареканію въ неисполненіи ею этихъ спеціальныхъ, изданныхъ *для нея* законовъ. Не на нарушеніе Свода *Остзейскихъ* узаконеній несутся оттуда жалобы населенія,—а на самый этотъ Сводъ, выдѣляющій милліоны народа изъ общей жизни Россіи и отдающій ихъ едва не въ безконтрольную власть меньшинства, поставленнаго Сводомъ въ исключительно-привилегированное положеніе. Задачей сенаторской ревизіи,—какъ мы ее понимаемъ,—можетъ быть только внимательное изслѣдованіе: въ какой степени согласуется самое это особливое законодательство Прибалтійскаго края съ нуждами населенія, съ требованіями высшей справедливости, съ интересами всего Русскаго государства.

Несмотря на нѣкоторыя проведенныя правительствомъ въ послѣднее время реформы, Прибалтійская окраина представляется въ наши дни аномаліей не только въ Россіи, но и во всей Европѣ. Это средневѣковое рококо, сохранившееся, словно подъ стекляннымъ колпакомъ, подъ покровомъ привилегій, жалованныхъ Ливоніи и Эстоніи Петромъ Великимъ въ началѣ XVIII столѣтія и болѣе или менѣе распространенныхъ и на Курляндію, по окончательномъ присоединеніи ея въ 1795 г. Привилегіи эти въ свое время имѣли въ виду только высшій, немногочисленный *нѣмецкій* классъ населенія, и преимущественно—потомковъ рыцарей-завоевателей края въ началѣ XIII вѣка, поработившихъ себѣ туземное населеніе—Латышскаго и Чудскаго племени. Эти порабощенныя племена, конечно, еще менѣе могли быть приняты въ разсчетъ (въ моментъ дарованія Петромъ рыцарству

правъ, слишкомъ 150 лѣтъ тому назадъ) чѣмъ даже крѣпостные крестьяне въ самой Россіи. Но Латыши, Эсты, вообще сельское населеніе стало съ 1819 г. свободнымъ, хотя бы только лично и безъ земли; новый возникшій многочисленнѣйшій классъ гражданъ, вовсе не существовавшій при первоначальномъ пожалованіи привилегій, новый могучій факторъ мѣстной жизни, являлся естественно, ipso facto, живымъ, логическимъ отрицаніемъ самаго основанія тѣхъ особливыхъ правъ меньшинства, которыя были даны при совершенно иныхъ соціальныхъ и экономическихъ условіяхъ Прибалтійской окраины. Тѣмъ не менѣе, до самой сей поры русскимъ правительствомъ не было произведено еще ни одной серьезной попытки подвергнуть полному пересмотру законодательство, такъ-называвшагося до послѣднихъ временъ, «Остзейскаго края», основанное главнымъ образомъ на пресловутыхъ привилегіяхъ, и согласовать какъ законы, такъ и все управленіе этой части государства съ тѣми новыми составными элементами, которые внесены въ ея жизнь непрерывнымъ ходомъ исторіи. Это воздержаніе русскаго правительства отъ такого, настоятельно требовавшагося пользами края и всей нашей Имперіи пересмотра объясняется какъ вообще слабымъ, даже до позднѣйшихъ временъ, сознаніемъ національныхъ государственныхъ интересовъ въ русскихъ правящихъ сферахъ, вслѣдствіе вольнаго и невольнаго, слѣпаго подобострастія къ «иностранной культурѣ», — такъ и вліяніемъ множества представителей прибалтійскаго дворянства, занимавшихъ видныя мѣста на русской государственной службѣ. Съ фанатическимъ упорствомъ стояли они въ то время за свои привилегіи. Мы говоримъ въ *то время*, ибо думаемъ, что и прибалтійское рыцарство не осталось же чуждымъ тому прогрессу общечеловѣческаго просвѣщенія, съ которымъ несовмѣстимо понятіе о сословныхъ преимуществахъ одного класса и о безправности всѣхъ другихъ. Тѣ привилегіи, которыми даже до сихъ поръ пользуется у насъ прибалтійское дворянство и которыя однородны съ рыцарскими средневѣковыми преимуществами Западной Европы, — въ этой самой Европѣ уже вышвырнуты теперь за окно, такъ что о нихъ просвѣщенные потомки рыцарей совѣстятся тамъ и вспомнить, — какъ и мы, дворяне, въ Рос-

сіи совѣстимся даже и про себя приводить себѣ на память времена крѣпостнаго нашего права. Наконецъ тотъ новый факторъ мѣстной жизни, о которомъ мы упомянули, именно классъ новыхъ граждань, бывшихъ безправныхъ крестьянъ, представляющій довольно внушительное число около двухъ милліоновъ душъ, не можетъ уже стоять на одномъ мѣстѣ, какъ стоялъ онъ безгласно цѣлые вѣка, а растетъ, образуется, поднимаетъ голосъ и живо сознаетъ съ своей стороны ту неправду своего общественнаго положенія, которая не терпится теперь не только нигдѣ въ Западной Европѣ, но даже и въ «варварской« нашей Россіи. Эта варварская Россія, въ теченіи послѣднихъ 25 лѣтъ, совершила у себя такія преобразованія, которыми ея гражданскій и соціальный строй далеко опередилъ Русское Прибалтійское Поморье, а нашею крестьянскою реформою мы оставили за собою позади и всю Западную Европу съ ея высшею культурою и цивилизаціей. Можетъ ли населеніе Лифляндской, Эстляндской и Курляндской губерній не желать, не ожидать и для себя тѣхъ благъ, которыя дала Россіи не только реформа 19 февраля 1861 г., но и судебная, и всесословное управленіе въ земствахъ и въ городахъ? И выгодно ли прибалтійскимъ баронамъ, да и городскимъ бюргерамъ, въ виду такихъ чаяній большинства населенія, упорно отстаивать съ своей стороны то ненормальное положеніе, которое не можетъ же не раздражать народныя массы, которое изжило свой вѣкъ и въ будущемъ времени можетъ поддерживаться лишь насильственно, т. е. при помощи принудительной, именно русской превительственной власти?

Полагаемъ, что нѣтъ. Мы надѣемся, мы почти увѣрены, что значительная часть рыцарскихъ потомковъ Прибалтійскаго края уже перестала пребывать неподвижно на точкѣ зрѣнія давнихъ, «полуварварскихъ временъ», а стоитъ въ уровень съ истиннымъ, здравымъ просвѣщеніемъ нашего времени; что историческій опытъ столѣтій не пропалъ для нихъ даромъ; что не принадлежатъ же они къ числу тѣхъ несчастныхъ, о которыхъ живетъ слово Наполеона, что ничего они не забыли, да и ничему не научились. Мы убѣждены, что наши прибалтійскіе жители нѣмецкаго происхожденія, въ виду вопросовъ вызываемыхъ ревизіей, не захотятъ стать

притчею во языцѣхъ цѣлаго міра и явиться предъ его лицомъ, какъ и предъ лицомъ Россіи—какими-то средневѣковыми мумiями, годными лишь для историческихъ музеевъ. Они поймутъ, безъ сомнѣнія, необходимость новаго строя жизни, не междоусобнаго какъ теперь, когда они имѣютъ противъ себя вражду всего туземнаго мѣстнаго населенія, а мирнаго, основаннаго на принципѣ равноправности и взаимнаго соглашенія интересовъ, какъ различныхъ національностей между собою, такъ и этихъ національностей съ общими интересами государства. Однимъ словомъ, мы позволяемъ себѣ выразить полное упованіе, что извѣстіе о назначеніи сенаторской ревизіи будетъ встрѣчено нѣмецкими жителями края, по крайней мѣрѣ образованнѣйшею, просвѣщеннѣйшею, разумнѣйшею и благородно чувствующею, лучшею ихъ частью, съ искреннимъ удовольствіемъ, съ искреннимъ желаніемъ содѣйствовать преобразованію мѣстной жизни на началахъ истинной правомѣрности и нравственной правды.

Въ самомъ дѣлѣ, разуменъ ли, возможенъ ли такой порядокъ, при которомъ изъ двухъ милліоновъ обитателей— цѣлыхъ 85% населенія преданы такъ-сказать во власть при-привилегированному меньшинству остальныхъ 15%? Справедливо ли, чтобъ 1.750,000, или около этого, туземнаго населенія Латышскаго и Чудскаго племени осуждены были на *онѣмеченіе* только потому, что остальные 250.000 жителей нѣмецкаго происхожденія,— на онѣмеченіе не добровольное, а искусственное и насильственное? Мыслимъ ли такой государственной строй, при которомъ государственный языкъ—въ странѣ уже почти два вѣка входящей въ составъ государства — не признается государственнымъ даже и до сихъ поръ? при которомъ магистраты осмѣливаются не принимать предписаній представителя высшей центральной власти именно потому, что они писаны на русскомъ языкѣ? Сорокъ тысячъ Русскихъ проживающихъ въ Ригѣ, почти лишены защиты предъ судами—потому только, что не знаютъ языка нѣмецкаго, языка численно ничтожнаго мѣстнаго меньшинства, а знаютъ лишь языкъ государственный?... Говорить ли о другихъ несообразностяхъ? Читатели «Руси» не забыли конечно корреспонденцій въ ней помѣщенныхъ — и о дѣйствіяхъ въ ущербъ интересамъ государства и громаднаго

большинства населенія дирекціи Дерптскаго Учебнаго Округа, и о положеніи прибалтійскихъ крестьянъ, и о тѣхъ притѣсненіяхъ, которымъ подвергается въ этой окраинѣ православное въ средѣ Латышей вѣроисповѣданіе, и о дикихъ оскорбленіяхъ, наносимыхъ по временамъ русскимъ жителямъ, даже офицерамъ, нѣкоторыми поистинѣ *дикими* баронами, которые еще водятся тамъ, на Прибалтійскомъ Поморьѣ, кое-гдѣ даже и доднесь.

Мы высоко цѣнимъ услуги, оказанныя Россіи многими доблестными уроженцами Лифляндіи, Курляндіи и Эстляндіи на государственной службѣ. Никогда Россія, не только въ лицѣ своего правительства, но и въ лицѣ всего русскаго общества и народа, не отказывала имъ въ выраженіи искренней, сердечной признательности. Имя Тотлебена, напримѣръ, у насъ также популярно, какъ и любаго Русскаго. Русскимъ подданнымъ нѣмецкаго происхожденія открыты всѣ служебныя поприща въ нашемъ отечествѣ; они пользуются этимъ правомъ широко, и на какія-либо притѣсненія изъ національной ревности никогда не жаловались, да и повода къ жалобамъ не имѣли. Надобно полагать, что усердное государственное служеніе должно было развить въ нихъ и способность истинно государственныхъ соображеній о пользахъ той имперіи, которой они служатъ,— а эти государственныя соображенія неуклонно повелѣваютъ приступить безотлагательно къ коренному преобразованію всего гражданскаго строя Прибалтійской окраины.

Намъ, впрочемъ, неизвѣстны инструкціи сенатора Манасеина, на котораго Высочайшимъ довѣріемъ возложена ревизія—пока еще двухъ губерній, Лифляндской и Курляндской; но инструкцій инаго содержанія мы и представить себѣ не можемъ. Позволяемъ себѣ съ своей стороны напомнить, что предварительное ознакомленіе съ существенными задачами и вопросами нашего Балтійскаго Поморья, для человѣка, не изслѣдовавшаго края на мѣстѣ, едвали и мыслимо безъ знакомства съ превосходными трудами покойнаго Юрія Ѳедоровича Самарина,—этого твердаго, неутомимаго обличителя прибалтійской неправды, память о которомъ такъ благоговѣйно чтится всѣми угнетенными и оскорбленными въ этой окраинѣ,— всѣмъ Латышскимъ, Эстскимъ и

Русскимъ тамъ населеніемъ. Эти труды, отличающіеся не только яркимъ талантомъ, но и основательнымъ, добросовѣстнымъ знаніемъ дѣла до самыхъ послѣднихъ его мелочей, слѣдующіе: во 1-хъ, «Рижскія Письма», писанныя еще въ 1848 году, когда Самаринъ служилъ тамъ въ качествѣ чиновника особыхъ порученій, командированнаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ къ генералъ-губернатору Головину: эти письма до сихъ поръ оставались еще въ рукописи, но съ нынѣшняго № «Руси» мы начинаемъ ихъ печатаніе въ нашей газетѣ; во 2-хъ, шесть томовъ, изданныхъ за границей, въ Прагѣ и въ Берлинѣ, подъ названіемъ: «Окраины Россіи: Русское Балтійское Поморье» 1868—1876 г.

Рѣзкій полемическій характеръ какъ «Рижскихъ писемъ», такъ и «Окраинъ» нисколько не умаляетъ ихъ достоинства, какъ единственнаго надежнаго руководства къ познанію прибалтійскихъ порядковъ. Такой ихъ характеръ объясняется отчасти тѣмъ, что самые эти труды,—и главнымъ образомъ «Окраины»,—служили опроверженіемъ клеветническихъ памфлетовъ, опубликованныхъ за границей гг. Егоромъ фонъ-Сиверсомъ фонъ-Боккомъ, Ширреномъ и Эккгардтомъ (послѣдній не угомонился и до сихъ поръ, и пребывая въ Гамбургѣ, все еще продолжаетъ выпускать памфлеты на Россію). Отчасти же полемическій пріемъ вынуждался самими обстоятельствами той, по меньшей мѣрѣ странной поры, когда правительство было почти глухо къ воплямъ большинства населенія. Были такіе, особеннаго склада, чудные «умы» въ нашихъ административныхъ сферахъ, которые именно въ искусственномъ охраненіи исключительныхъ привилегій прибалтійскаго рыцарства, а не въ интересахъ большинства населенія, равно даже и не въ *Русскомъ народѣ*, усматривали мощь «консервативныхъ началъ» и главную опору нашей государственной твердыни! Только рѣзкостью полемическаго тона и можно было надѣяться въ то время, пробить путь истинѣ сквозь этотъ добровольный заслонъ диковиннѣйшихъ предразсудковъ. Эти времена—дай Богъ - можно считать невозвратно прошедшими, и читатель «Рижскихъ Писемъ», какъ и «Окраинъ», самъ легко отдѣлитъ то, что относилось лишь къ злобѣ дня, отъ того, что есть и пребываетъ существеннымъ.

Сенаторская ревизія Прибалтійскаго края—великій актъ новаго царствованія и послужитъ—мы вѣримъ—новою эрою для этой части нашего отечества, зарей ея умиротворенія и возрожденія въ тѣсномъ, общемъ со всею Россіею союзѣ.

О томъ, что желательно бы имѣть въ Прибалтійской окраинѣ русскій, а не нѣмецкій университетъ.

«Русь», 15-го іюня 1884 г.

Не знаемъ обратило ли большинство нашихъ читателей какое-либо вниманіе на помѣщенную въ 8 № «Руси» корреспонденцію изъ Дерпта, подъ названіемъ «Курьезный случай»; но она не осталась незамѣченною въ той средѣ, гдѣ этотъ случай произошелъ, и, если не ошибаемся, даже въ той, которой о семъ вѣдать надлежитъ, — да и касается-то она не частнаго или мѣстнаго только интереса, но и вопросовъ обще-государственнаго значенія. Дѣло шло о замѣщеніи въ Дерптскомъ университетѣ каѳедры международнаго и государственнаго права, на которую большинствомъ юридическаго факультета и университетскаго Совѣта избранъ нѣкій г. Б., авторъ неизвѣстнаго намъ изслѣдованія (на нѣмецкомъ языкѣ) о «вооруженномъ нейтралитетѣ», созданномъ Императрицею Екатериною II, и по словамъ нашего корреспондента—«мѣстный балтійскій патріотъ».... Меньшинство Совѣта, и не малочисленное, опротестовало выборъ, отрицая или обезцѣнивая ученыя достоинства г-на Б.; поднялись оживленныя пререканія, взволновавшія весь университетскій мірокъ, а съ нимъ, отчасти, и болѣе широкій кругъ общебалтійской провинціальной интеллигенціи; большинство же, для подтвержденія своего выбора, прибѣгло къ авторитету цѣлой дюжины иностранныхъ «корифеевъ науки», которые и дали благопріятный о «молодомъ ученомъ» отзывъ; обѣ стороны аппеллировали наконецъ къ высшей инстанціи въ Петербургѣ... Каково было ея рѣшеніе—намъ неизвѣстно, да признаться сказать, споръ объ ученой правоспособности г-на

Б. насъ мало интересуетъ: ни подтверждать, ни оспаривать его научныя заслуги мы не намѣрены.... Насъ занимаетъ здѣсь лишь тотъ общій вопросъ, который напрашивается самъ собою при обсужденіи частностей настоящаго дѣла и различныхъ отзывовъ pro и contra, поступившихъ въ редакцію по поводу помѣщенной въ «Руси» корреспонденціи.

Такъ, одинъ изъ петербургскихъ защитниковъ *спорнаго* кандидата на профессуру (самъ лично къ Дерптскому университету вовсе не принадлежащій) пояснялъ намъ всю эту исторію тѣмъ, что «въ Совѣтѣ Дерптскаго университета существуютъ двѣ партіи: одна желаетъ непремѣнно замѣщать каѳедры *иностранными* учеными, выписанными изъ Германіи; другая—*русскими подданными* нѣмецкаго происхожденія». Обращаясь къ нашему «патріотическому чувству», авторъ письма ставитъ вопросъ: «кому же должно быть отдано преимущество — чужимъ или *своимъ* подданнымъ?».... То есть, говоря другими словами: кому слѣдуетъ оказывать преимущество—чужимъ или своимъ Нѣмцамъ? Не отвѣчая пока на самый вопросъ, не можемъ не остановиться на самой постановкѣ вопроса. Не представляется ли она странною и даже совсѣмъ необычайною? Не о томъ бы, казалось, слѣдовало спросить себя: *какой* для насъ Нѣмецъ лучше, выписной или невыписной,—а о томъ: зачѣмъ вообще Нѣмецъ непремѣнно здѣсь нуженъ? Дѣло идетъ вѣдь объ университетѣ не въ Германіи, а въ Россіи, объ Императорскомъ университетѣ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ Россійской Имперіи, составляющихъ нераздѣльную ея часть. То-то и диковинно, что Дерптскій университетъ—Императорскій Россійскій... *нѣмецкій*,—нѣмецкій по языку преподаванія и управленія, хотя и содержимый на счетъ *русскаго государственнаго бюджета*, на средства *Русскаго народа* и *Русской державы*, даже не на иждивеніе мѣстнаго нѣмецкаго населенія упомянутыхъ трехъ губерній! Этого *нѣмецкаго* населенія въ Прибалтійской окраинѣ, на все число ея жителей (съ небольшимъ 2 милліона) считается всего-то не много болѣе 100 тыс. душъ, т. е. около 5 или 6%!.. Подобной аномаліи не встрѣчается ни въ одной странѣ міра. Германія имѣетъ у себя только германскіе университеты, Франція — французскіе, Англія— англійскіе, Италія—итальянскіе, въ Австрійской имперіи на-

ходятся, правда, кромѣ нѣмецкихъ и мадьярскій и польскій университеты (чешскій еще не вполнѣ устроился), но Нѣмцы вѣдь не тратятся на содержаніе ни мадьярскаго, ни польскаго университетовъ...

Если, продолжаетъ защитникъ г. Б. (самъ авторитетный ученый),—«г. Б. не будетъ утвержденъ профессоромъ, такъ ему ничего другаго не остается, какъ уйти въ Германію. гдѣ, при своихъ способностяхъ, онъ навѣрное получитъ каѳедру, — и такимъ образомъ увеличится еще однимъ число русскихъ подданныхъ, занимающихъ университетскія каѳедры въ Германіи и которыхъ теперь тамъ около *сороки!»*.... Неужели же у насъ въ Россіи такой избытокъ ученыхъ людей!» восклицаетъ, съ патріотическою горечью, почтенный петербургскій корреспондентъ.... Восклицаніе это едвали умѣстно. Въ *русскихъ* ученыхъ и дѣльныхъ людяхъ у насъ безъ сомнѣнія излишества нѣтъ. но развѣ можно причислить къ русскимъ—*нѣмецкихъ* мужей науки, украсившихъ, украшающихъ и имѣющихъ украшать собою Дерптскій университетъ? Много ли прибыли отъ этихъ мужей собственно для *русскаго* просвѣщенія, *русской* науки и *русской* ученой литературы?.. Предвидимъ возраженія и даже обвиненія въ «узкости взгляда» и чуть ли не въ обскурантизмѣ: «наука, скажутъ намъ, космополитична, не вѣдаетъ національности: результаты ею добываемые—достояніе всего человѣчества,— поэтому не все ли дескать равно, гдѣ бы ни стоялъ ея храмъ, къ какой бы народности ни принадлежали ея жрецы! А такъ какъ храмъ науки, воздвигнутый въ Дерптѣ, уже пріобрѣлъ себѣ почтенную извѣстность и дерптскіе ея жрецы служатъ ей добрую службу, то Россіи остается только гордиться тѣмъ, что она сподобилась соорудить подобный храмъ,—остается только беречь его и поддерживать»... На эти ходячія общія мѣста, претендующія на широту воззрѣнія, отвѣтимъ истиной также общеизвѣстной, но менѣе отвлеченной и опредѣленнѣе выраженной. Безъ малѣйшаго сомнѣнія, благо науки, ея результаты—достояніе всего человѣчества, но вѣдь общечеловѣческое просвѣщеніе и слагается именно изъ вкладовъ вносимыхъ въ общую сокровищницу *разносторонностью* усилій и геніевъ народныхъ. Каждый народъ служитъ общечеловѣческому просвѣщенію дарами сво-

его національнаго духа; ни одинъ народъ не имѣетъ права зарывать талантъ отъ Бога ему данный, но обязанъ пріобрѣсть на него новые таланты; сумма этихъ трудовъ, этихъ нажитыхъ каждымъ народомъ талантовъ, и образуетъ общее, вселенское богатство. Но вмѣнится ли въ заслугу народу, если онъ *свой* талантъ оставитъ безъ оборота, а станетъ пробавляться чужимъ добромъ, и не свое, а *чужое* понесетъ въ даръ человѣчеству? Было время въ Европѣ, когда наука имѣла свой международный языкъ, латинскій; но это было въ ту пору, когда число «жрецовъ науки» сравнительно было еще ограничено и національный геній въ европейскихъ народахъ еще не пробуждался съ достаточною энергіею къ дѣятельному самосознанію. Но по мѣрѣ успѣховъ этого самосознанія, по мѣрѣ усиливавшейся потребности въ европейскихъ народахъ послужить себѣ и человѣчеству на поприщѣ знанія и науки всѣми ниспосланными каждому изъ нихъ талантами и для этого раскрыть всѣ стороны, все содержаніе народнаго духа,—сознавалась и потребность въ живомъ органѣ народной души и мысли даже и въ сферѣ научной дѣятельности. Можетъ ли богатство содержанія народнаго духа найти себѣ вполнѣ соотвѣтствующее выраженіе иначе какъ въ родной рѣчи? Вотъ почему, при всемъ общеміровомъ значеніи науки, существуетъ *наука французская*, *германская*, также какъ *французская* ученая литература, *германская* ученая литература и т. д., и каждая отражаетъ въ себѣ свой національный геній. Впрочемъ, какъ повидимому ни общеизвѣстна эта истина, она еще далеко не всѣмъ знакома у насъ. Исторія русской публицистики свидѣтельствуетъ, какой споръ долгое время кипѣлъ въ русскомъ обществѣ по поводу статьи Ю. Ѳ. Самарина въ «Русской Бесѣдѣ»: «О народности въ наукѣ», — да и давно ли одинъ московскій журналъ обрушился на «Русь» съ негодованіемъ за требованіе самобытности въ области научнаго дѣланія, и доказывалъ, что наука существуетъ только одна—*Западная* (вѣроятно даже и наука русской исторіи!)? Само собою разумѣется, что въ области подраздѣленій науки или частныхъ наукъ есть такія отвлеченныя, которыя всего менѣе обусловлены и запечатлѣны особенностями національнаго духа, какъ напримѣръ математика; но есть и другія, разработка которыхъ въ каждомъ

народѣ тѣснѣе связывается съ его жизнью и историческимъ опытомъ, умственнымъ и нравственнымъ строемъ, какъ напримѣръ науки юридическія, экономическія и даже философскія. Но разъ установивъ и оправдавъ эту точку зрѣнія на національное значеніе научнаго дѣланія, безъ чего не мыслимо достиженіе и общечеловѣческихъ цѣлей науки, мы можемъ еще съ бо́льшимъ основаніемъ повторять вопросъ: въ какомъ отношеніи состоитъ Дерптскій *нѣмецкій* университетъ къ *русскому* просвѣщенію, служитъ ли онъ службу *русской* наукѣ?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ быть только отрицательный. Ну, такъ что же,—возразятъ намъ,—бѣды тутъ особенной еще нѣтъ: Дерптскій университетъ служитъ все же наукѣ, если и не русской, такъ германской,—и служитъ хорошо,—тѣмъ болѣе чести для Россіи! Конечно, такое безкорыстное отношеніе къ наукѣ можетъ быть отнесено лишь къ разряду, если не раціональныхъ, то наивеликодушнѣйшихъ дѣяній Русскаго государства. На такой подвигъ любви къ наукѣ едвали даже и способны другія, болѣе Россіи просвѣщенныя страны, Германія или Англія напримѣръ. Для великодушія законъ не писанъ: почему, коштомъ Русскаго народа, и не разводить Россіи у себя дома нѣмецкихъ гелертеровъ! Не нужно только при этомъ себя обманывать, а ясно и отчетливо сознавать, что такимъ разведеніемъ гелертеровъ мы не пріумножимъ числа *русскихъ* ученыхъ людей. Конечно, бывали случаи, что и изъ дерптскихъ гелертеровъ нѣкоторые выучивались по русски, занимали со славою каѳедры въ русскихъ университетахъ, гдѣ читали свои лекціи по русски и оказывали великое благодѣяніе русскому просвѣщенію,—но эти случаи рѣдки, такъ рѣдки, что не о нихъ и рѣчь; не изъ одного Дерпта, но и изъ Германіи являлись подобные выходцы на русскихъ каѳедрахъ. Мы же говоримъ теперь о дѣятельности Дерпскаго университета въ немъ самомъ, гдѣ для профессора знаніе русскаго языка вовсе не обязательно и гдѣ лекціи читаются не иначе какъ по нѣмецки. Въ виду этого, есть ли какой поводъ содрагаться отъ перспективы указываемой Россіи (въ видѣ угрозы) петербургскимъ защитникомъ г-на Б., — перспективы удаленія сего «молодаго ученаго» за границу, въ Германію? Не все ли

для насъ, Русскихъ, равно, гдѣ будетъ читать *по нѣмецки* лекціи г. Б., въ русскомъ ли городѣ Дерптѣ или въ Лейпцигѣ, или въ какомъ-нибудь Килѣ (какъ теперь г. Ширренъ, бывшій профессоръ Дерптскаго университета, озлобленный противникъ покойнаго Ю. Ѳ. Самарина, прославившійся своими учеными пасквилями на Россію)? Если въ настоящее время, какъ насъ увѣряютъ, около сорока университетскихъ каѳедръ въ Германіи заняты русскими подданными, то конечно девять десятыхъ изъ нихъ, и ужъ не менѣе восьми—балтійскіе Нѣмцы. Такъ какъ, къ несчастію для нихъ, во всѣхъ остальныхъ русскихъ университетахъ, не исключая и Варшавскаго, преподаваніе производится на русскомъ языкѣ, то куда же дѣваться всѣмъ этимъ «мужамъ науки», воспитываемымъ въ Дерптѣ, преподающимъ, пишущимъ и печатающимъ исключительно на языкѣ нѣмецкомъ и не желающимъ выучиться по русски настолько, чтобы имѣть возможность занять университетскія каѳедры внутри Россіи? Безъ малѣйшаго ущерба для насъ самихъ (а также и безъ всякаго горя) можемъ мы подѣлиться съ Германіей нашимъ избыткомъ ученыхъ Нѣмцевъ,—сихъ, приготовляемыхъ на русскій счетъ, жрецовъ германской науки. Точно также вполнѣ безразлично для насъ, Русскихъ, гдѣ появится ученое изслѣдованіе на *нѣмецкомъ* языкѣ (не имѣющее никакого отношенія къ Россіи)—въ Дерптѣ ли или въ Лейпцигѣ, или въ другомъ городѣ Германіи. Едвали найдется такой русскій патріотъ, который бы особенно дорожилъ честью появленія нѣмецкой книги въ свѣтъ непремѣнно въ русскихъ предѣлахъ, или видѣлъ въ томъ утѣху для нашего національнаго самолюбія. Какъ бы ни велики были научныя достоинства подобнаго труда, все же это вкладъ не въ русскую, а въ германскую ученую словесность.

Такимъ образомъ щедротами Русскаго государства и народа поставляются Германіи, чрезъ посредство университета въ Дерптѣ, ученые мужи для ея университетовъ и обогащается постоянными вкладами ея научная литература. Какъ *Германскій* университетъ, Дерптскій,—мы готовы это признать,—дѣйствительно имѣетъ свои заслуги предъ наукою вообще,—чѣмъ въ крайнемъ случаѣ можно было бы, пожалуй, и утѣшиться...

Но въ томъ-то и дѣло, что въ понятіяхъ русскаго пра-

вительства вовсе не таково значеніе и призваніе университета въ Дерптѣ,—что онъ созданъ для удовлетворенія именно мѣстной потребности въ высшемъ образованіи—исключительно въ виду населенія трехъ губерній нашей Прибалтійской окраины. Если такъ, то учрежденіе Дерптскаго университета въ его настоящемъ видѣ не выдерживаетъ ни малѣйшей критики. Гораздо возможнѣе примириться съ нелѣпостью существованія Императорскаго Германскаго университета въ Россіи, въ какой бы мѣстности онъ ни былъ, хотя бы въ Петербургѣ или Москвѣ, чѣмъ съ существованіемъ университета Нѣмецко-Балтійскаго. Какъ Германскій, онъ для Россіи не нуженъ, стоитъ напрасной траты русскихъ народныхъ денегъ, но вреда особеннаго ей не наноситъ; какъ Нѣмецко-Балтійскій, Дерптскій университетъ положительно вреденъ, сколько для интересовъ самого мѣстнаго населенія, столько же и для интересовъ Русскаго государства. Именно для мѣстнаго населенія, за исключеніемъ развѣ ничтожнаго меньшинства, онъ и является не просвѣтительною, а темною силой. Какъ Нѣмецко-Балтійскій, онъ служитъ не истинѣ, а лжи; не благу, а злу; не свободѣ, а гнету; не миру, а враждѣ,—торжеству не правды, а кривды. Онъ—носитель и провозвѣстникъ началъ и идеаловъ, самыхъ узкихъ и тѣсныхъ, средневѣковаго неравенства племенныхъ и родовыхъ привилегій, безправія и рабства низменнаго народнаго слоя... Таково его значеніе для края, таковъ общій, рѣшительно преобладающій характеръ этого учрежденія, независимо отъ случайныхъ изъятій въ личномъ составѣ профессоровъ. Дерптскій университетъ, безъ сомнѣнія — самый твердый оплотъ нѣмецкой пришлой стихіи на Прибалтійской окраинѣ и ея автономнаго исключительнаго положенія въ Русскомъ государствѣ,—самое мощное орудіе насильственнаго и искусственнаго онѣмеченія Латышей и Эстовъ, юридическаго и духовнаго порабощенія громаднаго большинства населенія нѣмецкому малочисленному меньшинству. Въ утвержденіи и развитіи такихъ-то ложныхъ и вредныхъ началъ, въ охраненіи и защитѣ ихъ отъ посягательствъ русской власти, русскаго государственнаго объединяющаго элемента, въ подавленіи пробудившагося въ низшихъ классахъ Окраины человѣческаго и племеннаго самосознаніи, а также и стремленія къ гражданской полноправ-

ности наравнѣ со всѣми русскими подданными, — однимъ словомъ, въ дружномъ, упорномъ и искусномъ противодѣйствіи всѣмъ этимъ новымъ историческимъ явленіямъ и силамъ и заключается такъ называемый балтійскій мѣстный *патріотизмъ*. Для этого-то патріотизма университетъ и служитъ центромъ или своего рода арсеналомъ, снабжая балтійскую неправду всѣми аппаратами науки, всѣми пособіями ученаго знанія и культуры...

Что въ Совѣтѣ Дерптскаго университета существуютъ, какъ говоритъ петербургскій защитникъ г-на Б., двѣ партіи, изъ коихъ одна желаетъ замѣщать каѳедры выписными, германскими Нѣмцами, а другая—Нѣмцами мѣстными, прибалтійскими, русскаго подданства, — это подтверждается и нашими свѣдѣніями. И такова аномалія всей постановки дѣла высшаго образованія въ этихъ трехъ русскихъ окраинныхъ губерніяхъ, что требованія *первой* партіи болѣе совпадаютъ съ выгодами Русскаго государства, чѣмъ домогательства второй! Съ сточки зрѣнія русскихъ государственныхъ интересовъ, Нѣмцы *русскаго* подданства въ званіи профессоровъ менѣе желательны, чѣмъ Нѣмцы *подлинные*, подданства германскаго! Это объясняется тѣмъ, что у послѣднихъ умственный кругозоръ свободнѣе и шире, не заслоненъ провинціальнымъ патріотизмомъ; другими словами, что они воспитались на идеѣ *отечества*, а не только *родины*, привыкли къ кругозору государственному, а не только провинціальному. Балтійскіе же Нѣмцы по самымъ своимъ преданіямъ чужды понятія о политическомъ отечествѣ; идея *государства* имъ не сродна; они переходили отъ Польши къ Швеціи и отъ Швеціи къ Россіи безъ всякаго затрудненія, выгадывая себѣ лишь мѣстную автономію, т. е. привилегію владычества надъ туземнымъ народомъ. Германскіе Нѣмцы, принимая приглашеніе занять каѳедру въ Дерптѣ, отправляются туда съ исключительною цѣлью служить наукѣ и съ твердымъ намѣреніемъ отстраняться отъ дрязговъ мѣстной политики. Они не питаютъ наслѣдственной неодолимой вражды и презрѣнія къ Латышу или Эсту, вполнѣ признаютъ въ принципѣ какъ право мѣстнаго кореннаго туземнаго населенія, такъ и государственное право Россіи, и искренно осуждаютъ односторонность и близорукость «патріотизма» нѣмецко-балтій-

ской колоніи въ краѣ. Они, по отношенію къ краю, держатся того же воззрѣнія, какое выразилось недавно и въ рѣчи графа Герберта Бисмарка. На нѣмецко-патріотическія привѣтствія обращенныя къ нему въ Ревелѣ, графъ Гербертъ, какъ извѣстно, отвѣчалъ сожалѣніемъ, что не можетъ отплатить имъ учтивостью за учтивость и отвѣтить имъ, Балтійцамъ, на *ихъ* государственномъ языкѣ, т. е. *русскомъ*... Къ Германцамъ-профессорамъ въ Дерптѣ примыкаютъ и тѣ, очень немногіе, достопочтенные ученые изъ мѣстныхъ уроженцевъ нѣмецкаго происхожденія, которые выше всего ставятъ интересъ науки и которые, усвоивъ себѣ русскій языкъ, занимали или не прочь занять каѳедры и въ русскихъ университетахъ. Къ тому же германскіе ученые большею частью только начинаютъ въ Дерптскомъ университетѣ свою преподавательскую карьеру или же поступаютъ сюда въ профессора за неимѣніемъ свободныхъ вакансій въ своемъ отечествѣ; однимъ словомъ, смотрятъ на свое пребываніе здѣсь, болѣе или менѣе, какъ на временное, въ ожиданіи приглашенія на каѳедру какого-либо университета въ Германіи, гдѣ и матеріальное и нравственное положеніе профессора несравненно выше... Вотъ почему, съ точки зрѣнія балтійскихъ патріотовъ, германскій Нѣмецъ недостаточно Нѣмецъ,— вотъ почему и распадается университетскій Совѣтъ на двѣ партіи,—вотъ почему въ результатѣ оказывается, что для Русской власти выгоднѣе имѣть въ Императорскомъ университетѣ Россіи профессорами не своихъ русскихъ, а иностранныхъ подданныхъ!!

Вотъ въ какую сугубую аномалію, въ какое, до чудовищности странное и конечно не совсѣмъ достойное положеніе поставлено русское правительство по отношенію къ Дерптскому университету! Ему приходится: или благодѣтельствовать германской наукѣ и обогощать германскую ученую литературу, содержа у себя въ Россіи, на средства русской народной казны, Германскій университетъ съ профессорами, выписанными изъ Германіи, или же, опять-таки на средства русской народной казны и пользуясь всею тою мощью, которою надѣляетъ власть *русскій національный* государственный строй, нѣмечить искусственно и принудительно два милліона русскихъ подданныхъ. Другими словами, ему прихо-

дится — наносить самому себѣ удары, созидать и воспитывать силу враждебную государственному единству, идти наперекоръ самымъ священнымъ требованіямъ нравственной правды, дѣлаться соучастникомъ угнетателей и насильниковъ въ лицѣ привилегированнаго нѣмецкаго меньшинства! Такова вообще роль русской власти на этой Окраинѣ, созданная частью сплетеніемъ случайныхъ историческихъ обстоятельствъ, частью слабостью и ошибками самого русскаго правительства въ XVIII и XIX вѣкѣ. Нигдѣ съ такой яркостью и точностью не охарактеризована эта роль русской власти, нигдѣ съ такою горькою откровенностью не разоблачены происки и беззаконія нѣмецко-балтійскаго самоуправленія, какъ въ извѣстныхъ трудахъ покойнаго Ю. Ѳ. Самарина, — начиная съ произведенія его молодыхъ годовъ — «Рижскихъ Писемъ» (напечатанныхъ въ первый разъ въ «Руси» 1882 г., спустя почти 35 лѣтъ по написаніи) и кончая «Окраинами Россіи», изданными послѣдовательно, въ шести томахъ, за границею въ теченіи 1867—1872 г. («Окраины» можно бы, кажется, перепечатать теперь и въ Россіи, ради вящаго назиданія русскаго общества и администраціи). Впрочемъ, неужели русская администрація и общество не достаточно еще вразумлены ежедневно совершающимися фактами? До какой степени могущественное русское правительство оказывалось постоянно безсильнымъ на Окраинѣ, это подтверждается неоднократно изданными и столько же разъ оставленными безъ исполненія высочайшими повелѣніями, даже при Императорѣ Николаѣ, о введеніи русскаго языка въ дѣлопроизводство присутственныхъ мѣстъ и въ сношеніяхъ съ ними мѣстныхъ выборныхъ учрежденій; до сихъ поръ магистраты не принимаютъ къ своему разсмотрѣнію и отсылаютъ назадъ губернаторамъ оффиціальныя ихъ предписанія на русскомъ языкѣ...

Причина такого отношенія русскихъ властей въ Прибалтійской Окраинѣ или, вѣрнѣе сказать, къ нѣмецкому ея населенію, заключается, во первыхъ, въ тѣхъ привилегіяхъ, которыя были испрошены Остзейскимъ рыцарствомъ при самомъ завоеваніи Лифляндіи Петромъ I и имъ признаны, а затѣмъ, распространенныя на всѣ три губерніи, были подтверждены послѣдовательно его преемниками; во вторыхъ, въ преувеличенномъ мнѣніи о превосходствѣ нѣмецкой балтійской культу-

ры, въ томъ излишнемъ почтеніи (чтобъ выразиться помягче), которое привыкли у насъ испытывать предъ всѣмъ тѣмъ, что, мнится намъ, носитъ на себѣ помазаніе европейской цивилизаціи; балтійскіе же Нѣмцы, хоть и русскіе подданные, но все же Нѣмцы и примыкаютъ, стало-быть, къ Европейскому Западу... Что касается такъ-называемыхъ привилегій, то, не входя теперь въ ихъ подробный разборъ, достаточно имѣть въ виду то общее положеніе, что никакихъ вѣчныхъ привилегій существовать не можетъ и никакими договорами нельзя сковать ходъ исторической жизни. Въ теченіе свыше полуторасталѣтняго подданства Прибалтійскаго края Россіи явились новыя условія и новые факторы, существенно измѣнившіе внѣшній и внутренній строй этихъ провинцій. При завоеваніи Эстляндіи и Лифляндіи, Петръ Великій имѣлъ передъ собою въ краѣ только одну мѣстную живую силу—нѣмецкое населеніе; о туземной массѣ не было и помину. Пришельцы-Нѣмцы, въ теченіи цѣлаго ряда вѣковъ, цѣлымъ рядомъ лютыхъ, кровавыхъ насилій сломили ожесточенную борьбу Латышей и Эстовъ, растоптали населеніе, обратили его въ безмолвныхъ, презрѣнныхъ рабовъ, въ такой господскій хозяйственный *инвентарь*, что о воскресеніи въ нихъ, въ этихъ одушевленныхъ вещахъ, сознанія человѣческихъ правъ и достоинства иначе какъ во образѣ нѣмецкомъ, казалось — и думать было нечего. Съ туземнымъ населеніемъ, какъ съ рабами, нельзя было завоевателю Петру входить въ договоры, нельзя было брать ихъ въ расчетъ: считаться возможно было только съ хозяевами рабовладѣльцами, т. е. баронами. Но разъ въ 1819 году совершилось въ Остзейскомъ краѣ *освобожденіе крестьянъ*, край уже пересталъ быть Остзейскимъ или нѣмецкимъ: передъ русскимъ правительствомъ явилось налицо въ этомъ краѣ свыше милліона (а теперь и два) новыхъ гражданъ ненѣмецкой національности, — новыхъ, въ извѣстной степени свободныхъ и самостоятельныхъ подданныхъ Русскаго Государя, непосредственно, а не черезъ помѣщика, ему подвластныхъ. Понятное дѣло, что появленіе этой массы новыхъ гражданъ и подданныхъ въ Прибалтійскомъ краѣ (притомъ въ такомъ числѣ, которое чуть не въ 18 разъ превышало нѣмецкое населеніе) создавало, по отношенію къ нимъ, и новыя *обязанности* для русскаго прави-

тельства: дѣйствіе привилегій уничтожилось eo ipso, само собою, логикою вещей .. Относительно же балтійско-нѣмецкой культуры замѣтимъ, что превосходство культуры вообще въ какой-либо странѣ нисколько не тождественно съ превосходствомъ гражданскаго и соціальнаго въ ней устройства, или съ доброкачественностью и нравственною высотою ея руководительныхъ началъ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи менѣе культурная Россія стоитъ несравненно выше. Въ Прибалтійскомъ краѣ, русская власть подъ своимъ могучимъ покровомъ, словно подъ стеклянным колпакомъ, бережно блюдетъ въ лицѣ нѣмецкихъ бароновъ и бюргеровъ средневѣковое германское *рококо*—съ преданіями, воззрѣніями и правами, въ самой Германіи уже давно отжитыми, временъ феодализма и городскихъ корпорацій. Наши балтійскіе нѣмецкіе патріоты, это — Нѣмцы сохранившіе себя чуждыми тому движенію мысли, тому процессу развитія, которому подверглись въ теченіе XVIII и XIX вѣковъ Нѣмцы Германіи; это — патріоты, которыхъ патріотизмъ, повторяемъ, не знаетъ отечества, не связывается ни съ какимъ общимъ государственнымъ понятіемъ, а вѣдаетъ лишь *родину*, сосредоточивается весь на соблюденіи привилегированнаго положенія нѣмецкой колоніи въ иноплеменномъ, Латышами и Эстами населенномъ клочкѣ земли, составляющемъ теперь часть, также чуждаго по племени балтійскимъ нѣмецкимъ патріотамъ, Русскаго государства. Кромѣ этого тощаго, скуднаго, узкаго эгоистическаго идеала, у нихъ другаго и не имѣется. Если подчасъ ихъ груди какъ бы вздымаются симпатіями къ общему германскому отечеству, то это симпатіи совершенно платоническія: «патріоты» настолько прозорливы, что вполнѣ сознаютъ несбыточность какихъ-либо въ этомъ смыслѣ политическихъ мечтаній и вполнѣ понимаютъ, что въ современномъ германскомъ устройствѣ мигомъ бы исчезли съ лица земли всѣ права и преимущества, коими они теперь пользуются...

Не въ мѣру долго терпитъ ихъ и сохраняетъ въ краѣ русская власть, несмотря на вопіющее противорѣчіе съ общими принципами русской государственной жизни. Такъ во всей Русской имперіи положены прочныя основы благоустройству крестьянскаго быта; съ паденіемъ крѣпостной зависимости всѣ крестьяне, и въ коренныхъ русскихъ губерніяхъ, и на Кав-

казѣ надѣлены землею; надѣлены они ею въ Царствѣ Польскомъ, хотя получили личную свободу еще за полвѣка тому назадъ. Только на Прибалтійской Окраинѣ превосходство балтійско-нѣмецкой культуры удерживаетъ въ этомъ отношеніи рѣзкое исключеніе, грозитъ уподобить край чему-то въ родѣ Ирландіи и наградить Россію развитіемъ аграрнаго вопроса... Такъ въ Россіи повсюду уничтожено тѣлесное наказаніе,—только на Прибалтійской Окраинѣ, хвалящейся высшею культурой, разные нѣмецкіе гакенрихтеры и орднунгсгерихты продолжаютъ,—да еще съ какимъ усердіемъ!—упражняться въ сѣченіи крестьянъ Латышей и Эстовъ... Въ Россіи отъ всѣхъ обитающихъ въ ней инородцевъ требуется признаніе единаго государственнаго общаго языка—русскаго: на Прибалтійской Окраинѣ русская власть признаетъ для себя *обязательнымъ* цѣлымъ двумъ милліонамъ русскихъ подданныхъ вовсе не нѣмецкаго происхожденія, навязывать, въ качествѣ государственнаго, нѣмецкій языкъ, и для пущаго ихъ онѣмеченія даже создала духовный питомникъ мѣстному нѣмецкому патріотизму во образѣ Дерптскаго университета.

Къ университету и возвратимся. Часто приходится слышать мнѣніе, что по отношенію къ нему правительство имѣетъ какія-то особенныя обязательства, которыхъ нарушить не можетъ, что университетъ—учрежденіе искони дворянское или балтійскаго рыцарства (Ritterschaft). Но такое мнѣніе не вѣрно. Вотъ исторія возникновенія этого университета въ двухъ словахъ, на основаніи точныхъ свѣдѣній. Во времена шведскаго владычества, при Густавѣ-Адольфѣ, была основана въ Дерптѣ Academia Gustaviana, по образцу университета въ Упсалѣ и съ преподаваніемъ на *латинскомъ* языкѣ; а въ 1641 году Шведская королева Христина подарила университету доходы съ нѣкоторыхъ государственныхъ имѣній, находившихся въ Ингерманландіи (нынѣшней Петербургской губ.): уплата этихъ доходовъ была однакоже шведскимъ правительствомъ почему-то задержана, а имѣнія заложены для надобностей государства. Въ 1656 г., вслѣдствіе вторженія въ Дерптъ непріятелей, студенты и профессора бѣжали, и университетъ прекратилъ свое существованіе. Оно возобновлено лишь въ 1690 съ названіемъ Gustaviana Carolina и съ назначеніемъ отъ правительства на его содержаніе под-

городныхъ земель. Черезъ 9 лѣтъ, вслѣдствіе слуховъ о предстоявшей войнѣ Швеціи съ Россіей, профессора и студенты снова дались бѣгству, на сей разъ въ Пернову, гдѣ нѣкое подобіе университета и тянулось до 1710 г., когда учащіеся и учащіе снова нашли нужнымъ бѣжать (уже въ Швецію). Въ этомъ же году, 12 октября Петръ Великій далъ свои знаменитыя резолюціи по всѣмъ пунктамъ прошенія, поданнаго Лифляндскимъ рыцарствомъ завоевателю Лифляндіи; въ числѣ пунктовъ былъ пунктъ 4-й: «о содержаніи академіи или высокой школы въ Перновѣ», противъ котораго въ резолюціи Петровой значится: «Повеляетъ Его Царское Величество своему вѣрному рыцарству, что они съ Верховнымъ Консисторіемъ своимъ искусныхъ профессоровъ назначать и предлагать могутъ. И тогда Его Величество о ихъ призваніи такое попеченіе прилагать изволитъ, чтобъ высокая школа благоснабжена была, яко-же о оной совершенномъ и довольномъ учрежденіи и содержаніи Его Царское Величество все чинить будетъ. Но притомъ оставляетъ себѣ особливаго профессора высокой школы учредить, который *Славянскому языку обучати и оный бы тамо ввести могъ*»...

Однако же оная «высокая школа» не учредилась въ теченіи всего XVIII столѣтія, такъ что на резолюцію Петра теперь и ссылаться нечего. Къ Екатеринѣ II-й рыцарство, кажется, и не обращалось: несмотря на все сочувствіе этой монархини къ просвѣщенію, мудрено предположить, чтобъ она дала согласіе на учрежденіе *Нѣмецкаго* университета въ своей имперіи! Она вообще не питала большихъ симпатій къ Балтійцамъ нѣмецкаго происхожденія, находя, что «они все въ лѣсъ смотрятъ», и не усмотрѣла въ такъ-называемыхъ остзейскихъ привилегіяхъ ни одного пункта, который бы легально воспрепятствовалъ введенію въ Прибалтійскихъ губерніяхъ ея общаго Городоваго Положенія. За то ужъ не пользуется память ея любовью въ средѣ ученыхъ патріотовъ балтійско-нѣмецкаго происхожденія! Несравненно сочувственнѣе относился къ Остзейскому дворянству Императоръ Павелъ, къ которому, въ 1799 или 1800 году, оно и обратилось съ прошеніемъ о дозволеніи основать университетъ и о препорученіи этого дѣла коммиссіи изъ дворянъ

всѣхъ трехъ губерній. 20 сентября 1800 г. дѣйствительно послѣдовало высочайшее повелѣніе объ учрежденіи университета въ *Митавѣ.* Дворянство стало уже выписывать изъ-за границы профессоровъ, какъ черезъ полгода съ небольшимъ состоялось новое повелѣніе, уже Императора Александра (12 апр. 1801 г.), вѣроятно вслѣдствіе ходатайства Лифляндцевъ и Эстляндцевъ, о томъ, чтобъ университету быть не въ Митавѣ, а въ Дерптѣ. При основаніи университета часть денегъ пожертвована была дворянствомъ, впрочемъ незначительная,—около 70 т. р., именно Курляндскимъ 2447 р., Эстляндскимъ 22 т. и Лифляндскимъ 45 т.; правительство съ своей стороны назначило на содержаніе университета нѣсколько казенныхъ имѣній, предоставивъ университету и управленіе ими; выборъ профессоровъ и попечителя также былъ предоставленъ дворянству, и первымъ таковымъ выбраннымъ попечителемъ былъ гр Мантейфель. Однакожъ средневѣковой духъ Остзейскаго рыцарства и сочиненная имъ организація университета пришлись не по вкусу вызваннымъ изъ Европы профессорамъ. На первыхъ же порахъ они почувствовали всю несовмѣстимость интересовъ чистой науки съ консервативнымъ радѣніемъ о политическихъ интересахъ мѣстнаго и весьма не возвышеннаго характера. Въ числѣ этихъ ученыхъ былъ извѣстный физикъ Парротъ (впослѣдствіи академикъ); предстояло въ 1802 г. прибытіе Александра I-го въ Дерптъ, и Парротъ сталъ готовиться къ привѣтственной рѣчи. Это послѣднее обстоятельство сильно перетревожило дворянство. Въ то время носились слухи о сочувствіи Императора къ освобожденію крестьянъ, и дворанство опасалось, какъ бы этотъ ученый. хоть ими же выписанный Европеецъ, полу - Французъ по происхожденію, не хватилъ въ своей рѣчи чего-нибудь въ духѣ такой страшной демократической идеи! Парротъ однакоже отказался дать свою рѣчь на предварительную цензуру дворянству и таки держалъ ее (на французскомъ языкѣ) предъ Императоромъ Александромъ: онъ дѣйствительно говорилъ въ ней объ уничтоженіи крѣпостной зависимости отъ дворянства,— но не крестьянъ, а самого университета и науки! Рѣчь Государю очень понравилась, но чтобъ достигнуть положительнаго успѣха, профессора на собственныя деньги снарядили Паррота въ Петер-

бургъ, и результатомъ этой поѣздки явилась Высочайшая учредительная грамота 12 декабря 1802 г., данная Дерптскому университету. Этою грамотою снимался съ него характеръ дворянскаго установленія, присвоивалось именованіе «Императорскаго», назначеніе попечителя предоставлялось правительству. Впрочемъ до 1818 г. содержаніе университета производилось на доходы съ пожалованныхъ имѣній, при участіи денежныхъ незначительныхъ взносовъ и отъ дворянства (взносовъ въ дѣйствительности оплачиваемыхъ крѣпостными Латышами и Эстами). Но съ 1818 г,—за годъ до освобожденія этихъ послѣднихъ отъ личнаго рабства Остзейскимъ помѣщикамъ, — содержаніе университета включено въ государственный бюджетъ и отнесено на счетъ русской Государственной Казны...

И такъ, никакими договорами по отношенію къ Дерптскому университету не связана настоящая русская государственная власть. и ничто, казалось бы, не могло теперь препятствовать ей выйти изъ того трагикомическаго недостойнаго ея положенія, которое унаслѣдовано ею отъ минувшаго времени. Выходъ же только одинъ—указываемый и требованіями справедливости и требованіями здравой политики, т. е.: имѣть на Прибалтійской Окраинѣ университетъ не нѣмецкій, а русскій.... Если, — въ силу того начала, что языкомъ преподаванія въ государственныхъ среднихъ и высшихъ учебныхъ учрежденіяхъ долженъ быть непремѣнно языкъ государственный,—русское правительство учредило въ Варшавѣ университетъ не польскій, а русскій, въ краю искони польскомъ, имѣвшемъ самостоятельное политическое бытіе, тысячелѣтнюю исторію, богатую ученую и изящную словесность, то какой же смыслъ, какая же правда—держать университетъ не русскій, а нѣмецкій въ такомъ краю, гдѣ нѣмецкаго населенія на два почти милліона Латышей и Эстовъ приходится съ небольшимъ 100 т., гдѣ самостоятельное государственное бытіе относится къ преданіямъ глубокой древности, гдѣ почти не существовало и нѣтъ ни науки, ни литературы самостоятельной? Трагикомизмъ для русскаго правительства, повторяемъ, заключается именно въ томъ, что главныя заслуги содержимаго имъ на счетъ Русскаго народа нѣмецкаго въ Дерптѣ университета состоятъ въ обогащеніи германской

науки и литературы новыми дѣятелями и учеными вкладами, и что для вящаго достоинства этого учрежденія цѣлесообразнѣе было бы имѣть и профессоровъ выписанныхъ изъ Германіи, отстраняя отъ каѳедръ своихъ русскихъ подданныхъ мѣстнаго нѣмецкаго происхожденія! Но не только трагикомическое, а и совершенно не доброе, не нравственное дѣло осуждена теперь творить русская власть—насильственно, путемъ образованія, онѣмечивая мѣстное населеніе, обращая университетъ въ орудіе для порабощенія большинства жителей ненавистной гегемоніи иноплеменнаго меньшинства, питая такимъ образомъ въ краѣ племенной антагонизмъ, залогъ тревожнаго будущаго... Примиреніе этихъ враждующихъ народностей можетъ состояться лишь на нейтральной почвѣ — ихъ общаго подчиненія единому русскому государственному началу. Въ этой формулѣ заключается разрѣшеніе и всѣхъ прочихъ вопросовъ и недоумѣній, волнующихъ нынѣ Прибалтійскій край.

Мы первые готовы признать великія услуги, оказанныя Россіи многимъ множествомъ прибалтійскихъ Нѣмцевъ, честно, самоотверженно потрудившихся и трудящихся для ея блага на военномъ или гражданскомъ поприщѣ. Пусть же прибалтійскіе нѣмецкіе «патріоты» послѣдуютъ ихъ примѣру, пусть же они, лишенные отечества, лишенные будущаго, сойдутъ съ узкой и шаткой, эгоистической основы привилегированнаго сословнаго и племеннаго неравенства и промѣняютъ свой тѣсный провинціальный кругозоръ на кругозоръ исторически-міровой великаго Русскаго государства...

О дѣлѣ крестьянъ Венденскаго уѣзда.

«Русь», 1-го января 1885 г.

Обращаемъ вниманіе нашихъ читателей на помѣщенное въ этомъ же № письмо изъ Риги, сообщающее новые подвиги прибалтійскаго дворянскаго самоуправленія въ Венденскомъ уѣздѣ Лифляндской губерніи. Это цѣлая эпопея пытокъ или нещадныхъ истязаній розгами, которымъ подверглось *при допросѣ* множество Латышей, захваченныхъ мѣстною

дворянскою властью по одному подозрѣнію, ничѣмъ впослѣдствіи и не подтвердившемуся. Нѣсколько случаевъ кражъ и пожаровъ подали поводъ Венденскому рыцарству признать необходимость «водворенія мира и порядка». Порученіе это возложено на «адъюнкта орднунгсгерихта» или на исправляющаго его должность, г-на С., который, въ своемъ нѣмецко-дворянскомъ усердіи, съ цѣлію отыскать виновныхъ, и сталъ вымогать собственное признаніе способомъ *сѣченія* у всѣхъ тѣхъ, кого ему заподозрить благоразсудилось. Мы не имѣемъ свѣдѣній — прекратилось ли ужъ это дѣйствіе остзейскихъ баронскихъ привилегій надъ Латышами. Наша корреспонденція изъ Риги является нѣсколько запоздалою, такъ какъ мы не рѣшились воспроизвести въ печати ея содержаніе безъ нѣкоторой провѣрки на мѣстѣ черезъ нашихъ знакомыхъ; главною же причиною задержки было полученное нами, къ великому нашему утѣшенію извѣстіе, что эти ужасныя происшествія обратили на себя вниманіе русскаго прокурора г. Мясоѣдова, который, по надлежащемъ дознаніи, уже нослалъ о нихъ въ Петербургъ обстоятельное донесеніе. Сознаемся въ нашемъ оптимизмѣ: вопреки предсказанію нѣкоторыхъ опытныхъ въ борьбѣ съ прибалтійскимъ дворянствомъ лицъ, мы съ упованіемъ ожидали результата такого вмѣшательства русской государственной власти. Ждать пришлось не долго: на дняхъ мы прочли въ газетахъ, что прокуроръ Мясоѣдовъ переведенъ изъ Риги въ Таганрогъ...

По какой-то странности, большинство Латышей, подвергнутыхъ такому беззаконному сѣченію—православные. Надо же было такъ случиться, что подозрѣніе падало именно на нихъ!.. Корреспонденція сообщаетъ, что двадцать изъ такихъ высѣченныхъ уже отпущены домой, по неимѣнію никакихъ уликъ, но о какомъ-либо вознагражденіи за незаслуженное позорное наказаніе—ни слова. Вѣроятно, оно такъ и останется при нихъ — на добрую память о прибалтійско-нѣмецкомъ правосудіи, а также, можетъ-быть, и о вступленіи въ лоно Православной церкви. Читатели «Руси» вѣроятно не забыли письма изъ Леаля, напечатаннаго въ 22 №, изъ котораго видно, что для Эстовъ принимающихъ православіе цѣна арендуемой у помѣщика земли имѣетъ свойство тотчасъ же производить прыжокъ — въ пять разъ *выше* прежней...

Замѣчаютъ, что въ этихъ губерніяхъ происходитъ періодическое повтореніе однородныхъ явленій, именно такъ-называемыхъ «суммарныхъ наказаній (summarische Abprügelungen)» Латышей и Эстовъ, налагаемыхъ единовластною въ краѣ прибалтійско-нѣмецкою партіею, и притомъ именемъ русскаго закона и русской государственной власти, всякій разъ, когда въ народѣ возникаетъ общее сильное движеніе къ православію, или когда, вслѣдствіе какихъ-либо предшествовавшихъ чрезвычайныхъ событій, духъ и надежды прибалтійскихъ, удрученныхъ и обездоленныхъ туземцевъ на покровительство русской государственной власти—почему-либо оживятся...

Такъ, напримѣръ, лѣтъ сорокъ тому назадъ, когда прибалтійскіе туземцы массами устремились въ православіе, «суммарныя наказанія», о которыхъ повѣствуетъ русской публикѣ православный Латышъ «Индрикъ Страумитъ» (въ своихъ «Запискахъ», изданныхъ покойнымъ Ю. Ѳ. Самаринымъ въ его извѣстныхъ «Окраинахъ Россіи»), были финаломъ всей тогдашней, скорбной для русскаго достоинства, драмы... Когда потомъ, послѣ того какъ въ 1861 году, въ достопамятнѣйшій день 19 февраля, Русскій Царь сказалъ милліонамъ своихъ не прибалтійскихъ крестьянъ великое слово освобожденія съ надѣленіемъ ихъ землею, и въ сердцахъ Эстовъ (освобожденныхъ баронами въ 1819 г., безъ всякой земли) зашевелилась нѣкоторая надежда на полученіе хоть нѣкоторой доли «землицы»,—въ окрестностяхъ Ревеля, въ 1862 году, стали совершаться такія «суммарныя наказанія», что содрогнулись сердца даже въ Германіи: въ извѣстномъ германскомъ журналѣ «Die Gartenlaube», всегда всюду защищающемъ интересы Нѣмцевъ, напечатана была полная состраданія, обличительная статья, направленная противъ прибалтійско-нѣмецкихъ, неразборчивыхъ на средства, политиковъ, подъ заглавіемъ: «Eine deutsche Bitte für das arme Volk der Esten *). Далѣе: общевѣдомы и памятны «гоненія на Латышей», послѣдовавшія въ тѣхъ же шестидесятыхъ годахъ, причемъ больше всего досталось на долю извѣстныхъ своею преданностію Россіи и самыхъ почтенныхъ туземцевъ, каковы: К. Безбар-

*) «Германская мольба за бѣдный Эстскій народъ».

дисъ, Э. Динсбергъ, Х. Вальдемаръ, Х. Баронъ и другіе. Еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда вслѣдствіе нѣкоторыхъ, впрочемъ не очень значительныхъ, законодательныхъ мѣръ, Курляндскіе Латыши въ при-Виндавскихъ мѣстностяхъ, повидимому, немного ободрились, повторились снова и «суммарныя наказанія», причемъ особенно пострадали К. Динсбергъ, Нейманъ и крестьянинъ Кристъ Давидъ, *дѣятельный* русско-туземный, но не нѣмецкій патріотизмъ котораго могла низложить лишь мѣткая пуля нераскрытаго, разумѣется, мѣстнаго злодѣя, — о чемъ въ свое время было разсказано въ «Руси»... Теперь снова стремятся Латыши и Эсты къ переходу въ православіе...

Но довольно. Что же русская государственная власть? Гдѣ же русская государственная власть? Развѣ привилегіи, данныя во время оно Остзейскому дворянству, когда весь остальной народъ считался его принадлежностью, *вещью* и юридически не существовалъ,—развѣ эти привилегіи не превратились въ безсмыслицу со дня освобожденія крестьянъ въ 1819 году, создавшаго два милліона новыхъ гражданъ? Развѣ можетъ русская государственная власть, ради двухсотъ тысячъ нѣмецкаго населенія, отречься отъ священнаго своего долга относительно двухъ милліоновъ своихъ вѣрноподданныхъ туземцевъ въ той же Прибалтійской Окраинѣ, насильственно нѣмечить ихъ и отказывать имъ въ правосудіи, въ правахъ не только гражданскихъ, но и просто человѣческихъ?..

Еще объ „Окраинахъ" Ю. Ѳ. Самарина.

«Русь», 21-го сентября 1885 г.

Шумъ филиппопольскаго переворота заглушилъ не только ропотъ, становившійся впрочемъ довольно дружнымъ и громкимъ, нашей балтійской нѣмечины, но и рычаніе, совсѣмъ уже звѣриное, нѣкоторыхъ органовъ германской печати (впрочемъ не оффиціозныхъ)—на Россію вообще, въ частности же на правительственную дѣятельность въ Балтійской окраинѣ Русскаго государства. Надо ожидать, что какъ скоро поднятая болгарскими происшествіями тревога нѣсколько по-

утихнетъ (хотя бы на время, въ ожиданіи результатовъ Константинопольской конференціи),—и нѣмецко-балтійскій ропотъ загудитъ, и заграничное рычаніе раздастся снова! Ропотъ, впрочемъ, самъ по себѣ довольно извинителенъ: не легко разставаться съ вѣковыми привилегіями, даже и при сознаніи ихъ современной безсмыслицы и нравственной беззаконности; еще труднѣе разлука съ ними лицамъ, надѣленнымъ,—какъ, къ несчастію, значительная часть нашихъ балтійскихъ бароновъ,—процессомъ сознанія нѣсколько мѣшкотнымъ. Во всякомъ случаѣ ихъ ропотъ—это «послѣдній вздохъ любви», къ которому можно бы отнестись вполнѣ снисходительно, возлагая надежды па постепенное проясненіе ихъ отуманенной мысли. Но что не дѣлаетъ чести балтійскому привилегированному рыцарству, такъ это его союзъ, или союзъ нѣкоторыхъ его представителей, съ нѣмецкою демократическою, всякимъ аристократическимъ привилегіямъ враждебною прессой, которая, выступивъ яростно на защиту послѣднихъ, прямо возгласила, что признаетъ ихъ въ настоящее время вполнѣ солидарными съ интересами германизма. Она даже взываетъ къ самому германскому правительству о помощи угнетеннымъ... Но все это ея неистовое изверженіе ругательствъ и клеветы на Россію (котораго образчикъ мы уже имѣемъ и которое вѣроятно не замедлитъ возобновиться) способно лишь пуще скомпрометтировать нѣмецко-баронскую автономію и, оскорбляя русское общество, внести въ дѣло тотъ элементъ раздраженія, котораго желательно было бы избѣжать. Къ счастію, дѣятельность русскаго правительства на Балтійской окраинѣ, и именно тамъ, представляетъ въ новѣйшее время ту же утѣшительную спокойную твердость, какую проявила она и весною, въ англо-афганскихъ переговорахъ.

Увы! наши Балтійскіе Нѣмцы могутъ съ полнымъ основаніемъ и къ вящему нашему стыду вернуть намъ, Русскимъ, назадъ сдѣланное выше замѣчаніе о «мѣшкотномъ процессѣ сознанія» у большей части бароновъ. Мы даже перещеголяли ихъ мѣшкотностью нашего національнаго и государственнаго самосознанія, чему доказательствомъ служитъ самое сохраненіе, почти въ неприкосновенной цѣлости, нѣмецко-балтійскихъ привилегій съ 1710 года и до сего дня (за исключеніемъ десятилѣтняго эпизода при императрицѣ Ека-

теранѣ II)! И добро бы это сохраненіе объяснялось какими-либо внѣшними причинами и соображеніями, съ которыми необходимо было считаться! Нѣтъ, корень подобнаго отношенія къ Балтійской окраинѣ лежалъ именно въ слабосиліи сознанія не только правъ, но истинныхъ интересовъ Россіи, въ высшей русской правительствующей средѣ. Даже грѣхомъ невѣденія такое отношеніе оправдано быть не можетъ! Все что слѣдовало правительству вѣдать объ «Остзейскихъ» губерніяхъ (какъ онѣ тогда величались) было раскрыто ему еще лѣтъ *сорокъ* тому назадъ, а затѣмъ еще не разъ въ теченіи этого долгаго срока. Сорокъ лѣтъ назадъ были написаны Юріемъ Ѳедоровичемъ Самаринымъ знаменитыя «Рижскія письма», блещущія талантомъ, мѣткостью анализа, прозорливостью и точнымъ знаніемъ дѣла. Правительство ознакомилось съ ними, но не вразумилось, а въ свою очередь, по жалобѣ бароновъ и русскихъ ихъ радѣтелей, ознакомило Самарина съ Петропавловскою крѣпостью; распространеніе же писемъ въ рукописи было строго воспрещено. Не отступился однакоже Самаринъ отъ этого подвига своихъ молодыхъ годовъ, не оставилъ втунѣ накопленнаго имъ тогда знанія, и четверть вѣка спустя, послѣ трудовъ по освобожденію крестьянъ въ Россіи и Польшѣ, вновь предался дополнительному всестороннему изслѣдованію законодательнаго. административнаго, религіознаго и соціальнаго отношенія нѣмецкой балтійской привилегированной кривды къ мѣстному, ненѣмецкому населенію, къ русской народности и русскому государству. Результатомъ этой работы явились шесть томовъ, носящихъ общее заглавіе: «Окраины Россіи». Хотя во всѣхъ шести томахъ рѣчь идетъ только объ одной «Балтійской Окраинѣ», но такое общее заглавіе своему труду дано имъ не даромъ: оно выражаетъ глубоко сознанную имъ необходимость подобнаго же разоблаченія русской государственной политики и на прочихъ нашихъ окраинахъ, и Самаринъ надѣялся, что если ему самому не удастся совершить эту задачу, то примѣръ его вызоветъ другихъ на такую же работу, по его плану и образцу. Но послѣдователей однакоже не нашлось, отчасти потому, что подражать образцу, запечатлѣнному такою силою дарованія, такимъ остроуміемъ, такою несокрушимою логическою стройностью мысли и рѣчи,

вообще не легко; отчасти же потому, что не для всякаго была возможна такая независимость слова, — завоеванная впрочемъ Самаринымъ себѣ самимъ, наперекоръ существующимъ условіямъ, авторитетомъ его высокой нравственной личности. Самое знакомство съ его книгами было для большинства недоступно. Эти шесть томовъ «Окраинъ» были изданы Самаринымъ за границей, но не анонимно, а за его подписью: при тогдашнихъ цензурныхъ постановленіяхъ печатать ихъ въ Россіи было немыслимо, выжидать же послабленія цензурнаго контроля значило бы отложить разоблаченіе въ долгій ящикъ, «а когда начался пожаръ, объяснялъ онъ откровенно въ предисловіи къ I тому, медлить нечего, надо его тушить безъ отлагательства». Ввозъ «Окраинъ» въ Россію былъ воспрещенъ, — *остается воспрещеннымъ и до настоящей минуты*...

Не настала ли наконецъ пора открыть имъ настежь русскія двери, разрѣшить новое ихъ изданіе въ Россіи? Именно потому намъ и показалось полезнымъ напомнить объ этихъ трудахъ Ю. Ѳ. Самарина, что русское правительство, очевидно, само въ послѣднее время рѣшилось, по отношенію къ русской Балтикѣ, выступить на путь доброй національной политики. «Окраины» Самарина, — этотъ подвигъ гражданской доблести одного изъ замѣчательнѣйшихъ людей Россіи, глубокаго мыслителя, философа, богослова и въ то же время практическаго дѣятеля, неутомимаго стоятеля и борца за правое русское дѣло, — должны стать отнынѣ настольною книгою какъ для правительства, такъ и для всѣхъ призванныхъ теперь къ работѣ гражданскаго пересозданія Балтійской окраины. И какъ ни справедливо, повидимому, обычное у насъ сѣтованіе на недостатокъ людей, однакожъ, сколько намъ извѣстно, нашлись уже и теперь работники достойные работы, честные и способные. Найдутся они, думается намъ, и для всякой, воистину правой національной задачи, для всякой живой, одушевленной, ясно сознанной и на нравственномъ основаніи утверждающейся дѣятельности. Когда правительство становится во главѣ *такой* работы, — всегда тѣсно примкнетъ къ нему и общество, не оскудѣетъ оно въ пособникахъ...

Изъ шести книгъ «Окраинъ» — пять написаны самимъ

Ю. Ѳ. Самаринымъ. Первыя двѣ книги выпущены вмѣстѣ, въ первый разъ въ Прагѣ, въ 1868 г., съ такимъ заглавіемъ: «Окраины Россіи. Серія первая: Русское Балтійское Поморіе». Первый выпускъ содержитъ въ себѣ обращеніе «Къ читателю» или предисловіе, разъясняющее — почему авторъ рѣшился прибѣгнуть къ такому предосудительному въ глазахъ русскаго правительства способу изданія, т. е. не въ Россіи, а за границей; слѣдующая же статья озаглавлена: «Русское Балтійское Поморіе въ настоящую минуту» (какъ введеніе въ первую серію). Второй выпускъ — «Записки Православнаго Латыша, Индрика Страумита (1840—1845 г.)»: это — въ простой наивной формѣ — правдивая ужасная повѣсть о лютой религіозной нетерпимости лютеранскаго духовенства и балтійскаго рыцарства, о тѣхъ мукахъ, которымъ, на *легальномъ* балтійскомъ основаніи, были подвергнуты принявшіе православіе Латыши. И все это совершилось, если не при поддержкѣ, то при послабленіи правительства православной державы!... Связанное решпектомъ къ балтійской нѣмецкой автономіи, оно не признавало за собою настолько права (а главное—не чувствовало въ себѣ достаточнаго мужества и достаточной силы національныхъ побужденій), чтобъ оградить своихъ православныхъ подданныхъ отъ вѣроисповѣдной тиранніи подданнаго же, но привилегированнаго въ краѣ меньшинства! Записки Латыша снабжены «Послѣсловіемъ» самого Самарина. Первые два выпуска въ теченіи одного года выдержали два изданія и въ 1869 году вышли третьимъ изданіемъ уже въ Берлинѣ. Тамъ же, въ Берлинѣ, въ 1871 г. вышелъ третій выпускъ «Окраинъ», такъ же съ обширнымъ предисловіемъ автора, содержащій въ себѣ,—въ мастерскомъ изложеніи, Самарину свойственномъ,— «Первую часть исторіи православія въ Лифляндіи въ періодъ времени отъ 1841 до 1844 годовъ».

Четвертый выпускъ (объемомъ въ 364 страницы) появился въ Берлинѣ въ 1874 году и кромѣ общаго заглавія: «Окраины Россіи; Русское Балтійское Поморіе», носитъ частное заглавіе: «Процессъ русскаго правительства съ Евангелическимъ Союзомъ». «Событія въ наше время,— говоритъ Ю. Ѳ. Самаринъ въ предисловіи,—идутъ такъ быстро, что трудно догнать ихъ, начавъ разсказъ съ перваго

ихъ зародыша, лѣтъ за 30 тому назадъ, и придерживаясь въ изложеніи строгой хронологической послѣдовальности. Вотъ почему, доведя въ III выпускѣ исторію православныхъ Латышей и Эстовъ до 1844 года, я рѣшаюсь забѣжать впередъ и посвятить настоящій четвертый выпускъ, обозрѣнію нѣкоторыхъ происшествій семидесятыхъ годовъ, относящихся къ тому же предмету, въ связи съ предшествовавшими обстоятельствами, которыми они были подготовлены... При этомъ—поясняетъ Самаринъ — я буду останавливаться преимущественно на фактахъ, ускользавшихъ отъ нашихъ газетъ или о которыхъ онѣ умалчивали по причинамъ независимымъ отъ редакціи... Пять лѣтъ назадъ, указывая невѣроятныя послѣдствія дружнаго многоглаголанія балтійскихъ агитаторовъ съ одной стороны и нашего систематическаго безмолвія съ другой, я писалъ: «только бы завязался разговоръ или обмѣнъ мыслей о Балтійскомъ краѣ (между нашимъ правительствомъ и другою державой), а тамъ мы быстро скользнемъ по отлогому скату и какъ разъ очутимся на скамьѣ подсудимыхъ предъ трибуналомъ Европы». То, чего я ожидалъ—сбылось скорѣе чѣмъ я думалъ. Разница только въ томъ, что за Балтійскій край вступилось пока не правительство иностранной державы, а организованное представительство интересовъ протестантства въ обоихъ полушаріяхъ. Это тоже вѣдь сила не изъ послѣднихъ, хотя не имѣющая въ своемъ распоряженіи ни нарѣзныхъ пушекъ, ни игольчатыхъ ружей. Она-то, эта сила, именующая себя Евангелическимъ союзомъ, приняла на себя прокурорскую должность, и съ нею мы теперь судимся предъ трибуналомъ Европы. Первый подготовительный опросъ (т. е. нашего правительства Союзомъ) происходилъ въ 1870 г. близь Штутгарта... второй въ 1871 году близь Франценсгафена, и въ томъ же 1871 г. начались слѣдственныя дѣйствія, осмотры и дознанія на мѣстахъ»...

Въ самомъ дѣлѣ — то было время самыхъ малодушныхъ уступокъ протестантству съ нашей стороны, сдѣланныхъ отчасти изъ фальшиваго либерализма, отчасти изъ какой-то трусости «варвара» предъ авторитетомъ «европейской культуры и цивилизаціи»: при этомъ, всѣ ограниченія, всѣ стѣсненія доставались на долю русской вѣрующей совѣсти и

православной церкви, а протестантству, подъ знаменемъ религіозной свободы, передавалось господство надъ совѣстью иновѣрцевъ въ предѣлахъ Балтійскаго края. Полемическій сарказмъ Самарина является здѣсь во всей своей силѣ. Словно острымъ стальнымъ, сверкающимъ лезвеемъ неумолимо разнимаетъ онъ по частямъ всю ложь нашего европеизма, прикрывающаго собою лишь національное отступничество, предательство русскихъ народныхъ и государственныхъ интересовъ. Но какъ бы искренно порадовался онъ теперь, въ наши дни, убѣдившись, что русское правительство (въ Балтійской окраинѣ) уже не только не скользитъ внизъ по отлогому скату, но начинаетъ исподоволь обратное восхожденіе! Сѣмя брошенное Самаринымъ не пропало даромъ. Впрочемъ побѣду праздновать еще рано, и приходится признать, что балтійскіе бароны не уступаютъ Бурбонамъ въ способности «ничего не забывать и ничему не научаться». Это свидѣтельствуется и помѣщаемою ниже, въ настоящемъ №, статьею «Изъ Эстляндіи», повѣствующею о продолжающемся еще и теперь гоненіи на православныхъ Эстовъ! Пріемъ эстляндскихъ помѣщиковъ самый простой: принялъ крестьянинъ православіе—цѣна аренды за землю поднимается для новообратившагося въ десять разъ, съ 25 р., напримѣръ, на 250 р. въ годъ (какъ писано было года два тому назадъ, въ корреспонденціи изъ Леаля, также напечатанной въ «Руси»), или же онъ сгоняется съ земли вонъ, въ 24 часа, при содѣйствіи дворянской полиціи въ лицѣ «гакенъ» и прочихъ «рихтеровъ», какъ разсказываетъ вышеупомянутая статья. Нѣмцы имѣютъ обыкновеніе вопить и стыдить правительство тѣмъ, что православіе принимается Латышами и Эстами изъ однѣхъ матеріальныхъ выгодъ. Это очевидная ложь; самый образъ дѣйствій нѣмецкихъ помѣщиковъ, не случайный, а систематическій, доказываетъ противное, такъ какъ онъ, кромѣ вреда, ничего новообращающемуся не приноситъ, а между тѣмъ движеніе къ православію въ средѣ мѣстнаго населенія нисколько не останавливается. Но не страннымъ ли для Россіи оказывается такой порядокъ вещей, при которомъ переходъ въ православіе *законно* подвергаетъ переходящаго тиранническому гоненію, обращаетъ насильственно въ нищаго, въ парію? Если въ этомъ обращеніи въ православіе имѣются побужденія постороннія чув-

ству вѣры, такъ не побужденія выгодъ, а развѣ только ненависти къ протестантству какъ орудію нѣмецко-балтійскаго націонализма или по-просту онѣмечиванія: онѣмечиваніе и лютеранство на Балтійской окраинѣ—понятія и явленія тождественныя. Надѣемся, что статья «Изъ Эстляндіи» прочтется со вниманіемъ нашими читателями, а высказанныя въ ней ходатайства о пользахъ и нуждахъ православія въ этой губерніи не будутъ «оставлены безъ послѣдствій» русскою властью...

Пятый томъ «Окраинъ» вышелъ въ Берлинѣ въ 1875 г. подъ частнымъ заглавіемъ: «Привѣсокъ къ четвертому выпуску». Въ предисловіи авторъ объясняетъ, что этотъ четвертый выпускъ остался почти неизвѣстенъ русской публикѣ, за то удостоился особеннаго вниманія нашихъ Остзейскихъ земляковъ, вызвалъ не мало анонимныхъ, на нѣмецкомъ языкѣ, автору писемъ, — даже подробный разборъ въ печати, отдѣльной брошюрой, и почти полный переводъ IV выпуска, появившійся въ Лейпцигѣ. Въ новомъ выпускѣ авторъ съ своей стороны подробно разбираетъ какъ брошюру, такъ и переводъ, воспроизводитъ въ подлинникѣ нѣкоторыя письма и возраженія, а также, въ подлинникѣ же, четыре докладныя записки бывшаго генералъ-губернатора Остзейскихъ губерній, покойнаго Альбединскаго, снабдивъ ихъ отъ себя комментаріями и заключеніемъ. Въ концѣ приложенъ адресъ русскихъ Рижанъ въ 1870 г., поданный Альбединскому. Эта часть «Окраинъ» представляетъ особенный интересъ для настоящей минуты, такъ какъ въ запискахъ генералъ-губернатора разсказывается неудача его наиделикатнѣйшихъ, осторожныхъ попытокъ къ болѣе правильному разрѣшенію «религіознаго вопроса» и ко «введенію русскаго дѣловаго языка» въ нѣкоторыя губернскія учрежденія согласно послѣдовавшимъ Высочайшимъ повелѣніямъ: неудача эта, по разсказу генерала Альбединскаго, произошла отъ того, что встрѣтивъ дружный, дерзкій нѣмецкій отпоръ, петербургское правительство смутилось, не поддержало своихъ собственныхъ повелѣній, попятилось предъ нѣмецкими баронами снова.... Всѣ эти вопросы подлежатъ правительственному разсмотрѣнію и въ настоящее время. Попятится ли и теперь правительство предъ напоромъ Балтійцевъ?.. Вѣримъ, что нѣтъ.

VI и послѣдній томъ «Окраинъ» (433 страницы) появился въ Берлинѣ въ 1876 г.; не знаемъ точно: раньше ли или послѣ кончины автора, послѣдовавшей въ томъ же году, 19 марта. Онъ законченъ былъ Самаринымъ, какъ видно изъ предисловія, еще въ іюлѣ 1875 г. и содержитъ въ себѣ исторію крестьянскаго вопроса въ Лифляндіи до 1819 г. (эпохи освобожденія крестьянъ) включительно; но въ пространномъ своемъ изданіи Самаринъ касается судьбы этого вопроса и въ Эстляндіи, да и вообще состоянія крестьянъ, ихъ соціальныхъ и аграрныхъ отношеній въ позднѣйшее время.

Эти шесть томовъ—такіе тараны, что еслибъ не заграждено было имъ свободное дѣйствіе въ Россіи, стѣны нѣмецкой цитадели были бы къ настоящему времени уже сокрушены: въ сознаніи русскаго общества и правительства не могло бы, кажется, остаться уже никакого сомнѣнія въ правотѣ русскаго дѣла и въ истинномъ долгѣ русской власти. Эту услугу могутъ «Окраины» оказать еще и теперь; многое, охотно это признаемъ, уже измѣнилось къ лучшему, но торжествовать было бы еще преждевременно...

Конечная цѣль правительства, разумѣется, должна быть направлена къ упраздненію привилегированной автономіи остзейскаго дворянства, которая именно и узаконяетъ принудительное господство нѣмецкой стихіи, въ смыслѣ не только культурномъ, но и административномъ, и соціальномъ. Это упраздненіе обязаны мы совершить не только государственной пользы и достоинства ради, но въ силу высшихъ требованій нравственной правды и здороваго смысла. Отрицать ихъ не можетъ ни одинъ человѣкъ съ неповрежденнымъ умомъ и совѣстью.

Дѣйствительно, привилегіи балтійскому рыцарству были даны самимъ русскимъ правительствомъ, — первоначально Петромъ Великимъ, по свободному его соизволенію. Дѣйствительно, соблюденіе этихъ привилегій русскою властью было для нея обязательно — пока соблюдался и строй вещей, который имѣлся въ виду при дарованіи привилегій. Но если рѣка перемѣнила русло, такъ безсмысленно было бы держаться стараго узаконеннаго расположенія дамбъ и мостовъ, и упорно игнорируя новое направленіе рѣки, считать себя обязаннымъ держаться устарѣвшаго плана и воздвигать, съ

безтолковою упрямою вѣрностью, мосты и дамбы на прежнихъ мѣстахъ, хотя бы на сушѣ! Когда подписывались привилегіи, единственными гражданскими элементами края являлись тогда: дворянство и города нѣмецкой національности. Имъ и дана полноправность. Сельское населеніе состояло на положеніи почти-что частной собственности помѣщиковъ, заслоняемой ими отъ всякаго прямаго непосредственнаго отношенія къ государству. Но какъ скоро въ 1819 году состоялось, по желанію и плану самого балтійскаго рыцарства, личное освобожденіе крестьянъ, прежній status quo (служившій логическимъ основаніемъ привилегій) рушился самъ собою. Правда, крестьяне освобождены безъ земли, но все же стали лично свободными, лично полноправными гражданами. Не признавать ихъ гражданскаго существованія правительство уже не могло и не можетъ. Такимъ образомъ, съ освобожденіемъ крестьянъ въ Балтійскихъ губерніяхъ, предъ русскимъ правительствомъ явилось совсѣмъ уже иное внутреннее распредѣленіе жителей края и ихъ между собою соціальныхъ и юридическихъ отношеній: наличнаго населенія въ краѣ два слишкомъ милліона (беремъ новѣйшія статистическія цифры); изъ нихъ на долю привилегированной, нѣмецкой національности отчисляется не болѣе 150 тысячъ; остальные: (1,800 т. или около этого)—Латыши и Эсты, не считая нѣсколько десятковъ тысячъ русскихъ переселенцевъ. Эти почти два милліона Латышей и Эстовъ (или вообще 80°/₀ населенія) выступаютъ съ 1819 года новымъ факторомъ въ жизни Остзейскихъ губерній,—слѣдовательно новымъ факторомъ и для государственной въ краѣ политики. Правительству приходится имѣть дѣло уже не съ одною мѣстною народностью, а съ тремя, и рѣшить теперь для себя вопросъ: имѣетъ ли оно право жмуриться и игнорировать такое *новое* для него, юридически узаконенное явленіе? имѣетъ ли оно право признавать эти почти два милліона гражданъ безправными и отдавать ихъ въ жертву интересовъ незначительнаго меньшинства? имѣетъ ли право всею силою своей власти, въ угоду этому меньшинству, онѣмечивать Латышей и Эстовъ, и даже своихъ русскихъ подданныхъ, въ томъ краѣ живущихъ? На эти вопросы не можетъ быть двухъ отвѣтовъ. Отвѣтъ — одинъ: не имѣетъ, равно какъ не имѣетъ права

подчинять насильственно и меньшинство большинству или обращать, насильственно же, и Нѣмцевъ въ Латышей или Эстовъ, не говоря уже о Русскихъ. Единственный справедливый способъ уравновѣсить взаимныя отношенія трехъ или четырехъ въ краѣ народностей, это—подчинить ихъ общему имперскому праву, признать для нихъ обязательными общій государственный языкъ и общіе государственные законы, не касаясь ни ихъ вѣры, ни народной индивидуальности. Какой юристъ, какой философъ, какой политикъ можетъ опровергнуть вѣрность такого вывода? Чего бы стоили «культура», «цивилизація» и «наука» (что все почитается Нѣмцами ихъ духовнымъ, какъ бы прирожденнымъ достояніемъ), еслибъ онѣ стали расходиться съ такими положеніями здраваго смысла и самой элементарной честности? Поэтому медлить и коснѣть нечего. Отмѣну привилегій долженъ призывать всякій добросовѣстный и просвѣщенный Балтіецъ нѣмецкой національности—самъ, безъ правительственнаго понужденія. Но образумятся или не образумятся наши балтійскіе бароны, отмѣна не можетъ не состояться, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Одновременно на очереди должно быть поставлено и преобразованіе Дерптскаго университета, этого орудія искусственнаго онѣмечиванія Латышей и Эстовъ—коштомъ Русскаго государства и народа...

Сколько аномалій въ государственномъ строѣ наплодила наша долголѣтняя антинаціональная политика!.. Сколько еще придется раздѣлывать изъ того, что натворено подъ воздѣйствіемъ фальшивопонятаго европеизма, гуманизма, либерализма — во вредъ истиннымъ интересамъ русской народности, русской государственной чести и силѣ!

О ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛАХЪ

РОССІИ.

СТАТЬИ

ИЗЪ ГАЗЕТЪ: „ДНЯ", „МОСКВЫ" И „РУСИ".

О финансовомъ положеніи Россіи въ началѣ 1862 года.

«День», 13-го января 1862 г.

Мы намѣрены, на этотъ разъ, коснуться въ нашей бесѣдѣ съ читателями — финансоваго вопроса, или, вѣрнѣе сказать, вопроса о нашемъ общемъ, благосостояніи въ экономическомъ отношеніи. Будучи вовсе не посвящены въ тонкости и премудрости финансовыхъ разсчетовъ и соображеній, мы, конечно, и не думаемъ предлагать какое-либо разрѣшеніе этой сложной и трудной задачи, — но мы желаемъ только указать на ту сторону дѣла, которая, какъ намъ кажется, ускользала до сихъ поръ отъ вниманія нашихъ (признаться сказать — довольно расплодившихся въ послѣднее время) финансистовъ и экономистовъ. По крайней мѣрѣ мы не находили отвѣта на наши недоумѣнія у публицистовъ, спеціально занимающихся финансовымъ вопросомъ, и заявляя эти недоумѣнія печатно, будемъ надѣяться, что они не останутся безъ разъясненія со стороны людей, болѣе опытныхъ.

Намъ кажется, что въ этомъ вопросѣ, какъ и въ большей части другихъ, есть значительная доля того оптическаго обмана, который скрадываетъ пространство, измѣняетъ направленіе линіи, заставляетъ принимать игру лучей и отраженія за дѣйствительныя явленія.— Мы говорили не разъ, но повторимъ и опять, что насильственное преобразованіе Петра Великаго, разстроивъ цѣльность нашего общественнаго организма, произведя разрывъ между высшими сословіями и народомъ, внесло раздвоеніе въ нашу общественную жизнь: ея органическая сила — какъ выразились мы однажды — убѣжала внутрь, въ глубокій подземный слой народа, *а поверхность* земли населилась призраками и живетъ призрачною жизнію.

Эта странная жизнь съ ея искусственными, насильственно вызванными и созданными потребностями, стремленіями, страданіями и борьбою, съ ея лихорадочно-скорымъ развитіемъ, порождающимъ эфемерныя явленія, мгновенно возникающія и исчезающія,—эта жизнь, эта ложь, заслоняющая отъ нашихъ взоровъ жизнь народа и истину дѣйствительности, отразилась, кажется намъ, не только въ области нравственной, но и въ области *положительныхъ экономическихъ* явленій. За примѣрами ходить не далеко: развѣ мы не пробовали сажать кукурузу на Сѣверѣ и предлагать картофель въ пищу тѣмъ, которые не знаютъ, куда дѣваться отъ ржанаго и пшеничнаго хлѣба? Развѣ читающій нашъ Ремесленный Уставъ съ его передѣлками, добавками, исправленіями и дополненіями, не въ правѣ подумать, что у насъ дѣйствительно существуетъ и живетъ во всей силѣ жизненности, ремесленное цеховое устройство,— тогда какъ въ дѣйствительности ничего подобнаго нѣтъ и слѣда!—Развѣ Потемкинъ, въ которомъ широкая природа Русскаго человѣка сказалась въ самой широтѣ проявленій лести и лжи, не воплотилъ эту ложь въ поэтически-громадныхъ размѣрахъ, обставивъ пустыни, на протяженіи тысячи верстъ, декораціями селъ, городовъ, гражданственности, промышленности и кипучей дѣятельной жизни? Эти декораціи—колоссальныя эмблемы нашего историческаго общественнаго развитія — объясняютъ многое въ нашей жизни!—Императрица Екатерина почеркомъ пера создаетъ семь сотъ городовъ, къ утѣхѣ и радости современныхъ ей прогрессистовъ,— и черезъ нѣсколько лѣтъ значительная часть городовъ разжалована въ заштатные!... Кому не извѣстна исторія о двухъ, созданныхъ такимъ образомъ, потомъ позабытыхъ городахъ Воронежской губерніи, лѣтъ 10 тому назадъ отысканныхъ въ числѣ селъ вѣдомства Министерства Государственныхъ Имуществъ? Эта исторія, подавшая поводъ къ странному спору между двумя вѣдомствами, подробно разсказана во II томѣ Сборника Историко-Статистическихъ свѣдѣній о Россіи, изданнаго Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ. Пишущій эти строки хорошо помнитъ, какъ лѣтъ 12 тому назадъ, когда ему случилось быть, по службѣ, въ городѣ Петровскѣ Ярославской губерніи, жители города приходили къ нему съ просьбою: ходатай-

ствовать о лишеніи Петровскаго званія города и обращеніи его, по старому, въ простое село! Возведенный въ это званіе Екатериною, въ 20 верстахъ отъ Ростова, этотъ городишка дѣйствительно не представлялъ никакихъ условій для развитія городской жизни, и только тяготился своими привилегіями, или—вѣрнѣе сказать—повинностями и оффиціальностью городскаго званія.

Мы не даромъ привели эти примѣры: развитіе городовъ находится въ тѣсной связи съ развитіемъ гражданственности, промышленности и торговли. И промышленность и торговля не остались у насъ чуждыми общему ложному направленію. «Занявшись своимъ развитіемъ», подъ вліяніемъ примѣра Западной жизни, нами плохо понимаемой, мы сначала плѣнились теоріей запретительныхъ тарифовъ и меркантильною системою; потомъ вообразили себѣ, что Россія—государство земледѣльческое, забывая, что ея чистопромышленныя области обширнѣе любаго государства въ Германіи, не исключая и Пруссіи,—и, какъ люди, идущіе съ вѣкомъ наравнѣ, увлеклись ученіемъ о свободной торговлѣ! Мы искусственно и почти насильственно создавали фабрики—не для обработки сырыхъ матеріаловъ, истинныхъ богатствъ Россіи,—а для удовлетворенія искусственныхъ потребностей искусственной жизни высшаго «образованнаго» общества. Оно, конечно, было и легче: для производства въ Россіи иностранныхъ ситцовъ достаточно было приложить пассивную дѣятельность и деньги къ готовымъ плодамъ чужаго ума, тогда какъ свои матеріалы требовали самостоятельной работы мысли. Какъ въ области идей, такъ и въ области матеріальной, промышленной, мы больше выписывали и покупали отъ Запада, чѣмъ отпускали ему своего добра, о которомъ мы вовсе и не радѣли. Мы хлопотали о разведеніи шелку даже въ центральной Россіи, оставляя въ пренебреженіи наше громадное богатство—ленъ и пеньку!—Мы усовершенствовали тонкія сукна, предоставляя крестьянину ходить въ самодѣльной сермягѣ и дерюгѣ. Мы завели «биржи» тамъ, гдѣ нѣтъ и помину о внѣшней торговлѣ, и только украсили города краснорѣчиво-пустынными, великолѣпными, ненужными зданіями. Мы гордимся нашимъ Ремесленнымъ Заведеніемъ, напр. въ Москвѣ, не уступающимъ учрежденіямъ Европейскимъ, и

снабженнымъ моделями всяческихъ машинъ, даже и не приложимыхъ къ Россіи,—и не имѣемъ *никакого* хранилища, *никакого* собранія образцовъ народной ремесленной и рукодѣльной производительности! Наши промышленныя выставки въ Москвѣ и Петербургѣ блистательны, но блещутъ онѣ преимущественно предметами роскоши, и страшно-бѣдны предметами, служащими къ удобству и улучшенію народной жизни!... Мы придаемъ особенное значеніе цифрамъ оборотовъ внѣшней торговли,— забывая, что онѝ ничтожны въ сравненіи съ оборотами торговли внутренней, которая, по необъятному пространству Россіи, имѣетъ для насъ неизмѣримо бо̀льшую важность, чѣмъ, напримѣръ, внутренняя торговля для Англіи. Наше вниманіе поглощено возвышеніемъ и пониженіемъ нашего курса за границей, тогда какъ всѣ эти возвышенія и пониженія весьма *слабо* отзываются въ жизни Россіи и лишены *почти* всякаго вліянія на ходъ внутренней торговли, на благосостояніе народное.

И все это отъ того, что наша отрѣшенная отъ народа, вращающаяся на поверхности, въ области тѣней и призраковъ, мнимодѣйствительная, хотя и дѣятельная жизнь — заслоняетъ для насъ истинную жизнь земли, вымышляетъ намъ небывалыя потребности, или потребности только этой одной, нашей искусственной среды; заставляетъ безпечно относиться къ существенному злу, видѣть, наоборотъ, грозныя опасности тамъ, гдѣ ихъ вовсе и не имѣется,—наконецъ—считать Россію богатою, когда она бѣднѣетъ, и бѣдною, когда она именно начинаетъ богатѣть!

Часто приходится читать и слышать, что Россія близка теперь къ финансовому кризису, и даже чуть-чуть не къ банкротству; что она не можетъ предпринять никакой крупной финансовой операціи. Почему все это? Потому, отвѣчаютъ намъ, что денегъ въ обращеніи нѣтъ, капиталовъ не имѣется, звонкая монета исчезла, золото пропало, курсъ нашъ за границей низокъ, кредитъ слабъ; потому что огромный выпускъ, во время войны, бумажныхъ денегъ уронилъ ихъ цѣнность и что новыхъ бумажныхъ денегъ выпускать нельзя: однимъ словомъ, положеніе печальное! Если таково положеніе Россіи *теперь*, то, значитъ, *прежде* было иначе, прежде была она въ болѣе цвѣтущемъ состояніи, богаче и денежнѣе? Точно ли это такъ? Посмотримъ, что̀ было прежде?

Дѣйствительно, денегъ въ обращеніи было больше, — но гдѣ и между кѣмъ? Положеніе было цвѣтущее, но чье? Развѣ деньги, капиталы, богатство были, въ это, *прежнее* время, равномѣрно распредѣлены? Нисколько. Деньги обращались сильнѣе и живѣе—но въ средѣ высшихъ слоевъ общественныхъ. Что представляетъ намъ это *прежде?* Во 1-хъ, дворянъ, безпечно и безъ труда получавшихъ доходы съ крестьянъ, и еще съ меньшимъ трудомъ добывавшихъ капиталы изъ сокровищницы Опекунскихъ Совѣтовъ. Деньги у нихъ водились, это правда, но, какъ извѣстно, издерживались на расходы, большею частію непроизводительные. Они покупали несравненно больше, чѣмъ теперь, но чего именно? предметовъ роскоши, такихъ предметовъ, кругъ потребленія которыхъ въ Россіи ограничивался только высшими классами общества, самымъ тѣснымъ меньшинствомъ народонаселенія. Во 2-хъ, видимъ мы капиталистовъ: ихъ также было немного. Эти капиталы образовались также не вслѣдствіе правильнаго развитія всеобщаго благосостоянія, а большею частію—вслѣдствіе откуповъ, монополій и другихъ искуственныхъ и насильственныхъ мѣръ. Въ 3-хъ, видимъ мы торговлю процвѣтающую, но какую именно? Ту ли, которая имѣетъ дѣло съ предметами народнаго потребленія? Нѣтъ, не эту, а ту, которая создана была потребностями жизни верхнихъ классовъ общества. Заграничная же торговля сырыми матеріалами Россіи зависѣла отъ случайностей и не могла развиться вслѣдствіе дурной обработки этихъ нашихъ настоящихъ сокровищъ!

Напротивъ того, положеніе простаго народа представляется намъ, въ это прежнее время, не только не цвѣтущимъ, но крайне стѣсненнымъ, бѣднымъ, безденежнымъ. Поставимъ вопросъ прямо: народное благосостояніе было ли тогда выше настоящаго, или нѣтъ? На этотъ вопросъ едвали кто станетъ отвѣчать не отрицательно. А въ этомъ-то вся и важность!

Картина прежняго времени представляется намъ въ такомъ видѣ: народъ былъ разоренъ крѣпостнымъ правомъ, частыми рекрутскими наборами, недостаткомъ работъ и безденежьемъ: денегъ въ обращеніи у простаго народа было чрезвычайно мало. Деньги же всѣ обращались и копились въ капиталы: на поверхности, въ высшемъ слоѣ. Торговля,

всегда устремляющаяся къ главному источнику денегъ, имѣла въ виду—преимущественное удовлетвореніе нуждъ и потребностей денежнаго класса общества,—чему, съ своей стороны, способствовали и законодательныя мѣры. Жизнь сосредоточивалась въ какомъ-нибудь милліонѣ людей, тогда какъ цѣлые десятки милліоновъ народонаселенія были отстранены отъ участія въ жизни, и ни они сами, ни естественныя богатства Русской земли не удостоивались должнаго вниманія. По жизни одного милліона людей судилось и рядилось о богатствѣ и благосостояніи всей Россіи! Банки существовали, но приносили пользу не народу и не мелкимъ торговцамъ, а дворянамъ и капиталистамъ; предметы народныхъ нуждъ, народнаго потребленія оставались почти безъ улучшенія; наши сырые матеріалы — почти безъ обработки! Промышленныхъ предпріятій почти и не затѣвалось,—капиталы лежали безъ употребленія, или употреблялись непроизводительно.

Можетъ-быть, эта картина и не совсѣмъ вѣрна въ частностяхъ и подробностяхъ, но въ общихъ чертахъ мы считаемъ ее довольно вѣрною.

Какъ вода, стоящая на поверхности земли, просачиваетъ наконецъ землю и уходитъ въ глубь,—такъ и деньги въ Россіи, исчезнувъ изъ обращенія въ *нашей* средѣ, ушли въ народъ. Да, это не подлежитъ сомнѣнію. Подъемъ народнаго благосостоянія очевиденъ, но онъ станетъ еще замѣтнѣе, и главное—производительнѣе, какъ скоро разрѣшится вопросъ крестьянскій и водворится въ простомъ народѣ твердая вѣра въ свою гражданскую полноправность. О томъ, что у крестьянъ завелись деньги, свидѣтельствуютъ многіе факты и многія получаемыя нами достовѣрныя корреспонденціи изъ разныхъ концовъ Россіи. Въ 7 № «Дня» было помѣщено письмо г. Оптухина изъ Орловской губерніи, который передаетъ разговоръ свой съ купцомъ-прасоломъ, постоянно обращающимся съ крестьянствомъ, и увѣреніе прасола, что желтенькія (рублевыя) бумажки опять скоро появятся, что онѣ теперь всѣ у крестьянъ. Выпишемъ также замѣчательное мѣсто изъ письма нашего корреспондента, г. В. Г. изъ Оренбурга:

«Если у кого есть теперь деньги, настоящія деньги, пишетъ онъ, такъ это у крестьянъ. Нѣтъ сомнѣнія, что если звонкая монета, серебряная и золотая, почти исчезла изъ

обращенія, то причиною этому, кромѣ вывоза за границу, скопленіе ея въ крестьянскихъ скрыняхъ. Народъ и прежде не отдавалъ прибереженныхъ денежекъ въ кредитныя установленія; въ послѣднее время почти всѣ денежные запасы свои обратилъ онъ въ звонкую монету и бережетъ ее, какъ зеницу ока. Такимъ образомъ и деньги въ рукахъ народа, и съ землею разставаться онъ не намѣренъ...»

Да и какъ не быть деньгамъ у народа? Посѣтивши въ 1855 и въ 1856 году Южныя губерніи, бывшія театромъ военныхъ дѣйствій (впрочемъ, не самый Крымъ), мы съ изумленіемъ видѣли, что крестьяне сдѣлали значительныя денежныя сбереженія отъ массы денегъ, растраченныхъ войною. Далѣе. Куда дѣвались капиталы нашихъ капиталистовъ? Большею частію помѣщены въ акціяхъ разныхъ промышленныхъ акціонерныхъ компаній. Ни одно почти предпріятіе еще не доведено до конца и желѣзныя дороги не выстроены, но капиталы, еще не давая дивидендовъ, всѣ поступили въ народное обращеніе. Эти затраченные милліоны размѣстились теперь по крестьянскимъ сумамъ. Колесо сдѣлало только половину оборота—и снесло и втоптало деньги въ землю, но при возвратномъ оборотѣ оно снова изнесетъ эти деньги, уже десятерицею, и пуститъ ихъ во всеобщее обращеніе.

Да, слава Богу, у нашего народа завелись теперь деньги и благосостояніе его упрочивается! А при такихъ условіяхъ есть ли основаніе опасаться денежнаго кризиса? Не думаемъ.

Оскудѣли верхніе слои почвы,—это правда, но за то утучняется нижній, основной слой. Еще нѣсколько лѣтъ переходнаго состоянія, и нижніе слои почвы, вывороченные историческимъ плугомъ, придадутъ тучность и влагу всѣмъ прежнимъ верхнимъ слоямъ... Наше богатство не растратилось, но только переставляется болѣе правильнымъ образомъ, принимаетъ болѣе нормальное положеніе... Будемъ надѣяться, что такое же нормальное положеніе примутъ со временемъ и всѣ прочія отправленія нашей общественной жизни!

Еще нѣсколько словъ, и мы кончимъ. И такъ, и звонкая монета, и мелкія бумажныя деньги въ народѣ. Но онѣ по рукамъ, а капиталовъ нѣтъ. Какъ же создать капиталы? Чьи руки теперь требуютъ капиталовъ на необходимые и—въ

этотъ разъ вполнѣ производительные расходы? Это, безъ сомнѣнія, помѣщики.

Перейдемъ къ другому вопросу. Пользуется ли кредитомъ, у себя, дома, правительство? Полагаемъ, что пользуется. Бумажныя деньги, если и упали въ своей внутренней цѣнѣ, сравнительно съ серебрянымъ рублемъ, то немного. Для внутренней торговли мы легко обходимся безъ крупнаго серебра, а новая серебряная монета низшаго достоинства, кажется, и не различается въ обращеніи отъ старой монеты: тогда какъ въ Австріи, напр., счетъ на *новые* и *старые* крейцеры представляетъ различную цѣнность. Намъ кажется, что правительственный кредитъ поддерживается у насъ внутреннимъ, почти инстинктивнымъ всенароднымъ убѣжденіемъ въ богатствѣ Россіи: намъ просто не вѣрится, чтобъ Россія была бѣдна, да по правдѣ сказать, кто же этому и вѣритъ? но эта вѣра, какъ бы она смутна ни была, какою бы ни казалась ребяческою, составляетъ ту нравственную силу, которая еще поддерживаетъ правительственный кредитъ, заставляетъ приписывать теперешнее положеніе временнымъ случайностямъ и не лишаетъ насъ надежды на лучшее будущее. — Акціи акціонерныхъ обществъ поддерживаются гарантіей правительства,—слѣдовательно, имѣется вѣра въ эту гарантію. Намъ возразятъ, можетъ быть, что бумажныя деньги только повидимому мало упали, но зато онѣ подешевѣли, что доказывается повсемѣстной дороговизной. Но это удешевленіе денегъ говоритъ только о томъ, что у крестьянъ завелось теперь болѣе денегъ, чѣмъ прежде, что онъ не такъ дорожитъ рублемъ, какъ бывало, потому что прежде у него былъ одинъ рубль, а теперь ихъ два. Нельзя не обратить вниманія на слѣдующее странное явленіе: съ одной стороны жалуются на безденежье — значитъ, деньги *дороги*. Съ другой стороны, указываютъ на упадокъ внутренней цѣнности бумажныхъ денегъ, на дороговизну: значитъ деньги *дешевы*! Какъ согласить это противорѣчіе? Оно объясняется именно нашимъ особеннымъ, ненормальнымъ общественнымъ развитіемъ. Деньги въ народѣ, а у насъ ихъ нѣтъ, и капиталовъ нѣтъ. Не слишкомъ ли много обращается бумажныхъ денегъ? Едвали. Какъ скоро зашевелится жизнь въ Россіи,— денегъ окажется въ недостаткѣ, и намъ сдается, что новый

выпускъ бумажныхъ денегъ будетъ поглощенъ Россіею безъ особеннаго для нея ущерба.

Мы полагаемъ (хотя и не рѣшаемся утверждать), что еслибы помѣщики, вмѣсто выкупныхъ свидѣтельствъ, не имѣющихъ никакого свободнаго обращенія (потому что и передача ихъ можетъ совершаться не иначе какъ по купчей крѣпости), получили выкупную сумму отъ правительства обыкновенными бумажными деньгами, то таковой выпускъ новыхъ бумажныхъ знаковъ едвали бы уронилъ стойкость правительственнаго кредита, а между тѣмъ способствовалъ бы къ образованію необходимыхъ для помѣщиковъ капиталовъ, предназначенныхъ на расходы вполнѣ производительные. Опасаться наводненія денежнаго рынка такими бумагами—едвали есть основаніе. Нашъ денежный рынокъ такъ обширенъ, что едвали можно ожидать скопленія этихъ цѣнностей въ одномъ мѣстѣ: онѣ разнесутся мигомъ по всей Россіи и только ускорятъ всеобщую производительность.

Во всякомъ случаѣ—несомнѣнно то, что народное благосостояніе въ Россіи поднимается, богатства нашей земли остаются еще непочатыми, — а при такихъ условіяхъ временный застой въ денежномъ обращеніи, весьма тягостный для лицъ, не опасенъ для внутренняго правительственнаго кредита, и во всякомъ случаѣ не можетъ быть продолжителенъ....

Мы уже предвидимъ порицанія, брань и даже насмѣшки со стороны нашихъ ученыхъ финансистовъ и экономистовъ, обвиненія въ варварствѣ, въ невѣжествѣ, въ неуваженіи къ наукѣ. Мы будемъ имъ благодарны, если они докажутъ намъ, что мы ошибаемся; мы заранѣе оговорились, что не имѣемъ ни малѣйшаго притязанія на непогрѣшительность нашего сужденія,—но рѣшаемся замѣтить нашимъ ученымъ доктринерамъ. что если имъ и знакомы требованія современной Западной науки, то Русская жизнь и народный бытъ имъ очень мало извѣстны, и что опасно прилагать Нѣмецкіе масштабы и мѣрки къ той силѣ, которой объема еще ни измѣрить, ни взвѣсить. ни опредѣлить не умѣемъ.

Какъ отнеслись къ Екатерининскому „Городовому Положенію“ города Угличъ и Молога.

«День» 10-го февраля, 1862 года.

. . . .

Въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» напечатано извѣщеніе, что Ярославскійградской глава жаловался губернскому начальству на Ярославское городское общество, которое, несмотря на неоднократный призывъ градскаго главы, вовсе не является на собранія для совѣщанія по общественнымъ дѣламъ и для составленія общественныхъ приговоровъ. Мѣстное губернское начальство, публикуя о томъ въ губернскихъ вѣдомостяхъ, предписываетъ обществу являться на общественныя сходки и совѣщаться о своихъ пользахъ, подъ страхомъ, въ случаѣ ослушанія, денежной пени или взысканія по такимъ-то и такимъ статьямъ Свода Законовъ.

Вѣроятно всѣ, которые прочли это извѣщеніе, задались невольно вопросомъ: вѣдь Городовое Положеніе Императрицы Екатерины основано на очень широкихъ и либеральныхъ началахъ? Вѣдь городскимъ жителямъ, именно купцамъ и мѣщанамъ, предоставлены права и преимущества внутренняго самоуправленія: представительное собраніе—Дума, общественная касса, составленіе бюджета, попеченіе просто объ устройствѣ, и попеченіе о *благо*-устройствѣ города,—однимъ словомъ учрежденія «свободныя»! Такъ отчего же купцы и мѣщане не пользуются предоставленными имъ либеральными правами и преимуществами? Отчего они не дорожатъ самоуправленіемъ, не ходятъ на общественныя собранія, не совѣщаются о пользахъ и нуждахъ своего города?... Отчего наконецъ—всѣ наши либеральныя учрежденія могутъ двигаться не иначе, какъ съ помощью... понужденій? Кто въ томъ виноватъ: неспособность, лѣнь и апатія людей, взысканныхъ такими правительственными щедротами, или же самыя учрежденія? Прежде чѣмъ пускаться въ подробную критику учрежденій, пороемся въ нашихъ воспоминаніяхъ и разскажемъ два случая, за достовѣрность которыхъ мы ручаемся и которые помогутъ намъ поставить самый вопросъ понятнѣе для читателей.

Общество города Углича, Ярославской губерніи, увлеклось однажды мыслью, что оно, какъ общество, должно имѣть полное право производить расходъ общественныхъ денегъ и употреблять ихъ, по своему общественному рѣшенію, на предметъ общественныхъ духовныхъ и матеріальныхъ потребностей. Собравшись разъ въ городскомъ собраніи, оно постановило единогласнымъ приговоромъ: отдѣлить изъ городскихъ доходовъ небольшую сумму (рублей сто) на содержаніе лампады при ракѣ своего согражданина, царевича Димитрія Углицкаго, въ Московскомъ Успенскомъ Соборѣ. Эта сумма была внесена секретаремъ въ смѣту ежегодныхъ расходовъ и доходовъ города, а смѣта, по установленному порядку, была разсмотрѣна и утверждена губернскимъ начальствомъ. Но черезъ нѣсколько лѣтъ пріѣзжаетъ ревизоръ, чиновникъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, страстный поклонникъ законности и Санктпетербургскаго бюрократическаго либерализма. Прочитавъ смѣту, онъ пришелъ въ нѣкотораго рода ужасъ отъ такого самовольнаго общественнаго распоряженія: такой предметъ расхода общественныхъ городскихъ суммъ не указанъ ни въ Городовомъ Положеніи, ни въ дополнительныхъ статьяхъ Свода Законовъ! Вѣдь это не починка мостовой, не постройка мѣдныхъ касокъ для пожарной команды! Лампада, уваженіе къ преданію, историческое чувство города,—всего этого по закону не полагается. Просвѣщенный и либеральный ревизоръ тотчасъ донесъ о томъ, куда слѣдуетъ по начальству, и расходъ былъ отмѣненъ. Намъ случилось быть, вскорѣ послѣ этого, въ г. Угличѣ, съ порученіемъ отъ того же Министерства и также по дѣламъ городскаго хозяйства. Мы замѣтили въ жителяхъ совершенное уклоненіе отъ исполненія своихъ «общественныхъ» обязанностей. На всѣ наши краснорѣчивые доводы, «граждане» сначала отмалчивались, а потомъ объяснили откровенно, что Городовое Положеніе имъ не въ домекъ: сказано—говорили они—общество, общественныя суммы, общественное управленіе,—а распоряжаться и дѣйствовать своимъ общественнымъ разумомъ общество не можетъ!.. Наконецъ граждане кончили тѣмъ, что — такъ какъ, въ сущности, начальству требуются отъ нихъ только деньги, да исполненіе начальническихъ правилъ, пунктовъ, параграфовъ, имъ большею

частію и неизвѣстныхъ,—то есть «служба, какъ есть служба казенная»,—то они просятъ возложить обязанности градскаго главы на городничаго, а ихъ отъ убыточной и разорительной службы, ничѣмъ не вознаграждаемой, избавить....

Можетъ-быть, просвѣщенный читатель возмутится такимъ отвѣтомъ города Углича, и готовъ будетъ обвинять гражданъ въ тайной лѣни и «косности» (это слово теперь особенно въ ходу), только прикрывающихся благовидными предлогами?... Но возратимся къ нашему разсказу.

Замѣчая вездѣ такое странное отношеніе гражданъ къ Городовому Положенію Екатерины, мы обратились къ архивамъ Городскихъ Думъ, чтобы видѣть — какимъ образомъ введены были Думы, что замѣнили онѣ и какъ приняты были въ самомъ началѣ городскими жителями «либеральныя» мѣры Императрицы. Мы нашли, между прочимъ, въ одномъ архивѣ повѣстки къ жителямъ, сочиненныя, вѣроятно, какимъ-нибудь доморощеннымъ, мѣстнымъ прогрессистомъ того времени, повѣстки, въ которыхъ граждане назывались «бульгерами»: *бюргерами* (гражданами); но, не останавливаясь на этомъ, перейдемъ прямо къ тому, что намъ представилъ архивъ Городской Думы города Мологи, той же Ярославской губерніи.

Получается указъ о вновь дарованныхъ грамотою 1785 года 21 Апрѣля правахъ и преимуществахъ, объявляется жителямъ; торжественно, подъ руководствомъ начальства, открывается собраніе, назначаются городскіе чины, учреждается Дума. Все въ порядкѣ. Но на другой же день, по открытіи Думы, граждане собираются снова, уже не въ присутствіи начальства, и постановляютъ, безъ помощи баллотировки, единогласный приговоръ такого содержанія: «Въ § 42 Городоваго Положенія сказано, что независимо отъ окладныхъ и неокладныхъ сборовъ, поступающихъ въ городскіе доходы и подлежащихъ распоряженіямъ на точномъ основаніи закона,—обществу предоставляется право дѣлать добровольныя складки и собранными такимъ образомъ суммами распоряжаться по своему усмотрѣнію, не давая никому въ томъ отчета. Такъ какъ, напротивъ того, исчисленными городскими доходами общество распоряжаться не въ правѣ, и всѣ они могутъ быть расходованы только на указанные начальствомъ

предметы, согласно съ смѣтой, утверждаемой начальствомъ, и подлежать отчетности и контролю Казенной Палаты,—то общество составляетъ свой собственный общественный капиталъ (первоначально въ нѣсколько тысячъ), съ тѣмъ, чтобы въ этотъ капиталъ уже никакое начальство не вступалось, чтобы распоряженіе этимъ капиталомъ было ввѣрено тому же градскому главѣ, и чтобы градской глава отдавалъ въ своихъ распоряженіяхъ отчетъ, ежегодно, одному обществу, никому болѣе».

Это было въ 1786 году. Собранный капиталъ былъ записанъ въ особыя шнуровыя книги и сталъ возростать быстро. Съ согласія общества, часть капитала раздавалась въ займы, за 9 и 10 процентовъ, и дѣлались другіе, выгодные для общества обороты. Отчеты отдавались ежегодно. Въ распорядители избирались почти всегда градскіе головы. Расходы производились на предметы общественной потребности и благотворительности и съ необыкновенной точностью вносились въ книги. Мы видѣли эти книги. Городъ на эти деньги призрѣвалъ бѣдныхъ и содержалъ богадѣльни, о которыхъ въ оффиціальныхъ отчетахъ вовсе и не значилось, выдавалъ денежное пособіе двумъ церквамъ въ уѣздѣ, связаннымъ какими-то историческими воспоминаніями съ городомъ, помогалъ уѣздному училищу, не скупился даже и на тѣ предметы внѣшняго благоустройства, которые входили въ число законныхъ статей расхода оффиціальныхъ городскихъ доходовъ. Напримѣръ: нужно вымостить топкое мѣсто въ срединѣ города: исчисляется расходъ оффиціальнымъ порядкомъ; губернское начальство присылаетъ, какъ слѣдуетъ, для повѣрки, инженернаго офицера, наконецъ разрѣшаетъ Думѣ внести въ смѣту городскихъ расходовъ такую-то сумму на замощеніе топкаго мѣста. Переписка продолжается нѣсколько лѣтъ. Между тѣмъ топкое мѣсто уже давно замощено, безъ помощи инженеровъ, и замощено крѣпко, прочно, нерѣдко на сумму высшую противъ назначенной по смѣтѣ: эта сумма бралась изъ тайнаго общественнаго капитала.

Такимъ образомъ въ городѣ существовали двѣ Думы, двѣ власти, два общества, состоявшія изъ однихъ и тѣхъ же лицъ: Дума, власть, общество, какъ заведенія оффиціально-общественныя, и дума, власть, общество — какъ учрежденія

свободныя, сами собой органически образовавшіяся. Въ то время, какъ городскихъ доходовъ показывалось по смѣтѣ не свыше 4 тысячъ, капиталъ общественный возросъ свыше 50 т. р. серебромъ, и расходы изъ него на потребности города превышали расходы оффиціальные. — Лѣтъ черезъ 20 послѣ открытія Думы, общество, желая упрочить такой порядокъ, опредѣлило построить и построило, на этотъ *свой* общественный капиталъ пространный каменный гостиный дворъ, съ тѣмъ, чтобы доходы съ лавокъ (отдававшихся въ наймы членамъ того же общества) причислялись къ тому же общественному капиталу, не подлежащему оффиціальному контролю. Тогда не было такого дѣятельнаго вмѣшательства всюду со стороны Губернскаго Начальства, какъ въ наше время, и гостиный дворъ выросъ, какъ изъ земли, безъ всякой помѣхи со стороны губернскихъ властей и строительныхъ коммиссій. Городъ обстроился. Мы положительно удостовѣряемъ, что все, сдѣланное по отношенію къ внѣшнему благоустройству въ городѣ Мологѣ, было сдѣлано на счетъ общества, попеченіемъ той власти, которая дѣйствовала не гласно и не оффиціально. Какимъ образомъ—такой порядокъ могъ укрыться отъ взоровъ начальства, какимъ образомъ не обратило оно вниманія на то, что городъ, оффиціально бѣдный, имѣющій не свыше 4 т. р. сер. дохода, представлялъ однако же такой наружно-благоустроенный видъ, какого не имѣли города побогаче,—намъ неизвѣстно,—но извѣстно то, что этотъ порядокъ существовалъ съ 1786 г. по 1847 годъ.

Въ 1847 году градской голова Мальцовъ затѣялъ новыя разныя постройки, разумѣется съ согласія общества, именно постройку дома для уѣзднаго училища и дома для гостиницы, обѣщавшей большія выгоды обществу. Но начальникъ губерніи узналъ о существованіи общественнаго капитала и вообще этого благодѣтельнаго, но «незаконнаго» порядка, и прибывъ для ревизіи въ г. Мологу, потребовалъ отъ градскаго главы отчета и книгъ дохода и расхода этого капитала. Градской глава отказался дать требуемый отчетъ, ссылаясь на § 42 Городоваго Положенія, и былъ удаленъ отъ должности. На капиталъ наложено было запрещеніе, постройки остановились, и весь прежній порядокъ рушился. И по дѣломъ городу: зачѣмъ благоденствовалъ не по порядку!..

Обстоятельство было представлено выше, на разрѣшеніе начальства.

Мы были въ городѣ Мологѣ черезъ два года послѣ этой катастрофы. Мы видѣли печальную картину недостроенныхъ и разрушающихся домовъ, и запущенія города. Мы читали всѣ документы и книги, относившіяся къ этому интересному дѣлу. Возбужденъ былъ вопросъ: кому долженъ принадлежать капиталъ, гостиный дворъ и прочее имущество? Городу ли, какъ оффиціальному, общественно-казенному лицу, или же обществу? Губернскія власти доказывали, что § 42 сюда не подходитъ, потому что капиталъ пересталъ быть добровольною складкой, а состоялъ изъ доходовъ; что общество не имѣло права строить домà и гостиный дворъ, и отнимать у города его оффиціальные доходы. Градской глава объяснялъ съ своей стороны, что общество одно и то же, и въ Думѣ, и внѣ Думы, что если общество призывается къ общественнымъ службамъ и обязано пещись о благоустройствѣ города, если слово «общественное», употребляемое въ законахъ, н е е с т ь л о ж ь, то общество города Мологи лучше всѣхъ поняло цѣль правительства, ибо расходы, которые въ теченіи 60 лѣтъ записывались всѣ до послѣдней копѣйки, употреблялись единственно на общественную пользу...

Вопросъ велѣно было рѣшить Магистрату судебнымъ порядкомъ. Магистратъ былъ въ сильномъ затрудненіи и прислалъ въ Думу требованіе, чтобы были высланы повѣренные *съ обѣихъ* сторонъ: со стороны Думы, представительницы Общества, обязанной защищать интересы Общества, — и со стороны Общества! Дума не знала, какъ раздвоиться, а Общество—знало еще менѣе! Начальство энергически побуждало Думу къ исполненію требованій Магистрата, но Дума, составленная изъ членовъ т о г о ж е Общества, никакъ не могла воодушевиться чувствомъ негодованія за попраніе своихъ правъ—Обществомъ же, и дѣло тянулось, тянулось.... Чѣмъ оно окончено, мы не знаемъ, но вѣроятно—капиталъ и имущество внесены въ «инвентарь», составлявшійся тогда во всѣхъ городахъ по распоряженію Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, и причислены къ к а з е н н о-общественному имуществу города Мологи, распоряженіе которымъ зависитъ, въ послѣдней инстанціи, отъ Хозяйственнаго Департамента означеннаго Министерства.

Мы полагаемъ, что разсказанные нами случаи довольно ярко освѣтили для читателя современное городовое устройство и отношеніе купцовъ и мѣщанъ къ Городовому Положенію «либеральной» Императрицы. Намъ можно покуда и воздержаться отъ вывода. Въ одномъ изъ слѣдующихъ нумеровъ нашей газеты мы вновь займемся вопросомъ о нашихъ городскихъ сословіяхъ и о томъ, что̀ такое былъ городъ въ старину, что̀ онъ теперь и чѣмъ можетъ быть...

Русскій ли городъ Кіевъ?

«День», 21-го февраля 1862 г.

Изъ Кіева *). Вѣроятно вы уже знаете о недавнихъ печальныхъ происшествіяхъ въ Кіевѣ. Они, безъ сомнѣнія, болѣзненно отзовутся въ каждомъ изъ насъ; они же и наводятъ на нѣкоторыя мысли и соображенія,— конечно, не новыя, но до сихъ поръ какъ-то не вполнѣ осуществленныя. Разумѣется, осуществленіе и не легко,— но важно, прежде всего, уяснить себѣ начало, которымъ хочешь руководиться, и систему, которой хочешь слѣдовать.

Русской ли городъ Кіевъ? Русской. Къ какому племени принадлежитъ коренное народонаселеніе Кіевской, Волынской, Подольской губерній? Къ Русскому. Живетъ ли въ этомъ народонаселеніи сознаніе своей народности и память своихъ историческихъ судебъ? Отвѣтъ несомнѣненъ: не только живетъ во всей силѣ, но требуетъ постояннаго сдерживанія въ своихъ проявленіяхъ; ненависть народа къ польской шляхтѣ, постоянно питаемая пѣснями слѣпцовъ-бандуристовъ и воспоминаніями объ уманской рѣзнѣ или Коліевщинѣ, преданіями и разсказами о борьбѣ Малороссіи съ Поляками за и Вѣру народную независимость,—ненависть эта, къ сожалѣнію, такова, что правительство вынуждено было не разъ прибѣгать къ строгимъ мѣрамъ для ея укрощенія.

Слѣдовательно—вопросъ яснъ и отвѣтъ очень простъ. Въ

---

*) Обращаемъ особенное вниманіе читателей на это письмо. *Ред.*

этой Русской сторонѣ и въ Русскомъ городѣ Кіевѣ не можетъ быть и рѣчи о какой-либо другой народности, кромѣ Русской, о какихъ-либо чужихъ правахъ, кромѣ правъ Русской земли и Русскаго государства: наши законы, права, обязанности, повинности, тяготы, отношенія къ правительству и историческія судьбы со дня возсоединенія—общія и единыя Руси со всею Кіевской, Подольской и Волынской губерніями. Другой національности, оффиціально признаваемой, тамъ нѣтъ, и быть не должно. Разумѣется, здѣсь рѣчь идетъ не о различіи вѣроисповѣданій, которое должно быть всегда и вполнѣ свободно. Однакожъ тамъ есть Поляки-помѣщики: они составляютъ тамъ массу дворянства-шляхты. — Чтожь изъ этого? Во 1-хъ, мало ли у насъ въ Саратовской, въ Тамбовской и во всѣхъ губерніяхъ помѣщиковъ и Нѣмецкаго и Французскаго происхожденія, а колонисты сплошь Нѣмцы. Во 2-хъ, какого бы помѣщики въ Западныхъ губерніяхъ происхожденія ни были,—они Русскіе подданные и живутъ на Русской землѣ, слѣдовательно и обязаны, наравнѣ со всѣми Русскими подданными, одинаково безусловно подчиняться тѣмъ законамъ Русскаго государства, которымъ подчиняются помѣщики Русскаго происхожденія.

Истина очевидна, а все же намъ кажется, что не мѣшаетъ намъ повторять и напоминать себѣ эту истину, крѣпко держаться правила: не признавать вовсе, съ точки зрѣнія государственной, никакой другой національности въ Западныхъ Русскихъ губерніяхъ, кромѣ Русской; откинуть въ этомъ отношеніи всякую фальшивую деликатность, и объявить о томъ честно и прямо въ отвѣтъ на всѣ Польскія мечтательныя притязанія. Къ этому обязываютъ насъ всѣ начала справедливости, уваженіе къ правамъ Русскаго народа, въ количествѣ слишкомъ 3 милліоновъ населяющаго свое древнее достояніе — эту Русскую землю,—и наконецъ состраданіе къ простому народу, угнетаемому въ своей народности аристократіей Польскаго происхожденія, неизмѣримо меньшей въ числѣ, но несравненно сильнѣйшей образованіемъ, богатствомъ и поземельною собственностью... Ни одинъ въ Европѣ самый рьяный изо всѣхъ рьяныхъ демократовъ, дѣлающихъ себѣ, впрочемъ, изъ сочувствія къ простому народу какую-то привилегированную профессію, не осмѣлится

оспаривать въ этомъ случаѣ наше нравственное право и обязанность! Въ этомъ случаѣ мы несомнѣнно стоимъ за народъ и на сторонѣ народа! Не нравятся гг. Польскимъ помѣщикамъ такія воззрѣнія—пусть уходятъ себѣ въ Польшу; мы ихъ не держимъ. Если имъ такъ дорога ихъ народность,—а любовь къ народности достойна истиннаго уваженія,—имъ ничего не значитъ пожертвовать своими матеріальными интересами и разстаться съ своими маетностями. Если же вы, господа, хотите владѣть маетностями въ Русской землѣ, то откажитесь отъ Польскихъ притязаній и будьте Русскими гражданами. Ваше происхожденіе не помѣшало бы намъ протянуть вамъ дружескую руку на союзъ и примиреніе, и стать братьями, еслибъ вы сами уважали Русскую народность и относились къ ней, на дѣлѣ, съ тѣми же понятіями гуманности, либерализма и современнаго прогресса, которыя вы такъ громко для себя проповѣдуете, и въ томъ духѣ братства и равенства, который составляетъ характеристическую черту Русскаго, да и вообще Славянскаго племени, несмотря на всякія внѣшнія историческія искаженія!...

Кіевъ — Русскій городъ — но вслѣдствіе долговременнаго его отчужденія отъ остальной Россіи, и вслѣдствіе недостатка вниманія съ нашей стороны къ нашимъ собственнымъ обязанностямъ,—онъ, странно сказать, до сихъ поръ находится въ менѣе живыхъ сношеніяхъ съ Россіей, наприм. съ Москвою, чѣмъ Иркутскъ или Кяхта. Торговля съ издавна проторила себѣ путь въ Иркутскъ и Кяхту, и въ этомъ отношеніи выгоды чайной торговли были однимъ изъ главныхъ двигателей и принесли намъ много пользы! Мы обязаны ей нашею тѣсною связью съ Сибирью. Но торговля Москвы съ Кіевомъ не находила для себя такихъ выгодъ, которыя бы вознаграждали ее за дороговизну, неудобства и трудности сообщенія. Конечно, есть и другія причины, но не объ нихъ рѣчь. Нѣтъ никакого сомнѣнія, будь это пространство въ 900 слишкомъ верстъ (отъ Москвы до Кіева) перерѣзано желѣзною дорогою —сношенія и общеніе коренной Руси съ Русью, долго носившею тяготу Польскаго управленія, до сихъ поръ не освободившеюся изъ-подъ Польскаго гнетущаго вліянія,—стали бы живѣе, чаще, плодотворнѣе, и стянули бы крѣпче узелъ, насъ соединяющій. И такъ, желѣзную до-

рогу изъ Москвы въ Кіевъ! Она намъ нужна во всѣхъ отношеніяхъ... Желѣзную дорогу во что бы ни стало!...

Что воздѣйствуетъ больше всего на развитіе народныхъ силъ?

«День», 31-го августа 1862 г.

Въ эти три мѣсяца произошло такъ много знаменательнаго въ нашей общественной жизни,—такая перестановка позицій и перемѣна диверсій,—что мы, возобновляя наши бесѣды съ читателями, не въ правѣ, да нисколько и не желаемъ—обходить молчаніемъ то, что было пережито нашимъ обществомъ съ конца мая и по конецъ августа. Тѣмъ не менѣе, по нѣкоторымъ причинамъ, мы отлагаемъ наше подробное обозрѣніе до другаго раза,—а теперь приглашаемъ читателей и сами охотно переносимся взоромъ—отъ верхнихъ наносныхъ слоевъ нашей земли, отъ муравьиныхъ кучъ, кишащихъ на ея поверхности всею суетою муравьиной дѣятельности,—на самую землю, на материкъ земли съ величавою медленностью его могущественнаго роста. Какъ въ первомъ № нашей газеты, такъ и теперь, съ новою силою убѣжденія, повторяемъ: для насъ въ современной дѣйствительности, дѣйствительно, прежде всего, одно: подъемъ народнаго духа, проснувшійся, ожившій, повеселѣвшій народъ! Этотъ подъемъ такъ ощутителенъ и виденъ, что миритъ насъ съ настоящимъ—вѣрою въ будущность! Какъ созерцаніе природы успокоиваетъ мятежъ личныхъ страстей человѣка и настраиваетъ его духъ въ согласный ладъ съ общимъ хоромъ природы, — такъ и созерцаніе величаваго образа Русскаго простаго народа, его внутренней прочной работы и непрестаннаго тайнодѣйствія его могущественныхъ подземныхъ историческихъ силъ,—такое созерцаніе смиряетъ бунтъ личнаго эгоизма, поднимаетъ духъ, расширяетъ сердце, вводитъ его въ общеніе жизни съ милліонами жизней и съ жизнью всего исполинскаго народнаго организма. Ступайте въ глубь Россіи, прогуляйтесь по столбовымъ и проселочнымъ дорогамъ, по большимъ и малымъ рѣкамъ и рѣчкамъ, которымъ пѣсня поетъ славу до моря и до мельницъ, загляните въ села, слободы и деревни, при-

слушайтесь къ народнымъ бесѣдамъ и толкамъ, — и вамъ станетъ стыдно и совѣстно, вы покраснѣете за самого себя, вспомнивъ, съ какою важностью относились вы къ явленіямъ вашей столичной общественной жизни, величая ихъ громкимъ именемъ «событій», какое значеніе придавали вы всей этой суетѣ и тревогѣ, всему этому мишурному блеску и треску. Какъ поблѣднѣютъ пугавшіе васъ призраки, какъ смѣшны покажутся страхи и опасности, какими жалкими, наивными пигмеями явятся грозные дѣятели и реформаторы! Свѣжій воздухъ народной среды отрезвитъ ваше болѣзненное воображеніе, разсѣетъ оптическіе обманы, возвратитъ всему законные естественные размѣры, и если съ точки зрѣнія муравьиныхъ кучекъ, движеніе кучекъ можетъ представляться переворотомъ, революціей, погибелью,—то съ точки зрѣнія материка оно даже и незамѣтно! Точно то же и съ точки зрѣнія народной или земской въ отношеніи ко всѣмъ событіямъ, взволновавшимъ недавно—наше отчужденное отъ народа общество. Разумѣется, эта точка зрѣнія есть самая вѣрная и единая истинная для оцѣнки всѣхъ явленій нашей общественной жизни, и вся эта общественная наша буря послѣдняго времени есть не болѣе какъ буря въ стаканѣ воды—въ виду тишины и мира, объемлющаго Русскую землю... И пусть миръ и тишина народной силы взойдутъ въ душу тѣхъ, кому народъ передалъ силу власти и кому предстоитъ произнести окончательный судъ надъ безумными прегрѣшеніями противъ народнаго духа и воли!..

Такимъ образомъ, не возводя на степень крупныхъ событій всего того, что творится на поверхности нашего народнаго материка, мы тѣмъ выше цѣнимъ всякое проявленіе жизни самого народа. Въ эти два года народъ выросъ и продолжаетъ расти, какъ богатырь въ сказкѣ, не по днямъ, а по часамъ, не съ болѣзненною торопливостью, а со всею прочностью богатырскаго здоровья. Его движеніе совершается во-очію; въ воздухѣ слышится и явственно раздается его неспѣшная, важная, историческая поступь. Поэтому ни «собачья старость» нашего передоваго общества (мы полагаемъ, что читателямъ извѣстно это народное выраженіе, означающее преждевременную дряхлость), ни тѣ симптомы зрѣлости, которыми мы иногда величаемся, принимая бездушный эклек-

тизмъ за мудрость и неспособность вѣрить за трезвую безстрастность,—все это нисколько не смущаетъ насъ, въ виду самобытнаго поступательнаго движенія Русскаго народа, совершающагося въ направленіи обратномъ къ движенію нашего такъ-называемаго образованнаго общества, независимо отъ *нашего* прогресса и подъ вліяніемъ инаго просвѣтительнаго начала. Наша молодая Россія не та, которая сидитъ на скамьяхъ университетовъ и казенно-учебныхъ заведеній, а та, которая въ деревняхъ и селахъ, послушная историческому инстинкту, жадно учится грамотѣ со всею свѣжестью молодыхъ пробужденныхъ силъ.

Изъ этого выходитъ, что такъ какъ наши надежды и упованія сосредоточиваются *на народѣ*, то и дѣятельность наша должна быть преимущественно направлена къ облегченію народу всѣхъ матеріальныхъ затрудненій на пути его развитія. Вглядимся пристальнѣе въ движеніе народное, прислушаемся внимательнѣе къ его требованіямъ, и зададимся вопросомъ: что́ нужно народу въ настоящую минуту? Если мы захотимъ *добросовѣстно* отвѣтить на этотъ вопросъ, то мы поневолѣ отрѣшимся отъ многихъ благодѣтельныхъ утопій, созданныхъ нашею собственною, уединенною отъ народа, личностью. Мы убѣдимся вновь, осязательно, въ истинѣ. давно не новой, что матеріальное благосостояніе народа есть необходимое условіе его духовнаго преуспѣянія (какъ цѣлаго общества): что простое упраздненіе обременительныхъ формальностей, съ которыми связано полученіе паспортовъ, скорѣе и дѣйствительнѣе отзовется въ народномъ быту, чѣмъ цѣлые проекты о преобразованіи выборовъ и организаціи земства; что улучшеніе путей сообщеній едвали не желаннѣе для народа учрежденія кассаціонныхъ судовъ и оффиціальныхъ обвинителей; что всякая верста желѣзной дороги просвѣтительнѣе тысячи казенныхъ училищъ и благодѣтельнѣе цѣлаго свода самыхъ, повидимому, стройныхъ органическихъ законовъ, хотя бы и подкрѣпленныхъ ссылками на цѣлую дюжину Европейскихъ авторитетовъ. Да мы желали бы, чтобы все, непосредственно содѣйствующее нашему матеріальному благосостоянію, было главнымъ, если не исключительнымъ предметомъ законодательныхъ заботъ и стремленій, съ одновременнымъ предоставленіемъ полнаго простора

дѣятельности мысли и слова. Мы не должны забывать, что пока не возстановится духовная цѣльность всего нашего общественнаго организма, пока то, что живетъ въ простомъ народѣ на степени началъ и смутныхъ потребностей, не найдетъ себѣ полнаго и сознательнаго выраженія въ обществѣ,—до тѣхъ поръ никакая личная изобрѣтательность, никакое мастерство въ сочетаніи и выводѣ отвлеченныхъ понятій, не восполнитъ ощущаемаго нынѣ недостатка своего самороднаго матеріала, котораго жизнь еще не успѣла выработать и безъ котораго невозможно никакое органическое законодательство!..

Поэтому читатели наши и не удивятся, когда мы скажемъ, что самымъ утѣшительнымъ и важнымъ явленіемъ въ эти послѣдніе три мѣсяца, было—открытіе трехъ новыхъ желѣзныхъ путей: отъ Москвы до Нижняго-Новгорода, до Коломны и до Троицкаго посада. Если гдѣ-либо нужны желѣзныя дороги, такъ это именно у насъ: намъ необходимо, прежде всего, одолѣть наше пространство, восколько оно враждуетъ съ правильнымъ, равномѣрнымъ и быстрымъ кровообращеніемъ народнаго и государственнаго организма. Русскій народъ, почему-то прослывшій врагомъ всякихъ матеріальныхъ улучшеній и нововведеній, созданныхъ Западнымъ просвѣщеніемъ,—вполнѣ призналъ и оцѣнилъ благодѣяніе ускоренныхъ сообщеній. Стóитъ только прокатиться въ III классѣ той или другой желѣзной дороги или потолкаться на палубѣ рѣчнаго парохода, чтобы видѣть, какъ дружественно и любовно относится Русскій крестьянинъ къ этимъ удобствамъ пути и къ этимъ чудамъ механики. Извѣстно, что главный барышъ пассажирскихъ поѣздовъ и пароходовъ на всѣхъ желѣзныхъ дорогахъ и рѣкахъ зависитъ отъ дешеваго переѣзда пассажировъ III класса, слѣдовательно простаго народа; мы слышали также, что въ этомъ отношеніи размѣръ пассажирскаго сообщенія превзошелъ самыя смѣлыя вычисленія учредителей. Дѣйствительно, никакому статистику не исчислить, какая огромная масса людей выходитъ изъ Москвы и входитъ въ нее ежедневно, пѣшкомъ и на возахъ, по всѣмъ трактамъ и направленіямъ;—а что это движеніе совершается въ громадныхъ размѣрахъ—въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, да это наконецъ и доказывается успѣхомъ недавно открытыхъ

чугунокъ. Желательно только, чтобъ господа учредители частныхъ компаній, которыхъ предпріимчивости желѣзныя дороги и пароходы обязаны своимъ существованіемъ, устроили, по примѣру Николаевской желѣзной дороги, дешевые, хотя и не столь скорые поѣзды, и вообще обратили бы вниманіе на удобства пассажировъ III класса, съ которыми иногда обращаются слишкомъ нецеремонно и запросто.

Четыре чугунныхъ пути, направляющіеся къ сѣверу, къ востоку и къ юго-востоку, снова упрочиваютъ за Москвою ея значеніе народнаго центра. Какъ бы ни желали теоретики обойти требованіе жизни и исторіи,—и жизнь и исторія берутъ свое, скрѣпляя чугуномъ и сталью связь областей съ ихъ торговымъ, промышленнымъ и историческимъ средоточіемъ. Но такого рода сближеніе не только не убиваетъ областной жизни въ пользу центра, но, напротивъ, разноситъ изъ центра жизнь по всей областной окружности, возвышая самостоятельное значеніе каждой, даже отдаленной мѣстности. Поэтому болѣе чѣмъ смѣшнымъ кажется намъ опасеніе нѣкоторыхъ, болѣющихъ страхомъ централизаціи и всюду видящихъ ея призракъ,—опасеніе, чтобы Московскій узелъ желѣзныхъ путей не развилъ еще сильнѣе начала административной централизаціи! Напротивъ, не приливъ къ центру, а равномѣрное распредѣленіе силъ и богатствъ, и правильное отвлеченіе крови отъ центра къ окружности,—повсюдное, свободное развитіе стихіи Русскаго народнаго духа,—вотъ что̀ необходимо, что̀ желанно̀ и что̀ будетъ неминуемымъ послѣдствіемъ желѣзныхъ дорогъ.

Заключимъ же желаніемъ, чтобъ было безотлагательно приступлено къ построенію двухъ новыхъ желѣзныхъ путей—на Югъ, черезъ Харьковъ, къ Черному морю, и на Кіевъ съ вѣтвью, проходящею чрезъ Бѣлоруссію. Польза, выгода, необходимость этихъ дорогъ *во всѣхъ* отношеніяхъ такъ очевидны, что едвали благоразумно выжидать, пока частная предпріимчивость, весьма ослабѣвшая въ послѣднее время, примется за это дѣло. Съ нимъ связаны слишкомъ крупные народные интересы, передъ которыми долженъ умолкнуть всякій ропотъ, естественно вызываемый временными тягостями и обязательными пожертвованіями... Теперь въ ходу разные проекты, составленные въ Польшѣ, о дорогѣ изъ

13

Варшавы въ Пинскъ и даже до Кіева. Нужно ли объяснять, какихъ послѣдствій можемъ мы ожидать для Западнаго Русскаго края, если—будучи прикрѣпленъ желѣзными узами къ Варшавѣ — онъ не будетъ связанъ въ то же время такою же желѣзною связью съ остальною Русью, и именно — съ Москвою? Обращаемъ на это особенное вниманіе нашихъ Южно и Западно-*Русскихъ* капиталистовъ...

О необходимости перевоспитанія нашего общества въ духѣ русской народности.

«День», 5-го января 1863 г.

Новымъ годомъ смѣнился старый,—63-мъ—62-й... Безъ сожалѣнія, безъ грустныхъ проводовъ простились мы съ старымъ; безъ особенно-свѣтлыхъ надеждъ и радостныхъ ликованій встрѣтили мы новый 63-й годъ. Не потому, чтобъ поколебалась въ насъ вѣра въ будущность Русской земли; не потому, чтобъ этотъ переходъ чрезъ знаменательную въ жизни людей, очередную грань времени—утратилъ для насъ свое торжественное значеніе —а потому, что характеръ переживаемаго нами времени обозначился яснѣе и опредѣлительнѣе, и поняли мы, что нельзя же въ самомъ дѣлѣ ожидать исцѣленія историческихъ вѣковыхъ недуговъ въ 12 мѣсяцевъ, и что народы и общества не поправляются въ своемъ здоровьѣ отъ Января къ Декабрю!..

Но все же добромъ мы должны помянуть даръ минувшаго года, — даръ тяжелый и не многимъ подъ силу, суровый и благодѣтельно-жесткій,—даръ *отрезвленія*... Мы разумѣемъ здѣсь отрезвленіе нашихъ общественныхъ мечтаній, вѣрованій, требованій, самонадѣянности и самообольщенія. Какъ рѣка, послѣ роскошнаго половодья, всходитъ въ межень, обнажаетъ луга и поля и являетъ всю скромность своего первоначальнаго ложа; какъ бѣлый день, разсѣивая ночные туманы, возвращаетъ всему въ природѣ ежедневные, будничные размѣры,—такъ и опытъ истекшаго года, разогнавъ рой незаконныхъ надеждъ и фантастическихъ призраковъ,—возстановляетъ въ насъ трезвое отношеніе къ жизни, раскрываетъ намъ правду нашихъ недуговъ и средствъ цѣленія,

истинную мѣру нашихъ силъ и возможныхъ для насъ дѣяній. Безжалостно совлекаетъ онъ съ предлежащаго намъ подвига его мишурную и гремучую одежду, и предлагаетъ намъ историческое дѣло, безъ блеска и треска, со всей его блѣдной невзрачностью, медленностью, тугимъ ростомъ и безконечною отдаленностью желаннаго конца,—мучительною для нашего личнаго нетерпѣнія! Потребно немалое мужество для всякаго отдѣльнаго дѣятеля, чтобы покориться скупой судьбѣ и ограничиться насущной скромной потребностью, *злобой, довлѣющей дневи*; чтобъ отказаться мечтать о черной бурѣ и солнечномъ блескѣ, о борьбѣ, потѣшающей молодыя силы, и не менѣе животворномъ мирѣ, о красивыхъ пораженіяхъ и побѣдныхъ торжествахъ,—и довольствоваться скучнымъ путемъ исторической постепенности, историческимъ сѣренькимъ днемъ съ его полубѣлымъ матовымъ свѣтомъ, трудомъ невиднымъ, чернорабочимъ и невеселымъ, не борьбой и не миромъ, чѣмъ-то среднимъ между пораженіемъ и побѣдой.

Въ самомъ дѣлѣ, если оглянуться на время, прожитое Россіей послѣ окончанія Крымской войны,—и сравнить его хоть съ Январемъ 1863 года, насъ, вѣроятно, странно и непріятно поразитъ теперь—какъ будто нѣкоторое оскудѣніе жизни, которая, повидимому, кипѣла и била всѣми ключами въ теченіи этихъ послѣднихъ шести лѣтъ. И въ самомъ дѣлѣ, эти шесть лѣтъ непрерывнаго праздничнаго ликованія (оправдываемаго отчасти крестьянскимъ переворотомъ), и не менѣе непрерывнаго самовосхваленія, до того упоили насъ и отуманили наши головы, что наступившіе за праздникомъ будни кажутся намъ оскудѣніемъ жизни, и что—тяжелые отъ похмѣлья—мы еще не можемъ уразумѣть всю естественность, всю историческую законность нашей черствой Русской дѣйствительности.—Сначала мы праздновали наше пробужденіе, любовались собою въ зеркало, присутствовали, такъ сказать, сами при нашемъ возстаніи отъ сна, кричали, толковали, да еще продолжаемъ и теперь кричать и толковать о немъ, не замѣчая и не слыша соннаго храпа какой-нибудь провинціальной глуши. Съ изумительнымъ безстыдствомъ, выдаваемымъ нами за героизмъ безпристрастія и обличавшимъ наше внутреннее легкомысліе, пустились мы щеголять обличеніемъ общественныхъ ранъ и язвинъ, неумолимо высматривая ихъ

съ помощью микроскопа, и нисколько не постигая нашей настоящей коренной болѣзни. Мы дали у себя просторъ такой гласности, которой подобную едвали знавала и Англія,— не щадили лицъ, проповѣдуя уваженіе къ человѣческой личности,—и уже поздно догадались, что громадное наше тѣло не проймешь никакою гласностью, что скоро притупится объ него остріе нашей вѣтреной, несерьезной, трескучей, хвастливой гласности! Куря самимъ себѣ ѳиміамъ, неутомимо раздавая своимъ силамъ лестные эпитеты «молодыхъ», «свѣжихъ», «непочатыхъ»,—мы возмечтали, что съ этими силами можемъ разомъ вспрыгнуть на высшую степень Европейскаго благоустройства и цивилизаціи, и наводнили литературу проектами всяческихъ реформъ и переворотовъ. Мы вообразили, что внѣшними и спѣшными преобразованіями можемъ поправить въ два-три года ошибки полутораста лѣтъ, и излѣчить недугъ, обхватившій весь организмъ нашего общества и проникшій въ самую сокровенную область мысли и духа. Мы забыли, что не отрекшись отъ сатаны, отъ творца лжи и дѣлъ его, нельзя принять благодати истины, — и услужливо прославили сами себя юными неофитами, озаренными вѣрою въ прогрессъ и цивилизацію. Мы и вправду повѣрили, въ литературѣ, нашему прогрессу и силѣ нашего общественнаго мнѣнія, и до того перемѣшали роли, что администрацію сажали на мѣсто общества, а на мѣсто общества администрацію,—и должны были наконецъ примѣнить къ нашей перестановкѣ — басню о концертѣ Крылова... Мы не уставали красоваться, рисоваться, душиться самымъ дешевымъ пахучимъ либерализмомъ, и подчивали другъ друга, сверху и снизу, влѣво и вправо, такими либеральными фразами, что скоро общество наше, въ своемъ выраженіи — литературѣ, представило въ отношеніи къ либераламъ—нѣчто въ родѣ стариннаго Французскаго танца, менуэта, состоящаго изъ поклоновъ, расшаркиванья и присѣданья: кавалеръ выступитъ впередъ, сниметъ вѣжливо шляпу, расшаркается, поклонится низко, любезно, льстиво,—и слиберальничаетъ: литература, въ отвѣтъ ему, либеральничаетъ и присѣдаетъ, — затѣмъ опять поклоны и книксены, и взаимное восхищеніе. Мы наконецъ до того изболтались, до того перетормошили всѣ названія и понятія, до того суесловили, что казнимся теперь

за наше нечестное обращеніе съ словомъ. Слово опошлено нами до невѣроятности; высшее духовное орудіе—притуплено до такой степени, что перестало дѣйствовать. Содержаніе многихъ великихъ историческихъ словъ, какъ напримѣръ, земщины, земства, народности, міра, вѣча, общины, и пр., до такой степени вывѣтрено, или искажено наглымъ и безсмысленнымъ злоупотребленіемъ, что честному и серьезному писателю становится совѣстно этихъ выраженій, подхваченныхъ нашею лихою литературой... Рѣчь поневолѣ становится робка, пугаясь публичной похвалы больше чѣмъ порицанія, и страшась крикливаго, всеопошляющаго сочувствія нашего литературнаго торжища.

Наконецъ, взбитая пѣна улеглась, топотъ, свистъ и весь этотъ либеральный галопъ нашихъ общественныхъ и необщественныхъ силъ унялись или унимаются понемногу, угаръ проходитъ—и просвѣтленнымъ взорамъ открывается некрасивое зрѣлище настоящей дѣйствительности. Мы истощены преждевременными родами. Большая часть нашихъ дѣтищъ явилась на свѣтъ мертворожденными. Мы лгали годъ, лгали два, и сначала—подобно тому, какъ по увѣренію докторовъ, плаканье и кричанье полезны ребенку, замѣняя ему *моціонъ*,—можно еще было и нашу хвастливую крикливость извинить такою же необходимостью *моціона!* Но мы продолжали лгать и наконецъ изолгались до того, что уже не вѣримъ ни сами себѣ, ни другъ другу, ни выводамъ мысли, ни откровеніямъ чувства, ни мечтанію, ни факту, и даже самую дѣйствительность готовы принять за призракъ. Взгляните вокругъ: что̀ поразитъ ваши взоры? Какое-то чувство общественнаго безсилія, какое-то безвѣріе въ свои собственныя силы, все болѣе и болѣе овладѣвающее нашимъ обществомъ. Мы еще продолжаемъ трудиться и проектировать реформы, но—какъ говорится въ одномъ напечатанномъ стихотвореніи:

И мы, трудясь, трудамъ своимъ не вѣримъ,
И втайнѣ мы не вѣримъ ничему!

Какъ бывало, во время оно, мы гордились нашею внѣшнею силою, пока Восточная война не сокрушила нашего обольщенія,—такъ и въ послѣднее время мы дерзко хвастались нашими общественными силами и возлагали наши на-

дежды на «общество», «общественное мнѣніе», «общественный разумъ» и проч... Но и этому сладкому обману подобало разлетѣться въ прахъ! Кажется, мы начинаемъ догадываться, что, собственно говоря, нѣтъ у насъ ни общества, ни общественнаго мнѣнія, что то, что̀ пожаловали мы въ чинъ общества, въ сущности вовсе не есть просвѣщенное выраженіе Русской земли и народа, и что за общественное мнѣніе принимали мы до сихъ поръ—или толки Россійскихъ *Англійскихъ* клубовъ или назойливую болтовню нашихъ журнальныхъ Ноздревыхъ и Хлестаковыхъ. Наше маленькое общество, отъ безпрерывнаго кажденія газетъ и журналовъ, раздувалось, какъ лягушка въ баснѣ, и хотѣло раздуться до значенія и силы Европейскихъ обществъ,—но спасительное разочарованіе пришло къ намъ на помощь, пузырь лопнулъ, событія отдернули занавѣсъ, и на сценѣ оказались тѣ же и то же—только безъ общества и его воображаемой силы...

Мы пояснимъ далѣе это сравненіе, а теперь замѣтимъ, что едвали кто лучше, или, по крайней мѣрѣ, сильнѣе и живѣе редакторовъ ощущаетъ и чувствуетъ современное положеніе нашего общества. Относясь къ публикѣ извнѣ, или, какъ любили говорить у насъ прежде, объективно, находясь въ постоянныхъ сношеніяхъ съ самыми отдаленными мѣстностями Россіи, получая изо всѣхъ концовъ отзывы и заявленія,—редакторъ по необходимости слышитъ тонъ и строй современной общественной жизни... И сравнивая теперь декабрь 61 и январь 62 года съ истекшимъ декабремъ и наступившимъ январемъ 63-го, мы должны сознаться, что прежнее напряженіе общественныхъ нервовъ ослабло до невѣроятности, что прежняя лихорадочная дѣятельность или—вѣрнѣе сказать—псевдодѣятельность смѣнилась, повидимому, совершеннымъ бездѣйствіемъ и апатіей; что такъ-называемая общественная жизнь является безжизненною и непроизводительною. Либерализмъ (говорится про общество) не выдержалъ пробы, называлъ себя сначала un liberalisme octroyé et bien organisé, а потомъ откровеннѣе un despotisme éclairé,—но на дѣлѣ выходитъ, что истинная свобода общественной жизни, дѣятельности и выраженія ея въ литературѣ—еще далека отъ насъ... Вспомнимъ, что̀ занимало и волновало общество въ концѣ 61-го и въ началѣ 62 года, съ какимъ дѣтскимъ

увлеченіемъ выдвигало оно вопросъ за вопросомъ, какая важность придавалась обсужденію извѣстныхъ пяти пунктовъ, предложенныхъ министерствомъ!. И въ то же время вы чувствуете, что вопросъ о дворянствѣ, поднятый нами въ прошломъ январѣ, въ настоящую минуту даже и поставленъ быть не можетъ, или это было бы совершенно излишне, — что онъ уже рѣшенъ окончательно исторіей; что несмотря ни на какія увѣренія, въ дворянствѣ нѣтъ и признака той жизни, которая еще проявлялась въ немъ въ прошломъ году... Даже судебная реформа не вывела дворянство изъ той летаргіи, въ которую оно теперь погрузилось, и не вызвала тѣхъ фразистыхъ восторговъ, которыми мы сами себя тѣшили, и натѣшились до пресыщенія — при всякой удобной либеральной оказіи. Если мы при этомъ примемъ въ соображеніе состояніе дворянскихъ финансовъ, отсутствіе капиталовъ и кредита, недостатокъ денегъ, плохое положеніе промышленности и торговли,—наконецъ мертвенность нашихъ университетовъ, пустоту нашей журналистики, страшный упадокъ торговли книжной, рѣдкое появленіе научныхъ трудовъ; если мы вспомнимъ, какъ быстро намъ надоѣдаетъ всякое серьезное дѣло, и что даже крестьянскій вопросъ начинаетъ насъ утомлять, уже наскучаетъ намъ,—то мы придемъ къ заключенію, что все наше прежнее оживленіе было не дѣйствительное, жаръ—искусственно разогрѣтый, блескъ жизни—поддѣльный, мишурный, силы—гальванизированныя, и что настоящее наше состояніе можетъ характеризоваться словами: *общественное безсиліе, нравственное и матеріальное.* Разумѣется, такому современному состоянію можно пріискать различныя внѣшнія, постороннія причины, но самый успѣхъ этихъ причинъ свидѣтельствуетъ о недостаткѣ нравственной устойчивости въ обществѣ, о нашей внутренней несостоятельности и безсиліи.

Что же? Печалиться или радоваться такому явленію? Жалѣть ли о недавнемъ прошломъ или осудить его, оцѣнивъ его по достоинству? Безспорно, теперешнее состояніе не только тяжело, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже опасно, ибо общественное безсиліе можетъ дать слишкомъ много простора дѣятельности другихъ органовъ, и сообщить всему организму неправильное кровообращеніе,—но тѣмъ не менѣе

такое состоянiе есть неизбѣжное слѣдствiе всего нашего историческаго развитiя,—и мы должны радоваться, что оно наконецъ обличилось и стало предметомъ нашего сознанiя: въ этомъ одномъ уже заключается залогъ нашего будущаго обновленiя. Жалѣть о недавнемъ прошломъ намъ рѣшительно незачѣмъ, и повторяемъ: мы должны съ признательностью принять даръ *отрезвленiя*, принесенный намъ 62-мъ годомъ,—и дѣйствительно отрезвившись, должны взглянуть смѣло въ лицо нашему недугу и, вмѣстѣ съ возможностью, сознать въ то же время и трудность, скуку, продолжительность нашего исцѣленiя, требующаго не столько радикальныхъ героическихъ лѣкарствъ, сколько медленнаго кровоочищенiя и выдержки.

Если читататели замѣтили наши статьи объ обществѣ, помѣщенныя въ весеннемъ «Днѣ» прошлаго года—то они, безъ сомнѣнiя, помнятъ, что̀ собственно мы разумѣемъ подъ обществомъ, и какое значенiе придаемъ мы обществу въ общемъ народномъ организмѣ. Мы указали въ 22, 23, 24 и 27 №№ *) на три силы народнаго организма: на простой народъ, государство и общество, и объяснили постепенность или последовательность ихъ появленiя въ исторiи; мы опредѣлили общество какъ такую среду, въ которой совершается сознательная умственная дѣятельность извѣстнаго народа, которая создается всѣми духовными силами народными, разрабатывающими народное самосознанiе; другими словами: общество какъ народъ на второй ступени своего развитiя, народъ самосознающiй. Мы сказали, и повторяемъ здѣсь, что общество не есть ни простой народъ, ни государство, ни сословiе, ни цехъ, ни корпорацiя, ни государственный политическiй органъ. Оно даже не собранiе, а совокупная дѣятельность живыхъ силъ, выдѣляемыхъ изъ себя народомъ; въ немъ не можетъ быть ни опредѣленнаго числа лицъ, ни патентовъ, ни другихъ примѣтъ на принадлежность къ обществу, оно образуется изъ людей всѣхъ сословiй и состоянiй—аристократовъ самыхъ кровныхъ и крестьянъ самой простой породы, соединенныхъ общимъ уровнемъ образованiя. Мы утверждали, что сила общества есть сила *не политическая*, а чисто нравственная, но что притомъ «общество имѣетъ, однакоже,

---

*) См. «Славянофильство и Западничество». Т. 2-й, стр. 26—59.

такое значеніе въ организмѣ народа, что безъ него безсиленъ народъ и несостоятельно государство (№ 24).»

Мы надѣемся когда-нибудь возобновить послѣдовательное развитіе нашихъ мыслей объ обществѣ, а теперь просимъ только нашихъ читателей сообразить, соотвѣтствуетъ ли наше современное Русское общество данному нами выше опредѣленію. Не говоря уже о его числительной малости въ отношеніи къ массѣ простаго народа, спрашиваемъ: можетъ ли оно быть названо у насъ дѣйствительнымъ выраженіемъ *народнаго* самосознанія, дѣятельностью живыхъ силъ, выдѣляемыхъ изъ себя народомъ, *народною* интеллигенціею въ высшемъ значеніи этого слова? Притязаній на эту связь съ народомъ, кажется, наше общество теперь даже и не имѣетъ. Нѣтъ надобности повторять, что послѣ Петровскаго переворота, послѣ разрыва верхнихъ классовъ съ народомъ, образовавшееся и отчасти заведенное у насъ общество (потому что, какъ уже было нами сказано, мы не признаемъ даже его существованія въ до-Петровской Руси, отдѣляя значеніе общества отъ значенія земства) стало не въ положительное, а въ отрицательное отношеніе къ Русской народности, и что только теперь, почувствовавъ нашу отчужденность, наше духовное сиротство, нашу безпочвенность и безкоренность, сдѣлали мы народность предметомъ нашего изученія и изслѣдованія.— Слѣдовательно, *не-народность* есть уже первое и, конечно, главное условіе нашего общественнаго нравственнаго безсилія.

Далѣе. До сихъ поръ наше общество носило на себѣ характеръ преимущественно дворянскій; даже самая литература наша можетъ быть названа вообще дворянскою или чиновною: это и понятно. Дворянство было самымъ обезпеченнымъ классомъ въ государствѣ и всегда отдѣлялось отъ массы простаго народа уже по самому своему служилому положенію. Освобожденное Петромъ отъ органической связи съ непосредственнымъ народнымъ бытомъ, выученное, по его волѣ, всякимъ наукамъ и художествамъ, оно, конечно, представляло собою силу интеллигентную,— но не народную, и въ строгомъ смыслѣ слова не составляло и общества. Общество ни въ какомъ случаѣ не есть учрежденіе политическое и по принципу свободно отъ всякаго государственнаго и правительственнаго характера; дворянство же есть учрежденіе *госу-*

дарственное, политическое; оно было служилымъ сословіемъ до Петра и сохраняло въ большей или меньшей степени свое служилое, государственное значеніе до самаго 19 февраля 1861 года. Очевидно, что государственный или правительственный характеръ главной массы того, что̀ называется у насъ обществомъ, не могъ способствовать развитію настоящаго значенія, настоящихъ нравственныхъ силъ Русскаго общества.

Въ самомъ дѣлѣ, мы должны признаться, что факторами или дѣйствующими силами въ нашемъ обще-народномъ организмѣ являются покуда только простой народъ и государство. Наше такъ-называемое «общество» не есть еще сила, и принадлежитъ скорѣе къ сторонѣ правительственной, даже составляетъ его часть въ лицѣ служилаго дворянскаго сословія. Отъ этого-то и происходитъ не совсѣмъ правильное развитіе государственной инищіативы и иногда даже распространеніе ея за предѣлы возможной для государства дѣятельности. Просвѣщеніе, литература, воспитаніе, дѣятельность духовная и религіозная, самая жизнь общественная и чуть-чуть не домашній бытъ регламентируются, устрояются, организируются у насъ правительствомъ, которое нигдѣ въ мірѣ не оказываетъ такой неусыпной дѣятельности, какъ у насъ въ Россіи. Ему, при бездѣйствіи нашего общества, или, лучше сказать, при той пустотѣ, которую образуетъ собою отсутствіе общества и которую простой народъ, съ непосредственностью своего быта, никогда наполнить не можетъ,—приходится по необходимости дѣйствовать тамъ, гдѣ можетъ быть дѣйствительною только дѣятельность общественная, гдѣ у государства не можетъ достать никакихъ средствъ, и гдѣ оно только истощается въ благородныхъ, но безплодныхъ усиліяхъ. За эту дѣятельность мы должны, конечно, воздать должную справедливость нашему правительству въ теченіи послѣднихъ 150 лѣтъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, такое ненормальное положеніе дѣлъ должны приписать именно отсутствію правильно-развивавшагося общества въ Россіи, или, иначе, бездѣйствію и безсилію существующаго у насъ нашего не-народнаго, полуправительственнаго общества.

Мы переживаемъ теперь одинъ изъ самыхъ трудныхъ и болѣзненныхъ кризисовъ нашего организма. Съ одной сто-

роны не полуторастолѣтній, но тысячелѣтній государственный нарядъ уступаетъ мѣсто новому: укажемъ на дворянство: оно исчезаетъ въ сословіи *землевладѣльцевъ.* Дворянство перестаетъ быть исключительно служилымъ, правительственнымъ, государственнымъ, — и переходитъ въ земство, призвано внести въ него стихію сознанія и просвѣщенія, силу интеллигенціи. Разумѣется, оно составитъ вмѣстѣ съ тѣмъ и главный элементъ нашего будущаго настоящаго *Русскаго* народнаго общества, но не въ силу своего происхожденія, а въ силу своей большей образованности и только въ лицѣ дѣйствительно образованныхъ —Съ другой стороны безсиліе, поразившее наше общество въ послѣднее время, въ сравненіи съ его недавнею мнимою жизненностью и дѣятельностью,— есть явленіе въ высшей степени вразумительное, свидѣтельствующее о спасительномъ внутреннемъ истощеніи искусственно вложенныхъ въ него силъ и о необходимости, для современнаго общественнаго матеріала—стать дѣйствительно обществомъ, то есть—выраженіемъ *народнаго* самосознанія, живою *народною*, сознательною, просвѣщенною силою. Развитіе и усиленіе общества—вотъ что должно стать предметомъ нашихъ заботъ и помышленій, и что преимущественно составляетъ программу «Дня» наступающаго года.

Не *переворотъ*, совершается у насъ въ Россіи, а *перерожденіе* Не внѣшними перемѣнами, не внѣшней наружной перестановкой можетъ быть оно достигнуто, а внутреннею дѣятельностью духа; оно должно обхватить собою, какъ воздухъ, всѣ самые сокровенные углы и закоулки нашей духовной и нравственной области. Отъ того, слава Богу, такъ и притихла внѣшняя дѣятельность общества,—отъ того такъ внутренне-болѣзненно отдается въ насъ переживаемое нами время. Старое, т. е. недавнее старое, стало негоднымъ, несостоятельнымъ, непроизводительнымъ, новая жизнь еще не сложилась,—а для того чтобы она сложилась, чтобы возстановилась вновь цѣльность нашего организма, — необходимо ясное и положительное сознаніе нашихъ народныхъ органическихъ началъ, необходимо *перевоспитаніе* нашего общества въ духѣ Русской народности, который въ то же время есть духъ высшей истины и свободы. Слѣдовательно, есть для насъ теперь и дѣло, но не внѣшнее—всегда легкое, а

внутреннее и духовное—всегда трудное и строгое,—есть въ насъ и силы, какъ свидѣтельствуютъ о томъ — самое обличеніе лжи, сокрушеніе призраковъ, и тотъ спасительный позоръ опошленія, которымъ покрылись наши мишурныя общественныя доблести .. Не долго живетъ у насъ, самозванничая и ломаясь на ходуляхъ, фраза и ложь! Если мы еще и далеки отъ истины, то за то и торжество лжи и фразы у насъ кратковременно, хотябъ эта ложь и фраза еще только смѣнялись покуда—новою ложью и фразой. Но, кажется, мы уже дошли до предѣла, кажется, мы и изолгались и изболтались...

И такъ, вопреки пословицѣ, мы, начавъ за упокой, свели за здравіе, и поминая добромъ истекшій годъ, съ мужествомъ, но безъ самонадѣянности, примемся за суровый подвигъ новаго года!

Превратныя понятія нашего общества объ обязанностяхъ государственной власти.

«День», 12-го января 1863 года.

Мы считаемъ необходимымъ остановиться нѣсколько подольше на высказанной нами въ послѣднемъ № мысли: о *нашемъ современномъ общественномъ безсиліи*, развить ее подробнѣе и подтвердить, по возможности, примѣрами. Намъ кажется, что сущность и важность этого недуга не только сознаются у насъ недостаточно живо и ясно, — но, какъ можно заключать по нѣкоторымъ признакамъ, даже совершенно ошибочно и превратно. Эти признаки слѣдующіе: во 1-хъ, постоянное осужденіе и обвиненіе правительства *въ тѣхъ случаяхъ*, когда вся вина лежитъ единственно на самомъ обществѣ и оно одно должно нести за нее отвѣтственность; во 2-хъ, почти всеобщее у насъ убѣжденіе, что этой нашей бѣдѣ, этому нашему нравственному недугу могутъ помочь внѣшнія установленія и распоряженія правительства, и что, надѣвши общественный мундиръ, мы станемъ вдругъ и умны и образованы, и дѣятельны, и живы, и свѣдущи, и одушевлены искреннею любовью къ благу, и обзаведемся вдругъ глубокими убѣжденіями, сильными характерами, вообще богатымъ внутреннимъ содержаніемъ.

Обратимся къ первому признаку. Вслѣдствіе нашей соб-

ственной лѣни и апатіи, оправдываемой впрочемъ печальною историческою привычкою, мы взваливаемъ на правительство бо́льшую часть намъ принадлежащихъ заботъ и обязанностей, и потомъ сами же первые порицаемъ его, если усилія не достигаютъ цѣли.—забывая что неизбѣжно-присущій правительству элементъ принужденія и формальной правды не можетъ никогда замѣнить свободную и творческую, нравственную силу самого общества. Что̀ выражается въ этомъ постоянномъ порицаніи и въ этомъ постоянномъ взваливаніи на правительство—отвѣтственности за все про все, совершающееся въ нашей общественной жизни? Ни больше, ни меньше, какъ признаніе за правительствомъ правъ и обязанностей, на которыя въ то же время, въ отвлеченныхъ досужихъ толкахъ, мы сами предъявляемъ притязанія,—ни больше ни меньше, какъ наше собственное отреченіе отъ принадлежащихъ намъ правъ и обязанностей. Невольно припоминаются слова Гоголя въ Ревизорѣ: «Чему смѣетесь? Надъ собой смѣетесь!» Намъ можно было бы точно также сказать: «Кого браните? Себя браните!..»

Возьмемъ нѣсколько примѣровъ. Появится ли книга, газета, картина, оскорбляющая общественную нравственность, или идущая наперекоръ общепринятымъ воззрѣніямъ,—кто первый требуетъ запрещенія, усердно доноситъ и всячески призываетъ вмѣшательство внѣшней оффиціальной силы? Общество. Вмѣсто того, чтобъ благодарить правительство за то, что оно, не считая уже насъ малолѣтками, предоставляетъ намъ расправляться своими собственными силами и само воздерживается отъ употребленія своей власти, — мы тотчасъ же гнѣваемся и негодуемъ, зачѣмъ правительство не избавляетъ насъ отъ того, что̀ нарушаетъ нашъ мирный сонъ, нашу вялую нѣгу, что̀ будитъ и зоветъ насъ къ дѣятельности духа и мысли. Такое отношеніе къ власти, конечно, удобно и покойно и поблажаетъ нашей лѣни,—но вѣдь это удобство только видимое! Оно утверждаетъ принципъ правительственной иниціативы въ дѣлахъ общественныхъ, оно пріучаетъ нашъ общественный организмъ къ бездѣйствію, оно уничтожаетъ всякое развитіе общества,—а безъ общества, какъ мы сказали въ послѣдній разъ, «безсиленъ народъ и несостоятельно государство.»—Въ 52 № «Сына Отечества» (30 Дек. про-

шлаго года) прочли мы статью, вообще недурную, священника Лебедева: «О духовной журналистикѣ.» Въ этой статьѣ авторъ, между прочимъ, объясняетъ недостатокъ у насъ хорошихъ проповѣдниковъ тѣмъ, что *начальство не отличаетъ хорошихъ отъ плохихъ, и не поощряетъ даръ и подвигъ духовной проповѣди наградами!* Эти слова знаменательны и выражаютъ, кромѣ страннаго воззрѣнія на служеніе церкви, то же самое неправильное пониманіе отношеній общества къ государству. Опять такой же призывъ государственнаго вмѣшательства всюду! Опять отсутствіе личной предпріимчивости и начинанія, опять незаконное требованіе, чтобы все совершалось черезъ правительство, правительствомъ и для правительства! правительство награждай въ насъ любовь къ Богу и ближнему, развивай талантъ, вселяй въ насъ вѣру и добронравность, забавляй насъ, одѣвай, умывай, причесывай, думай, молись, сочиняй, вѣруй, надѣйся, люби, негодуй, даже наконецъ либеральничай за насъ, или поучи насъ либеральничать, если либерализмъ оказывается нужнымъ и полезнымъ винтомъ въ государственной машинѣ! Правительство все это твори и дѣлай, а мы будемъ, бездѣйствуя, бранить, судить и рядить: — и *зачѣмъ* оно все это дѣлаетъ, и зачѣмъ *не такъ* дѣлаетъ! Превратныя же понятія имѣемъ мы объ обязанностяхъ государственной власти, и въ странное положеніе ставимъ мы правительство подобными требованіями, отвлекая его отъ настоящаго государственнаго дѣла и возлагая на него, несправедливо и недостойно, отвѣтственность за наши собственныя вины! Намъ кажется, что иногда даютъ слишкомъ много цѣны подобнымъ общественнымъ требованіямъ, слишкомъ уступчивы, и напрасно не освобождаются отъ общественнаго вліянія такого недобраго качества. Намъ кажется, можно было бы отвѣчать обществу слѣдующее: «вы хотите, чтобъ правительство помогло вамъ остаться въ вѣчномъ младенчествѣ и невѣжествѣ и чтобъ, кромѣ великихъ, важныхъ государственныхъ обязанностей, на немъ лежащихъ, оно обращало бы въ государственное дѣло всякія ваши домашнія дѣлишки. Расправляйтесь сами, какъ знаете, стойте на собственныхъ ногахъ: ребенокъ никогда не выучится ходить, если нянька не перестанетъ держать его за руку. Одинокое, безъ помощи, оно ничего не въ состояніи совер-

нить:—ему необходимы помощники; но какая же отъ васъ помощь, если вы всю жизнь свою останетесь дѣтьми, лѣнтяями и невѣжами?! Дѣло правительства только предоставить вамъ просторъ и свободу для вашего роста и развитія»... Вотъ чтó, по нашему, слѣдовало бы и отвѣчать и сдѣлать, въ отвѣтъ на всѣ порицанія, протесты, оппозиціи и требованія!

Въ самомъ дѣлѣ, какія бы ни были тому историческія причины,—настоящее положеніе наше довольно безотрадно. Мы попали въ какой-то безъисходный кругъ,—un cercle vicieux, какъ говорятъ Французы. Куда ни оглянешься—вездѣ отсутствіе общественной силы,—вездѣ и всюду присутствіе громадной, могущественной силы государственной, исполняющей въ то же время должность силы общественной. Бездѣйствіе, или, говоря техническимъ языкомъ медицины, инерція общественнаго организма необходимо и неизбѣжно вызываетъ дѣятельность государства, которая, въ свою очередь, пріучаетъ общественный организмъ къ инерціи—вредной и для общества и для государства! Повторяемъ: *пустота*, образуемая отсутствіемъ общественной силы, не можетъ оставаться пустотою, и потому тотчасъ же наполняется дѣятельностью силы правительственной, которая однако, по самому существу своему, не въ состояніи замѣнить могущество органическихъ отправленій... Вотъ еще нѣсколько примѣровъ:

Въ Западно-Русскомъ краѣ происходитъ, какъ извѣстно, постоянная борьба двухъ народностей: Польской и Русской, двухъ началъ вѣры: католическаго и православнаго. Полонизмъ и католицизмъ опираются въ тѣхъ странахъ, какъ уже было справедливо замѣчено нашимъ сотрудникомъ, г. Елагинымъ, не на правительственную власть, не на мощь государственную,—а на нравственныя силы Польскаго общества, на его патріотизмъ и преданность религіи, на его убѣжденность и готовность—жертвовать состояніемъ и жизнью за успѣхъ своихъ помысловъ. Русскій народъ стоитъ тамъ—именно въ Литвѣ и Бѣлоруссіи — на низкой степени развитія, и одною пассивною силою не въ состояніи долѣе бороться съ дѣятельностью предпріимчиваго, образованнаго, богатаго, убѣжденнаго Польскаго общества. Спрашиваемъ: кто долженъ былъ бы, прежде всѣхъ, явиться на помощь этому

безсилію Русской народности и православія? Кто долженъ былъ *бы* противопоставить нравственнымъ силамъ — нравственныя силы, убѣжденіямъ — убѣжденія, проповѣди проповѣдь,—готовности самопожертвованія—еще пламеннѣйшую готовность? Кто, за отсутствіемъ туземнаго *Русскаго* общества въ Западномъ краѣ, или, вѣрнѣе сказать, въ виду совершившагося превращенія туземнаго Русскаго общества въ Польское,—кто долженъ былъ бы принесть бѣдному, ослабленному таковою измѣною, простому Русскому народу—необходимое содѣйствіе *роднаго*, просвѣщеннаго, могучаго духовными силами общества? Кто, какъ не *наше* Русское или Великорусское общество? Ему бы слѣдовало стать лицомъ къ лицу съ обществомъ Польскимъ и вступить съ нимъ въ *общественную* борьбу, свободную отъ вмѣшательства внѣшней, принудительной силы... но вмѣсто того, что оно дѣлаетъ? Оно знать не знаетъ и знать не хочетъ о томъ, что творится въ Западно-Русскомъ краѣ, и своимъ бездѣйствіемъ и безучастіемъ само вынуждаетъ правительство придавать дѣятельности общественной — характеръ государственный; оно предоставляетъ правительство своимъ собственнымъ правительственнымъ силамъ и средствамъ, — разумѣется недостаточнымъ. Благодаря нашему равнодушію и апатіи, правительство истощается въ усиліяхъ, большею часть невознаградимыхъ, и все-таки не достигаетъ результатовъ желанныхъ, да и достигнуть не можетъ, потому что дѣйствуетъ оффиціальною силою за нравственную силу общества. Такъ, противъ тысячи убѣжденныхъ и фанатизированныхъ Польскихъ пропагандистовъ, учителей народныхъ школъ, распространяющихъ Польское и католическое вліяніе, мы—общество Русское—должны были бы выставить и съ нашей стороны столько же или еще вдвое больше—миссіонеровъ-ревнителей Русской народности и народной вѣры... Но мы этого ничего, ничего не дѣлаемъ; а такъ какъ дѣлать въ томъ краю что-нибудь да необходимо, и такъ какъ правительство не можетъ же создавать миссіонеровъ по указу, а сами они ни откуда не являются,—то правительству по неволѣ приходится прибѣгать къ силѣ принудительной, и за отсутствіемъ Русскихъ убѣжденныхъ общественныхъ дѣятелей, объявлять извѣстныя убѣжденія обязательными для своихъ чиновниковъ.... Никто,

кажется, не станетъ спорить, что вѣра Русскаго народа, для Россіи, есть прежде всего и исключительно интересъ народный, общественный. Но по милости нашего, равнодушнаго ко всѣмъ возможнымъ интересамъ, общества, православіе въ томъ краю получаетъ значеніе интереса чисто государственнаго, оффиціальнаго, казеннаго, — оберегать который одинаково обязательно для католика, лютеранина или мусульманина, если они состоятъ въ томъ краю на службѣ. — Православные храмы въ Литвѣ и Бѣлоруссіи находятся въ такой бѣдности, въ такомъ видѣ, что подобное ихъ состояніе ложится позоромъ на сравнительно-богатую Великороссію. Но мы совершенно хладнокровно относимся къ этому позору, и предоставляемъ строить церкви въ Западно-Русскомъ краѣ... кому же? самому правительству!! Спрашивается, гдѣ въ мірѣ слыхано и видано, чтобы правительство строило церкви цѣлому народу? Не говоримъ уже о томъ, что для такого предпріятія не можетъ достать никакихъ средствъ у государственнаго казначейства, но самый способъ этой постройки, процедура этого дѣйствія, казенный характеръ благотворенія, элементъ оффиціальности, вносимый въ такое дѣло, которое должно быть дѣломъ любви и вѣры, а не «казеннаго интереса», — необходимость приставлять къ этому предпріятію чиновниковъ, давать имъ награды за усердіе къ вѣрѣ, — все это развѣ способно принести тѣ живые плоды, которые бы могла и должна была бы принесть общественная дѣятельность? — Точно также, и по возсоединеніи уніи съ православною церковью, государственная инниціатива, вызываемая постояннымъ бездѣйствіемъ общества, — вынуждена была учредить въ Западномъ краѣ «чиновниковъ для наблюденія за православіемъ» и поручить, сверхъ того, охраненіе интересовъ вѣры становымъ и исправникамъ!.. Мы согласны, что это великое неудобство, — но кто же въ томъ виноватъ? Не правительство же, которое, съ своей стороны, вѣроятно дѣлаетъ что можетъ, и болѣе чего сдѣлать не въ силахъ: оно можетъ поставить солдатъ и чиновниковъ, и только, — но никакъ не проповѣдниковъ, никакъ не людей искренно вѣрующихъ и убѣжденныхъ!

Толкуемъ мы много о школахъ и доказываемъ, что духовенству по преимуществу принадлежитъ *обязанность* учить и просвѣщать Русское простонародье: духовенство даже до-

бивается этого, какъ своего *права* и чуть-чуть не исключительной привилегіи. А кто же мѣшаетъ ему, безъ всякаго оффиціальнаго побужденія, заводить школы въ селахъ при церквахъ, и просвѣщать народъ поучительною проповѣдью? Разумѣется, никто. Многіе ли священники занимаются распространеніемъ грамотности и образованія сами собою? Очень немного найдется у насъ примѣровъ такой высокой личной духовной предпріимчивости. Напротивъ того: у насъ тотчасъ же поднялись споры и толки о матеріальныхъ условіяхъ, объ унизительности и неудобствахъ поступать въ учителя-причетники (какъ предлагалось проектомъ г. Бѣляева) и т. п. Отчего все это происходитъ? разумѣется, кромѣ нѣкоторыхъ внѣшнихъ причинъ, главнымъ образомъ—отъ недостатка внутреннихъ живыхъ побужденій, отъ отсутствія святаго, всепобѣждающаго двигателя въ душѣ, не справляющагося съ удобствами и неудобствами,—какъ не справлялись съ ними, напримѣръ, Англійскіе миссіонеры, проникшіе недавно съ христіанскою проповѣдью въ самую глубь Африки и на острова къ людоѣдамъ! И что же выходитъ? Выходитъ, что дождутся священники указа, инструкцій, таблицъ и тому подобныхъ оффиціальныхъ распоряженій: дѣло по указу станетъ клеиться не такъ, какъ бы слѣдовало, и мы же сами начнемъ негодовать на притязаніе казенныхъ регламентацій замѣнить силу жизни!..

Наше общественное безсиліе, вынуждая правительство къ постоянной, непрерывной дѣятельности въ сферѣ общественной, налагаетъ на него какую-то правительственную обязанность—отзываться на всякій призывъ, сдѣланный къ обществу, — потому что само общество молчитъ; приводить немедленно въ дѣло, своими готовыми силами, всякую полезную для общества мысль,—потому что само общество бездѣйствуетъ! Доходитъ до того, что бываетъ неудобно высказать во всеуслышаніе какое-нибудь предположеніе,—потому что дремота и апатія общества какъ разъ вызовутъ дѣятельность оффиціальныхъ вѣдомствъ, которая, при самой искренней благонамѣренности дѣятелей, можетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ—дать вашей мысли совершенно не желанный вами характеръ... Мы, напримѣръ, напечатали у себя лекціи г. Кояловича о церковныхъ братствахъ, и не безъ смущенія увидѣли, что

мысли его — уже такъ скоро приводятся въ исполненіе епархіальнымъ начальствомъ. Написать уставъ и послать указъ изъ консисторіи, конечно, ничего не значитъ и требуетъ времени немного, — но подобная поспѣшность и принудительность въ дѣлѣ, которое должно возникать органически и само собою — можетъ погубить на долго самую мысль о братствахъ — прекрасную и плодотворную. Мы будемъ очень рады, если узнаемъ, что братство въ Райгородѣ Кіевской губерніи не принадлежитъ къ числу искусственныхъ начальственныхъ насажденій — но подобный случай возможенъ.

Убѣдили ли мы, наконецъ, читателей? Ясно ли имъ наше общественное нравственное безсиліе?

Мы очень хорошо знаемъ, что такое странное положеніе дѣлъ можетъ быть объяснено ходомъ нашей исторіи и всѣми обстоятельствами нашего развитія. Изложеніе этихъ историческихъ причинъ было бы чрезвычайно интересно, и не одинъ разъ найдетъ себѣ мѣсто въ нашей газетѣ, но надобно признаться, что мы уже слишкомъ часто и безцеремонно сваливаемъ наши личные грѣхи на исторію, и прячемся, съ своею собственною апатіей, за историческое оправданіе. Конечно, не мы одни виноваты, но мы-то правы ли?...

И такъ, что же дѣлать, какъ быть, при этомъ постоянномъ смѣшеніи двухъ началъ, общественнаго и государственнаго, при этомъ развитіи — государственной инціативы, обусловливаемой бездѣйствіемъ общества, — и бездѣйствія общественнаго, обусловливаемаго постоянною, вездѣ и всюду дѣйствующею государственною инціативою? Положеніе, какъ мы сказали, крайне невыгодное для нашего народнаго преуспѣянія, для правильности отправленій всего нашего организма. — Эта невыгодность чувствуется и правительствомъ, учреждающимъ теперь для нашего лѣниваго и за наше лѣнивое общество — разныя либеральныя учрежденія, въ которыхъ бы послѣднее могло жить и двигаться. Но тутъ возникаетъ вопросъ: могутъ ли эти учрежденія сами по себѣ возвратить нашему обществу жизнь и дѣятельность, или же требуется и еще нѣчто, безъ чего эти учрежденія, несмотря на всѣ усилія правительства, несмотря на весь ихъ либерализмъ, не дадутъ самостоятельности, не освободятъ нашего общества отъ его — до сихъ поръ чисто правительственнаго —

характера? На этотъ вопросъ мы будемъ отвѣчать въ другой статьѣ, а теперь замѣтимъ только, что нужно было бы, прежде всего, и обществу и правительству убѣдиться въ справедливости принципа—обоюдной самостоятельности и свободы. Мы, общество, можемъ и должны винить себя сами,—но только предоставивъ обществу свободу жизни и развитія; только тогда въ правѣ государство обвинять общество въ недѣятельности и требовать отъ него полнаго и дружнаго, нравственнаго и вещественнаго содѣйствія—во всѣхъ своихъ начинаніяхъ на пользу и благо Русской земли...

О положеніи освобожденныхъ дворовыхъ.

«День», 16-го февраля 1863 г.

Всего три дня отдѣляютъ насъ отъ 19 Февраля, отъ того завѣтнаго срока, котораго съ радостью и страхомъ ожидаютъ слишкомъ семьсотъ тысячъ дворовыхъ людей, и съ которымъ весь бывшій крѣпостной, нынѣ временно-обязанный народъ соединялъ такъ долго разныя смутныя, неопредѣленныя надежды. Годовщина крестьянской свободы не только нашъ всенародный праздникъ, но и своего рода memento, только не mori, а vivere. т. е. напоминаніе не смерти, а жизни,—или лучше сказать—это для насъ завѣтъ новой будущности, постоянный призывъ къ серьезной, положительной дѣятельности. Дѣйствительно: урочное, періодическое напоминаніе о совершившемся историческомъ дѣлѣ, о такомъ дѣлѣ, котораго каждая строка врѣзывалась въ жизнь, облекалась въ плоть и кровь фактовъ, отзывалась радостью или горемъ, или какимъ бы то ни было ощущеніемъ въ десяткахъ милліоновъ человѣческихъ душъ, слѣдовательно причастна десяткамъ милліоновъ человѣческихъ жизней,—напоминаніе о такомъ дѣлѣ способно отрезвлять своею важностью легкомысленную заносчивость нашего общественнаго прогресса. Оно, какъ притягательная сила земли, осаживаетъ, собираетъ, сосредоточиваетъ, къ Землѣ, къ настоящей земской исторической почвѣ, разбросанныя духовныя силы нашего общества, невольно сдерживаетъ личные, одиночные порывы, и учитъ насъ,— без-

спорно самой трудной изъ мудростей,— историческому терпѣнію. Какъ блѣднѣютъ, при сравненіи съ великимъ жизненнымъ переворотомъ 19 Февраля, всѣ остальныя реформы, какъ малоцѣнны многочисленные проекты, изъ которыхъ бо̀льшая часть—только порожденіе отвлеченной теоріи или модной доктрины! И въ то же время, какъ—съ освобожденіемъ, Русскаго народа отъ вещественной крѣпостной зависимости — чувствуется необходимость... бо̀льшаго простора для Русской мысли и выраженія ея въ словѣ!...

Мы не помнимъ, чтобъ когда-либо народъ, по крайней мѣрѣ здѣсь, съ Москвѣ, былъ такъ веселъ и свѣтелъ, какъ на масляничной недѣлѣ нынѣшняго года. Безъ всякаго сомнѣнія, дешевое вино много способствовало такому отрадному настроенію духа, — но не слѣдуетъ забывать, что дешевизна вина не только облегчаетъ простому народу «веселіе—пити», но въ то же время производитъ значительное сбереженіе у простаго народа его трудовыхъ денегъ. Чувство, новое чувство матеріальнаго благосостоянія начинаетъ сказываться въ нашемъ крестьянствѣ, въ то самое время, когда, по роковой исторической двойственности нашего развитія, высшіе классы народа именно томятся безденежьемъ и вообще упадкомъ прежняго матеріальнаго благосостоянія!... Но хотя бы на душѣ человѣка, не принадлежащаго къ простонародью, было и темно и грустно,— и не отъ однихъ вещественныхъ причинъ, а отъ причинъ нравственно-духовныхъ и нисколько не личныхъ, а общественныхъ,— все же трудно бываетъ ему устоять противъ этого общаго настроенія народнаго духа, не потѣшиться его радостью. Впрочемъ, гдѣ же и искать намъ утѣшенія въ настоящую минуту? Въ обществѣ ли, на безсиліе котораго мы еще такъ недавно и такъ горько жаловались? Въ дворянствѣ ли, которое заявляетъ о своемъ существованіи такими фактами, какъ поступки потомственнаго дворянина и землевладѣльца на городскихъ выборахъ, описанные подробно въ «Москов. Вѣдом.», какъ выборы Рязанскіе, Калужскіе, Владимірскіе, Орловскіе?.. Въ журналистикѣ ли, напоминающей, въ большей части своихъ представителей, былые оркестры музыкантовъ, которыхъ помѣщики старались выдавать за вольныхъ артистовъ...? Въ молодежи ли, этой безвинной жертвѣ грѣ-

ховъ предшествовавшихъ поколѣній и всего нашего общественнаго развитія, въ молодежи, большею частью растлѣнной ученіемъ матеріалистическимъ до совершенной негодности къ какому-либо гражданскому подвигу и становящейся съ своимъ космополитизмомъ, мнимымъ демократизмомъ и федератизмомъ, въ совершенное противорѣчіе съ Русскимъ крестьянствомъ, съ народными стремленіями и волею, съ исторической работою нашего широкаго всенароднаго единства? Въ духовенствѣ ли, зараженномъ церковною бюрократіею и оффиціальностью?.. Нѣтъ, поскорѣе отворотимъ наши взоры, и перенесемъ ихъ на эту — конечно пьяную и безобразно пьяную—толпу гулящихъ мужиковъ, но отъ которой пышетъ какимъ-то здоровьемъ жизни, и которая, отрезвившись, найдетъ въ себѣ и силы, и бодрость, и вѣру для исторической жизни! Ей, конечно, и дѣла нѣтъ до нашей заботы и горя до нашихъ коммиссій и комитетовъ, до того значенія, какое имѣетъ въ жизни образованной Россіи цензурное вѣдомство,— она толкуетъ, что хорошо было бы, еслибъ подешевѣла соль (это желаніе народа высказывалось очень часто), — но по крайней мѣрѣ то, до чего ему есть дѣло, то живетъ въ народѣ всею плодотворною силою жизни! Будемъ же ждать и желать, чтобъ наше дѣло, въ лучшемъ смыслѣ этого слова, стало наконецъ и его дѣломъ, чтобъ судьба Русскаго просвѣщенія связалась, въ его сознаніи, и съ его судьбою!..

А между тѣмъ скажемъ нѣсколько словъ о судьбѣ дворовыхъ, вольныхъ, послѣ 19 февраля, идти отъ своихъ прежнихъ господъ на всѣ четыре стороны, —, остающихся, по большей части, безъ всякаго обезпеченія. Въ Москвѣ уже существуетъ общество для вспомоществованія дворовымъ, и мы убѣждены, что въ кассы его (если только оно догадается открыть эти кассы) польются въ этотъ знаменательный день обильныя денежныя приношенія: многіе, безъ сомнѣнія, вспомнятъ все значеніе этой годовщины для дворовыхъ и задумаются объ ихъ участи.

Мы полагаемъ однако, что это общество, при всей своей дѣятельности, будетъ всегда скудно денежными средствами сравнительно съ тѣмъ огромнымъ размѣромъ денежныхъ суммъ, которыя были бы необходимы для обезпеченія и устройства быта всѣхъ дворовыхъ въ Россіи. Едвали было бы не

полезнѣе позаботиться о болѣе прочномъ и надежномъ обезпеченіи, для котораго, какъ намъ кажется, правительство располагаетъ всѣми нужными средствами. Извѣстно, что дворовые,—положимъ несправедливо,—считаютъ себя обиженными въ сравненіи съ крестьянами, получающими въ надѣлъ отъ помѣщиковъ землю. Потребность имѣть свою часть въ землѣ Русской прирожденна каждому Русскому человѣку изъ простаго народа, — и дѣйствительно, въ Россіи, благодаря Бога, земли такъ много, что есть гдѣ размѣститься не только двойному, но и тройному, противъ нынѣшняго, населенію: поэтому нѣтъ никакого повода не предупреждать образованія цѣлаго милліона пролетаріевъ. Намъ казалось бы возможнымъ принять, относительно дворовыхъ, нѣкоторыя мѣры, которыя полагаемъ достаточнымъ означить здѣсь кратко, предоставляя практическую ихъ оцѣнку и развитіе людямъ, владѣющимъ всѣми необходимыми для того статистическими и другими оффиціальными данными.

Почему бы, напримѣръ, не предоставить дворовымъ права приписаться къ тѣмъ городамъ, гдѣ городская земля лежитъ впустѣ и народонаселеніе слабо (которыхъ у насъ множество и которые могутъ быть подробно поименованы), съ полученіемъ безпошлинной и безденежной «данной» отъ думы или ратуши на извѣстную часть городской земли, и съ освобожденіемъ, на опредѣленное число лѣтъ, отъ всякихъ повинностей въ пользу города? Такъ какъ теперь мѣщане уже не будутъ подлежать подушному сбору (это одна изъ самыхъ справедливыхъ и благодѣтельныхъ мѣръ, принятыхъ относительно простаго народа нашимъ правительствомъ въ послѣднее время), то подобная приписка не можетъ быть обремененіемъ для городскаго общества, а только подспорьемъ и положительною выгодою.

Почему бы не предложить дворовымъ казенныя земли въ нашихъ отдаленныхъ и малонаселенныхъ мѣстностяхъ (напр. въ Крыму или Заволжьѣ), разумѣется даромъ, со всѣми тѣми льготами, какія давались иностраннымъ колонистамъ, и въ количествѣ, довольно значительномъ на каждую ревизскую душу?.. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что на такой кличъ отзовется множество дворовыхъ, да и во всякомъ случаѣ они будутъ лишены всякаго права роптать на свою безземель-

ность. Разумѣется и затѣмъ, особенно въ столицахъ, еще останется не мало бывшихъ дворовыхъ въ званіи слугъ и ремесленниковъ, но судьба ихъ легко можетъ быть обезпечена денежными средствами обществъ, образовавшихся для этой именно цѣли, устройствомъ отдѣльнаго для нихъ ссуднаго банка, и другими мѣрами.

Во всякомъ случаѣ, увѣренные, что наступающій третій годъ крестьянскаго освобожденія послужитъ такимъ же свидѣтельствомъ мудрости и благодушія Русскаго народа, какъ и минувшіе два года,—мы поздравляемъ нашихъ читателей съ предстоящей годовщиной 19 февраля. Мы убѣждены, что всѣ они вспомнятъ въ этотъ день о дворовыхъ, — а также не забудутъ и пословицы, что съ міра по ниткѣ — голому рубаха....

Примѣчаніе редактора на заявленіе московскаго мѣщанина, что необходимо имѣть городскимъ головою купца или мѣщанина.

„День“, 16-го февраля 1863 г.

Мы тѣмъ охотнѣе даемъ у себя мѣсто этому «забытому голосу», что онъ раскрываетъ намъ силу и основательность аргументовъ, на которые опирается Московское мѣщанство въ дѣлѣ о выборѣ городскаго головы, и въ то же время доставляетъ намъ возможность выразить наше несогласіе съ почтеннымъ Московскимъ мѣщанскимъ обществомъ. Мы не станемъ распространяться о достоинствѣ новаго городскаго устройства; скажемъ только, что для того, чтобы извлечь всю возможную пользу изъ новаго преобразованія, необходимъ, по нашему мнѣнію, по крайней мѣрѣ на первое четырехлѣтіе, выборъ городскаго главы изъ дворянъ. Необходимо сдвинуть, своротить съ колеи глубоко увязнувшій въ ней старый порядокъ, — а пусть мѣщане скажутъ, по совѣсти, сами, имѣютъ ли ихъ кандидаты изъ мѣщанъ, ремесленниковъ и купцовъ всѣ потребныя для того условія? Едвали,—по крайней мѣрѣ въ настоящую минуту. и какъ ни тяжело въ этомъ сознаться, но что́ же дѣлать? Надо взглянуть дѣйствительности прямо въ глаза и сообразить, съ практической точки зрѣнія, всѣ печальныя условія

нашей современной житейской обстановки, нашихъ общественныхъ отношеній. Чей голосъ смѣлѣе и громче раздастся и заставитъ себя выслушать для защиты правъ самого мѣщанства—голосъ ли мѣщанина, купца или дворянина принявшаго на себя обязанность этой защиты? Далеко ли отъ насъ то время, когда купечество было только доброю дойною коровою для тѣхъ, кому хотѣлось отличаться благотворительностью отъ имени города? то время, когда купцы не смѣли принять участіе въ публичномъ обѣдѣ, который давался на ихъ же собственный счетъ?... когда городской голова былъ только приходорасходчикомъ и казначеемъ высшей мѣстной администраціи? Все это очень грустно и достойно сожалѣнія, но, повторяемъ, что же дѣлать, если такова наша дѣйствительность, если все это правда!

И именно для того чтобъ исправить это зло, чтобъ придать жизнь, силу и значеніе, до сихъ поръ небывалое, новой думѣ, нужно, необходимо нужно, чтобъ выборъ перваго городскаго головы былъ удаченъ, чтобъ будущій голова умѣлъ поставить новое учрежденіе на ноги и пустить его въ ходъ... А такъ какъ выборъ городскаго головы изъ купечества палъ бы непремѣнно на людей—безспорно почтенныхъ,— но выдающихся изъ общаго уровня преимущественно богатствомъ, а не твердостью и смѣлостью характера, и едвали способныхъ отрѣшиться отъ прежнихъ преданій покорности и смиренія,—то и сомнительно, чтобъ городскій голова изъ купечества повернулъ рѣшительно и круто изъ старой колеи въ новую. Этой цѣли всего легче достигнуть дворянину, свободному отъ всякихъ преданій (къ тому же вовсе не назидательныхъ), связанныхъ съ званіемъ городскаго головы въ Россіи. Будьте увѣрены, что если *теперь* въ головы будетъ выбранъ городскій обыватель изъ дворянъ, обладающій потребной энергіей, ретивостью къ дѣлу, образованіемъ и практическою опытностью,—то, если потомъ, на второе четырехлѣтіе, будетъ избранъ купецъ или мѣщанинъ, ему будетъ тогда несравненно легче поддержать уже созданное, упроченное достоинство городскаго головы, нежели создавать его вновь.

Съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права, дворянство перестало быть, какъ прежде, служилымъ сословіемъ государства и распускается въ земствѣ. Такимъ образомъ въ земство

поступаютъ новые элементы, которыхъ оно было лишено и безъ которыхъ было безсильно—элементы не дворянской сословности, а образованія, духовной силы, дающейся просвѣщеніемъ, матеріальной обезпеченности, преданія и опыта гражданской дѣятельности. Съ другой стороны и дворянству, бывшему безсильнымъ въ своемъ отрѣшеніи отъ народности, въ своей отчужденности отъ прочихъ сословій, въ своемъ полуправительственномъ, полуземскомъ устройствѣ,—дворянству, какъ скоро оно перестанетъ быть замкнутымъ привилегированнымъ сословіемъ, предстоитъ перероднться, перевоспитаться вновь отъ сближенія съ коренными народными элементами, съ сословіями, сберегшими въ себѣ цѣльнѣе и свѣжѣе—силу народнаго духа. Этого сближенія должны желать, ему должны содѣйствовать *всѣ* сословія. Поэтому мы никакъ не можемъ одобрить стремленіе къ разрозненности, выражаемое почтеннымъ авторомъ этого письма, московскимъ мѣщаниномъ,—хотя съ другой стороны и понимаемъ его нерасположеніе къ дворянству, такъ долго чуждавшемуся низшихъ сословій. Но это чувство должно быть подавлено чувствомъ любви къ общему благу и яснымъ сознаніемъ выгодъ, проистекающихъ отъ такого сближенія сословій, котораго самымъ краснорѣчивымъ выраженіемъ будетъ всесословный выборъ головы изъ дворянъ.

Что же касается до зданій, построенныхъ на счетъ бывшаго городскаго общества, до капиталовъ, собранныхъ съ купцовъ, мѣщанъ и ремесленниковъ, то, во 1-хъ, зданія и капиталы не поступаютъ въ собственность ни головы, ни дворянства, а распоряженіе ими зависитъ отъ думы, въ которой и купцы, и мѣщане, и ремесленники участвуютъ не только наравнѣ съ дворянами, но въ численномъ большинствѣ; а во 2-хъ, ни одно изъ сословій нисколько не лишается права распоряжаться по своему усмотрѣнію капиталами, имѣющими исключительное сословное назначеніе.

Мы бы очень желали, чтобъ слова наши убѣдили почтенное Московское мѣщанство и чтобъ оно, хоть для опыта, на первый разъ, подало свой голосъ въ пользу головы изъ дворянъ-обывателей.

Отчего Тамбовская губернія о себѣ не говоритъ?

«День», 23-го ноября 1863 г.

Читатель! не извѣстно ли вамъ чего-нибудь про Тамбовскую губернію? Чтó подѣлываетъ Тамбовская губернія? Кто знаетъ что-нибудь про Тамбовскую губернію?.... Ни слуху, ни духу!.... Да ужъ существуетъ ли полно Тамбовская губернія? Можетъ-быть это такъ себѣ, одно географическое выраженіе, не больше, или воспоминаніе былаго,—а ея собственно уже нѣтъ, она исчезла, или расплылась, или сбѣжала изъ Русскаго царства,—просто въ бѣгахъ,—и картографы ошибочно помѣщаютъ ее на картѣ?.. «Однакожъ, возразятъ намъ, это ни мало не остроумно и нисколько не правдоподобно: развѣ можетъ быть губернія въ бѣгахъ? Согласитесь?.. И какая же губернія?! Загляните хоть въ «Статистическія таблицы Россійской имперіи» — превосходный трудъ, издаваемый Центральнымъ Статистическимъ Комитетомъ при Министерствѣ внутреннихъ дѣлъ:—тамъ за 1863 г. показано, что въ Тамбовской губерніи 58,160 квадратныхъ верстъ или 1202 квадратныя мили пространства, во всѣхъ ея *двѣнадцати* уѣздахъ, а жителей (какъ значится и въ календарѣ, заимствовавшемъ эти свѣдѣнія изъ того же Центральнаго Комитета) считалось въ 1858 году—*милліонъ девять сотъ десять тысячъ четыреста пятьдесятъ четыре человѣка!* Какъ же въ бѣгахъ?!!» Все это такъ, все это мы знаемъ, но тому-то мы и дивимся, какъ это 1,910,454 жителя, на пространствѣ 1202 квадр. миль, умѣютъ существовать такъ, что въ разстояніи 450 верстъ отъ Москвы можно усомниться въ ихъ существованіи? Какъ это они умудряются не подавать о себѣ ни признака жизни?.. Несмотря на всѣ наши старанія, мы не могли добиться оттуда ни послѣдовательныхъ, ни случайныхъ корреспонденцій,—да и другія газеты не богаты извѣстіями изъ этого богатаго, хлѣбороднаго, степью, водой и лѣсомъ изобилующаго края... Конечно, не одна Тамбовская губернія такъ безмолствуетъ: востокъ Россіи вообще до сихъ поръ представляется какою-то глушью, о которой меньше всего найдешь свѣдѣній въ нашей жур-

налистикѣ,—мы не больше знаемъ и о томъ, что̀ подѣлывается, напримѣръ, въ Пензенской губерніи. Впрочемъ о Пензенской губерніи мы еще нашли нѣкоторое свѣдѣніе на дняхъ въ «Сѣверной Почтѣ»: именно въ одномъ изъ недавнихъ №№, въ отчетѣ о ходѣ крестьянскаго дѣла за послѣдніе мѣсяцы, сказано, что «въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ Пензенской губерніи, при введеніи въ дѣйствіе уставныхъ грамотъ, возникли недоразумѣнія со стороны крестьянъ, но по прибытіи воинскихъ командъ и по наказаніи главныхъ зачинщиковъ, остальные крестьяне повинились въ своемъ упорствѣ и оказали покорность, такъ что порядокъ теперь водворенъ повсюду». Вотъ все, что̀ мы знаемъ о Пензенской губерніи за послѣдніе мѣсяцы,—о Тамбовской же губерніи въ отчетѣ, напечатанномъ въ «Сѣверной Почтѣ», ничего не говорится, изъ чего мы должны бы заключить, что крестьянское дѣло идетъ тамъ отлично. Но такъ ли это въ дѣйствительности?..

Мы уже какъ-то говорили, что легче найдти корреспондентовъ въ Мадагаскарѣ или на Амурѣ, чѣмъ изъ внутреннихъ губерній Россіи; это замѣчаніе относится въ особенности къ восточнымъ губерніямъ. Сибирь извѣстна намъ болѣе, чѣмъ Тамбовская, Пензенская, Саратовская губерніи; въ Сибирь снаряжались ученыя экспедиціи; Сибирь описывали Нѣмцы, подробно изучившіе и фауну и флору, т. е. и животное и растительное царства Сибирской природы. Правда, о Сибирскомъ Русскомъ крестьянинѣ мы знаемъ меньше, чѣмъ о Бурятахъ, Тунгусахъ, Остякахъ, и это потому, что къ инородцамъ Нѣмцы отнеслись съ тѣмъ же ученымъ интересомъ, какъ и къ фаунѣ,—что Буряты, Тунгусы, Остяки, вмѣстѣ съ бобрами и flores amorenses, стали предметомъ «науки», а изучать Русскаго крестьянина Нѣмцы предоставляютъ Русскимъ, которые однакожъ этимъ дѣломъ не занимаются,—но какъ бы то ни было, Сибирь описана и разслѣдована несравненно тщательнѣе внутренней и въ особенности восточной Россіи. О послѣдней мы узнаёмъ, какъ ужъ это было не разъ замѣчено, только при большихъ оказіяхъ въ ея жизни и преимущественно изъ оффиціальныхъ источниковъ: напримѣръ, когда случится нѣчто подобное тому, что̀ мы привели выше изъ сообщенія «Сѣверной Почты» о Пензенской губерніи,—или когда налетитъ какой-ни-

будь необычайный вихрь, выпадетъ градъ величиною съ гусиное яйцо, пронесется по небу диковинный метеоръ, перемѣстится одно начальство и замѣстится другимъ начальствомъ, или гдѣ-нибудь въ уѣздѣ, въ селѣ, у какой-нибудь Агафьи Семеновой родится необыкновеннѣйшій мертвый уродъ, или же тройни или четверни, въ тотъ же день умершіе... Вотъ событія, которыми обыкновенно напоминаютъ о себѣ, о своемъ бытіи, бо̀льшая часть нашихъ губерній. Сначала казалось, что и ихъ проняла гласность, — даже и въ нихъ нашлись обличители и вообще литераторы, которые отъ времени до времени посылали скандалезныя обличительныя статейки о становыхъ приставахъ, или рецензіи о талантахъ какого-нибудь Усманьскаго театра, или же описанія проводовъ какого-нибудь батальона мушкатерскаго полка, съ приличнымъ радушнымъ угощеніемъ отъ мѣстнаго купечества, и пр. т. п. Но потомъ и это затихло, даже и эта гласность застыла и окоченѣла въ мертвящемъ воздухѣ губернской жизни, — и снова слышно молчаніе...

«О чемъ писать?» спрашиваютъ обыкновенно мѣстные жители, приглашаемые нами въ корреспонденты. «О чемъ писать? Наша жизнь такъ, кажется, похожа на жизнь другихъ однородныхъ мѣстностей въ Россіи, такъ, повидимому, знакома, сродни каждому Русскому, такъ блѣдна, бѣдна, скудна событіями и какимъ бы то ни было движеніемъ, — что и описывать нечего. Короче сказать — у насъ нѣтъ никакой общественной, *своей*, мѣстной жизни, нѣтъ никакихъ мѣстныхъ интересовъ, кромѣ самыхъ простыхъ матеріальныхъ и экономическихъ. Конечно, два милліона жителей, какъ напримѣръ въ Тамбовской губерніи, это цифра почтенная, — это немного меньше, чѣмъ въ Швейцаріи, и почти то же, что̀ въ Саксоніи, но что̀ же дѣлать, когда объ этихъ двухъ милліонахъ сказать нечего, когда жизнь ихъ похожа на прозябеніе или на сонъ?...» Такъ обыкновенно отвѣчаютъ корреспонденты.

Мы несогласны съ ними. Что наша провинціальная общественная жизнь бѣдна и тоща, — это не подлежитъ сомнѣнію и объ этомъ мы поговоримъ послѣ, но мы не согласны съ тѣмъ, чтобъ нечего было сказать о Тамбовской губерніи, какъ и о всякой другой, если предметомъ своихъ наблюденій сдѣлать не одну общественную, а и мѣстную народную жизнь,

не растительность, покрывающую почву, а самый грунтъ и его грунтовыя силы. Но не только тамъ, даже и въ высшихъ провинціальныхъ сферахъ — возбужденное свѣжее вниманіе отыскало бы много интересныхъ характеристическихъ чертъ, подмѣтило бы много оригинальныхъ и неслучайныхъ явленій.—Положимъ, что Тамбовская губернія и спитъ, но что же снится ей, какіе сны видитъ она, хорошіе или дурные, или уже даже ровно и во снѣ ничего не видитъ? Вѣдь и это все любопытно знать и изслѣдовать! Мы лично вовсе не знакомы съ Тамбовской губерніей, но такъ какъ корреспонденты наши сами недоумѣваютъ, о чемъ писать, то мы попробуемъ предложить имъ хоть нѣсколько вопросовъ, которые, съ нѣкоторыми измѣненіями, могутъ пригодиться и для другой губерніи, болѣе или менѣе однородной.

Прежде всего желательно было бы знать, въ какой степени разность административныхъ центровъ отражается въ жизни и сознаніи мѣстнаго сельскаго населенія? То есть: граница отдѣляющая, напримѣръ, Елатомскій уѣздъ Тамбовской отъ Касимовскаго уѣзда Рязанской губерніи, проводитъ ли она какую-либо границу и въ быту, въ нравахъ мѣстнаго крестьянства, или же она имѣетъ характеръ чисто произвольный и отвлеченный? Есть границы старыя, оставшіяся отъ временъ княжествъ или отъ воеводствъ, границы естественно образовавшіяся еще тогда, когда Русскій народъ самъ собою группировался: эти границы, полагаемъ мы, не вполнѣ утратили свое древнее значеніе въ памяти мѣстнаго населенія; это тѣ границы, благодаря которымъ мужики скажутъ, напримѣръ, я Владимірецъ, а я Рязанецъ. Есть границы, проведенныя въ позднѣйшее время, на основаніи административныхъ соображеній,—и тутъ, по нашему мнѣнію, чрезвычайно важно проелѣдить — какое вліяніе оказываетъ тяготѣніе къ административному центру, произвольно назначенному, на мѣстное населеніе? На всѣхъ ли окраинахъ Тамбовской губерніи, мужикъ сознаетъ и чувствуетъ себя Тамбовцемъ? есть ли гдѣ коренная Тамбовщина, или ея вовсе не существуетъ, и она не успѣла создаться, сохраняя въ народномъ представленіи и теперь древній характеръ восточной «Украйны?» Мы предлагаемъ мѣстнымъ пограничнымъ образованнымъ жителямъ обратить вообще вниманіе на значеніе

у насъ пограничности и внутреннихъ административныхъ дѣленій. Это вопросъ въ высшей степени любопытный: интересно знать—въ какой степени каждая губернія образуетъ или успѣла образовать нѣчто цѣльное, связанное внутреннимъ единствомъ въ своихъ частяхъ,—или же это единство чисто внѣшнее? Южная часть Тамбовской губерніи отдѣляется пространствомъ верстъ въ 10 или 20 не болѣе отъ Земли Войска Донскаго. Здѣсь, конечно, различіе должно быть рѣзкое, и отраженіе этого различія въ самомъ сознаніи народномъ должно бы представить, по нашему мнѣнію, много занимательныхъ данныхъ для историка и этнографа. Всѣ эти соображенія имѣютъ нѣкоторую важность и для дѣйствія будущихъ Земскихъ Учрежденій.—Далѣе. Такъ-называемая наша трактирная цивилизація коснулась Тамбовской губерніи гораздо меньше, чѣмъ, напримѣръ, Ярославской; Тамбовская губернія, степная, хлѣбородная — болѣе глушь, чѣмъ въ значительной части своихъ уѣздовъ Саратовская губернія, съ своими Нѣмецкими колоніями, съ Волгою, съ пшеничными посѣвами, привлекающими ежегодно сотни тысячъ рукъ рабочихъ изъ срединной Россіи. Эта глушь должна сказываться непремѣнно въ жизни и крестьянскаго и помѣщичьяго населенія. Въ народѣ она обыкновенно способствуетъ сохраненію въ чистотѣ прежнихъ обычаевъ, бытоваго и духовнаго строя; въ верхнихъ слояхъ общества она глушитъ развитіе, производитъ вредный застой и косиѣніе. Такъ ли это и въ Тамбовской губерніи? Но глушь во всякомъ случаѣ не одинакова во всѣхъ уѣздахъ, нѣкоторые же и вовсе не могутъ назваться глушью,—а потому разные уѣзды должны бы представлять разныя степени цивилизаціи, разную нравственную характеристику, которую опредѣлить—было бы чрезвычайно любопытною задачею для корреспондента. На одномъ ли уровнѣ цивилизаціи стоятъ, напримѣръ, Елатомскій, Темниковскій уѣзды—и Усманьскій, сосѣдственный съ Воронежской губерніей, Липецкій съ своими водами, Лебедянскій съ своими ярмарками? Въ дворянствѣ—это различіе вѣроятно отражается на различномъ отношеніи помѣщиковъ къ крестьянскому дѣлу. Независимо отъ случайныхъ исключеній, нельзя отрицать, что даже и въ дворянствѣ различіе отношенія къ освобожденію крестьянъ проявляется полосами, и можетъ

служить почти безошибочнымъ основаніемъ для характеристики разныхъ мѣстностей. Уже одно крестьянское дѣло есть богатый, неисчерпаемый матеріалъ для нравственной статистики, которымъ, кажется, очень мало пользуются мировые посредники; такой матеріалъ, что имѣя его предъ глазами—ни одинъ умный и грамотный корреспондентъ не въ правѣ отзываться, что писать не о чемъ! Но продолжаемъ.—Типъ купечества также долженъ измѣниться по мѣрѣ приближенія къ югу: такъ, по крайней мѣрѣ, мы думаемъ. Не только Малороссійскіе, Украинскіе, но и Воронежскіе купцы уже не похожи на тѣхъ купцовъ, которыхъ типъ такъ художественно воспроизведенъ Островскимъ. Извѣстно, напримѣръ, что купцы г. Воронежа, который такъ часто посѣщался Петромъ, сбривши бороды по царскому указу, уже не возобновляли обычая и бородъ не носятъ. Можно изъ разныхъ соображеній вывести a priori, что Воронежъ непремѣнно долженъ былъ сохранить въ себѣ нѣкоторую закваску Петровской цивилизаціи,—что̀ можетъ быть и сказывается въ томъ, что этотъ городъ и теперь самый литературный изъ нашихъ провинціальныхъ городовъ. Вообще, если только прослѣдить внимательно, то мы вездѣ какъ въ бытѣ крестьянскомъ, такъ и въ бытѣ дворянскомъ, найдемъ различіе типа—мѣстностей коренныхъ, составляющихъ, такъ сказать, ядро великорусскаго населенія, съ типомъ мѣстностей украинныхъ, т. е. древнихъ окраинъ Руси, колонизировавшихся впослѣдствіи,—причемъ восточная Украйна видимо отличается отъ Украйны южной и югозападной, гдѣ общій уровень цивилизаціи нѣсколько выше. — Было бы, кажется, что̀ сказать корреспонденту и о купеческомъ классѣ Тамбовской губерніи!

Но вотъ особенность совершенно мѣстная. Тамбовская губернія, какъ извѣстно, есть главный разсадникъ молоканской секты съ ея развѣтвленіями—духоборцами и субботниками. Какое пространство обнимаетъ эта секта, по какимъ внутреннимъ законамъ направляется ея распространеніе, больше ли къ западу или къ востоку, къ югу или сѣверу?.. Мы полагаемъ, что къ востоку, а почему—объ этомъ толковать было бы здѣсь не мѣсто. Какимъ образомъ зашла она сюда, въ эту глушь, и водворилась въ этой глуши, гдѣ, казалось бы, въ большей чистотѣ и строгости должны храниться пре-

данія, обычаи и нравы Русской народной старины? Какое вліяніе оказываетъ она на матеріальный бытъ сельскаго населенія, — что такое это квакерство въ Тамбовской курной избѣ, этотъ религіозный раціонализмъ — при барщинѣ, среди тяжелыхъ трудныхъ работъ степнаго земледѣльца? Какой бытовой слой накладываетъ философско-отвлеченное ученіе этой секты на древніе слои народной жизни съ ея обычаями, воспоминаніями и обрядами, съ ея церковными радостями и печалями? Старообрядчество не ломаетъ прежняго строя жизни, по крайней мѣрѣ не въ такой степени, но молоканство, почти совершенно схожее съ квакерствомъ, проходя по жизни съ своимъ раціоналистическимъ отрицаніемъ, измѣняетъ весь ея складъ, уничтожаетъ прежнія вѣрованія, обряды, пѣсни.... Десятки, можетъ-быть сотни тысячъ простаго Русскаго народа — не поющія пѣсень, не ведущія хороводовъ, не соблюдающія постовъ, не посѣщающія храмовъ, читающія Библію и въ своемъ пытливомъ раціонализмѣ оставляющія далеко позади себя протестантскихъ профессоровъ теологіи въ Нѣмецкихъ университетахъ, — какое любопытнѣйшее, неизмѣримо-важное явленіе, и именно въ Тамбовской губерніи, — а Тамбовская интеллигенція увѣряетъ, что не о чемъ писать, и нечего разсказывать?!

Можетъ-быть, скажутъ намъ, не кому писать, не кому наблюдать? Но, не говоря уже о помѣщикахъ, во всякомъ уѣздномъ городишкѣ уже по штату положено нѣсколько образованныхъ лицъ. Въ каждомъ имѣется врачъ, и не одинъ, а два — люди непремѣнно учившіеся въ университетѣ или академіи; есть уѣздное училище съ штатнымъ смотрителемъ и съ учителями. Наконецъ, въ губернскомъ городѣ существуютъ неизбѣжно гимназія и семинарія, гимназическіе и семинарскіе преподаватели, люди съ достаточнымъ образованіемъ для того, чтобы понимать важность указанныхъ нами явленій и весь интересъ, возбуждаемый ими въ научномъ и въ жизненномъ отношеніи. Наконецъ, священники, городскіе и сельскіе, также учившіеся въ семинаріи, — наконецъ, мировые посредники, судебные слѣдователи?.. Странное дѣло! Если неребирать по пальцамъ всѣхъ болѣе или менѣе образованныхъ людей въ каждой губерніи, то ихъ наберется много, — и даже очень много, особенно съ помѣщиками и съ сельскимъ ду-

ховенствомъ, котораго никакъ нельзя отнести къ числу необразованныхъ, потому что теперь священниковъ, не учившихся въ семинаріи, кажется уже и вовсе нѣтъ. И такъ людей образованныхъ много,—а жизни образованной—нѣтъ, той жизни, которую обыкновенно въ другихъ странахъ порождаетъ образованіе. Что̀ за апатія сковываетъ члены нашихъ провинціальныхъ общественныхъ организмовъ? Да и организмы ли они, или просто сочетанія разныхъ отдѣльныхъ единицъ, связанныхъ между собою только внѣшнею, географическою или административною связью, не имѣющихъ между собою ничего общаго органическаго?.. Точно будто кто-то насосомъ выкачалъ весь воздухъ, которымъ они дышали, и накрылъ ихъ стекляннымъ колпакомъ! Въ народномъ грунтѣ,—въ этомъ нельзя сомнѣваться,—есть жизнь своя, своеобразная, подземная такъ-сказать и почти незамѣтная нашему глазу, но эта жизнь массъ совершается внѣ жизни общественной; послѣдняя не питается корнями изъ жизни народной и въ то же время не свѣтитъ ей, какъ бы должна была по своему призванію, свѣтомъ высшаго знанія и образованія; она точно будто поражена непроизводительностію: умъ не производителенъ, талантъ не производителенъ, капиталъ не производителенъ, самое общежитіе, со всѣми своими клубами, собраніями оффиціальными и неоффиціальными, не производительно! Что̀ же лишаетъ это мѣстное общество духа жизни и что̀ можетъ вдохнуть въ него жизнь?..

Вотъ вопросъ громадной важности, надъ которымъ совѣтуемъ задуматься нашимъ читателямъ. Мы надѣялись на крестьянское дѣло; мы говорили: «теперь жизнь общественная, настоящая, совершается уже *внѣ* столицъ, а въ *уѣздѣ*»: такъ и казалось и даже было сначала,—но теперь и она какъ-то заглохла или затормозилась. Конечно, есть жизнь и движеніе въ массахъ простаго народа: есть жизнь и движеніе въ столицахъ—правительственныхъ и общественныхъ средоточіяхъ,—но что касается до провинціальныхъ обществъ, то они живутъ какою-то общею центральною жизнью, а не своею, согрѣваются только лучами центра, не имѣя внутренней собственной жизненной теплоты. Между тѣмъ повсюдность жизненной теплоты есть необходимое условіе жизни въ тѣлѣ, и потому безъ развитія мѣстной провинціальной

жизни, не будетъ у насъ полноты не только общественной всероссійской, но и государственной жизни,—не будетъ даже и настоящаго единства. Не слѣдуетъ смѣшивать централизацію и единство—два понятія совершенно различныя. Централизація есть явленіе искусственное, а единство—живая, свободная сила. Конечно, ничто въ мірѣ не можетъ поколебать народное единство Руси: оно живетъ крѣпко и непреложно въ народномъ сознаніи, при сохраненіи полной свободы мѣстнаго разнообразія,—но мы говоримъ здѣсь о единствѣ, какъ о внутреннемъ элементѣ управленія, а также и жизни не правительственной и не простонародной, а общественной. Дѣло въ томъ, что мѣстныя общества, — съ одной стороны не будучи нравственно связаны съ мѣстною народною почвою, а потому и не будучи въ силахъ создать себѣ крѣпкую своеобразную туземную жизнь; съ другой стороны принося весь остатокъ своихъ силъ въ жертву централизаціи, — или совсѣмъ глохнутъ и представляютъ то печальное явленіе, которое мы видимъ въ нашихъ губерніяхъ, — или же развиваютъ въ себѣ болѣзненныя стремленія. Отъ того-то, кое-гдѣ, не въ народѣ конечно, а въ общественной средѣ, появились въ послѣднее время разныя уродливыя и безобразныя фантазіи о какомъ-то сепаратизмѣ и федераціи! Въ этихъ дикихъ и неопредѣленныхъ мечтахъ, въ извращенномъ видѣ выразилась, отчасти, смутная и несознанная потребность мѣстныхъ обществъ—жить, вмѣстѣ съ общею, и своею мѣстною жизнью, замѣнить внѣшнее однообразіе — живымъ внутреннимъ единствомъ, и вмѣсто системы административной централизаціи, нивеллирующей, сглаживающей всѣ неровности живаго тѣла, подъ одинъ уровень, поставить другую систему, при которой жизнь разливалась бы по всей окружности, согрѣвала бы все тѣло и всѣ его органы, а не устремлялась бы только къ центру. Правительство само вполнѣ поняло неудобства своей прежней системы и спѣшило отвратить ихъ созданіемъ мѣстныхъ Земскихъ Учрежденій, проектъ которыхъ обсуживался и въ нашей газетѣ и въ настоящее время, какъ извѣстно, дополняется и исправляется. Но мы не думаемъ, однакоже, чтобъ одна эта правительственная мѣра, особенно въ томъ видѣ, какъ она задумана, могла влить въ мѣстныя провинціальныя общества духъ жизни, котораго имъ

недостаетъ, хотя конечно она можетъ способствовать оживленію и предложить ему готовыя формы.—Необходимо подвигнуться самому мѣстному обществу, необходимо ему самому просвѣтить свое сознаніе и убѣдиться въ томъ, что съ уничтоженіемъ крѣпостнаго состоянія и тѣхъ перегородокъ, которыя такъ рѣзко отдѣляли его отъ народа и ставили его къ народу въ положеніе тяготѣющей надъ нимъ власти, оно могло бы и само, въ предѣлахъ дозволенныхъ закономъ, приступить къ развитію мѣстной жизни на собственномъ грунту, мѣстными, а не заемными средствами, не нуждаясь ни въ какомъ оффиціальномъ разрѣшеніи, безъ всякаго извнѣ наложеннаго формализма.

Мы вовсе не думаемъ разрѣшить вопросъ о провинціализмѣ, излагая наши соображенія, но кажется, было бы возможно и теперь самому обществу положить начало мѣстной общественной жизни. Возьмемъ, напримѣръ, какой-нибудь уѣздъ, хотя бы въ той же Тамбовской губерніи. Почему бы помѣщикамъ того уѣзда, или хоть части уѣзда, не сгруппироваться около какого-нибудь мироваго участка или волости, смотря по удобству, и не учредить, сообща съ крестьянами, положимъ—хоть больницу съ врачемъ и съ аптекой?... Отчего не сложиться и не отправить на собственный счетъ двухъ или трехъ крестьянъ или бѣдныхъ дворянъ,— учиться, напримѣръ, медицинѣ и фармацевтикѣ? Если бы съ крестьянами нельзя было войти въ соглашеніе, то помѣщики или землевладѣльцы могли бы на первое время обойтись и безъ нихъ, а крестьяне, увѣрившись въ пользѣ затѣяннаго дѣла, навѣрное бы пристали впослѣдствіи. Развѣ не могли бы землевладѣльцы той же группы выписывать и водворять у себя общаго механика, необходимаго для наблюденія за дѣйствіемъ разныхъ земледѣльческихъ машинъ, безъ которыхъ теперь невозможно никакое хозяйство? Кажется и экономическія выгоды должны бы теперь заставить помѣщиковъ производить многія издержки сообща и сократить расходы соединеніемъ одиночныхъ экономическихъ средствъ и силъ.—Точно также могли бы мѣстные землевладѣльцы поступать и въ отношеніи къ воспитанію своихъ дѣтей. Отвозить дѣтей въ столицу, отдавать ихъ въ пансіоны, гимназіи и институты — болѣе чѣмъ неудобно. Кто не знаетъ, какихъ заботъ и тревогъ

стóитъ родителямъ, небогатымъ и живущимъ въ деревнѣ, дать образованіе своимъ дѣтямъ, а для этого нерѣдко держать ихъ отъ себя въ отдаленіи, внѣ родительскаго надзора и иногда разобщаться съ ними нравственно на вѣки?—Отчего же бы мѣстнымъ землевладѣльцамъ одного околотка, не приглашать складчиною учителей и учительницъ? отчего бы не учреждать родъ пансіона въ семействѣ у одного изъ сосѣдей, внушающаго наиболѣе довѣрія и уваженія? Такой пансіонъ находился бы всегда подъ контролемъ родителей,—воспитаніе въ этой небольшой общинѣ, при отсутствіи другихъ развлекающихъ интересовъ, производилось бы всегда на виду.—Ту же самую систему складчины можно бы приложить къ выпискѣ учебныхъ пособій, книгъ, наконецъ журналовъ и газетъ, и къ образованію общихъ сосѣдскихъ библіотекъ. Каждый околотокъ сосѣдей-землевладѣльцевъ (еще было бы лучше, еслибъ этотъ околотокъ группировался около волости) могъ бы сообща подписываться на газеты и журналы, получать книги и такимъ образомъ, со временемъ, составить цѣлую волостную библіотеку, которая была бы не чьимъ-либо личнымъ, а общественнымъ достояніемъ, служила бы для общаго употребленія. Развѣ помѣщики не могли бы принять участіе, вмѣстѣ съ крестьянами, въ устройствѣ крестьянскихъ училищъ и имѣть не оффиціальный и обязательный, а свободный общественный надзоръ, съ согласія и по желанію самихъ крестьянъ, надъ ходомъ ученія въ такихъ училищахъ?... Мы указали на самыя простыя основанія, которыя способны были бы положить начало живымъ естественнымъ группамъ или, такъ сказать, общинамъ землевладѣльческимъ, внѣ всякой оффиціальной организаціи. Эти малыя общины вслѣдъ за тѣмъ почувствовали бы необходимость въ частыхъ съѣздахъ, въ учрежденіи чего-нибудь въ родѣ тѣхъ приходскихъ совѣтовъ, которые стали заводиться теперь при нѣкоторыхъ церквахъ въ Москвѣ,— въ устроеніи если не клубовъ, то общественныхъ собраній, безъ всякаго оффиціальнаго характера, гдѣ бы съѣхавшіеся могли толковать о нуждахъ своего околотка, производить обмѣнъ мыслей, вырабатывать мнѣнія для представленія ихъ въ будущія земскія собранія, обсуждать выборы въ земскія должности. Всего бы лучше было, конечно, еслибъ такимъ цен-

тральнымъ пунктомъ для околотка служила волость; въ совѣщаніи землевладѣльцевъ могли бы иногда принимать участіе и крестьяне..

Мы только набрасываемъ, а не развиваемъ нашу мысль. Читатели могутъ легко и сами обсудить всѣ послѣдствія такого зачатка общественной мѣстной жизни для будущаго. Пусть деревенскіе жители сами провѣрятъ своимъ опытомъ и своими практическими соображеніями, все нами сказанное, и рѣшатъ: удобоисполнимо ли это предположеніе? Да ужъ и не исполняется ли оно гдѣ-нибудь? (такъ оно кажется намъ естественнымъ!). Во всякомъ случаѣ, пора позаботиться намъ о развитіи мѣстной, не только административной, но общественной жизни, пора пробудиться и, осмотрясь около себя, тѣснѣе сблизиться съ мѣстностью, плотнѣе и крѣпче утвердиться на мѣстномъ грунтѣ, и принять участіе въ общей жизни Россіи не однимъ подражаніемъ столичнымъ модамъ, обычаямъ, вкусамъ,— но и самостоятельною общественною мѣстною дѣятельностью. Надо внести свѣточъ знанія и разума во всякую глушь, надо согрѣть теплотою всѣ составы организма, надо, наконецъ, чтобы вопросы, подобные тому, которымъ начинается наша статья, стали совершенною невозможностью, чтобъ нельзя было спрашивать—«что дѣлаетъ Тамбовская губернія, не знаетъ ли кто чего-нибудь про Тамбовскую губернію»,—и получать въ отвѣтъ: «что она ничего не дѣлаетъ, сама не знаетъ—дѣлается ли въ ней что-нибудь, и что о Тамбовской губерніи корреспонденту сообщать нечего!»

„Все существуетъ у насъ—будто бы".

«День», 30 ноября 1863 года.

У насъ теперь господствуетъ странная мода: мода на взаимныя привѣтствія, комплименты, поздравленія... Все другъ съ другомъ расшаркивается, раскланивается, другъ передъ другомъ присѣдаетъ; пущены въ ходъ всевозможныя сравненія; люди не могли собраться вмѣстѣ, чтобъ поиграть въ карты, поѣсть и попить, безъ какого-нибудь кому-нибудь привѣтственнаго заявленія отъ имени кушающихъ, пьющихъ

и играющихъ. Даже крестьяне — и тѣ заразились тою же маніей. Мы получили на дняхъ изъ Камышина (Саратовской губерніи) копія съ адресовъ поданныхъ крестьянами трехъ казенныхъ волостей—предсѣдателю Камышинскаго рекрутскаго присутствія за его «безукоризненныя и справедливыя дѣйствія при послѣднемъ наборѣ». «Тронутые сочувствіемъ въ полезныхъ вашихъ распоряженіяхъ по пріему рекрутъ» — пишутъ крестьяне въ одномъ изъ адресовъ — мы «поставили себѣ въ непремѣнную обязанность поднести вамъ этотъ благодарственный адресъ»... Однимъ словомъ, развилась особенная литература привѣтствій и особенная дѣятельность обѣдовъ. Только и слышишь: «общество», «наше общество», «наше просвѣщенное общество», «просвѣщенное» и «патріотическое общественное мнѣніе!»... Общество восторженно, неистово рукоплещетъ, поздравляетъ само себя и вѣритъ, что у насъ дѣйствительно есть и общество и общественное мнѣніе, и что общественное мнѣніе есть точно — сила!

Хотя мы не раздѣляемъ съ обществомъ этой вѣры во всей ея полнотѣ, однакоже пусть обѣ стороны повѣрятъ не только въ существованіе, но и въ могущество общественнаго мнѣнія! Это не худо... Несмотря на нашъ иронической приступъ, мы далеки отъ мысли, чтобы во всемъ общественномъ оживленіи и движеніи нынѣшняго лѣта не проявилось, рядомъ съ многою ложью, и много правды; чтобы въ оглушительномъ хорѣ фальшивыхъ, визгливыхъ, крикливыхъ голосовъ и звуковъ, не гудѣла въ то же время басовая струна (можетъ-быть даже мало замѣченная самимъ обществомъ), — не звучалъ Grundton, какъ говорятъ Нѣмцы-музыканты, — основной тонъ всего Русскаго государственнаго и земскаго строя. Сказалась дѣйствительно сила,—сила великая, историческая, сила не только общественная, но сила земская, бьющая прямо изъ почвы: эта сила—созналіе единства и цѣлости Руской земли, не только какъ существующаго факта, но какъ историческаго призванія, — смутная, но твердая вѣра въ великое будущее,—живое чувство чести государственной, живая неразрывная связь Земли съ Государствомъ, которое она не даромъ же строила тысячу лѣтъ, на которое потратила такъ много жизни, для котораго принесла столько вѣдомыхъ и невѣдомыхъ жертвъ! Эта сила сказывается и встаетъ при

всякой видимой внѣшней опасности, грозящей самому существованію государства, при всякомъ оскорбленіи нашей чести государственной, при всякой попыткѣ разорвать единство и цѣлость Руси,—встаетъ и увлекаетъ въ одномъ чувствѣ всѣхъ, отъ мужика-лапотника даже до аристократа, едва лепечущаго по Русски (—и тотъ, съ Французскимъ языкомъ на устахъ, готовъ положить—и точно положитъ—son животъ за Россію, въ которой въ обыкновенное время ему даже и жить противно)... Мало того, если кто,—какъ бы ни были по видимому велики, строги, возвышенны его запросы,—не въ состояніи одушевиться общимъ движеніемъ и сочувственно отозваться на общій кликъ; кто можетъ оставаться равнодушнымъ къ пришествію враговъ на Русскую землю или же стать въ ряды ихъ хотя бы ради воображаемаго имъ для Россіи блага,—тотъ уже до корня испорченъ, не годится для Русской земли, подрѣзалъ въ себѣ Русскій историческій нервъ, посягнулъ въ себѣ такъ-сказать на самую правду естества,—тотъ для Россіи — безплодная евангельская смоковница и самъ себя осуждаетъ на участь этой смоковницы! И всякій разъ, когда общество совпадаетъ въ своихъ проявленіяхъ съ этимъ основнымъ тономъ Русской земли,—оно представляется дѣйствительно какою-то силою. Оно не само по себѣ сила, но востолько сила, восколько проявляетъ въ себѣ общую земскую силу. Поэтому обществу не слѣдуетъ обольщаться мечтами, слишкомъ обнадеживаться *своею* будто бы общественною крѣпостью, могуществомъ *своего* общественнаго мнѣнія, и успокоиваться, какъ будто все уже разрѣшено, завершено и покончено. Поэтому-то мы и считаемъ необходимымъ, съ своей стороны, нарушать это успокоеніе и обличать истинное положеніе дѣлъ, какъ мы его понимаемъ; поэтому-то не безполезнымъ кажется намъ напоминать обществу, что вездѣ, гдѣ оно не стоитъ непосредственно на народномъ историческомъ грунтѣ, гдѣ не грозитъ Россіи внѣшняя опасность и нѣтъ мѣста простому, кровному, такъ-сказать, грубому, какъ инстинктъ жизни, патріотизму,—вездѣ тамъ является оно слабымъ, если не безжизненнымъ, голоситъ какимъ-то не своимъ голосомъ, а фистулой, или баситъ съ комическою важностью. Вездѣ тамъ оно, къ сожалѣнію, больше играетъ въ «общество» и «общественное

мнѣніе», чѣмъ дѣйствительно существуетъ какъ общество, съ силою и разумомъ общественнаго мнѣнія. Мы очень хорошо знаемъ, что въ этомъ случаѣ много вины должно быть отнесено къ историческимъ условіямъ нашего бытія, давшимъ обществу такое неправильное, тощее, однобокое развитіе; но пусть же общество и сознаетъ себя однобокимъ, неполнымъ, малосочнымъ, а не любуется само собою, воображая себя красивымъ, сильнымъ, здоровымъ! Пусть работаетъ надъ собою, пусть обращается само къ себѣ съ строгими нравственными запросами и укорами, пусть не отказывается, но требуетъ отъ себя общественной—и отъ своихъ членовъ личной—иниціативы, не на словахъ только, а на дѣлѣ, для добрыхъ, всякихъ общеполезныхъ, благотворныхъ, хотя бы тяжелыхъ, скучныхъ и черствыхъ трудовъ и предпріятій....

Вообще (отстраняя вопросъ о дѣйствительныхъ, живыхъ, историческихъ земскихъ силахъ, благодаря которымъ Россія есть, живетъ и движется), нельзя не замѣтить, по отношенію къ нашей общественной жизни, что мы живемъ въ какое-то особенно странное время. Все у насъ будто бы есть, — а въ сущности нѣтъ ничего, или очень мало. Все у насъ существуетъ *будто бы*; ничто не кажется серьезнымъ, настоящимъ, а имѣетъ видъ чего-то временнаго, поддѣльнаго, показнаго.... У насъ есть очень либеральныя учрежденія, но всѣ эти либеральныя права вносили до сихъ поръ въ общественную жизнь и просто даже въ душу отдѣльныхъ людей мало либеральнаго;—все исполнялось по закону, все либеральничало по формѣ и данному образцу, а плоды порождало, какъ доказываетъ признанная правительствомъ необходимость преобразованій, самые непригодные! Объ этомъ ужъ такъ много было писано, что и говорить не стоитъ. Правительство истощалось въ благородныхъ усиліяхъ, желая создать какую-нибудь живую дѣятельную силу въ обществѣ, но вслѣдствіе разныхъ историческихъ условій—успѣвало создать только видимость, только подобіе. И все кругомъ подобіе: подобіе муниципалитетовъ,—на самомъ дѣлѣ признающихъ свои муниципальныя права за повинность, отъ которой муниципалы спѣшатъ уклониться; подобіе просвѣщенія, подобіе науки.... У насъ, кажется, довольно университетовъ,—есть даже чѣмъ похвастаться предъ иностран-

цами, но въ большей части изъ нихъ не замѣщены каѳедры *Русской* исторіи, *Русскаго* языка, *Русской* словесности!

Слѣдуетъ ли допускать участіе духовенства въ обсужденіи и рѣшеніи дѣлъ земства?

«День», 7-го декабря 1863 г.

Слѣдуетъ ли или не слѣдуетъ допускать участіе духовнаго сословія въ обсужденіи и рѣшеніи дѣлъ мѣстнаго земства? Слѣдуетъ ли духовенству предоставить право представительства въ земскихъ собраніяхъ, какъ лично за себя, такъ и по выбору и уполномочію отъ другихъ, или же, напротивъ, должно духовенство собственную защиту своихъ имущественныхъ интересовъ поручать лицу другаго сословія? Вотъ вопросъ, который еще до сихъ поръ не получилъ единогласнаго разрѣшенія ни въ общественномъ мнѣніи, ни въ средѣ самого духовенства, ни даже въ правительственныхъ сферахъ. Извѣстно, что по «проекту земскихъ хозяйственныхъ учрежденій», котораго подробный разборъ помѣщенъ былъ и въ нашей газетѣ, — къ составу земскаго общества причислено также и духовенство. Священнослужители, владѣющіе въ уѣздѣ собственною или церковною землею въ размѣрѣ, опредѣленномъ законами, т. е. не менѣе 33 десятинъ, призываются проектомъ къ участію въ выборѣ гласныхъ, но не иначе, какъ чрезъ уполномоченныхъ, избираемыхъ ими въ соединеніи съ мелкопомѣстными владѣльцами другихъ сословій. Въ такіе уполномоченные, по проекту, предварительное собраніе всѣхъ мелкихъ землевладѣльцевъ уѣзда имѣетъ право назначить и священника, который, въ свою очередь, въ качествѣ уполномоченнаго допущенный въ избирательное собраніе всѣхъ землевладѣльцевъ уѣзда, можетъ быть ими избранъ и въ гласные. Сверхъ того, проектъ даетъ право сельскимъ сходамъ избирать въ гласные отъ крестьянъ мѣстныхъ приходскихъ священниковъ, хотя бы и не изъ числа уполномоченныхъ. Такимъ образомъ проектъ, хотя и съ разными ограниченіями, допускаетъ участіе духовенства въ дѣлахъ земства. Это предположеніе встрѣчаетъ однакоже

сильное сопротивленіе со стороны многихъ благочестивыхъ лицъ, которыя считаютъ участіе въ общественныхъ гражданскихъ дѣлахъ «несвойственнымъ характеру и достоинству духовнаго сана, чуждаго будто бы мірскихъ занятій». Они полагаютъ также, что такое участіе могло бы только отвлечь священнослужителей отъ исполненія ихъ прямыхъ пастырскихъ обязанностей, и въ подкрѣпленіе своего мнѣнія ссылаются на 81 правило апостольское и на 3 правило четвертаго Халкидонскаго собора, вошедшія и въ нашу Кормчую Книгу. — Мы съ своей стороны думаемъ, что эти благочестивыя лица увлекаются чрезъ мѣру своимъ благочестіемъ и становятся въ совершенное противорѣчіе съ живою христіанскою правдою,—стараясь отрѣшить духовенство отъ общества и общественной жизни. Въ результатѣ такихъ попытокъ выходитъ обыкновенно то, что духовенству (мы разумѣемъ духовенство бѣлое и участвующее въ церковной администраціи) отрѣшиться отъ жизни все-таки не удается, да и нѣтъ къ тому никакой возможности,—но воспитанное подъ этимъ воззрѣніемъ, оно, въ своихъ отношеніяхъ къ жизни; обнаруживаетъ большею частью отсутствіе всякаго живаго чувства и разумѣнія дѣйствительности. Въ этомъ смыслѣ между семинаристомъ, окончившихъ курсъ въ семинаріи (слѣдовательно призваннымъ немедленно занять мѣсто пастыря душъ труждающихся въ мірѣ) и институткой—нѣтъ большой разницы. Утверждать, что санъ священнослужителя «отдѣленъ» отъ мірскихъ занятій, значитъ рѣшительно отрицать — дѣйствительно сущее и вѣками сложившееся явленіе! Авторъ статей о проектѣ, помѣщенныхъ въ «Днѣ», уже замѣтилъ по этому поводу, что у сельскаго священника семья и домъ, что онъ самъ добываетъ себѣ насущный хлѣбъ, кое-какъ пробивается со дня на день, обходитъ прихожанъ за сборами разнаго рода, частехонько берется за соху и грабли. «Къ чему же, говоритъ упомянутый авторъ, представлять его какимъ-то безплотнымъ существомъ и разсуждать не о томъ, что̀ есть, а о томъ, что̀ свойственно. Да и почему *не* свойственно? Вѣдь можно было служить Богу апостольствомъ и проповѣдью, не переставая быть плотникомъ? Подумаешь, читая эти возраженія, что дѣло идетъ о монахахъ или о безбрачномъ латинскомъ духовенствѣ, которое, сравнительно

съ нашимъ, нѣжится въ довольствѣ и роскоши». Въ самомъ дѣлѣ, если строго держаться воззрѣнія о несвойственности духовному сану мірскихъ занятій и проводить эту мысль до ея крайнихъ логическихъ послѣдствій, то слѣдовало бы, кажется, прежде всего избавить монастыри отъ всякой заботы о монастырскихъ имуществахъ, объ увеличеніи доходовъ и вообще о внѣшнихъ дѣлахъ монашескаго общежительства,— а приставить къ монастырямъ человѣка свѣтскаго, чиновника, которому *свойственно* заниматься мірскими интересами и который бы выдавалъ монастырямъ столько, сколько нужно для ихъ отрѣшеннаго отъ міра существованія! Но такимъ отдѣленіемъ отъ монастырей несвойственныхъ имъ занятій едва ли бы были довольны лица, утверждающія, что участіе въ дѣлахъ земства не свойственно сану священнослужителя! Однако не станутъ же они отрицать, что имущественные интересы церквей, монастырей, архіерейскихъ домовъ (для поддержанія которыхъ заведены въ нѣкоторыхъ епархіяхъ свѣчные восковые заводы)—точно такіе же внѣшніе, не духовные, мірскіе интересы, какъ и интересы земства. Самое управленіе епархіей есть дѣло большею частью внѣшнее, требующее не одной только благочестивой жизни, но и таланта администратора и опытности житейской. Древнее воззрѣніе христіанской церкви,—въ силу котораго епископами избирались преимущественно люди свободные отъ монашескихъ обѣтовъ,—кажется намъ болѣе правильнымъ, нежели современный обычай, сдѣлавшій монашество непремѣннымъ условіемъ высшей духовной карьеры. Но если этотъ обычай живетъ у насъ въ полной силѣ и не только живетъ, но и горячо отстаивается наиблагочестивѣйшими людьми; если не считается предосудительнымъ для монастырей владѣть обширными имуществами, угодьями всякаго рода, мельницами, ловлями, лавками, домами, отдаваемыми подъ трактирныя и распивочныя заведенія; если вмѣняется даже въ обязанность игуменамъ и игуменьямъ всемѣрно заботиться объ увеличеніи монастырскихъ доходовъ, о правильной и выгоднѣйшей отдачѣ въ аренду монастырскихъ угодій, о веденіи спорныхъ процессовъ съ сосѣдями на счетъ земли и луговъ и подъема воды въ мельничныхъ прудахъ; если въ этомъ отношеніи всякой монастырь, всякая церковь является землевладѣльцемъ,

защищающимъ иногда лично и непосредственно свои права и интересы въ судахъ и присутственныхъ мѣстахъ,—то нѣтъ, кажется, достаточнаго основанія устранять таковыхъ землевладѣльцевъ отъ участія въ общихъ хозяйственныхъ дѣлахъ всего земства. Можно замѣтить, что монаху, заживо себя похоронившему (по смыслу обѣта, имъ произносимаго и обряда надъ нимъ совершаемаго), неприлично быть публичнымъ представителемъ монастырскихъ интересовъ. Но въ такомъ случаѣ это представительство можетъ быть передано уполномоченному отъ другихъ сословій,—хотя, признаться сказать, мы не видимъ, почему монастырю прилично хозяйничать и торговать, и неприлично подавать голосъ въ качествѣ хозяина и торговца, каковымъ онъ бываетъ и есть въ дѣйствительности? почему монахамъ можетъ быть разрѣшенъ входъ во всѣ публичныя заведенія и гульбища для сбора на монастырь, и должно быть въ то же время воспрещено право сказать разумное и дѣльное слово въ пользу монастырскихъ имущественныхъ интересовъ на земскомъ собраніи,—подать благой совѣтъ къ устроенію земской тишины, порядка и мира? Мы не видимъ въ этомъ ничего противухристіанскаго. Мы думаемъ даже, что такое отношеніе къ общественной жизни, такое совѣщательное участіе въ общемъ дѣлѣ людей-братій, способно благотворнѣе воздѣйствовать на духъ, нежели хозяйственныя хлопоты объ имущественныхъ интересахъ монастырскихъ или даже личныхъ (какъ напр. у священниковъ). Но что касается бѣлаго духовенства, *земскаго* духовенства по преимуществу, то оно, по самому возвышенному смыслу своего учрежденія, тѣсно связано съ земствомъ и его жизнью. Оно изъ него исходитъ, изъ его среды избирается (такъ по уставу церковному, хотя, къ сожалѣнію, и не соблюдаемому въ наше время), среди него живетъ,—вѣдаетъ и дѣлитъ его общія печали, радости, невзгоды и заботы. Приходскій священникъ — причастенъ къ общей жизни, не только церковной, но и земской въ качествѣ семьянина и домохозяина,—проходитъ свою жизнь и совершаетъ свое служеніе подъ контролемъ общества. Это-то и прекрасно и составляетъ существенную черту православнаго священства, рѣзко отдѣляющую его отъ латинскаго священническаго института. Нигдѣ это призваніе не является съ такимъ высокимъ значеніемъ, такъ ярко и осязательно какъ

въ селахъ, гдѣ священникъ не только пастырь, но и проводникъ просвѣщенія, учитель и руководитель,—соединительное звено, посредникъ между разнообразными формами быта, между различными слоями или уровнями общенароднаго образованія.

Мы признаемъ вполнѣ авторитетъ церковныхъ правилъ, на которыя ссылаются противники допущенія духовенства къ участію въ дѣлахъ земства, но едвали эти правила истолковываются вполнѣ согласно съ ихъ основнымъ смысломъ. Должно надѣяться, что наши ученые богословы и знатоки каноническаго права не замедлятъ подвергнуть этотъ вопросъ строгому изслѣдованію со стороны догматической и канонической: охотно открываемъ для подобныхъ изысканій страницы нашей газеты, если только они будутъ умѣщаться въ предѣлахъ газетной статьи. Мы съ своей стороны укажемъ на авторитетъ другаго рода, на авторитетъ древней до-Петровской Руси. Что до-Петровская Русь авторитетъ въ этомъ дѣлѣ, это, вѣроятно, признаютъ всѣ ревнители православія. Кому не извѣстно, съ какою благочестивою строгостью придерживалась она, даже буквально, правилъ церковныхъ, какое огромное значеніе дала Номоканону въ своемъ законодательномъ кодексѣ, съ какою любовью прилаживала свою бытовую жизнь къ требаваніямъ церковнымъ, не обращая вниманія даже на то, что многія изъ нихъ были временныя, а не безусловныя, имѣли характеръ мѣстный, а не вселенскій, частный, а не общеканоническій. Если въ чемъ можно упрекнуть до-Петровскую Русь, такъ развѣ въ недостаточно свободномъ отношеніи къ древнимъ церковнымъ правиламъ и уставамъ, переданнымъ ей изъ Византіи, вмѣстѣ съ христіанствомъ,—а вовсе не въ недостаткѣ благочестія и ревности, или въ легкомысленномъ воззрѣніи на церковь и достоинство духовнаго сана! Между тѣмъ исторія положительно свидѣтельствуетъ, что участіе духовенства въ обсужденіи общихъ земскихъ и даже государственныхъ дѣлъ не только допускалось, но признавалось необходимымъ до-Петровскою Русью. Такъ напримѣръ, въ окружной грамотѣ царя Михаила Өедоровича въ Новгородъ 1619 года говорится, что государь, учинивъ соборъ съ митрополитами, архіепископами, со всѣмъ освященнымъ соборомъ и со всѣми людьми Мо-

сковскаго государства, совѣтовалъ съ ними, какъ бы исправить безпорядки и «землю устроить». Почему и повелѣно было: «изъ городовъ изо всѣхъ, для вѣдомости и для устроенья, взять къ Москвѣ, выбравъ «изъ всякого города изъ *духовныхъ людей по человѣку*, да изъ дворянъ и изъ дѣтей боярскихъ по два человѣка, добрыхъ и разумныхъ, да по два человѣка посадскихъ людей, которые бъ умѣли разсказать обиды и насильство и разоренье, и чѣмъ Московскому государству полниться и ратныхъ людей пожаловать, и устроить бы Московское Государство, чтобъ *пришло все въ достоинство*». Собственно Новгородскимъ воеводамъ царь наказываетъ, по полученіи грамоты, собрать все духовенство, дворянъ, гостей «и посадскихъ и *уѣздныхъ* и всякихъ людей Новгородскаго Государства» въ Софіевской Соборной церкви, прочесть имъ грамоту вслухъ, и по прочтеніи грамоты, велѣть «*духовнымъ* людямъ и дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ и посадскимъ и всякимъ людямъ выбрати изъ всѣхъ чиновъ людей добрыхъ и разумныхъ, *изъ духовнаго чина человѣка или двухъ*, изъ дворянъ и изъ дѣтей боярскихъ изъ пятины по два человѣка», и т. д., «выборные на нихъ списки дать за руками... и выборныхъ отпустить къ Москвѣ не мѣшкая». (Собр. Госуд. Гр. и Догов. т. 3.).

Духовенство принимало участіе и въ знаменитомъ Соборѣ 1642 года по случаю взятія казаками Азова, и подало свой отзывъ особо отъ прочихъ сословій. Да и положительно ни одинъ Земскій Соборъ не обходился безъ участія духовенства. Грамота объ избраніи на царство царя Михаила Ѳедоровича подписана духовными лицами наравнѣ съ прочими земскими людьми, — и уполномоченнымъ отъ посадскихъ и отъ уѣздныхъ людей и даже отъ дворянъ является не рѣдко «попъ» городской или сельскій. Мы могли бы выписать сотни примѣровъ въ пользу нашего мнѣнія, но предоставляемъ спеціалистамъ привести всѣ эти историческія свидѣтельства въ надлежащую полноту и систему—для подробнаго опредѣленія степени и характера того участія, которое принимало духовенство нашей до-Петровской Руси въ общей земской жизни, въ рѣшеніи дѣлъ земскихъ, какъ мѣстныхъ, такъ и общихъ государственныхъ. Мы полагаемъ, что и приведенныхъ нами доказательствъ вполнѣ достаточно, чтобъ успокоить благо-

честивыя сердца нашего времени, смущенныя мыслью о возможности появленія священниковъ—въ залахъ земскаго собранія, въ качествѣ гласныхъ! Во всякомъ случаѣ примѣръ древней Руси стоитъ того, чтобъ объ немъ подумать и не разрѣшать вопроса объ участіи духовенства въ дѣлахъ земства слишкомъ поспѣшно.

Этотъ вопросъ для нашего Западнаго края имѣетъ громадную жизненную важность. Духовенство, какъ извѣстно, есть единственный образованный представитель Русской народности въ томъ краѣ, гдѣ высшіе классы населенія расходятся совершенно съ населеніемъ сельскимъ, или, лучше сказать, съ громаднѣйшимъ большинствомъ населенія,—расходятся — по языку, по вѣрѣ, отчасти по происхожденію. Если устранить духовенство, то это значитъ лишить православное Русское сельское населеніе прямыхъ, народною жизнью и исторіею воспитанныхъ и подготовленныхъ защитниковъ мѣстныхъ земскихъ Русскихъ интересовъ,—отнять у Русскаго населенія всѣ средства къ огражденію себя отъ интригъ и козней Польскихъ землевладѣльцевъ. Извѣстно, что въ Западномъ краѣ, и особенно въ Бѣлоруссіи, Русскихъ помѣщиковъ почти нѣтъ вовсе; извѣстно, что почти вся поземельная собственность находится въ рукахъ дворянъ—Поляковъ, т. е. ополяченныхъ туземцевъ, и на ихъ же сторонѣ лежитъ огромное преимущество образованія, опытности въ дѣлахъ политическаго свойства и во всякомъ житейскомъ искусствѣ. Въ сравненіи съ ними Бѣлоруссы, измученные вѣковымъ рабствомъ, забитые, невѣжественные, еще не окрѣпшіе въ сознаніи своей свободы и своей полноправности, являются совершенно невооруженными; единственнымъ стоятелемъ за народные интересы и за Русскую народность, неизмѣннымъ товарищемъ народа въ теченіи долгихъ вѣковъ угнетенія, позора и всевозможныхъ страданій, было духовенство;—оно же и теперь служитъ главнымъ орудіемъ возрожденія Бѣлорусскаго народа къ гражданской жизни и укрѣпленія въ немъ сознанія его народности. его единства со всею Русью. Болѣе чѣмъ когда-либо важно усиленіе этой связи православнаго духовенства съ православнымъ населеніемъ края; нужнѣе чѣмъ когда-либо, именно теперь, при отсутствіи Русскаго туземнаго общества, подъемъ пра-

вославнаго бѣлаго Западнорусскаго духовенства въ его общественномъ значеніи и положеніи. Никогда его призваніе не было такъ высоко, какъ теперь, когда окончательно рѣшается судьба Западнаго края. Поэтому распубликованный «проектъ земскихъ хозяйственныхъ учрежденій» несравненно болѣе удовлетворяетъ этимъ условіямъ, чѣмъ мнѣніе порожденное новѣйшимъ благочестіемъ — совершенно отрѣшившимся отъ разумѣнія живыхъ нуждъ и потребностей живыхъ православныхъ людей Западной Руси. Вопросъ такъ важенъ, его неудовлетворительное разрѣшеніе можетъ привести къ такимъ печальнымъ послѣдствіямъ, что мы считаемъ необходимымъ заблаговременно обратить на него вниманіе нашего общества. Кажется, еще не поздно.

Какъ началось и шло развитіе русскаго общества.

«День», 11-го января 1864 г.

Ровно сто шестьдесятъ три года минуло съ того перваго января, когда при барабанномъ боѣ и пушечномъ громѣ возвѣщено было, по указу Царскаго Величества, изумленному Русскому люду — начало новаго лѣта и новаго лѣтосчисленія. При этомъ, подъ страхомъ казни, наложенъ былъ запретъ на тотъ древній порядокъ церковнаго счисленія, котораго почти семь вѣковъ сряду держалась Русь. И наступило новое лѣтосчисленіе, новое во всѣхъ смыслахъ, — не какъ простое измѣненіе календаря, но какъ новая эра, какъ начало новаго гражданскаго бытія. Геній преобразователя, окрыленный всемогуществомъ власти, вездѣ отмѣнялъ обычный, естественный ходъ жизни, ея самобытное творчество, ея свободу, ея органическія отправленія; вездѣ, съ неколебимою настойчивостью, ставилъ на ихъ мѣсто указъ и регламентъ, все созидалъ и воздвигалъ вновь, не оставивъ, кажется, ни одного уголка не только государственной, но общественной и даже частной жизни, который бы не былъ заклейменъ печатью его изволенья и силы. Ничто не укрылось отъ орлинаго взора, — на все обращено зоркое вниманіе власти, все принято къ правительственному соображенію, все сведено къ единой цѣли, заданной себѣ

творцомъ новой Россійской Имперіи, все поступило на службу идеѣ государства, все взято въ казенное вѣдомство,— не только жизнь и достояніе людей, но и нравы,— не только моря и земли, но и парики и бороды. Конечно, громаднѣе переворота не видала исторія. Рядомъ съ созданіемъ арміи, флота, фортецій, сената, коллегій, магистратовъ, ратушъ,— заказывалась наука, повелѣвалось быть искусству, поэзіи, литературѣ, предписывались уставы для общежитія, заимствованные у Голландцевъ и Нѣмцевъ, налагались, по грозной волѣ царя, правила «комплиментовъ»,— Русскіе люди, подъ страхомъ казней, учились танцамъ и фривольнымъ манерамъ, важные и сановитые бояре выдѣлывались, выдалбливались и выколачивались въ петиметровъ... Русское общество, обритое, причесаное, одѣтое по казеннымъ образцамъ, согнано было въ «ассамблеи» — привыкать къ веселымъ добрымъ нравамъ, къ которымъ относилась и выпивка знаменитаго кубка Большаго Орла. Если въ началѣ Русскіе люди упирались и не одна Русская боярыня, пожалованная въ новое званіе «дамы», была, за уклоненіе отъ ассамблеи и танцевъ, принуждена выпить сей кубокъ, а иные упрямцы, за несогласіе разстаться съ бородою, разстались съ головою,—то впослѣдствіи однако старанія Петра увѣнчались полнымъ успѣхомъ и насажденія его принесли соотвѣтственный плодъ: Русское общество смирилось, отреклось отъ Русскихъ нравовъ, обычаевъ, преданій, восколько это было возможно для природы людей, все же Русскихъ по происхожденію, и съ покорностью двинулось по указанной ему дорогѣ, къ ассигнованному ему волею Петра идеалу. Этотъ настойчивѣйшій изъ реформаторовъ, который, по выраженію Пушкина, былъ «на тронѣ вѣчный работникъ,

„То академикъ, то герой,
„То мореплаватель, то плотникъ",

то цирюльныхъ, то галантерейныхъ дѣлъ мастеръ,—успѣлъ даже дать оффиціальную формулу выраженіямъ народной преданности и восторга (введеніемъ Венгерскаго крика «ура)» — и вообще вдохнуть во всѣ движенія общественной жизни всемогущество казеннаго духа.

Подъ вліяніемъ этого духа началось новое бытіе для Рос-

сіи; толчокъ, данный Петромъ, чувствуется и доселѣ; длань Петра еще распростерта надъ Россіей, духъ Петра предносится передъ дѣятелями, Россія продолжаетъ вращаться въ кругѣ начертанномъ Петромъ,—другой кругъ еще не найденъ, или по крайней мѣрѣ еще не обозначился ясно,—хотя съ нынѣшнимъ царствованіемъ возникло движеніе, которое, можетъ быть, историкъ будетъ въ правѣ назвать «обратнымъ». Этотъ кругъ—есть развитіе государственнаго органа на счетъ всѣхъ прочихъ органовъ и во всевозможныхъ развѣтвленіяхъ и видоизмѣненіяхъ, не только въ области внѣшней и матеріальной, но и въ области внутренней и духовной. Мы устраняемъ теперь всякое сужденіе о качествѣ этого явленія,—мы не станемъ разбирать—насколько оно было подготовлено предшествующею исторіею, и насколько оно было исторически необходимо для того, чтобы овладѣть матеріаломъ, чтобы покончить образованіе внѣшней государственной оболочки и обезпечить внутреннее развитіе въ размѣрахъ соотвѣтственныхъ внѣшней, исторіею данной формѣ. Не подлежитъ сомнѣнію, что недуги древней Руси требовали сильнаго врачеванія, что въ томъ или другомъ видѣ реакція была неизбѣжна, но что теперь приходится лѣчиться отъ послѣдствій лѣченья, и что реакція Петра, по естественному закону, должна была вызвать, и уже вызвала, новую реакцію. Затѣмъ, такъ какъ полнота развитія и здоровая правильность органическихъ отправленій немыслимы безъ участія въ общей жизни организма — и государства и общества и народныхъ массъ,—то понятно, что пока народныя массы были не всѣ призваны къ жизни и полагались на степени матеріала, пока манифестомъ 19 февраля 20 милліоновъ Русскихъ людей не были введены въ общую жизнь организма, до тѣхъ поръ, уже по одной этой причинѣ, кровообращеніе должно было совершаться неправильно, и—при слабости элемента общественнаго—вся сила громаднаго организма ушла въ *одинъ* органъ, имъ однимъ жила и держалась... Какъ бы то ни было, но теперь, когда манифестомъ 19 февраля 1861 года исполнилась задача нашего сложенія, нашей формаціи, — задача, лежавшая на обязанности государства,—теперь необходимо уравновѣшеніе органическихъ отправленій, правильное распредѣленіе функцій или, такъ сказать, службы органовъ; необходимо точно и ясно распо-

знавать области того или другаго элемента... Матеріальный, такъ сказать физическій, нашъ ростъ окончился и наступаетъ пора сознательнаго, преимущественно общественнаго развитія. Мы не можемъ уже теперь отстраняться отъ работы самосознанія: отнынѣ въ ней наше спасеніе и сила; отнынѣ не останется безнаказаннымъ никакое наше свободное уклоненіе отъ путеводительства разума, не сойдетъ даромъ никакое добровольное пренебреженіе обществомъ своихъ духовныхъ правъ, своей нравственной миссіи. Отнынѣ обществу предстоитъ восполнить неравномѣрность развитія нашихъ органовъ, на него ложится историческая отвѣтственность, его чередъ наступаетъ. Но само собою разумѣется, обществу слѣдуетъ постоянно помнить, во 1-хъ, что здорово только то общество, которое народно и всѣми своими корнями коренится въ народѣ; во 2-хъ, что оно должно относиться къ себѣ какъ можно строже, не забывать, что область общественная не есть область государственная и государственная область не есть общественная, не посягать на первую, но и не упускать изъ виду свою духовную самостоятельность и свободу...

Если все это не совсѣмъ ясно читателю, тò мы попросимъ его воскресить въ своей памяти то время нашей исторіи, когда вполнѣ сознательная необходимость въ созданіи крѣпкой государственной политической жизни встрѣтилась съ бездѣйствіемъ или почти съ совершеннымъ отсутствіемъ общественнаго элемента. Петръ не ограничился (можетъ-быть и не могъ ограничиться) преобразованіемъ одной внѣшней формы — доступной вполнѣ государственнымъ силамъ; ему необходимо было наполнить эту форму соотвѣтственнымъ содержаніемъ, — и потому, *въ духѣ государственныхъ цѣлей*, совершились преобразованія въ области духа по преимуществу, — въ церкви, въ сферѣ просвѣтительныхъ, общественныхъ началъ, въ средѣ общественной, въ нравахъ. Но такъ какъ эта область духовная менѣе доступна дѣйствію государственному, чѣмъ область внѣшняя, государственная, — то бòльшая часть жизни духовной убѣжала въ массы народа, въ глубь почвы, гдѣ, вмѣстѣ со всѣми истинными земскими силами, долго хранилась подъ спудомъ, пока нынѣшнее царствованіе не вызвало ихъ вновь къ жизни. Остальные же классы народонаселенія,

лишенные такимъ образомъ силы энергическаго самобытнаго творчества, стали развиваться въ данномъ направленіи, медленно и пассивно, по мѣрѣ казенной надобности. Создалась великая и величественная держава. Но какая же это держава безъ наукъ и искусствъ? Необходимы науки и искусства, artes molliunt mores, искусства смягчаютъ нравы, смягченные же нравы облегчаютъ *государственное* управленіе; необходимо и просвѣщеніе въ извѣстной мѣрѣ и степени: оно образуетъ полезныхъ слугъ *государству*. И вотъ могущественною волею Петра пересаживаются науки и искусства— совсѣмъ готовыя, берутся подъ государственное покровительство, поступаютъ въ государственную *службу*. Хорошее цвѣтущее государство безъ музъ не обходится!.. нуженъ и поэтъ для прославленія подвиговъ, и скульпторъ для изваянія статуй великихъ государственныхъ дѣятелей, нуженъ и писатель съ добрымъ слогомъ, чтобъ могъ сочинить на нужные государственные случаи, торжества и другія потребы— привѣтственную рѣчь, похвальное слово, исторію событій; нуженъ и актеръ для увеселенія двора и публики (которую также приходилось создавать вновь, ея вѣдь не было,—она также у насъ происхожденія оффиціальнаго!)... Да, необходимы актеры, необходимы комедіи, балеты, необходимо веселье, какъ одно изъ условій государственной гигіены... И вотъ являются и поэты, и скульпторы, и живописцы, и писатели, и актеры и балетмейстеры, и ученые и веселые люди, и всѣ поступаютъ на службу, расписываются по классамъ и рангамъ, содержатся на счетъ государства и отдаютъ отчетъ правительству въ своей художнической, ученой, литературной или увеселительной дѣятельности. Когда читаешь исторію просвѣщенія Россіи при Петрѣ І-мъ Пекарскаго, приходишь въ невольное изумленіе предъ тѣми настойчивыми, энергическими усиліями государства: создать во что бы ни стало — штатс-просвѣщеніе, штатс-науку, штатс-искусство, штатс-журналистику, штатс-поэзію, штатс-литературу, штатс-галантерейность, штатс-нравы, штатс-нравственность... Государство не щадило расходовъ на воспитаніе общества — въ направленіи и въ духѣ соотвѣтствовавшихъ государственнымъ цѣлямъ .. Конечно, *ни одно* общество въ мірѣ не стоило такихъ издержекъ казнѣ, какъ Русское общество! нигдѣ, впро-

чемъ, и не давалось ему свыше, *отъ казны*, воспитанія! Отъ кабаковъ и увеселительныхъ домовъ, до академій наукъ и разныхъ храмовъ музамъ—все это содержалось на казенныя деньги, на казенный счетъ, казною, ради государственной надобности.

Такъ началось и шло развитіе Русскаго общества!

Но съ духомъ труднѣе справиться, чѣмъ съ формой, и разъ возбужденный (а онъ былъ сильно возбужденъ громовыми ударами Петровской реформы),—онъ изнесетъ наконецъ изъ своихъ нѣдръ плоды—горькіе или сладкіе, добрые или злые, но во всякомъ случаѣ самостоятельные. Отрицательное отношеніе къ жизни, сатира и юморъ легли въ основаніе Русской литературы: исторія нашей словесности (послѣ Петра, разумѣется; трудно назвать «литературою» дѣятельность слова предшествовавшихъ столѣтій) начинается сатирами Кантемира. И если потомъ блескъ, величіе, слава государства породили поэтовъ, искренно вдохновленныхъ и въ этомъ смыслѣ положительно относившихся къ явленіямъ жизни,—за то, по замѣчанію Хомякова, отъ Аристофана до нашихъ временъ никакая литература не представила образцовъ такихъ великихъ комедій *общественнаго* значенія и содержанія, какъ Русская, нигдѣ не развился съ такою силою духъ осмѣянія, отрицанія всего того ложнаго и мишурнаго, чѣмъ заражена наша жизнь; нигдѣ не проявилась съ такою страстію, переходившею за предѣлы изящнаго, потребность простоты и правды въ искусствѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ началась въ обществѣ работа самознанія. Вызванныя силы духа, если и не способны были къ положительному творчеству, за то со всею силою обратились на — критику, на анализъ, на изслѣдованіе причинъ нашего общественнаго недуга, на изученіе народныхъ началъ. Даръ самосознанія—великій даръ, и если, повторяемъ, нашему обществу недостаетъ еще вообще силъ положительныхъ, зиждущихъ, силъ жизненнаго творчества, то это происходитъ отъ того, что еще не возстановлена цѣльность нашего жизненнаго организма. За то мы богаты теперь — способностью анализа, чуткостью сознанія и горькимъ, сознательнымъ опытомъ.

Впрочемъ, сказанное нами относится собственно къ области внутренняго духовнаго развитія. Что касается до развитія, такъ сказать, политическаго, то скоро оказалось, что государство об-

ременило себя черезъ силу—взваливъ на себя заботы, не только государственнаго, но общественнаго и даже частнаго характера, исправляя должность общества вездѣ и всюду, замѣняя отправленіями государственными всѣ другія отправленія.... Мало того: открылась необходимость въ обществѣ какъ въ матеріалѣ, какъ въ грузѣ государственаго судна, какъ въ посредствующемъ элементѣ между властью и массами. Екатерина вспомнила о земствѣ, и передала земству часть попеченій государственныхъ по внутреннему управленію. Отсюда начинается рядъ правительственныхъ дѣйствій, которымъ ничего подобнаго не представляетъ исторія другихъ странъ: правительство само, непринужденно, собственною инициативою поступается своею властью обществу, удѣляетъ ему, вмѣстѣ съ обязанностями, часть своихъ правъ, такъ сказать налагаетъ ему привилегіи «самоуправленія»,—и большею частью встрѣчаетъ со стороны самаго общества — если не отпоръ, то равнодушіе, или пассивную покорность... Выходитъ такъ, что само правительство должно учить общество «самоуправленію», само направлять его, смотрѣть за нимъ, возбуждать, сочинять и формулировать за него его внутреннюю дѣятельность. Общество почти до сихъ поръ не можетъ еще высвободиться само изъ-подъ Петровской опеки, и само до сихъ поръ, несмотря, повидимому, на всѣ усилія правительства, продолжаетъ быть тѣмъ же *штатс-обществомъ*, какимъ оно было создано при Петрѣ... Послѣднимъ, новѣйшимъ актомъ этого поступленія государствомъ обществу своей власти—являются Земскія Учрежденія. Но для того, чтобъ усилія государства увѣнчались успѣхомъ, для того, чтобъ общество и государство стали въ надлежащее равновѣсіе другъ къ другу и чтобъ развитіе этихъ существенныхъ элементовъ политическаго организма получило правильный и равномѣрный ходъ,—необходимо... отрѣшиться отъ преданій Петровской реформы. Необходимо, чтобы общество получило не только политическую привилегію, но и нравственную свободу, чувствовало себя не только удостоеннымъ правъ и преимуществъ, но и духовно-самостоятельнымъ и свободнымъ... Только тогда государство достигнетъ своей цѣли и извлечетъ для себя надлежащую пользу изъ общества, когда обществу предоставится возможность быть обществомъ не по

образу и подобію данному извнѣ, не штатс-обществомъ, а самимъ собою. Если въ прошломъ году правительство, держа рѣчь къ иностраннымъ державамъ, признало полезнымъ опереться предъ лицомъ всего міра на общественное мнѣніе страны, то необходимо, чтобъ эта опора была всегда тверда, прочна, благонадежна, чтобъ общественное мнѣніе было точно свободнымъ мнѣніемъ общества, чтобъ иностранцы не могли его считать вызваннымъ на сей только случай, но чтобъ оно всегда дѣйствовало, жило и проявлялось свободно. Русскому правительству менѣе чѣмъ всякому другому въ мірѣ можно опасаться уклоненія общественнаго мнѣнія въ ущербъ интересамъ государства: вся исторія наша свидѣтельствуетъ о силѣ не только внѣшней, но и духовной у насъ государственнаго элемента. Напротивъ, для того, чтобъ онъ не утратилъ своего истиннаго значенія, онъ не долженъ обезсиливаться, замѣняя собою въ государствѣ—службу элемента общественнаго. Мы думаемъ, что уже настало время для нашего общества перестать быть порожденіемъ оффиціальнымъ, штатс-обществомъ, а государству—исправлять должность общества; мы думаемъ, что съ освобожденіемъ крестьянъ 19 февраля 1861 г., должна бы начаться для Россіи новая эра, эра полнаго развитія всѣхъ органовъ нашего организма въ надлежащемъ другъ къ другу соотношеніи, безъ ущерба для государства, но къ его укрѣпленію и благоденствію, — уже не внѣшнему и матеріальному только, но духовному и нравственному.

Письмо Касьянова изъ отечества.

«День», май 1864 г.

Я имѣлъ бы полное право сложить съ себя неблагодарное званіе вашего корреспондента, потому что столько писемъ моихъ изъ-за границы вы оставили ненапечатанными, но

Я къ вамъ пишу: чего же болѣ?

Рѣшаюсь прервать мое молчаніе и начать снова рядъ писемъ—только теперь не изъ-за границы, а изнутри границъ нашего отечества, не изъ «прекраснаго далека», а увы! изъ непрекрасной и даже очень невзрачной близи. Гдѣ я и

откуда вамъ пишу—что вамъ до этого? довольно съ васъ знать, что я обрѣтаюсь «подъ гарантіей» — слѣдовательно подъ воздѣйствіемъ законовъ Россійской Имперіи (куда впрочемъ глубокомысленная догадка Редакціи «Московскихъ Вѣдомостей» помѣстила и васъ и весь славянофильскій кружокъ,—состоя, вѣроятно, сама, съ своими «Московскими Вѣдомостями», внѣ общихъ законовъ Россійской Имперіи...).

Что же дѣлается въ нашемъ любезномъ отечествѣ? Что нашелъ я по возвращеніи въ Россію? Это вопросъ такого щекотливаго свойства, что лучше было бы его и не поднимать. Но такъ какъ онъ уже выскользнулъ изъ-подъ пера, то отвѣчу вамъ какъ можно короче и категорически.

Я нашелъ—необыкновенный разливъ патріотизма,— какъ бы нѣкій разливъ рѣки, затопившій берега и покрывшій всѣ кочки, ямы и трещины одною гладкой поверхностью воды. Забыты старые счеты, обиды, недоумѣнія, неразъясненныя противорѣчія,

Неразрѣшенные вопросы
И неразгаданныя тайны...

Все это оставлено, или отложено, или сдано въ архивъ безъ закончанія,— все какъ будто примирено, сглажено,— все мучительное, все болѣзненное какъ будто уврачевалось— патріотизмомъ. Я говорю не про что другое, а именно про «патріотизмъ,»—слово, по вашему замѣчанію, на Русскій языкъ непереводимое. Дѣйствительно выраженія: «любовь въ Русской землѣ», «любовь къ народу», «чувство или сознаніе своей народности», не выражаютъ вполнѣ сущности «патріотизма». Это такое чувство, которое, вмѣстѣ со словомъ «патріотизмъ», и вмѣстѣ съ другими иностранными словами, водворилось у насъ, при Петрѣ Великомъ, въ одно время съ созданіемъ Россійской Имперіи. Оно и въ настоящее время имѣетъ въ виду преимущественно ея внѣшнее могущество, внѣшнюю цѣлость и внѣшнее единство,— такъ что если ничто этимъ условіямъ ея бытія угрожать не будетъ, я и не знаю, что станетъ дѣлать съ собою патріотизмъ? Въ чемъ будетъ проявлять свою службу?... Какъ ни сочувствуемъ мы патріотизму, не мѣшало бы, можетъ-быть, прибавить къ нему немножко любви и разумѣнія Русской *народности* собственно и ея началъ, а впрочемъ это мое личное мнѣніе, и не мое дѣло судить, въ ка-

кой степени отвѣчаетъ этимъ требованіямъ понятіе о патріотизмѣ, какъ о государственной доблести... Кстати: это слово теперь въ такомъ ходу, что недавно одинъ гостинодворный сидѣлецъ, пріѣхавши ко мнѣ со счетомъ изъ лавки и посмотрѣвъ на портретъ Ивана Грознаго, сказалъ, послѣ минуты глубокомысленнаго молчанія: «да-съ, въ свое время былъ *патріотъ...*» Чтò понималъ онъ подъ этимъ и почему возвелъ онъ Ивана Грознаго въ званіе Русскаго патріота, я не добрался толку,—но ручаюсь вамъ, что это не выдумано мною, а истинный фактъ...

Я нашелъ—такую перетасовку цѣлыхъ партій и лицъ, что до сихъ поръ не могу оріентироваться или опознаться,—не могу даже отыскать до сихъ поръ многихъ моихъ пріятелей. Нѣкоторые изъ нихъ, которыхъ я отыскивалъ *долу*, очутились *горѣ*, на высотѣ недосягаемой,—нѣкоторые, на которыхъ я смотрѣлъ до сихъ поръ какъ на своего брата-прапорщика, теперь глядятъ почти генералами, такъ что вселяютъ даже нѣчто въ родѣ страха и робости. Вкусы перемѣнились значительно. Чтò прежде претило, то уже не претитъ. Чтò казалось невозможнымъ, то потомъ — ничего! — попробовано и найдено *можнымъ*. Сначала, пока я не принаровился, я попадался безпрестанно въ просакъ и вѣроятно прослылъ у многихъ за отсталаго. Помню однажды, подсѣлъ я къ одному кружку и по старой привычкѣ, знаете—при словѣ, кстати — отозвался объ Австріи непочтительнымъ образомъ. Смотрю: никто не подругиваетъ, такъ что мнѣ стало неловко, какъ будто я сдѣлалъ какую-то безтактность!... Даже одинъ изъ присутствовавшихъ замѣтилъ мнѣ, что вѣдь въ настоящее время Австрія, хотя конечно, но... почему же... союзъ съ нею и т. д. Всмотрѣлся я въ него: оказался знакомый и даже авторъ статьи, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, противъ Австріи и ея интригъ... Встрѣчаю пріятеля: несу ему докладъ о Славянскихъ земляхъ, мною только-что осмотрѣнныхъ, веду рѣчь, какъ водится, о народахъ, о національностяхъ... У пріятеля уши заложены,—а давно ли?... Вообще я долженъ сказать, что встрѣтилъ въ обществѣ, благодаря вѣроятно стараніямъ журналистики, чрезвычайное развитіе политическаго смысла и патріотическаго практицизма,—практицизма довольно смѣлаго, для котораго теорія, идеаль-

щина (какъ выражаются практики), отвлеченные принципы— не болѣе, какъ старое ненужное тряпье. Сложимте-ка его въ сундукъ поскорѣе, почтенный Редакторъ: вѣдь у насъ— что грѣха таить—этого припасено было много!...

Затѣмъ я нашелъ не менѣе широкій разливъ — либерализма, съ тою разницею, что онъ, вопреки естественнымъ законамъ всякаго разлива, покрылъ собой однѣ верхушки: Арараты залиты водою, а низменность суха. Простой народъ вовсе и не глядитъ либераломъ: я нахожу, что это преудобно! Вы ко всему этому присмотрѣлись, а для меня, такъ давно небывавшаго въ Россіи, все это было ново и даже умилительно. Наружность Петербурга, напримѣръ, все та же, и тотъ же шпицъ адмиралтейства, та же Нева,—та же Петропавловская крѣпость, тотъ же Исакій, та же масса чиновниковъ и военныхъ,—но и чиновники и военные имѣютъ въ манерахъ своихъ что-то эдакое, либеральное, расхаживаютъ по улицамъ съ такою либеральною развязностью,—что иностранецъ-путешественникъ рѣшительно долженъ почувствовать себя въ землѣ свободы—чуть не въ Англіи... Я понялъ увлеченіе г. Скарятина, издателя газеты «Вѣсть», вообразившаго себя въ Петербургѣ, даже среди Петербургской зимы, подъ жаркимъ небомъ Италіи, чуть-чуть не на берегу Средиземнаго моря, издателемъ какой-нибудь Туринской газеты... Да-съ, по серьезному увѣренію нѣкоторыхъ Петербургскихъ чиновниковъ — не то, что Французъ, но самъ Англичанинъ намъ завидуетъ, или скоро долженъ позавидовать. Вообще я подмѣтилъ въ чиновническомъ мірѣ нѣчто похожее на авторское самодовольство, на то чувство, которое пораждается въ человѣческомъ сердцѣ «авторствомъ». И не мудрено: едва-ли есть хоть одинъ не слишкомъ мелкій чиновникъ, который бы не былъ авторомъ нѣсколькихъ либеральныхъ проектовъ и членомъ нѣсколькихъ коммиссій. Мало того. Вы помните, какъ Маниловъ утопалъ, обыкновенно послѣ обѣда, въ сладкихъ мечтахъ о томъ, что начальство, узнавъ о его дружбѣ съ Чичиковымъ, произведетъ ихъ обоихъ въ генералы. Нѣчто подобное встрѣтилъ я и теперь въ своихъ разъѣздахъ по Россіи, съ тою разницею, что Маниловъ нашихъ дней мечтаетъ уже о томъ, что начальство, узнавъ объ его либерализмѣ, произведетъ его въ генералы...

Въ литературѣ... въ литературѣ я нашелъ очень хорошее настроеніе. Я разумѣю собственно журналистику или публицистику: другой литературы, кажется, теперь и въ заводѣ нѣтъ. Кромѣ малыхъ исключеній, такъ все это слажено, такая согласная музыка трубъ и литавръ, что за этими звуками другихъ почти и не слышно. Что-то такое торжественное, какъ добрая полковая музыка, все марши и кантаты, все въ мажорномъ тонѣ. Литературные тамбуръ-мажоры такъ это граціозно и вольно помахиваютъ палочками... Да, совсѣмъ другой тонъ въ нашей литературѣ, чѣмъ прежде. Прежде къ ней могли примѣниться эти два стиха:

И вся полна болѣзненнаго стона,
Ея душа не знаетъ угомона,

а теперь повидимому нѣтъ ничего болѣзненнаго, и она цвѣтетъ здоровьемъ. Я говорю—повидимому,—говорю, по первому впечатлѣнію. Такой aplomb развился въ ней! такъ это она разсуждаетъ съ достоинствомъ, съ такимъ сознаніемъ своего общественнаго значенія и силы,—все это «мы», «мы», «мы». «Мы — говоритъ — гордимся патріотизмомъ Русской *прессы»*... «Мы—говоритъ—желали бы спросить Англійскую прессу, почему она себѣ дозволяетъ то и то»... Увѣряютъ даже, что Англійская пресса начинаетъ потрушивать.

Заглянувъ въ газеты, по возвращеніи,—всмотрѣвшись въ ихъ независимые пріемы и аллюры, я невольно воскликнулъ: Европа, настоящая Европа! (Этотъ комплиментъ, впрочемъ, къ вамъ уже никакъ не относится: «Голосъ» объявилъ недавно, по поводу вашей статьи о іезуитахъ, что отъ васъ вѣетъ ему и прочимъ чинамъ Россійской прессы. *Татаръщиной*). Да и какъ же не Европа! Развертываю одну газету и читаю:

„Въ соціальномъ и артистическомъ отношеніи блистательны были оба раута князя А. М. и по случаю обоихъ любезность и внимательность его къ прекрасному полу была положительно не истощима... Князь имѣетъ по крайней мѣрѣ столько же почитательницъ, какъ и почитателей. . Зная, *сколь* князь привѣтливъ и какъ онъ всегда успѣетъ разглядѣть цвѣтокъ, приколотый кстати и платье, которое къ лицу, наши великосвѣтскія дамы много истратили изобрѣтательности, вкуса и денегъ, соперничествуя въ изнскательности нарядовъ и причесокъ по поводу обоихъ этихъ раутовъ.

Царицею перваго была княтиня Е. П. К. (*). На второмъ общее вниманіе возбудила идеальная красота юной княгини М. С. Д. Княгиня была этотъ разъ положительно осыпана бриллiантами, а она и безъ того ослѣпительно хороша"...

Далѣе разсказывается про туалетъ княгини О., про голубое платье графини М. И. О. С. и пр. пр., говорится, что князь истинный Меценатъ, и что между прочимъ, на первомъ раутѣ въ нынѣшнею зиму былъ у него г. Ѳеоктистовъ...

Да по-Русски ли это писано? не мерещится ли мнѣ, спросилъ я самъ себя. Не читаю ли я «nouvelles de high-life» въ «Le Nord?» Весьма по Русски, вотъ оно даже наше *сколь*! Это наша Русская патріотическая фешьенебельная газета «Вѣсть», издаваемая тѣмъ самымъ господиномъ, что воображаетъ себя въ Петербургѣ подъ жаркимъ небомъ Италіи,— это ея № 14, отъ 5 Апрѣля, стр. 14 и 15, и тутъ же на 15 страницѣ помѣщено извѣстіе о «переселеніи Польской шляхты», по распоряженію правительства, въ Самарскую губернію...

Европа, настоящая Европа!.. Беру другую газету и читаю—статью противъ вывозныхъ пошлинъ: негодованіе на протекціонизмъ, негодованіе на систему охранительныхъ пошлинъ, негодованіе на Францію за ея высокій тарифъ на трапье, имѣющій цѣлью поддержать бумажныя фабрики, и изъявленіе надежды, что Франція скоро одумается и послѣдуетъ за другими образованными народами... Прекрасно, но почему же Франція хочетъ поддержать бумажныя фабрики? Потому, говоритъ газета, съ ироніей глубокаго презрѣнія, что «въ странѣ этой, гдѣ печатаніе и книжная торговля подчинены правительственному контролю и постоянно находятся подъ страхомъ взысканія, доходящаго до совершеннаго запрещенія— огражденіе тряпья отъ иноземныхъ покупателей составляетъ родъ вознагражденія. Но есть основаніе предполагать, что это стѣсненіе свободной торговли не будетъ продолжительно», и

(*). Ну, не Татарщина ли мы съ вами? въ газетѣ, изъ которой мы дѣлаемъ выписку, имена всѣхъ дамъ прописаны сполна, а насъ съ вами удерживаетъ какая-то глупая скромность, и даже при перепечатываніи мы означаемъ имена однѣми начальными буквами? Татарщина! *Касьяновъ*.

проч. Кто же это говоритъ такимъ образомъ и такъ мѣтко подшучиваетъ надъ Франціею? Вы думаете: «Times», «Economist», или другая газета—газета страны, гдѣ бумажныя фабрики не подвергаются, конечно, подобнымъ опасностямъ?... Это говоритъ «Journal de St.-Pétersbourg», или, вѣрнѣе сказать, «Сѣверная Почта», помѣстившая у себя эту статью въ переводѣ и изъ которой мы сдѣлали выписку (въ 78 № отъ 5 апрѣля, стр. 1, столбецъ 6-ой, 21 строка съ низу). — Что̀ за притча, подумалъ я..., да чего же вы-то, г. редакторъ «Дня», все жалуетесь? подумалъ и перешелъ отъ «Сѣверной «Почты» къ «Эпохѣ»—новому журналу, замѣнившему собою прежнее «Время»...

Я нашелъ, что нигилизмъ въ литературѣ очень присмирѣлъ, но за то является въ другихъ сферахъ, въ другой своеобразной формѣ... «Вотъ видите ли», говорилъ мнѣ одинъ немаловажный чиновникъ, «мы тутъ придерживаемся особой системѣ. Вотъ, напримѣръ, Французская революція? Отчего она разыгралась? Отъ того, что противились движенію, вмѣсто того, чтобы овладѣть имъ, стать во главѣ и повести его послушно по дорогѣ правильнаго прогресса. Такъ и съ нигилизмомъ. Надо стать во главѣ нигилизма, облечь его въ извѣстную приличную одежду—и онъ будетъ нашъ, будетъ добропорядочный, полезенъ службѣ и государству». Умныя рѣчи пріятно и слушать, отвѣчалъ я, но едвали вы совладаете съ такимъ явленіемъ, какъ нигилизмъ: вы знаете, что иногда лучше, чтобъ болѣзнь высыпала наружу, — какъ ни безобразна эта сыпь сама по себѣ. Если же, для благообразія, вы вгоните сыпь внутрь, то послѣдствія могутъ быть гораздо опаснѣе... Но мой пріятель нашелъ вѣроятно, что мои рѣчи не умныя и что ихъ слушать совсѣмъ непріятно...

Нигилизмъ... Знаете ли что̀, по разсказамъ, случилось недавно въ одномъ изъ уголковъ нашего пространнаго царства? Нѣкоторые мальчики въ одномъ изъ общественныхъ заведеній (казенныхъ или частныхъ—не знаю), приглашенные своимъ училищнымъ начальствомъ говѣть — объявили священнику, что они нигилисты и говѣютъ только по̀ приказанію,— вслѣдствіе чего, конечно, священникъ и не допустилъ ихъ до Таинства. Скандалъ былъ великій, благочестивые души мѣстечка *Н.* были смущены, а мѣстное начальство пришло

въ негодованіе. Мнѣ первый повѣдалъ это мой пріятель г. *Оглы*, гордничій,—лихой малый изъ некрещенныхъ Татаръ, служившій гусаромъ въ С. полку. Такъ вотъ этотъ г. *Оглы* первый возвѣстилъ мнѣ это событіе, которое вслѣдъ за тѣмъ подтвердилъ мнѣ и *Пуффендорфъ*, его помощникъ, Нѣмецъ и лютеранинъ. — Я было не повѣрилъ разсказу, но ужасъ, написанный на лицахъ гг. *Оглы* и *Пуффендорфа*, какъ оффиціальныхъ ревнителей «порядка», говорилъ убѣдительнѣе всѣхъ доказательствъ. Но отчего такъ возмутились и вознегодовали мои добрые пріятели-чиновники? Оскорбились ли они за вѣру, за православную церковь, взволновало ли ихъ такое явное неуваженіе къ ея обрядамъ и таинствамъ? Да вы за что̀ сердитесь? спросилъ я. «Помилуйте — вѣдь это нарушеніе дисциплины, вѣдь это»... и пр. и пр.: вотъ что̀ было отвѣтомъ *Оглы* и *Пуффендорфа*: «вѣдь ихъ свободы совѣсти никто не стѣсняетъ, можетъ отцы ихъ и не крѣпче были въ вѣрѣ, да все же вѣдь говѣли и свидѣтельства о говѣньѣ получали, и штрафу не подвергались»...—прибавляли еще мои друзья Татаринъ и Нѣмецъ.

И все же мнѣ какъ-то не вѣрится, мнѣ не хочется вѣрить, чтобы дѣйствительно все это было такъ, какъ мнѣ разсказывали. Но если событіе вѣрно, то тутъ уже конечно не до шутокъ, и нельзя не видѣть въ немъ очень и очень печальнаго признака времени — симптома важной внутренней болѣзни... Подобныя явленія роютъ глубже и глубже пропасть, раздѣляющую образованное общество отъ простаго народа, подрываютъ въ простомъ народѣ довѣріе къ нашему просвѣщенію, къ наукѣ, удерживаютъ его еще крѣпче въ невѣжествѣ и коснѣніи... Вотъ какимъ пышнымъ цвѣтомъ разцвѣла ваша цивилизація, скажетъ онъ... Стоитъ идти за вами и добиться тяжкимъ путемъ вашего просвѣщенія съ тѣмъ, чтобы въ концѣ концовъ придти къ отрицанію этого просвѣщенія и къ вѣнцу отрицанія—какому-то нигилизму». Но что̀ это за болѣзнь? Самостоятельная ли болѣзнь, или, быть-можетъ, отъ лѣкарствъ, предупреждавшихъ развитіе какой-нибудь другой болѣзни? Не послать ли за докторомъ, не позвать ли полицію? говорятъ встревоженные читатели.... Постойте, не горячитесь: ни ваши патентованные доктора, ни полиція тутъ не помогутъ. Пораздумайтесь-ка посерьезнѣе

надъ этимъ фактомъ. Откуда взялся онъ у насъ на *Святой* Руси? Кого винить?.. Странно, кажется, винить плодъ, цвѣтъ, избавляя отъ всякой отвѣтственности сѣмя или корень... Мы пожинаемъ лишь то, что сами такъ долго сѣяли. И неужели же вы ожидали чего-нибудь другаго?.. Скажите по совѣсти: посѣщая 60 танцклассовъ Санктпетербурга, признавая эти заведенія не безполезными въ нѣкоторомъ отношеніи и даже соотвѣтствующими условіямъ благонамѣренной цивилизаціи и общественной нравственной гигіены, — неужели воображали вы, что такое, въ танцклассахъ воспитанное, общество разовьетъ въ себѣ христіанскія добродѣтели и гражданскія доблести?.. Въ «Московскихъ и Русскихъ Вѣдомостяхъ» мы читали описаніе, какъ начальство Московскаго Императорскаго театра, пользуясь монополіей маскарадовъ и тѣмъ женскимъ персоналомъ, который оно имѣетъ подъ рукою въ подвластномъ ему театральномъ училищѣ, устраивало нынѣшнею зимою маскарады на славу, одѣвало молодыхъ, еще самыхъ юныхъ дѣвицъ въ костюмъ дебардеровъ Парижской оперы и производило отплясываніе канкановъ, — въ размѣрахъ... колоссальныхъ, и въ такомъ видѣ, что, по увѣренію обѣихъ газетъ, отъ такого канкана содрогнулась бы и нравственность Парижскаго Баль-мабиля? Если такое развлеченіе вы признаете полезнымъ, если считаете несравненно благонравнѣйшимъ плясать въ канканѣ, нежели напр. писать статьи о Польскомъ вопросѣ, то чего же вы возмущаетесь? Чего же вамъ нужно? Компромисовъ? сдѣлокъ? благоразумнаго лицемѣрія? Ужъ не возвратиться ли опять къ системѣ, теперь отмѣненной штрафовъ за неговѣніе, не обязать ли вновь чиновниковъ выхлопатывать свидѣтельства о бытіи у исповѣди и Св. Причастія? Такъ вѣдь дѣлали *отцы*?

Въ томъ-то и дѣло, что возмущаясь противъ *дѣтей*, мы забываемъ, что въ грѣхѣ дѣтей виноваты и *отцы*. Въ томъ-то и дѣло, что мы не входимъ въ подробное разслѣдованіе причинъ, почему именно молодежь такая, а не иная. Не уронили ли мы сами значеніе церкви, придавъ ей значеніе функціи—ей не свойственной? Не унизили ли мы церковь въ нашихъ понятіяхъ — до степени орудія, служащаго мірскимъ—внѣшнимъ цѣлямъ? Не подорвали ли мы сами авторитетъ этой области духа и слова — неуваженіемъ къ духу

и слову и огражденіемъ этой области, т. е. церкви, внѣшними, недуховными и несловесными силами? Не заграждаемъ ли мы сами уста правдѣ? Не воспитываемъ ли мы лицемѣрія подъ видомъ благонравія? Не подкопались ли мы сами подъ корень всѣхъ нравственныхъ общественныхъ силъ, лишивъ ихъ всякой свободы и самостоятельности развитія?... Не посягали ли мы на *внутреннее* человѣка, возмечтавъ, что можемъ и имѣемъ право создать оффиціальнымъ путемъ и способомъ—нравы и нравственность?... Если такъ думали и поступали прежде, то въ наше время такое воззрѣніе едвали можетъ не подлежать осужденію. И если попытки создать оффиціальную нравственность привели общество къ тому положенію, о которомъ такъ часто разсказывается въ «Днѣ»,—то̀ всякая попытка создать оффиціальную религію (какъ того добиваются нѣкоторые теоретики) должна неминуемо породить то самое отношеніе къ церкви, которое такъ возмущаетъ, тревожитъ, печалитъ васъ, благочестивый читатель!

Но если вы точно благочестивы, читатель, то именемъ церкви, именемъ святой истины, оградите чистое ученіе православія отъ всякой несвойственной ему примѣси, отъ гнилыхъ подпорокъ внѣшней силы, отъ внѣшнихъ соображеній, отъ служебнаго значенія средства и орудія для постороннихъ мірскихъ цѣлей, отъ лицемѣрія, отъ оффиціальнаго усердія и покровительства городичнаго Татарина *Оглы* и его помощника Нѣмца *Пуффендорфа*... Возвратите духу подобающее духу, воздайте слову подобающую ему честь, вѣрьте въ истину и ея силу, оградите ее Христовой свободой, не налагайте на государство несвойственное ему бремя заботъ о нравственности и религіи,—и повѣрьте... гг. публицисты, фельетонисты и прочіе,—нигилизмъ, который васъ такъ пугаетъ, скоро завянетъ на чистомъ **свободномъ** воздухѣ, отъ жгучихъ лучей солнца правды, не заслоняемаго болѣе... никакими ширмами... Болѣзнь въ духѣ, и можетъ быть излѣчена только орудіемъ духа... Вспомните, что̀ говоритъ поэтъ:

И ты, когда на битву съ ложью
Возстанетъ Правда думъ святыхъ,
Не налагай на правду Божью
Гнилую тягость латъ земныхъ.

Доспѣхъ Саула—ей окова,
Ей царскій тягостенъ шеломъ,
Ея оружье—Божье слово,
А Божье слово—Божій Громъ!

Поняли? Потрудитесь понять... распростроняться было бы... излишне...

Москва—настоящая столица по историческому праву.

«День», 23-го мая 1864 г.

Въ 106 № «Московскихъ Вѣдомостей», по поводу завоевательныхъ замысловъ Пруссіи, выражена такого рода мысль, что «можетъ быть судьба вынуждаетъ Россію перенести центръ своей тяжести на югъ — туда, гдѣ была колыбель Руси еще не оттѣсненной отъ Европы и обращенной лицомъ въ Царьграду?» Хотя теперь ни о какомъ перенесенія центра не идетъ дѣла, и всѣ подобныя мечты далеки отъ осуществленія, тѣмъ не менѣе мы не можемъ оставить безъ отзыва мысль оглашенную въ такомъ значительномъ органѣ нашей журналистики, каковы «Московскія Вѣдомости», и признаемъ себя обязанными заявить наше несогласіе. Къ этому побуждаетъ насъ еще то обстоятельство, что редакція почтенной газеты и «Русскаго Вѣстника» уже не въ первый разъ проводитъ въ печати это свое любимое мнѣніе. Укажемъ, напримѣръ, на статью, напечатанную въ сентябрьской книжкѣ «Русскаго Вѣстника» 1862 г. подъ скромнымъ заглавіемъ: *Замѣтки о хозяйственномъ положеніи* Россіи,—статью, въ которой вопросъ о столицѣ разсмотрѣнъ довольно обстоятельно, хотя съ точки зрѣнія преимущественно экономической. Считаемъ не лишнимъ напомнить нашимъ читателямъ вкратцѣ содержаніе этой любопытной статьи.

«Петербургъ или Кіевъ? восклицаетъ авторъ. Будетъ ли когда исправлена ошибка, сдѣланная Петромъ? Будетъ ли когда средоточіе правительственной дѣятельности перенесено съ Ингерманландскихъ болотъ въ страны болѣе плодородныя, напримѣръ въ Кіевъ?» Признавая главною виною настоящаго безденежья «бѣдность Россіи»,—въ томъ смыслѣ, что производительность страны не удовлетворяетъ ея потребностямъ,

развилась несоотвѣтственно съ ними и вообще получила ложное, искусственное направленіе,—авторъ статьи «Русскаго Вѣстника» видитъ причину такого явленія въ искусственномъ сосредоточеніи Русской жизни на сѣверныхъ оконечностяхъ государства. «Отъ среды, въ которой находится столица, едвали не зависитъ характеръ всего государства», говоритъ онъ: «будь столица Россіи не на тундрахъ Ингерманландскихъ, но въ Кіевѣ, Харьковѣ, Таганрогѣ, Россія въ глазахъ Европейцевъ не была бы страною безпріютною, холодною, и гордясь первопрестольнымъ городомъ, всякій Русскій любилъ бы его и чрезъ него чувствовалъ бы болѣе привязанности къ своей родинѣ». Далѣе авторъ, помощью положительныхъ статистическихъ данныхъ и теоретическихъ доводовъ, старается доказать: «что необходимость искусственнаго созиданія на болотахъ Ингерманландскихъ цѣлаго многообразнаго міра извратила наши понятія о естественныхъ условіяхъ жизни», что «пятьсотъ верстъ отличнаго шоссе связываютъ С.-Петербургъ съ увеселительными мѣстами въ его окрестностяхъ, въ то время, какъ въ южной Россіи, богатой произведеніями, требующими сбыта, нѣтъ не только шоссе, но и сколько-нибудь проѣздныхъ дорогъ весною, осенью и во время ненастья»; что «подъ вліяніемъ самыхъ невыгодныхъ климатическихъ и почвенныхъ условій въ С.-Петербургѣ все обходится дороже чѣмъ гдѣ-либо и требуетъ неизвѣстныхъ въ другихъ мѣстахъ расходовъ, напримѣръ для укрѣпленія строеній на болотномъ грунтѣ, для снабженія столицы жизненными припасами» и проч.; что наконецъ «юноши, отлученные отъ природы, выращенные узниками въ стѣнахъ громадныхъ зданій, подъ свинцовымъ небомъ Петербурга, не могутъ быть здоровы ни тѣломъ, ни душою».

«Все приняло бы другой видъ — утверждаетъ сочинитель статьи «Русскаго Вѣстника»—если бы столица была на югѣ; вся Русская жизнь сложилась бы иначе»; «неисчислимы были бы выгоды сосредоточенія Русской жизни около бассейна Чернаго моря» и «не подлежитъ сомнѣнію, что экономическая будущность Россіи зависитъ отъ той степени развитія, которая впредь будетъ дана южнымъ губерніямъ, хотя бы въ ущербъ сѣвернымъ». Предположивъ, что столицею Россіи былъ бы, напримѣръ, Кіевъ, вмѣсто С.-Петербурга, онъ исчи-

слаетъ измѣненія, которыя должны отъ того произойти; именно: «1) Западныя, возвращенныя отъ Польши, губерніи скрѣпились бы неразрывными узами съ остальными частями государства»; 2) «Россія сблизилась бы съ южно-Славянскими племенами»; 3) «южная полоса имперіи воскресла бы къ новой жизни»; Новороссійскія степи заселились бы и усилили бы свои посѣвы,—и 4) «Отъ перенесенія тяжести имперіи на югъ, Россія сдѣлалась бы богаче и самостоятельнѣе».

Таковъ вопросъ, поставленный «Русскимъ Вѣстникомъ» и повторенный «Московскими Вѣдомостями». Мы вполнѣ согласны съ ихъ разсужденіемъ о невыгодныхъ для Россіи послѣдствіяхъ искусственнаго сосредоточенія Русской жизни на сѣверныхъ оконечностяхъ государства. Мы признаемъ вполнѣ справедливыми ихъ мнѣніе о Санктпетербургѣ и ихъ доводы въ пользу перемѣщенія центра тяжести изъ Санктпетербурга,—но мы совершенно расходимся съ мыслью этихъ двухъ органовъ нашей журналистики о необходимости «перенести столицу Россіи—въ Кіевъ». Нельзя не подивиться, что ни «Русскій Вѣстникъ», ни «Московскія Вѣдомости» ни однимъ словомъ не упоминаютъ о Москвѣ, какъ будто она совершенно ни причемъ въ Русской исторіи и жизни. Вообще намъ кажется страннымъ разсматривать значеніе столицы съ точки зрѣнія чисто-экономической,—какъ будто однѣ хозяйственныя выгоды руководятъ страною въ созданіи народнаго и правительственнаго центра,—но еще страннѣе представляется самая возможность вопроса о томъ — гдѣ быть средоточію — не правительственной дѣятельности, а «Русской жизни», по выраженію «Вѣстника»? Неужели, послѣ тысячи лѣтъ историческаго гражданскаго существованія, Россія можетъ еще спрашивать себя: гдѣ ея настоящая столица — куда ее поставить? не то въ Кіевъ, не то въ Харьковъ или Таганрогъ?—Неужели, въ теченіи цѣлыхъ десяти вѣковъ, она не обрѣла своего центра тяготѣнія и способна еще и теперь *влаяться* то въ ту, то въ другую сторону? Но дѣло въ томъ, что Россія вовсе и не задается такою задачею, — что этотъ вопросъ давно порѣшенъ Русскимъ народомъ, порѣшенъ и въ исторической его жизни и въ сознаніи: только для насъ, для отвлеченной мысли нашего образованнаго общества, потерявшаго живую исто-

рическую память и непосредственное чувство своей исторіи, можетъ существовать какое-либо сомнѣніе въ этомъ отношеніи! Мы всѣ вообще, надо признаться, до такой степени утратили всякой смыслъ живаго дѣла, всякое пониманіе естественнаго органическаго процесса въ исторіи, — что, толкуя о либерализмѣ, мы и не замѣчаемъ, сколько страшнаго деспотизма, — что̀ еще хуже, сколько безсознательной деспотической привычки—въ самыхъ благонамѣренныхъ нашихъ соображеніяхъ, въ самомъ складѣ нашего мышленія, даже въ ученыхъ нашихъ трактатахъ, — какъ скоро они имѣютъ прямую связь съ гражданскимъ, экономическимъ и нравственнымъ бытомъ нашего народа. Конечно, только такая школа, въ какой, слишкомъ полтораста лѣтъ, воспитывалось Русское общество, способна была пріучить насъ къ подобному забвенію правъ исторіи, и породить притязанія—взять на себя простодушно творческую обязанность самой жизни народной, передѣлывать факты, навязывать народу въ столицы—городъ по нашему усмотрѣнію!..

Намъ кажется, что поразившая насъ «странность» въ статьѣ «Русскаго Вѣстника» происходитъ отъ того, что авторъ не уяснилъ себѣ ни значенія слова «столица», ни современнаго историческаго факта, представляющаго двѣ столицы въ Россіи,—Москву и Санктпетербургъ. Его поразило то, что правительственный центръ Россіи находится на самомъ краю Россіи, и онъ подыскиваетъ ему болѣе «удобное» помѣщеніе, которое онъ и полагалъ бы назвать столицей. Но что̀ такое столица? Разсмотримъ это слово какъ понятіе отвлеченное, безъ отношенія къ нашей Русской дѣйствительности, имѣющей свое объясненіе въ исторіи... Столица есть средоточіе жизни народа, какъ цѣльнаго политическаго организма,—другими словами — средоточіе, которое творится само собою, когда народъ слагается въ цѣльное гражданское тѣло. Все равно, какъ сердце, какъ узелъ нервъ въ человѣческомъ организмѣ, такъ и столица есть сердце, узелъ нервъ всей общественной, гражданской, земской и государственной жизни народа. Въ этомъ смыслѣ двухъ столицъ въ одной землѣ, собственно говоря, быть не можетъ, какъ не можетъ быть двухъ серединъ на одномъ пространствѣ. Точно также странно предполагать, что столицу можно *сдѣ-*

лать тамъ или здѣсь по произволу,—забывая, что столица дается самою жизнью народа, всѣмъ долгимъ органическимъ процессомъ исторіи. Это такъ же невозможно, какъ невозможно было бы учинить языкъ Французскій — *природнымъ* языкомъ Русскаго народа, измѣнить цвѣтъ кожи, волосъ и другія свойства его физической природы. Нормальность отправленій цѣльнаго народнаго политическаго организма предполагаетъ единое средоточіе—правительственное и народное; этого требуетъ союзъ власти съ народомъ,—органическій элементъ, присущій самой власти. Но историческое развитіе создаетъ иногда положенія и ненормальныя, раздваивая цѣльность организма, отвлекая, напр., средоточіе правительственное отъ средоточія жизни или народнаго, и эту-то ненормальность, подмѣченную имъ въ Русской дѣйствительности,—авторъ статьи «Русскаго Вѣстника» думаетъ устранить перенесеніемъ правительственнаго центра— не въ центръ народной жизни, что̀ было бы естественно— а на югъ Россіи, что̀ представило бы точно такую же анормальность.

Совершая реформы въ Россіи, Петръ Первый призналъ необходимымъ перенести центръ своей переворотной дѣятельности на берега Невы, въ его любимый «городокъ Санктпитербурхъ». Уже послѣ его смерти утвердился обычай пребыванія власти въ такъ-называемой «Невской столицѣ», и въ этомъ смыслѣ она дѣйствительно содѣлалась, по вѣрному выраженію «Московскихъ Вѣдомостей», центромъ тяжести Россійской имперіи. Но не автору статьи «Русскаго Вѣстника» принадлежитъ первому мысль о пользѣ перенесенія правительственнаго средоточія изъ Петербурга. Мысль эта возникла при Петрѣ II и при Елизаветѣ,—и только уже потомъ, при Екатеринѣ II-ой, упрочилось за С.-Петербургомъ то значеніе, которымъ, какъ извѣстно, онъ пользуется и донынѣ!... Но теперь, когда Русское общество все болѣе и болѣе проникается сознаніемъ своей народности, когда многія искусственныя подпорки и надстройки, воздвигнутыя со временъ Петра, пошатнулись и оказываются ненадежными, и политическое наше зданіе осѣдаетъ на материкъ народной почвы,—теперь, мы полагаемъ, близится время, когда естественное влеченіе къ возстановленію цѣльности общест-

веннаго организма возвратить — не Кіеву, какъ желаютъ того упомянутые журналы,—а истинному средоточію Русской народной жизни—значеніе средоточія правительственнаго.

Мы предвидимъ два возраженія: во 1-хъ, что Россія, достаточно окрѣпнувъ, не перестанетъ быть Россіей, хотя бы столица ея была и въ Кіевѣ, и въ Таганрогѣ; во 2-хъ, что вступивъ въ новый періодъ своей исторіи послѣ Петра, ставши Россійской имперіей, а не Московскимъ государствомъ, она должна была создать для имперіи новую столицу, новый центръ тяготѣнія, каковымъ не могла уже быть Москва, созданіе до-Петровской Руси. Отвѣтимъ на это вкратцѣ.

Не слѣпое чувство привязанности къ Москвѣ, не мѣстный патріотизмъ заставляетъ насъ указывать на значеніе Москвы, но глубокое внутреннее убѣжденіе, опирающееся на свидѣтельство Русской исторіи и Русской народной жизни. Въ каждомъ историческомъ явленіи есть внутренняя сила, которая даетъ ему бытіе, въ каждомъ политическомъ организмѣ есть основная стихія, которымъ онъ—есть, живетъ и движется. Таковою основною стихіей въ созданіи Россіи явилось Великорусское племя. Его характеромъ, его типомъ запечатлѣны всѣ историческія судьбы Россіи; его духовною и нравственною силою закалено наше исполинское государство. Россія не есть совокупность или искусственное сочлененіе разнородныхъ тѣлъ (не агломератъ и не аггрегатъ на техническомъ языкѣ ученыхъ),—но цѣльный организмъ, развившійся извнутри, сложившійся собственной силой. Жизнь этому организму дало, даетъ и можетъ давать только Великорусское племя. Будь это не Великорусское племя,—Россія не была бы Россіей, имѣла бы другую судьбу и другую будущность,—лучшую или худшую, мы не знаемъ, это вопросъ другой;—но почва, на которой зиждется основаніе нашего зданія—есть племя Великорусское—и выраженіемъ его жизни и силы является — Москва. Какъ Великорусское племя стало средоточіемъ для прочихъ Русскихъ племенъ, такъ и Москва стала притягательнымъ центромъ для прочихъ Русскихъ земель. Еслибъ—предположимъ невозможное—вмѣстѣ съ правительственнымъ средоточіемъ могъ быть перенесенъ въ Кіевъ, по предложенію почтенныхъ журналовъ, и самый жизненный центръ Россіи,—то степи бы, ко-

нечно, оживились и пшеницы бы прибавилось,—но срединный Русскій материкъ подвергся бы запустѣнію,—основная стихія, которая одна даетъ жизнь всему организму Россіи, изсякла бы, перестала бы дѣйствовать, и тогда никакая пшеница, никакое процвѣтаніе Новороссійскихъ степей не спасло бы *Русскаго* государства: государство бы, положимъ, не погибло, но оно было бы уже не то, Русское, которое заявило себя въ исторіи, котораго судьбы такъ кровно и духовно близки нашему сердцу, преуспѣянія котораго мы всѣ такъ горячо желаемъ. Этой-то основной органической стихіи и не замѣчаетъ авторъ статьи «Русскаго Вѣстника». Москва, съ самаго своего начала, подняла знамя единства Русской земли и государства, и сама явилась выраженіемъ и средоточіемъ этого единства. Но это единство не должно быть смѣшиваемо съ централизаціею; это единство означаетъ духовную и внѣшнюю цѣльность политическаго и земскаго организма, а вовсе не сглаженіе всякой личности и такъ сказать самости областей, городовъ, селъ и населеній,—вовсе не насильственное притяженіе всякой мѣстной административной жизни къ центру. На все это имѣются положительныя доказательства въ исторіи. Централизація есть явленіе позднѣйшее, принадлежащее по-Петровской Руси. Читателямъ извѣстно, что мы всегда ратовали противъ централизаціи—въ пользу единства, съ полнымъ просторомъ для мѣстнаго самоуправленія, разумѣя послѣднее вовсе не въ смыслѣ нарушающемъ политическое единство и государственную цѣльность нашей Русской Земли и вовсе не въ смыслѣ какихъ-нибудь политическихъ федерацій. (Вопросъ о федераціи есть вопросъ праздный, мертворожденный плодъ досужей отвлеченности нашего оторваннаго отъ народа общества.) Чѣмъ болѣе народныхъ началъ въ основаніи нашего управленія, тѣмъ крѣпче и сильнѣе должно быть единеніе Великорусскаго *народа* съ народомъ Малой, Бѣлой, Червонной Руси, и со всѣми другими народами,—а такое преобладаніе народныхъ началъ въ управленіи, по нашему мнѣнію, едва ли мыслимо безъ преобладающаго значенія Москвы, какъ средоточія Русской жизни.—Многіе ставятъ въ достоинство Петербургу именно то, что онъ выражаетъ собою отвлеченную идею государства, свободную отъ всякой исключительной

національности. По ихъ мнѣнію Петербургъ есть дѣйствительно городъ *иностранный*, не въ томъ смыслѣ, чтобъ онъ былъ Французскій или Нѣмецкій, а въ томъ, что онъ воплощаетъ собою самую идею *иностранности*,—но нужно ли говорить, что подобное отношеніе центра тяжести къ народной жизни есть явленіе ненормальное?... Государство, свободное отъ всякой исключительной національности, выражающее собою одну отвлеченную идею государственности,— полной и надежной внутренней жизни и силы имѣть не можетъ. Замѣтимъ кстати одно: всѣ приращенія Русскаго государства, совершенныя Москвою, крѣпки и связаны съ нею органическими нитями: напримѣръ Поволжье, Сибирь, Астрахань, и проч. — Казань, черезъ шестьдесятъ лѣтъ послѣ завоеванія, является въ первомъ ряду городовъ, отстаивающихъ Москву и независимость Россіи во время междуцарствія,—уже живетъ одною жизнью со всею Русью; земли колонизуются сами собою, безъ помощи Ангальтъ-Кеттенскихъ и Швабскихъ колонистовъ. Въ такомъ ли же точно отношеніи къ Россіи находятся наши позднѣйшія, не до-Петровскія, пріобрѣтенія? много ли мы успѣли съ нашимъ новымъ способомъ колонизаціи?...

Мы не отрицаемъ того, въ своемъ родѣ спасительнаго дѣйствія, которое имѣлъ и имѣетъ Санктпетербургскій періодъ нашей исторіи на внутреннее развитіе Россіи... Самое отвлеченіе внѣшней дѣятельности на оконечность имперіи дало возможность созрѣть и выработаться нашему внутреннему народному самосознанію. Путемъ отрицанія той національной исключительности, которой не лишено было отчасти наше историческое развитіе, пришли мы къ сознательной оцѣнкѣ нашихъ народныхъ началъ и ихъ общечеловѣческаго значенія; но какъ скоро это сознаніе перейдетъ въ жизнь,—историческая роль Петербурга сама собою измѣняется и въ этомъ отношеніи правы «Московскія Вѣдомости», говоря, что сама судьба какъ будто указываетъ, что едвали можетъ-быть не настаетъ время перенести центръ тяжести государства—изъ Санктпетербурга...

Когда настанетъ это время—судить трудно. Можетъ-быть и Москва еще не довольно сама очистилась отъ той порчи, которая отчасти проникла и въ ея жизнь, не довольно окрѣпла

народнымъ самосознаніемъ для того, чтобы такое соединеніе средоточія народнаго съ средоточіемъ власти могло быть теперь вполнѣ благотворно. Можетъ-быть и Санктпетербургъ еще не исполнилъ окончательно своего призванія... Все это можетъ быть, безъ сомнѣнія. Во всякомъ случаѣ, мы противопоставляемъ Кіеву, на который указываетъ почтенная редакція «Московскихъ Вѣдомостей», права Москвы...

Главный недугъ нашъ, это—застой.

«День», 18-го іюля 1864 г.

Странное дѣло! Читая прилежно статьи нашихъ финансистовъ, нашихъ политико-экономовъ, мы находимъ въ нихъ тщательныя розысканія по вопросамъ о возвышеніи и пониженіи курса, о *фиксаціи* цѣнности кредитнаго рубля, объ излишествѣ или недостаткѣ у насъ денежныхъ знаковъ,—и о прочихъ тому подобныхъ предметахъ; мы знакомимся въ нихъ съ указаніями науки,—мы усматриваемъ уклоненія финансоваго развитія Россіи отъ требованій теоріи,—намъ то и дѣло толкуютъ про эти уклоненія, какъ про недуги, намъ предлагаютъ врачеванія, заимствованныя изъ той же теоріи. Но, странное дѣло, во всѣхъ этихъ добросовѣстно составленныхъ трактатахъ почти ни слова не говорится о настоящемъ, дѣйствительномъ положеніи нашей промышленности и торговли, какъ внѣшней (которая все-таки чаще удостоивается упоминанія), такъ и внутренней,—ни слова и о томъ, какъ тутъ выйти изъ нашего печальнаго положенія, какое врачеваніе подать тому недугу *застоя*, который составляетъ характеристическій современный признакъ нашей промышленности и торговли. А казалось бы, между этими двумя явленіями: между современнымъ состояніемъ промышленности и торговли и между современнымъ состояніемъ нашего внѣшняго и внутренняго курса, должна же быть нѣкоторая связь, и нельзя не удивляться, что свойства этой связи почти вовсе оставлены безъ разъясненія нашими публицистами, особенно съ тѣхъ поръ, какъ прекратился «Акціонеръ». Читатель, слѣдящій внимательно финансовыя статьи нашихъ газетъ и жур-

наловъ, не найдетъ въ нихъ разрѣшенія своему невольному недоумѣнію: что̀ отъ чего происходитъ? застой ли промышленности и торговли отъ колебанія курса, упадка цѣнности нашего кредитнаго рубля и излишества денежныхъ знаковъ, или, наоборотъ, эти послѣднія явленія происходятъ отъ перваго, т. е. отъ застоя, какъ слѣдствія отъ причины, и не будучи сами по себѣ болѣзнью самостоятельною, суть только симптомы главнаго, основнаго недуга, скрывающагося именно въ застоѣ? Вопросъ важный, на который наши финансисты не только не даютъ отвѣта, но которымъ они даже почти и не задаются. Между тѣмъ правильное разрѣшеніе этого вопроса помогло бы, можетъ-быть, отыскать настоящій корень болѣзни, которою мы страдаемъ, а отыскавши корень, опредѣливши болѣзнь, намъ тѣмъ легче будетъ пріискать и лѣкарство... Предоставляя нашему сотруднику, завѣдывающему экономическимъ отдѣломъ, обсуждать и рѣшать этотъ вопросъ во всеоружіи спеціалиста,—мы позволимъ себѣ здѣсь высказать наше мнѣніе, что раціональность нашего тарифа едвали не способна произвести несомнѣнно сильнѣйшее воздѣйствіе на внѣшнее и внутреннее положеніе нашего курса, нежели то или другое финансовое, въ тѣсномъ смыслѣ слова, распоряженіе администраціи; едвали всякая лишняя верста желѣзныхъ рельсовъ, вновь проложенная въ Россіи, не послужитъ гораздо болѣе могущественнымъ врачеваніемъ отъ нашего курсоваго недуга, нежели выпускъ такихъ или другихъ билетовъ, рекомендуемый тою или другою газетой. Намъ кажется, что если бы мы налегли всѣми силами на оживленіе нашей промышленности, нашихъ внутреннихъ торговыхъ оборотовъ, на открытіе новыхъ путей и новыхъ источниковъ сбыта для торговли, мы бы едвали не дѣйствительнѣе и прямѣе помогли нашей бѣдѣ, чѣмъ хитрыми соображеніями объ искусственномъ возвышеніи курса (увы! уже однажды намъ весьма сильно не удавшемся) или объ искусственной фиксаціи цѣнности нашей монетной единицы и проч. и проч. и проч. Мы, конечно, не отрицаемъ того вліянія, которое имѣетъ на торговлю правильная или неправильная финансовая система,—той взаимной зависимости, въ которой состоятъ торговля и денежный курсъ,—но мы хотимъ только замѣтить, что наши спеціалисты-публицисты, трактующіе такъ

усердно о нашихъ финансахъ, мало, повидимому, обращаютъ вниманіе на состояніе нашей промышленности и нашихъ внутреннихъ рынковъ и не озабочиваются пріисканіемъ средствъ къ возможному ихъ улучшенію, независимо отъ мѣръ чисто финансоваго свойства. Право, иной подумаетъ, что для нихъ Россія — страна безъ почвы, безъ земли и неба, едвали не болѣе *уединенное государство*, чѣмъ Der isolirte Staat Тунена (Thunen),—рѣшительно *tabula rasa*, вполнѣ предоставленная финансистамъ для ихъ попытокъ!

Главный недугъ нашъ—это *застой*,—всеобщій застой промышленности и торговли, такая медленность и вялость оборотовъ, при которой, и при большомъ запасѣ денегъ, въ нихъ всегда будетъ ощущаться недостатокъ, — какъ оно и есть на самомъ дѣлѣ. Экономисты воніютъ противъ *излишества* въ Россіи денежныхъ знаковъ, и именно бумажныхъ: это справедливо. Жизнь громко жалуется на совершеннѣйшій *недостатокъ* денегъ—всякихъ, въ томъ числѣ и бумажныхъ:— это также вполнѣ справедливо. Деньги есть, но онѣ или лежатъ безъ обращенія—по недостатку торговой дѣятельности, или, разсѣянныя по малымъ частямъ, не собираются въ капиталы.

Но отчего же происходитъ самый застой промышленности и торговли? Какую бы долю участія ни принимали въ этомъ явленіи Крымская война, излишество выпущенныхъ ассигнацій, уходъ золотой монеты за границу, займы и финансовыя ошибки,—важнѣйшія причины застоя лежатъ, по нашему мнѣнію, во 1-хъ, въ быстромъ, непредваренномъ измѣненіи тарифа; во 2-хъ, въ соціальномъ переворотѣ, переживаемомъ Россіею; въ 3-хъ, въ весьма сильномъ,—и тѣсно соединенномъ съ нимъ и отдѣльномъ отъ него,—переворотѣ хозяйственномъ. Мы не станемъ пускаться въ пренія о пользѣ или вредѣ системы повышенія или удержанія прежнихъ пошлинъ; мы знаемъ только, что если жизнь въ продолженіи 40 лѣтъ наглаживали въ одномъ направленіи, такъ что она волей-неволей сложилась извѣстною складкой, то трудно ей разомъ или въ короткое время разгладиться совсѣмъ и дать сгибы иного рода и въ противоположную сторону. Точно то же и съ соціальнымъ переворотомъ или крестьянской реформой въ Россіи. Въ продолженіи вѣковъ

весь общественный бытъ покоился на фундаментѣ крѣпостнаго права—не только въ смыслѣ политическомъ, но и въ смыслѣ экономическомъ; развитіе промышленности и торговли было въ тѣсномъ соединеніи съ благостояніемъ того класса, который, пользуясь даровымъ трудомъ крестьянъ и почти даровымъ или крайне легкимъ и дешевымъ кредитомъ, представлялъ собою въ Россіи классъ «потребителей по преимуществу». Въ то время, какъ десятки милліоновъ людей, въ тѣсномъ смыслѣ слова «производительныхъ», такъ-называемые низшіе классы—болѣе или менѣе довольствовались въ своемъ быту грубою самодѣльщиной, кормились, одѣвались и снабжались всѣмъ нужнымъ—помощью собственныхъ рукъ, почти безъ посредства промышленности и торговли,—въ это время и промышленность и торговля были главнымъ образомъ пріурочены къ потребностямъ *высшихъ* землевладѣльческихъ классовъ. Разумѣется, удовлетворялись не исключительно только эти потребности; не одни предметы роскоши производили промышленность и торговля, но мы имѣемъ здѣсь въ виду главныя, характеристическія черты нашего экономическаго развитія—хотя бы въ послѣднія сто лѣтъ. Въ обработкѣ нашихъ сырыхъ продуктовъ, въ усовершенствованіи нашихъ грубыхъ матеріаловъ (напр. кожъ, пеньки, и т. п.) мы не сдѣлали никакихъ успѣховъ, и эта промышленность, если и увеличилась въ размѣрѣ, то едва-ли много подвинулась впередъ въ качествѣ. Какъ продавали прежде, такъ и теперь мы продаемъ ихъ сырыми кожами и пенькою, а никакъ не кожевенными и пеньковыми издѣліями. Но дѣйствительный огромный прогрессъ замѣчается у насъ въ производствѣ такъ-называемыхъ предметовъ роскоши, въ той области промышленности, которая имѣетъ своею преимущественною задачею удовлетвореніе потребностей высшихъ образованныхъ классовъ. Намъ могутъ замѣтить, что этому всего болѣе способствовалъ тарифъ, основанный на началѣ протекціонизма; что наше мануфактурное развитіе создано искусственно, наши фабрики точно также насильственно *выгнаны* изъ нашей общественной экономической почвы, какъ выгоняются насильственно померанцы и бананы въ нашихъ теплицахъ. Но самый тарифъ явился не произвольно и не случайно, а отразилъ въ себѣ то общее ложное

направленіе, которое господствовало въ высшемъ образованномъ слоѣ Русскаго общества, и издатели тарифа основывали свои разсчеты главнѣйшимъ образомъ на соображеніи потребностей дворянскаго, крѣпостнымъ правомъ обезпеченнаго класса. Понятно, что съ внезапнымъ обѣднѣніемъ цѣлаго сословія потребителей, вся система промышленная и торговая должна была придти въ замѣшательство, даже независимо отъ крутыхъ перемѣнъ въ тарифѣ. Манифестъ 19 Февраля произвелъ не меньшій переворотъ въ быту экономическомъ, какъ и въ соціальномъ, и все, что въ торговлѣ, ремесленности, промышленности мануфактурной, городской, сельской, находилось въ связи съ благостояніемъ помѣщичьяго класса, все это тотчасъ же отразило на своемъ застоѣ или упадкѣ— упадокъ или застой помѣщичьяго хозяйства.

Переворотъ былъ, конечно, необходимъ, настоятельно нуженъ, неизбѣженъ,—его благодѣтельнѣйшія послѣдствія для Россіи неизмѣримы и неисчислимы; заканчивая первое тысячелѣтіе Русской исторической жизни, онъ открываетъ собою новую эру нашего развитія, — въ этомъ, кажется, всѣ уже теперь согласны, и защищать мѣру освобожденія крестьянъ было бы крайнею пошлостью. Но нельзя не замѣтить, что при всемъ томъ этотъ переворотъ совершился бы, можетъ-быть, съ меньшею чувствительностью для класса землевладѣльцевъ, для всей нашей промышленности и торговли, если бы онъ не сопровождался въ то же самое время другими финансовыми и экономическими реформами, и главное — совершеннымъ уничтоженіемъ поземельнаго кредита. Мы упомянули выше о дешевомъ, крайне легкомъ поземельномъ кредитѣ, которымъ пользовались помѣщики болѣе полустолѣтія сряду, вплоть до самой отмѣны крѣпостнаго права. Дѣйствительно, въ то время, какъ основанъ былъ Екатериною II-ою первый *ломбардъ* при Воспитательномъ Домѣ и открытъ поземельный кредитъ или пріемъ въ залогъ населенныхъ и ненаселенныхъ имѣній,—кредитъ, развившійся до такихъ громадныхъ размѣровъ впослѣдствіи,— въ то время настоятельной надобности въ поземельномъ кредитѣ, говоря по правдѣ, для помѣщиковъ почти и не существовало. Потребность въ немъ, при даровомъ крестьянскомъ трудѣ, при безграничной власти помѣщика надъ жи-

выми рабочими крѣпостными силами, почти вовсе не обусловливалась экономическимъ бытомъ той эпохи. Потребность эта была, такъ-сказать, навязана помѣщичьему классу — отчасти въ силу отвлеченной теоріи, отчасти изъ подражанія иностраннымъ образованнымъ государствамъ, отчасти изъ благотворительныхъ побужденій, т. е. изъ-за того, чтобъ процентами отъ ссудъ подъ заложенныя имѣнія содержать разныя полезныя и богоугодныя заведенія. Не имѣя положительной надобности въ займѣ денегъ, помѣщики были такимъ образомъ обольщены и соблазнены на заемъ — легкостью поземельнаго кредита, долгосрочностью его и разными льготами при уплатѣ процентовъ. Въ самомъ дѣлѣ, 37-лѣтній срокъ—удобство великое: statu quo помѣщичьихъ правъ и быта казалось, при этомъ, такимъ прочнымъ, незыблемымъ, что трудно было устоять противъ искушенія добыть подобнымъ легкимъ способомъ и имѣть въ своемъ распоряженіи — массу денегъ. Безъ необходимости открытъ былъ поземельный кредитъ, безъ необходимости производились займы подъ залогъ имѣній, безъ необходимости реализировались капиталы — и безъ надобности, непроизводительно, тратились. Понятно, что при такомъ положеніи дѣла—вся промышленная и торговая дѣятельность устремилась именно на эксплуатацію этихъ праздныхъ капиталовъ, имѣла въ виду передъ собою почти исключительно—потребности цѣлаго класса потребителей съ развитыми, утонченными, разнообразными нуждами,—класса «потребителей по преимуществу». Такъ сложилась и шла жизнь до самаго 1861 года.

Если когда явилась для помѣщиковъ существенная, вопіющая потребность въ поземельномъ кредитѣ,—если когда можно было ручаться въ томъ, что капиталы, имѣющіе реализировать цѣнность помѣщичьихъ имѣній, будутъ не растрачены, не прожиты даромъ по прежнему, а употреблены производительно,—такъ это именно послѣ Манифеста 19 Февраля 1861 года. Освобожденіе крестьянъ отъ обязательнаго труда, уничтоженіе крѣпостнаго права—должны были произвести и произвели совершенный переворотъ въ помѣщичьемъ хозяйствѣ. Все, что прежде получалось даромъ—то должно было теперь пріобрѣтаться личнымъ трудомъ помѣ-

щика и денежными затратами. Для поддержанія хозяйствъ, для замѣны барщины наемнымъ трудомъ и живыхъ рабочихъ силъ—сельскохозяйственными машинами, нуженъ свободный оборотный капиталъ, нужны деньги и деньги... А денегъ-то и нѣтъ, да и взять ихъ неоткуда! Когда въ нихъ не было надобности—тогда деньги предлагались, такъ-сказать навязывались отовсюду, тогда существовали и въ столицахъ и въ провинціяхъ кредитныя учрежденія, готовыя тотчасъ же реализировать цѣнность помѣщичьихъ земель и имѣній и снабдить помѣщика соотвѣтственною этой цѣнности суммою; когда же въ нихъ явилась такая потребность, что безъ удовлетворенія этой потребности—помѣщичьи имѣнія должны большею частью придти въ упадокъ, и цѣлый классъ землевладѣльцевъ подвергнуться разоренію, — тогда именно, въ эту самую критическую пору, кредитныя учрежденія (въ прежнемъ своемъ значеніи) уничтожаются, поземельный кредитъ отмѣняется и помѣщики лишаются всѣхъ средствъ и способовъ занять денегъ подъ залогъ имѣній! Въ виду предстоящей реформы, казалось бы, полезно было именно организовать въ Россіи, предварительно и *нарочито*—какъ выражались въ старину, правильную систему поземельнаго кредита и доставить чрезъ это возможность помѣщикамъ, при неминуемомъ преобразованіи ихъ хозяйствъ, имѣть наготовѣ необходимый свободный, такъ-называемый оборотный капиталъ; полезно было бы, кажется, принять заблаговременно нужныя для этого мѣры—не посредствомъ уничтоженія источниковъ займа, но посредствомъ расширенія ихъ, и такимъ образомъ смягчить ударъ, ослабить потрясеніе, облегчить переходъ отъ одной системы хозяйства къ другой, облегчить пересозданіе всего общественнаго строя. Вышло напротивъ: вѣроятно были на это уважительныя причины, но намъ онѣ не извѣстны.

Старый порядокъ, конечно, долженъ былъ рушиться,—онъ носилъ въ себѣ самомъ самоосужденіе; но реформа, уничтожая привилегированное исключительное положеніе прежняго класса «потребителей по преимуществу»,—должна была, какъ намъ кажется, сдѣлать его классомъ вполнѣ «производительнымъ», дать ему возможность принять то участіе въ экономической жизни страны, какое естественно выпадаетъ

на долю класса личныхъ землевладѣльцевъ,—занять въ общей производительности то мѣсто, которое ему подобаетъ, рядомъ съ общинною поземельною собственностью. Положеніе этого-то класса мы и имѣли преимущественно въ виду, приступая къ настоящей статьѣ. Положеніе этого класса, лишеннаго через отсутствіе поземельнаго кредита всякой производительной силы, безъ сомнѣнія оказываетъ огромное вліяніе на положеніе нашей промышленности и торговли, служитъ одною изъ главныхъ причинъ общаго промышленнаго и торговаго застоя, вялости и медленности промышленныхъ и торговыхъ оборотовъ,—что̀ въ свою очередь способствуетъ, въ значительной степени, и замѣшательству нашей денежной системы. Нельзя не удивляться, повторимъ мы опять, что наша литература такъ мало обращаетъ вниманія на эти, по нашему мнѣнію, едвали не коренныя причины болѣзни, а, привязывается болѣе къ ея внѣшнимъ симптомамъ и необходимымъ послѣдствіямъ. Разсужденія объ организаціи поземельнаго кредита едвали не ближе были бы къ дѣлу, едвали были бы не дѣйствительнѣе, чѣмъ заботы о повышеніи курса, о фиксаціи монетной единицы, и т. п. Устройство поземельнаго кредитнаго банка уврачевало бы, можетъ-быть, въ сильнѣйшей мѣрѣ наши финансовые недуги, чѣмъ изобрѣтеніе какихъ-либо новыхъ бумагъ, долженствующихъ изъять изъ обращенія часть бумажныхъ денегъ (въ которыхъ даже и теперь въ оборотѣ сильно нуждаются). Впрочемъ года два-три тому назадъ журналистика трактовала и о поземельныхъ банкахъ и о поземельномъ кредитѣ, но видя, что ея никто не слушаетъ, поговорила, потолковала и смолкла. Не можемъ однакожъ при этомъ не напоминить нашимъ читателямъ двухъ статей *изъ Вереи*, помѣщенныхъ въ №№ 24 и 25 «Дня».

Этотъ вопросъ должны бы теперь поднять и рѣшить—Земскія Учрежденія. Это дѣло имъ ближе всего, сподручнѣе всего, и нѣтъ сомнѣнія, что если только Земскимъ Собраніямъ и Управамъ удастся привести въ ясность земскіе приходы и расходы, и всѣ остатки отъ земскихъ сборовъ, то откроются крупные готовые капиталы, лежащіе непроизводительно и такъ-сказать только ожидающіе производительнаго употребленія. Мы вообще привыкли судить объ оффиціаль-

ныхъ денежныхъ средствахъ Россіи по бюджету, ежегодно публикуемому, съ нѣкотораго времени, Министерствомъ финансовъ. Но это бюджетъ, такъ-сказать, только одного кармана, собственно такъ-называемыхъ государственныхъ доходовъ и расходовъ. Огромные доходы собираются и не менѣе огромные расходы производятся также оффиціально — изъ другаго кармана, подъ названіемъ «земскихъ сборовъ и земскихъ повинностей»: они имѣютъ, впрочемъ, особенное свое назначеніе, опредѣляемое закономъ и, сколько извѣстно, строго соблюдаемое, — дѣлятся на общіе (по всему государству) и губернскіе сборы. Завѣдываніе этими послѣдними, впрочемъ чисто формальное и ограниченное, принадлежало до сихъ поръ преимущественно мѣстному дворянству, не безъ участія также и депутатовъ отъ прочихъ сословій, возсѣдавшихъ въ губернскомъ комитетѣ о земскихъ повинностяхъ. Отнынѣ оно должно перейти въ вѣдѣніе Земскихъ Учрежденій, — но въ какомъ именно объемѣ, т. е. всѣ ли губернскіе сборы, или часть ихъ,—это еще не извѣстно. Было бы чрезвычайно полезно, если бы всѣ послѣднія смѣты земскихъ сборовъ и повинностей по каждой губерніи особо и по всему государству вообще—были обнародованы для общаго свѣдѣнія и соображенія. Такое обнародованіе привело бы насъ къ неожиданнымъ и важнымъ открытіямъ. Читатели могли видѣть изъ письма нашего Самарскаго корреспондента, въ 28 №, что по одной Самарской губерніи—остатка отъ губернскихъ земскихъ сборовъ прежнихъ лѣтъ почиваетъ безмятежнымъ непроизводительнымъ сномъ въ казначействѣ, въ ассигнаціяхъ, слишкомъ 400 т. р. сер., — и несмотря на этотъ излишекъ, сборы производятся и до сихъ поръ въ размѣрѣ вдвое превышающемъ дѣйствительную потребность въ расходахъ (сбору 99 т., расходу 41 т.). Мы не знаемъ, какимъ именно образомъ накопился этотъ праздный и почтенный капиталъ, но если предположить, что въ каждой губерніи имѣются подобные же остатки, и если не 400 т. р., такъ, круглымъ числомъ, тысячъ по 100 рублей на губернію, не больше,—то, ограничивая число губерній 30-тью, мы получимъ капиталъ не менѣе 3-хъ милліоновъ. Но кромѣ этого капитала, сколько другихъ, разныхъ наименованій, собираемыхъ или собиравшихся вмѣстѣ съ казенными податьми и поземельными сборами? Кромѣ

капитала «на устройство тюремъ», котораго размѣры должны быть очень велики и котораго судьбы намъ неизвѣстны,— есть, напримѣръ, еще такъ-называемый «продовольственный капиталъ», котораго по одной Московской губерніи лежитъ непроизводительно 300 т. р.—Херсонское дворянство исходатайствовало себѣ недавно дозволеніе употребить 100 т. р. изъ продовольственнаго капитала своей губерніи на основаніе Херсонскаго поземельнаго кредитнаго банка. Капиталъ не великъ, но онъ даетъ основаніе поземельному кредиту,— почему же другимъ губерніямъ не начать бы съ своихъ праздныхъ и полупраздныхъ капиталовъ своего мѣстнаго поземельнаго кредита? Если соединить вмѣстѣ всѣ губернскіе «продовольственные» капиталы, то также составится сумма въ нѣсколько милліоновъ! Вотъ и готовый капиталъ для учрежденія *общаго* поземельнаго банка. Мы слышали на дняхъ, что для иныхъ, именно торговыхъ операцій, здѣсь въ Москвѣ составляется торговыми людьми купеческій банкъ; неужели же землевладѣльческое сословіе, которому преимущественно предъ прочими даны были всѣ средства къ образованію, не послѣдуетъ этому примѣру, не захочетъ и не сумѣетъ понять своихъ насущныхъ нуждъ и своего безвыходнаго хозяйственнаго положенія, и не схватится за представляющійся случай, чтобы помочь имъ рѣшительно и дѣятельно.

Мы убѣждены, что Земскія Собранія обратятъ на этотъ предметъ свое особенное вниманіе и не оставятъ его безъ надлежащаго разъясненія. Впрочемъ мы думаемъ, что едва-ли учрежденіе *провинціальныхъ* поземельныхъ кредитныхъ банковъ съ помощью остатковъ земскихъ сборовъ въ каждой губерніи или иныхъ губернскихъ капиталовъ, принесетъ всю ту пользу, какой ожидали бы отъ нихъ основатели. Едвали можно надѣяться, что билеты или закладные листы, напр. *Херсонскаго* банка, будутъ имѣть общій ходъ и общую цѣнность по всей Россіи, пользоваться вездѣ одинаковымъ кредитомъ,—чего мы, впрочемъ, искренно бы желали для успѣха Херсонскаго предпріятія... Точно то же можно сказать и о каждомъ частномъ или общественномъ, губернскомъ банкѣ. Намъ кажется, что учрежденіе общаго поземельнаго кредитнаго банка по всей России, за ручательствомъ всего земства, или по крайней мѣрѣ нѣсколькихъ окружныхъ банковъ въ

главнѣйшихъ центрахъ земледѣльческой Россіи (напр. въ Москвѣ, Харьковѣ, Казани, Кіевѣ), вѣрнѣе бы достигло своей цѣли, скорѣе бы внушило довѣріе къ банковымъ операціямъ и дало бы ихъ билетамъ или листамъ необходимую для обращенія въ публикѣ силу кредита. Но для этого Земскимъ учрежденіямъ всѣхъ или нѣсколькихъ губерній необходимо было бы, какимъ-нибудь способомъ, сойтись, снестись между собою и согласиться въ общемъ планѣ дѣйствій. Есть и стоитъ о чемъ подумать...

Мыслима ли русская народность внѣ православія?

«День», 1-го августа 1864 г.

Въ послѣднее время стремленіе къ объединенію разныхъ народностей, населяющихъ Россію, выразилось въ нашемъ обществѣ съ особенною силою — въ противоположность стремленіямъ, такъ-называемымъ сепаративнымъ. О политическомъ значеніи всѣхъ этихъ смремленій мы покуда говорить не будемъ; мы хотимъ остановить вниманіе нашихъ читателей на другой сторонѣ вопроса, на томъ странномъ и, какъ намъ кажется, вредномъ смѣшеніи понятій, которое иные усердные защитники объединенія ставятъ во главу угла своей теоріи. Эти понятія — вѣра и народность, или — какъ всего чаще выражаются наши журналисты—религія и національность. Сила вещей, уроки исторіи, модный почетъ, которымъ пользуется въ наши дни принципъ національностей во всей цивилизованной Европѣ, наконецъ естественное, прирожденное, такъ-сказать физическое чувство своей народности, освобожденное теперь, благодаря такой Европейской модѣ, отъ «плѣна ложнаго стыда»,—все это заставило признать права Русской народности даже и тѣхъ, которые прежде или отрицали ея притязанія на самостоятельность, или относились къ нимъ презрительно и свысока. Русская національность, можно сказать, теперь даже въ большомъ почетѣ, и не только въ Москвѣ, но даже и въ Петербургѣ; съ нею очень любезны не только высшіе образованные классы, но даже и прежніе рьяные проповѣдники космополитизма, общечеловѣч-

ности, и пр. и пр., которыхъ голоса такъ рѣзко раздавались въ нашей журналистикѣ еще лѣтъ семь-восемь тому назадъ, и позднѣе. Но помирившись съ Русской національностью и даже ставъ въ нѣкоторомъ родѣ ея рыцарями, наши публицисты,—конечно не всѣ, но бо́льшая часть ихъ—постарались тотчасъ, ради бо́льшаго для себя удобства, выгородить изъ нея «религію», и на такомъ процѣженномъ и очищенномъ элементѣ національности принялись строить свою теорію объединенія. Другими словами—имъ бы очень хотѣлось выдѣлить изъ идеи Русской народности идею православія, выкачать, такъ-сказать, изъ нея, разными воздушными насосами, самый воздухъ, и разведя составъ такой обездушенной Русской *народности* всѣми возможными инородческими и иновѣрческими элементами, пребывающими въ предѣлахъ имперіи, создать новую Россійскую національность... Тономъ авторитета, не допускающимъ возраженій,—голосомъ, какъ будто вѣщающимъ непреложную аксіому всего цивилизованнаго міра, они закидали Русскую публику фразами въ такомъ родѣ: «религія сама по себѣ, національность сама по себѣ», «религія есть чувство личное, субъективное», «связь религіозная отодвинута современностью на второй планъ»,—«узкіе предразсудки религіи», «антикварная ложнопонятая догматика», и т. д. Вслѣдъ за тѣмъ пошла фабрикація новыхъ Русскихъ: «Русскихъ-католиковъ», «Русскихъ лютеранъ», «Русскихъ Магометовой вѣры», и съ легкой руки Польши — «Русскихъ *Моисеева закона!*» Особенною борзостью въ этомъ отношеніи отличаются публицисты-Евреи... Дайте еще нѣкоторыя права Еврею, и «Еврей—возглашаетъ г. Гордонъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» — *исключая религіи*, сдѣлается по *убѣжденію* и *духу* истымъ Русскимъ!» Только за бездѣлицей и дѣло-то стало: исключить религію! Читатель возразитъ, пожалуй, что религія есть, независимо отъ догмы, духовное просвѣтительное и образовательное историческое начало, подъ воздѣйствіемъ котораго сложилась исторически Русская народность, воспитался *духъ* Русскаго народа, такъ что пріобщающійся *духу* Русскаго народа, становящійся по *духу и убѣжденію* Русскимъ, да еще *истымъ*, пріобщается и всѣмъ элементамъ, которыхъ этотъ духъ есть цѣльный и полный продуктъ и которые въ немъ не могутъ быть раз-

дѣлены на составныя части никакимъ химическимъ аппаратомъ... Но эти возраженія не остановятъ г. Гордона. «Религія—восклицаетъ онъ—не служитъ препятствіемъ къ слiянію народностей: это можетъ быть принято, какъ нѣчто неоспоримое... Разнообразіе вѣроисповѣданій не мѣшаетъ единству народнаго духа... Было время, когда религія составляла единственное, связывавшее разрозненные элементы начало. Теперь не то. Современность выдвинула множество самыхъ разнообразныхъ интересовъ, которые охватываютъ всѣ стороны современнаго общества и неразрывно связываютъ его членовъ» (напр. торговые?)... «Неудивительно,—продолжаетъ г. Гордонъ—что связь религіозная не стоитъ уже на первомъ планѣ... Различіе религій не можетъ служить препятствіемъ въ дѣлѣ народнаго единенія...»

И это говорится намъ, Русскимъ, въ то время, когда историческія судьбы Малороссіи и Бѣлоруссіи такъ еще свѣжи въ памяти нашей, благодаря недавнимъ событіямъ; когда, при единствѣ происхожденія, именно на различіи вѣроисповѣданій, и только на немъ—зиждется различіе народностей въ Западномъ краѣ! Католикъ—Полякъ; православный—Русскій: вотъ единственное основаніе для опредѣленія національности, къ которой принадлежитъ тотъ или другой житель Малоруссіи и Бѣлоруссіи, несмотря на общее ихъ происхожденіе. Это различіе не было установлено ни Польскимъ, ни Русскимъ правительствомъ; оно вытекло изъ самой сущности вещей и прямо указываетъ на участіе религіи въ образованіи Русскаго и Польскаго національнаго духа. Это значеніе религіи можетъ, конечно, казаться нѣкоторымъ неудобствомъ для г. Гордона, но чтó же дѣлать? le fait est insolent, говорятъ Французы,—наглое свидѣтельство факта не можетъ быть отвергнуто, и какъ бы ни хотѣлось того г. Гордону и К°,—это неудобство—религію—никакъ нельзя ни отстранить, ни выкинуть изъ жизни народовъ, хотя бы даже во имя современности и общечеловѣчности!

«До тѣхъ поръ, объявляетъ г. Гордонъ, пока Еврей не сдѣлается *чистымъ* Русскимъ, членомъ вполнѣ слитымъ съ государственнымъ организмомъ, членомъ, на которомъ, по солидарности интересовъ и стремленій, необходимо будутъ отражаться *всѣ боли и наслажденія* этого организма, до

тѣхъ поръ Еврею, по естественной необходимости, будутъ недоступны многія шевелящія душу и сердце ощущенія, ему будутъ чужды многія *возвышающія духъ человѣка понятія*, и ему нельзя будетъ сдѣлаться гражданиномъ въ Европейскомъ смыслѣ слова...» Вся эта рѣчь поражаетъ сначала читателя, какъ что-то полное благородной мысли и высокихъ нравственныхъ требованій, но вникнувъ ближе и взявъ, такъ сказать, эту рѣчь въ руки, съ удивленіемъ увидимъ, что вся она разваливается при малѣйшемъ прикосновеніи критическаго анализа. Еслибъ г. Гордонъ сказалъ, что до тѣхъ поръ, пока Еврей не сдѣлается христіаниномъ, до тѣхъ поръ ему по необходимости будутъ недоступны многія возвышающія духъ человѣка понятія и ему нельзя будетъ сдѣлаться гражданиномъ въ Европейскомъ смыслѣ слова, — мы бы не только не стали ему возражать, но готовы были бы сами подписаться подъ его рѣчью. Дѣйствительно до тѣхъ поръ, пока Еврей не отрекся отъ Еврейскихъ религіозныхъ убѣжденій, нельзя Еврею, по самой природѣ вещей, стать въ истинномъ смыслѣ согражданиномъ христіанскаго гражданскаго общества, настоящимъ, по праву, участникомъ духовныхъ благъ христіанской цивилизаціи. Но г. Гордонъ разумѣетъ иное. Онъ хочетъ, чтобы Евреи были по духу и убѣжденію истыми Русскими, оставаясь въ то же самое время *Евреями*—въ смыслѣ религіи,—чтобъ они, примыкая нераздѣльно и слитно къ христіанскому народу, дѣлаясь «*по духу* и *убѣжденію*» членами общества, создавшагося на почвѣ христіанства, воспитаннаго исторіей въ *духѣ* христіанскихъ началъ, пропитаннаго христіанскими *убѣжденіями*,—въ то же самое время *по духу и убѣжденію* принадлежали къ ученію, отрицающему истину христіанства, враждебному христіанскимъ началамъ, духу и убѣжденіямъ! Какова задача. читатель?! Это безсмыслица, скажете вы, это contradictio in adjecto! Помирить эти противорѣчія невозможно!.. Помирить нельзя, но... замазать можно. — Г. Гордонъ возразитъ, вѣроятно, что въ нашъ просвѣщенный вѣкъ люди силою общечеловѣческаго образованія возвышаются надъ религіозными предразсудками... Прекрасно, такъ для чего же вы не отречетесь отъ этихъ предразсудковъ, отъ мозаизма, отъ талмудизма и т. д.? зачѣмъ же вы такъ упорно продол-

жаете ихъ держаться? Что-нибудь одно: или это пустяки, или это дѣло убѣжденія, полное важности и значенія. Если это пустяки, такъ стоять за нихъ нечего; если же это не пустяки, а дѣло искренняго убѣжденія, охватывающаго все существо человѣка, такъ сліяніе ваше съ православнымъ Русскимъ обществомъ по самой очевидной логикѣ—невозможно. При этомъ замѣтимъ мимоходомъ, что вы, для полученія «общечеловѣческаго образованія», должны напередъ необходимо, по смыслу вашихъ же словъ, стать выше своей религіи, т. е. стать плохимъ Евреемъ и отрѣшиться отъ Еврейскихъ религіозныхъ предразсудковъ,—тогда какъ христіанскіе, такъ-называемые «предразсудки» не только не полагаютъ препятствія къ общечеловѣческому образованію, но составляютъ основу всей современной цивилизаціи,—ту почву, на которой зиждется все дальнѣйшее духовное развитіе человѣчества. Но объ этомъ послѣ.

Г. Гордону хочется, чтобъ Еврей, пребывая вѣрнымъ іудейскимъ религіознымъ традиціямъ, чувствовалъ *всѣ* боли и *наслажденія* Русскаго государственнаго организма, т. е. того государственнаго организма, который создала себѣ Святая Русь. Мы легко допускаемъ, что Еврей способенъ почувствовать боль отъ недостатка путей сообщенія, отъ плохой администраціи, отъ неправыхъ судовъ, и сильное наслажденіе отъ проведенія желѣзныхъ дорогъ, добраго и правосуднаго управленія и т. п.,—но намъ сомнительно, чтобъ онъ почувствовалъ особенную боль напр. отъ перенесенія центра тяжести государства изъ Москвы на Ингерманландскій край имперіи, отъ ненормальнаго отношенія государства къ церкви, или особенное наслажденіе отъ гармоніи государственныхъ органическихъ отправленій съ православными требованіями Русскаго народа,—отъ успѣховъ Русскаго оружія надъ угнетателями Славянъ,—отъ торжества Русскихъ народныхъ православныхъ преданій въ высшихъ сферахъ управленія и т. д.??—Цѣль статьи г. Гордона—доказать стѣснительность нѣкоторыхъ мѣръ, еще дѣйствующихъ въ нашемъ законодательствѣ относительно Евреевъ (на счетъ христіанской прислуги). Мы согласны съ нимъ, что эти мѣры дѣйствительно безполезны и заслуживаютъ отмѣны, но г. Гордонъ не правъ въ томъ, что свое домогательство о расширеніи гражданскихъ

правъ для Евреевъ основываетъ на совершенномъ устраненіи идеи религіи изъ идеи Русской національности. Быть *Русскимъ*—невозможно ни Еврею, ни магометанину, ни католику, ни лютеранину, но быть *Русскимъ подданнымъ*—и въ этомъ званіи пользоваться извѣстными правами—можно.

Нельзя не признать, что это пошлое мнѣніе—объ отсутствіи какой-либо связи религіи съ національностью и о возможности освободить идею національности отъ идеи народной вѣры — въ большомъ ходу въ просвѣщенной Европѣ и въ особенномъ почетѣ у нашихъ прогрессистовъ, преимущественно же прогрессистовъ Еврейскаго происхожденія. Это мнѣніе, какъ мы уже замѣтили, непосредственно примыкаетъ къ цѣлой теоріи о томъ, что общечеловѣческое образованіе, которымъ такъ любитъ чваниться современный вѣкъ, можетъ быть понято и дѣйствительно существуетъ совершенно независимо отъ идеи христіанства, внѣ ея, шире и выше. Предполагая заняться разборомъ этого послѣдняго мнѣнія въ особой статьѣ, мы возвратимся опять къ вопросу о взаимной связи религіи и національности. Непонятно, какимъ образомъ могутъ ратовать противъ этой связи Евреи, которыхъ національность *только и единственно* въ одной религіи находитъ свое опредѣленіе. У нихъ нѣтъ ни языка, ни родины; они, по собственному ихъ сознанію, «чужды тѣхъ элементовъ, которые, кромѣ религіи, поддерживаютъ индивидуальность другихъ народовъ», — вся ихъ національность — въ законѣ Моисеевомъ, ихъ историческія преданія нераздѣльны съ ихъ вѣрованіями. Чтобъ перестать быть Евреемъ, достаточно отречься отъ іудейской вѣры. Внѣ этой вѣры Еврей немыслимъ. Какимъ же образомъ то, что составляетъ главную и единственную сущность Еврейской національности, можетъ быть удерживаемо, сохраняемо, при сліяніи съ другою національностью? Это все равно, что сказать: Французъ можетъ сдѣлаться Нѣмцемъ, оставаясь Французомъ, и Нѣмецъ Французомъ, оставаясь Нѣмцемъ. Если допустить, что для сліянія другихъ національностей христіанскихъ различіе религій можетъ не составлять особенныхъ препятствій, потому что религія не исчерпываетъ всего ихъ содержанія и они могутъ отказаться отъ своей народности въ пользу другъ друга, не измѣняя религіи,—то это никакъ не относится къ Евреямъ,

у которыхъ вся національность — въ религіи. Еврей, оставаясь вѣрнымъ своимъ іудейскимъ религіознымъ преданіямъ, есть и остается Евреемъ, и ничѣмъ другимъ быть не можетъ. Поэтому, для слiянія своего съ чужою національностью, онъ долженъ перестать быть *вѣрующимъ* Евреемъ, т. е. вообще Евреемъ. Слѣдовательно—отреченіе отъ іудейскихъ вѣрованій есть единственное условіе для того, чтобъ Еврей сталъ Русскимъ, и выраженіе *Русскій* (не подданный, а просто Русскій) *Моисеева закона* также безсмысленно, какъ выраженіе: *Русскій Еврейской національности*, т. е. человѣкъ Русской національности — Еврейской національности! Нелѣпость.

Не въ такой рѣзкой степени, но также не мыслимо понятіе: Русскій латинскаго или лютеранскаго закона. Мы не можемъ брать произвольныхъ опредѣленій національностей: мы принимаемъ существующій фактъ, какъ онъ созданъ исторіей. Не нужно никакого личнаго чувства вѣры, чтобы понять различіе историческихъ судебъ народовъ латинскаго, православнаго, лютеранскаго закона и чтобы признать, что это различіе обусловлено различіемъ вѣроисповѣданія. Если кто въ развитіи человѣческихъ племенъ признаетъ участіе нравственныхъ двигателей,— нравственныхъ идей, стремленій, побужденій, задачъ, призваній, индивидуальностей нравственнаго племеннаго характера,—тотъ не можетъ отрицать и значенія религіи, какъ историческаго нравственнаго двигателя въ жизни племенъ, какъ участника въ ихъ образованіи и развитіи—въ качествѣ опредѣленнаго духовнаго просвѣтительнаго начала. Отдѣльные люди изъ народа католическаго вѣроисповѣданія могутъ не понимать богословской тонкости въ словахъ filioque, могутъ, пожалуй, и вовсе не знать о происхожденіи Духа Святаго, но это filioque (въ свою очередь не случайно явившееся) положило начало особливой исторической судьбѣ католическаго міра —съ его папизмомъ, со свѣтскою властію папы, съ особеннымъ отношеніемъ церкви къ государству, церковнаго авторитета—къ наукѣ и человѣческому разуму, къ личной совѣсти и свободѣ человѣка,—что все вошло въ плоть и кровь народовъ, возросшихъ подъ сѣнію латинства, образовало ту атмосферу, которою они дышали и дышатъ. Такимъ образомъ современ-

ныя національности Европы являются продуктомъ всего тысячелѣтняго историческаго религіознаго воспитанія ихъ національной природы. Народамъ Романскаго происхожденія сроднѣе латинство; народы Германскаго происхожденія свергли иго латинства и докончили, пожалуй еще продолжаютъ доканчивать свое воспитаніе путемъ религіознаго отрицанія, т. е. отрицанія протестантствомъ латинства. Русскій народъ сложился и воспитался подъ воздѣйствіемъ православія. Надо помнить, что вѣра, какъ уже мы говорили однажды, приводя слова одного писателя, «не ограничивается простымъ исповѣданіемъ, или обрядами или даже прямыми отношеніями человѣка къ Богу. Она проникаетъ все существо человѣка и всѣ отношенія его къ ближнему, она какъ бы невидимыми нитями или корнями охватываетъ и переплетаетъ всѣ чувства, всѣ убѣжденія, всѣ стремленія его. Она есть какъ бы воздухъ, претворяющій и измѣняющій въ немъ всякое земное начало, какъ бы свѣтъ, озаряющій всѣ его нравственныя понятія и всѣ его взгляды на другихъ людей и на внутренніе законы, связующіе его съ ними. Поэтому вѣра есть высшее *общественное* начало, ибо самое общество есть не что̀ иное какъ видимое проявленіе нашихъ внутреннихъ отношеній къ другимъ людямъ и нашего союза съ ними.» Дѣйствительно, прибавимъ, вѣра есть не только высшее *общественное* просвѣтительное, но и *бытовое* начало, проникающее во всѣ изгибы народнаго бытія, опредѣляющее духовное развитіе народа, его нравственную личность, его путь въ исторіи. Таковымъ просвѣтительнымъ общественнымъ и бытовымъ началомъ Русскаго народа является православіе. Что̀ значитъ выраженіе: *Русскій католикъ*, *Русскій латинскаго вѣроисповѣданія?* Оно значитъ: Русскій, отрицающій православіе Но Русскій, отрицающій православіе — отрицаетъ съ тѣмъ вмѣстѣ Русское общественное просвѣтительное и бытовое начало. Что̀ же останется за тѣмъ у Русскаго изъ его Русской народности, *внѣ* этого начала, имъ отвергаемаго? Что̀ даетъ ему право называться Русскимъ? Языкъ, физіологическіе признаки, вѣрноподданничество? Но развѣ въ этомъ только заключается *народность?* Гдѣ же духовные ея элементы? Какая же можетъ быть общность духовныхъ національныхъ интересовъ у латинянина съ православнымъ Русскимъ? Хороши

Русскіе—латинскаго, Моисеева, Магометова закона, которые не могутъ назвать Русь—*Святою* Русью, какъ ее называлъ создавшій ее православный Русскій народъ! Намъ нѣтъ дѣла до другихъ Европейскихъ народовъ. Мы знаемъ только, что у насъ опредѣленіе Русской національности совпало съ опредѣленіемъ православія и обусловилось имъ такъ, что всякій, стоящій *внѣ* религіи Русскаго народа (католикъ, мусульманинъ, Еврей)—стоитъ *внѣ* всего, что̀ обязано бытіемъ своимъ именно этой религіи, что̀ выразило въ себѣ ея начала, что̀ проникло̀сь ею,—слѣдовательно *внѣ Русской народности*, развившейся и сложившейся подъ воздѣйствіемъ и въ духѣ православія. Католикъ, лютеранинъ, Еврей могутъ быть вѣрными Русскими подданными, могутъ быть преданы Русской имперіи, могутъ принимать близко къ сердцу ея политическіе интересы, могутъ любить ея могущество, ея славу, но они ни въ какомъ случаѣ не суть Русскіе и не могутъ назваться Русскими,—не могутъ быть участниками духовной жизни Русскаго народа, которая неотдѣлима отъ его народности, отъ его общественныхъ идеаловъ и историческихъ завѣтныхъ стремленій.

Слѣдовательно «Русскіе католики», «Русскіе лютеране»—почти такая же безсмыслица, какъ и «Русскіе Моисеева закона». Мы говоримъ—почти, потому что и у православныхъ и у католиковъ и у лютеранъ есть все же общее основаніе—вѣра во Христа и нравственная доктрина христіанства, чего въ отношеніи къ Евреямъ не имѣется.

Мы предупреждаемъ читателей, что возстаемъ здѣсь собственно противъ этихъ нелѣпыхъ названій и противъ смѣшенія понятій, которое мы считаемъ вреднымъ и располагающимъ къ индифферентизму въ дѣлѣ вѣры. Мы не касаемся здѣсь вопроса о гражданской правоспособности, которую государство въ большей или меньшей степени можетъ распространять на всѣхъ своихъ *подданныхъ* безъ различія вѣры и національности. Пусть защитники гражданской полноправности для иновѣрцевъ, а также и ратоборцы политическаго объединенія отыскиваютъ для своихъ требованій другое начало, принадлежащее къ сферѣ чисто внѣшней, политической, а не начало національной безличности въ смыслѣ религіозномъ. Надо держать высоко знамя

Русской *народности* — не только въ политическомъ отношеніи, но во всей полнотѣ и широтѣ ея духовнаго общественнаго значенія; надо твердо помнить, что «Россійское государство» не можетъ замѣнять и устранять «Святую Русь», которою единственно только оно есть, живетъ и движется. Но мы не въ правѣ будемъ называть Русь Святою Русью, если признаемъ таковыми же, какъ мы, *чистыми и истыми по духу и убѣжденіямъ* (какъ выражается г. Еврей публицистъ) Русскими—приверженцевъ латинства, ислама, Моисеева закона и т. д. Какъ Русскіе—хозяева нашей Святой Руси—мы можемъ терпѣть около себя всякихъ инородцевъ и иновѣрцевъ, можемъ предоставлять имъ свободу вѣроисповѣданія и національнаго развитія, можемъ надѣлять ихъ разными гражданскими правами, но не можемъ, безъ отреченія отъ самихъ себя, признавать ихъ такими же, какъ мы, равными съ нами хозяевами и полновластными распорядителями въ Русской землѣ, не можемъ, въ угоду имъ, унижать наше значеніе какъ Русской народности — неразлучной съ идеею православія.

Еврей, католикъ, магометанинъ могутъ быть Русскими подданными, но не могутъ быть Русскими. Напротивъ того—всякій православный, по понятіямъ Русскаго человѣка—можетъ быть Русскимъ, — такой же ему братъ, какъ Русскій. Ибо идея православія поглощаетъ для Русскаго человѣка тѣсное опредѣленіе національности.

О притязаніяхъ общечеловѣческаго просвѣщенія стоять внѣ христіанства и независимо отъ него, а также и о гражданскихъ правахъ, которыхъ добиваются Евреи, поговоримъ въ другой разъ.

И любишь Русь—и невольно спрашиваешь себя: за что ее любишь?

«День», 19-го августа 1865 г.

Не только редактору столичнаго журнала, но и всякому столичному общественному дѣятелю, а тѣмъ болѣе дѣятелю оффиціальному и власть имущему, посовѣтовали бы мы, или, выражаясь проще (обыкновенною у насъ Русскою формою рѣчи)—указомъ бы повелѣли: по крайней мѣрѣ въ два года

разъ проѣзжаться по Россіи! Такая поѣздка освѣжительна и вразумительна во всѣхъ отношеніяхъ. Нѣтъ надобности обращать ее въ слѣдственную экспедицію, или задаваться задачею «изучить Россію», что теперь даже въ модѣ и постоянно на языкѣ у бдрзой чиновной благонамѣренности города Санктпетербурга, которая воображаетъ, что, прокатившись по двумъ-тремъ провинціямъ, она, à la Цезарь, пришла, увидѣла, «изучила» и рѣшила! Впрочемъ пусть себѣ катаются наши оффиціальные и не оффиціальные Санктпетербургскіе туристы: это все же лучше, чѣмъ долгое домосѣдство въ родномъ «парадизѣ», какъ называлъ свою столицу великій Петръ. Мы нисколько не намѣрены ихъ осуждать за это,—мы говоримъ о поѣздкахъ другаго рода, съ болѣе скромною задачею, или лучше сказать — безъ всякой задачи. Намъ посчастливилось именно совершить такого рода поѣздку. Мы обогнули водою и сушью значительный край Россіи, но мы смиренно сознаемся, что мы не утолстили своего портфеля особенно обильнымъ запасомъ «новыхъ» матеріаловъ; мы не привезли никакихъ готовыхъ проектовъ о разныхъ «мѣропріятіяхъ», «долженствующихъ» служить панацеей отъ всяческихъ Русскихъ золъ; мы не только не вынесли никакого рѣзкаго рѣшенія вопросамъ, не только не можемъ выставить передъ публикою цѣлаго фронта вопросовъ-новобранцевъ,— но вынесли нѣчто другое: отвращеніе къ бдльшей части нашихъ «вопросовъ», жалуемыхъ въ сей чинъ журнальною властью, и весьма не высокое понятіе о могуществѣ и пользѣ Россійскаго журнальнаго слова.

Право, едвали не лучше, безъ всякихъ особенныхъ задачъ, просто отдаться непосредственнымъ впечатлѣніямъ Русской дороги, Русской природы, имѣя взоръ раскрытымъ и слухъ разверстымъ — смотрѣть, глядѣть, видѣть, слышать. Само собой разсѣется марево и улетучатся призраки, создаваемые столичною жизнью. Тамъ, въ столицѣ, шумъ нашихъ собственныхъ рѣчей кажется намъ нерѣдко отголоскомъ всей Россіи и заслоняетъ для насъ колоссальное безмолвіе неизмѣримаго Русскаго простора; гуломъ гудятъ порой наши радостные столичные возгласы поверхъ вздоховъ и тихихъ жалобъ народа; стономъ стоятъ порой наши горькія жалобы, упреки и сѣтованія — поверхъ его веселаго и

бодраго мира... Мы такъ дѣятельны, такъ заняты, такъ спѣшимъ, такъ суетимся и возимся, жизнь кипитъ и несется на полныхъ парахъ,—кажется, что и времени не хватаетъ; одинъ за другимъ рѣшаются вопросы; у насъ знаніе, у насъ власть: слушай, да поворачивайся себѣ, Россія! Но стòитъ только спуститься по Волгѣ, по Дону, и пустить взоръ свой на волю—бродить по этимъ безбрежнымъ равнинамъ водъ, луговъ, нивъ и степей, и незамѣтно для васъ раздвинутся горизонты вашихъ мыслей и думъ, и сами собой вступятъ и лягутъ въ вашу душу величавые размѣры нашихъ пространствъ. и, такъ сказать, насильно, вопреки всѣмъ разсудочнымъ доводамъ и предвзятымъ идеямъ, нерѣдко къ собственной досадѣ вашей, умиротворяетъ васъ Русская природа своимъ мощнымъ миромъ, своею вѣщею тишиной... Спадаетъ спѣсь столичнаго дѣятеля, угомоняется прогрессивная прыть, унимается общественно-преобразовательный зудъ—и проникаешься невольно смиреніемъ предъ жизнью, уваженіемъ къ правамъ ея органическаго развитія. И любишь Русь, любишь ее сирую, сѣрую, неловкую, неуклюжую, безобразную, и невольно спрашиваешь себя—за чтò ее любишь, и исполняешься могучей вѣры, которой и оправданія не приищетъ разсудокъ! Опомнишься, остановишься, начнешь повѣрять себя, пристально озираться кругомъ, разсматривать каждое явленіе порознь, взглядываться въ дѣятельность распоряжающихся и дѣятельность повинующихся, разбирать жизнь въ ея частностяхъ и подробностяхъ.. Боже! какъ безобразно! и чтò за однообразіе! какая бѣдность, какое безсиліе, какое невѣжество, какая пошлость—и глупости, глупости какое разливанное море! И въ то же время, сквозь это безобразіе проступаетъ предъ вашимъ внутреннимъ взоромъ такая красота ни съ чѣмъ не сравнимая,—такая величавая красота простоты смиренной и въ то же время могучей! сквозь это безсиліе сказывается вамъ такая исполинская сила духа, такая мощь организма! въ этомъ однообразіи такая сила быта,—за этою бѣдностью столько богатствъ природныхъ и запасовъ ихъ на цѣлые вѣки, — сквозь тьму невѣжества свѣтитъ порой такой свѣтъ духовный,—сквозь внѣшніе слои пошлости, уступчивости и глупости,—столько разума, столько упорства, столько самобытности и духовной

свободы, столько вѣры, умѣющей претерпѣвать до конца, столько жизненной крѣпости, способной перемочь и перебыть всякія бѣды и напасти! И чувствуете вы, что эта развращенная, по общему отзыву, взятками и подкупами, растлѣнная Русь—тѣмъ не менѣе родная, «Святая Русь» и что связаны вы съ нею какими-то неизслѣдимыми, забытыми, но въ то же время самыми дорогими и завѣтными связями духа... Попробуйте низойти къ жизни поближе — такъ сожмется иной разъ ваше сердце! скрипитъ, какъ немазанная телѣга, Русскій народный организмъ, поворачиваемый бюрократическимъ проворствомъ,—скрипитъ и деретъ уши немилосердно; но подобно тому, какъ скрипъ дорожныхъ колесъ въ степи заглушаетъ Русская народная пѣснь, тихо облегая окрестность, стелясь и въ ширь и въ даль и къ небу высоко,—такъ и самый этотъ диссонансъ Русской видимой, внѣшней дѣйствительности мало-по-малу пересиливаетъ въ вашемъ слухѣ, побѣдная пѣснь скрытыхъ силъ внутренней жизни духа. Да, эта водная равнина Волги, это синее безбрежное море, которымъ мы еще такъ недавно любовались на нашемъ Югѣ, это другое, также безбрежное зеленое море степей, и надъ всѣмъ этимъ безбрежный голубой просторъ неба, всюду открытаго взору Русскаго человѣка,—это однообразіе видовъ и картинъ Русской природы, эта могучая сила однообразія, эта красота простоты и это величіе размѣровъ,—когда все это примешь въ душу,—такими карликами явятся вамъ столичные дѣятели-великаны, такими смѣшными покажутся затѣи и притязанія нашихъ реформаторовъ-прогрессистовъ, такими оскорбительными и дерзкими ихъ посягательства на свободу народнаго организма!...

Мы вѣдь очень хорошо знаемъ, читатель, что всѣ эти наши слова придутся не по вкусу нашимъ «позивитистамъ» (слово недавно пущенное въ ходъ Петербургскою «прессою»). Вѣдь и въ самомъ дѣлѣ, оно въ нѣкоторомъ родѣ даже неприлично журналисту—вмѣсто положительныхъ доводовъ, опираться на непосредственныя впечатлѣнія и говорить о такихъ вещахъ, какъ природа, да пѣсня, да просторъ, да духовная красота!.. Это неумѣстно, это все поэзія, все вѣрованіе, все пророчествованіе, скажутъ они! могутъ ли такія вещи слу-

жить доказательствомъ внутренней силы, служить залогомъ благопреуспѣянія, благоразвитія, благоустройства, благосостоянія, и споспѣшествовать благонамѣреннымъ видамъ и цѣлямъ просвѣщенныхъ ревнителей о Русскомъ благѣ?! Презрѣннымъ взоромъ окинулъ бы насъ редакторъ какого-нибудь «Times»'а и обильный поводъ къ глумленію подаемъ мы нашимъ собратамъ по журналистикѣ, особенно Санктпетербургскимъ... Но таково положеніе дѣлъ въ Россіи, что именно только силою этихъ непосредственныхъ впечатлѣній и возможно поддерживать въ себѣ бодрость дѣятельности: необходима вѣра въ Россію, простая, беззатѣйная любовь къ ней; въ особенности же необходимо сочувствіе духовной сторонѣ ея народной жизни, разумѣніе ея духовнаго и нравственнаго идеала: потому что безъ этого сочувствія, безъ этого духовнаго разумѣнія, нельзя настоящимъ образомъ ни любить, ни понимать Россію, ни наладить въ ладъ съ народными потребностями и народу во благо—свою высокоумную, просвѣщенную дѣятельность, — ни сохранить свои силы отъ надрыва, ни устоять въ трудномъ подвигѣ служенія... Но откуда же однако этотъ рядъ противорѣчій? Ошибутся читатели, если подумаютъ, что мы возвратились изъ нашей поѣздки оптимистами и намѣреваемся отрапортовать имъ, что «все обстоитъ благополучно»! Мы могли бы отрапортовать имъ совершенно обратное и до такой степени обратное, что было бы изъ-за чего придти въ уныніе или даже отчаяніе, еслибъ, рядомъ съ совершенно рухнувшей вѣрой въ нашъ прогрессъ, въ силу и творчество нашей столичной цивилизаціи,—не предлагала намъ з а г а д к и сама Русская жизнь—внушая такую могучую въ себя вѣру и такую силу любви! и вѣра и любовь покуда, повидимому, неоправданныя, но потому только и неоправданныя, что еще не отыскано нами слово этой загадки. Въ одинъ часъ,—путешествуя по Россіи, какъ мы уже сказали,—переживаете вы тысячу противорѣчивыхъ впечатлѣній—вопіюще-противорѣчивыхъ: осязаете безсиліе и несомнѣнно убѣждены въ присутствіи силы; хотѣли бы ненавидѣть и страстно любите; поражаетесь безобразіемъ, а въ душѣ слагается образъ величавой красоты,—отыскиваете по частямъ причины этого безобразія и не находите объясненія, вѣрите въ будущность Россіи и не вѣрите въ свою дѣятельность,

разрѣшаете въ теоріи сотню частныхъ вопросовъ, а на практикѣ не разрѣшается ни одинъ... Чтò за притча?! Да, чувствуется, что именно какое-то слово не отыскано, будто лозунгъ, отпирающій всѣ двери,—чтò на Русской землѣ, на Русской жизни тяготѣетъ какое-то недоразумѣніе,—недоразумѣніе между ея дѣйствующими и бездѣйствующими силами, между отправленіями ея собственнаго организма. До этого то слова загадки добраться, до ключа недоразумѣній, до вопроса вопросовъ—вотъ въ чемъ задача...

Недоразумѣніемъ парализована дѣятельность Русскаго народнаго организма! Недоразумѣніе паритъ надъ нашей столичной дѣятельностью! Въ жмурки играютъ Русскія силы, ловятъ другъ друга и не поймаютъ, промахиваются безпрестанно. Qui pro quo непрерывное—вотъ девизъ нашего развитія,—qui pro quo даже въ томъ смыслѣ, что когда одна сторона, съ искреннимъ желаніемъ блага, стремится достигнуть своей цѣли,—народъ, искренно ей благодарный, нерѣдко видитъ въ этомъ стремленіи достиженіе совершенно иной и противоположной цѣли... Противорѣчіемъ поражается и взоръ и слухъ и душа путешественника на каждомъ шагу, и недоумѣвая умомъ, смущаемый анализомъ разсудка, онъ. тѣмъ не менѣе, къ удивленію своему замѣчаетъ, что душой его владѣетъ какое-то незыблемое, подчасъ даже досадное упованіе, и что на днѣ его тревожной души осаживаются, вопреки всего, вѣра и миръ...

Но ни эта вѣра, ни этотъ миръ не только не даютъ намъ права мириться съ нашею дѣйствительностью, но налагаютъ на насъ еще сильнѣйшую обязанность бороться съ тьмою Русской жизни и не терпѣть въ ней противорѣчій. Впрочемъ отвратимся теперь отъ красоты и внѣшней и духовной, и коснемся именно этой области противорѣчій, недоразумѣній и недоумѣній — нерѣдко комическихъ, но еще болѣе серьезныхъ, и въ томъ видѣ, какъ они невольно кидаются въ глаза самому поверхностному наблюдателю, путешествующему безъ всякой задачи.....

Гдѣ у насъ ключъ недоразумѣній?

«День», 21-го августа 1865 г.

Недоразумѣніями, сказали мы, обставленъ каждый шагъ путешественника по Россіи. Недоразумѣнія пестрымъ роемъ вьются около него и въ то время когда онъ скачетъ въ почтовой Русской телѣгѣ, и когда плыветъ по Русскимъ рѣкамъ въ выписанномъ изъ Англіи пароходѣ, однимъ словомъ—всюду и всякій разъ, какъ приходится ему, столичному жителю, соприкасаться съ губернскою, уѣздною и сельскою жизнью, переноситься изъ однихъ слоевъ атмосферы въ другіе, изъ высшихъ въ низшіе и обратно,—и свои теоретическіе выводы и умозаключенія повѣрять о правду Русской дѣйствительности. Ему нѣтъ надобности ни въ остромъ анализѣ, ни въ тонкой наблюдательности: безъ всякихъ съ его стороны усилій, самъ собой, безпрестанно натыкается онъ на какое-нибудь яркое воплощенное недоразумѣніе, и какъ повидимому ни мелочны, ни ничтожны, ни разнообразны эти отдѣльные факты, въ душѣ его невольно зародится мысль, что должна же быть какая-нибудь общая связь между этими недоразумѣніями и что всѣ они несомнѣнно примыкаютъ къ какому-нибудь одному, крупному недоразумѣнію. Оставимъ въ сторонѣ явленія высшаго порядка и всякую отвлеченность; сядемъ, читатель, на пароходъ и поплывемъ по Волгѣ. «Волга—это олицетвореніе могущества Русскаго народа! Это рѣка-кормилица, одинъ видъ которой наполняетъ душу чувствомъ бодрой силы», твердите вы... и садитесь на мель. И все это широкое раздолье Волги, которымъ такъ охотно тѣшится и гордится Русская душа, не властно очистить дно отъ подводныхъ камней и мелей, углубить фарватеръ и довести суда до̀ моря — до синя моря Хвалынскаго: все могущество народное Волги слабо, безсильно предъ формализмомъ оффиціальной опеки — впрочемъ суетливой, благонамѣренной и усердно, усердно-пишущей. Доплываете вы до̀ Самары и хвалитесь этимъ быстрымъ путемъ сообщенія, доставившимъ васъ изъ Москвы въ двое съ половиною сутокъ, и посылаете по почтѣ письмо, кото-

рое доходитъ въ Москву не ранѣе какъ дѣнъ черезъ 10-ть: Волга еще не возведена на степень оффиціальной почтовой дороги. Вотъ смотрите, бѣжитъ по пустынному прибрежью телеграфская проволока и соединяетъ города, между которыми, на разстояніи 40 верстъ, та же почта ходитъ восемь дней, да и то разъ въ двѣ недѣли... Послѣдніе результаты цивилизаціи встрѣчаются рядомъ съ ея первыми основаніями; желѣзныя дороги сталкиваются съ первобытнѣйшими способами перевозки, съ такими, которые ведутъ свое лѣтосчисленіе чуть не съ Ноя—съ какимъ-нибудь чумацкимъ обозомъ. Въ этой странной конкурренціи выгода конечно не на сторонѣ цивилизаціи, а чумаковъ и воловъ. Вы съ гордостью мчитесь по чугуннымъ рельсамъ, соединяющимъ Волгу съ Дономъ, а въ сторонѣ, по зеленой степи, лѣниво влекутся и тащутъ волы — небольшія, кое-какъ сколоченныя фуры, и рядомъ съ ними медленно выступаетъ загорѣлый чумакъ, въ дегтяной рубашкѣ, безъ шапки, несмотря на палящее солнце. Да и гдѣ соперничать съ чумацкимъ промысломъ желѣзной дорогѣ! Она побѣдоносно выступаетъ тамъ, гдѣ time is money, время деньги,—а что̀ можетъ быть дешевле времени для чумака? да и куда торопиться! что̀ можетъ быть дешевле и его личнаго труда: ноги даровыя—не занимать стать, волы кормятся кормомъ степей, рубашка, пропитанная дегтемъ, годится на годъ, да и шапки при волосахъ не нужно!.. Кромѣ того открылось, кажется къ немалому удивленію строителей, что и Волга и Донъ замерзаютъ зимою, и что нѣтъ разсчета, при гужевой перевозкѣ товаровъ, два раза нагружать и разгружать ихъ на такомъ маломъ пространствѣ... Плывете вы по Дону: пароходъ, то и дѣло, задѣваетъ за дно, но все же идетъ благополучно: вдругъ стой! чумаки переходятъ съ своими волами вбродъ знаменитую рѣку: пароходъ выжидаетъ и плыветъ дальше... Какіе мирные берега, какія тихія, пустынныя зеленыя степи, какое добродушное и однакожъ воинственное населеніе!... Пароходъ, рельсы, телеграфъ, XIX вѣкъ во всемъ своемъ всеоружіи, со всѣми аппаратами современной цивилизаціи, и рядомъ съ этимъ—цѣлое войско-племя: не мертвый памятникъ древнихъ вѣковъ, а живое и еще живучее явленіе современной Русской

общественной жизни. Вы толкуете тамъ у себя въ столицѣ о вредѣ привилегій какой-нибудь сѣверо-американской компаніи, о вредѣ общиннаго начала въ селахъ и возмущаетесь тѣмъ, что крестьянскія десятины не могутъ, при этой системѣ, быть воздѣланы вполнѣ доброкачественно... А вотъ передъ вами громадная община, въ исполинскихъ размѣрахъ, занимающая пространство немного менѣе Пруссіи: это войско Донское, безъ городовъ и гражданскихъ чиновъ, не допускающее иногородныхъ пріобрѣтать у себя земли; это казачество, давнымъ-давно переставшее быть пограничнымъ и казалось бы давно уже пережившее свое историческое призваніе. Но нѣтъ, не трогайте его: — въ этомъ повидимому анормальномъ явленіи еще жива органическая сила, еще не подсохъ его корень, — и вы смиренно сознаетесь, что еще о многомъ и много нечего вамъ и думать, что вы, несмотря на весь блестящій столичный прогрессъ, еще находитесь въ такой порѣ развитія, при которой казачество еще возможно и нужно, еще продолжаетъ хранить въ себѣ жизненную крѣпость... И невольно приходитъ вамъ въ голову: какъ рѣшило оно себѣ вопросъ, заданный просвѣщеннымъ начальствомъ министерства просвѣщенія: классической, или реальной гимназіей приличнѣе обзавестись казаку??...

Когда спустишься ниже по Волгѣ, посѣтишь Крымъ, проѣдешь Перекопскою степью, Херсонскою степью, Екатеринославскою степью, то пораженный пустынностью этихъ пространствъ, невольно спрашиваешь себя: не въ томъ ли недоразумѣніе, что исторія разсчитываетъ себѣ не на одно, чуть ли не на два тысячелѣтія, а мы насилуемъ ее развернуться разомъ въ короткій срокъ человѣческой жизни,—что не 80 милліоновъ, а 180 милліоновъ нужны здѣсь для того, чтобъ могла привиться и принести плодъ хоть десятая часть задуманныхъ вами преобразованій. Одолѣваетъ безлюдье, одолѣваетъ пространство, все поглощается, замираетъ и тонетъ въ этомъ пустынномъ безмѣрномъ просторѣ... Но вотъ предъ вами и населенныя, густо-населенныя земли, а на душѣ не легче, и недоумѣніе ростетъ съ каждымъ часомъ. Звуки Русской пѣсни, несущейся надъ Русской землей, прерываются словами иноземной команды... Какія то

двѣ жизни, а не одна, двѣ силы, а не одна цѣльная сила, снуютъ передъ вами, работаютъ, трудятся, надрываются другъ для друга и не могутъ встрѣтиться лицомъ, а только порой неловко сталкиваются, и встрѣтившись не спознаютъ другъ друга и не разумѣютъ, словно говорятъ различными языками!.. Вотъ вы, столичный житель, разгромили тѣлесныя наказанія, благодѣтельствуя мужику: съ недоумѣніемъ внимаетъ вамъ облагодѣтельствованный вами и какъ милости у ногъ вашихъ добивается розги, вмѣсто денежной пени. Вы возвѣщаете, путешествуя, о красотѣ новой судебной реформы, но косо поглядывая выслушиваетъ народъ вашу проповѣдь: не въ домёкъ ему просвѣщенный юридическій пріемъ Европы, налагающій на правительство обязанность обвинять и карать во что бы ни стало, а не добиваться правды и миловать. Вы подняли и порѣшили въ вашей газетѣ жгучіе вопросы и ввели въ страхъ и трепетъ столичную публику, — но слово ваше и не дошло до слуха народа, не вѣдающаго ни о вашихъ вопросахъ, ни о внушенныхъ или напущенныхъ вами страхахъ. Про Русскую прессу гремитъ Европа, но знать не знаютъ про эту прессу 80 милліоновъ Русскихъ подданныхъ, за исключеніемъ какихъ-нибудь двухъ-трехъ десятковъ тысячъ читателей на пространствѣ цѣлой части свѣта. Въ столицѣ, особенно въ Петербургѣ, въ которомъ живутъ такою ускоренною жизнью, кажется не только нужна ежедневная гласность, но и ежедневныхъ газетъ мало, подавай и утреннія и вечернія... Но вся эта кипучая ежедневность сводится въ провинціи въ некипучую еженедѣльность, а иногда и по одному разу въ двѣ недѣли приходитъ почта и сваливаетъ разомъ кучу — быстро торопившихся явиться въ свѣтъ, газетныхъ нумеровъ! Въ петербургѣ вы воевали за свободу торговли и на основаніи этого начала сломили откупъ. Но посмотрите въ провинціи: эта самая свобода торговли является на практикѣ протекціонизмомъ по отношенію къ пьянству: народъ въ городахъ и селахъ спаивается съ кругу, по усердію благородныхъ либераловъ, оплачиваемому добрымъ процентомъ. Вы ли не гремѣли противъ полицейскаго грубаго деспотизма, на который со всѣхъ сторонъ неслись жалобы? Успокойтесь: прежняго деспотизма полиціи, да и никакой полиціи не вид-

но,—но вотъ вся Россія въ осадномъ положеніи отъ поджоговъ, возвѣщаемыхъ подметными письмами. Народъ самъ берется за исполненіе полицейскихъ обязанностей и вновь призываетъ—вновь кличетъ на свою голову прежній полицейскій деспотизмъ, отъ котораго такъ много терпѣлъ и отъ котораго его сердобольно избавили... Чего же ему нужно, наконецъ? Очевидно, не того, что̀ ему дано и не того, что̀ у него отнято? Но чего же?..

Просвѣщенія, скажетъ съ гордостью столичный житель. Народъ дѣйствительно жаждетъ и ищетъ просвѣщенія и ринулся было ему на встрѣчу. На встрѣчу же народу ринулись и просвѣтители изъ столицъ. Но съ недоумѣніемъ видитъ народъ, что это какое-то особенное просвѣщеніе, не то, котораго онъ ищетъ;—онъ замѣчаетъ, что просвѣщеніе, предлагаемое ему, неразлучно съ какимъ-то нравственнымъ паденіемъ, перерѣзываетъ начисто органическую связь съ народнымъ бытомъ и подрываетъ, въ просвѣщаемомъ, всякую силу органическаго творчества. Чего онъ хочетъ — онъ не умѣетъ выразить, но опять-таки не того, что̀ ему предлагаютъ. Кругомъ страшное напряженіе силъ! и какая напрасная трата силъ! Не удается имъ ни спѣться, ни спознаться, ни столковаться. И такъ вездѣ и всюду, отъ всѣхъ окраинъ стелятся недоразумѣнія по Россіи, до береговъ Финскаго залива, до самаго крупнаго недоразумѣнія Русской земли, воплощаемаго ея столицей, оффиціальнымъ центромъ Русской политической жизни... Ужъ не здѣсь ли, не въ этомъ ли недоразумѣніи ключъ недоразумѣній и вопросъ вопросовъ?

Духъ православія: вотъ наше единство! вотъ наша цѣльность!

«День», 26 августа 1865 г.

У насъ нѣтъ такихъ памятниковъ личнаго художественнаго творчества, которые бы пережили вѣка и служили источникомъ художественныхъ наслажденій. Но у насъ есть памятники *народнаго* творчества,—художественные памятники, которыхъ творцомъ-художникомъ—не то или другое *лицо*, а народъ или, вѣрнѣе сказать, сама народная исто-

рическая жизнь. Такова Москва, таковъ Кіевъ. Не то или другое въ нихъ зданіе въ отдѣльности сосредоточиваетъ на себѣ значеніе памятника или изящнаго художественнаго произведенія,—а вся общность, весь хоръ церквей, стѣнъ, дворцовъ, колоколенъ, однимъ словомъ—самый городъ. Здѣсь проступаетъ наружу неизслѣдимая внутренняя красота самой Русской народности, здѣсь выразилось изящество народнаго міросозерцанія и жизненная цѣльность народнаго духа. Ничего подобнаго красотѣ Москвы и Кіева не найдете вы въ Европѣ, какъ и никогда ни что *оригинальное* не находитъ себѣ ничего подобнаго. Какъ бы ни толковали о безобразіи Русской жизни, объ отсутствіи чувства изящества въ Русскомъ народѣ, но не случайно же, но откуда-нибудь да взялась эта оригинальная красота, которая къ тому же несомнѣнно запечатлѣна типомъ Русской народности и не носитъ на себѣ никакихъ слѣдовъ подражанія. Этого-то уже, по крайней мѣрѣ, отрицать не возможно!. —Впрочемъ, красота Москвы и красота Кіева, какъ двѣ величины несоизмѣримыя, не могутъ быть и сравниваемы между собою. Каждая выразила и выражаетъ свой моментъ въ исторіи—до совершенства, до художественной оконченности Красота Москвы—строгая и державная; эта столица Руси единой, цѣльной, царственной, Руси царей и земскихъ соборовъ. Кіевъ—это юность, это ясное утро, это весна Русской исторической жизни, это ея вешній историческій періодъ,—Руси Володиміровой, Руси Мстиславовъ и Изяславовъ, удѣльной, княжеской. вѣчевой. Нѣтъ сомнѣнія, что созерцаніе такой воплощенной красоты, такихъ изящныхъ, многовѣщихъ историческихъ памятниковъ имѣетъ огромное педагогическое значеніе, воспитываетъ умъ и чувство, сообщаетъ само собой направленіе мысли. Иное даетъ душѣ видъ Кремля или Кіева, иное Петербургъ; иною силою вѣетъ на васъ органическое созданіе самой жизни,—инымъ духомъ вѣетъ отъ произведенія хотя бы искуснаго и стройнаго, но механически сдѣланнаго могуществомъ власти. Какъ бы ни гордился Петербургъ своею красивостью, его красивость бездушна и безлична,—онъ весь gemacht, какъ говорятъ Нѣмцы.

Если вы никогда не бывали въ Кіевѣ, читатель, или были, но уже давно, и если только имѣете возможность побывать

въ немъ—ступайте въ Кіевъ. Убѣдительнѣе всякихъ убѣжденій разсудка, лучше всякихъ доводовъ чужой и своей логики, сильнѣе всякихъ увѣщаній подѣйствуетъ на васъ, на вашу Русскую духовную природу, одно наглядное впечатлѣніе, одинъ внѣшній видъ Кіева,—особенно если вы подъѣзжаете къ нему со стороны станціи Бровары и особенно лѣтомъ въ ясный день. Это такая красота самобытная, Русская (обще-Русская, а не собственно Малороссійская), такая красота многознаменательная и краснорѣчивая, вѣщающая такимъ вразумительнымъ языкомъ вашему историческому и Русскому чувству, что всевозможныя сомнѣнія и вопросы (если только они гнѣздились въ васъ) со срамомъ исчезаютъ сами собой, и Кіевъ является вамъ такимъ же живымъ, неотъемлемымъ членомъ Русскаго историческаго организма, какъ и сама Москва. Съ такою силою выступаетъ предъ вами всенародное и всероссійское значеніе Кіева, что вамъ становится стыдно и совѣстно и за Русское общество, держащее Кіевъ въ какомъ-то забросѣ и пренебреженіи, и за возможность появленія на Русской землѣ украйнофильскихъ сепаратическихъ бредней (о которыхъ свидѣтельствуетъ Галиційская газета «Мета»), и за возможность страха, внушаемаго этими бреднями нашимъ столицамъ. Съ трудомъ понимаешь,—глядя на Кіевъ издали,—какимъ образомъ можетъ страна, окружающая этотъ городъ, пребывать или считаться ополяченною или хоть полу, хоть на четверть ополяченною,—и еще болѣе преступно-безумными представляются вамъ посягательства Поляковъ. Глядя на Кіевъ, невольно приходишь къ мысли, что всякаго Поляка, предъявляющаго притязанія Польской народности на Кіевъ и на прилегающій къ нему край, слѣдовало бы сажать въ сумасшедшій домъ и подвергать серьёзному медицинскому лѣченію, по всѣмъ правиламъ науки: этого бы требовала сама гуманность; правда и то, что въ этотъ сумасшедшій домъ пришлось бы посадить чуть ли не всю Польскую интеллигенцію, т. е. всю Польскую шляхту! Надобно, въ самомъ дѣлѣ, предположить какой-нибудь органическій недостатокъ или поврежденіе въ Польскомъ мозгѣ (какъ мы думаемъ), чтобъ объяснить себѣ эти дикія притязанія... Еще труднѣе, однакоже, себѣ объяснить, какъ, имѣя Кіевъ въ своихъ рукахъ, умудрились мы—убе-

речь въ Югозападномъ краѣ присутствіе такихъ враждебныхъ для Русской народности элементовъ? и какъ допустили его низойти до такого состоянія, выйдти изъ котораго нѣтъ возможности безъ помощи энергическихъ, диктаторскихъ мѣръ? Виновата Русская земля предъ Кіевомъ, въ особенности Русское общество, Русская такъ-называемая интеллигенція—на всѣхъ ея ступеняхъ! Нашего хвалёнаго «патріотизма» не хватило на то, чтобъ отвѣтить самой вопіющей потребности современнаго политическаго и общественнаго положенія дѣлъ на этой окраинѣ Россіи,—т. е. чтобы связать Кіевъ съ Москвою прочными желѣзными путями. У насъ не составилось ни компаніи, ни простой подписки для устройства этой дороги. Наши капиталисты-купцы, обыкновенно жалующіеся на безденежье, бросаютъ сотни тысячъ рублей на покупку, изъ тщеславія, старинныхъ барскихъ подмосковныхъ имѣній и на удовлетвореніе своихъ новомодныхъ барско-купеческихъ прихотей,—и даже не пошевилили ни языкомъ, ни рублемъ, когда дѣло шло о желѣзной дорогѣ на Кіевъ. Можно было бы подумать, что Россія стоитъ спиной къ этой своей окраинѣ, если бы имѣть въ виду только отношеніе къ Кіеву Русскаго общества, если бы, кромѣ Русскаго общества съ купечествомъ включительно, не было въ Россіи еще Русскаго простаго народа, которымъ только и держится связь Кіева съ остальной Россіей, какъ держится имъ и вся Россія. Не желѣзные пути проложилъ онъ, а проложили широкій слѣдъ отъ всѣхъ сторонъ, отъ самыхъ отдаленныхъ концовъ Россіи, до Кіева и даже до Почаева—сотни тысячъ богомольцевъ, ежегодно устремляющихся на поклоненіе Кіевской святынѣ и связующихъ Кіевъ безчисленными, видимыми и невидимыми нитями со всѣми мѣстностями, заселенными Русскимъ народомъ! Вотъ наше единство, вотъ наша цѣльность! Или вѣрнѣе сказать: вотъ единственный стражъ нашего единства и цѣльности: это духъ православія, бьющій еще такими живыми подземными ключами въ нашемъ народѣ,—это историческая память, пребывающая въ народѣ не какъ сознательное воспоминаніе, а какъ животворная сила, сохранившаяся изъ тѣхъ до-Петровскихъ временъ, когда еще не замирала дѣятельность народной органической жизни! Прочно сковалъ народный духъ эти подземныя связи, и не

разорвать ихъ никакой внѣшней силѣ. Этотъ постоянный походъ Русскаго народа по святымъ мѣстамъ Руси—есть единственный, пока остающійся ему способъ, какъ видимаго всенароднаго сообщенія въ духѣ вѣры, такъ и самосознанія себя въ духовной, церковной и земской цѣльности. И нельзя же не сказать, что эти жизненныя силы и внутренняя дѣятельность духа въ народѣ сохраняются—не благодаря покровительству и помощи сверху, отъ интеллигентныхъ сферъ, располагающихъ и средствами и властью,—а скорѣе напротивъ—вопреки высшихъ просвѣщенныхъ классовъ, вопреки Русской «интеллигенціи».

«Русская интеллигенція» не знаетъ пути въ Кіевъ и не находитъ нужнымъ связать его прочнѣе съ центромъ Россіи; Русская интеллигенція чуть не исчахла, во время оно, отъ криковъ противъ мѣръ, которыя принимало правительство въ огражденіе Русскихъ крестьянъ отъ неистовства Польскихъ помѣщиковъ. Русская интеллигенція. особенно въ своихъ аристократическихъ представителяхъ, еще и теперь готова помѣшать успѣшному ходу крестьянскаго дѣла. Русская интеллигенція, въ своихъ демократическихъ представителяхъ, готова сама разорвать единство и крѣпость Русской земли псевдо-либеральными, антинародными стремленіями украйнофильства, являясь и въ этомъ дѣлѣ жалкимъ, безсознательнымъ орудіемъ Польской интриги. Русская интеллигенція, въ высшихъ своихъ делегатахъ, не находитъ другаго способа разрѣшить Польскій вопросъ и борьбу между Русскою народностью и полонизмомъ, между латинствомъ и православіемъ, какъ чрезъ устроеніе на святыхъ берегахъ Днѣпра, въ виду Софійскаго собора, увеселительнаго заведенія Шатодёфлёръ, по Парижскому образцу, съ приплатою отъ городской казны: единственный памятникъ Русской національной политики, оставленный здѣсь за время послѣдняго мятежа! Она же, сія интеллигенція, но только въ мелкихъ чинахъ, порождаетъ сумбуръ въ умахъ молодёжи проповѣдью нигилизма, матеріализма, демократизма, стараясь всѣми способами устранить элементъ вѣры и православія изъ понятія о Русской народности. Русская интеллигенція сама усердно, еще не очень давно, настаивала на томъ, чтобы Польскій языкъ имѣлъ право гражданства въ Кіевскихъ гимназіяхъ....

Иначе относится къ Кіеву *не* интеллигентная Россія. «Языкъ до Кіева доводитъ», говоритъ Русскій народъ на сѣверѣ. Кіевъ всегда можетъ стать кличемъ всей Русской земли. На одно слово «Кіевъ» можетъ сбѣжаться, для отпора внѣшнему врагу, вся Русь отъ мала до велика, отъ Сибири, отъ устьевъ Дона и отъ Бѣлаго моря. Да, Кіевъ есть сила, есть укрѣпленная позиція, не въ смыслѣ военной крѣпости (такъ долго строившейся и теперь признанной излишнею), но въ смыслѣ своего всенароднаго духовнаго и историческаго значенія. Это такая позиція, выгоднѣе которой нельзя и придумать для успѣшныхъ побѣдъ, не только надъ видимымъ врагомъ, но и надъ внутреннимъ, — надъ полонизмомъ и латинствомъ, а между тѣмъ... Но объ этомъ «между тѣмъ» мы поговоримъ въ слѣдующемъ №.

Болитъ у насъ въ Кіевѣ,—а лѣчить придется Москву и Петербургъ.

„День“, 28 августа 1865 г.

Говоря о положеніи дѣлъ въ югозападныхъ губерніяхъ, мы менѣе всего расположены винить настоящую администрацію. По общему отзыву, дѣла въ Кіевѣ и во всемъ краѣ, котораго Кіевъ служитъ административнымъ центромъ, съ нынѣшней весны идутъ несравненно лучше. Всѣ Русскіе дѣятели пріободрились. Новая мѣстная администрація энергически двинула впередъ крестьянское дѣло и старается высоко держать въ рукѣ—знамя Русской народности и православія. Одно безъ другаго немыслимо, да казалось бы—какому же иному знамени и быть поставлену въ Кіевѣ? и развѣ можетъ вѣрность подобному знамени быть вмѣняема въ заслугу—въ Россіи?!.. Но историческіе опыты научили насъ дорожить не только внутреннею, но и внѣшнею вѣрностью нашей администраціи Русскому народному знамени. Теперь въ Кіевѣ взоръ вашъ не раздражается уже, какъ прежде, видомъ Польскихъ вывѣсокъ и слухъ не оскорбляется звуками Польской рѣчи. Не видать ни хвастливой Польской упряжи, не слыхать ни хлопанья Польскаго кучерскаго бича,—однимъ словомъ, вы можете теперь провести нѣсколько дней въ Кіевѣ и почти не вспомнить ни о Польшѣ, ни о

Полякахъ. Поляки притихли, смирились, спрятались. Но только смирились, а не примирились—ни съ требованіями исторіи, ни съ принципомъ господства Русской народности на Русской землѣ. Администрація трудится ревностно, добросовѣстно и въ благомъ направленіи, но ей доступна только одна область—область внѣшнихъ гражданскихъ отношеній. Она можетъ стереть Польскія вывѣски, запретить употребленіе Польскаго языка въ школахъ и присутственныхъ мѣстахъ, не терпѣть ни одного католика на мѣстной службѣ, понизить размѣръ оброка и цифру выкупныхъ платежей, выплачиваемыхъ Русскими крестьянами Польскому панству,— но не ея дѣло, не ея призваніе, не по ея силамъ тягаться съ нравственной силой латинства и полонизма. Неудобно ей, наконецъ, бороться съ Поляками, какъ скоро послѣдніе держатъ себя въ предѣлахъ внѣшняго формальнаго закона и, не давая ей никакого повода къ придиркѣ, тѣмъ не менѣе, на почвѣ легальности, оказываютъ—повидимому пассивное, но въ сущности положительное противодѣйствіе успѣху Русскаго дѣла. Поляки по прежнему владѣютъ фактически Русскою землею на правѣ собственности, составляютъ между собою замкнутое общество, отказываются продавать имѣнія Русскимъ подъ разными предлогами (кромѣ двухъ-трехъ исключеній), продолжаютъ питать, по прежнему, разные замыслы и смущать народъ разными слухами. Положеніе дѣлъ таково, что отними правительство свою сильную руку, все придетъ въ прежній видъ и полонизмъ снова возобладаетъ, даже и внѣшнимъ образомъ, въ этомъ Русскомъ краѣ. Здѣсь болѣе чѣмъ гдѣ-либо необходима дѣятельность общественныхъ Русскихъ силъ, и Кіеву ли оскудѣть ими? Въ самомъ дѣлѣ, Россія была бы въ правѣ считать Кіевъ вполнѣ обезпеченнымъ. Не говоря уже о народной силѣ, заключающейся въ его святынѣ, о его исторически-живомъ значеніи, о его кровномъ родствѣ съ каждымъ Русскимъ сердцемъ— (чего совершенно не имѣетъ, напримѣръ, Вильна); не говоря уже о бодромъ, энергическомъ Русскомъ племени, населяющемъ Кіевскую, Подольскую и Волынскую губерніи — (чего опять-таки лишенъ сѣверопадный край), — не говоря уже обо всемъ этомъ, за-Днѣпровская наша Украйна обладаетъ, дѣйствительно, элементами мѣстной Русской интелли-

гентной общественной силы, которыхъ именно недостаетъ Бѣлорусскимъ и Литовскимъ нашимъ губерніямъ,—она имѣетъ наконецъ у себя духовную академію и университетъ. Это такія двѣ бойницы, съ которыхъ можно бы разгромить, казалось, всѣ подкопы латинства и полонизма,—такія два орудія, которыя стоютъ милліона штыковъ и присутствіе которыхъ, повидимому, должно было бы, уже само по себѣ, дѣлать напряженный трудъ администраціи совершенно излишнимъ. Кому же приличнѣе и держать знамя Русской народности и православія, какъ не университету и академіи? Не въ ихъ ли рукахъ все просвѣщеніе края—свѣтское и духовное, воспитаніе и приготовленіе мѣстныхъ дѣятелей? Казалось бы, что югозападному краю нечего и нуждаться въ наѣздномъ чиновничествѣ изъ остальной Россіи, которое не знаетъ мѣстныхъ особенностей, не связано съ краемъ внѣшними узами и которое составляетъ всегда только случайную, временную силу. Нынче составъ чиновниковъ удаченъ, завтра онъ можетъ разстроиться, а съ тѣмъ вмѣстѣ разстроивается и весь ходъ дѣлъ—къ выгодѣ полонизма! Нынче главный начальникъ человѣкъ энергическій: Поляки смиряются: завтра онъ можетъ быть замѣщенъ другимъ: Поляки поднимають голову! Крайне непрочно то положеніе, которое поставлено въ совершенную зависимость отъ личности начальствующихъ и чиновниковъ. Очевидно, что нужно опереться на мѣстныя, туземныя силы, которыя постоянно здѣсь пребываютъ, которыя не зависятъ отъ перемѣны лицъ и которыя могутъ дать мѣстныхъ дѣятелей съ избыткомъ. Не поручено ли развитіе этихъ туземныхъ силъ именно академіи и университету? Оставимъ покуда академію, вліяніе которой на духовенство не можемъ не признать слабымъ; для такъ-называемаго образованнаго общества несравненно важнѣе университетъ. Такъ знаете ли вы, читатель, что въ Кіевскомъ университетѣ *пять* лѣтъ сряду стоитъ *пустою* каѳедра *Русской* исторіи! Этому трудно повѣрить, но это такъ. Теперь на эту каѳедру выбранъ, какъ мы слышали, здѣшній профессоръ Иловайскій, и мы отъ всего сердца желаемъ ему успѣха, — но дѣло въ томъ, что пять лѣтъ сряду — и какихъ пять лѣтъ!—эта каѳедра оставалась нѣмою. Между тѣмъ нигдѣ, какъ въ Кіевѣ, не имѣетъ она такой важно-

сти. Ея значеніе тамъ проповѣдническое и политическое. Тамъ, на этой архи-исторической почвѣ, живое слово профессора Русской исторіи способно было бы безъ труда разсѣять бредъ украинофильства, которое хотя вовсе не опасно само по себѣ, по своей противоположности кореннымъ инстинктамъ Русскаго народа на Югозападѣ, но крайне вредно тѣмъ, что ослабляетъ силы Русской образованной молодежи, растрачиваетъ ихъ на праздныя, безплодныя мечтанія и дѣлаетъ ихъ неспособными дать полонизму крѣпкій, дружный отпоръ. Въ самомъ дѣлѣ, что̀ можемъ мы противопоставить упругости Польскаго патріотизма, занимающаго, къ тому же, въ краѣ очень выгодную позицію—и въ качествѣ собственниковъ чуть не всей земли, и господствующей въ немъ интеллигенціи? Положимъ, что этотъ Польскій патріотизмъ узокъ, исключителенъ, и отъ того отчасти и силенъ, но что̀ въ состояніи выставить противъ него воспитывающееся въ Русскихъ югозападныхъ областяхъ Русское молодое поколѣніе? Противъ патріотизма—космополитизмъ! или же украинофильскія, хохломанскія и т. п. бредни, которыя такъ любы Полякамъ, и которыя не помѣшали нѣкоторымъ изъ украинофиловъ подписаться подъ знаменитымъ адресомъ Подольскаго католическаго дворянства о присоединеніи югозападнаго края къ Царству Польскому! Повторяемъ: эти бредни неопасны въ виду того отвращенія, которое питаетъ южнорусское мѣстное энергическое населеніе ко всякой идеѣ сепаратизма, но тѣмъ не менѣе эти бредни растлѣваютъ молодыя силы и даютъ имъ ложное направленіе. Противъ всѣхъ этихъ растлѣвающихъ элементовъ космополитизма, нигилизма, сепаратизма — одно врачевство: серьезное воспитаніе, положительное знаніе. Историческая истина въ томъ краѣ—нашъ лучшій союзникъ, и она-то такъ долго и не имѣла тамъ своего провозвѣстника и толкователя! Но Кіевскій университетъ, конечно, сложитъ съ себя вину за такой «absens» Русской исторической каѳедры—на разныя внѣшнія обстоятельства. Положимъ, университетъ собственно и не виноватъ въ этомъ, но гдѣ же отыскать виноватаго? Кто виновникъ или что̀ виною? Конечно многіе изъ нашихъ читателей и не подозрѣваютъ, что не только въ Кіевѣ, но, если мы не ошибаемся—почти во всѣхъ Р у с с к и х ъ университетахъ, кромѣ Московскаго,

каѳедра **Русской** исторіи оставалась, въ послѣдніе годы, нѣкоторое время незанятою, и не одна каѳедра Русской исторіи, но и каѳедра **Русской** словесности. Въ нѣкоторыхъ университетахъ эти каѳедры, какъ мы слышали, недавно замѣщены, но кажется еще не во всѣхъ. Развѣ не поразителенъ, не многозначителенъ этотъ фактъ? Университетъ, «высшій представитель Русскаго просвѣщенія», «главный дѣятель и двигатель Русскаго просвѣщенія», «сосудъ Русскаго просвѣщенія», «солнце, изливающее свѣтъ просвѣщенія на Россію» — университетъ (принимая это слово въ его общемъ значеніи) не въ состояніи дать воспитываемому и просвѣщаемому имъ Русскому юношеству — разумѣнія Русской исторіи и Русскаго слова! Если бы мы говорили это только по поводу университета Св. Владиміра, то насъ бы могли обвинить въ несправедливомъ обобщеніи одиночнаго факта, но въ томъ-то и дѣло, что здѣсь этотъ одиночный фактъ самъ собою фактически обобщается и получаетъ истинно многознаменательное значеніе! Почему именно такой «abs» достался въ удѣлъ *Русскому* самопознанію, а **не** какой-нибудь орнитологіи, ихтіологіи? Кто же тутъ виноватъ,—въ этомъ, имѣющемъ уже не частный и не случайный характеръ, явленіи? Не примыкаетъ ли этотъ фактъ вины къ какой-нибудь одной общей винѣ, а вопросъ объ отсутствіи въ Русскихъ университетахъ каѳедръ Русской исторіи и словесности, — къ какому-нибудь одному общему вопросу, къ которому же примыкаетъ и столько другихъ недоразумѣній и вопросовъ Русской земли?? Именно въ такую историческую минуту, когда слово науки призывается стать политическимъ и соціальнымъ дѣятелемъ на Русской почвѣ, на благо Русскому народу, на защиту Русской земли, именно въ такую минуту нашъ оффиціальный разсадникъ просвѣщенія оказывается несостоятельнымъ, оказывается банкрутомъ! Банкрутомъ, конечно не злостнымъ, но и не просто неосторожнымъ. Намъ очень хорошо памятно то время, когда, надменно кичась европеизмомъ своей науки, вели горячую полемику представители ученаго сословія съ «Русской Бесѣдой» изъ-за вопроса о народности въ наукѣ. Вотъ и плоды этого направленія, отрицавшаго значеніе народности въ развитіи науки и такъ долго господствовавша-

го въ нашихъ университетахъ! Но вполнѣ ли теперь прекратилось его господство? Нѣтъ сомнѣнія, что преобладающій характеръ нашей настоящей университетской проповѣди есть патріотическій; въ этомъ отношеніи произошла въ послѣднія пять лѣтъ перемѣна громадная — какъ въ области нашего оффиціальнаго просвѣщенія, такъ и журналистики: благодаря нигилизму, разцвѣтшему на нашей университетской почвѣ и справедливо напугавшему «отцовъ», благодаря вразумительнымъ урокамъ, заданнымъ намъ Польскимъ мятежомъ и освободившимъ изъ плѣна ложныхъ теорій наше патріотическое Русское чувство. Но восколько этотъ патріотизмъ чисто внѣшенъ и ограничивается областью политическою, настолько онъ безсиленъ и, мало того, безплоденъ для излѣченія нашего внутренняго недуга. Въ 25 № нашей газеты, въ отдѣлѣ критики, читатели могли видѣть, какимъ путемъ развивается въ Россіи народное самосознаніе: чрезъ отрицаніе ученикомъ направленія своего оффиціальнаго учителя!.. Впрочемъ, мы вообще не даемъ особенно важнаго значенія тому нашему общественному патріотизму, который замѣнилъ иностраннымъ языкомъ свой природный и почти не умѣетъ и читать по Русски; который считаетъ возможнымъ сочувствовать Русской народности безъ сочувствія ея неотъемлемому духовному ингредіенту — православію; который воспитываетъ Русскихъ дѣтей за границей; который, упорно отстаивая политическую самобытность Русской территоріи, не признаетъ самобытности Русскаго духа въ дѣлѣ духовнаго и общественнаго развитія и гнетъ его подъ иностранную формулу, — раболѣпно поклоняясь, подъ именемъ «европейской науки», авторитету Западной Европы... Но объ этомъ послѣ. Мы хотѣли только передать на общее обсужденіе «вопросъ» о скудости нашихъ общественныхъ силъ въ Кіевѣ, который однакоже есть родникъ живой воды для Русскаго народа, — о видимой причинѣ этой скудости, объясняемой, между прочимъ, состояніемъ университета—и наконецъ о причинѣ такого состоянія университета. Причина общая коренится глубоко въ нашей современной общественной жизни и подаетъ поводъ ко многому, серьезному размышленію...

Такъ вотъ какое диво читатель: болитъ у васъ въ Кіевѣ, а лѣчить приходится Москву и Санктпетербургъ!

20

Не нѣмецкій Нѣмецъ намъ опасенъ, а Нѣмецъ что сидитъ въ душѣ всякаго „образованнаго“ Русскаго.

«Денъ», 25-го сентября 1865 г.

На нашихъ глазахъ совершается любопытное, многознаменательное явленіе. Русскіе Нѣмцы аппеллируютъ къ матери Германіи и мать Германія вступается за свою утробу въ Россіи. Домашній споръ, внутренняя борьба между народнымъ и пришлымъ—преимущественно Нѣмецкимъ элементомъ, переносится на общеевропейскую арену и становится обще-европейскимъ, или вѣрнѣе. обще-Нѣмецкимъ дѣломъ. «Allgemeine Zeitung», «Kölnische Zeitung» и многія другія Германскія газеты наполняются съ нѣкотораго времени очень часто корреспонденціями изъ Россіи и статьями самихъ редакцій, посвященными Нѣмецкому вопросу въ нашемъ отечествѣ. Русскіе корреспонденты—Нѣмцы по происхожденію или по духу—рапортуютъ Германіи о гоненіяхъ, воздвигнутыхъ будто бы Русскимъ обществомъ на все «Нѣмецкое», жалуются на неблагодарность Русской интеллигенціи, всѣмъ обязанной интеллигенціи Нѣмецкой,—и вмѣстѣ съ Германскими публицистами стараются доказать, что Россіи «безъ Нѣмцевъ нѣтъ спасенья», что она теперь несостоятельна во всѣхъ отношеніяхъ, что она всегда жила чужимъ умомъ и безъ чужаго ума обойтись не можетъ, что она нуждается въ новомъ притокѣ духовныхъ силъ Запада и должна вновь прибѣгнуть къ способу, съ такимъ успѣхомъ постоянно употреблявшемуся со временъ Петра Великаго,—къ выпискѣ изъ-за моря новыхъ учителей. Очевидно, что Нѣмецкій элементъ дрогнулъ въ Россіи, почувствовалъ, что приходитъ его очередь «не въ аванжатѣ обрѣтаться» (слово, сказанное Петромъ во время оно о старо-боярской и народной Русской партіи) и спѣшитъ опереться на общественное мнѣніе Европы, оглашая ее криками: караулъ! берегись *Русской* Россіи! Впрочемъ замѣчательную особенность этого явленія составляетъ именно то, что оно лишено до сихъ поръ политическаго характера въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, т. е. что борьба происходитъ не между правительствами Германіи и Россіи, а между Нѣ-

мецкимъ и Русскимъ обществомъ, или вѣрнѣе сказать,— споръ идетъ покуда (чего не понимаютъ ясно сами спорящіе съ нашей Русской стороны) не столько о политическомъ, сколько о духовномъ преобладаніи въ Россіи — иноземнаго или же народнаго начала. Самый внѣшній ростъ Россіи, самое ея могущество не такъ страшны Европѣ, сколько пробужденіе въ Русскихъ людяхъ народнаго самосознанія: могущество Россіи не однажды было употреблено Западною Европою въ пользу себѣ, не однажды служило оно интересамъ иноземнымъ въ ущербъ интересамъ Русскимъ. Всего сильнѣе опасается Европа—нашего внутренняго выздоровленія, возстановленія цѣльности нашего духовнаго организма. Всего нежелательнѣе ей—чтобъ мы стали наконецъ *нами самими*. Проявленіе самобытной, Русской духовной творческой силы—по мнѣнію Европы—опаснѣе для ея духовнаго и политическаго владычества, чѣмъ милліоны вооруженнаго Русскаго воинства.—Отсюда ясно, какое значеніе получаютъ вновь въ наше время всѣ тѣ вопросы о Русской народности и объ отношеніи къ ней самого Русскаго общества, которыми такъ «надоѣли» нашей публикѣ и «Русская Беседа» и «День», и которые по мнѣнію многихъ считаются вопросами праздными и уже устарѣвшими. Это единственные жизненные наши вопросы, къ которымъ сводятся всѣ остальные! Эти вопросы далеко не разрѣшены, или вѣрнѣе сказать— разрѣшеніе ихъ далеко еще не вполнѣ усвоено Русскимъ общественнымъ сознаніемъ, несмотря на несомнѣнный Русскій патріотизмъ... А между тѣмъ скоро настанетъ время, когда общеевропейское и всемірно - историческое значеніе этихъ, повидимому внутреннихъ, домашнихъ вопросовъ Россіи выдвинется наружу, и въ разрѣшеніи ихъ признаетъ себя заинтересованною вся Западная Европа. Поэтому нельзя не пожелать, чтобы важность этихъ вопросовъ была понята настоящимъ образомъ у насъ дома, и чтобы наши публицисты не успокоивались, въ разрѣшеніи ихъ, на дешевой враждѣ— такъ сказать къ *внѣшнему* Нѣмцу и къ людямъ Нѣмецкой *породы*. Зло лежитъ глубже.

Мы не знаемъ—кто именно пишетъ эти корреспонденціи въ иностранныя газеты: Петербургскіе ли Нѣмцы, Шедоферротили (понимай во множественномъ числѣ) или же онѣме-

ченные Русскіе,—все равно.—Не въ этомъ собственно дѣло, а дѣло въ смыслѣ и въ духѣ самыхъ писемъ. За исключеніемъ нѣкоторыхъ, черезчуръ унизительныхъ выходокъ любви къ Западу, на которыя едвали способно было бы перо Русскаго по рожденію, — онѣ, эти корреспонденціи, могли бы быть писаны—едвали не большинствомъ представителей нашей интеллигенціи. Онѣ только рѣзко и грубо высказываютъ и доводятъ логически до крайнихъ выводовъ, до очевиднаго абсурда — то, что̀ живетъ безсознательно даже въ самихъ тѣхъ нашихъ «патріотахъ», которые враждуютъ съ Нѣмцами, — по крайней мѣрѣ во многихъ изъ нихъ, — что̀ лежитъ во главѣ угла нашего административнаго строя, что̀ составляетъ роковое историческое условіе нашей внутренней политики съ Петра Великаго, что̀ выражаетъ собою весь Санктпетербургскій періодъ нашей исторіи и чему жизненный, не отвлеченный, не умозрительный только отпоръ— начинаетъ возникать лишь въ нынѣшнее царствованіе. Исторія литературной дѣятельности такъ-называемыхъ славянофиловъ и ихъ полемики съ Русскимъ обществомъ и Русскими публицистами можетъ представить любопытныя доказательства, что мнѣнія иностранныхъ журналовъ, съ которыми борятся теперь такъ ревностно и «Московскія Вѣдомости» и «Русскій Инвалидъ», еще очень недавно провозглашались во всеуслышаніе самою Русскою журналистикою, даже самимъ «Инвалидомъ», года три-четыре тому назадъ,—и что во всякомъ случаѣ зерно, изъ котораго возникла и развилась такимъ безобразно-пышнымъ цвѣтомъ теорія, излагаемая въ «Allgemeine Zeitung» и «Kölnische Zeitung»,—не только не вытравлено, но продолжаетъ прозябать, безъ вѣдома ихъ самихъ, въ сердцахъ наигорячихъ защитниковъ Русскихъ политическихъ интересовъ. Мы представимъ этому нѣсколько доказательствъ ниже.

Нѣмецкія разсужденія о томъ авторитетѣ, который продолжаетъ имѣть для Русскаго общества иностранная интеллигенція, и объ отсутствіи народнаго начала въ современной Русской цивилизаціи, въ современномъ духовномъ строѣ Русскаго образованнаго общества и вообще въ развитіи Русской политической и общественной жизни, вызвали недавно горячую отповѣдь со стороны «Русскаго Инвалида» (№ 205).

Особенное негодованіе его возбудили, какъ и понятно, тѣ выводы, которые сдѣланы изъ вышеприведенныхъ положеній Нѣмецкими газетами. Всѣ эти данныя подаютъ имъ поводъ заключать, что Русская народность сама по себѣ не производительна, нуждается въ посторонней помощи и должна смиренно, откинувъ внезапно всплывшую на верхъ патріотическую спѣсь и вражду противъ Нѣмецкаго духовнаго преобладанія, поклониться Германіи снова и отказаться отъ самобытности, къ которой неспособна. «Мы сильно сомнѣваемся въ необходимости и пользѣ служенія Россіи чужихъ интеллигенцій и притомъ чьихъ бы то ни было,—возражаетъ на это «Инвалидъ», — и имѣемъ на это совершенно законное основаніе въ ходѣ историческаго развитія нашей Русской цивилизаціи.... Полтораста лѣтъ чужія интеллигенціи имѣли полный просторъ на Руси и широкое поле для своей дѣятельности. Какова же была эта дѣятельность? Гдѣ же ихъ цивилизующая сила, если насъ и до сихъ поръ, послѣ полутораста лѣтъ постояннаго наплыва чужихъ интеллигенцій, все еще обвиняютъ эти же самыя интеллигенціи въ варварствѣ, въ невѣжествѣ и въ нравственномъ безсиліи? Гдѣ же эти благодѣтельныя послѣдствія вліянія не-Русскихъ интеллигенцій?» и проч. и проч. Нельзя не порадоваться, встрѣчая такія разсужденія на страницахъ Петербургской газеты,— разсужденія похвальныя, несмотря даже на ихъ крайность и нѣсколько слабую аргументацію, что̀ легко объясняется неофитствомъ: дѣло это еще непривычное... Доказательствомъ этой непривычки, отчасти и не вполнѣ яснаго пониманія нашихъ недуговъ и нашихъ стремленій, а также и задачъ нашей народности, служитъ послѣдній доводъ «Русскаго Инвалида»: «Англія — говоритъ онъ—стала велика Англійскою интеллигенціею; Франція — Французскою. Турція — (лестное сравненіе съ Турціей неминуемо преслѣдуетъ Россію даже подъ перомъ защитниковъ!),—станетъ сильною только тогда, когда проснется Турецкая интеллигенція (??) и сброситъ свое невѣжество, открывающее дверь чужому вліянію. Россія выросла и окрѣпла, стала сильною и могущественною извнѣ собственнымъ умомъ своимъ; сумѣетъ она совершить и внутреннее развитіе свое безъ чужихъ интеллигенцій, а предлагаемыя намъ Нѣмецкою заграничною прессою Германскія

интеллигенціи могутъ остаться для Германіи»... Такъ разсуждаетъ «Инвалидъ». Нельзя не замѣтить, что такое оправданіе притязаній Россіи на самобытное развитіе—сопоставленіемъ ея съ Турціей, и pia desideria, чтобъ Турція стала сильною, чтобъ проснулась въ ней Турецкая интеллигенція,—такое самодовольство собственнымъ умомъ и современнымъ состояніемъ Россіи показываютъ, что авторъ не додумался настоящимъ образомъ до смысла слова «Русская народность» и предполагаетъ, что если Германскія интеллигенціи, слѣдуя его совѣту, останутся дома, то развитіе Россіи дѣйствительно обойдется безъ чужихъ интеллигенцій и можетъ затѣмъ назваться вполнѣ самостоятельнымъ и народнымъ?!

Въ этомъ-то вся и ошибка. Мы съ своей стороны не только не негодуемъ на Нѣмецкую заграничную прессу, но, напротивъ, чрезвычайно ей благодарны. Она, сама того не зная, оказываетъ нашему обществу большую услугу; она представляетъ карикатуру доморощенныхъ Русскихъ воззрѣній; она какъ въ зеркалѣ отражаетъ намъ наши собственные внутренніе недуги, она раздражаетъ Русское общественное самолюбіе, чрезвычайно чувствительное ко всякаго рода заграничнымъ обличеніямъ и одобреніямъ. Нисколько не удивительно, что Нѣмцы дѣлаютъ такіе выводы изъ данныхъ, которыхъ достовѣрность, какъ она для насъ ни досадна, нельзя отрицать. Выводы ихъ несправедливы, но кто же далъ поводъ къ такимъ выводамъ? Да и сердясь на заграничную прессу и вообще на Нѣмецкое племя, подвигаемся ли мы впередъ въ разумѣніи нашихъ внутреннихъ обстоятельствъ? Стыдно и обидно читать отзывы Нѣмецкихъ газетъ объ отсутствіи самостоятельности въ нашемъ развитіи, но нельзя тутъ кстати не припомнить одну — конечно очень, очень грубую, но и очень умную Русскую пословицу, послужившую Гоголю эпиграфомъ къ его «Ревизору»: «Нечего на зеркало пенять, коли рожа крива».

Дѣло въ томъ, что наши патріоты-враги Нѣмцевъ, размножившіеся въ послѣднее время въ значительномъ числѣ, преимущественно въ Санктпетербургѣ, сами большею частью едвали могутъ назваться Русскими. Они преслѣдуютъ Нѣмецкій элементъ въ людяхъ Нѣмецкаго происхожденія, забывая, что эти послѣдніе гораздо менѣе опасны для русскаго народнаго развитія, чѣмъ

коренные Русскіе, чуждые по своему развитію Русской народности или глумящіеся надъ мнѣніемъ объ оригинальности Русскихъ народныхъ началъ. Почти въ каждомъ представителѣ Русской интеллигенціи сидитъ Нѣмецъ; почти въ каждомъ учрежденіи Россіи, почти во всемъ ея внѣшнемъ устройствѣ дышетъ Нѣмецъ,—понимая это слово въ самомъ обширномъ смыслѣ, т. е. не привязывая его ни къ личности, ни даже именно къ Германскому племени. Не съ Германскими интеллигенціями должны мы бороться; и издѣваться надъ всемірно-историческими подвигами національнаго Германскаго духа намъ не очень-то прилично. Надъ собой должны мы издѣваться, надъ нашимъ собственнымъ отреченіемъ отъ народности, надъ нашимъ добровольнымъ, вовсе не насильственнымъ онѣмеченіемъ, надъ нашею падкостью, уступчивостью, пассивностью предъ чужими авторитетами и вліяніями. Нечего сердиться на Германію за то, что она старается дѣйствовать въ своихъ интересахъ; намъ надо уразумѣть свои собственные интересы,—надо возненавидѣть не Нѣмца у него дома или въ его Нѣмецкой природной оболочкѣ, а того Нѣмца, котораго мы сами вогнали себѣ внутрь, который глубоко засѣлъ намъ въ умъ и даже въ душу,—того опаснаго Нѣмца, котораго мы перестали и считать за Нѣмца и принимаемъ за Русскаго. Развѣ царь Петръ, подписывавшійся Piter, былъ породою Нѣмецъ? Развѣ люди Нѣмецкаго происхожденія ввели чиновническій и бюрократическій элементъ въ область крестьянскаго самоуправленія въ вѣдомствѣ государственныхъ имуществъ? Развѣ они дали высшему церковному управленію печать Нѣмецкаго присутственнаго мѣста? Развѣ они теперь виною, что въ Русскихъ университетахъ по нѣскольку лѣтъ сряду остаются пустыми каѳедры Русской исторіи и словесности? Развѣ они виною, что большинство Русскихъ дворянъ проживаетъ деньги и воспитываетъ своихъ дѣтей въ Дрезденѣ, Женевѣ и вообще за границей? Развѣ мы можемъ поставить въ вину Германскимъ учителямъ, напр. въ Дрезденѣ, что они, съ согласія и вѣдома Русскихъ родителей, пріучаютъ этихъ Русскихъ дѣтей стыдиться своего языка и своего отечества? Развѣ не мы сами, Русскіе, готовимъ такихъ будущихъ дѣятелей для Россіи, да при этомъ кричимъ еще о нашемъ патріотизмѣ—на безукоризненномъ Французскомъ или ломаномъ

Русскомъ нарѣчіи? Развѣ Нѣмцы виноваты, что одна Русская газета, непрестанно толкующая о національной политикѣ, отстаиваетъ изданіе записокъ Русской академіи наукъ на Нѣмецкомъ языкѣ и выражаетъ, хотя и съ грустью, свое удовольствіе при видѣ Русскихъ семействъ, увозящихъ малолѣтныхъ дѣтей на воспитаніе къ Нѣмцамъ? Развѣ наконецъ Нѣмцы, кровные, породистые Нѣмцы, силятся подорвать у насъ крестьянскую поземельную общину, ввести Англійскіе образцы крупной собственности, и проч. и проч. и проч.? «Инвалидъ» яростно опрокидывается на «чужія интеллигенціи» и утверждаетъ, что Россія дошла до настоящаго положенія «собственнымъ умомъ», что она на будущее время совершитъ свое внутреннее развитіе безъ помощи новыхъ пришлыхъ Нѣмцевъ. Прекрасно, но развѣ Нѣмцы не могутъ еще утѣшаться тѣмъ, что и безъ новаго притока Нѣмца въ Россіи довольно, что Нѣмецъ завелся чуть ли не въ душѣ каждаго «образованнаго» Русскаго;—что Нѣмецкій элементъ такъ привился—не къ народу, слава Богу! но къ нашей интеллигенціи и ко всему нашему общественному строю, такъ акклиматизировался, что уже и не колетъ глазъ Русскимъ людямъ. Развѣ Нѣмцы не могутъ съ гордостью указать на всю Нѣмецкую номенклатуру Русскихъ чиновъ и на самый духъ нашихъ порядковъ? Развѣ не позволительно Нѣмцу порадоваться, когда самыя названія многихъ Русскихъ должностей и даже городовъ — добровольно, нами самими, передѣланы изъ Русскихъ въ Нѣмецкія и тѣмъ, въ нашихъ собственныхъ глазахъ, какъ будто повышены въ чести и чинѣ?... Толкуютъ объ обрусѣніи Остзейскихъ провинцій, начинаютъ борьбу съ Нѣмцами... Гдѣ, подъ какимъ знаменемъ? подъ знаменемъ *Русской* столицы, которой собственное имя есть *Нѣмецкое*—безъ принужденія, а любовно самою Русскою властью ей данное,—которой имя есть символъ всей исторической системы нашего отчужденія отъ народности! Облеките только звуки этого имени въ *родныя* ему очертанія, и вы сами наглядно убѣдитесь въ вопіющей аномаліи факта: Sankt-Petersburg держитъ знамя Русской народности, хочетъ обрусить—russificiren—Нѣмцевъ, враждуетъ съ Нѣмцами и туда же горячится за національную политику!... Такъ вездѣ и во всемъ.

Какъ не припомнить снова, приведенную нами выше, грубую Русскую пословицу?

По поводу дѣла о поддѣлкѣ фальшивыхъ серій Полякомъ Шипшинскимъ.

«День», 9-го октября 1865 г.

Читатели найдутъ въ нынѣшнемъ № корреспонденцію — потрясающаго интереса. Г-жа Кохановская передаетъ намъ нѣкоторыя новыя подробности о дѣлѣ, уже отчасти извѣстномъ Русской публикѣ по краткимъ сообщеніямъ о немъ, напечатаннымъ въ газетахъ. Мы разумѣемъ здѣсь поддѣлку фальшивыхъ серій въ Изюмскомъ уѣздѣ, успѣшно предпринятую и совершенную Полякомъ Шипшинскимъ, въ соучастіи съ двумя предводителями дворянства и другими представителями благороднаго сословія. Если сообразить всѣ наиболѣе рѣзкія особенности Харьковскаго дѣла съ таковыми же особенностями поддѣлки пятипроцентныхъ билетовъ, открытой въ Москвѣ, то нельзя не поразиться сходствомъ въ характеристическихъ чертахъ: то же участіе Поляковъ, то же участіе Русскихъ дворянъ—«столбовыхъ» и «крупныхъ собственниковъ», то же участіе лицъ «образованнаго» класса. Харьковское происшествіе, разсматриваемое въ связи съ Московскимъ, такимъ образомъ уже не представляется частнымъ исключительнымъ случаемъ, изъ котораго было бы несправедливо дѣлать общіе выводы и заключенія. Напротивъ: въ этомъ-то и состоитъ истинно трагическая сторона событія, что общіе выводы не только сами собою напрашиваются, но, такъ сказать, обязательно налагаются на наше общественное сознаніе самыми обстоятельствами дѣла. Отъ нихъ, отъ этихъ выводовъ, невозможно отворотиться, какъ бы мы о томъ ни старались. Да и не слѣдуетъ. Слѣдуетъ посмотрѣть имъ прямо въ глаза... Гдѣ не производится фальшивой монеты? гдѣ не бываетъ испорченныхъ людей, преступниковъ закоснѣлыхъ или вовлеченныхъ въ преступленіе голодною нищетою, неистовою страстью, наконецъ — падкими на соблазны—нравственнымъ невѣжествомъ и грубостью окружающей среды? Вездѣ въ этихъ преступныхъ

дѣяніяхъ вы легко можете прослѣдить ихъ внутреннюю духовную генеалогію. Уголовная статистика уже давно выработала общія положенія, въ силу которыхъ можно а priori опредѣлить, къ какому преступленію, при какихъ условіяхъ и обстановкѣ жизни каждый способенъ. Такъ напримѣръ, богатый человѣкъ склоннѣе стать убійцей, нежели мелкимъ воришкой; такъ есть преступленія, свойственныя преимущественно дворянскому, и другія—свойственныя простонародному классу, и т. д. Но въ Харьковскомъ и Московскомъ дѣлѣ, кромѣ какихъ-нибудь пройдохъ Поляковъ, Евреевъ, нѣсколькихъ Армянъ, мы видимъ участіе или прикосновенность людей, которые никакъ не подходятъ ни подъ категорію выше-очерченныхъ нами преступниковъ, ни вообще подъ какія бы то ни было общія положенія, выработанныя статистической криминальной наукой. Вспомнимъ только имена лицъ, замѣшанныхъ въ дѣлѣ. Это все добрыя дворянскія имена; людей съ этими именами вы можете не однажды встрѣтить въ такъ-называемомъ «лучшемъ обществѣ»; эти фамильныя имена имѣютъ многочисленное родство въ свѣтскомъ кругу, окружены, болѣе или менѣе, своего рода аристократическимъ блескомъ, по крайней мѣрѣ на мѣстахъ ихъ жительства. Это люди нѣкогда блиставшіе въ свѣтѣ, «вполнѣ джентльмены», какъ любятъ выражаться на свѣтскомъ жаргонѣ; люди съ изящными свѣтскими манерами, получившіе общее всѣмъ дворянское воспитаніе и образованіе, владѣющіе иностранными, или, вѣрнѣе, французскимъ языкомъ не хуже, если не лучше, чѣмъ своимъ собственнымъ. Мало того: это люди, имѣющіе значительное и почетное общественное положеніе въ своихъ губерніяхъ. Кто живалъ въ Курской и Харьковской губерніи, тотъ знаетъ, какимъ авторитетомъ въ кругу дворянъ и даже въ народѣ пользовались эти люди, напр. хоть несчастный г. Солнцевъ—мѣстный аристократъ по современному, ходячему въ дворянствѣ опредѣленію, или «столбовой Русскій баринъ» по понятіямъ купцовъ и мѣщанъ. Мало этого: изъ этихъ людей, одинъ занималъ еще недавно, въ прошломъ году, а другой занимаетъ еще и въ настоящее время — самую почетнѣйшую, по мнѣнію нѣкоторыхъ, должность—предводителя дворянства; и тотъ и другой вполнѣ законные пред-

ставители благороднаго Россійскаго сословія, по свободному уполномочію дворянъ — свободно, по собственному вкусу и разсмотрѣнію, примѣнившихъ къ нимъ «выборное начало». Можно правительство винить за многое, но уже никакъ не приходится винить ни правительство, ни чиновниковъ, ни бюрократію за то, что дворянство избираетъ своими представителями людей, способныхъ войти въ связь съ дѣлателями фальшивыхъ ассигнацій. Можно было бы наконецъ ожидать, что чувство если не честности, то хоть дворянской чести, столь сродное, какъ говорится, дворянину и еще болѣе оживленное уполномочіемъ всего дворянскаго уѣзднаго общества, удержитъ въ предѣлахъ чувство корыстолюбія въ носителѣ чести дворянской — г-нѣ Бахмутскомъ предводителѣ, по крайней мѣрѣ на время его предводительства. По отвлеченной теоріи, по принципу, люди при подобной обстановкѣ и условіяхъ жизни, не будучи прочно гарантированы отъ увлеченій личныхъ страстей, напр. любви, ревности, мести, ненависти, азартныхъ игръ и даже ихъ послѣдствій (чего въ настоящемъ случаѣ не было), въ то же время считаются довольно вѣрно застрахованными отъ искушеній грубаго воровства и поддѣлки государственныхъ денегъ. Но ни дворянское чувство чести, ни почетное званіе, ни лестная довѣренность всего дворянскаго общества, ни положеніе въ свѣтѣ, ни столбовитость, ни родовитость, ни доброе фамильное имя—не оказались въ настоящемъ случаѣ достаточно надежнымъ обезпеченіемъ противъ соблазна. Можетъ-быть, впрочемъ, они не выдержали непривычнаго имъ гнета бѣдности, обрушившейся на нихъ вмѣстѣ съ эманципаціей крестьянъ? Но если это и справедливо по отношенію къ г-ну Солнцеву, котораго состояніе разорено (въ какой однакоже степени, мы не знаемъ), то едвали можетъ служить оправданіемъ г-ну Бахмутскому предводителю дворянства, который владѣетъ 22-мя тысячами десятинъ земли и ѣздитъ шестерикомъ. Да развѣ наконецъ нѣтъ разницы въ степени образованія и развитости, между разорившимся мужикомъ, — ставшимъ разбойникомъ и разорившимся дворяниномъ — ставшимъ фальшивымъ монетчикомъ? Что же это такое наконецъ? Гдѣ коренится возможность такихъ явленій въ дворянскомъ образованномъ быту? Тутъ нѣтъ

мѣста внезапному ослѣпленію, внезапному одуряющему припадку корыстолюбія; не въ чаду безумной страсти совершалось преступленіе,—не таково его свойство. Оно совершалось исподоволь, осмотрительно, медленно, опасливо; оно тянулось не часъ и не день, а мѣсяцы, и можетъ-быть годы; оно требовало, для своего совершенія, полнаго обладанія умомъ и памятью и всегдашняго присутствія духа; оно не могло не быть провѣрено всѣми понятіями ума о нравственности, не могло не быть взвѣшено и обсужено совѣстью. Слѣдовательно и умъ, и память, и совѣсть оказались довольно сговорчивыми и удобными соглядатаями и пособниками преступленія. Но нельзя ли предположить, такъ какъ въ этихъ событіяхъ можно подозрѣвать махинацію политической мести со стороны Польскихъ эмигрантовъ, — нельзя ли предположить, что Русскіе сознательно приняли участіе въ подобномъ заговорѣ противъ своего отечества? Хотя участники преступленія и не могли не знать, что подрываютъ кредитъ Русскаго государства и еще болѣе разоряютъ разоренную Русскую землю, однакоже трудно, почти невозможно допустить мысль, чтобъ они вполнѣ сознательно подали руку врагу Россіи, на вредъ ей: мы осмѣливаемся даже гадать, что навѣрное эти дворяне, безъ особеннаго лицемѣрія, года два тому назадъ сочиняли и писали патріотическіе адресы и не менѣе патріотическія телеграммы. (Намъ бы очень хотѣлось получить объ этомъ вѣрную справку.)

Дѣло въ томъ, что умышленное участіе Русскихъ дворянъ и представителей образованнаго класса въ политическомъ заговорѣ, какъ бы ни было оно нелѣпо, безобразно и преступно, еще имѣло бы нѣкоторый смыслъ, было бы еще доступно прямому объясненію, обличало бы въ виновныхъ какое-либо положительное, хотя бы только политическое убѣжденіе. Но здѣсь есть нѣчто еще худшее, если это возможно: т. е. отсутствіе всякихъ — и политическихъ и нравственныхъ, дурныхъ или добрыхъ — какихъ бы то ни было убѣжденій, всесовершеннѣйшая деморализація.

Еще не такова бѣдность, чтобы довести до отчаянія, но уже и малѣйшее ощущеніе стѣсненности въ жизни, похожее на бѣдность, способно, въ людяхъ этого закала и этой

среды, тотчасъ же расшатать и безъ того тонкія и зыбкія правила честности, взлелѣянныя въ нихъ средою; рождается желаніе пріобрѣсти денегъ, является соблазнъ, — и не устоять противъ него въ этихъ людяхъ ни чувству дворянской чести, ни чувству свѣтскаго нравственнаго приличія; всѣ эти привязи оказываются такъ плохи, такъ слабы сами по себѣ, при отсутствіи развитаго нравственнаго сознанія, что не въ состояніи сдерживать въ предѣлахъ не то чтобы страсть, но даже и прихоть человѣка, и сдается онъ преступленію и грѣху — такъ себѣ, даже безъ особенно упорной борьбы. Это особенно часто мы видимъ у насъ въ Россіи; разумѣется и въ этомъ случаѣ имѣется своего рода постепенность. Есть въ этихъ людяхъ, пожалуй, и патріотизмъ; и въ ихъ сердцахъ легко можетъ взмылиться нѣчто похожее на чувство любви къ отечеству, особенно при всеобщемъ возбужденіи окружающей ихъ среды; и ихъ на ту минуту можетъ увлечь оно на самопожертвованіе — особенно въ виду врага, въ его военно-вражьей обстановкѣ; но этотъ пылъ не выдерживаетъ никакого продолжительнаго испытанія, тухнетъ отъ какой-нибудь бездѣлицы и положительно ненадеженъ въ невоенное время, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, на поприщѣ невоенной дѣятельности. Вспомнимъ только всѣ ужасы госпитальныхъ злоупотребленій во время севастопольской осады, которыя совершать, казалось, могли бы только враги Россіи и которыя совершались нашими же Русскими, еще недавно совершавшими чудеса браннаго патріотизма. Патріотизмъ неосмысленный, нынче же бросающійся на шею непріятелю, съ которымъ вчера боролся и котораго, по недостатку смысла и нравственной чуткости, не умѣетъ распознать въ новомъ его видѣ! патріотизмъ, готовый, въ минуту порыва, «сложить голову», «постоять грудью» на полѣ брани — и неспособный потерпѣть бѣдность и лишеніе, постоять волею, сердцемъ, убѣжденіемъ противъ нравственныхъ соблазновъ отъ того же врага, въ сферѣ мирныхъ общественныхъ отношеній! Когда мы слышимъ раздающіеся въ этой средѣ возгласы патріотическаго негодованія противъ Поляковъ, Нѣмцевъ и т. д., мы, признаться, не даемъ имъ никакой особенной цѣны и увѣрены заранѣе, что при малѣйшемъ препятствіи, при самомъ неважномъ затрудненіи въ жизни, при

невиннѣйшихъ обольщеніяхъ лести — и Полякъ и Нѣмецъ легко, даже безъ борьбы, возьмутъ верхъ надъ негодующими, взойдутъ имъ въ душу и подчинятъ своему вліянію.— Есть у людей такого закала и умъ и смѣтливость, но умъ лѣнивъ, не развитъ, не привыкъ къ сопротивленію, не привыкъ быть царемъ въ головѣ и править. Есть, конечно, и у нихъ понятія о добрѣ и злѣ, о грѣхѣ, о преступленіи; но понятія нравственныя такъ спутаны, перебиты и шатки, религіознаго воспитанія, по обычаю дворянскому, почти никакого нѣтъ и не было, а если и было, то такое поверхностное и формальное, что не могло выдержать состязанія съ тѣмъ ходячимъ курсомъ нравственности, который изучается въ свѣтѣ, который—особенно въ силу господствующихъ модныхъ теорій матеріализма и практицизма — представляетъ всѣ истины лишь съ относительнымъ, а не безусловнымъ значеніемъ, возвеличиваетъ въ принципъ общественныхъ отношеній эгоизмъ, поклоняется страстямъ, возводя ихъ въ предметъ какого-то особеннаго культа, а въ жизни, въ области житейскихъ отношеній требуетъ эластичности, сдѣлокъ, компромисовъ, внѣшняго благоприличія, формальной, наружной правды. И такъ, неразвитое мышленіе, неразвитая совѣсть, безъ царя въ умѣ, безъ царя въ душѣ, съ волею слабою, уступающею первому соблазну, не только не похожіе на какое-нибудь огнеупорное тѣло, но представляющіе собою какую-то нравственную мякоть, безъ костей и мускуловъ, безъ высшихъ порывовъ духа и безъ твердыхъ положительныхъ правилъ; не склонные ни къ упорной борьбѣ, ни къ настойчивому достиженію цѣли, не выдерживающіе ни упрямаго труда, ни мирнаго продолжительнаго гражданскаго подвига,—эти люди лично почти не способны на какое бы то ни было смѣлое предпріятіе и оказываются, поэтому, самой лакомой и вѣрной добычей для всякаго энергическаго злоумышленника. Явится Полякъ, Жидъ, Нѣмецъ— вообще человѣкъ предпріимчивый, съ какой-нибудь волей, хотя бы и злой,—натуры, такъ сказать, сухощавой, мускулистой въ нравственномъ отношеніи, — и онъ становится полнымъ господиномъ, забираетъ этихъ дряблыхъ людей въ свою полную власть и дѣлаетъ ихъ послушными, жалкими орудіями своей воли. Такъ мы видимъ, что коноводъ всего

дѣла, панъ Шипшинскій, дерзко величающій себя въ острогѣ «главнымъ директоромъ банка фальшивой монеты», да какой-то Жидъ, да какой-то Нахичеванскій Армянинъ—люди самаго дурнаго тона и стоящіе на низшей, повидимому, ступени общественной лѣстницы,—вотъ эти-то люди и опутали, скрутили, вовлекли въ гнусное преступленіе свѣтскихъ Русскихъ кавалеровъ и дамъ—благородныхъ Русскихъ дворянъ—крупныхъ собственниковъ, подвизавшихся на поприщѣ и государственной и общественной службы. Слѣдствіе по обоимъ дѣламъ еще не окончено, открывается громадное развѣтвленіе систематическаго заговора, составленнаго для поддѣлки фальшивыхъ ассигнацій въ Россіи, съ громаднымъ числомъ участниковъ,—въ томъ числѣ и изъ благороднаго и образованнаго сословія...

Конечно, возможность этихъ преступленій коренится въ личныхъ условіяхъ нравственности самихъ преступниковъ, но изъ той характеристики этихъ нравственныхъ условій, которую мы представили, читатель видитъ, что они не имѣютъ въ себѣ ничего индивидуально-типическаго, чего-нибудь случайнаго и исключительнаго, свойственнаго только этимъ, а не другимъ лицамъ. Напротивъ—это *типическія* условія *цѣлой среды*, въ которой возросли, воспитались и образовались несчастные участники преступленія. Сохрани насъ Богъ отъ мысли (которую наши доброжелатели захотятъ, можетъ-быть, усмотрѣть въ нашихъ словахъ), будто мы считаемъ вообще наиболѣе способными къ такому дѣлу—наши образованные, преимущественно высшіе классы. Наиболѣе способны къ этому дѣлу бѣдные люди изъ низшихъ сословій по своей невольной неразвитости, грубости и невѣжественности. Но возможность такого явленія въ нашей средѣ можетъ, въ настоящемъ случаѣ, при изложенныхъ нами данныхъ, объясниться только общимъ нравственнымъ состояніемъ цѣлой среды. Мы не можемъ же не признать, что гражданская честность у насъ вообще добродѣтель рѣдкая, не говоря уже о какой-либо высшей доблести; что нравственность частнаго лица есть у насъ явленіе чисто личное, личная заслуга, личный подвигъ,—вовсе не плодъ нашего общественнаго воспитанія и общественной нравственности. Можно даже сказать, что у насъ члены общества хороши бы-

ваютъ только лично, вопреки самому обществу и господствующему въ немъ нравственному духу. Дворяне, уличаемые теперь въ поддѣлкѣ серій и пятипроцентныхъ билетовъ—только цвѣтъ распустившійся на деморализованной почвѣ нашей общественной среды. Развѣ не изъ этой среды большинство чиновниковъ, если не взяточниковъ (которыхъ также не мало), то низкопоклонниковъ и человѣкоугодниковъ изъ-за почестей и отличій? Развѣ не эта среда оказалась неспособною поддержать, черезъ три года, институтъ мировыхъ посредниковъ на прежней степени гражданской нравственности? Развѣ, наконецъ, не эта патріотическая среда вѣшается теперь на шею иностранцамъ, нашимъ отъявленнымъ врагамъ и ругателямъ, бѣжитъ, чуть не въ половинѣ своего состава, за границу, воспитываетъ для Россіи тамъ, среди враговъ, будущихъ Русскихъ дѣятелей и готова совсѣмъ экспатрироваться—ради невозможности, послѣ освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ, держать экипажъ и лошадей, пользоваться внѣшнимъ комфортомъ и проживать по прежнему на «дворянскую широкую ногу»??

Мы должны желать какъ можно большей гласности въ этомъ дѣлѣ и какъ можно болѣе тщательнаго изслѣдованія,—какъ можно болѣе данныхъ о воспитаніи и образѣ жизни фальшивыхъ монетчиковъ изъ нашей образованной среды. Пусть само общество произведетъ то, что̀ называется enquête parlementaire, т. е. изслѣдованіе причинъ преступленія и связи его съ современнымъ нравственнымъ состояніемъ общества. Авось либо, при мрачномъ свѣтѣ позора, содрогнемся мы, увидѣвъ наши недуги и язвы, и поймёмъ, что если у насъ нужно «образованіе», то еще нужнѣе *воспитаніе*, котораго въ нашей дворянской средѣ почти нѣтъ вовсе,—что необходимо выработать намъ, наконецъ, въ нашемъ общественномъ сознаніи твердыя опоры и путеводныя нити, чтобъ окончательно не пасть и не запутаться въ современномъ хаосѣ нашего общественнаго развитія. Мы не на доброй дорогѣ.

По поводу голода въ нѣкоторыхъ губерніяхъ Россіи.

„Москвичъ“, 14-го января 1868 г.

Каждый день почта привозитъ намъ подтвержденіе, что сообщенныя столичными газетами извѣстія о голодѣ въ значительной части Россіи не только не преувеличены, но представляютъ сравнительно-слабую картину народнаго бѣдствія. Мы уже не говоримъ о Финляндіи, гдѣ по крайней мѣрѣ общественная дѣятельность неутомимо бодрствуетъ и печется объ уменьшеніи зла; не говоримъ и объ Архангельской губерніи, изъ которой жители перебѣгаютъ въ Норвегію и оттуда высылаются обратно, — не говоримъ потому, что объ ея положеніи всего громче, краснорѣчивѣе и убѣдительнѣе свидѣтельствуетъ, къ стыду нашему, подписка, открытая въ Лондонѣ въ пользу голодающихъ Архангелогородцевъ, англійскимъ консуломъ въ Архангельскѣ, мистеромъ Ренни. Это обстоятельство, кажется, сильно смутило и проняло наше общество, — охотно благотворящее, всегда готовое жертвовать и привычное къ жертвамъ въ пользу ближняго, но непривычное къ самодѣятельности, неумѣющее придать частнымъ благотворительнымъ силамъ широкую, коллективную, вполнѣ практическую, «цѣлесообразную», какъ выражаются Нѣмцы, организацію. Но, какъ мы уже сказали, не одна Архангельская губернія бѣдствуетъ: бѣдствуетъ и Вологодская, и Олонецкая, и Новгородская, и Псковская, и Тверская, и Орловская, и Костромская, и Тульская, и Рязанская,—бѣдствуютъ и другія, страждущія не столько отъ неурожая, сколько отъ непомѣрно-высокихъ цѣнъ на хлѣбъ, вызванныхъ спросомъ хлѣба въ сосѣднія губерніи, а также громаднымъ отпускомъ нашего зерна за границу. Безхлѣбье не повсемѣстно, но возвышеніе цѣны на съѣстные припасы повсемѣстно, а между тѣмъ добыча денегъ стала народу затруднительнѣе, чѣмъ когда-либо. Со всѣхъ сторонъ жалобы на скудость и невѣрность заработковъ, которыхъ размѣръ грозитъ убавиться еще болѣе, вслѣдствіе колебаній въ фа-

бричномъ производствѣ, причиненныхъ слухами объ измѣненіи тарифа (см. вчерашній, 14 № «Москвича»). Не только въ сѣверныхъ нашихъ губерніяхъ, но даже и Орловской, начинаютъ приготовлять хлѣбъ съ такими вредными примѣсями, которыя тотчасъ же оказываютъ злое дѣйствіе на народное здоровье: рядомъ съ извѣстіями о голодѣ приходятъ извѣстія о повальныхъ тифозныхъ горячкахъ и другихъ болѣзняхъ, — и рядомъ съ ними, что̀ еще хуже, начинаютъ приходить извѣстія объ усилившихся воровствахъ, грабежахъ, разбояхъ и даже убійствахъ,—порожденныхъ голодною нуждою. Голодъ, бѣдность, болѣзни, смертность, преступленія,— порча народнаго здоровья, порча народной нравственности, — худосочіе народное во всѣхъ смыслахъ, прямомъ и иносказательномъ.

Мы не сомнѣваемся, что правительство съ своей стороны приметъ, а отчасти уже и приняло надлежащія мѣры, чтобы смягчить удручающее Россію зло,—независимо отъ разныхъ внушеній, которыя, при всей своей благонамѣренности, едва-ли могутъ оказаться вполнѣ дѣйствительными. Такъ, въ журналахъ земскаго собранія одной губерніи мы читаемъ, что административное начальство, «озабочиваясь возможнымъ устраненіемъ *подобнаго упущенія въ народномъ хозяйствѣ* (т. е. незасѣва полей, вызваннаго неурожаемъ и бѣдностью?), обращаетъ на *этотъ важный предметъ* особенное вниманіе мѣстнаго земства». Существенная задача земства, говоритъ далѣе административное начальство, должна состоять въ томъ, „*чтобы посѣвы не уменьшались противъ прежнихъ, а напротивъ, по возможности, усиливались въ виду возрастанія населенія и усиленія отпускной торговли хлѣбомъ*". Конечно, было бы очень желательно, чтобы посѣвы усиливались, а не уменьшались, и никто, конечно, не станетъ спорить противъ той очевидной истины, что чѣмъ больше прибавляется населеніе, тѣмъ больше потребляется и хлѣба; мы осмѣливаемся думать, что эта истина извѣстна и народу, который не потому не засѣваетъ полей, что не сообразилъ пользы засѣва и необходимости въ хлѣбѣ для своего пропитанія, а потому, что засѣвать полей *нечѣмъ:* не уродилось зерна,— въ чемъ, конечно, всего менѣе можно видѣть съ его стороны добровольное «упущеніе». Какъ бы ни было заботливо земство, какъ бы сильно ни сознавало оно благо отъ увеличе-

нія посѣвовъ противъ *прежнихъ*, но въ настоящую минуту дѣло идетъ не объ увеличеніи, а о засѣвѣ полей хотя бы и въ *прежнемъ* размѣрѣ. Побудить же къ этому засѣву неимущихъ хлѣба крестьянъ можетъ земство, конечно, не внушеніями и едвали инымъ чѣмъ, какъ раздачею хлѣбныхъ зеренъ. Но для этого необходимы средства, и о недостаткѣ-то этихъ средствъ постоянно свидѣтельствуютъ постановленія земства, а также и представленія его Министерству внутреннихъ дѣлъ о заимообразной выдачѣ денегъ изъ общаго продовольственнаго капитала, или о передачѣ въ вѣдѣніе и распоряженіе земства нѣкоторыхъ отчисленныхъ отъ него въ этотъ общій капиталъ сборовъ (см. 7 № «Москвича»). Конечно, правительство не можетъ, съ своей стороны, позволить растратить сразу, хотя бы и заимообразно, весь денежный запасъ, которымъ оно обезпечиваетъ народное продовольствіе: оно обязано имѣть въ виду злобу не одного дня, но и будущихъ дней; тѣмъ не менѣе, сколько намъ извѣстно, во многихъ мѣстностяхъ позаимствованія изъ капитала допущены и однакожъ не принесли желаемой пользы, оказавшись едва достаточными для утоленія насущныхъ нуждъ и совершенно недостаточными для поддержанія запасовъ хлѣба и для будущаго обсѣмененія полей. Русское общество не можетъ не отнестись съ истинною благодарностью къ дѣятельности многихъ мѣстныхъ губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ управъ, усиленно борющихся съ наступающимъ врагомъ — голодомъ и цѣлымъ рядомъ прочихъ золъ, неизбѣжныхъ спутниковъ голода; но одной земской, весьма скудной, размѣренной смѣтою казнѣ не выручить этихъ мѣстностей изъ бѣды, если не подоспѣетъ на выручку казна не считанная, вольная, никакому начальству не приказанная, однимъ словомъ, если не поможетъ дѣлу благотворительность частная и общественная.

Русскій человѣкъ, какъ мы уже сказали, благотворителенъ. Каждый день мы узнаемъ о какомъ-либо пожертвованіи, иногда принимающемъ поразительные размѣры: но всѣ эти пожертвованія, большею частью, не образуютъ прочной общественной силы, не создаютъ надежнаго, вѣрнаго, неоскудѣвающаго источника помощи, а имѣютъ характеръ частный, случайный, одиночный и легко оскудѣвающій. Суммы огромныя, напримѣръ, отдѣляются отъ избытка, нерѣдко даже поглощаютъ

весь избытокъ, жертвуемыя на позолоту куполовъ и иконостасовъ, на сооруженіе исполинскихъ колоколовъ. Мы нисколько не думаемъ порицать такого направленія благотворительности: оно отвѣчаетъ нравственной потребности жертвователей, любви къ благолѣпію дома Божьяго, народному міросозерцанію. Но есть годины народныхъ всеобщихъ бѣдствій, когда облегченіе бѣдствій является конечно самымъ угоднымъ приношеніемъ Богу и самою обязательною жертвой для совѣсти, ибо не можетъ не видѣть ихъ имѣющій очи, и не можетъ не слышать ихъ имѣющій уши. Такія народныя бѣдствія суть насланія Божіи,—глаголъ Божій къ людямъ о забытомъ ими братствѣ, о подвигѣ любящаго и милосердствующаго духа. Однимъ словомъ, такія бѣдствія сами повелительно указуютъ, куда должны быть направлены и избытокъ богача и лепта вдовицы, и ничей слухъ не можетъ, безъ грѣха, уклониться отъ внятія народному воплю.

Онъ бы, конечно, и не уклонился, да и не уклоняется, но нельзя не принять во вниманіе тысячи затрудненій, представляемыхъ самою обстановкой нашей жизни, слабымъ развитіемъ нашей общественности и множествомъ внѣшнихъ условій—для всякой частной благотворительной инициативы, которая бы пожелала въ дѣлѣ благотворенія выйдти изъ старой торной колеи на путь новый. Еще менѣе представляется удобствъ для совокупнаго дѣйствія частныхъ благотворительныхъ усилій, если оно не укладывается въ опредѣленную рамку оффиціально признанныхъ и регламентированныхъ благотвореній. Многіе и рады бы помочь, и томятся потребностью отнять у себя что-нибудь на общее благо, но не вѣдаютъ ни пути, ни способа,— недоумѣваютъ и, наконецъ, кончаютъ тѣмъ, что удовлетворяютъ свою потребность жертвованія обычнымъ приношеніемъ на церковное благолѣпіе, или въ пользу казенныхъ человѣколюбивыхъ учрежденій... Голодъ въ Архангельской, голодъ въ Орловской губерніи! Но, вопервыхъ, кромѣ общаго гула молвы, неяснаго и сбивчиваго, — кто передастъ о томъ во всеобщее свѣдѣніе? Газеты? Но оффиціальныя газеты считаютъ необходимымъ, по какимъ-то особеннымъ соображеніямъ, молчать о нуждахъ народныхъ, а газеты независимыя, большею частью, должны ограничиваться свѣдѣніями

неполными, нерѣдко извращенными подъ перомъ корреспондентовъ; да наконецъ, если даже сообщаемыя ими извѣстія и справедливы, не рискуютъ ли онѣ подвергнуться иногда отъ оффиціальной власти обвиненію въ неблагонамѣренномъ преувеличеніи народныхъ нуждъ? Къ тому же самыя газеты еще не довольно у насъ распространены, да и читающая публика достаточно ли внимательно ихъ читаетъ, чтобы не пропустить никакого извѣстія изъ того или другаго губернскаго города? Вовторыхъ, положимъ, что жители Вятки, Пензы, Тамбова, даже Москвы, наконецъ провѣдали, благодаря газетамъ, о народномъ бѣдствіи, подвиглись сердцемъ на помощь... Но какимъ способомъ переслать какому-нибудь бѣдному чиновнику свой трудовой рубль, жертвуемый имъ на пособіе голодающему *населенію* напр. Архангельской губерніи? Къ кому обратиться? Куда адресоваться? И стóитъ ли посылать рубль, который канетъ какъ капля въ море, если не знать при этомъ, что такихъ отдѣльныхъ рублей тысячи и сотни тысячъ, и всѣ они вмѣстѣ слагаются въ капиталъ, въ силу дѣйствительную, способную побороться съ народной нуждою?... За отсутствіемъ другихъ общественныхъ центровъ, частныя лица, движимыя состраданіемъ, обращаются обыкновенно въ редакціи газетъ и журналовъ, но и редакціи поставлены въ неменьшее затрудненіе. Въ самомъ дѣлѣ, куда препроводить жертвуемые рубли? Въ канцелярію начальника губерніи, какъ это и дѣлаютъ обыкновенно редакторы? Но начальнику губерніи и безъ того слишкомъ много своего дѣла; нельзя ему усмотрѣть за всякимъ присылаемымъ къ нему для благотворительной цѣли рублемъ. Поэтому судьба этихъ рублей почти всегда остается неизвѣстною; можно только предположить, что они пошли по разнымъ казеннымъ мытарствамъ, и частію залеживаются въ какомъ-нибудь казенномъ сундукѣ, въ ожиданіи увеличенія суммы, частію присоединяются къ казеннымъ пособіямъ. При всѣхъ этихъ переходахъ благотвореніе становится безличнымъ и безразличнымъ; въ немъ улетучивается то нравственное благоуханіе добра, то вѣяніе подвигшагося на состраданіе духа, та теплота даянія, которая благотворно, не только физически, но и нравственно, облегчаетъ нужду, скорбь и болѣзнь. «Не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ», и много пользуетъ

душѣ страждущаго—состраданіе братское, сопровождающее помощь вещественную. Необходимо, чтобы въ дѣлѣ благотворенія сохранялась и освѣжалась взаимная связь любви дающаго и получающаго, одинаково освящающая и очищающая ихъ обоихъ. Пусть знаетъ и вѣритъ Русскій народъ, что въ годины его бѣдствія явится къ нему братская помощь отъ всѣхъ классовъ общества, высшихъ и низшихъ,—пусть его страданіе послужитъ, по крайней мѣрѣ, къ нашему общенію съ нимъ—въ *со*страданіи...

Мы знаемъ по опыту,—да это знаетъ и каждый, бывшій посредникомъ между дающими и получающими,—что тогда обильнѣе притекаетъ благотворительная жертва, когда жертвователь убѣжденъ, что его даяніе достигаетъ цѣли,—и еще обильнѣе тогда, когда доводится до его свѣдѣнія: какъ, кому, при какой обстановкѣ передано даяніе,—когда, однимъ словомъ, поддерживается въ актѣ благотворенія характеръ непосредственнаго, личнаго благотворительнаго дѣйствія, со всею живостью и теплотою участія.

Почему бы въ каждомъ губернскомъ городѣ бѣдствующей губерніи не устроиться, движеніемъ общественной иниціативы, мѣстному комитету или братству изъ мущинъ и женщинъ, съ участіемъ губернской земской управы и съ единственною цѣлью оказать пособіе нуждающимся, въ настоящую пору, отъ недостатка и дороговизны хлѣба? Такіе комитеты должны бы учредиться только для данной минуты, не превращаясь въ постоянныя учрежденія, и вообще вызываться всякій разъ живою, дѣйствительною потребностью. Они легко моглибы распространиться и по уѣздамъ, въ видѣ отдѣленій, связанныхъ общимъ дѣломъ съ комитетомъ центральнымъ. Члены комитетовъ могли бы личнымъ изслѣдованіемъ на мѣстѣ повѣрять дѣйствительность народныхъ нуждъ, а затѣмъ и дѣйствительность оказанной помощи. Такое общественное содѣйствіе мѣстнымъ земскимъ управамъ и, наоборотъ, содѣйствіе земскихъ управъ общественной благотворительности способно дать, кажется намъ, самые благіе, *практическіе*, *дѣльные* результаты. Само собой разумѣется, что объ открытіи этихъ комитетовъ или братствъ, объ именахъ избранныхъ членовъ, о получаемыхъ ими пожертвованіяхъ, а главное—объ употребленіи пожертвованій должно

быть обнародываемо печатно, со всевозможною гласностью. Особенно же подробны должны быть отчеты объ употребленіи пожертвованій. Такія временныя, при всякой живой нуждѣ возникающія учрежденія служили бы общественными центрами для частнаго милосердія и совмѣщали бы въ себѣ выгоды общественной благотворительности со всѣмъ нравственнымъ характеромъ благотворительности частной... Если такіе комитеты откроются, — а почему бы имъ не открыться? что̀ мѣшаетъ имъ открыться?—тогда мы не будемъ недоумѣвать, куда отсылать жертвуемые на Архангельскую губернію или же на иную *«губернію»* рубли — и пожертвованія, безъ сомнѣнія, польются обильной рѣкою.

Недавно открыто въ Петербургѣ общество для пособія раненымъ, съ отдѣленіями въ Москвѣ и почти во всѣхъ губернскихъ и даже нѣкоторыхъ уѣздныхъ городахъ Россіи. Мысль полезная. Но здѣсь дѣло идетъ о раненыхъ—въ настоящее время здоровыхъ и только имѣющихъ быть ранеными въ случаѣ войны, конечно всегда возможной, но теперь еще близко не предусматриваемой. Теперь еще нѣтъ ни войны, ни раненыхъ... Но есть у насъ другая война, не загаданная, а дѣйствительная, свирѣпствующая въ сей часъ и въ сію минуту,—война съ голодомъ, съ холодомъ, съ бѣдностью, болѣзнями и всѣми преступными соблазнами нужды. Есть у насъ раненые, не будущаго, а настоящаго времени,—изъязвленные вредною пищею, тифомъ, горячкою, цынгою. Они заслуживаютъ не менѣе участія, какъ и тѣ, которые имѣютъ со временемъ получить раны отъ непріятельскаго штыка или пули.

«На Святой Руси съ голоду не умираютъ», говоритъ старинная русская пословица... Да оправдается же она и въ наше *новое* время, при новыхъ условіяхъ нашей общественной и земской жизни!

О устройствѣ Московской Думою помощи для голодающихъ.

«Москвичъ», 23-го января 1868 г.

Народная нужда вмѣстилась наконецъ въ слухъ и въ сердце народной столицы. Ждалось только призывное теплое слово, и едва сказалось слово,—будто трепетомъ состраданія объялась Москва и вся подвиглась на дѣло благотворенія. Какъ благовѣстъ кремлевскаго колокола, воздымая волны благовѣстительныхъ звуковъ, разливается далеко за градскіе рубежи московскіе, такъ разнесется далеко въ даль, за предѣлы Москвы, это московское *слово и дѣло!* Да, мы увѣрены, этотъ кличъ Москвы не останется безъ отзыва, придастъ бодрость страждущимъ, воздвигнетъ сонмы сострадающихъ и будетъ услышанъ «до послѣднихъ» Русской земли.

Почииъ такого общественнаго движенія принадлежитъ, какъ и слѣдовало ожидать, Московской Городской Думѣ. Ею сказано первое слово отъ имени Москвы, ею же начато и ведется самое дѣло. Нельзя при этомъ случаѣ не отозваться съ горячею признательностью о нашей Московской Думѣ. Она достойна своего призванія — быть представительницей Москвы,—не только какъ великаго города, какъ одной изъ двухъ столицъ, но Москвы, какъ истиннаго народнаго средоточія Россіи. Между Москвою и Московскою Думою, независимо отъ внѣшней, оффиціальной, установилась та внутренняя общественная связь, которой не замѣчается въ другихъ городахъ, гдѣ также дѣйствуетъ новое Городовое Положеніе. Московская Дума стала не только узаконеннымъ, но дѣйствительнымъ, естественнымъ органомъ московскаго общества, которое, изо всѣхъ учрежденій, только въ Думѣ сознаетъ себя органическимъ цѣлымъ, безъ различія сословій, и вмѣстѣ живою общественною силой. Чѣмъ прочнѣе укрѣпится за Московскою Думой такое значеніе, тѣмъ плодотворнѣе окажется это значеніе и для всей Россіи, въ силу той исторической, естественной, свободной связи, которая искони связуетъ Русскую землю съ Москвою.

Городская Дума уже открыла подписку у городскаго головы и по сословнымъ управамъ — въ пользу страждущихъ

отъ голода, преимущественно въ ближайшихъ къ Москвѣ губерніяхъ. Сверхъ того, согласно приговору Думы, учреждена коммиссія изъ пяти гласныхъ, которымъ поручено «обсудить мѣры къ дальнѣйшему распространенію подписки, а равно и къ правильному и сообразному съ цѣлью употребленію собираемыхъ суммъ». Коммиссія дѣятельно приступила къ рѣшенію первой своей задачи. Есть предположеніе пригласить и мировыхъ судей объявить у себя подписку, если они будутъ на то согласны; мы слышали также, что московское духовенство собирается открыть ее и по всѣмъ московскимъ приходамъ. Такимъ образомъ всѣ равно призваны къ участію въ святомъ дѣлѣ благотворенія; никто не обойденъ; всѣмъ даны способы сотворить свою долю добра страждущимъ въ какомъ бы ни было размѣрѣ, хотя бы «единому отъ сихъ братій Моихъ меньшихъ», какъ назвалъ ихъ самъ Спаситель Христосъ.

Нельзя не порадоваться такому утѣшительному явленію, какое представляетъ теперь подвигшаяся на состраданіе Москва. Утѣшительно и важно здѣсь именно то, что это дѣйствіе любви объяло весь городъ, что это движеніе начато и ведется самимъ обществомъ, безъ начальственныхъ побужденій и внушеній, безъ мертвящихъ чиновническихъ и бюрократическихъ формальностей, безъ административной указки. Отъ того-то оно такъ и тепло; отъ того-то оно и обѣщаетъ быть успѣшнымъ. При такихъ только условіяхъ свободной общественной самодѣятельности, легко и охотно слагаются частныя благотворительныя усилія въ могучую, организованную силу, не утрачивая при этомъ нравственныхъ свойствъ частной благотворительности. Только при взаимномъ довѣріи, при живомъ общеніи города и его представителей, при полной гласности и совершенной прозрачности общественнаго дѣла, можетъ сохраниться та теплота благотворенія, которая равно благотворно согрѣваетъ сердца облаготворяемыхъ и благотворящихъ,—открыться неоскудѣваемый источникъ милостыни, и добро твориться въ величавыхъ, широкихъ размѣрахъ.

Напротивъ того, только стѣсните свободную, общественную самодѣятельность, только подчините благотворительный порывъ общества какой-нибудь регламентаціи извнѣ, введите

благотвореніе въ рамки обыкновенныхъ, казенно-благотворительныхъ сборовъ, приставьте къ распоряженіямъ Думы контроль начальства, внесите, однимъ словомъ, въ дѣло общественное чуждый ему и мертвящій элементъ казенности—и вы разомъ убьете все дѣло, охладите порывъ, подорвете искренность и цѣльность общественнаго движенія и пресѣчете обильный потокъ сострадательности и подаяній....

Мы только-что дописывали эти строки, какъ были обрадованы извѣстіемъ изъ Петербурга, что вмѣсто предполагавшагося къ учрежденію при Петербургской Думѣ комитета, такого же, какой устроенъ и при Московской Думѣ, учреждается тамъ, для пособія нуждающимся, центральный для всей Россіи комитетъ, подъ предсѣдательствомъ Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника. Правда, это извѣстіе сообщается еще неоффиціально, но «Голосъ» увѣряетъ, что почерпнулъ его изъ достовѣрнаго источника. Нѣтъ сомнѣнія, что это извѣстіе будетъ съ радостью принято во всей Россіи и ободритъ всѣхъ бѣдствующихъ и голодающихъ надеждой на вѣрную, скорую помощь. Ужели не сдастся, не уступитъ эта голодная нужда, когда на нее ополчается вся Россія, когда во главѣ ополченія становится самъ Наслѣдникъ престола? Теперь уже не придется доказывать дѣйствительнаго существованія голода и безхлѣбья въ значительной части русскихъ губерній, и газеты вѣроятно уже не будутъ подлежать обвиненію въ преувеличенномъ изображеніи народныхъ продовольственныхъ нуждъ. Теперь эти нужды, слава Богу, признаны оффиціально, открыто,—и вся Россія призывается къ открытой, общественной съ ними борьбѣ.

Въ какія же отношенія станетъ этотъ новый центральный для всей Россіи комитетъ къ комитетамъ городскимъ, устроеннымъ общественною, городскою иниціативою? Намъ еще ничего объ этомъ неизвѣстно,—но горячо желая дѣлу народной помощи, предпринимаемому «центральнымъ комитетомъ», дѣйствительнаго, *настоящаго* успѣха, мы позволимъ себѣ высказать нѣкоторыя свои предположенія.

Задача помощи страждущимъ отъ голода естественно распадается на двѣ: на собираніе пособій и на распредѣленіе ихъ по мѣстностямъ, наиболѣе нуждающимся. Намъ кажется,

что собственно въ самомъ собираніи пособій централизація едвали вполнѣ удобна для достиженія цѣли. Мы думаемъ, что право выбора системы для сбора приношеній, равно какъ и право свободно распоряжаться жертвуемыми деньгами, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть отнято у жертвователей. Извѣстно напримѣръ, что жертвователи даютъ иногда своимъ рублямъ спеціальное, особое назначеніе, непремѣнно для такой-то мѣстности, или отъ имени или въ память такихъ-то именно лицъ, живыхъ, покойныхъ, родственниковъ, друзей и т. д. Возможностью именно такимъ способомъ участвовать въ общемъ дѣлѣ благотворенія чрезвычайно какъ дорожатъ частные благотворители,—и всѣмъ подобнымъ проявленіямъ личнаго благотворительнаго чувства долженъ быть, по нашему мнѣнію, предоставленъ полный просторъ, должно быть оказано полное почтительное вниманіе. Изъ этой-то совокупности такихъ личныхъ живыхъ приношеній, на пространствѣ всей Россіи, составляются тѣ милліоны, которые ежегодно собираются сборщиками на построеніе и украшеніе храмовъ, и т. п. Но для того, чтобъ *этотъ* источникъ благотворительности полился и въ настоящемъ случаѣ обильною струей, едвали централизація можетъ послужить вполнѣ вѣрнымъ и надежнымъ средствомъ. Едвали не выгоднѣе для самого дѣла принять систему сбора по мѣстамъ, или, иначе, предоставить городамъ Россіи полную свободу въ употребленіи того именно способа собиранія денегъ, который, такъ сказать, указанъ и излюбленъ самими жителями. Такъ напримѣръ, жители Москвы поручили Московской Думѣ быть хозяйкой сбора, затѣяннаго московскою же общественною инипіативой: они вѣдаютъ и желаютъ вѣдать ее одну, они состоятъ съ нею въ личныхъ, живыхъ, непосредственныхъ отношеніяхъ,—Думѣ они вѣрятъ, ее облекаютъ полномочіемъ; отъ Думы ожидаютъ,—и несомнѣнно знаютъ, что получатъ,—обстоятельный подробный отчетъ о каждой копѣйкѣ. Вообще необходимое условіе успѣха въ каждомъ общественномъ благотворительномъ дѣлѣ—это возможность если не прямаго, то хоть посредственнаго участія самого общества въ сборѣ и употребленіи жертвуемыхъ суммъ; если гдѣ дорого и важно проявленіе самостоятельности и самодѣятельности общественной, такъ именно въ такомъ дѣлѣ, которому, по самому внутреннему его свойству, присущъ ха-

рактеръ нравственный, характеръ искренности и свободы. Центральному комитету осталось бы только именно воспользоваться этою самодѣятельностью и желаніемъ самодѣятельности мѣстныхъ обществъ: его занятія, съ одной стороны, значительно бы упростились; съ другой — результатъ сбора былъ бы несравненно блистательнѣе. Вообще весьма ошибаются тѣ, которые, смотря на общественую благотворительность только съ точки зрѣнія утилитарной, полагаютъ излишнимъ соблюденіе нравственной стороны благотворенія: они соберутъ несравненно меньше, чѣмъ свободное въ своей самодѣятельности общество; вмѣсто благотворительныхъ сборовъ казеннаго характера, было бы уже проще, въ такомъ случаѣ, обложить членовъ общества новымъ налогомъ. Можно съ увѣренностью сказать, что еслибы дѣятельность Московской Думы была стѣсвена или регламентирована извнѣ, или еслибъ Дума была устранена и вмѣсто нея учрежденъ былъ особый комитетъ съ участіемъ и подъ надзоромъ властей,—дающая рука замѣтно бы оскудѣла.... Поэтому, повторяемъ, не только за Москвой, но и за всякою мѣстностью, гдѣ бы устроился сборъ, должно бы быть—такъ намъ кажется—признано полнѣйшее хозяйское право какъ въ установленіи системы сбора, такъ и въ употребленіи денегъ.

Но это одна сторона задачи. Для распредѣленія же пособій необходимы точныя и подробныя свѣдѣнія о мѣстностяхъ дѣйствительно нуждающихся, о размѣрѣ и свойствѣ народной нужды. Эти свѣдѣнія можно имѣть только путемъ оффиціальнымъ, и всѣ они сосредоточены въ Министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, которое до сихъ поръ не находило нужнымъ предавать ихъ гласности. Въ распоряженіи же Министерства находится особый продовольственный капиталъ, предназначенный именно на удовлетвореніе продовольственныхъ нуждъ народа. Въ этомъ отношеніи учрежденіе въ Петербургѣ, у самаго источника свѣдѣній, центральнаго общественнаго посредствующаго органа чрезвычайно полезно и важно. Руководясь этими свѣдѣніями и принимая въ соображеніе, съ одной стороны, объемъ нужды въ каждой мѣстности, съ другой количество уже полученныхъ каждою мѣстностью вспоможеній отъ земства или правительства,— такой центральный органъ имѣетъ полную возможность со-

ставить приблизительно вѣрный планъ распредѣленія пособій, сообразно дѣйствительной необходимости. Въ противномъ случаѣ легко можетъ случиться, что иная голодающая мѣстность будетъ одарена слишкомъ щедро, иной же не выпадетъ на долю ни копѣйки, такъ какъ жертвователи—Думы и городскіе комитеты, дѣйствуя разрозненно, на пространствѣ всей Россіи, не имѣя возможности сносится другъ съ другомъ, не будутъ знать, куда, откуда и сколько направлено денежной помощи. Общій посредникъ между всѣми этими благотворящими общественными учрежденіями, безъ сомнѣнія, необходимъ, и такимъ именно посредникомъ и могъ бы явиться «центральный комитетъ» въ Петербургѣ. Еслибы такой планъ распредѣленія былъ сообщенъ Москвѣ и всѣмъ городамъ, производящимъ сборы, какъ для предотвращенія вышеуказанной неравномѣрности въ распредѣленіи пособій, такъ и для того, чтобъ они могли избрать тѣ мѣстности, которымъ помочь имъ сподручнѣе, то по нашему мнѣнію, практическая цѣль комитета была бы удачно достигнута. Если, предложимъ, Москва приметъ на свое попеченіе нѣсколько ближайшихъ къ ней губерній (какъ Дума о томъ и постановила), то, конечно, не представляется удобства отсылать деньги въ Санктпетербургъ, съ тѣмъ чтобъ оттуда препровождать ихъ снова въ Тульскую, напримѣръ губернію. Напротивъ, такъ какъ центральный комитетъ, вѣроятно, укажетъ—*къ кому*, въ *какой* нуждающейся мѣстности, слѣдуетъ направлять денежныя пособія для употребленія ихъ по назначенію, а также, какъ велика нужда каждой мѣстности,—то суммы изъ Москвы и городовъ могутъ быть доставляемы прямо, сообразно съ этимъ планомъ или указаніемъ. При этомъ конечно необходимо, чтобы центральный комитетъ былъ поставляемъ въ полную извѣстность о всякомъ такомъ распоряженіи благотворящаго общества и, съ своей стороны, какъ можно чаще и подробнѣе оглашалъ свои дѣйствія. Остается пожелать, чтобы воля жертвователей, въ случаѣ указаннаго ими, спеціальнаго назначенія жертвуемыхъ денегъ, была всегда строго исполняема.

Мы сочли себя въ правѣ, изъ горячаго участія къ дѣлу и изъ искренняго желанія успѣха новообразуемому Цен-

тральному Комитету, изложить нѣкоторыя наши мысли о способѣ соглашенія условій централизаціи съ частною и общественною мѣстною благотворительною инициативой. Во всякомъ случаѣ дѣло удовлетворенія народной нужды теперь въ надежныхъ рукахъ, и намъ пріятно думать, что русская печать въ этомъ отношеніи сослужила не безполезную службу Россіи.

Какъ рождаются города въ Россіи.

«Москва», 13 іюля 1868 г.

Многіе, ежели не бо́льшая часть нашихъ городовъ—должны быть названы порожденіемъ администраціи: это дѣтища ея соображеній изъ туманнаго «далека» о мѣстныхъ народныхъ нуждахъ. Не жизнь народная, не истинная потребность сгруппироваться, скучиться—рождала наши Екатеринославли, Уфы и другіе города; повыросли они не изъ тѣхъ мѣстныхъ потребностей, которыя сбиваютъ людей въ кучу, никого не спрашиваясь, которыя выстраиваютъ лавки, магазины, не соображаясь ни съ образцовыми фасадами, ни съ преподанными правилами, которыя бьютъ площадь тамъ, гдѣ сподручнѣе собираться народу на торжище, не думая—близко ли, далеко ли это отъ присутственнаго мѣста. Рождались у насъ города совершенно по инымъ рецептамъ: часто однимъ почеркомъ пера жаловались десятки деревень въ города; отъ того-то и появились они въ такихъ пунктахъ, куда ничѣмъ не тянуло народную жизнь и дѣятельность. народныя силы и богатство. Зачинались они не какимъ-либо общественнымъ зданіемъ, а присутственнымъ мѣстомъ, около котораго — думали администраторы — непремѣнно соберется вся народная сила и скажется зданіями, площадями, широкими улицами, магазинами, лавками,—словомъ, всею роскошью и удобствами городской жизни. Не то вышло на дѣлѣ: и теперь еще найдутся города, пожалованные въ губернскіе, но остающіеся пустыми, безлюдными, неустроенными, будто недодѣланными; къ удивленію, ни присутствіе въ нихъ начальника губерніи, ни сосредоточеніе въ нихъ присутственныхъ мѣстъ всѣхъ наименованій, не притягиваетъ къ нимъ

мѣстныхъ силъ, и стоятъ они какими-то заброшенными со всѣми своими каменными присутственными мѣстами. Помимо же ихъ, а подчасъ гдѣ и по сосѣдству съ ними, кучится народъ или въ уѣздномъ городѣ или къ пристани, или къ перекрестному мѣсту разныхъ трактовъ: тамъ кипитъ дѣятельность, переходятъ милліоны изъ однѣхъ торговыхъ рукъ въ другія, тамъ, при надобности, непремѣнно найдутся средства для устройства всего, что̀ нужно,—и вотъ наши Одессы, Рыбински, Ростовы, Скопины, даже села Ивановы—богаче, дѣятельнѣе и болѣе потребны для большинства населенія, чѣмъ напр. Пензы и другія захолустья, торжественно однако носящія громкій титулъ «губерніи» и знакомыя народу только по обязанности идти туда для «некрутчины» или для подачи прошенія; но не тянетъ его въ эту «губернію» тою магическою силою барыша и сдѣлки, которая кажетъ ему торный путь куда въ другое мѣсто. Города наши то же, что̀ наши большія почтовыя дороги: стелется она скатертью широкой, да только не гладкой, съ водомоинами, ухабами, да колеями; одиноко торчатъ по ней верстовые столбы, и везутъ по ея непроходимой грязи только почту казенную, да горемычнаго чиновника, по казенной подорожной; а весь людъ, вся сила и деньга народа идетъ другимъ путемъ, почти рядомъ съ ней, но своимъ трактомъ, не указаннымъ издали заботливою администраціей, а протореннымъ нуждой, да старымъ обычаемъ, то-есть тѣми силами, которыхъ не сломишь ни циркуляромъ, ни предписаніемъ, и выходитъ—жалокъ и безлюденъ почтовый, казенный трактъ; шумна, привольна дѣятельна—торговая дорога, презрѣнно называемая однако *объѣздомъ*.

Это насажденіе городовъ, губернскихъ и уѣздныхъ, шло особенно усердно съ эпохи царствованія Петра I: Екатерина II создавала ихъ по нѣскольку вдругъ; обращала на нихъ особенное вниманіе и снабжала ихъ разнообразными правительственными учрежденіями. Многія незначительныя села попали тогда въ рангъ чиновныхъ городовъ; но за то многіе изъ нихъ едва пережили свое учрежденіе, или если и пережили, то съ виду и въ сущности остались прежними ничтожными селами. Далѣе, перемѣны въ составѣ губерній произвели поселенія небывалыя, непонятныя и по сю пору самой администраціи: появились не только безъуѣздные города,

но даже *заштатные* и, наконецъ, какіе-то *упраздненные* (какъ Срѣтенскъ, Забайкальской области). Напрасно будемъ мы искать оффиціальнаго объясненія тому, что значитъ—упраздненный городъ; смыслъ и значеніе хоть бы Срѣтенска—загадка для всѣхъ, начиная съ администраціи. Но мало этого, появились и другіе курьезы не менѣе замѣчательные: сохранились уѣздные города (Верхнеднѣпровскъ, Славяносербскъ), не имѣющіе первой принадлежности уѣзднаго города—думъ и ратушей; далѣе, долго оставался городъ Кай (въ Вятской губерніи), самъ, добровольно, сложившій съ себя постепенно, безъ законодательнаго акта, всѣ аттрибуты города и самъ себя разжаловавшій сперва въ посадъ, потомъ въ село, — въ каковомъ чинѣ пребываетъ и посегодня; существуетъ и нынѣ въ Симбирской губерніи поселеніе Котяковка, оффиціально именуемое «уничтоженнымъ городомъ *); остаются и по сю пору поселенія, которыя точно и вѣрно не знаютъ своего ранга и которыя въ законодательныхъ актахъ называются, когда понадобится учредить въ нихъ полицейское управленіе,—мѣстечками, и въ то же время—городами, когда является нужда снабдить ихъ цеховымъ устройствомъ.

Такимъ образомъ, бóльшая часть изъ нашихъ городовъ встаютъ живымъ протестомъ противъ мысли о возможности возбудить народную жизнь искусственнымъ путемъ тамъ, куда ее ничто не танетъ. Вотъ отъ чего многіе изъ губернскихъ даже городовъ остаются бѣдны, безъ средствъ для покрытія собственныхъ своихъ расходовъ, и отъ того, наружно, не могутъ даже и напомнить настоящаго города.

---

*) Въ № 71 „Симбирскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“, между прочимъ, напечатано: „мѣщанинъ уничтоженнаго города Котякова, Тезейкинъ, опредѣленъ въ штатъ корсунскаго казначейства“. Какимъ чудомъ—въ уничтоженномъ, т. е. въ срытомъ до основанія, городѣ имѣется мѣщанинъ Тезейкинъ? Интересно бы знать—кто, когда и за что уничтожилъ городъ Котяковъ? По „Спискамъ населенныхъ мѣстностей“, подъ № 963, показанъ въ Корсунскомъ уѣздѣ пригородъ удѣльный Котяковъ; на стр. XXXVII объяснено, что эти поселенія называются пригородами такъ себѣ, для воспоминанія, а въ сущности они простыя села. Не есть ли это „уничтоженный городъ“, по оффиціальному выраженію губернскихъ вѣдомостей?

Далѣе, причиною, препятствующею улучшенію городовъ, идетъ, какъ болѣе общій недугъ, общественное устройство, т. е. управленіе городами и ихъ хозяйствами. Это уже не мѣстная болѣзнь—это хроническое страданіе, пустившее глубокіе корни. Не вдаваясь въ историческую даль, скажемъ, что и муниципальное устройство нашихъ городовъ тоже не есть результатъ нашей народной жизни: это одна изъ тѣхъ многочисленныхъ прививокъ, которыя сдѣланы къ русской жизни въ подражаніе чужеземному. Въ основаніи этой прививки лежатъ начала германскаго законодательства. Петръ Великій, передѣлыватель Россіи на иностранный ладъ, подарилъ насъ и первыми городскими учрежденіями: Нѣмецъ Фикъ подалъ ему, въ 1720 г., меморіалъ о необходимости учрежденія въ городахъ магистратовъ,—и Императоръ на этомъ меморіалѣ положилъ слѣдующую резолюцію: «учинить сіе на основаніи рижскаго и ревельскаго регламента». И вотъ стали переноситься къ намъ, на русскую почву, средневѣковыя германскія муниципальныя учрежденія: стали зарождаться начальники съ мудреными прозвищами бургомистровъ, ратсгеровъ, и въ то же время съ феодальною властью и съ деспотическими антинародными свойствами. Учрежденіе это однако вскорѣ вымерло, и органическимъ закономъ для нашего городскаго устройства служитъ не оно, а «Городовое Положеніе» 1785 г. Въ этой компиляціи, по преимуществу, съ нѣмецкихъ же законовъ, Екатерина установила понятіе о «городѣ», какъ объ юридическомъ лицѣ, пользующемся особыми отъ прочихъ поселеній правами; провела раздѣленіе городскихъ обывателей, «людей средняго рода», на нѣсколько сословій, придавъ каждому изъ нихъ особыя преимущества; установила купеческія гильдіи и ввела цеховое устройство,— и то и другое—новая копировка съ Германіи, съ удержаніемъ даже нѣмецкихъ словъ и названій. Лучшая часть этого законодательнаго акта—это порядокъ управленія общественными дѣлами черезъ избранныхъ обывателями должностныхъ лицъ— осталась безъ примѣненія. Все остальное, что̀ могло бы выйдти изъ него хорошаго, получило примѣненіе самое неудовлетворительное, — и все дѣло, не соотвѣтствовавшее нашему народному быту, непригодное для русской почвы, не могло развиться, не дало полезныхъ отростковъ и съѣхало,

наконецъ, на то, что городскія общины утратили и послѣдніе остатки самостоятельности, лишились всякаго свободнаго дѣйствія, даже въ распоряженіяхъ мѣстными хозяйственными интересами. Онѣ постепенно низошли окончательно на самую низшую ступень административныхъ единицъ, вполнѣ, безотговорочно подчиненныхъ административной власти. Полнымъ городскимъ хозяиномъ, блюстителемъ его интересовъ и распорядителемъ его средствами—является уже не городъ и его представители, а администрація, свободно, въ широкихъ размѣрахъ, распоряжающаяся всѣмъ—хозяйствомъ, наружнымъ благоустройствомъ, развитіемъ образованія, даже степенью щедрости горожанъ, выражавшейся въ «добровольныхъ» пожертвованіяхъ. Однообразіе введено самое успокоительное; административная власть достигла до полнаго развитія; мы могли бы указать случай напр. продолжительной. многолѣтней переписки съ центральною администраціей о разрѣшеніи одной изъ городскихъ думъ пріобрѣсти лампу, въ нѣсколько десятковъ копѣекъ, для освѣщенія комнаты, занимаемой, ежели не ошибаемся, палачомъ. Правда, въ завѣдываніе городскимъ хозяйствомъ допущено участіе горожанъ, въ лицѣ ими избранныхъ должностныхъ людей; но участіе ихъ допущено болѣе только для одной формы. Кто не знаетъ, что выборный купецъ, будь онъ даже городской голова, представляетъ не болѣе какъ чиновника губернаторскаго, безмолвнаго исполнителя его приказаній: дѣйствовать самостоятельно онъ не можетъ и не смѣетъ. Отъ городскихъ выборовъ стали бѣгать, отдѣлывались отъ нихъ всѣми неправдами, и значеніе какъ выборовъ, такъ и избранныхъ лицъ упало въ общемъ мнѣніи. Самымъ избраніемъ должностныхъ лицъ мѣстная власть распоряжалась, подчасъ, съ поразительною отвагой: извѣстно, напримѣръ, какъ около 20 лѣтъ тому назадъ избиратели были заперты подъ замокъ и оставались арестованными до тѣхъ поръ, пока согласились избрать именно тѣхъ лицъ, на которыхъ имъ указывали и выбрать которыхъ они до того не соглашались.

Чтобы судить до какой степени самимъ закономъ распространена власть губернатора на городское хозяйство, какое множество самыхъ сложныхъ и разнообразныхъ обязанно-

стей возложено на него, достаточно прочесть хоть циркуляръ бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ, данный имъ въ іюлѣ прошлаго года. Здѣсь перечислено все законодательство по этой части, и чего не возложено имъ на губернатора?! Онъ долженъ заботиться положительно обо всемъ и знать и вѣдать все, начиная съ того, чтобы городскія «площади служили какъ бы резервуарами чистаго воздуха», и кончая тѣмъ, чтобы рѣшотки около балконовъ или террасъ строились изъ чугуна или желѣза; онъ долженъ знать и свойство торговой дѣятельности города, и состояніе лицъ, доставляющихъ товары, и наблюдать, чтобы не клались деревянные брусья близь такихъ мѣстъ, гдѣ проводятся печныя трубы; онъ долженъ заботиться о разведеніи «скверовъ», чтобы «дать — говоря словами того циркуляра—дѣтямъ городскихъ обывателей здоровое и пріятное убѣжище», и о развитіи промышленной и торговой дѣятельности города. Вся эта масса заботъ и мелочныхъ занятій, на которыхъ не хватитъ нѣсколькихъ лицъ, возлагается на губернатора для непремѣннаго исполненія, и ему говорится при этомъ, что «по опыту извѣстно, что стоитъ только начальнику губерніи энергично взяться за дѣло,—и исполнители, и средства являются».

И являлись — дѣятели энергичные, которые дѣйствовали, и дѣйствовали неослабно. Но что̀ выходило изъ этого? Какія соображенія руководили этими дѣятелями? Для образца укажемъ въ нѣсколькихъ словахъ на предпринятое въ послѣднее время устройство одного изъ губернскихъ городовъ.

Въ немъ организованъ комитетъ изъ 6-ти чиновниковъ (въ томъ числѣ городской голова) и 4-хъ депутатовъ отъ сословій домовладѣльцевъ. Снабженъ онъ, какъ надо думать, обширнымъ уполномочіемъ, ибо предписываетъ городской думѣ внести въ смѣту тотъ или другой, не существовавшій до тѣхъ поръ, расходъ. Комитетъ этотъ, въ которомъ перевѣсъ голосовъ на сторонѣ лицъ, непричастныхъ къ городскимъ расходамъ и доходамъ и смотрящихъ на свою временную обязанность какъ на случай отличиться по службѣ,—комитетъ этотъ приказываетъ разломать въ гостиномъ дворѣ деревянныя мясныя лавки и вмѣсто ихъ, «по

красивому фасаду, съ чугунными столбами и рѣшотками» (какъ пишутъ «Губернскія Вѣдомости»), возвести каменное зданіе; составлены планы, проекты, фасады; все это утверждено и наконецъ приказано мяснымъ торговцамъ: они заявляютъ, что у нихъ нѣтъ средствъ для подобной постройки. Комитетъ начинаетъ передѣлывать ихъ лари, подгонять ихъ подъ одну форму. Не нравится ему базарная площадь: «на этой мѣстности представляются взору проходящихъ страшно-разнообразныя формы уродливыхъ столовъ, ларей и шалашей»; кажется ему нехорошимъ, что «эта мѣстность оживлена въ ущербъ другимъ», и вотъ онъ начинаетъ разводить это «оживленіе» во всѣхъ сторонахъ и, «для оживленія гостинаго двора» (sic), помѣщаетъ рядомъ съ нимъ торговлю калачами, свѣжею рыбой, домашнею птицей и т. п., принимая въ разсчетъ и то, что «эта торговля имѣетъ болѣе общаго съ мясною торговлею, нежели съ панскою и желѣзною»... Такимъ образомъ, во имя блага и однообразія и приличія, для того только, чтобы торговля представляла болѣе удобства для полицейскаго за ней надзора, комитетъ переворачиваетъ ее или переводитъ на другія мѣста, подгоняетъ подъ ранжиръ и предписываетъ поломки, постройки, не спрашиваясь тѣхъ, кому придется платить за это деньги. Онъ приказываетъ мостить весь городъ, для этого установляетъ сроки, формы, назначаетъ штрафы — и все это основываетъ «на непреложномъ убѣжденіи въ возможности исполненія сего».

Мы не упрекаемъ членовъ этого комитета: они правы съ своей точки зрѣнія; какъ чиновники, они не могутъ дѣйствовать иначе: вся забота ихъ, совершенно основательно, обращена на наружное благоустройство города, рвеніе ихъ подгоняется циркуляромъ, въ которомъ читается упрекъ въ неподвижности, «въ излишней привязанности къ сидячей жизни», и говорится, что «стóитъ только энергично взяться за дѣло, какъ явятся и исполнители и средства»; циркуляръ для нихъ, какъ для лицъ служащихъ, обязателенъ и равносиленъ закону: они энергично берутся за дѣло и выжидаютъ, что средства явятся, и что та же энергія появится въ карманахъ торговцевъ.

Въ такой же зависимости отъ мѣстной власти находится

и хозяйство городовъ. Къ чему же привела эта строгая надъ городами опека? По сознанію того же циркуляра Министерства, «устройство городовъ нашихъ, въ большей части случаевъ, не удовлетворяетъ самымъ скромнымъ требованіямъ благоустройства и порядка», установленнаго закономъ, и еще менѣе удовлетворяетъ «первоначальнымъ требованіямъ гигіены» — чистотѣ, опрятности и хорошему воздуху. Министерство тѣмъ болѣе печалится объ этомъ, что «по его глубокому убѣжденію, основанному на многостороннихъ наблюденіяхъ и изученіи городской жизни какъ у насъ, такъ и въ другихъ государствахъ, чистота и опрятность города имѣютъ постоянно дѣйствующее вліяніе на нравственность жителей, пріучая ихъ къ порядку».

Такимъ образомъ, и благое намѣреніе пріучить жителей къ порядку, съ помощію полнаго распоряженія ихъ общимъ, городскимъ имуществомъ и хозяйствомъ, едвали не привело къ обратнымъ результатамъ: къ охлажденію ко всякому порядку и къ положительному равнодушію къ общественнымъ дѣламъ. Въ общемъ убѣжденіи горожанъ, городская дума является не охранительницей ихъ интересовъ и кармановъ, а потребительницею и безграничною распорядительницею того и другаго. Для всѣхъ стало уже ясно, что та однообразная, форменная административная оболочка, въ которую облеченъ весь городской организмъ, подавила въ немъ всѣ живыя силы и отняла возможность правильнаго и здороваго развитія городскихъ хозяйствъ. Отсюда уже прямо вытекаетъ убѣжденіе въ необходимости предоставить городамъ болѣе самостоятельности въ распоряженіи ихъ личными интересами.

О попыткахъ, сдѣланныхъ въ этомъ отношеніи, поговоримъ въ слѣдующій разъ.

По поводу переселенческаго движенія.

„Москва“, 4-го октября 1868 г.

«Въ степь, ребята!...» «Въ Самару, въ Оренбургъ...» «На Кубань, други, идемъ...» «Въ Чеченскую землю... «Мы — на Амуръ, на новый Амуръ...» «На Рифей, братцы, на молочныя рѣки, на соляныя горы...» Гуломъ гудятъ эти странные крики по разнымъ концамъ Россіи... Вологодскій крестьянинъ, тайно, съ семьей, бѣжитъ изъ своей деревни въ какую-то обѣтованную землю; тяжелый на подъемъ Латышъ или Эстъ, повидимому приросшій къ своей родной почвѣ, покидаетъ ее и плыветъ по морю просить о переселеніи на Кавказъ, за Волгу, куда угодно; бѣдный Смолянинъ распродаетъ послѣднія свои нищенскія пожитки и торопится въ «волостную контору» — записаться на выселеніе. Здѣсь, тамъ — проходятъ толпы заморенныхъ исхудалыхъ переселенцевъ-нищихъ, идущихъ — *туда*, *туда*... И рисуется имъ это *туда* какимъ-то завѣтнымъ раемъ, съ молочными рѣками, кисельными берегами, съ горами соли, съ полями — сколько глазъ охватитъ, съ «благораствореніемъ воздуха и плодовъ земныхъ...» Разъигрывается народная фантазія, вѣсти смѣняются вѣстями, и непрерывно пріумножаемый ими разсказъ вздувается, словно рѣка весною, до баснословныхъ размѣровъ, и, слушая его, повторяетъ рабочій, землепашный людъ: «Въ степь, братцы! Въ Самару, други!...»

Откуда же берется этотъ внезапный взрывъ народной фантазіи? Почему разумный, осѣдлый народъ вдругъ снимается съ мѣста по одному какому-либо слуху, по поводу разнесшейся или оброненной кѣмъ-либо мимоходомъ загадочной вѣсти? «Отъ невѣжества, которымъ пользуются злонамѣренные люди,» — вотъ что твердятъ обыкновенно въ отвѣтъ. Объясненіе ровно ничего не объясняющее! Крестьяне, конечно, географіи не учились, даже по учебнику Ободовскаго, но въ дѣлѣ практическаго расчета и въ умѣньи добыть прибыли невѣждами обзывать ихъ нельзя! Въ томъ-то и вопросъ — гдѣ корень этого внезапнаго припадка народнаго легкомыслія и легковѣрія, вопреки прямымъ выгодамъ и здра-

вымъ разсчетамъ, на которые народъ такой мастеръ? Говоримъ—*припадка*, потому что такое расположеніе духа не есть въ народѣ что-либо хроническое, а всегда временное, преходящее, какъ бы случайное. Злонамѣренные люди, на которыхъ у насъ администрація такъ любитъ сваливать вину, всегда были и есть; однакожь имъ не всегда вѣрятъ. Очевидно, что причина, внезапно побуждающая народъ къ переселенію, заключается не въ обаятельной силѣ фантастическихъ разсказовъ о кисельныхъ берегахъ и молочныхъ рѣкахъ; по крайней мѣрѣ обаятельные разсказы не составляютъ первоначальной причины, а только ея послѣдствіе: они сами являются порожденіемъ—чѣмъ-то инымъ, еще прежде напряженнаго воображенія,—но потомъ, конечно, и сами воздѣйствуютъ на народъ, какъ причина преемствующая. Чего хочется, тому легко и вѣрится—истина старая... На приготовленную, разрыхленную почву падаетъ сѣмя и тотчасъ даетъ ростокъ; на массу горючихъ матеріаловъ достаточно заронитъся искрѣ—случайному слову прохожаго—и вспыхнетъ пожаръ...

Поэтому, устраняя изъ настоящаго явленія все, чтò приходится на долю распаленнаго разсказами воображенія и народной фантазіи и чтò можетъ только спутать, а не разъяснить вопросъ, мы спрашиваемъ снова: откуда же идетъ это кочевое движеніе? Гдѣ его причина? Какая могучая сила подвигла народъ до саморазоренія, до бросанья мѣстъ насиженныхъ дѣдами и отцами, до разлуки съ роднымъ кровомъ и родными могилами? Кто, чья власть толкаетъ его въ края ему невѣдомые? Мы знаемъ самое явленіе: со всѣхъ сторонъ пишутъ и намъ и въ другія изданія о неудержимомъ влеченіи народа къ переселеніямъ; явленіе это описано до мельчайшихъ частностей: намъ много разъ живописали семью переселенцевъ въ пути, со всевозможными печальными подробностями; намъ умно и убѣдительно доказывали вредъ такого самовольнаго, неразумнаго кочеванія; мы читывали, даже уже не разъ, правительственныя распоряженія, предписывавшія кому слѣдуетъ удержать народъ, доказать ему все зло отъ выселеній, правительствомъ не дозволенныхъ, а въ случаѣ безуспѣшности такихъ внушеній—возвращать переселенцевъ силою на мѣста жительства. Но ни то, ни другое, ни

третье—не выяснило намъ самихъ причинъ явленія; ничто не указало на корень зла. Мы слышимъ только или огульныя обвиненія народа въ лѣности, въ праздности, въ нежеланіи работать,—или ребяческія указанія на подстрекателей, будто бы виновниковъ общаго народнаго движенія. «Вѣсть» и ея салонные патроны проповѣдуютъ первое, припутывая сюда, кстати и некстати, плачъ о погибшей помѣщичьей опекѣ, доказывая необходимость установить «силу» вліяющую, сдерживающую и ведущую за собой народъ. Нѣкоторые администраторы, а также и балтійскія нѣмецкія газеты, гоняются за «подстрекателями», мещутъ громы на отставныхъ солдатъ и православныхъ дьячковъ... Но вѣдь обзывать лѣнтяемъ народъ, на плечахъ котораго лежитъ вся тяжесть государственныхъ, земскихъ и мірскихъ податей и повинностей, который даетъ почти $^{9}/_{10}$ государственныхъ доходовъ—по меньшей мѣрѣ странно, а нѣсколько даже и забавно. Диковинная же та лѣнь, которая отъ труда бѣжитъ къ труду же, не меньшему, если не сильнѣйшему, хотя и болѣе свободному... Господамъ же баронамъ мы еще разъ скажемъ, что у нихъ не хватитъ, наконецъ, ни отставныхъ солдатъ, ни православныхъ дьячковъ, которымъ можно было бы приписывать каждое выселеніе изъ благодатныхъ онѣмеченныхъ странъ...

Наконецъ, въ послѣднее время, намъ не разъ указывали, какъ на истиннаго виновника движенія, на циркуляръ бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ о переселеніяхъ въ губерніи Оренбургскую и Самарскую. Циркуляръ этотъ, не заключающій въ себѣ ничего новаго, разъясняетъ только—кто, согласно съ Положеніемъ 19 февраля 1861 г., имѣетъ право на переселеніе и при какихъ условіяхъ. Мы не знаемъ поводовъ, вызвавшихъ этотъ, не болѣе какъ разъяснительный, циркуляръ—какъ разъ въ ту, дѣйствительно тяжелую для крестьянина пору, когда онъ готовъ былъ хвататься за всякую соломенку, лишь бы не утонуть. Охотно вѣримъ, что плохо прочитанный, еще хуже объясненный, мѣстами же вовсе не объясненный, а пожалуй и перетолкованный, онъ могъ усилить желаніе къ переселеніямъ; но породить это желаніе во столькихъ концахъ Россіи онъ не могъ: мысль о переселеніяхъ, потребность въ нихъ—все это существовало

до циркуляра, все это было и прежде; онъ, можетъ-быть, подмогъ дѣлу, приподнялъ шлюзъ, въ который прорвалась скопившаяся вода; но не онъ собралъ и вызвалъ это скопленіе. Мы сейчасъ укажемъ, что и въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ онъ былъ правильно объясненъ и правильно понятъ народомъ, тѣмъ не менѣе однако порывъ къ переселенію не ослабѣлъ, а напротивъ достигъ высшаго предѣла.

Корень зла, какъ мы сказали, кроется глубже. Правильнѣе сказать: не корень, а корни. Никакого народнаго движенія вообще нельзя объяснять мотивами односложными и причинами такъ-сказать прямолинейными. Нѣтъ сомнѣнія, что общая причина всѣхъ такихъ перекочевокъ кроется въ неудовольствіи своимъ житьемъ-бытьемъ у себя дома; затѣмъ идутъ побочныя и окольныя побужденія, разнообразящіяся по мѣстностямъ, точно такъ же какъ различны въ разныхъ концахъ Россіи и поводы къ неудовольствію. Мы впрочемъ нисколько не думаемъ пускаться теперь въ изслѣдованіе и исчисленіе всѣхъ пружинъ народнаго кочеваго движенія. Мы хотимъ только указать несостоятельность ходячихъ объясненій и необходимость для администраціи не пробавляться ими, не успокоиваться на нихъ, а доискиваться причины поглубже. Мы съ своей стороны передадимъ читателямъ нѣсколько фактовъ: можетъ-быть, такимъ путемъ легче раскроется и выяснится многое, нами не знаемое и не понимаемое... Остановимся, на этотъ разъ, на Смоленской губерніи, какъ на мѣстности, въ которой современный народный порывъ къ переселенію выразился сильнѣе, чѣмъ въ другихъ.

Еще въ началѣ прошлаго мѣсяца одинъ изъ нашихъ корреспондентовъ (№ 121 «Москвы»), писалъ намъ, что нѣсколько волостей Ельнинскаго уѣзда, доведенныхъ до отчаянія, рѣшились выселяться во что̀ бы ни стало и отправили ходоковъ въ Петербургъ просить о выселеніи куда бы то ни было. Кромѣ того, мы имѣемъ положительныя извѣстія, что въ уѣздахъ Духовщинскомъ, Бѣльскомъ и Порѣчскомъ — то же прискорбное явленіе: народъ толпится въ волостныхъ правленіяхъ, проситъ записывать въ какія-то книги имена желающихъ, — а желающіе чуть не всѣ поголовно; въ какомъ-то чаяніи лучшаго, многіе не засѣваютъ полей, пріискиваютъ покупателей на усадьбы, на скотъ, уцѣлѣвшій отъ голода и

отъ взысканія недоимокъ... Чтобы лучше дать понять силу этого народнаго движенія, мы передадимъ его словами оффиціальныхъ бумагъ.

Начавшіяся, такъ-называемыя «самовольныя», выселенія изъ Порѣчскаго уѣзда обратили на себя вниманіе мѣстнаго начальства: г. вице-губернаторъ, вмѣстѣ съ жандарскимъ полковникомъ, объѣздилъ весь уѣздъ и представилъ губернатору подробный отчетъ о своей поѣздкѣ. Эта оффиціальная бумага, вмѣстѣ съ рапортомъ по тому же предмету порѣчскаго исправника, была передана въ Смоленское губернское земское собраніе и обсуждалась въ засѣданіи собранія 7-го прошлаго іюля. Вотъ чтò говорятъ эти документы:

«Крестьяне, пишетъ г. вице-губернаторъ, задумавъ переселиться, начали распродавать свое имущество еще зимою и распродали оное постепенно; затѣмъ, съ согласія сельскихъ обществъ, брали годовые и полугодовые паспорты въ разныя губерніи для пріисканія заработокъ и уходили семьями... Первыя семейства начали уходить въ концѣ марта и въ апрѣлѣ сего года, но въ маломъ количествѣ; а усилилось движеніе въ концѣ іюня...» Порѣчскій же исправникъ доносилъ губернатору, что «движеніе это обнаруживается все болѣе и болѣе, и еслибы не противодѣйствующія мѣры, то дошло бы до громадныхъ размѣровъ...» Мѣры эти, сколько мы можемъ судить, состояли въ насильственномъ возвращеніи крестьянъ и въ водвореніи ихъ на прежнихъ мѣстахъ.

Еще съ зимы началась распродажа имущества, съ марта стали уже двигаться цѣлыя семьи, — и до іюля ни одной предупредительной мѣры, ни одного распоряженія о раскрытіи причинъ такого явленія! Чтò же дѣлали власти? Чтò дѣлали мировые посредники? Гдѣ «дѣятельная» смоленская земская управа? На всѣ эти и на десятки другихъ вопросовъ, рядомъ съ ними возникающихъ, отвѣтятъ впрочемъ слѣдующіе факты, которые мы сейчасъ передадимъ.

Правила о переселеніи, циркуляръ по этому поводу министра внутреннихъ дѣлъ, какъ свидѣтельствуютъ намъ тѣ же оффиціальныя бумаги, — были объявлены и разъяснены крестьянамъ еще прежде и совершенно ими усвоены; слѣдовательно, не ложное или злонамѣренное истолкованіе тѣхъ правилъ и циркуляра, какъ насъ въ этомъ не разъ стара-

лись увѣрять, было поводомъ къ народному движенію. Нѣтъ сомнѣнія, были случаи и неправильныхъ толкованій, но, кромѣ того, что источникъ подобныхъ неправильностей кроется большею частью не въ злоумышленныхъ искаженіяхъ текста, а въ общемъ настроеніи крестьянъ, мы никакъ не можемъ допустить, чтобы два-три неправильныхъ истолкователя могли увлечь цѣлые уѣзды, еслибъ они уже не были къ тому подготовлены. Чѣмъ же? Это мы узнаемъ изъ тѣхъ же оффиціальныхъ бумагъ, переданныхъ смоленскому земству.

Г. порѣчскій исправникъ, съ хладнокровіемъ искуснаго хирурга, вскрываетъ намъ отчасти тайну народнаго недуга:

«Вслѣдствіе затруднительнаго въ настоящемъ году положенія по продовольствію крестьянъ государственныхъ имуществъ ввѣреннаго мнѣ уѣзда, Верховской, Каспдинской, Лоинской и Иньковской волостей, крестьяне одиночки, обремененные семействами, распродали на покупку продовольствія скотъ и другое имущество; не удовлетворивъ же этимъ своихъ нуждъ по продовольствію, приступили къ распродажѣ засѣяннаго хлѣба, построекъ и всего остальнаго своего хозяйства, и подъ предлогомъ заработокъ забираютъ свои семейства съ цѣлью переселиться въ другія губерніи»..... «Безъисходное голодающее состояніе крестьянъ, пишетъ онъ далѣе, — поселило въ нихъ духъ отчаянія, недалекій до безпорядковъ, отстранить который только и возможно утоливъ ихъ голодъ»....

Съ содроганіемъ читаемъ эти строки и начинаемъ смутно понимать истинную причину выселеній... Но пойдемъ далѣе за оффиціальнымъ разсказомъ:

«Главною причиною этого движенія, пишетъ г. вице-губернаторъ, должно считать недостатокъ продовольствія, вслѣдствіе неурожая прошлаго года и въ особенности непринятія своевременно мѣръ къ обезпеченію продовольствія»..... Крестьяне Иньковской волости положительно объявили ему, что «семейства ихъ нуждаются въ дневномъ пропитаніи и что, не имѣя надежды на полученіе сѣмянъ для обсѣмененія озимыхъ полей, тѣмъ болѣе что часть урожая сего года истреблена

бывшимъ въ недавнемъ времени градомъ, они отправятся съ семействами искать заработковъ въ другія губерніи. На всѣ убѣжденія мои и г. полковника Соколова они продолжали повторять, что здѣсь семейства ихъ умрутъ съ голода, что ходоковъ посылать имъ не на что, что они лучше пойдутъ сами со всѣми семействами, и что если ихъ воротятъ съ дороги и подвергнутъ тюремному заключенію, то это все-таки будетъ лучше, чѣмъ умирать дома отъ голода, въ виду незасѣянныхъ полей».

«Безъисходное голодающее состояніе», недостатокъ дневнаго пропитанія», «лучше въ тюрьму, чѣмъ умирать дома отъ голода», — *«безъ надежды на полученіе сѣмянъ — для обсѣмененія полей»...* Вотъ онѣ, истинныя причины народнаго движенія: съ отчаянія, съ голода, при неимѣніи ни хлѣба, ни заработковъ, а главное—при обманутыхъ надеждахъ на содѣйствіе органовъ власти въ борьбѣ съ грозною бѣдой, убѣжишь въ степь, повѣришь Рифею, погонишься за самымъ невѣрнымъ призракомъ благодати! Не до соблюденія тутъ правилъ о переселеніи, установленныхъ петербургскимъ циркуляромъ: онъ приказываетъ заявить о желаніи, послать ходоковъ для осмотра и выбора земли, и потомъ ждать, терпѣливо ждать, долго ждать, пока испишутся всѣ отношенія, предписанія, рапорты и т. д. Но голодъ не тетка—говоритъ народная пословица — и не стать ему ждать конца многописанью; все уже распродано: скотъ, земля, одежда; ѣсть хотятъ и мать, и жена, и грудной ребенокъ, лишившійся материнскаго молока, — а тутъ еще несоразмѣрно высокія подати да повинности.... Помощи нѣтъ ниоткуда: «не приняты своевременно мѣры къ обезпеченію продовольствія», «крестьяне не имѣли надежды на полученіе сѣмянъ», канцелярскимъ слогомъ гласитъ оффиціальная бумага. Какъ это? — съ изумленіемъ спрашиваемъ мы: на Смоленскую губернію, не съ нынѣшняго, не со вчерашняго дня было обращено все должное вниманіе: коммиссія, подъ предсѣдательствомъ Государя Наслѣдника, дала ей обильную помощь; московскій отдѣлъ той коммиссіи пособилъ ей щедро и скоро; земству отпущенъ *милліонъ* рублей на производство дорожныхъ работъ съ единственною цѣлью—воспособленія нуждающимся крестьянамъ Смоленской

губерніи; смоленская губернская земская управа не разъ и не два печатно заявляла о своей дѣятельности—неусыпной, плодотворной и т. п. И при всемъ этомъ, голодаютъ не одинъ Петръ или Иванъ, не одна волость, а цѣлый уѣздъ,—не одинъ Порѣчскій уѣздъ, а и другіе: ибо и изъ Ельнинскаго, изъ Духовщинскаго, изъ Бѣльскаго уѣздовъ тѣ же вѣсти. И при всемъ этомъ не приняты заблаговременно мѣры къ обезпеченію продовольствія», крестьяне, въ виду голода, распродали не только имущество, но и поля.... А хлѣба взять негдѣ. Почему же негдѣ? Развѣ порѣчская земская управа не имѣла въ своемъ распоряженіи хлѣба или сѣмянъ, назначенныхъ для нуждающихся? На это оффиціальный документъ отвѣчаетъ намъ слѣдующее:

«Предсѣдатель порѣчской уѣздной земской управы, г. Тарновскій» (онъ же и мировой посредникъ 2-го участка того же уѣзда), пишетъ г. вице-губернаторъ, «объѣзжая волости въ мартѣ сего года, объявлялъ на волостныхъ сходахъ, что желающіе получить озимый хлѣбъ на продовольствіе своихъ семействъ могутъ получать таковой въ г. Порѣчьѣ съ платежемъ впередъ наличными деньгами за половину стоимости этого хлѣба и съ разсрочкою уплаты за вторую половину».

Крестьяне отказались получать хлѣбъ на такихъ тяжелыхъ условіяхъ и составили о томъ приговоры. Г. Тарновскій, уже въ *іюлѣ*, объявилъ г. вице-губернатору, что приговоры тѣ были составлены будто бы по непониманію крестьянами изъясненныхъ имъ условій полученія хлѣба, что «послѣ того, онъ, г. Тарновскій, объяснилъ имъ, что хлѣбъ можно получать въ ссуду, съ уплатою за оный въ три срока; но крестьяне положительно объявили, что имъ объ этомъ (со стороны г. Тарновскаго) заявлено не было».

А между тѣмъ «порѣчская земская управа», доноситъ г. исправникъ, «*не имѣетъ въ настоящее время хлѣба* и для удовлетворенія тѣхъ нуждающихся, о которыхъ уже было сдѣлано ею предложеніе ранѣе. Въ Порѣчьѣ можно пріобрѣсти въ настоящую пору покупкою не болѣе 100 четв. ржи»!!..

Что̀ же дѣлала, за чѣмъ смотрѣла губернская управа, въ распоряженіе которой было предоставлено довольно средствъ и правительствомъ и коммиссіей, состоявшею подъ предсѣ-

дательствомъ Государя Наслѣдника, для противоборства съ голодной нуждой всей Смоленской губерніи? Нѣтъ сомнѣнія, что, при правильныхъ и разумныхъ распоряженіяхъ, денегъ (включая сюда и милліонъ рублей на заработки) и присланнаго хлѣба было бы достаточно для недоведенія жителей до того ужаснаго состоянія, о которомъ свидѣтельствуютъ г. вице-губернаторъ и порѣчскій исправникъ, и для предупрежденія того повальнаго бѣгства изъ губерніи, которое деликатно называется переселеніемъ. Не будь тѣхъ странныхъ недоразумѣній, напримѣръ, которыя помѣшали г. Тарновскому въ теченіи всей зимы и весны ссудить крестьянъ хлѣбомъ, именно для ссуды предназначеннымъ, крестьяне конечно не стали бы съ отчаянія распродавать все имущество и бѣжать безъ оглядки куда-то «въ степь», «въ Самару».... Мы полагаемъ, что на губернской управѣ лежитъ, по крайней мѣрѣ нравственная, отвѣтственность за сообразное съ назначеніемъ расходованіе суммъ и хлѣба гг. предсѣдателями земскихъ управъ. Читатели прочтутъ въ нынѣшнемъ же №, въ областномъ отдѣлѣ, письмо изъ Боровичей о «невѣроятныхъ фактахъ», найденныхъ новгородскою губернскою управою въ отчетѣ г. предсѣдателя боровичской земской управы, вмѣстѣ съ недостаткомъ 9,000 рублей, вырученныхъ за продажу хлѣба (хлѣба для голодныхъ!) и въ уѣздное казначейство не внесенныхъ.... Хотя этотъ прискорбный случай также служитъ краснорѣчивымъ комментаріемъ проявившейся въ голодномъ народѣ страсти къ переселеніямъ,—однакоже здѣсь мы видимъ, по крайней мѣрѣ, что губернскою управою и боровичскимъ земскимъ собраніемъ приняты довольно энергическія и строгія мѣры къ предупрежденію послѣдствій обнаружившагося злоупотребленія.... Положимъ, что въ Порѣчскомъ уѣздѣ злоупотребленія не было,—мы даже увѣрены въ томъ,—но было такое недоразумѣніе, которое сказалось умноженіемъ бѣдствія цѣлаго уѣзда.... Мало того: положеніе крестьянъ вообще Смоленской губерніи въ данную минуту и ихъ повальное выселеніе, сдерживаемое лишь насильственными мѣрами власти, должны бы, кажется, вызвать въ земскомъ собраніи самое живое участіе.

Что̀ же сдѣлало земское собраніе по выслушаніи сообщенныхъ ему, вышеприведенныхъ нами, оффиціальныхъ бумагъ?

«По прочтеніи означеннаго отношенія (вице-губернатора), сказано въ постановленія 7-го іюля, гласный Н. А. Мельниковъ, указывая, что веденіе всего продовольственнаго дѣла сосредоточено въ рукахъ управы, которой должны быть извѣстны всѣ имѣющіеся способы и средства для оказанія пособія нуждающимся, и что засѣданіе настоящаго собранія совершенно случайно, предлагаетъ передать дѣло это на распоряженіе губернской управы. Собраніе, по обсужденіи всѣхъ обстоятельствъ, изложенныхъ въ полученныхъ отъ губернатора документахъ, единогласно принимаетъ предложеніе Н. А. Мельникова. Вмѣстѣ съ тѣмъ собраніе, по предложенію гласнаго А. А. Лярскаго, опредѣляетъ: поручить одному изъ членовъ губернской управы отправиться на мѣсто и сдѣлать, совмѣстно съ порѣчскою уѣздною управою, всѣ необходимыя распоряженія для оказанія немедленнаго пособія крайне нуждающимся жителямъ Порѣчскаго уѣзда».

И только! Все дѣло отдано въ руки тѣхъ же, кто перепортилъ его (напримѣръ порѣчская земская управа); собраніе зажмурило глаза на все, что сдѣлано, не спросило кѣмъ и почему такъ сдѣлано, не приняло никакихъ серьезныхъ мѣръ, не дало никакихъ новыхъ наставленій своей губернской управѣ, не предъявило ей никакихъ запросовъ, не потребовало отъ нея никакихъ отчетовъ,—а только поспѣшило снять съ себя отвѣтственность.... Но отвѣтственность въ чемъ? Въ охраненіи самыхъ существенныхъ народныхъ интересовъ, врученныхъ ему земствомъ; въ употребленіи денегъ, святыхъ денегъ, жертвованныхъ всею Россіей.... Такая отвѣтственность не снимается.... Удивительно ли, что при такихъ порядкахъ, при такомъ отношеніи къ дѣлу,— усиленныя дорогія затраты, дѣлаемыя съ цѣлію пособія, не достигаютъ цѣли и остаются непроизводительными?...

Что же и кто же, спросимъ опять въ заключеніе читателя, вызываетъ эти отчаянные крики: «въ Самару», на «Рифей»? *Лѣнь* ли, *распущенность*, о которой кричитъ «Вѣсть», или тѣ солдаты и дьячки-подстрекатели, на которыхъ указываютъ нѣкоторые администраторы?... Кто виноватъ?...

Просвѣщеніе есть ли благо или необходимое зло?

„Москва“, 5-го октября 1868 г.

Просвѣщеніе — есть ли благо или необходимое зло? Что за странный и даже пошлый вопросъ! скажутъ читатели. «Науки юношей питаютъ, отраду старцамъ подаютъ» — это даже въ каждой азбукѣ написано. Такъ. Употребленіе народомъ спиртныхъ напитковъ есть ли необходимое зло или благо? На это даже и отвѣчать никто не захочетъ: «пьянство — мать пороковъ», это извѣстно. Такъ. Однакожь эти вопросы не такъ пошлы, какъ кажется съ перваго раза, и освѣжать ихъ въ сознаніи не мѣшаетъ, — не только въ простомъ народѣ, но даже и въ образованныхъ общественныхъ и административныхъ сферахъ. Слѣдующій вопросъ вполнѣ пояснитъ нашу мысль: если просвѣщеніе благо, а пьянство зло, то чему надо болѣе содѣйствовать: просвѣщенію или пьянству? Противъ чего надо болѣе принимать стѣснительныхъ мѣръ: противъ просвѣщенія или пьянства? Чего надо больше желать: школъ, распространенія грамотности и чтенія книгъ, или же кабаковъ и пьянства съ его неминуемымъ спутникомъ — развратомъ?

Мы знаемъ, что на вопросы эти, въ такой ихъ постановкѣ, отвѣтъ несомнѣненъ: относительно просвѣщенія онъ положительнаго, а относительно пьянства онъ отрицательнаго свойства. Но это въ теоріи. Всегда ли такъ на практикѣ? Всегда ли вѣрна этой теоріи именно административная практика? — Нѣтъ, не всегда.

Потому ли это происходитъ, что въ глубинѣ души многіе изъ администраторовъ состоятъ къ просвѣщенію въ отрицательномъ отношеніи, только *терпятъ* его по необходимости, какъ *терпятъ* свободу слова, — даже не отдавая себѣ въ томъ яснаго отчета? Или же потому, что они, администраторы, сами не всегда вполнѣ вдумываются въ смыслъ и послѣдствія своихъ распоряженій, увлекаясь красотою порядка до забвенія о правахъ жизни? Первое безспорно имѣло мѣсто въ нашей администраціи лѣтъ за 14 тому назадъ; но въ настоящее время мы склонны предпо-

ложить послѣднее. Мы не сомнѣваемся, что наши администраторы привыкли теперь считать просвѣщеніе благомъ, а употребленіе спиртныхъ напитковъ зломъ, хотя бы и неизбѣжнымъ, и въ глубинѣ души своей ставятъ школу выше кабака. Но тѣмъ удивительнѣе и тѣмъ прискорбнѣе существованіе мѣръ, которыя въ результатѣ,—конечно противъ воли самихъ администраторовъ,—сводятся—на покровительство размноженію кабаковъ и на стѣсненіе размноженію школъ, на содѣйствіе распространенію пьянства и разврата, и на противодѣйствіе распространенію грамотности, чтенія и просвѣщенія.

На эти мысли навели насъ недавно два циркуляра. Министерство, издавшее ихъ, безъ малѣйшаго сомнѣнія признаетъ просвѣщеніе благомъ и не желаетъ полагать его водворенію въ Россіи никакихъ преградъ. Оно, разумѣется, убѣждено, такъ же какъ и мы, что народное просвѣщеніе, въ своемъ прогрессивномъ ходѣ, не можетъ идти «какъ по писанному», выражаясь языкомъ нашихъ сказокъ, — ровнымъ шагомъ, нога въ ногу, не сбиваясь иногда порою; что, однимъ словомъ, нѣкоторыя уклоненія съ пути, нѣкоторыя ошибки, подчасъ даже и употребленіе во зло дарованной свободы и льготъ — неизбѣжны, какъ во всякомъ общенародномъ и государственномъ дѣлѣ, но не могутъ и не должны подвергать нареканію самое дѣло. Министерство конечно и само знаетъ, что, ради указанія правильнаго пути, загромождать путь всевозможными заставами, перилами и барьерами, мѣшающими свободному движенію,—это значило бы насильственно выгонять людей на путь окольный, *кривой*,—болѣе долгій, но менѣе безпрепятственный. Все это конечно извѣстно и нашимъ министерствамъ, но тѣмъ не менѣе случается порою, что иное вѣдомство, считая духовное и умственное развитіе народа себѣ не подлежащимъ, принимаетъ, повидимому только въ предѣлахъ своей спеціальности, такую мѣру, которая отражается довольно вредно на общемъ ходѣ образованія. Такъ случилось, какъ намъ кажется, и съ тѣми распоряженіями Министерства внутреннихъ дѣлъ, о которыхъ рѣчь впереди. Предполагая, что Министерство, издавая циркуляры, преслѣдовало лишь неисполненіе установленной закономъ фор-

мальности и вовсе не имѣло въ виду — какимъ образомъ соблюденіе этой формальности отзовется въ общественной жизни,—мы увѣрены, что окажемъ лишь услугу Министерству, раскрывая ему возможныя послѣдствія его распоряженій.

Первый изъ этихъ циркуляровъ отъ 9-го іюля (мы прочли его въ 37 № «Гродненскихъ Губернскихъ Вѣдомостей»; въ «Сѣверной Почтѣ» онъ, кажется, напечатанъ не былъ) напоминаетъ губернаторамъ, что положеніемъ комитета министровъ 8 мая 1864 г. предоставлено этому Министерству разрѣшать открытіе ремесленныхъ и другихъ техническихъ училищъ; между тѣмъ въ разныхъ мѣстахъ учреждаются для обученія ремеслъ спеціальныя училища, самостоятельныя или въ видѣ отдѣленій при общеобразовательныхъ учебныхъ заведеніяхъ, на открытіе которыхъ Министерство не давало своего разрѣшенія, и потому подтверждается, чтобы на будущее время не допускалось учрежденіе подобныхъ училищъ безъ испрошенія надлежащаго разрѣшенія.

Чтò послужило поводомъ къ изданію приведеннаго положенія комитета министровъ, изъ текста его не видно; какія имѣлись уважительныя соображенія для сосредоточенія въ Министерствѣ внутреннихъ дѣлъ высшаго контроля надъ учрежденіемъ ремесленныхъ училищъ — также не извѣстно; но, повидимому, и въ настоящее время представляются факты, которые возбуждаютъ дѣятельность Министерства въ охраненіи предоставленнаго ему права. Сущность дѣла конечно не въ этомъ правѣ, а въ развитіи ремесленнаго образованія, и нельзя не усомниться, чтобы въ этомъ смыслѣ распоряженіе Министерства служило къ достиженію цѣли.

Въ виду совершеннаго недостатка у насъ ремесленнаго образованія, которое прежде поддерживалось отдачей помѣщиками въ выучку дѣтей дворовыхъ, — недостатка, столь живо чувствуемаго, что при первыхъ сужденіяхъ о народномъ образованіи многія земскія собранія признали необходимость озаботиться устройствомъ ремесленныхъ училищъ,— понятно, что мы должны быть благодарны Министерству внутреннихъ дѣлъ, что оно не распорядилось закрыть заведенныя доселѣ, безъ его разрѣшенія, ремесленныя училища. Но можетъ ли вышеприведенный циркуляръ, который, повиди-

мому, расширяетъ смыслъ первоначальнаго постановленія, облегчительно содѣйствовать учрежденію ремесленныхъ школъ? Еще можно допустить, особенно до изданія Положенія о начальныхъ народныхъ училищахъ, утвержденнаго 14 іюля 1864 г., подчиненіе особыхъ собственно ремесленныхъ училищъ, которыя какъ будто не подходили подъ задачу Министерства народнаго просвѣщенія, вѣдѣнію другаго министерства; иначе эти школы остались бы внѣ всякаго завѣдыванія, что̀ конечно несообразно съ нашимъ строемъ администраціи. Но, какъ видно, условія жизни указали другой исходъ для удовлетворенія потребности въ обученіи ремесламъ,—и при существующихъ учебныхъ заведеніяхъ устраиваютъ и ремесленныя отдѣленія. На будущее время переписка съ Министерствомъ внутреннихъ дѣлъ повидимому неизбѣжна даже въ томъ случаѣ, если ремесленное училище не самостоятельное, а заводится только въ видѣ обученія ремесламъ при существующемъ училищѣ вѣдомства Министерства народнаго просвѣщенія,—училищѣ, учрежденномъ на законномъ основаніи и находящемся подъ его надзоромъ въ учебномъ и нравственномъ отношеніяхъ. Трудно непосвященному постигнуть смыслъ такого стѣснительнаго условія. Возьмемъ, напримѣръ, уѣздное училище, существованіе котораго обязательно для каждаго города; всѣ предметы преподаются въ немъ людьми назначенными Министерствомъ народнаго просвѣщенія и завѣдывается оно смотрителемъ, которому правительство *довѣряетъ* умственное и нравственное воспитаніе дѣтей; но если проищется имъ возможность и найдутся средства обучать дѣтей какому-нибудь ремеслу, положимъ хоть переплетному, то для этого Министерство народнаго просвѣщенія, и учебный округъ, и дирекція училищъ, и смотритель—не компетентны,—они не смѣютъ допустить въ стѣны училища мастера, а должны вести объ этомъ переписку съ Министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, результатъ которой еще можетъ быть сомнителенъ. Не отобьетъ ли подобная необходимость сношенія съ постороннимъ министерствомъ, взгляды котораго могутъ мѣняться съ перемѣной личнаго состава, охоту заводить подобное отдѣльное обученіе ремесламъ? Кажется, Министерство народнаго просвѣщенія и его органы—лучшіе судьи: въ какой мѣрѣ будетъ и будетъ ли такое обу-

ченіе мѣшать успѣху остальнаго преподаванія, удобно ли для сего назначить, положимъ, послѣобѣденное время, и т. п.: другихъ соображеній которыми бы слѣдовало руководствоваться при учрежденіи такихъ ремесленныхъ отдѣленій, мы, по правдѣ сказать, не можемъ придумать.

Если ужъ непремѣнно нужно разрѣшеніе, то не совершенно ли достаточно имѣть его отъ попечителя округа, который чрезъ директора училищъ и училищные совѣты можетъ наблюдать за равномѣрностью занятій учебными предметами и ремеслами? Мы встрѣтили этотъ циркуляръ въ одной изъ губернскихъ газетъ Западнаго края, гдѣ во многихъ мѣстахъ не мало положено было стараній, заботъ и употреблено издержекъ на заведеніе именно обученія нѣкоторымъ ремесламъ при народныхъ и уѣздныхъ училищахъ. Кто знаетъ, какъ трудно возбудить желаніе заняться полезнымъ, но постороннимъ дѣломъ, какъ рѣдко встрѣчаются и средства и умѣнье, чтобы его подвинуть изъ области разговоровъ къ осуществленію, какъ нелегко пріискать надежныхъ людей, которымъ можно довѣрить ремесленное образованіе,— тотъ пойметъ, что всякое лишнее стѣсненіе, въ видѣ даже пустой формальности, можетъ отклонить охотниковъ отъ несомнѣнно полезнаго начинанія. Не будетъ ли пугать всякаго эта перспектива мытарствъ, которыя влечетъ за собою предположеніе завести ремесленную школу,—предположеніе повидимому столь опаснаго свойства, что только высшая инстанція въ Петербургѣ и даже посторонняго министерства— одна способна обсудить: дозволительно ли привести его въ исполненіе...

Не можемъ не выразить желанія, чтобы предметъ этотъ подвергся новому и тщательному обсужденію.

Другой циркуляръ (Главнаго Управленія по дѣламъ печати), напечатанный въ № 138 «Москвы,» относится до торговли при учебныхъ заведеніяхъ книгами, получаемыми ими на коммиссію. Министерство народнаго просвѣщенія, съ которымъ Министерство внутреннихъ дѣлъ сдѣлало сношеніе о замѣченномъ имъ несоблюденіи училищами правилъ закона о печати, запретило имъ вообще продажу книгъ, разрѣшивъ только продажу учащимся одобренныхъ учебниковъ.

Итакъ, пріобрѣтеніе книгъ въ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ книж-

ныхъ лавокъ (а ихъ не мало на обширномъ пространствѣ Россіи!), еще болѣе затруднено. Какой же къ такому распоряженію поводъ? Если могли быть какія-либо злоупотребленія одного лица, то всего бы проще подвергнуть его взысканію или ограниченію, не принимая общей мѣры по частному случаю,—мѣры, которая во всякомъ случаѣ должна тяжело отозваться на ходѣ нашего просвѣщенія. Пустѣйшія газетки, часто весьма сомнительнаго направленія, будутъ доходить въ разныя захолустья, а дѣльной книги достать будетъ не откуда! Но въ чемъ же состояли нарушенія закона о печати учебными заведепіями, продававшими книги присылаемыя имъ на коммиссію? Въ 25 и 26 ст. III отд. закона 6 апрѣля 1865 г. (на несоблюденіе коихъ ссылается циркуляръ) говорится о порядкѣ открытія книжныхъ магазиновъ и лавокъ; для сего требуется, какъ видно изъ сдѣланной въ 25-й ст. ссылки, чтобы лицо, желающее открыть продажу, получило на то дозволеніе отъ начальника губерніи и затѣмъ, въ силу 26 ст., заявило въ его канцеляріи, гдѣ именно будетъ находиться заведеніе и кого считать отвѣтственнымъ лицомъ. Замѣтимъ, что содержаніе книжныхъ магазиновъ по существующему положенію о пошлинахъ (ст. 4 п. 3) причислено къ торговымъ дѣйствіямъ, производимымъ безъ платежа пошлинъ.

Изъ этого кажется видно, что если лица учебнаго вѣдомства, находящіяся подъ его постояннымъ контролемъ, полагали, что они, какъ пользующіяся довѣріемъ правительства въ воспитаніи юношества, могли безъ особаго дозволенія, завѣдомо для всѣхъ, распродавать обращающіяся въ продажѣ книги, выписываемыя ими на коммиссію, то проступокъ этотъ легко было исправить; согласнѣе было бы съ общимъ стремленіемъ къ просвѣщенію указать имъ на соблюденіе изложенной формальности, если она необходима. Мы говоримъ— формальности, потому что существеннаго значенія дозволеніе губернатора не могло имѣть для лицъ облеченныхъ довѣріемъ Министерства въ воспитаніи дѣтей. Понятно еще было бы обусловить подобную продажу постановленіями педагогическихъ совѣтовъ (которые могли бы и дѣлать разумный выборъ самихъ книгъ, допускаемыхъ въ обращеніи чрезъ посредство учебныхъ заведеній) или требованіемъ опублико-

ванія отчета объ ихъ дѣйствіяхъ. Между тѣмъ нынѣ запрещена учебными заведеніями продажа чего бы то ни было кромѣ одобренныхъ *учебниковъ*; учрежденія, воспитывающія юношество, не настолько повидимому надежны, чтобы имъ довѣрить распространеніе книгъ между посторонними лицами, которыя однако, при большихъ издержкахъ, все-таки могутъ ихъ пріобрѣтать. Доброе начинаніе рушилось по несоблюденію формальности, которая, имѣя значеніе лишь для частнаго лица, едвали можетъ быть основательно примѣнена къ учрежденію правительственному, спеціально назначенному для дѣла образованія. Поводы къ распоряженію Министерства народнаго просвѣщенія намъ не извѣстны, но нельзя не сожалѣть, что оно выбрало именно путь стѣсненія для избѣжанія на будущее время замѣчаній Министерства внутреннихъ дѣлъ; сообразнѣе было бы съ его назначеніемъ изысканіе способовъ къ облегченію учебнымъ заведеніямъ добровольно принимаемаго ими на себя дѣла, во многихъ отношеніяхъ чрезвычайно позезнаго. Самый законъ 6 апрѣля изданъ для дарованія отечественной печати возможныхъ облегченій и удобствъ, и развитіе указанныхъ въ немъ началъ было бы конечно желательно. А между тѣмъ одно изъ средствъ для удобствъ печати, которое законодатель не могъ предвидѣть, но на которое навела живая потребность, нынѣ уничтожено...

По поводу 20-й годовщины 19 февраля 1861 г.

«Русь», 20-го февраля 1881 г.

Святой, незабвенный въ народной памяти день отпраздновалъ свою двадцатилѣтнюю годовщину. Двадцать лѣтъ наросло тому великому и величавому событію не только русской, но и всемірной исторіи, которое окрещено простыми словами: «19 февраля 1861 года». Истинно благодатной радости, по праву, сподобился отъ Бога Виновникъ освобожденія: увидѣть воочію цѣлое новое племя вольныхъ людей,

цѣлое поколѣніе новыхъ слугъ себѣ, землѣ и государству, рожденныхъ уже свободными, отъ раскрѣпощеннаго имъ народа!

Двадцать лѣтъ!.... Давно ли кажется привѣтствовали мы, еще впередъ за три года, наступленіе этого желаннаго дня такими стихами:

День встаетъ багрянъ и пышенъ,
Долгой ночи скрылась тѣнь,
Новой жизни трепетъ слышенъ,
Чѣмъ-то вѣщимъ смотритъ день!
Съ сонныхъ вѣждъ стряхнувъ дремоту,
Бодрой свѣжести полна,
Вышла, съ Богомъ, на работу
Пробужденная страна!
Такъ торжественно-прекрасно
Блещетъ утро на землѣ;
На душѣ свѣтло и ясно
И не помнится о злѣ,
О минувшихъ дняхъ страданья,
О потратѣ добрыхъ силъ
Въ скорбныхъ мукахъ ожиданья,
Въ безвременности могилъ!
Пусть почіютъ мирно гробы
Тщетно ждавшихъ столько лѣтъ!
Память имъ! но въ сердцѣ злобы,
Ни вражды, ни мести нѣтъ!
Все проститъ онъ безъ разсчета,
Устоявшій въ дни тревогъ,
Онъ—чей духъ годины гнета
Перебылъ и перемогъ!
Слышишь: новому онъ лѣту
Пѣсню радости поетъ:
Благо всѣмъ ведущимъ къ свѣту,
Братьямъ съ братьевъ снявшимъ гнетъ!
Людямъ миръ, благословенье,
Долгихъ мукъ исчезнетъ слѣдъ—
Дню вчерашнему—забвенье,
Дню грядущему—привѣтъ!

И Русскій народъ вполнѣ, вполнѣ оправдалъ выраженныя въ этихъ стихахъ чаянія. Ни вражды, ни злобы, ни мести

не оказалось въ его сердцѣ. *Дню вчерашнему* искренно произнесено имъ и дѣйствительно наступило *забвенье* — наступило не для народа только, но и для всѣхъ насъ, для всего общества. Въ самомъ дѣлѣ, не болѣе двадцати лѣтъ прошло со дня уничтоженія крѣпостнаго права, а уже нужно нѣкоторое усиліе памяти даже для современниковъ той поры, чтобы возобновить въ своей мысли и чувствѣ, чтобы возстановить въ своемъ воображеніи всю казавшуюся тогда (хотя бы отвлечено и осуждаемую) *естественность*, *нормальность* тѣхъ нравственныхъ и житейскихъ привычекъ и отношеній, той бытовой обстановки, той *ежедневности* тогдашней, того истинно чудовищнаго общественнаго строя, который стоялъ, повидимому, такъ незыблемо твердо, по ту сторону 19 февраля 1861 г., еще на самомъ канунѣ многознаменательнаго дня. Переворотъ, совершившійся въ русской землѣ и положившій начало новой для нея исторической эрѣ, былъ глубже, полнѣе, радикальнѣе какихъ бы то ни было переворотовъ уже потому, что совершился столько же внѣшнимъ, сколько и внутреннимъ образомъ, столько же въ жизни, сколько и въ *сознаніи*, отшибъ самую память о быломъ. Даже французская революція конца XVIII вѣка, преобразившая не одну Францію, но и весь міръ, не упразднила и до сихъ поръ во Франціи легитимизма и легитимистовъ съ ихъ мечтаніями о возстановленіи бурбонской монархіи. Реформа же 19 февраля совершилась безповоротно: крѣпостниковъ, т. е. людей, способныхъ мечтать о возстановленіи рабовладѣльчества, въ Россіи нѣтъ,—не было уже и на другой день по изданіи манифеста. А теперь уже подросли новыя поколѣнія дѣлателей въ жизни бытовой и гражданской. Двадцатилѣтнія дѣти бывшихъ рабовладѣльцевъ уже совсѣмъ чужды позорныхъ преданій и привычекъ крѣпостнаго права; двадцатилѣтнія дѣти бывшихъ рабовъ—это уже первая передняя дружина людей незнавшихъ рабства отъ колыбели.

Да, будто въ глубь дальнихъ временъ ушло отъ насъ наше недавнее прошлое. Такъ давно и такъ недавно! Давно по отношенію къ личному сознанію живущихъ; недавно, очень еще недавно, съ точки зрѣнія исторіи. Что̀ такое двадцатилѣтіе для историческаго масштаба времени! Жизнь личныхъ единицъ и жизнь народовъ мѣряются разными мѣрилами.

Ликвидація прошлаго, совершающаяся въ личномъ сознаніи, разумѣется обгоняетъ, не можетъ не обогнать медленный процессъ ликвидаціи самого быта. Онъ и долженъ быть медленъ, потому что онъ не только разоряетъ двухвѣковой общественный строй, но и сводитъ ему счеты. Онъ долженъ расплатиться вполнѣ, до конца, до «послѣдняго кодрана» по евангельскому выраженію. Онъ не только разрушаетъ, но и созидаетъ; это не просто отмѣна или упраздненіе существующаго, но и перерожденіе. Это одновременный историческій процессъ и ликвидаціи, и формаціи вмѣстѣ. Вотъ что̀ мы постоянно упускаемъ изъ виду при критической оцѣнкѣ текущаго времени. Намъ безпрестанно кажется, что всѣ уже счеты съ прошлымъ покончены; но за уплатою нами однихъ долговъ, исторія предъявляетъ на насъ новые иски по другимъ долгамъ—старымъ, давнимъ, такъ вѣтрено нами забытымъ! Не лучше ли, не дожидаясь взысканій, стараться предупредить ихъ, самимъ порыться въ собственной памяти, въ архивѣ исторіи, въ живомъ хранилищѣ историческаго духа, которое есть народъ,—и тамъ изведать объемъ и свойство нашего неуплаченнаго, но едвали неоплатнаго долга?

Если крестьяне, скажутъ намъ можетъ-быть нѣкоторые, пропѣли 19 февраля 1861 г., на радостяхъ, «забвеніе дню вчерашнему», то «день грядущій» не оправдалъ ихъ привѣта: они обманулись въ своихъ надеждахъ и упованіяхъ... «Утро» дѣйствительно было «торжественно-прекрасно», и «на душѣ ясно и свѣтло», а потомъ?... Что̀ же потомъ? Всегда за утромъ, еще предшествующимъ труду, за этими первыми чудными мгновеніями возобладавшаго надъ тьмою свѣта, возбуждающими такой радостный трепетъ въ душѣ человѣческой, всегда настаетъ трудовой рабочій день, который лучше, свѣтлѣе, но и мудренѣе утра и требуетъ отъ человѣка къ своему дѣлу приложенія всей его рабочей силы. Такъ и за утромъ 19 февраля настал для насъ рабочій, мудреный, долгій *историческій день*. Не будемъ только лѣнивы и малодушны въ работѣ...

«Русь» уже довольно часто и пространно разъясняла значеніе «реформы», ея своеобразный, русскій національный характеръ, возвращающій Россію на ея исконный историческій путь. Манифестомъ 19 февраля окончательно заверши-

лась историческая формація *главы угла* нашего государственнаго и земскаго зданія: образовалось могучее, крѣпкое, организованное крестьянское сословіе, — крестьянское, свыше 45 милліоновъ душъ, на своей землѣ сидящее, самоуправляющееся общество. Это наша основа, о ней стоитъ, живетъ и сильна Россія,—это точка отправленія для всякаго нашего дальнѣйшаго общественнаго развитія и движенія. Стало до очевидности, до осязаемости яснымъ, что все либеральное европейничанье временъ дореформенныхъ было лишено всякой исторической реальной почвы и всякаго смысла, когда единое было на потребу—установить и утвердить самую основу нашего бытія. Можно ли, въ виду совершившагося освобожденія крестьянъ, въ виду того драгоцѣннаго достоянія, котораго не имѣетъ ни одна страна въ мірѣ и которое заключается для насъ въ крестьянскомъ сословіи, въ крестьянской организаціи, подумать безъ ужаса — что̀ сталось бы съ Россіей, еслибъ историческій инстинктъ нашей земли не спасъ ее отъ успѣха мнимо-либеральныхъ, въ сущности тираннческихъ для ея свободы затѣй, соблазнявшихъ нашу «интеллигенцію» вплоть до самой эманципаціи?..

Ну, а послѣ эманципаціи развѣ не то же? Развѣ освобожденіе крестьянъ—изолированный фактъ, послѣ котораго можно «на прежнее возвратиться»? Развѣ оно не есть повелительный указатель того пути, которымъ должна отнынѣ идти Россія? Повелительный и грозный, восколько сила десятковъ милліоновъ новыхъ гражданъ, крѣпкихъ исторіи, преданіямъ, народности, является истинной силой... Не больше ли, чѣмъ когда либо, слѣдуетъ считаться съ этою силою?... Едва изданъ былъ манифестъ 19 февраля, какъ пронеслось по всей нашей странѣ старое слово «земля и земство». Это было внушеніемъ того же историческаго инстинкта. Земская стихія—это наша родная стихія,—внѣ ея нѣтъ отнынѣ никакого бытія для Россіи. Положеніе 1864 г., сочиненное бюрократическимъ способомъ, не оправдало, конечно, ожиданій Россіи,—но служитъ косвеннымъ признаніемъ со стороны самой власти, что русское государство безъ русской земли не мыслимо.

Но какъ русская земля не мыслима безъ полнаго тождества съ собою самой, безъ вѣрности историческому, на-

родному духу, такъ и земство и земскія учрежденія только тогда могутъ стать истиннымъ выраженіемъ земской стихіи, когда они освободятся отъ примѣси всѣхъ чуждыхъ имъ бюрократическихъ формъ и *европейскаго* либеральничанья въ въ лицѣ интеллигентныхъ своихъ дѣятелей. Повторяемъ снова: не сверху, а снизу должны мы ожидать себѣ того оздоровленія, въ которомъ такъ нуждаются наши верхніе общественные слои. Необходима такая организація земства, которая бы устранила для Россіи и русской власти опасность самозваннаго представительства русской земли, опасность лже-народа въ лицѣ русской не по-русски мыслящей интеллигенціи, а могла бы служить выраженіемъ истинной народной, истинной земской мысли. Объ этой организаціи, на которой мы настаивали съ 1 № «Руси», мы скоро вновь подробно побесѣдуемъ съ нашими читателями, тѣмъ болѣе что толки объ этой организаціи уже перестали быть празднымъ дѣломъ. Всѣ наши земства заняты въ настоящую пору этой работой. Теперь же заключимъ снова напоминаніемъ: наше спасеніе, наше исцѣленіе, наша крѣпость и слава, наша свобода—лишь въ искреннемъ единеніи мысли и сердца съ народомъ. Не рознить съ народомъ, идти вмѣстѣ съ нимъ хотя-бы и впереди его—вотъ завѣтъ, котораго должна держаться русская интеллигенція, и безъ соблюденія котораго она роковымъ образомъ осуждена на безвыходное, гибельное блужданіе...

По поводу вызова свѣдущихъ людей для обсужденія питейнаго вопроса.

„Русь", 29-го августа 1881 г.

Порадуется безъ сомнѣнія вся Россія, и прежде всего сами крестьяне, оффиціально объявленному рѣшенію правительства принять наконецъ дѣйствительныя мѣры для «противодѣйствія неумѣренному употребленію вина» или по просту пьянству,—этому лютому злу, совсѣмъ одолѣвшему нашу землю. Порадуется вдвойнѣ, потому что правительство вмѣстѣ съ тѣмъ возвѣщаетъ и о своемъ благомъ намѣреніи посовѣтоваться по этому дѣлу напередъ съ *людьми свѣдущими*, именно: вызвать во второй половинѣ сентября бо-

лѣе 20 лицъ изъ разныхъ губерній для сообщенія мѣстныхъ свѣдѣній и для предварительнаго обсужденія того, выработаннаго уже проекта, который предполагается внести въ Государственный Совѣтъ нынѣшнею же осенью. Мольбы народа наконецъ услышаны. Было бы истинно желательно, чтобъ въ число приглашенныхъ попало нѣсколько изъ разряда лицъ наиболѣе въ предстоящемъ дѣлѣ свѣдущихъ и наиболѣе заинтересованныхъ, именно нѣсколько (хоть бы также десятка два изъ разныхъ мѣстностей Россіи) толковыхъ, умныхъ крестьянъ, въ родѣ, напримѣръ, того волостнаго старшины Угодичьской волости, Ростовскаго уѣзда, Ярославской губерніи, Кострова, объ административныхъ дарованіяхъ котораго и объ успѣшной его борьбѣ съ пьянствомъ разсказываетъ нашъ извѣстный экономистъ, В. П. Безобразовъ, въ 40 № «Руси». Такой способъ разрѣшенія самаго жгучаго для народа вопроса (т. е. приглашеніемъ въ числѣ «свѣдущихъ» и крестьянъ) по всей вѣроятности обезпечилъ бы болѣе надежнымъ образомъ *дѣйствительное* исполненіе будущаго закона о питейной торговлѣ со стороны самого нашего населенія: Государева забота о благѣ народномъ, Государева воля, выразившаяся законодательнымъ актомъ, ограждающимъ народную нравственность, пустили бы тогда — не черезъ сложное, многостепенное бюрократическое только нисхожденіе сверху до-земи, а непосредственно, — глубокіе корни въ народное сознаніе, стали бы добрымъ, руководящимъ для народа преданіемъ. Въ нашей газетѣ былъ помѣщенъ въ разное время цѣлый рядъ крестьянскихъ приговоровъ сельскихъ и волостныхъ, уполномочивающихъ ходатайствовать у правительства о сокращеніи числа кабаковъ — «чтобы были не ближе 15 верстъ одинъ отъ другаго», — приговоровъ не *поддѣльныхъ*, а *настоящихъ*, въ искренности, въ подлинности которыхъ мы имѣли возможность удостовѣриться лично. Были у насъ и еще приговоры, излагающіе ту же мысль о сокращеніи числа кабаковъ, — но не были напечатаны нами только потому, что написаны они слишкомъ правильнымъ языкомъ, очевидно приходскимъ священникомъ или учителемъ, и потому могли бы быть заподозрѣны, хоть вѣроятно и несправедливо, въ поддѣлкѣ. Въ виду такого прямаго заявленія самихъ крестьянъ, въ

которомъ такъ чистосердечно высказывается простое желаніе стать *«подальше отъ соблазна»*, совершенно непонятною становится агитація нѣкоторыхъ газетъ въ защиту «свободы» кабацкаго промысла и противъ законодательнаго сокращенія числа этихъ почтенныхъ заведеній. Спѣшимъ оговориться, чтобъ не подпасть обвиненію въ клеветѣ, что онѣ, т. е. газеты, при этомъ нисколько не выражаютъ сочувствія народному пьянству, даже негодуютъ на этотъ порокъ, — но потому ли, что иниціатива такого рода борьбы съ пьянствомъ идетъ не отъ нихъ, а отъ самого народа и вызвала сочувствіе «Московскихъ Вѣдомостей», или потому, что въ ихъ кодексѣ, скопированномъ съ кодекса заграничныхъ новѣйшихъ передовыхъ теоретиковъ и доктринеровъ, наряду съ вопросами аграрнымъ, рабочимъ и т. д., не стоитъ вопроса о пьянствѣ и не преподано готоваго разрѣшенія, — почему бы то ни было, но нѣкоторая часть такъ-называемой либеральной печати вкупѣ съ либеральною бюрократіей возстаетъ противъ вышеупомянутой, предлагаемой самими крестьянами мѣры... Возраженія свойства разнаго. «Вы хотите,—говорятъ одни,—отнять у народа его единственную утѣху, когда сами наслаждаетесь пѣніемъ Аделины Патти! Дайте ему напередъ театръ, дайте ему своихъ Патти, доставьте ему возвышающія душу развлеченія, и тогда кабакъ рушится самъ собою», и т. д. Такова, исполненная повидимому самаго нѣжнаго *соболѣзнованія* къ несчастному народу, лишаемому кабака безъ немедленной замѣны онаго сельскими Аделинами Патти, патетическая рѣчь нѣкоторыхъ противниковъ сокращенія. Выходитъ, что соболѣзнованіе къ крестьянамъ мѣшаетъ этимъ господамъ согласиться на то, о чемъ молятъ сами крестьяне; выходитъ, что *сокращеніе* кабаковъ какъ будто служитъ помѣхою для повсемѣстнаго по селамъ возникновенія театровъ, а не служитъ, наоборотъ, наилучшимъ средствомъ къ возбужденію въ народѣ потребностей болѣе нравственнаго порядка, теперь заглушаемыхъ водкой. Газета «Порядокъ» съ своей стороны также осуждаетъ эту мѣру, т. е. сокращеніе числа кабаковъ и размѣщеніе ихъ на 15-тиверстномъ другъ отъ друга разстояніи, — и также изъ соболѣзнованія къ крестьянамъ: она предвидитъ развитіе шин-

карства, т. е. воспрещенной тайной продажи вина по домамъ, которую, конечно, станутъ строго преслѣдовать, и заранѣе оплакиваетъ будущія жертвы будущихъ преступленій, вызванныхъ къ жизни сокращеніемъ кабаковъ!... При этомъ она разсуждаетъ, что безъ подъема народнаго образованія и экономическаго благосостоянія пьянство *искоренить* совсѣмъ невозможно. Разсужденіе несомнѣнно основательное, но выводъ выходитъ все-таки одинъ: въ ожиданіи пока «книга станетъ доступною большинству народа» и «экономическое положеніе его поправится», оставить кабаки рости и множиться, а народу въ просимой имъ отъ правительства помощи для борьбы съ кабакомъ-искусителемъ отказать, примѣняя къ потребленію вина принципъ невмѣшательства или laissez faire laissez aller.

Да кабакъ-то главнымъ образомъ и вытѣсняетъ книгу и вредитъ экономическому благосостоянію! Зло по преимуществу въ кабакѣ, съ его кабацкою опьяняющею атмосферой, кабацкою компаніей, кабацкимъ кредитомъ, съ хозяиномъ-кабатчикомъ, готовымъ принять отъ пьяницы въ закладъ все, до послѣдней его рубахи. Гдѣ кабакъ, тамъ развращается все населеніе, развращаются и дѣти, пріучащіяся съ малыхъ лѣтъ быть свидѣтелями грязныхъ, отвратительныхъ сценъ кабацкаго разгула. Даже потаенная продажа не такъ вредна, какъ кабакъ, потому именно, что производится тайно, слѣдовательно, въ большинствѣ случаевъ, не можетъ допустить въ самомъ мѣстѣ продажи ни большихъ сборищъ, ни явныхъ безчинствъ, ни даже закладовъ имущества или платья, такъ какъ при этомъ слишкомъ легко бы обнаружилось незаконное занятіе продавца. Можно даже предполагать, что при отдаленности кабака почти каждый крестьянскій домъ станетъ запасаться виномъ впередъ, для собственнаго употребленія, такъ что и въ шинкарствѣ не будетъ особенной надобности,—но это употребленіе будетъ уже другаго характера, чѣмъ кабацкое пьянство. Мы вовсе не думаемъ, чтобы *одно* сокращеніе числа кабаковъ вполнѣ искоренило зло, пожирающее сильнѣе всѣхъ другихъ золъ крестьянское благосостояніе; мы стоимъ зу эту мѣру прежде всего потому, что на нее указываютъ сами крестьяне; затѣмъ потому, что и сами признаемъ ее существенно полезною, такъ какъ кабакъ, по нашему мнѣнію и по мнѣнію крестьянъ, самъ по

себѣ «душевреденъ»; но нисколько не утверждаемъ, будто спасеніе заключается только въ одной этой мѣрѣ и никакія другія не нужны. Хотите убѣдиться въ пользѣ безкабачья, сравните только двѣ деревни или два села въ близкомъ другъ отъ друга разстояніи, изъ которыхъ въ одномъ—кабакъ, а въ другомъ нѣтъ, и вы подивитесь различію крестьянъ не только въ благосостояніи, но и въ нравахъ. Въ безкабачномъ селѣ крестьяне, сравнительно, чище, порядливѣе, трудолюбивѣе вѣжливѣе, и самое хозяйство идетъ успѣшнѣе, чѣмъ въ первомъ,—хотя и въ безкабачномъ селѣ въ большіе, особенно храмовые праздники, благодаря заранѣе запасенному вину, происходитъ иногда трехдневное, повальное безобразное пьянство. Его не устранитъ, конечно, никакая отдаленность кабака, но такая попойка праздниками и кончается; это не то, что̀ ежедневное развращеніе, что̀ кабацкое завсегдатайство, и поглощеніе кабакомъ всякаго досужаго часа и досужей копѣйки!

Крестьяне въ своихъ приговорахъ, изъ которыхъ многіе были нами напечатаны въ подлинникѣ, сами сознаются въ непохвальной своей податливости соблазну и умоляютъ только объ одномъ: чтобъ убавили и разрѣдили количество искусителей. Намъ привелось однажды, совершенно случайно, при проѣздѣ чрезъ одно большое село, попасть на волостной сходъ: выбирали волостныхъ судей. Домикъ волостнаго правленія и напротивъ него кабакъ, между домикомъ и кабакомъ, въ которомъ раздавались крики и пѣсни, значительно подпившій народъ; волостной старшина, стоя на крыльцѣ правленія, выкликивалъ на улицу кабацкихъ гостей, которые нехотя выходили одинъ за другимъ. «Что̀ вы тутъ дѣлаете?» спросили мы одного мужика.—«Да вотъ, батюшка, самъ видишь: *пьяные пьяныхъ въ правые судьи выбираемъ»!* — На нѣсколько энергическихъ, приличныхъ случаю, замѣчаній, мы получили отъ стоявшихъ тутъ кучкою мужиковъ такой отвѣтъ: «Скверно, ужъ на что̀ хуже! Сами видимъ, да ничего не подѣлаешь: *ослабли!...* Вишь онъ торчитъ тутъ, проклятый», прибавили они, указывая на кабакъ.

Да, ослабли! Народъ это чувствуетъ, сознаетъ самъ, тяготится самъ своимъ развращеніемъ, страстно желаетъ изъ

него выйти и ищетъ себѣ опоры извнѣ, молитъ, чтобъ сама высшая власть протянула ему руку помощи. Неужели же мы ее оттолкнемъ?.. Не къ лицу намъ глумиться надъ этимъ смиреннымъ сознаніемъ народа въ собственномъ нравственномъ слабосиліи... Дивиться надо, какъ сохранилъ онъ въ себѣ столько человѣчности, — которою даже превосходитъ низшіе народные классы въ другихъ, болѣе «культурныхъ» странахъ, что даже въ паденіи своемъ не утрачиваетъ понятій о высшемъ человѣческомъ достоинствѣ, ни стремленій къ высшему христіанскому совершенству. Тысячу лѣтъ росъ онъ какъ трава, — никто о немъ не заботился, никто его не наставлялъ, не училъ: соблюла въ немъ душу и человѣка только православная вѣра, только сознаніе своей неразрывной духовной связи съ церковью; единственнымъ учителемъ былъ только храмъ Божій, несмотря даже на небрежное, по большей части, богослуженіе. Двѣсти лѣтъ держали его мы, помѣщики, въ своей крѣпости, и выпустили на волю, по крайней мѣрѣ огромное большинство изъ насъ, такимъ же, какимъ взяли, не воспитавъ, не научивъ его ни чему, ни грамотѣ, ни даже улучшенной системѣ хозяйства и обработки земли! А затѣмъ, когда онъ выпущенъ былъ на волю,—какъ же распорядились мы—уже какъ общество, какъ интеллигенція, руководящая и правящая?

Въ Сѣверныхъ Штатахъ Америки, въ виду предстоявшей эмансипаціи Негровъ, заранѣе, предупредительно озаботились устройствомъ для нихъ десятковъ тысячъ школъ, почти или совсѣмъ даровыхъ, для того, чтобы тотчасъ же по освобожденіи уловить все, еще способное учиться негритянское поколѣніе въ школы и такимъ образомъ нравственно подготовить ихъ къ восприятію свободы, къ пользованію своими новыми правами. У насъ же распорядились иначе: бывшимъ крѣпостнымъ преподнесли одновременно два охмѣляющихъ кубка: воли и—*дешевки!* Дешевкой прозвалъ народъ вино или водку, упавшую, съ уничтоженіемъ откуповъ, до небывало низкой цѣны. Слѣдуетъ только изумляться, какъ при такой одновременности, при такомъ подставленномъ народу искушеніи, освобожденіе совершилось почти повсемѣстно тихо и мирно, хотя и съ невыгодными нравственными послѣдствіями для крестьянъ. Мы не раздѣляемъ

мнѣнія тѣхъ, которые видятъ въ этомъ подсунутомъ освобождаемому народу соблазнѣ—какой-то злой *разсчитанный* умыселъ, внушенный чуть ли не самимъ польскимъ ржондомъ. Мы полагаемъ, что все это произошло отъ двухъ причинъ: вопервыхъ, отъ легкомысленнаго, безразборчиваго, чуждаго критики, наивнаго увлеченія нашего всякаго рода «либерализмомъ» и поверхностнаго знанія народной жизни: уничтоженіе всѣмъ омерзѣвшаго откупа стало дѣйствительно неизбѣжнымъ, введеніе же акцизной системы представлялось «прогрессомъ», а о конечномъ практическомъ результатѣ, объ усиленіи народнаго пьянства и разореніи чрезъ то народнаго хозяйства, никто въ теоретическомъ увлеченіи надъ этою мыслью серьезно не останавливался. Да и некогда было: все спѣшило и торопилось. Другая причина заключалась въ томъ, что въ ту пору прогрессивныхъ вѣяній и реформъ всякое министерство гнуло и погоняло, что есть мочи, реформы своего вѣдомства,—*само-по-себѣ*, отдѣльно, не соображаясь ни съ общимъ ходомъ дѣлъ, ни съ частными прогрессивными дѣйствіями другихъ вѣдомствъ. Такъ, напримѣръ, уже *въ виду* предпринятаго уничтоженія крѣпостной зависимости и предстоявшаго критическаго положенія помѣщичьихъ хозяйствъ, Министерство финансовъ признало какъ разъ благовременнымъ уничтожить существовавшій издавна дешевый и популярный поземельный кредитъ въ такъ-называемыхъ Опекунскихъ Совѣтахъ, не замѣнивъ его никакимъ новымъ кредитомъ, когда онъ именно дозарѣза былъ нуженъ. Самый злой врагъ не могъ бы посовѣтовать болѣе вредной мѣры, а между тѣмъ министръ финансовъ былъ вполнѣ достойный человѣкъ, исполненный искренняго патріотическаго духа и лучшихъ намѣреній. Но Министерство финансовъ дѣйствовало само-по-себѣ, Министерство внутреннихъ дѣлъ—также само-по-себѣ, военное Министерство опять особая статья...

Но относительно потребленія народомъ вина дѣйствительно принимались иногда мѣры не одного легкомысленнаго свойства. Незадолго до введенія акцизной системы, въ западномъ краѣ Россіи стали возникать, по примѣру Англіи и Америки, такъ-называемыя «общества трезвости». Повѣтріе перешло и въ центральную Россію, гдѣ приняло своеобразную форму:

крестьяне міромъ составляли приговоры: «вина не пить» и давали другъ другу зарокъ, большею частью на опредѣленное время,—на годъ, на два. Сельское духовенство,—надобно сказать правду,—охотно поддерживало мужиковъ въ такомъ настроеніи и по желанію ихъ скрѣпляло договоры. Составило приговоръ одно село,—сосѣднему не отставать же, и воздержаніе отъ вина стало повальнымъ. Министръ финансовъ, обязанный соблюдать интересы казны, слѣдовательно и интересы откупщиковъ, перетревожился: что если и въ самомъ дѣлѣ народъ станетъ трезвымъ?! Для предупрежденія этой опасности онъ отнесся къ оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода, указывая на участіе духовенства въ такой беззаконной, противу пьянства, агитаціи. Оберъ-прокуроръ передалъ отношеніе министра на усмотрѣніе Синода,—Синодъ съ своей стороны, не высказывая личнаго мнѣнія, разослалъ это отношеніе епархіальнымъ архіереямъ—къ свѣдѣнію и соображенію. Послѣдніе были поставлены въ странное положеніе: съ одной стороны, они безъ сомнѣнія—пастыри, даже архипастыри, и въ этомъ званіи должны бы даже благословить паству на такую борьбу съ порокомъ; съ другой, они же вѣдь и сановники государства, даже по преимуществу сановники, такъ-сказать генералы отъ церкви, а потому и интересы фиска должны быть имъ не чужды и даже близки. Не знаемъ, какъ въ другихъ епархіяхъ, но въ Московской представитель высшей епархіальной власти написалъ на указѣ Синода, излагавшемъ сообщеніе министра, резолюцію такого содержанія: «Церковь восхваляетъ всякое воздержаніе отъ порока, въ томъ числѣ и отъ пьянства, благословляетъ всякое стремленіе человѣческое къ нравственному совершенству; но только то цѣнно въ ея глазахъ и угодно Господу, что является дѣломъ личнаго убѣжденія и искренняго свободнаго произволенія. Такого свободнаго личнаго произволенія нѣтъ тамъ, гдѣ, какъ въ настоящемъ случаѣ, воздержаніе отъ вина налагается на все общество велѣніемъ міра, вынуждается общественными приговорами, а потому, разославъ сіе по всѣмъ епархіальнымъ церквамъ, воспретить священникамъ принимать какое-либо участіе въ подобныхъ сельскихъ рѣшеніяхъ и приговорахъ, и *содѣйствовать* онымъ какимъ бы то ни было образомъ...» Мы передаемъ по памяти содержаніе этой хитроум-

ной резолюціи, передаемъ *вполнѣ точно;* къ сожалѣнію, мы не можемъ вспомнить всѣхъ выраженій подлиннаго текста, написаннаго съ замѣчательнымъ мастерствомъ. Мы тогда же достали себѣ копію съ указа и съ резолюціи; она хранятся въ нашихъ бумагахъ, но отыскивать ее теперь мы не имѣемъ времени. Само-собой разумѣется, что пересланная къ сельскимъ священникамъ и переведенная на простой житейскій языкъ резолюція гласила такъ: «начальство не довольно, пусть все остается, т. е. пусть пьянствуютъ *по старому;* рѣшеніе общества въ дѣлѣ нравственной стороны общежитія—для членовъ его не должно быть обязательно...»

Такъ вотъ какая поддержка оказывалась доселѣ сверху народному усилію—высвободиться изъ сѣтей соблазна, сверху же ему разставленныхъ!

Къ лицу ли намъ бросать укоры въ лицо народу за пьянство? Не пора ли наконецъ перестать развращать его всею мощью нашего государственнаго аппарата, утверждая на народномъ развращеніи главный центръ тягости нашего государственнаго бюджета? Вѣдь главнымъ плательщикомъ того акцизнаго виннаго налога, который составляетъ самую крупную статью государственнаго дохода, все тотъ же народъ! Если признано наконецъ благовременнымъ понизить выкупные платежи, если предположено отмѣнить подушную подать, то не важнѣе ли еще убавить *подать кабацкую*, превышающую и подушную, и оброчную вмѣстѣ? Убѣдиться въ этомъ не трудно, разложивъ сумму акцизнаго дохода на число плательщиковъ этихъ послѣднихъ двухъ податей: такое расчисленіе будетъ не далеко отъ истины.

Народъ и въ этомъ, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ, проситъ правительство не примѣнять къ нему либеральной доктрины laissez faire, laissez aller, а оказать ему содѣйствіе прямымъ правительственнымъ вмѣшательствомъ къ устраненію соблазновъ, именно въ данномъ случаѣ—къ сокращенію кабаковъ. На этотъ разъ, можно вѣрить, не втунѣ будетъ его моленіе.

Кстати о кабакѣ: напоминаемъ нашимъ читателямъ статью въ 15 № «Руси» г. Перелешена о томъ, что кабакъ, гдѣ-бы онъ ни былъ, слѣдовало бы замѣнить «стойкою» или «выставкой», гдѣ питья продаются только *на вынось*, гдѣ, по

крайней мѣрѣ, нѣтъ помѣщенія для сборной, компанейской распивки. Кажется, мысль эта заслуживаетъ вниманія: пусть обсудятъ ее практики.

Еще одно замѣчаніе: намъ неоднократно писали, да кажется и нѣкоторыя земства пришли къ тому же убѣжденію, что содержателей уѣздныхъ кабаковъ и трактировъ съ продажею питей необходимо лишить права избираться въ гласные и участвовать въ волостныхъ и земскихъ собраніяхъ. Мы вполнѣ присоединяемся къ этому мнѣнію.

По поводу Высочайшаго именнаго указа 10 сентября 1881 г.

«Русь», 19-го сентября 1881 г.

Тяжелое, грустное впечатлѣніе производитъ Высочайшій именной указъ 10 сентября, напомнившій намъ то, что̀ мы, общество, такъ склонны забыть (и что̀ бы такъ хотѣлось забыть!), но чего забывать не слѣдуетъ или еще слишкомъ рано,—тѣ ужасы, которыми не далѣе какъ шесть мѣсяцевъ назадъ, и въ теченіи двухъ предшествовавшихъ лѣтъ, содрогалась Россія, — тотъ позоръ, которымъ она покрылась въ глазахъ всего міра,—тотъ страшный внутренній недугъ, который—всѣ мы это знаемъ — еще не искорененъ, еще продолжаетъ гнѣздиться въ нашемъ общественномъ организмѣ. Это тяжелое чувство слышится и въ словахъ самого Высочайшаго указа». «*Незыблемость основныхъ началъ великихъ преобразованій минувшаго царствованія*, а равно правильное и спокойное дѣйствіе учрежденій, *на твердомъ основаніи общихъ законовъ установленныхъ*, составляютъ наиболѣе прочный залогъ благоденствія и преуспѣянія дорогаго нашего отечества», вотъ что̀ исповѣдуетъ торжественно и во всеуслышаніе верховная власть, но—прибавляетъ она— «Мы не могли однакоже не признать, что прискорбныя событія и смута въ государствѣ вызываютъ *печальную*» (по истинѣ печальную!) «необходимость допустить *на время* чрезвычайныя мѣры *преходящаго свойства*, для водворенія полнаго спокойствія», и пр. Безъ сомнѣнія вся Россія пойметъ, какъ не легко должно быть для новаго, молодаго царствованія, въ его пер-

вой, такъ-сказать весенней порѣ, издавать подобное «изъятіе изъ общихъ законовъ»; но кто же по совѣсти станетъ отрицать не только право, но и непреложную, хотя и тягостную обязанность для верховной власти установлять «въ исключительныхъ обстоятельствахъ настоящаго времени» и мѣры также «исключительнаго» характера? Кто отважится утверждать, что «исключительныя обстоятельства» совсѣмъ для насъ миновали? Да сохранитъ Богъ Россію отъ новыхъ бѣдствій, но рѣдкій изъ насъ не трепещетъ подчасъ втайнѣ при одной мысли о возможности возобновленія тѣхъ «преступныхъ посягательствъ», о которыхъ напоминаетъ указъ... Повинуясь *печальной*, *преходящей* необходимости, верховная власть, какъ гласитъ указъ, обратила «вниманіе и на то, чтобъ эти *временныя* исключительныя мѣры соотвѣтствовали дѣйствительной потребности охраненія порядка и *не подвергали излишнему отягощенію законные интересы* вѣрнаго Престолу населенія, несомнѣнно искренно желающаго содѣйствовать сохраненію спокойствія и порядка». Поэтому всѣ изданныя доселѣ для борьбы съ «исключительными обстоятельствами», узаконенія подвергнуты пересмотру, съ цѣлью составить особое «Положеніе о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія», въ которомъ «были бы указаны съ большею чѣмъ нынѣ точностью, съ одной стороны, предѣлы полномочій административныхъ начальствъ при чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, а съ другой—сущность обязанностей возлагаемыхъ на населеніе исключительными обстоятельствами государственной жизни».

Составленное на этихъ основаніяхъ Положеніе и обнародовано теперь правительствомъ. Оно устанавливаетъ два вида *охраны:* «усиленной» и «чрезвычайной». Послѣдняя, слава Богу, нигдѣ нынѣ не вводится, а *поземельный*, такъ сказать, *объемъ* охраны «усиленной» (существовавшей и прежде, только подъ другимъ названіемъ) значительно противъ прежняго сокращенъ. Такъ извѣстно, что исключительныя полномочія Московскаго генералъ-губернатора простирались на Тульскую, Смоленскую и на многія другія губерніи, а теперь ограничены одною Московскою; въ Харьковскомъ генералъ-губернаторствѣ отъ усиленной охраны освобождены Курская, Орловская и Воронежская губерніи; въ Одесскомъ—Екате-

ринославская и часть Таврической. Права, предоставляемыя мѣстной администраціи даже при «усиленной», не «чрезвычайной» охранѣ, все-таки чрезвычайны, но едвали превышаютъ тѣ, которыми пользовалась администрація и въ прежнее время для таковой же «борьбы съ крамолой»: напротивъ, вводятся нѣкоторыя правила, нѣсколько ограждающія частныхъ людей отъ чрезмѣрнаго административнаго произвола. Такъ арестъ частнаго лица можетъ быть допущенъ только на опредѣленный *срокъ* (двѣ недѣли или мѣсяцъ), причемъ немедленно о всякомъ арестѣ, произведенномъ административною или полицейскою властью сообщается прокурору съ подробнымъ разъясненіемъ основаній такой мѣры. Административная высылка можетъ совершиться не иначе, какъ по обсужденіи поводовъ къ высылкѣ въ особомъ совѣщаніи, составленномъ изъ двухъ членовъ Министерства юстиціи и двухъ Министерства внутреннихъ дѣлъ, подъ предсѣдательствомъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ, и съ утвержденія самого министра. Съ прочими подробностями Положенія читатели могутъ ознакомиться и сами, такъ-какъ оно воспроизводится нами вполнѣ во «Внутреннемъ Обозрѣніи».

Итакъ, мы вмѣстѣ съ правительствомъ признаемъ «печальную», еще продолжающуюся необходимость *преходящихъ* исключительныхъ административныхъ мѣръ въ нашемъ отечествѣ, для обезпеченія тишины и спокойствія; но другой вопросъ—*въ какой мѣрѣ* достигается эта благая цѣль издаваемымъ нынѣ Положеніемъ. Мы не считаемъ себя достаточно компетентнымъ судьею въ этомъ дѣлѣ; здѣсь необходимъ извѣстный запасъ именно полицейско-административной опытности. Но мы знаемъ однако же одно, что полномочія администраціи, даже превышавшія тѣ, которыя устанавливаются нынѣ для «усиленной» охраны, не только не предупредили событія 1 марта, но и дали преблагополучно, въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, совершиться одному изъ самыхъ трудныхъ и сильныхъ подкоповъ на одной изъ самыхъ людныхъ улицъ Петербурга, именно на Малой Садовой: если взрывъ, грозившій опасностью цѣлому десятку тысячъ людей, *не* былъ произведенъ, то лишь по причинамъ—отъ административной охраны не зависѣвшимъ! Послѣдняя ничего не предупредила и ничему не помѣшала.

Поэтому невольно приходишь къ заключенію, что если полиція будетъ такъ же искусна и прозорлива, какъ она была до сихъ поръ, то новая регламентація, или даже новый придатокъ административныхъ правъ и полномочій самъ по себѣ не придастъ ей ни ума, ни умѣнья. И наоборотъ: будь полиція у насъ тѣмъ, чѣмъ бы ей слѣдовало быть, будь она, какъ говорится, «на высотѣ своего призванія», не было бы можетъ-быть и особенной надобности въ подобномъ усиленіи средствъ административной охраны. Сочетанье же чрезвычайныхъ полномочій администраціи съ неумѣлой полиціей легко можетъ привести къ напрасному отягощенію жителей, неокупаемому никакимъ удачнымъ результатомъ въ борьбѣ съ крамолой.

Борьба съ крамолой! Само собой разумѣется, что борьба съ «горстью тайныхъ злоумышленниковъ», о которыхъ упоминаетъ Высочайшій указъ, иною и не можетъ быть какъ полицейскою. Ихъ надобно переловить, какъ дикихъ звѣрей; слѣдуетъ надѣяться, что скоро и во всемъ мірѣ не найдется имъ почетнаго пристанища, и что ореолъ *политическаго злодѣя* не станетъ долѣе охранять неприкосновенность убійцы и поджигателя. Но этимъ не исчерпывается борьба съ самою крамолой или, точнѣе сказать, съ духомъ крамолы. Нельзя же не видѣть, что эта горсть не рѣдѣетъ, и убылыя въ ней мѣста немедленно наполняются новобранцами. Стало-быть, есть контингентъ, изъ котораго вербуются эти новобранцы, стало - быть, есть постепенность послѣдовательнаго превращенія мирнаго, добронравнаго юноши въ отчаяннаго тайнаго злоумышленника, неистоваго, кровожаднаго, выпорожнившаго въ себѣ сердце и душу. Вѣдь не вдругъ же онъ сдѣлался такимъ! И вотъ, этотъ контингентъ узнать и изслѣдовать эти фазисы постепеннаго духовнаго превращенія или паденія наблюсти и изучить, — вотъ что̀ было бы въ высшей степени важно, а для борьбы собственно съ духомъ крамолы представляется условіемъ самымъ существеннымъ и едвали не единственнымъ. Мы уже въ самомъ началѣ изданія «Руси», по поводу нѣкоторыхъ политическихъ судопроизводствъ, толковали о томъ, что въ дѣлахъ, гдѣ является на сцену дѣйствіе не просто личной злой воли, но злой воли совокупной, представляющей собою общее нравственно-

теоретическое направленіе или опредѣленный политическій образъ мыслей, однимъ словомъ тамъ, гдѣ обнаруживаются симптомы общественнаго недуга, духовной эпидеміи, недостаточно однихъ внѣшнихъ пріемовъ и результатовъ формально-юридическаго процесса, имѣющаго одну лишь задачу: утвердить или отвергнуть фактъ преступленія. Для правительства и для общества не столько имѣетъ значенія казнь таковаго преступника, сколько изслѣдованіе самаго недуга похищающаго столько жертвъ,—а для этого необходимо прослѣдить біографію обвиняемаго, уловить тѣ причины и условія, которыя совратили его на преступный путь. Ибо только вооружась подобнымъ знаніемъ, можемъ мы изыскать средства для борьбы съ болѣзнью, для предотвращенія гибели многихъ, еще заразой нетронутыхъ. Само собою разумѣется, что такого рода работа одному правительству не по силамъ; она по самому свойству своему требуетъ содѣйствія общественнаго, къ которому ничто бы конечно и не мѣшало правительству обратиться. Самые корни недуга, восколько они духовнаго свойства и упираются въ господство разныхъ лжеученій, ускользаютъ изъ-подъ правительственной компетенціи, изъ сферы его дѣйствія и вліянія: правительство, разумѣется, не можетъ, напримѣръ, заставить ни любить Бога, ни вѣрить въ безсмертную душу! Здѣсь возможна лишь дѣятельность общественнаго свойства. Тѣмъ не менѣе и тутъ найдется не мало *внѣшнихъ* условій общественнаго строя, отъ правительства болѣе или менѣе зависимыхъ, которыя въ то же время состоятъ и въ прямой или косвенной связи съ явленіемъ самаго недуга.

Возьмемъ, напримѣръ, нашу школу. Не сельскую школу, о которой у насъ стали недавно снова говорить, какъ о какомъ-то «жгучемъ» вопросѣ, не терпящемъ отлагательства. Великое дѣло—народная школа, но къ нему надо относиться благочестиво. Оно можетъ послужить столько же ко благу, сколько и ко вреду, смотря именно по тому, относятся ли къ нему серьезно или легкомысленно, служитъ ли оно орудіемъ христіанскаго просвѣщенія или только наружной, поверхностной, растлѣвающей цивилизаціи. Послѣднее едва ли не преобладаетъ. Типомъ для ревнителей такого народнаго образованія можетъ быть указанъ хоть-бы нѣкій фельето-

нистъ, подвизавшійся когда-то въ «Молвѣ» и теперь гдѣ-то въ журнальныхъ низинахъ проповѣдующій, — который, презирая «сѣрый зипунъ и лапти», умиляется прогрессу въ видѣ пиджака на мужикѣ и *экоссезовъ*, танцуемыхъ бабами; для него несомнѣнно отраднѣе внимать пѣнію пятнадцатилѣтнихъ крестьянскихъ дѣвчонокъ (что мы сами слышали подъ Москвой): «папироска, другъ мой тайный» (это-де «прогрессъ»!), чѣмъ пѣсни: «внизъ по матушкѣ, по Волгѣ»... На вкусъ указчика нѣтъ, и виды цивилизаціи бываютъ различные; но отъ такого фельетониста-ревнителя, напримѣръ, да упасетъ Господь Богъ наше народное училище. Сельская школа—не «жгучій вопросъ», а органическая народная потребность, несомнѣнно подлежащая удовлетворенію, но именно въ мѣру потребности, въ согласіи съ высшимъ нравственнымъ запросомъ народа.... Мы счастливы, что, начиная съ настоящаго №, будемъ помѣщать въ нашей газетѣ цѣлый послѣдовательный рядъ «Замѣтокъ о сельской школѣ», высокообразованнаго педагога, посвятившаго себя теперь всецѣло сельскому учительству, бывшаго профессора Московскаго университета. С. А. Рачинскаго. Но не о народномъ образованіи наша настоящая рѣчь. Сельская школа, какъ и самый народъ, не имѣетъ ничего общаго съ областью такъ-называемой «крамолы», ни прямыхъ, ни косвенныхъ отношеній.

Иное дѣло наша *не*-сельская школа. Контингентъ поставляющій юныхъ новобранцевъ въ ряды нигилистовъ, а потомъ въ злоумышленниковъ, проходитъ весь черезъ школу, что несомнѣнно указываетъ если не на положительное, то на отрицательное ея значеніе, именно на ея педагогическое безсиліе. Но мы оставимъ въ сторонѣ ея внутренній строй, и укажемъ мимоходомъ лишь на ея внѣшнее, такъ-сказать *соціальное* значеніе.

Въ томъ-то и дѣло, что наша школа не просто проводникъ образованія, но созданный государствомъ, съ государственною цѣлью, снарядъ для *соціальнаго* превращенія цѣлой массы населенія, для формаціи цѣлаго новаго *общественнаго* слоя. Этотъ снарядъ дѣйствуетъ уже лѣтъ полтораста. Нуждаясь въ образованныхъ *служилыхъ* людяхъ, въ контингентѣ для гражданской своей арміи, правительство искусственно отрывало отъ сельской или земской почвы, отъ сословныхъ профессій, людей всѣхъ

званій и состояній и тащило ихъ вверхъ, къ высшему образованію—приманкою чиновъ, казенныхъ должностей, привилегированнаго положенія. Все, что такимъ образомъ изъ народа, изъ среды мѣщанъ и купцовъ прежняго времени переваливало чрезъ казенную школу, никогда не возвращалось къ отцовской профессіи, а облекалось въ нѣмецкое платье и обращалось въ чиновниковъ,—въ «господъ» по отношенію къ народу,—высшимъ идеаломъ которыхъ было стать *бариномъ* на крѣпостномъ правѣ. Что учебный дипломъ, что наука и талантъ уравнивали такимъ образомъ всѣ сословія, приравнивали всѣхъ къ дворянамъ, — этимъ истиннымъ *равенствомъ* Россія можетъ лишь хвалиться предъ всѣми старыми государствами Европы. Въ самомъ дѣлѣ, какъ ни искусственно было у насъ насажденіе образованія, оно, удовлетворяя государственной потребности, призвало къ жизни вмѣстѣ съ тѣмъ множество дарованій, уничтожило сословныя перегородки, распространило знаніе и просвѣщеніе, хотя, надо сказать, придало русской наукѣ характеръ слишкомъ *казенный* и школьный. Это одна сторона дѣла. Если взглянуть съ другой стороны, то увидимъ, что такой толчокъ, данный цѣлой массѣ населенія, такое устремленіе всѣхъ *вверхъ*, подрывая въ корень родовое аристократическое начало, въ то же время создавали, и не могли наконецъ не создать, своего рода *привилегированное*, относительно настоящей земщины, сословіе, по преимуществу городское,—нѣчто, пожалуй, въ родѣ буржуазіи или средняго сословія на Западѣ, съ тою разницею, что у насъ это среднее сословіе имѣетъ своимъ базисомъ государственную *службу* и *табель о рангахъ*. Къ этой табели, дѣлившей россійское общество на 14 ранговъ, была пригнана и наша школа. Вопросъ не въ томъ, правильно или неправильно поступило въ свое время правительство, вызвавъ такое форсированное движеніе вверхъ, къ высшему образованію. Такова, повторяемъ, была государственная потребность. Вопросъ въ томъ, продолжается ли эта потребность и въ наше время? Есть ли необходимость упорствовать въ дальнѣйшемъ *искусственномъ* созиданіи *привилегированнаго* класса людей, класса «господъ», соціальнаго особаго слоя съ школьнымъ дипломомъ? Нужды государственныя удовлетворены (количественно) свыше мѣ-

ры, и если что̀ поражаетъ теперь взоръ наблюдателя, такъ это масса «лишнихъ людей»,—такъ-называемаго умственнаго пролетаріата — безъ службы, безъ мѣста, безъ занятій и средствъ къ жизни. Ибо теперь и дворянство—та верхушка, куда все тянулось и гдѣ осѣдало—не болѣе какъ «звукъ пустой»: дворяне безъ права душевладѣльчества, т. е. безъ даровой рабочей силы, безъ оборотнаго капитала и привилегій—своего рода *изгои*, о которыхъ говоритъ Святославовъ Изборникъ. А между тѣмъ правительство еще усиленнѣе чѣмъ когда-либо подгоняетъ населеніе къ высшему образованію, снабдивъ послѣднее новою, сильною льготою, именно по воинской повинности. У насъ наплывъ студентовъ въ университетахъ достигъ въ послѣднее время такого размѣра, что сдѣлалъ почти невозможнымъ преподаваніе, особенно въ медицинскихъ факультетахъ, и вызвалъ, какъ напримѣръ въ Москвѣ, мѣру непріятнаго свойства: ограниченіе пріема, назначеніе опредѣленной численной нормы студентовъ. Захлопывать двери предъ собравшейся толпой всегда неудобно, всегда производитъ впечатлѣніе раздражающаго характера: лучше было бы предупредить самый сборъ. Уничтожьте чины и льготы по воинской повинности, даруемыя университетомъ и гимназіями, и вы изумитесь, до какой степени самъ собою сократится наплывъ учащихся! Убудутъ всѣ тѣ, которые добиваются высшаго образованія только ради тщеславія, ради «общественнаго положенія» и — главное — ради облегченія воинской повинности,—а не попавъ въ разрядъ «господъ», они удовольствуются можетъ-быть болѣе скромною и свойственною имъ долею работниковъ и тружениковъ—въ промыслахъ, въ торговлѣ, въ сельскомъ хозяйствѣ и въ иныхъ профессіяхъ...

Эта масса «лишнихъ людей» и всякаго рода «изгоевъ», которая плодится теперь неправильною постановкою школьнаго дѣла,—едва ли не одна и составляетъ главный контингентъ революціоннаго нигилизма. Что̀ имъ дѣлать? Куда дѣваться? Хотя въ модныхъ романахъ, въ ораторскихъ рѣчахъ, въ драмахъ Шпажинскаго и прославляются, преимущественно бѣлоручками, «честныя мозольныя руки» и вообще физическій трудъ, однакожъ никто изъ побывавшихъ въ университетѣ, какъ бы ни прославлялъ мозоли на рукахъ, никогда

не согласится мозолить свои руки (развѣ лишь временно для пропаганды между рабочими), не возьмется даже за истинно честный трудъ пахаря, еслибъ даже ему и предложили даровой земельный надѣлъ. Оставаясь «неудовлетвореннымъ», онъ предпочитаетъ «переустроивать государство и общество»..

То-же видимъ и въ женскомъ воспитаніи. При недостаткѣ женскихъ учебныхъ заведеній средняго разряда, въ женскія гимназіи устремляется масса дѣвицъ, которыхъ гимназическій курсъ совершенно отрываетъ отъ семейнаго быта и обращаетъ въ своего рода «лишнихъ». Дочь башмачницы или портнихи, попавъ вслѣдствіе упомянутаго недостатка въ гимназію, пренебрегаетъ честнымъ трудомъ матери, никогда не возвращается къ ея профессіи, а становится «барышней» и норовитъ жить «литературнымъ трудомъ» или «учительствомъ», часто не имѣя къ тому *никакого* призванія. Сколько таковыхъ бѣдствуетъ въ настоящее время! А попробуйте предложить имъ заняться ручнымъ ремесломъ,—онѣ только обидятся, хотя то же произносятъ восторженно общія мѣста о «честныхъ мозоляхъ». О тѣхъ, которыя одарены призваніемъ и талантомъ, и рѣчи нѣтъ. Да мы вообще и не думаемъ *запирать* двери учебнаго заведенія для кого бы то ни было: сохрани Богъ! пусть двери остаются открытыми, но пусть будетъ устраненъ тотъ порядокъ вещей, который частію насильственно, частію искусственно, всякими соблазнами и приманками, сдвигаетъ людей, вовсе къ тому по своимъ дарованіямъ не призванныхъ, съ ихъ прирожденной общественной основы и, перерождая ихъ въ «господъ» и «барышенъ», образуетъ изъ нихъ цѣлый общественный слой—умственнаго пролетаріата, людей «лишнихъ», «изгоевъ»,—надѣляемыхъ въ школѣ высшими вожделѣніями и всяческими аспираціями, которыя конечно не обрѣтаютъ себѣ потомъ въ жизни никакого удовлетворенія и устремляютъ ихъ въ революціонный нигилизмъ: своего рода карьера и арена честолюбивой дѣятельности!

Вотъ вопросъ, на который, при борьбѣ съ «духомъ крамолы», необходимо обратить вниманіе, который достоинъ общественнаго изслѣдованія, который мы здѣсь только вкратцѣ намѣтили и къ которому еще не разъ возвратимся

Еще о совѣщаніи со свѣдущими людьми по питейному вопросу.

„Русь“, 10-го октября 1881 г.

Труды нашихъ «свѣдущихъ людей»,собранныхъ въ Петербургѣ, благодаря газетнымъ сообщеніямъ изъ «совѣщательной залы», продолжаютъ сильно занимать наше общество и подвергаться критикѣ, если иногда повидимому и основательной, то во всякомъ случаѣ, думается намъ, нѣсколько преждевременной. Какъ извѣстно, общее «совѣщаніе», рѣшая вопросы въ принципѣ, передаетъ ихъ для редакціи и разработки въ особую коммиссію,—но кто же не знаетъ, что такая разработка есть въ сущности повѣрка—притомъ самая дѣйствительная—принятыхъ общихъ положеній и нерѣдко приводитъ къ обличенію ихъ несостоятельности, къ необходимости радикальной ихъ перемѣны? Такимъ образомъ, впредь до исполненія, редакціонною коммиссіей ея работы и до разсмотрѣнія послѣдней въ общемъ собраніи свѣдущихъ или «думныхъ» людей, какъ назвала ихъ одна газета, другими словами, до изложенія проекта въ окончательной формѣ, мы не имѣемъ еще права признавать такое или иное, извѣстное намъ теперь предположеніе большинства совѣщающихся — безусловно принятымъ и установленнымъ. Мы съ своей стороны не можемъ не пожалѣть, что высказанное въ самомъ началѣ предложеніе князя Щербатова о необходимости предварительныхъ соглашеній на счетъ общаго значенія и основныхъ началъ предстоявшей экспертамъ задачи было отклонено и собраніе, по совѣту одного изъ членовъ, предпочло прямо пуститься въ лабиринтъ подробностей, держась, какъ за путеводную нить, за проектъ, выработанный особою коммиссіей при Министерствѣ финансовъ. Но этотъ проектъ, какъ мы выразились въ прошлый разъ, представляетъ по нашему мнѣнію только сводъ полумѣръ, неловкихъ попытокъ найти внѣшній, формальный компромиссъ между фискальною и нравственною стороною задачи, и отличается преизобиліемъ вниманія къ частностямъ, къ отдѣлкѣ деталей, въ ущербъ основной задачѣ, основной потребности *данной* минуты.

Эта-то основная потребность какъ будто теряется, тонетъ,

кажется намъ, въ обиліи тѣхъ частностей и подробностей, преніямъ о которыхъ отдаются теперь, вслѣдствіе принятой ими системы совѣщаній, наши «свѣдущіе люди». Нельзя не сѣтовать, что въ числѣ ихъ такъ мало представителей отъ крестьянъ. Вотъ чей голосъ въ настоящемъ дѣлѣ имѣетъ *первенствующее* значеніе, несравненно большее значеніе, чѣмъ мнѣнія людей, знакомыхъ съ питейнымъ дѣломъ лишь издали, разсуждающихъ о немъ лишь теоретически, никогда можетъ-быть въ жизни ни въ кабакъ, ни въ сельскій трактиръ и не заглядывавшихъ.

Для крестьянъ, а не для кого другаго, существуютъ кабаки; ихъ по преимуществу они разоряютъ и губятъ; черезъ ихъ пьянство подрывается экономическій бытъ Россіи: отъ нихъ же несется и вопль противъ существующей, узаконенной системы народнаго спаиванья,— вопль, выразившійся въ сотняхъ общественныхъ приговоровъ и прошеній, побудившій и самое правительство заняться пересмотромъ питейныхъ законовъ. Мы очень рады, что «Сельскому Вѣстнику» пришла счастливая мысль вызвать изъ того круга читателей, гдѣ онъ обращается, заявленія въ редакцію по вопросу о народномъ пьянствѣ. Въ теченіи десяти дней газета получила девятнадцать писемъ отъ крестьянъ разныхъ губерній, которыя и напечатаны въ 5 и 6 №№.- Всѣ они отличаются строгостью. рѣшительностью предлагаемыхъ ими мѣръ противу *соблазна*, преслѣдующаго крестьянство на каждомъ шагу во образѣ кабака,—такою строгостью. что проектируемыя въ Петербургѣ правила едвали оправдаютъ народныя ожиданія, едва-ли не покажутся полумѣрами. Нѣтъ сомнѣнія, что вопросъ объ искорененіи пьянства въ народѣ принадлежитъ, вообще, къ числу такихъ вопросовъ, которыхъ не только 32 эксперта, но и 320 и 32,000 экспертовъ никогда никакимъ внѣшнимъ *закономъ* не разрѣшатъ окончательно и удовлетворительно, ибо онъ древенъ какъ міръ и нераздѣльно связанъ съ общимъ вопросомъ о человѣческой нравственности: стало-быть, и въ настоящую минуту правительство не можетъ имѣть притязанія разрѣшить его ни «принципіально,» ни «детально», въ формѣ совершенной и безупречной, и на вѣки вѣчные. Но задача не въ этомъ. Задача въ томъ, чтобы устранить тѣ причины *современнаго* усугубленія зла, которыя кро-

ются въ существующихъ законоположеніяхъ и порядкахъ, и отвѣтить нравственной потребности народа въ *данную* пору, поддержать народъ въ его настоящемъ нравственномъ стремленіи избавиться отъ лишняго соблазна. Въ другихъ странахъ, если не ошибаемся, протестъ противъ пьянства всегда исходилъ изъ среды болѣе или менѣе образованнаго общества, изъ верхнихъ общественныхъ слоевъ, отъ филантроповъ, отъ духовенства, но не изъ самихъ простонародныхъ массъ, такъ что правительственныя мѣропріятія противъ пьянства какъ-бы навязывались массамъ сверху, насильственно, наперекоръ ихъ желанію. Мы же въ Россіи поставлены въ условія несравненно болѣе счастливыя, и никакая строгость относительно пьянства не будетъ народомъ принята непріязненно, а напротивъ—съ благодарностью и благословеніемъ.

Отчего же не послѣдовать «гласу народному» въ данномъ случаѣ,—отчего не принять сразу мѣръ строгихъ и рѣшительныхъ, указываемыхъ, выпрашиваемыхъ самимъ народомъ? Можетъ-быть народный инстинктъ признаетъ такія мѣры именно нужными народу для *настоящей* минуты, для совершенія нѣкотораго нравственнаго перелома въ его быту... Да и почему же не предполагать, что черезъ десять или болѣе лѣтъ, съ постепеннымъ преобразованіемъ его бытовыхъ и многихъ иныхъ жизненныхъ, общественныхъ условій, представится въ будущемъ возможность допустить и другія, менѣе суровыя основанія для закона о питейной торговлѣ?

Отсутствіе настоящихъ *экспертовъ*, практиковъ питейнаго дѣла, невольно чувствуется въ средѣ коммиссіи, совѣщающейся въ Петербургѣ. Между ними нѣтъ ни одного изъ бывшихъ откупщиковъ, въ родѣ напримѣръ В. А Кокорева, отлично знакомыхъ съ *механикой* питейной торговли въ средѣ простонародья. Можетъ-быть поэтому и кажется многимъ, что коммиссія стоитъ пока болѣе на теоретической, чѣмъ практической почвѣ. Не слѣдуетъ также, кажется намъ, упускать изъ виду разнообразіе бытовыхъ и экономическихъ условій Россіи: иное дѣло—Малороссія, юго-западный и сѣверо-западный край, иное дѣло Россія средняя, иное — сѣверная, восточная, степная. хлѣбопашественная, промышленная, заводская. Едвали было бы умѣстно, поэтому, навязывать одинъ общій типъ питейныхъ заведеній, напримѣръ,

общественныхъ кабаковъ, всѣмъ мѣстностямъ одинаково: можно навѣрное сказать, что во многихъ губерніяхъ такое нововведеніе (этотъ типъ вообще вовсе не распространенъ) не встрѣтитъ никакого сочувствія.

Впрочемъ, повторяемъ, критиковать со стороны несравненно легче, чѣмъ самомому составлять и формуловать законоположеніе,—это вопервыхъ; а вовторыхъ, трудъ совѣщательной коммиссіи призванныхъ изъ среды земства людей еще далеко не довершенъ, и мы еще не въ правѣ произносить о немъ окончательное сужденіе...

По поводу обсужденія свѣдущими людьми „переселенческаго вопроса".

„Русь", 17-го октября 1881 г.

Коммиссія такъ-называемыхъ свѣдущихъ людей въ Петербургѣ, установивъ главныя начала питейной реформы и передавъ ихъ для разработки въ коммиссію редакціонную, признала возможнымъ приступить къ разсмотрѣнію и другаго, предложеннаго ей на обсужденіе законодательнаго вопроса—переселенческаго. Мы не раздѣляемъ мнѣнія одной петербургской газеты, что «вопросъ переселеній труднѣе и серьезнѣе всѣхъ вопросовъ предлагавшихся до сихъ поръ экспертамъ», труднѣе и задачи «по распредѣленію пониженія выкупныхъ платежей» и даже по устройству питейной торговли. Все зависитъ отъ того, какъ отнестись къ задачѣ: можно и упростить ее, можно и усложнить, и при усложненіи такъ перемудрить, что съ нею, пожалуй, и не справишься. Вопросы о паспортахъ, объ юридическомъ опредѣленіи крестьянскаго землевладѣнія частнаго и общиннаго — безъ сомнѣнія важны и требуютъ разрѣшенія, но они могутъ и должны быть разрѣшены во всякомъ случаѣ, даже еслибъ о «переселеніи» не было и помину. Главная трудность переселенческаго вопроса, по нашему мнѣнію, въ томъ, что обращеніе съ нимъ и разрѣшеніе его способомъ законодательнымъ требуетъ крайней *осторожности и осмотрительности*, чтобы такъ-называемое «упорядоченіе» не привело къ пущему безпорядку...

Признавая громадное значеніе «переселенія» въ судьбахъ Россіи прошлыхъ и настоящихъ, не отрицая нисколько необходимости для правительства принять *нѣкоторое* участіе въ этомъ колонизаціонномъ движеніи Русскаго народа и придать ему *нѣкоторую* организацію,—мы думаемъ однако, что самый вопросъ объ этомъ правительственномъ участіи поставленъ нашею печатью не совсѣмъ правильно, односторонне, однимъ словомъ, принадлежитъ къ вопросамъ нѣсколько вздутымъ, какъ и вопросъ о малоземельѣ и объ отхожихъ промыслахъ. Сочувствіе къ положенію нашего мужика, заботливость объ его нуждахъ, съ нѣкотораго времени такъ сильно овладѣвшія нашею «прессою», конечно заслуживаютъ похвалы и даже составляютъ ея рѣзкое отличіе отъ газетъ западно-европейскихъ, которыя на сельскій людъ не обращаютъ ровно никакого вниманія, за исключеніемъ нѣкоторыхъ спеціальныхъ изданій. Желательно однако, чтобъ это сочувствіе исходило изъ побужденій вполнѣ серьезныхъ и искреннихъ, а не только изъ «либерализма» или увлеченія «послѣднимъ словомъ» западной науки или иной западной радикальной доктрины — въ своемъ отечествѣ составляющимъ достояніе немногихъ, *считающимся съ жизнію*, а у насъ мгновенно овладѣвающимъ всею публикою и слишкомъ легко обращающимся въ *моду*. Доходитъ до того, что даже нашего мужика-земледѣльца, какъ увидятъ читатели ниже, *величаютъ* «рабочимъ»: все-таки какъ будто французскій ouvrier и какъ-то удобнѣе для постановки «рабочаго вопроса»! Сочувствіе не должно же переходить въ сантиментализмъ, или, какъ выражается насмѣшливо крестьянинъ Желнобобовъ, въ «нытье и вытье печати надъ русскимъ мужичкомъ», какъ надъ какимъ-то дряблымъ субъектомъ!... «Не легко крестьянину разлучаться съ семьей и отправляться въ отхожій промыселъ: на горькую долю разлуки съ близкими и скитанія по чужбинѣ осуждаетъ его экономическая нужда!» и т. д. и т. д.—плачетъ одинъ газетный корреспондентъ по поводу отхожихъ промысловъ. Да, конечно, бываютъ *случаи* злой нужды, когда земледѣлецъ, даже изъ черноземной губерніи, вслѣдствіе неурожая или крайняго малоземелья, вынужденъ, скрѣпя сердце, добывать себѣ кусокъ хлѣба на чужой сторонѣ; такой крестьянинъ

конечно заслуживаетъ участія и помощи,—но не угодно-ли г. корреспонденту поплакать предъ Владимірцами—плотниками, коробейниками, офенями, и предложить имъ, особенно коробейникамъ и офенямъ, бросить свой вѣковой промыселъ періодическаго скитанія по Россіи и промѣнять свое владимірское малоземелье или худоземелье на благодарное пахарство въ Оренбургской губерніи? Ежегодно въ урочный срокъ тучами поднимаются съ своихъ мѣстъ эти подвижныя артели, разсыпаются по Малороссіи, Новороссіи, Черноморью, вплоть до «Линіи», до Дуная, проникая даже и за Дунай; появляются на каждой изъ безчисленныхъ сельскихъ украинскихъ ярмарокъ — этого подвижнаго рынка, обходящаго деревни и сёла тяжелаго на подъемъ, малоспособнаго къ торговлѣ, земледѣльческаго Малороссійскаго племени; разносятъ по Украйнѣ, къ великому прискорбію украйнофиловъ, *московскую цивилизацію*, московскую рѣчь и пѣсню; сплачиваютъ русское государственное единство; порой, отдѣльными лицами, осѣдаютъ то тамъ, то здѣсь, въ качествѣ мѣстныхъ торговцевъ, но большею частью опять тучею же возвращаются домой, дѣлить дуванъ, помогать женамъ въ хозяйствахъ... Поплакалъ бы корреспондентъ и предъ тысячами косарей и другихъ работниковъ, ежегодно совершающихъ походъ въ *Адестъ*, въ Новороссійскую степь, на Донъ, предложилъ бы имъ болѣе производительный промыселъ, гдѣ-нибудь поближе, но съ нѣкоторымъ напряженіемъ земледѣльческаго труда... Только бы подивились его слезливости косари и, затянувъ пѣсню, продолжали бы свой дальній путь! Интересно бы знать, какой «экономическій законъ» отыскалъ бы чувствительный корреспондентъ и какой-бы нашелъ поводъ потосковать о *нуждѣ*, рождающей «горькую долю отхожаго промысла»,—хоть бы въ тѣхъ московскихъ волостяхъ, гдѣ, для воздержанія крестьянъ отъ отлучекъ изъ дому на промысла̀, берутъ съ отходящихъ деньги подъ названіемъ *гулящихъ* (см. «Руси № 40, письмо В. П. Безобразова)? Въ силу какой, напримѣръ, «экономической тяжкой нужды и закона» отправляются ежегодно вовсе не бѣдные мужики изъ-подъ Лопасни Серпуховскаго уѣзда *обшивать* (осенью и зимою) крестьянъ какого-то глухаго уѣзда *Новгородской губерніи?* Нѣтъ сомнѣнія, что подмосковному жителю можно

было бы безъ затрудненія найти себѣ работу въ самой Москвѣ, въ качествѣ истопника или дворника, каковыхъ мы знаемъ изъ той же деревни: но такъ завелось случайно, десятки или сотню лѣтъ тому назадъ, *такъ повелось* изстари и ведется теперь... Нельзя не обратить вниманія и на то, что отхожіе промысла практикуются преимущественно, если не исключительно, *Великорусскимъ* племенемъ, и вовсе не потому только, что практикующіе сидятъ на худой или недостаточной землѣ: та же подвижность замѣчается и въ великорусскихъ поселеніяхъ, разсѣянныхъ на Югѣ, напр. въ Харьковской губерніи и другихъ мѣстахъ,—да и при малоземельѣ Полтавской губерніи, напримѣръ, Великорусъ конечно по зимамъ гулялъ бы на промыслахъ... Удивительно, какъ наши экономисты еще не подняли *вопроса объ организаціи и регулированіи* законодательнымъ путемъ отхожихъ въ Россіи промысловъ!

«Вопросъ о переселеніи, — говоритъ «Порядокъ», — долженъ быть понимаемъ *только какъ экономическій вопросъ*»... Намъ кажется вообще ошибочною эта исключительная экономическая точка зрѣнія на явленія русской народной жизни. Г. Головачевъ въ «Русской Мысли» (о статьѣ котораго подробнѣе говорится ниже) такъ-таки прямо и утверждаетъ, что никакой самобытности въ жизни и исторіи Русскаго народа, ни въ сферѣ политической, ни въ сферѣ религіозной, искать нечего, а имѣется она только и единственно въ сферѣ *экономической:* однимъ словомъ, только эта одна сторона будто бы и представляетъ серьезный интересъ, только сквозь призму *экономическихъ* интересовъ должна быть разсматриваема и понимаема жизнь народа, и только эта точка зрѣнія должна опредѣлять всѣ дѣйствія правительства по отношенію къ нашему сельскому населенію! Не принимаются и не должны быть принимаемы во вниманіе, по мысли этихъ господъ, ни психическія черты или духовныя племенныя особенности, ни иныя нравственныя побужденія, вплетающіяся въ народную жизнь, осложняющія «экономическіе мотивы» и иногда, вопреки экономическимъ выгодамъ, направляющія народную дѣятельность... При такомъ *неживомъ* отношеніи къ *жизни* ничего никогда, конечно, и не уразумѣешь въ судьбахъ не только Русскаго, но и никакого народа. Точно будто въ са-

момъ дѣлѣ только о хлѣбѣ единомъ живы народы! Точно будто однимъ количествомъ и качествомъ земли опредѣляется ихъ бытіе и работа на землѣ! Точно будто земледѣліемъ исчерпываются для нихъ всѣ земныя задачи, и только «экономическимъ закономъ» объясняются явленія народной жизни, а не тысячью тысячъ условій, побужденій—явныхъ и скрытыхъ, случайныхъ и постоянныхъ, индивидуальныхъ и общественныхъ, и безчисленнымъ множествомъ всяческихъ причинъ!.. Самые экономическіе факты не могутъ быть растолкованы *только* экономически. Никакимъ экономическимъ закономъ не объясните вы, почему именно въ Ростовскомъ уѣздѣ Ярославской губерніи процвѣло огородничество, да такъ процвѣло, что служитъ источникомъ богатства для края, тогда какъ по климату, по свойствамъ почвы — оно находится въ экономическихъ условіяхъ самыхъ невыгодныхъ, во всякомъ случаѣ менѣе выгодныхъ, чѣмъ въ Тверской, Московской и болѣе южныхъ губерніяхъ. Но поѣзжайте въ Ростовъ, и вы услышите тамъ отъ старожиловъ исторію «сладкаго горошка». Вамъ назовутъ имя того предпріимчиваго мужика, который первый возъимѣлъ дерзкую мысль акклиматизовать въ своей деревнѣ это растеніе; вы поймете, что тутъ главную роль играютъ нравственныя свойства Ярославца, да крѣпкій мірской строй помѣщичьяго села, никогда не видавшаго помѣщиковъ и состоявшаго на оброкѣ, и т. д. Почему вишня у насъ разводится только въ Малороссіи, благословенной отъ Бога, по выраженію Петра, «добрымъ воздухомъ», да во Владимірской губерніи, лишенной малороссійскаго «добраго воздуха»? Опять-таки за объясненіемъ надо обращаться не къ экономическому закону, а къ духу предпріимчивости и смѣтливости Владимірца... Въ нашей книгѣ: «О торговлѣ на украинскихъ ярмаркахъ», изданной, тому много лѣтъ, Географическимъ Обществомъ, мы обратили особенное вниманіе на эти живыя, чуждыя повидимому всякой экономической логики, причины экономическихъ фактовъ. Намъ скажутъ, что приведенные нами теперь примѣры касаются только мелкихъ явленій,—но тотъ же самый пріемъ познаванія и разумѣнія долженъ быть приложенъ и къ явленіямъ болѣе крупнаго характера. Читая статьи нашихъ газетныхъ публицистовъ, упорно отвергающихъ *всякое иное*

мѣрило, кромѣ *строго-экономическаго*, и допуская въ ихъ мнѣніяхъ логическую послѣдовательность, невольно недоумѣваешь: какъ это они не стащутъ бѣднаго альпійскаго охотника съ его горъ, чтобъ онъ, ради «горькой нужды», не ломалъ себѣ шеи, а усѣлся въ долинѣ для болѣе удобной и производительной работы (но увы! онъ все будетъ твердить: «Mutter, Mutter, lass mich geh'n!»)? Какъ не выгонятъ Зырянъ изъ лѣсовъ, гдѣ они битьемъ рябчиковъ едва-едва прокармливаютъ себя и свои семьи, и не предложатъ имъ переселиться на Амуръ (но глупы Зыряне и любятъ родимые свои лѣса!)? Какъ допускаютъ Самоѣдовъ мерзнуть на родныхъ тундрахъ и не передвинутъ ихъ къ теплому Каспійскому морю, гдѣ все-таки лучше и привольнѣе, чѣмъ у Ледовитаго Океана? Какъ не добьются наконецъ отъ правительства, чтобъ оно, не мѣшкая, kurz und gut, административнымъ способомъ, да разомъ, поставило *все население* Россійской имперіи «въ благопріятныя санитарныя и экономическія условія» и во чтò бы ни стало достигло прежде всего—бездѣлицы—*только лишь одного*, выражаясь словами г. Головачева, «результата: *зажиточности русскаго мужика*»—не болѣе! Слѣдуетъ впрочемъ прибавить, что потомъ, ужъ *по достиженіи такого результата*, разрѣшается г. Головачевымъ правительству строить, пожалуй, и желѣзныя дороги, ибо когда всѣ, по его же исчисленію, 85% населенія Русской имперіи обрѣтутъ-де полную *зажиточность*, тогда—мудро догадывается онъ—будутъ богаты не только все государство, но и остальные классы!!

«Если новыя мѣры (относительно переселенія) не будутъ попадать въ цѣль—говоритъ газета «Порядокъ»—и не удовлетворятъ той нужды, которая у ж е гонитъ крестьянъ съ мѣстъ, мы увидимъ новыя м а с с ы переселенцевъ», и т. д. *Массъ* мы не видали ни теперь, ни прежде, — о нихъ не свидѣтельствуютъ ни рѣчь, сказанная экспертамъ Министромъ государственныхъ имуществъ, ни опубликованныя министерствомъ цифры: безъ сомнѣнія, однако, всякое излишнее, неосторожное поощреніе, оказанное переселенію, способно двинуть движеніе цѣлыхъ *массъ*, — чтò вовсе, разумѣется, не желательно. Но хорошо это *«уже* гонитъ»... Это *«уже»* продолжается вѣковъ девять, если не болѣе! Нужда или чтò

другое, но что-то несомнѣнно гонитъ Русскаго человѣка съ Запада на Востокъ, Юговостокъ и Сѣверовостокъ. Населилъ онъ въ теченіи цѣлаго ряда столѣтій и Московскую, и Владимірскую, и Нижегородскую, и Симбирскую, и Самарскую, и Уфимскую, и Тобольскую губерніи, и всѣ губерніи снизу и сверху этой полосы Россіи, и населитъ еще и Сибирь до Чукотскаго Носа, до Тихаго Океана, до Китайской Стѣны, и Закаспійскія степи до средины Азіи... Очень интересенъ въ этомъ отношеніи трудъ г. Риттика, о которомъ отчетъ помѣщается въ нынѣшнемъ же №. Какъ это можетъ-быть ни прискорбно для «Порядка», но это такъ. Такова ужъ, видно, историческая миссія Русскаго племени. Съ самаго начала своего историческаго бытія онъ намѣтилъ себѣ просторныя рамки, воспитался на этой идеѣ простора,—просторъ воздѣйствовалъ даже на его духовную природу, просторъ манилъ и манитъ его до сихъ поръ!... «Кочевникъ» по своей природѣ, какъ выразились «Современныя Извѣстія», Русскій человѣкъ (особенно тотъ его типъ, который зовется великорусскимъ) вызвалъ даже принудительныя относительно себя мѣры, чтобы пріурочить его, прикрѣпить его къ осѣдлости: такое прикрѣпленіе къ землѣ понадобилось не только для селъ и деревень (гдѣ оно породило даже крѣпостное право), но и для посадовъ и городовъ. Вмѣсто упорной борьбы на мѣстѣ (что̀ во многихъ случаяхъ было бы можетъ-быть благотворнѣе), онъ—при всякой невзгодѣ—или «отъѣзжалъ» (если онъ бояринъ), или разбѣгался врозь, *уходилъ*, благо было куда уходить!... «Ходить», *бывать*, это и въ старину, и теперь—дѣло ему любезное. «Гулящіе люди», «казачество», отхожіе промысла, куда отправляются чуть не тысячныя подвижныя артели, — странничество, возведенное даже на степень религіознаго подвига, (чуть не обязательнаго условія душеспасенія), наконецъ недавніе и современные *бродяги*—это лишь разные виды все того же непосѣдства, которое было бы совершенно неправильно объяснять *только экономическою нуждою*. И теперь еще русскій крестьянинъ готовъ *кружить*, готовъ *бѣгать*, просто оттого, что «надоѣло», отъ «охоты къ перемѣнѣ мѣстъ», по духу малорусской пословицы: «хоть горше да инше!» однимъ словомъ—съ тоски, отъ неудачи у себя до-

ма, часто по причинѣ очень неважной, даже не раздумывая долго, или задумываясь только надъ тѣмъ:

> "Куда идти? Обдумать надо здраво:
> Губерніи налѣво и направо,
> Въ какой изъ нихъ работы не найти!...

но и эта дума не задерживаетъ его ни на мигъ, потому что

> Хоть сторона и не совсѣмъ знакома—
> Все Русь да Русь! вездѣ онъ будетъ дома!...

Въ томъ-то и дѣло, что историческій законъ или историческое призваніе колонизаціи еще живетъ въ инстинктѣ Русскаго человѣка, еще движетъ его безсознательною силою. Поэтому было бы совершенно ошибочно, повторяемъ, смотрѣть на переселеніе только съ *экономической* точки зрѣнія. Тутъ, повторяемъ, множество и другихъ мотивовъ, кромѣ малоземелья и худоземелья. Вторженіе административной, хотя-бы повидимому и благодѣтельной, по всѣмъ правиламъ научной теоріи сочиненной регламонтаціи и опеки, надѣленіе иной разъ «правами», которыя народъ по грубости своей считаетъ за «повинности» (какъ это случилось при возведеніи Екатериною II нѣкоторыхъ селъ въ званіе *городовъ*, что несомнѣнно бы привело въ восторгъ жителей гдѣ-нибудь въ Германіи или во Франціи), тѣснота и духота, не одна земельная и экономическая,—многое можетъ быть причиною переселеній, въ связи съ непосредственнымъ колонизаторскимъ инстинктомъ. Переселяются и изъ побужденій вѣроисповѣдныхъ. Тамбовскій молоканъ тянетъ къ молоканамъ Кавказа, старообрядецъ — къ дальнимъ старообрядческимъ поселеніямъ...

Мы съ своей стороны выскажемъ опасеніе совсѣмъ инаго рода. Мы боимся, чтобъ излишняя регламентація со стороны правительства не остановила или не извратила какъ-нибудь—*естественнаго*, *органическаго*, колонизаторскаго историческаго движенія Русскаго народа. Этого движенія нечего пугаться, даже еслибъ оно сопровождалось иногда и невыгодными послѣдствіями для переселенцевъ. Конечно желательно предотвратить, по возможности, эти невыгодныя послѣдствія, но однакоже такъ, чтобъ не убить

вмѣстѣ съ тѣмъ самаго духа предпріимчивости.... Мало ли какого рода предпріятія оканчиваются неудачей въ средѣ мѣщанъ и купцовъ, и никто вѣдь изъ нихъ и не претендуетъ на помощь со стороны государства! Мы вполнѣ признаемъ важность возбужденнаго въ коммиссіи экспертовъ вопроса объ установленіи правилъ относительно отчужденія покидаемыхъ переселенцами земель и относительно условій, на которыхъ частные владѣльцы могутъ допускать поселеніе на своихъ земляхъ (послѣднее необходимо для предупрежденія аграрныхъ затрудненій и усложненій въ будущемъ). Признаемъ также и неотложную важность вопроса объ юридическихъ условіяхъ, въ которыхъ въ настоящее время находится вообще крестьянская, особенно мірская собственность. Мы находимъ несомнѣнно полезною мѣрою—учрежденіе справочныхъ конторъ, гдѣ крестьяне могли бы получать свѣдѣнія о свободныхъ земляхъ, имѣющихся въ распоряженіи казны или частныхъ лицъ, объ условіяхъ аренды этихъ земель или пріобрѣтенія въ собственность, также о маршрутѣ и способахъ передвиженія. Мы не отрицаемъ ни права, ни возможности для правительства, пользуясь инстинктивнымъ историческимъ или прямымъ экономическимъ побужденіемъ крестьянъ къ переселенію, направлять его, посредствомъ разныхъ льготъ, сообразно съ интересами государства, къ колонизаціи именно тѣхъ или иныхъ мѣстностей предпочтительно предъ другими. Но воспрещать переселенія, но ограничивать административною властію для данной мѣстности число имѣющихъ право выселиться, но обусловливать выселеніе непремѣннымъ правительственнымъ разрѣшеніемъ и непремѣннымъ направленіемъ именно туда, а не сюда, указываемымъ администраціею сверху,—мы считаемъ неудобнымъ, и стѣснительнымъ, и способнымъ лишь пріостановить дѣло естественной, свободной колонизаціи. Было бы, кажется намъ, совершенно искусственною, насильственною и потому едвали и исполнимою мѣрою — опредѣлять цифру выселяющихся, какъ напримѣръ предлагаетъ г. Риттихъ, сообразно съ экономическимъ разсчетомъ, двумя стами семействъ на губернію, или допускать переселеніе сначала изъ однихъ уѣздовъ въ другіе уѣзды *той же* губерніи, для равномѣрности и правильности разселенія!... Не думаемъ,

чтобы такая мѣра и удалась; она не по нраву Русскаго человѣка: ужъ переселяться, такъ переселяться куда-нибудь вдаль, на *новыя мѣста*, стать въ совсѣмъ новыя условія жизни!

Итакъ, мы не считаемъ вопроса переселенческаго головоломнымъ, какъ нѣкоторыя наши газеты; мы не полагаемъ. что въ правительственной регламентаціи этого вопроса скрывается непремѣнный залогъ благосостоянія и «зажиточности» русскаго крестьянина. Признавая однако же нѣкоторую регламентацію и устраненіе нѣкоторыхъ затрудненій, задерживающихъ теперь переселеніе, вполнѣ полезными и важными, мы позволяемъ себѣ выразить желаніе, чтобъ регламентація эта была умѣренна, чтобъ она не стѣснила *свободы*. органическаго и историческаго дѣла колонизаціи такъ непрерывно, длиннымъ рядомъ вѣковъ совершавшагося и теперь еще совершаемаго Русскимъ народомъ — въ предѣлахъ предназначеннаго ему судьбою необъятнаго, исполинскаго простора...

Еще о питейномъ и переселенческомъ вопросахъ.

«Русь», 1-го ноября 1881 г.

Мы получили письма отъ нѣкоторыхъ крестьянъ, выражающія ихъ опасенія насчетъ исхода петербургскихъ совѣщаній о питейномъ вопросѣ. Они просятъ точнѣе и опредѣленнѣе передавать въ общее свѣдѣніе результаты преній коммиссіи экспертовъ. Спѣшимъ ихъ успокоить: свѣдущіе или земскіе люди, собравшіеся въ Петербургѣ, ничего, во-первыхъ, не постановляютъ окончательно, — они только разрабатываютъ вопросъ, и еще даже не сообщили въ окончательной формѣ своихъ мнѣній правительству, мнѣній какъ большинства, такъ и меньшинства: отъ высшей правительственной власти будетъ зависѣть принять то или другое мнѣніе, или вовсе его отвергнуть. Но несомнѣнно одно, что такая гласная разработка этого труднаго и сложнаго вопроса была уже въ высшей степени благодѣтельна тѣмъ, что пролила много на него свѣта, уяснила его съ новыхъ сторонъ даже и для тѣхъ, которые воображали себя вполнѣ

свѣдущими, вызвала повсемѣстный обмѣнъ мнѣній, познакомила правительство и общество съ мыслью даже сельскаго населенія. 147 заявленій, присланныхъ въ «Сельскій Вѣстникъ» — это знаменательное и утѣшительное событіе, которое, конечно, не останется безъ воздѣйствія на окончательный исходъ дѣла. Что же касается до коммиссіи экспертовъ, то не представляется пока возможности, на основаніи публикуемыхъ свѣдѣній, изложить въ точности сводъ ея заключеній по вопросу о питейной торговлѣ, такъ-какъ, по слухамъ, многія изъ ея первоначальныхъ предположеній, огласившихся въ печати, впослѣдствіи, при ходѣ преній и благодаря новымъ даннымъ и указаніямъ, подверглись значительному измѣненію. Достовѣрно одно, — и этого одного уже достаточно для успокоенія въ значительной степени общественнаго и народнаго мнѣнія, — что число питейныхъ заведеній коммиссіею предположено во всякомъ случаѣ *сократить*, и именно на цѣлыхъ двѣ трети или около этого; а Евреевъ вовсе лишить права заниматься распивочною продажею гдѣ бы то ни было, воспретивъ имъ вмѣстѣ съ тѣмъ и торговлю питіями на выносъ какъ въ селахъ, такъ въ мѣстечкахъ и городахъ.

Работы коммиссіи по этому вопросу приходятъ уже къ концу. Надѣемся, что, отводя земствамъ значительную долю участія въ надзорѣ за питейною торговлей и въ самой ея организаціи, коммиссія проектируетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и правила, ограждающія земскія собранія отъ вліянія кабатчиковъ и трактирщиковъ, которые теперь почти вездѣ участвуютъ въ рѣшеніи и вершеніи земскихъ дѣлъ, въ качествѣ гласныхъ отъ крестьянъ.

Казалось бы необходимымъ: содержателя питейнаго заведенія вовсе не допускать къ выбору въ гласные. При рѣшеніи вопроса о мѣрахъ къ уменьшенію народнаго пьянства *нельзя*, думается намъ, обойти эту частность или признать ее неумѣстною въ законопроектѣ, изготовленіе котораго возложено на коммиссію.

Но если работа нашихъ земскихъ людей по питейному дѣлу близится къ концу,—работа тяжелая, многотрудная, по самому существу вопроса не способная привести къ результату *вполнѣ удовлетворительному*, во всякомъ случаѣ за-

служивающая искренней благодарности уже какъ подготовительная работа для изысканія можетъ-быть еще болѣе удовлетворительныхъ рѣшеній,—то работа по переселенческому вопросу будетъ, по слухамъ, раздѣлена на два періода. Разъѣхавшись въ началѣ ноября, члены коммиссіи, говорятъ, соберутся снова въ январѣ для окончательной редакціи закона о переселеніяхъ. Нельзя не признать, что работа по этому вопросу идетъ несравненно живѣе и по стройной программѣ. Чувствуется, что земскіе люди здѣсь въ самомъ дѣлѣ свѣдущіе и стоятъ на болѣе твердой почвѣ. Коммиссіей уже приняты многія, очень важныя положенія. Прежде всего она признала необходимымъ отмѣнить дѣйствовавшую понынѣ (хотя и не удачно) запретительную систему; но вмѣстѣ съ тѣмъ, однакоже, она нашла нужнымъ отнестись съ крайнею осторожностью къ облегчительнымъ мѣрамъ, которыя могли бы обратиться какъ разъ въ мѣры искусственно вызывающія переселеніе даже тамъ, гдѣ въ немъ нѣтъ серьезной экономической надобности. Рядомъ съ мѣрами облегчающими, было бы, по мнѣнію коммиссіи, полезно принимать одновременно и мѣры ослабляющія необходимость переселенія, мѣры по преимуществу *экономическаго* свойства. Мы, какъ извѣстно, держались именно такого же взгляда. Усматривая въ переселеніи вообще естественное колонизаторское, историческое движеніе Русскаго народа, мы признаемъ право и обязанность государства устранять тѣ побудительныя причины переселенія, устраненіе которыхъ прямо зависитъ отъ экономической политики государства, и именно въ тѣхъ случаяхъ, когда переселеніе обращается во вредъ покидаемой мѣстности. Мы также находимъ нужными правительственныя мѣры облегченія, но только въ такомъ случаѣ, когда переселеніе вынуждено обстоятельствами, отъ переселенца не зависящими, когда оно отвѣчаетъ видамъ самого государства, и тѣмъ болѣе когда вызывается имъ самимъ: облегченія въ видѣ денежной субсидіи, отвода мѣстъ, и т. д. — Коммиссія, очевидно, не раздѣляетъ мнѣнія газеты «Порядокъ», которую кто то увѣрилъ, что *переселеніе* и «либерализмъ», это—синонимы; она и повѣрила и теперь настаиваетъ на *необходимости* всѣми способами переселять и переселять! Газета считаетъ *переселеніе* въ Россіи не явле-

ніемъ историческимъ, а исключительно симптомомъ какого-то экономическаго кризиса именно въ настоящее время, и потому, разумѣется, проповѣдуетъ необходимость дать этому кризису благополучный исходъ въ самой широкой правительственной *организаціи* переселенія (и конечно на счетъ государства), дабы вывести «кочующій крестьянскій міръ изъ общихъ формъ кочеванія». Но препираться съ «Порядкомъ» мы не намѣрены. Его «либерализмъ» такого свойства, что ему вездѣ и всюду требуется законодательная регламентація жизни, въ формѣ «либеральной» бюрократіи на манеръ европейскій: даже и по вопросу о переселеніи «Порядокъ» справляется не съ русской исторіей и жизнью, а съ переселеніемъ изъ Западной Европы въ Америку и Австралію. Здѣсь онъ больше у себя дома. Въ томъ же самомъ № онъ безпокоится поведеніемъ Гамбетты и рекомендуетъ ему «меньшее забвеніе республиканскихъ началъ»; затѣмъ, какъ настоящій нѣмецкій націоналъ-либералъ, радуется, что благодаря союзу прогрессистовъ и либераловъ и чрезвычайному наплыву клерикаловъ въ рейхстагъ, такъ-таки и не удастся князю Бисмарку провести проектъ страхованія жизни рабочихъ и другихъ мѣръ государственно-соціалистическаго свойства. Тутъ «Порядокъ» на своей почвѣ, тутъ бы ему и оставаться,— оставивъ въ покоѣ Россію...

Однимъ изъ капитальныхъ рѣшеній коммиссіи свѣдущихъ людей, это—признаніе казенныхъ земель фондомъ для переселенія неотчуждаемымъ ни для какой иной цѣли. Это рѣшеніе было принято не сразу; были возраженія въ пользу фонда для крупнаго землевладѣнія, толковалось о grande culture!.. Оказывается къ сожалѣнію, что въ Европейской Россіи осталось уже очень мало свободныхъ и удобныхъ для заселенія казенныхъ земель, послѣ того хищенія и раздаянія, которымъ подверглись онѣ въ послѣднее двадцатилѣтіе.

Затронутъ, но пока еще только затронутъ, въ коммиссіи и еще вопросъ — важный не только въ экономическомъ, но еще болѣе въ политическомъ отношеніи, именно вопросъ объ *иностранныхъ* поселенцахъ на нашихъ западныхъ окраинахъ. Съ каждымъ годомъ, все болѣе и болѣе, наплывъ иностранцевъ тѣснитъ туземное населеніе и заставляетъ его переселяться. Хотя правительство и прекратило, повидимому, во-

двореніе иностранныхъ колонистовъ на казенныхъ земляхъ, однако это водвореніе, и именно Нѣмцевъ, продолжается съ полною силою—на земляхъ *частныхъ* владѣльцевъ, въ прямой ущербъ мѣстному русскому населенію на Волыни и въ Гродненской губерніи, въ ущербъ литовскому населенію въ губерніи Ковенской. Всѣмъ ли нашимъ читателямъ извѣстно, что Нѣмцы на нашихъ окраинахъ усердно, систематически, скупаютъ земли у частныхъ лицъ и селятся тамъ цѣлыми массами? Въ настоящее время иностранцевъ поселившихся въ Волынской и частью въ Подольской губерніи считается болѣе 100 тысячъ душъ, и что̀ всего замѣчательнѣе—переселившіеся Нѣмцы, какъ мы слышали, не только не приняли русскаго подданства, но даже состоятъ *въ прусскомъ ландверѣ*...

Оказывается такимъ образомъ, что въ случаѣ столкновенія Россіи съ Германіей, послѣдняя имѣетъ—заранѣе заготовленный *авангардъ* на нашей же территоріи! Мы сами облегчили Нѣмцамъ дѣло мобилизаціи и сами будемъ дивиться ея быстротѣ... Но благодаря этому поселенію германскихъ солдатъ въ нашихъ предѣлахъ, мѣстный, коренной Русскій народъ вынужденъ, за недостаткомъ земли, выселяться изъ родины, — и вотъ мы же теперь изыскиваемъ способы для облегченія этого, по словамъ «Порядка», переселенческаго экономическаго кризиса... Мы слышали, что такому Drang nach Osten въ сильной степени способствуютъ разныя конвенціи, заключенныя нашимъ Министерствомъ иностранныхъ дѣлъ...

Что̀ же это такое? Куда мы идемъ? Не пора ли уже и очнуться?

Въ перспективѣ открывается новый призывъ частныхъ или земскихъ лицъ къ участію въ правительственныхъ законодательныхъ работахъ, именно по вопросу объ Евреяхъ, обсужденіе котораго предполагается поручить особо образуемому комитету.

По поводу покушенія на генерала Черевина.

«Русь», 21-го ноября 1881 г.

Неужели снова? снова бросается оскорбленіе въ лицо всему государству, всему Русскому народу? И не найдется силъ ни правительственныхъ, ни общественныхъ, чтобы избавить нашу землю отъ этого повторительнаго, множимаго, какъ-бы внѣдряющагося срама, чтобы вырвать изъ нашего тѣла этотъ ядовитый гадъ, эту злую живую немочь, которая нарушаетъ мирный трудъ нашего государственнаго бытія, полагаетъ преграды правильному, спокойному земскому строенію, гнететъ общественный духъ, растлѣваетъ самую атмосферу, которою мы дышемъ?.. Покушеніе на жизнь генерала Черевина (на этотъ разъ рукою наемника—кандидата въ самоубійцы!) не какой-либо одинокій, особливый случай, а лишь новое проявленіе все той же подпольной террористической дѣятельности: ему предшествовали угрозы (которыми напрасно было пренебрегать), равно какъ и распространеніе печатныхъ прокламацій, какъ въ Петербургѣ, такъ и въ провинціяхъ. Неужели и въ самомъ дѣлѣ такъ низко пало русское общество, что въ немъ нѣтъ даже силъ для негодованія, для того естественнаго негодованія, которое, помимо всякаго отвлеченнаго умствованія, политическихъ доктринъ и теорій, должно быть въ равной мѣрѣ присуще каждой живой человѣческой совѣсти? Да и много ли нужно для того, чтобъ мерзили человѣку подлость, злодѣйство, убійство? Только немножечко человѣчности, только немножечко честности! Неужели нашего общества дѣйствительно хватаетъ лишь на одно хихиканье и глумленье, — дешевое «либеральное» глумленье даже по поводу мѣръ осторожности, принятіе которыхъ вынуждается тѣми же подпольными, людобойныхъ дѣлъ мастерами—причемъ противъ этихъ послѣднихъ ни одного сильнаго гнѣвнаго слова и не слыхать! Мы словно стали свыкаться и съ позоромъ, и съ преступленіями самаго звѣрскаго характера, со всѣмъ тѣмъ, что̀ прежде приводило людей въ трепетъ и ужасъ. Словно извратились, перемѣшались въ обществѣ всѣ нравственныя, не только понятія, но инстинкты, пере-

родилась въ насъ самая душа человѣческая, которая по извѣстному прекрасному выраженію даже будто-бы родится христіанскою... А между тѣмъ никогда такъ много не трещали у насъ, какъ именно теперь, о «прогрессѣ», объ «онравствливающемъ дѣйствіи науки» (разумѣется только «западной»), «о правахъ и достоинствѣ человѣческой личности» (хотя при этомъ, по большей части, души ей не полагается и производится она отъ орангъ-утанга), о «гуманизмѣ», о «гуманическихъ либеральныхъ идеяхъ», объ «освобождающей человѣчество отъ религіозныхъ предразсудковъ», но въ то же время «возвышающей и смягчающей цивилизаціи»,—каковыхъ терминовъ въ любой книжкѣ «либеральнаго» толстаго журнала можно бы набрать цѣлые вороха!.. Попробуй однако кто-нибудь выразить рѣзкое, горячее осужденіе тому, что не только вполнѣ безнравственно, но именно-то и противорѣчитъ всякой идеѣ прогресса, гуманности, либерализма и цивилизаціи,—тутъ какъ разъ послѣдуетъ «взрывъ негодованія».... на того, кто осмѣлился негодовать! Мы не забыли, какому гоненію въ извѣстномъ литературномъ лагерѣ подверглись наши статьи, внушенныя намъ событіемъ 1-го марта, какіе крики поднялись съ разныхъ сторонъ: «Русь» нарушаетъ нашу тихую *грусть* по поводу *прискорбныхъ* событій! «Русь» «распаляетъ страсти!» Но да убережетъ Богъ русское общество отъ мерзости безстрастья въ дѣлахъ чести и совѣсти, въ вопросахъ нравственной правды, — отъ той немощи чувствъ, для которой безразлично добро и зло!.. О, еслибъ оно умѣло въ тѣ страшные мартовскіе дни возненавидѣть всѣми силами сердца то, что̀ покрывало Россію срамомъ, можетъ-быть образумились бы и спаслись сотни тѣхъ молодыхъ головъ, которыхъ сгубило—мы въ томъ увѣрены—именно это, рекомендуемое нашими гуманистами преступное безстрастье, эта бездушная воздержность нравственнаго общественнаго суда надъ торжествующимъ зломъ!

Но оставимъ въ сторонѣ событіе 1 марта; допустимъ объясненіе нашихъ публицистовъ, что они въ то время, въ возбужденіи негодованія, благоразумно предусматривали опасность для общественной тишины отъ гнѣва народныхъ массъ,—хотя газетными статьями, если и удобно пускать въ нашъ Русскій народъ лживые слухи, такъ едвали возможно вызы-

вать и направлять его чувства по газетному произволу. Перейдемъ къ настоящей порѣ, къ воззрѣніямъ излагаемымъ sine ira et studio, въ нормальномъ состояніи духа. Мы все-таки не можемъ усвоить себѣ той точки зрѣнія, которой держится петербургскій «Порядокъ». Въ 313 № этой почтенной газеты разсуждается весьма пространно и длинно о значеніи Тургенева, по поводу итальянской новеллы, которою онъ недавно обогатилъ русскую литературу (и одновременно французскую — такъ-какъ новелла появилась разомъ и въ «Вѣстникѣ Европы» и въ «Nouvelle Revue», такъ что неизвѣстно: гдѣ переводъ, гдѣ оригиналъ). Характеризуя отношеніе знаменитаго русскаго писателя къ вопросамъ своего времени, «Порядокъ» ставитъ въ особенную заслугу Тургеневу, что онъ никогда не былъ «солидаренъ съ *рѣзкимъ* отрицательнымъ отношеніемъ къ *новымъ направленіямъ мысли*»... О какихъ направленіяхъ идетъ рѣчь, поясняется тутъ же словами: съ отношеніемъ, «которое отразилось въ такихъ романахъ, какъ «Взбаломученное море» (Писемскаго), «Марево» (Клюшникова), и рядѣ другихъ, продолжающихся до сего дня»... Дѣятельность Тургенева чиста отъ этого *пятна*!» восклицаетъ «Порядокъ».

Извѣстно, какое «новое направленіе мысли» изображено въ романѣ «Взбаломученное море»: то нигилистическое направленіе 60-хъ годовъ, котораго *общественное* дѣятельное проявленіе совпадаетъ съ пожаромъ Апраксина двора въ Петербургѣ; къ *такому*-то движенію «отрицательнымъ» отношеніемъ, притомъ далеко не рѣзкимъ, а ироническимъ, *запятналъ* себя, по мнѣнію газеты, покойный Писемскій! Что же касается до «Марева»,—стараго, и почти забытаго романа, который однако-же такъ врѣзался почему-то въ память редактору или сотруднику «Порядка», — то въ немъ живо и ярко изображена эпоха послѣдняго польскаго возстанія, со всѣмъ тѣмъ сумбуромъ понятій и чувствъ, который овладѣлъ тогда нѣкоторою частью молодаго русскаго поколѣнія (уже зараженною нигилистическимъ ученіемъ Чернышевскаго и К°) и подвигъ ее къ прямой измѣнѣ не только государству, но и своему родному народу. Дѣйствіе романа происходитъ именно въ пограничномъ русскомъ краѣ, населенномъ русскими же крестьянами, которыхъ польскіе

бывшіе помѣщики, считая за *быдло*, пытались было, съ помощью русскихъ же глупцовъ подъ кличкою хлопомановъ и федералистовъ, лишить національной независимости и, оторвавъ отъ Россіи, подчинить польской *коронѣ!!* Выходитъ, по мнѣнію «Порядка», что и къ такому «направленію мысли», относиться съ рѣзкимъ отрицаніемъ» не позволительно, и что за подобное отрицаніе на Клюшниковѣ тяготѣетъ *пятно*... Съ точки зрѣнія какого нибудь «Дзенника Познанскаго» или краковскаго «Часа» это понятно, — но русской газетѣ *пятнать* за это русскаго-же писателя — по меньшей мѣрѣ безсмысленно, тѣмъ болѣе теперь, въ наше время, когда стало явнымъ, какъ солнечный свѣтъ, что именно оба эти «новыя направленія мысли» и привели логически-постепенно своихъ послѣдователей къ тому слишкомъ извѣстному, уже не направленію, а образу дѣйствій, отъ котораго страждетъ все наше отечество. Иного впрочемъ объясненія или оцѣнки мы даже и допустить не можемъ. Не въ какомъ-либо зломъ умыслѣ, а въ пустопорожности по части всякаго умышленія или опредѣленнаго мышленія провинился критикъ «Порядка»; но такъ какъ природа пустоты не терпитъ, то пустота и наполнилась готовыми идейками банально-либеральнаго характера, суевѣрнымъ культомъ «послѣдняго» (давно уже теперь устарѣвшаго) слова науки, раболѣпнымъ поклоненіемъ предъ «молодымъ» и «новымъ» (теперь уже обветшавшимъ днями, опошлившимся или же практикующимъ подлоги, поджоги, подкопы и убійства)... Мы вовсе не касаемся достоинства произведеній самого Тургенева: какъ художникъ, онъ былъ воленъ въ избраніи темъ, и мы въ правѣ требовать отъ него только художественной искренности, въ мѣру его разумѣнія; мы оставляемъ въ сторонѣ вопросъ и о томъ, въ какой мѣрѣ подобныя современныя, животрепещущія реальностью данной минуты темы пригодны для истиннаго искусства. Мы склонны на такой вопросъ отвѣчать отрицательно. Насъ гораздо болѣе занимаетъ вопросъ о нравственно-общественномъ судѣ надъ явленіями нашей дѣйствительности, поскольку черты этого суда выступаютъ въ статьяхъ нашихъ русскихъ политическихъ газетъ; намъ важно именно то: чтò восхваляется и чтò осуждается. Для характеристики современнаго общества не лишены, напримѣръ,

интереса самыя усилія «Порядка» *оправдать* нашего знаменитаго писателя въ глазахъ «представителей *новаго движенія*», или «молодыхъ силъ нашего общества», которыя, по мнѣнію газеты, уже слишкомъ взыскательны. «*Несмотря* на видимо сочувственное въ общемъ отношеніе къ этимъ молодымъ силамъ, Тургеневъ даже и за «Новь» подвергся нападеніямъ» (т. е. со стороны «молодыхъ силъ»), скорбитъ «Порядокъ», пятная одновременно авторовъ «Взбаломученнаго моря» и «Марева» за «рѣзко-отрицательное», напротивъ, къ нимъ отношеніе. Но почему же, однако, предосудительно рѣзко-отрицательное отношеніе къ такимъ направленіямъ мысли, которыя, отрицая всякія нравственныя основы, на которыхъ зиждется человѣческое общество, причинили столько бѣдъ, столько горя Русскому народу и остановили правильное и мирное развитіе нашей гражданственности? Странная путаница понятій! Въ большомъ ходу теперь между нами всѣ эти взятыя изъ Западной Европы клички: «консерваторъ» и «либералъ», — расходятся между собою люди изъ-за сочувствія къ той или другой формѣ правленія,—но расходясь въ своихъ политическихъ воззрѣніяхъ, казалось, они должны бы сходиться всѣ на единой нравственной почвѣ, на сочувствіи къ высшему, равно для всѣхъ обязательному нравственному закону. Но у насъ подъ словомъ «либерализмъ» разумѣютъ видно что-то совсѣмъ другое. Область россійскаго «либерализма» до того обширна и неопредѣленна, что изъ страха какъ-бы во мнѣніи «молодыхъ силъ» не прослыть ретроградомъ, обскурантомъ, или только недостаточно «либеральнымъ», многіе наши публицисты и педагоги, по слабости или малодушію, не рѣшаются, публично и явно, даже черное назвать чернымъ, подлое подлымъ; не отваживаются даже убійство, поджоги, подкопы—сколько-нибудь окрашенные политическимъ цвѣтомъ—объявить безъ обиняковъ, tout de bon, злодѣйствомъ, гадостью, ниспровергающею законы правды, основныя начала прогресса, гуманности, цивилизаціи и гражданской свободы, или хоть-бы только преступленіемъ предъ народомъ (которому демократы такъ поклоняются въ *теоріи!*), тиранническимъ посягательствомъ на его независимую волю... А между тѣмъ, еслибъ вмѣсто хваленаго фарисейскаго безстрастія и

дешевой воздержности, раздалось искреннее, рѣзкое, безпощадное слово отрицанія, осужденія, услышался бы искренній, единодушный вопль негодованія или скорби — преимущественно же съ педагогическихъ каѳедръ, отъ писателей авторитетныхъ въ глазахъ молодыхъ поколѣній, — не вызвали бы развѣ эти слова и вопли добрыхъ отвѣтныхъ чувствъ въ молодыхъ душахъ? не укрѣпили бы ихъ недоумѣвающей воли, не направили бы многихъ на здравый путь?..

Развѣ не было бы въ высшей степени полезно, еслибъ наша сатира, — вмѣсто издѣвательства надъ тѣмъ, что̀ уже давно осуждено и въ общественномъ сознаніи и въ жизни, и только ищетъ себѣ мирныхъ, правильныхъ, вполнѣ національныхъ, органическихъ путей для перерожденія, — обратила свой смѣхъ и стрѣлы на фальшь героизма, еще обольщающую и губящую столько юныхъ сердецъ, еще оправдывающую въ ихъ понятіяхъ самыя неслыханныя злодѣйства! «Эти злодѣйства караются висѣлицей. здѣсь нечего дѣлать сатирѣ или вообще литературѣ» — возразятъ намъ. Да именно отъ висѣлицы и надлежитъ спасать эту молодежь, а для того не самое ли вѣрное средство — раскрыть художественною сатирою внутреннюю сущность, ничтожество, пустоту — всю *пошлость* такъ-называемаго нигилизма. Да, *пошлость*!

Глупцы не чужды вдохновенья,

говоритъ Баратынскій. Глупцы не чужды и фанатизма; не чужда ему и пошлость. Пошлость не исключаетъ возможности и трагической развязки: мы знаемъ про самоубійцу, лишившаго себя жизни только изъ-за того, что ему приходилось, какъ учителю, довольствоваться лишь тремя тысячами рублей жалованья и отказаться отъ надежды на лакомую будущность съ жирными обѣдами и лихими рысаками. Пошлость отрицанія, въѣвшаяся въ душу, можетъ вѣнчаться и мученическимъ вѣнцомъ! Отъ этой-то губительной пошлости и хотѣлось бы уберечь наши молодыя поколѣнія, сорвавъ съ нея убранство героизма, красивый ореолъ «новыхъ словесъ», «новыхъ направленій мысли», лишивъ ее опасной надежды на сочувствіе будто-бы «всей либеральной интеллигенціи»...

Какъ-бы то ни было, но нравственная реакція въ обществѣ необходима. Если такъ-называемая «интеллигенція»

настолько немощна, что сама произвести ея не въ состояніи, то едва ли найдется иной исходъ, какъ призвать на помощь тотъ неисчерпаемый запасъ *положительныхъ* силъ, который хранится въ нашемъ народѣ, въ громадномъ большинствѣ русскаго населенія,— большинствѣ подавляющемъ, но пока безмолвномъ, еще не обрѣтшемъ себѣ языка и голоса въ современномъ строѣ нашей жизни. И истинная интеллигенція Россіи, т. е. истинная духовная мощь ея, и истинный историческій, зиждительный разумъ, и истинное просвѣщеніе, истинное уваженіе къ наукѣ и знанію съ залогами истиннаго прогресса,—не на той они сторонѣ, которая на всѣхъ перекресткахъ и газетныхъ листкахъ выкрикиваетъ себѣ пошлую кличку: мы-де «интеллигенція», да трубитъ о своемъ «либерализмѣ» (отрицая въ то же время въ Русскомъ народѣ даже тѣнь духовной самобытности)! Истинная русская интеллигенція, *своя* народу, учитъ его, но и сама у него учится... Нужно же будетъ, наконецъ, заглушить этотъ хоръ силъ отрицательныхъ вѣскимъ словомъ силъ положительныхъ. Нужно вѣяніе новаго духа, духа правды, духа истинной, не призрачной, не декоративной гражданской жизни, нужно въ виду необычайности современныхъ господствующихъ недоразумѣній и напущеннаго на нашу землю марева, обманывающаго равномѣрно и правящихъ, и управляемыхъ,—нужно новое необычайное знаменіе союза Царя съ непреложно-вѣрнымъ и преданнымъ ему народомъ....

Еще о Коммиссіи свѣдущихъ людей.

«Русь», 21-го ноября 1881 г.

Коммиссія свѣдущихъ людей, послѣ долгаго, утомительнаго, шестинедѣльнаго труда, разъѣхалась изъ Петербурга 15 ноября, съ тѣмъ чтобъ собраться вновь въ концѣ января для окончательной разработки законодательнаго проекта по вопросу о переселеніяхъ. Что же касается до питейнаго дѣла, то составленный коммиссіею проектъ переданъ теперь на разсмотрѣніе министерствъ внутреннихъ дѣлъ, финансовъ и государственныхъ имуществъ. По возвращеніи же членовъ

коммиссіи въ Петербургъ, послѣдуетъ совмѣстное обсужденіе проекта въ общемъ засѣданіи коммиссіи и министровъ или ихъ представителей, и только уже потомъ получитъ онъ дальнѣйшее законодательное движеніе. Какъ мы уже сообщали и прежде, переселенческій вопросъ обсуждался въ коммиссіи несравненно стройнѣе и разрѣшеніе его шло живѣе, несмотря на то (а можетъ быть именно потому), что коммиссія не имѣла въ виду никакого заготовленнаго департаментскаго проекта (какъ по вопросу питейному) и должна была сама предварительно выработать себѣ программу. Эта программа, тщательно обдуманная и разсмотрѣнная, придала совѣщаніямъ по переселенческому вопросу совершенно отличный отъ прежнихъ совѣщаній по питейному дѣлу, болѣе правильный и успѣшный ходъ. Программа, сколько извѣстно, устанавливаетъ два вида переселеній: одно, существующее и теперь само о себѣ, производимое переселенцами на свой страхъ и за свой счетъ, и другое: переселеніе *льготное*, вызываемое правительствомъ или земствами. Согласно съ этимъ и самый проектъ раздѣлится на двѣ части. Занятія коммиссіи остановились пока на 4-мъ отдѣлѣ 1-й части. Несомнѣнно важны сами по себѣ общія положенія, установленныя коммиссіей: такъ она *признала* существующій фактъ переселенія явленіемъ естественнымъ, органическимъ, необходимо вытекающимъ изъ историческихъ и экономическихъ условій русской народной жизни, и потому упразднила въ своемъ проектѣ ту запретительную систему, которой, по отношенію къ нему, держалось доселѣ правительство. Эта система, не достигая своей цѣли, не останавливая переселеній, только вносила въ нихъ пущій безпорядокъ и ставила въ ложное и затруднительное положеніе административную власть. Проектъ коммиссіи, допуская полную свободу переселеній, предпринимаемыхъ на свой страхъ и счетъ, даетъ правительству въ то же время возможность овладѣть такъ-сказать движеніемъ, т. е. устранить то нарушеніе поземельныхъ и юридическихъ отношеній, которое влекло до сихъ поръ за собою это движеніе,— и тотъ неудобный, вредный характеръ бродяжества и праздношатанія, который оно иногда принимало. Другое еще болѣе важное положеніе, это — признаніе казенныхъ свободныхъ

земель неотчуждаемымъ фондомъ, предназначеннымъ для обезпеченія переселеній. Третье положеніе, это—сохраненіе за переселенцемъ права на покидаемую землю въ теченіи извѣстнаго срока. Вполнѣ выработанные и принятые коммиссіею отдѣлы или главы 1-й части проекта слѣдующіе: 1) О переселенческомъ свидѣтельствѣ, — 2) О мірской землѣ, состоящей въ душевомъ пользованіи или подворномъ владѣніи крестьянъ - переселенцевъ, — 3) О содѣйствіи, которое должно быть оказываемо переселенцамъ, и объ обязанностяхъ на нихъ лежащихъ во время слѣдованія къ мѣсту водворенія.—Остается обсужденіе слѣдующихъ проектируемыхъ главъ: 4) О водвореніи переселенцевъ на новомъ мѣстѣ жительства и о порядкѣ перечисленія ихъ въ окладъ и исключенія изъ онаго; 5) о водвореніи на казенныхъ земляхъ; 6) о водвореніи на земляхъ частныхъ лицъ и учрежденій; 7) объ учрежденіяхъ, завѣдующихъ переселеніями. 2-я часть проекта относится уже до переселенія льготнаго и до примѣненія къ послѣднему правилъ и порядковъ, установленныхъ въ 1-й части для переселеній по собственному почину.

Для разрѣшенія вопроса о льготномъ переселеніи, *вызываемомъ* земствами и правительствомъ, необходимо, безъ сомнѣнія, точное свѣдѣніе о свободныхъ казенныхъ земляхъ, не только въ Европейской Россіи (о чемъ имѣются оффиціальныя данныя), но и въ Сибири, на Кавказѣ; за Кавказомъ и за Каспіемъ. Этихъ послѣднихъ данныхъ, вполнѣ опредѣленныхъ, такихъ, которыя могли бы послужить правильнымъ основаніемъ для государственной экономической политики въ дѣлѣ переселенія, къ сожалѣнію еще не имѣется. Ихъ надѣются однакожъ собрать... Съ своей стороны мы находимъ, что вопросъ о льготномъ переселеніи тѣсно вяжется съ вопросомъ о государственномъ хозяйствѣ вообще, или вѣрнѣе съ вопросомъ о народномъ сельскомъ хозяйствѣ съ точки зрѣнія государственной. Поэтому позволяемъ себѣ обратить особенное вниманіе какъ членовъ коммиссіи, такъ и Министерства государственныхъ имуществъ на помѣщаемыя въ нашей газетѣ статьи подъ заглавіемъ: «Сельское хозяйство и переселенія».

Какъ обстоятъ наши дѣла на окраинахъ?

„Русь“, 12-го декабря 1881 г.

Пусть такъ; допустимъ, что разсужденія нѣкоторыхъ русскихъ газетъ, въ томъ числѣ и «Руси», о Берлинскомъ трактатѣ и оцѣнка ими — заднимъ числомъ — его благодѣтельныхъ для Россіи послѣдствій несвоевременны, неумѣстны: слишкомъ уже сильно дѣйствуютъ они на нервы Австрійскаго и Германскаго кабинетовъ. Положимъ, что не лишено какъ будто основанія и рѣшеніе нашихъ дипломатовъ: избѣгать съ нашей стороны всего, что̀ могло бы усложнить дѣла внѣшней политики «въ то время, когда Россія переживаетъ такія затрудненія у себя дома, озабочена важными внутренними вопросами,» и т. д., и т. д. Да и дипломаты ли только такъ судятъ? Въ петербургскихъ высшихъ общественныхъ сферахъ можно услышать и иные отзывы по поводу 53 № «Руси», именно, что національная честь повелѣваетъ—не только исполнить требованія трактата (чего никто и не отрицалъ), но даже не поминать, забыть о національномъ безчестіи и помириться съ нимъ въ самой душѣ своей... Хотя ко всѣмъ таковымъ мудрымъ сужденіямъ можно примѣнить слова Шекспира (не помнимъ въ чьемъ переводѣ), что

Три четверти въ нихъ трусости постыдной
И *только четверть* мудрости святой!

хотя даже и на восьмушку нѣтъ мудрости, а только сплошная трусость, если не хуже — въ разглагольствіяхъ нѣкоторыхъ органовъ русской печати (нашлись и такіе, напр. «Новости!») о томъ, что намъ-де не мѣшало бы теперь даже *задобрить* Австрію уступкой какихъ-нибудь русскихъ интересовъ, на Дунаѣ напримѣръ, пользуясь настоящимъ австро-румынскимъ столкновеніемъ,—однако-же самая трусость эта, при неустройствѣ нашихъ финансовъ и предпринятой реорганизаціи нашего военнаго управленія, можетъ прикрыться, по крайней мѣрѣ, хоть какимъ-нибудь благовиднымъ предлогомъ. Не станемъ доказывать то, въ чемъ несомнѣнно убѣждены, что лучшее средство избѣжать внѣшней войны,

это—держать русское знамя «высоко, честно и грозно», а самое вѣрное средство ее накликать, это—система уступчивости, податливости, приниженія. Оставимъ въ сторонѣ вопросы внѣшней политики. Если даже разсужденіе о нихъ смущаетъ столь многихъ, отвернемся пока, въ угоду имъ, отъ нашихъ *зарубежныхъ* политическихъ интересовъ,—посмотримъ, что̀ творится на самомъ *рубежѣ*. Рубежомъ-то по крайней мѣрѣ запяться не предосудительно,—особенно тѣмъ, что̀ происходитъ по сю сторону рубежа и что̀, кажется, несомнѣнно принадлежитъ къ области нашихъ домашнихъ, внутреннихъ дѣлъ: тутъ уже нѣтъ никакого повода ни къ вмѣшательству иностранной дипломатіи, ни къ смущенію дипломатовъ русскихъ; нѣтъ и благовиднаго предлога для той административной инерціи, которую еще недавно такъ склонны были у насъ возводить въ правило высшей политической мудрости.

Пройдемся вдоль нашей европейской границы, бросимъ бѣглый взглядъ на положеніе всей нашей окраины, отъ Юга до Сѣвера. Мы уже имѣли случай указать на водвореніе у насъ, въ Волынской губерніи, стотысячнаго прусскаго военнаго авангарда: на это сообщенное намъ и нами въ свою очередь напечатанное свѣдѣніе не послѣдовало, сколько намъ извѣстно, до̀ сихъ поръ никакого оффиціальнаго опроверженія. Мы слышали только, будто наше Министерство иностранныхъ дѣлъ тутъ ни причемъ, будто оно съ своей стороны никакихъ конвенцій по заселенію Волынской окраины выходцами изъ Германіи не заключало, а всѣ распоряженія по этому дѣлу исходили изъ Министерства государственныхъ имуществъ (въ прежнемъ личномъ его составѣ). Но не одна колонизація и притомъ въ такой грубой формѣ заслуживаетъ тамъ бдительнаго вниманія правительства. Извѣстно, что въ въ этомъ порубежномъ, возвращенномъ когда-то нами отъ Польши, древлерусскомъ краѣ существуетъ не мало мѣстечекъ и даже цѣлыхъ городовъ на земляхъ частныхъ лицъ; даже не одни такъ-называемые заштатные, но и уѣздные города составляютъ частную владѣльческую собственность: русское государственное право не можетъ мириться съ такимъ фактомъ. Понятіе о городѣ, какъ о самостоятельной, вполнѣ правоспособной, общественной и административной, съ го-

сударственнымъ значеніемъ единицѣ, не согласуется съ понятіемъ о той зависимости, въ которой состоитъ частная поземельная собственность относительно владѣльца. Поэтому всѣ усилія правительства должны быть направлены къ тому, чтобъ устранить этотъ видъ собственности и выкупить города и важныя, равняющіяся съ городами по своему значенію, мѣстечки—у частныхъ владѣльцевъ. Между тѣмъ намъ извѣстно, что нѣкоторые города, принадлежащіе бывшимъ польскимъ магнатамъ, напр. князю Сангушко (когда-то православному русскому князю!) и инымъ, не менѣе знатнымъ, переходятъ, отчасти уже перешли, въ собственность *Евреевъ*—капиталистовъ!... Знаменитый Острогъ—палладіумъ православія на Волыни XVI вѣка, съ своими древними храмами, съ воспоминаніемъ о дѣятельности князя Константина, напечатавшаго Острожское Евангеліе—первое печатное воспроизведеніе Слова Божія на церковнославянскомъ языкѣ,—этотъ знаменитый Острогъ, если не сдѣлался *іудейскою частною собственностью*, такъ благодаря только личному заступничеству предъ покойнымъ Императоромъ одной русской дамы, учредительницы въ Острогѣ Кирилло-Меѳодьевскаго училища. Государю угодно было повелѣть купить древній г. Острогъ въ казну. Но сколько же другихъ древнихъ русскихъ городовъ лишены такого просвѣщеннаго заступничества! Не знаемъ, имѣются ли въ Министерствѣ внутреннихъ дѣлъ свѣдѣнія о городахъ и полугородахъ или мѣстечкахъ западныхъ нашихъ губерній, принадлежащихъ *частнымъ владѣльцамъ;* если и имѣются, то вѣроятно составленныя на основаніи прежнихъ, уже устарѣвшихъ данныхъ: трудно, къ сожалѣнію, предположить, чтобы о перемѣнахъ во владѣніи *городами и мѣстечками* было вмѣнено мѣстнымъ властямъ сообщать благовременно нашему высшему центральному управленію. Едвали настоящій министръ внутреннихъ дѣлъ могъ успѣть обратить свое вниманіе на это немаловажное обстоятельство; поэтому, полагаемъ, наше указаніе не окажется излишнимъ. Поверхъ еврейской массы, отношенія которой къ мѣстному населенію такъ озабочиваютъ правительство, высится власть еврейскихъ компаній, еврейскихъ капиталистовъ, пользующихся не только полною равноправностью со всѣми русскими гражданами, но и тѣми особыми привилегіями, которыя при-

надлежать у насъ такъ-называемой «аристократіи капитала». Представимъ себѣ только такое положеніе: начинается война съ нашими западными сосѣдями, и значительная часть русскихъ порубежныхъ городовъ окажется въ рукахъ Евреевъ, какъ ихъ частная, законная собственность! Неужели можно признать такое положеніе удобнымъ и выгоднымъ? Знаемъ заранѣе, что Евреи возопіютъ,—назовутъ наши слова оскорбленіемъ чести, обвиненіемъ еврейской націи въ склонности къ государственной измѣнѣ, и т. д. Они будутъ совершенно неправы: мы и не думаемъ ихъ винить или упрекать. На какомъ же основаніи могли бы мы требовать отъ нихъ пламеннаго русскаго патріотизма, самоотверженнаго *кровнаго* пристрастія къ русскимъ государственнымъ и національнымъ интересамъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ — измѣны своему собственному еврейскому всемірному союзу! Къ тому же Евреи по сю и по ту сторону нашего западнаго рубежа составляютъ почти одну семью: это обстоятельство уже само по себѣ не облегчаетъ, а затрудняетъ защиту русской границы,—что же будетъ, если цѣлые русскіе города вблизи этой границы и связанные съ ихъ судьбою интересы русской національности и государства будутъ состоять, въ силу частнаго права, въ зависимости отъ сей *космополитической* націи?...

Подвинемся выше. Здѣсь даже и говорить много не приходится, довольно только назвать: это нашъ Сѣверо-Западный край, наша зіяющая рана, наша несчастная Бѣлоруссія! Сколько разъ и мы, и еще нѣкоторыя другія газеты усиливались обратить вниманіе правительства на эти губерніи, ожившія было при Муравьевѣ и Кауфманѣ, вслѣдъ за усмиреніемъ польскаго мятежа, и потомъ хуже чѣмъ заброшенныя петербургскою администраціей,—но всѣ наши указанія и мольбы были и остаются доселѣ гласомъ вопіющаго въ пустынѣ! Да, повторяемъ снова, мы забыли, мы преступно забыли Бѣлоруссію и вообще всю эту нашу окраину, которая лѣтъ 18 тому назадъ, въ минуту опасности, такъ приковывала къ себѣ вниманіе всего русскаго общества! Возобладавшая во второй половинѣ 60-ыхъ годовъ въ Министерствѣ внутреннихъ дѣлъ «либеральная», въ сущности антинаціональная реакція той системѣ дѣйствій правительства въ Сѣверо-Западномъ краѣ, которая была вызвана польскимъ

возстаніемъ, — выразилась, при недоброй памяти генералѣ Потаповѣ, разгономъ изъ края всѣхъ лучшихъ русскихъ дѣятелей и новымъ приниженіемъ пробудившагося было духа въ запуганномъ, забитомъ, измореннomъ польскою тиранніей Бѣлорусскомъ народѣ. *Связь края съ центральной Россіей ослабѣваетъ*,—писали мы еще годъ тому назадъ,—народныя училища въ упадкѣ; народъ, встрепенувшійся было къ жизни въ 1863—64 годахъ, одушевившійся было довѣріемъ къ русской верховной власти, снова впалъ въ боязливое отъ нея отчужденіе, снова тягостно, томительно недоумѣваетъ: кто же наконецъ настоящіе господа края: Русскіе или же Поляки—ксендзы и паны, да Евреи? По послѣднимъ полученнымъ нами извѣстіямъ, латинская и польская пропаганда снова начали свою религіозно-политическую дѣятельность, и не безъ успѣха. Нѣкто свѣнцянскій мѣщанинъ В. ревностно разъѣзжаетъ по тѣмъ селеніямъ Виленской, Гродненской и Ковенской губерній, въ которыхъ жители стали православными, т. е. возвратились къ древней своей вѣрѣ изъ латинства или уніи, въ эпоху послѣдняго польскаго мятежа. Проповѣдью объ ожидающемъ ихъ съ одной стороны Страшномъ Судѣ за отпаденіе въ православіе, съ другой обѣщаніями покровительства папы и снова-де имѣющихъ властвовать въ краѣ польскихъ пановъ—въ награду за новое отступничество отъ *русской песьей вѣры*, этотъ «повѣренный» какихъ-то скрытыхъ поборниковъ католицизма и польщизны смущаетъ несчастныхъ, даже собираетъ съ нихъ деньги на веденіе судебныхъ процессовъ! Ничего общаго съ ревностью о свободѣ вѣрующей совѣсти не имѣетъ такая польско-латинская политическая агитація, какъ ни усиливается она надѣть на себя эту благовидную маску. Извѣстно, что всѣ вновь возсоединенные въ 1839 году съ православною церковью уніаты стали, особенно же въ послѣдующихъ поколѣніяхъ, искренними и крѣпкими приверженцами православія; то же самое безъ сомнѣнія произошло бы и съ поколѣніемъ тѣхъ католиковъ-Бѣлорусовъ, которые въ 1863 г., въ эпоху возбужденія національнаго духа, перешли въ православіе. Въ настоящемъ же случаѣ, по крайней мѣрѣ въ Сѣверо-Западномъ краѣ, не духовная потребность самого населенія, а замыслы польско-іезуитской политики вызываютъ ту агитацію,

о которой мы имѣемъ письменное сообщеніе: населеніе соблазняется, обольщается, совращается въ латинство искусственно и обманомъ... Да, польская стихія снова поднимаетъ и голову, и голосъ даже въ самой столицѣ края — Вильнѣ. Просимъ читателя прочесть помѣщаемую ниже статью: «Два слова о Бѣлоруссіи». Одновременно съ закрытіемъ русскаго театра, *по недостатку, вѣроятно, у русскаго правительства денежныхъ средствъ*, при полномъ отсутствіи русской литературной дѣятельности (которой и нельзя было развиться при политикѣ высшихъ русскихъ администраторовъ въ родѣ Потапова) появились недавно въ Вильнѣ польскія періодическія изданія и зацвѣла польская книжная торговля... Мы бы можетъ-быть и не обратили вниманія на такое возрожденіе польской въ Сѣверо-Западномъ краѣ публицистики, еслибы сами польскія *заграничныя*, столь враждебныя намъ газеты не поспѣшили освѣтить этотъ фактъ своимъ особенно радостнымъ привѣтомъ!

Невозможно оставлять положеніе дѣлъ въ Сѣверо-Западномъ нашемъ краѣ въ томъ видѣ, до котораго его довела пагубная дѣятельность генерала Потапова и бездѣйствіе его преемниковъ. При всей геніальности знаменитѣйшаго изъ инженеровъ всего міра, графа Тотлебена, котораго имя чтитъ вся благодарная Россія, мы позволяемъ себѣ думать, что край требуетъ иного гражданскаго правителя, съ болѣе спеціальнымъ разумѣніемъ русскихъ политическихъ интересовъ на этомъ театрѣ взаимной исторической борьбы двухъ національностей и двухъ вѣроисповѣданій. Насъ увѣряютъ, что все зло въ русскихъ чиновникахъ, что тѣ, которые дѣйствуютъ нынѣ въ краѣ, представляютъ по большей части какое-то отребье всего русскаго служащаго люда и окончательно скомпрометтировали и русскую власть, и возложенную было на нихъ миссію *обрусенія*. Но зачѣмъ же было разгонять всѣхъ способныхъ и достойныхъ, которыхъ было не мало, которыхъ мы и лично знавали? Понятно, съ тѣми условіями управленія, которыя водворились въ краѣ въ Потаповскую эру, только и могли ужиться худые (развѣ за нѣкоторыми исключеніями). Почему же Н. А. Милютинъ и кн. Черкасскій вездѣ и всюду находили себѣ усердныхъ, талантливыхъ, доблестныхъ сотрудниковъ и помощниковъ? лучшіе дѣятели

въ царствѣ Польскомъ и теперь изъ «птенцовъ Милютина и Черкасскаго». Появись только государственный умъ съ живою національною мыслью, съ высоко-поднятымъ національнымъ знаменемъ, съ опредѣленной твердой программой, кликни онъ кличъ къ русскимъ людямъ,—онъ не останется одинокъ, онъ соберетъ подъ свое знамя цѣлую дружину одушевленныхъ дѣятелей! А поле для дѣятельности есть, и какое обширное! Къ тому же чиновники изъ центра Россіи нужны только на время, какъ первоначальныя орудія правительственнаго плана: главная же задача высшей мѣстной администраціи—вызвать, создать, собрать около себя, вооружить мѣстныя, бѣлорусскія силы. Контингентъ этихъ интеллигентныхъ бѣлорусскихъ силъ уже имѣется на первый случай въ бѣлорусскомъ православномъ духовенствѣ: сыновья тамошнихъ священниковъ дѣйствуютъ съ отличіемъ на разныхъ поприщахъ въ центральной Россіи, но у себя дома, на родинѣ, въ своемъ краѣ—имъ нѣтъ простора, нѣтъ хода. Учрежденіе православной духовной академіи въ Вильнѣ, которое мы совѣтовали когда-то въ «Днѣ», мы и теперь признаемъ въ высшей степени и полезнымъ, и нужнымъ. Необходимо также озаботиться о созданіи класса мѣщанъ и городскихъ жителей изъ Бѣлоруссовъ и облегчить крестьянамъ переходъ въ города... Необходимо возстановить прежнее значеніе русской школы, которая такъ было возросла, такъ высоко стала въ народномъ сознаніи при попечителяхъ кн. Ширинскомъ-Шихматовѣ и Батюшковѣ. Необходимо, однимъ словомъ, управленіе живое, одушевленное, насквозь проникнутое важностью предлежащей ему національной задачи, при могущественной, *несомнѣнной* поддержкѣ центральной русской власти,— которой, къ стыду и горю нашему, не было при трехъ предшественникахъ настоящаго министра внутреннихъ дѣлъ (кратковременнаго управленія министерствомъ графа Лорисъ-Меликова считать нечего).

Вспомнимъ одно: въ случаѣ войны съ нашими сосѣдями, наша окраина, преимущественно сѣверо-западная, призвана играть важную роль. Это давно уже признано всѣми стратегами, какъ нашими, такъ и заграничными. Въ послѣднія десять лѣтъ нашъ западный рубежъ усѣялся по ту сторону всевозможными военными укрѣпленіями, австрійскими и гер-

манскими, и не столько оборонными, сколько опорными наступательными пунктами, крѣпостями и вооруженными лагерями. Не подлежитъ сомнѣнію, что военно-стратегическія соображенія давно уже озабочиваютъ наше правительство, но въ той ли же мѣрѣ озабочиваютъ, да и озабочиваютъ ли его въ какой бы то ни было мѣрѣ соображенія гражданскаго свойства? Не еврейское населеніе, не польско-шляхетскій слой послужатъ намъ надежнымъ живымъ оплотомъ,—а такимъ оплотомъ *могли бы и должны бы* намъ послужить милліоны сплошнаго русскаго населенія, не перестающаго и теперь чаять себѣ спасенія отъ Россіи, но.... камень, иже былъ во главу угла, небрегоша зиждущіи!.. Наша сѣверо-западная рубежная стѣна уже дала *трещину*...

Къ Сѣверо-Западному краю причисляется и Литва, въ которой сочувствія народныхъ массъ, при разумномъ русскомъ управленіи, могли бы и должны бы также служить Россіи надежнымъ опоромъ противъ притязаній польской національности и противъ иноплеменныхъ враговъ. Но Ковенская губернія... Имѣетъ ли министерство *вѣрныя* свѣдѣнія о положеніи землевладѣнія въ Ковенской губерніи, — о числѣ поселившихся въ ней землевладѣльцевъ, управляющихъ экономіями, арендаторовъ германской національности?... По выраженію Ю. Ѳ. Самарина, Ковенская губернія уже обратилась—въ Kovenland!...

Двинемся по окраинѣ царства Польскаго... Оставимъ въ сторонѣ отношенія Русскихъ и Поляковъ, вообще весь такъ-называемый польскій вопросъ, о̀ которомъ уже было не мало говорено въ нашей газетѣ. Сообщимъ только свѣдѣнія, полученныя нами на дняхъ изъ Варшавы изъ источника, заслуживающаго полной вѣры. «Неужели наше правительство не видитъ того, что̀ бросается здѣсь въ глаза всякому зрячему? Нѣмцы, особенно Пруссаки, не перестаютъ наводнять своими людьми царство Польское. Идетъ терпѣливая, настойчивая, шагъ за шагомъ, систематическая, вполнѣ *нѣмецкая работа*, и нельзя сказать, чтобъ шла медленно, такъ-какъ ей съ нашей, русской стороны не полагается ровнехонько никакихъ препятствій. До сихъ поръ скупались всякія продающіяся польскими промотавшимися помѣщиками имѣнія, скупались *зря*, только бы купить и посадить Нѣмца, а Нѣ-

мецъ окружалъ себя нѣмецкими управляющими, садовниками и другимъ нужнымъ въ порядочномъ имѣніи народомъ, также изъ Нѣмцевъ. Все это говорило по нѣмецки; мужиковъ-Поляковъ, имѣвшихъ нужду въ помѣщикѣ, ставили мало-по-малу въ такое положеніе, что они начинали по неволѣ учиться произносить всѣ нужныя для нихъ нѣмецкія слова и привыкать къ нѣмецкому господству. Теперь, когда такихъ прусскихъ имѣній, купленныхъ *зря*, такихъ прусскихъ колоній, сидящихъ въ краю, — разумѣется, ближе къ границѣ, къ «Кнезбековой границѣ», Knezbeck'sche Grenze (чаемой, когда-то намѣченной себѣ Прусскимъ правительствомъ),—оказалось *довольно*, стали покупать имѣнія ужъ совсѣмъ не зря, а въ такихъ пунктахъ, гдѣ находился либо *мостъ*, либо *бродъ*. Такъ по рѣкѣ Бзурѣ *всѣ уже мосты и броды находятся въ рукахъ Пруссаковъ*». Намъ обѣщали доставить самыя точныя свѣдѣнія объ этомъ мирномъ, безостановочномъ нашествіи Германіи на наши владѣнія; но достаточно вспомнить весь фабричный округъ города Лодзи: онъ до такой степени онѣмеченъ, что въ немъ издается нѣмецкая газета, и нѣмецкій языкъ—господствующій. Да и мы, Русскіе, не брезгаемъ и сами увеличивать число прусскихъ землевладѣльцевъ: въ нашихъ газетахъ было въ свое время возвѣщено, что всемилостивѣйше пожалованный года два тому назадъ генералъ-адъютанту Грейгу богатый лѣсной въ царствѣ Польскомъ участокъ проданъ имъ былъ какому-то прусскому барону. Желательно было бы знать и о судьбѣ прочихъ всемилостивѣйшихъ лѣсныхъ и земельныхъ дачъ въ этой части Россійской Имперіи...

И такъ, на юго-западномъ нашемъ рубежѣ германскій военный авангардъ, переходъ, городовъ и мѣстечекъ въ руки Евреевъ; въ Сѣверо-Западномъ краѣ польская и латинская пропаганда, ослабленіе связи народонаселенія съ Россіей, утрата, по собственной нашей винѣ, почти всѣхъ завоеваній русскаго національнаго духа, совершенныхъ въ эпоху общественнаго возбужденія вслѣдствіе польскаго мятежа; далѣе заселеніе Пруссаками пограничной части царства Польскаго, съ захватомъ мостовъ и бродовъ на рѣкахъ; далѣе Kovenland; за нимъ, на сѣверѣ,—*Прибалтійская окраина* (этимъ словомъ все уже сказано) и въ ней, какъ-бы въ

символическое довершеніе всей этой порубежной нѣмецкой работы, постановка, при содѣйствіи бывшаго русскаго попечителя Прибалтійскаго учебнаго округа, на дворѣ Императорскаго Дерптскаго университета,—*статуи „Германіи“*, иначе называемой дерптскими студентами: der Vater Rhein!.. Пустяки, конечно, эта статуя, и бывшій попечитель безъ сомнѣнія не придавалъ этому обстоятельству особеннаго значенія, но ужъ какъ-то слишкомъ образно, именно символически выступаетъ оно въ общей картинѣ нѣмецкаго Drang nach Osten, неусыпнаго труда германизаціи и денаціонализаціи русскаго рубежа. А германизація на Прибалтійской окраинѣ значительно усилила свою дѣятельность съ тѣхъ поръ, какъ пересталъ ее бичевать и обличать Ю. Ө. Самаринъ въ своихъ знаменитыхъ «Окраинахъ». Просимъ нашихъ читателей прочесть нижепомѣщенную корреспонденцію изъ Дерпта: она даетъ понятіе о томъ, что̀ творится тамъ въ области учебной администраціи въ теченіи послѣднихъ пяти лѣтъ, къ преуспѣванію нѣмецкаго и къ ущербу русскаго государственнаго элемента, непосредственно связаннаго съ интересомъ мѣстнаго господствующаго въ размѣрѣ 80% населенія, т. е. эстскаго и латышскаго. Но борьба происходитъ не только въ учебной административной области, но и во всѣхъ остальныхъ: въ соціальной, экономической (см. корреспонденціи изъ Риги), бытовой, судебной,—борьба, о которой здѣсь распространяться нѣтъ мѣста, но на которую мы предполагаемъ обратить особенное вниманіе нашихъ читателей. Здѣсь же прибавимъ только, что кромѣ мѣстнаго нѣмецкаго элемента, на этой самой окраинѣ водворяетъ свое господство и элементъ нѣмецкій же—*пришлый*. «Число переселенцевъ изъ Германіи, сохраняющихъ германское подданство—въ Верроскомъ уѣздѣ Лифляндской губ. постоянно увеличивается и пріобрѣтаетъ поземельныя владѣнія», сообщаетъ «Новое Время». Мало того, эти германскіе подданные, даже не принося присяги Русскому Государю, «сплошь и рядомъ облекаются здѣсь исполнительною властью, завѣдываютъ мѣстною полиціей» и т. п. Эстская газета «Сакала» уже обращалась печатно съ вопросомъ къ прибалтійскимъ нѣмецкимъ юристамъ: въ правѣ ли иностранные подданные, не присягая Русскому монарху, становиться въ Рос-

сія носителями власти? Но отвѣта ни со стороны юристовъ, ни со стороны русскихъ властей не послѣдовало.

Вотъ и послушались мы благоразумныхъ соображеній, оставили въ сторонѣ наши внѣшніе политическіе, зарубежные интересы, остановились *на самомъ рубежѣ*,—и что же нашли? То же самое, что и во внѣшней политикѣ: отсутствіе національнаго сознанія, національныхъ стремленій и одушевленія въ руководящихъ петербургскихъ административныхъ сферахъ... Будемъ утѣшаться мыслью, что это руководящее направленіе—происхожденія не новаго, а временъ минувшихъ, хотя и недавнихъ. Зло этимъ направленіемъ содѣянное, однакоже, такъ велико, грозитъ такою опасностью, что уврачеваніе его не можетъ быть отложено въ дальній ящикъ. Не станемъ же мы и въ настоящемъ случаѣ ссылаться на дипломатическія, финансовыя и иныя соображенія, въ извиненіе нашей медленности! Внутреннія наши затрудненія не такого же рода, чтобъ ради нихъ долженъ былъ останавливаться государственный механизмъ такой великой и могучей имперіи, какова наша, въ исполненіи главнѣйшихъ изъ своихъ функцій. Пока мы будемъ все ссылаться на «внутреннія затрудненія», у насъ, того-и-гляди, завоюютъ, мирнымъ образомъ, въ томъ или другомъ видѣ, всю нашу западную окраину отъ Юга до Сѣвера, такъ что когда мы удосужимся наконецъ обратить на нее свое вниманіе— не будетъ ли уже поздно? Да и не пора ли, наконецъ, не пора ли выдвинуть какъ можно выше, честнѣе и тверже наше народное знамя не только во внѣшней, но и во всей внутренней политикѣ, подать наконецъ утѣшеніе нашему наболѣвшему отъ непрерывныхъ обидъ національному чувству,—и именно въ области народныхъ историческихъ преданій и интересовъ искать разрѣшенія нашимъ «внутреннимъ затрудненіямъ», врачеванія разъѣдающимъ насъ недугамъ?

Не у тѣхъ ли разгадка вопросовъ, кто въ настоящую минуту молчитъ?

«Русь», 24-го декабря 1881 г.

Недоразумѣніе, какъ туманъ, пало на нашу землю, заволокло правду вещей и предметовъ, скрыло мѣру и цвѣтъ, натворило сѣрыхъ призраковъ, — все стало зыбко, невѣрно иль мнимо. Недоразумѣніе — вотъ слово, которымъ можетъ быть характеризовано настоящее состояніе умовъ въ Россіи. Недоразумѣніе между властью и страною, между правительствомъ и обществомъ, между интеллигенціей и простымъ народомъ, и такое же тяжкое, мучительное взаимное недоразумѣніе между лицами внутри самихъ рядовъ—и правительственныхъ, и общественныхъ, и даже народныхъ. Все какъ-то вышло изъ колеи, сдвинулось съ своего стариннаго подножья, утратило вѣру въ прежнюю незыблемость, прочность, опредѣленность положенія и окружающей обстановки; все недовольно, всѣ чего-то хотятъ, куда-то спѣшатъ, о чемъ-то хлопочутъ, голосятъ, каждый свое и въ одно время, всѣ словно въ потьмахъ сталкиваются или минуютъ, не узнаютъ, не понимаютъ другъ друга. Народъ чуетъ и слышитъ, что надъ нимъ, въ верхнихъ слояхъ возятся, пишутъ, толкуютъ, гомонятъ, все про него да о немъ, и весь этотъ долетающій до него гулъ порождаетъ въ немъ фантастическія представленія; всякое отрывочное извѣстіе слагается въ легенду, сообразную съ тайными его разновидными чаяніями и вожделѣніями, — и жадно ловитъ онъ всякій ласкающій его мечту слухъ, и если еще не волнуется, то уже колышется смутною молвою, тревожнымъ недоразумѣніемъ. Поверхъ же народа... здѣсь безъ сомнѣнія все одушевлено самыми искренними благими желаніями, все и всѣ, какъ средневѣковые алхимики, допытывавшіеся элексира жизни, въ погонѣ — за *правдою жизни народной*, всѣ на перерывъ суетятся ее поймать,—уловить, ухватить, упрятать въ свой ларчикъ, подвергнуть каждый своей излюбленной аппретурѣ, формулѣ, опредѣленію, и въ такомъ обработанномъ видѣ преподнесть на правительственное распоряженіе и всеобщее употребленіе. И всѣ рвутъ отъ нея только клочья, и никому еще она, эта

правда, цѣлою не далась и не дается, хотя чуть ли не каждый мнитъ себя ея обладателемъ! Почему? Потому что про насъ можно сказать и теперь, какъ ужъ очень, очень давно было сказано пишущимъ эти строки, что мы всѣ:

рѣчь умную, но праздную ведемъ,
О жизни *мудрствуемъ*, но *жизнью не живемъ!*

То, что въ то время относилось еще къ немногимъ, можетъ и должно быть примѣнено ко всей, въ наши дни уже многочисленной массѣ мыслящихъ, пишущихъ и дѣйствующихъ... Казалось бы, самымъ могучимъ антидотомъ яду безплоднаго *мудрствованія* было бы—*жить*. Чего, повидимому, *проще?* Но вѣдь ничего нѣтъ мудренѣе самой простоты, разъ что даръ ея душою утраченъ и внутренняя цѣльность нарушена разлагающимъ перевѣсомъ отвлеченной мысли, разсудка... Само собою разумѣется, что слово *жизнь* мы принимаемъ здѣсь въ смыслѣ жизни общественной, жизни цѣлой страны, хотя безъ сомнѣнія подобное отношеніе къ жизни общественной не можетъ не отражаться и въ жизни личной.

Такое болѣзненное явленіе, т. е. преобладаніе мудрствованія, *отвлеченной* дѣятельности разсудка надъ непосредственною самодѣятельностью *жизни* имѣетъ, разумѣется, свою историческую причину. Читатели уже знаютъ, что мы усматриваемъ ее въ томъ насилованіи, которое было произведено надъ нашею страною Петромъ Великимъ. Какъ бы ни оправдывалась его реформа исторически-логическою необходимостью, все-таки прямымъ ея результатомъ было отчужденіе отъ жизни народной всего правительства и всѣхъ высшихъ общественныхъ классовъ, всего будущаго контингента такъ-называемой интеллигенціи. При такомъ раздвоеніи всего организма, нарушилась конечно и правильность его отправленій; жизнь не умерла, но творчество ея пресѣклось, она такъ-сказать ушла въ народную, подземную почву, гдѣ и пребываетъ до сихъ поръ на степени прозябанія... Насильственное внѣшнее отвлеченіе высшихъ классовъ отъ народа съ теченіемъ времени породило для духа то состояніе отвлеченности, въ которомъ и досelѣ онъ коснѣетъ и дѣйствуетъ, изъ котораго и высвободиться не въ силахъ. Да и не могло быть иначе. Правительство, какъ и общество (ко-

торое до позднѣйшей поры составляло служебный, т. е. командующій во всѣхъ смыслахъ и отношеніяхъ классъ), руководилось въ своей дѣятельности началами заимствованными изъ чужи; деспотизму отвлеченныхъ теорій, доктринъ, *сочинительству*, кровью и сокомъ донимавшему Русскую землю, было раздолье. Историческая память была отшиблена, самыя свѣжія преданія забыты, языкъ исковерканъ, простой, здоровый смыслъ вещей утраченъ, родной народъ сталъ terra incognita, которую потомъ, уже въ наше время, стали открывать какъ Америку... Какъ не быть раздолью въ такомъ опорожненномъ отъ всякаго реагента, всякаго воздѣйствія духа жизни народной, и притомъ такою всемогущею внѣшнею властью надѣленномъ абстрактномъ мірѣ!

Но не станемъ вдаваться въ исторію былаго, обратимся къ настоящему. Какія бы тамъ ни были причины, но фактъ, котораго конечно никто отрицать не будетъ, потому что онъ налицо, именно тотъ, что мы *не живемъ*, въ настоящемъ смыслѣ слова, цѣльною, органическою жизнью страны, хотя и мучимы жаждою *жить*. Мы осуждены пока *мудрствовать* въ отвлеченной сферѣ сознанія, и *мудрить* надъ жизнью— какъ скоро обращаемся къ практическому дѣйствію. За то— этого нельзя не признать, — дѣятельность въ этой отвлеченной сферѣ получила необычайное, усиленное развитіе, поглотила всѣ наши силы. Оно и вполнѣ понятно. Для этой дѣятельности не было и границъ; ей не приходилось считаться съ жизнью, съ которою связь была порвана, не лежало на плечахъ груза старыхъ преданій и дорогихъ завѣтовъ, который бы замедлялъ быстроту движенія; не видать было и въ новѣйшей дѣйствительности чѣмъ бы особенно стоило дорожить, не было, значитъ, препонъ для самаго крайняго радикализма, — благо все большею частью происходило и рѣшалось *въ принципѣ!* Такого рода горячечной дѣятельности въ мірѣ мысли не представляла никакая страна. Вездѣ новая мысль пытается пустить или дѣйствительно пускаетъ корни въ самую жизнь, всходитъ болѣе или менѣе туго, медленно подъемлетъ свой стебель, созрѣваетъ, ждетъ жатвы. У насъ все скользило и еще скользитъ на поверхности почвы, не пуская корней, опредѣляя собою лишь личную судьбу одного, много двухъ поколѣній, — оттого все

скоро вывѣтривается, изнащивается, пошлѣетъ. Оттого между смѣняющимися поколѣніями мало связи, мало преемственности, такъ что многое, напечатанное лѣтъ только 15, даже 10 тому назадъ, можетъ быть преблагополучно перепечатываемо вновь и прочитываемо какъ нѣчто новое и вновь потребное. И тѣмъ все шире и шире кругъ самихъ «дѣятелей», чѣмъ ранѣе начинается въ наши дни работа отвлеченнаго сознанія для отрока или отроковицы, чуть не со школьной гимназистской скамьи, чѣмъ сильнѣе распложается періодическая печать,—которая, какъ извѣстно, въ значительномъ большинствѣ своихъ органовъ пробавляется юношами, отважно пускающимися въ теоретическую оцѣнку почти невѣдомыхъ имъ явленій дѣйствительности.

Очевидно, къ прискорбію, что результаты такой дѣятельности чисто абстрактнаго свойства, не питаемой духовнымъ сокомъ народной почвы, умудряемой опытомъ общенародной исторической жизни, не соотвѣтствуютъ ея изумительному напряженію и тратѣ такого богатства умственныхъ силъ; въ области науки и практическихъ открытій успѣхи наши почти ничтожны. Тѣмъ не менѣе мы вовсе далеки отъ мысли считать эту дѣятельность совершенно безплодною. Неудовлетворительность результатовъ объясняется ненормальностью, болѣзненностью самого явленія, т. е независящимъ отъ воли самихъ дѣятелей преобладаніемъ въ ихъ дѣятельности стихіи абстракта или отвлеченности и, какъ мы сказали, совершеннымъ отчужденіемъ отъ дѣйствительной жизни народной, съ ея истинными нуждами и потребностями. Однакожъ, если окинуть взоромъ все пройденное русскою мыслью пространство съ начала указаннаго ей поприща до нашихъ дней, то конечно можно будетъ, не останавливаясь на различныхъ ея фазахъ, опредѣлить и сумму осѣвшихъ, обратившихся въ неотъемлемое и немалоцѣнное достояніе умственныхъ, духовныхъ выводовъ и итоговъ. При всемъ томъ, историкъ русской общественной мысли долженъ будетъ прежде всего признать, что ея работа совершалась въ пустопорожности, dans le vide, какъ говорятъ Французы; что этотъ пустопорожній міръ былъ населенъ потребностями и страстями большею частью мнимыми, не имѣвшими никакого *жизнен-*

наго права на бытіе, о которыхъ можно бы сказать стихами Шиллера:

Не наша ихъ земля ростила,
Не наше солнце грѣло ихъ!

а между тѣмъ потребностями и страстями подчасъ до того напряженными, интенсивными, что онѣ становились источникомъ вовсе не мнимыхъ, а реальныхъ, истинныхъ страданій. Жизнь отвлеченная, призрачная, цѣликомъ занесенная изъ иноземщины, съ ея историческими скорбями и чаяніями, становилась какъ бы и въ самомъ дѣлѣ *нашею жизнью*, несмотря на поразительное, ошеломляющее противорѣчіе съ окружающимъ, не отвлеченнымъ, но дѣйствительнымъ міромъ. Такъ наше общество совершенно *юное*, еще не начинавшее жить, уже пережило, въ сферѣ сознанія, всѣ нравственные старческіе недуги отживавшихъ, разлагавшихся обществъ Западной Европы, не извѣдавъ ихъ жизненнаго опыта: и тоску, и разочарованіе, и муки сомнѣнія и отрицанія, имѣвшія на Западѣ подъ собою историческую почву, — рядилось и въ Чальд-Гарольдовъ плащъ, по выраженію Пушкина, и во всевозможные плащи чужихъ общественныхъ направленій. Такъ въ нашей странѣ, гдѣ общество (мыслящее, образованное), сравнительно, такъ малолюдно, гдѣ «недостатокъ въ людяхъ вошелъ въ пословицу,—былъ цѣлый періодъ страданія «лишнихъ людей». И хотя это страданіе именно въ Россіи, гдѣ образованному контингенту дѣятелей было отказываемо въ живомъ плодотворномъ дѣлѣ, могло бы имѣть, повидимому, вполнѣ положительное основаніе, однако-же наши страдальцы-«лишніе люди», въ эпоху этого литературнаго повѣтрія, страдали à la Оберманъ, по западному, а вовсе не русскимъ, реальнымъ, историческимъ страданіемъ.

Самою блистательною эпохою этой отвлеченной дѣятельности было царствованіе Императора Николая. Событія отечественной войны снесли было эту отвлеченность на реальную почву, гдѣ именно она и не замедлила обличиться,—но крутая система правленія, водворившаяся послѣ 14 декабря 1825 г., вогнала русскую мысль *внутрь*, не давая ей расплываться во внѣшности,—и что же? По свидѣтельству Герценскаго Дневника и всѣхъ современниковъ, никогда умственный уровень русскаго общества не стоялъ

такъ высоко, никогда дѣятельность въ сферѣ абстракта не поглощала такъ сильно образованныхъ русскихъ людей. Эстетика и философія *повидимому* «процвѣтали», возбуждая всеобщій, самый живой интересъ... И все это на почвѣ крѣпостнаго рабства, среди повальнаго безправья непривилегированныхъ классовъ, среди экономической варварской безурядицы! Говоримъ это нисколько не въ упрекъ, а только указываемъ на аномалію нашего общественнаго развитія. Чего мы не пережили, чѣмъ не перебывали, какими *измами* не увлекались въ нашемъ тепличномъ, оранжерейномъ мірѣ, носившемся съ его призрачными радостями и страданіями надъ юдолью Русской земли съ ея непризрачнымъ горемъ и страстотерпнымъ подвижничествомъ!

Мы не намѣрены впрочемъ излагать здѣсь исторію русскаго общества, а только намѣчаемъ характеристическія черты. Истинно плодотворною стала работа его отвлеченной мысли, когда въ «объектъ сознанія» попала наконецъ *народность*, съ ея «субстанціей», какъ говорилось тогда, и исторіей, когда начался трудъ *народнаго самосознанія*. Словно Америка, повторяемъ, открылся русскому обществу Русскій народъ, и все это, сравнительно, такъ недавно! Покойный А. В. Веневитиновъ хвалился намъ, что онъ *первый* изъ своихъ разъѣздовъ по Россіи, въ качествѣ чиновника особыхъ порученій, во второй половинѣ двадцатыхъ годовъ, вывезъ свѣдѣніе о сельской поземельной общинѣ и мірскомъ крестьянскомъ самоуправленіи, и сообщилъ его своему брату, извѣстному, такъ рано умершему поэту, и молодому его другу, Хомякову! Это о явленіи, которое, переживъ тысячелѣтіе, было у всѣхъ на глазахъ, которое всѣ видѣли и *знали*, но не *сознавали*! Литература вопроса объ общинѣ, этомъ основномъ элементѣ нашего народнаго великорусскаго быта, можетъ и затѣмъ представить истинныя диковинки: и попытки отрицать, если не самый существующій фактъ, то его историческую древность, умалить его значеніе, представить его наслѣдіемъ варварства, — и гоненія на общину во имя европейской цивилизаціи, и наконецъ, въ наши дни, почти всеобщее признаніе общины, надѣленіе ея правами гражданства въ сферѣ общественнаго сознанія (да и то благодаря болѣе авторитету иноземному, съ позволенія со-

ціалистическихъ теорій!!) Точно такимъ-же *открытіемъ* были для русской «интеллигенціи» и Земскіе Соборы: только теперь, почти сорокъ лѣтъ спустя, какъ впервые заговорили о нихъ славянофилы, стало проникать въ русское общественное сознаніе понятіе объ этомъ крупномъ историческомъ явленіи до-Петровской Руси,— понятіе все еще очень смутное. Безъ сомнѣнія представителями самой плодотворной дѣятельности въ общественной интеллигентной сферѣ были именно мыслители и писатели, прозванные въ насмѣшку славянофилами, а прежде называвшіеся «восточниками», въ отличіе отъ своихъ противниковъ «западниковъ»... Кто не помнитъ или не знаетъ про ту жестокую, запальчивую борьбу, которая въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ велась между обоими лагерями? Самая возможность образованія въ Россіи, въ *русскомъ* обществѣ, особаго лагеря со знаменемъ *русской* народности (какъ будто для русскаго общества мыслимо знамя иное!), самое то, что такой общественный фактъ не показался никому страннымъ и былъ всѣми признанъ, уже достаточно опредѣляетъ отношеніе русской интеллигенціи къ русской народной жизни и тотъ міръ отчужденія, абстракта, въ которомъ витала его умственная дѣятельность. И хотя (это кажется уже не подлежитъ спору) славянофиламъ удалось сообщить нѣсколько иной оборотъ общественной мысли, ослабить нѣсколько ея подобострастную зависимость отъ западноевропейскаго критерія, возбудить болѣе строгое вниманіе къ явленіямъ русской исторіи, вызвать изслѣдованіе русскихъ бытовыхъ данныхъ и т. п., однакожъ несправедливо было бы утверждать, что ихъ направленіе (по нашему единственно вѣрное) одержало успѣхъ и стало господствующимъ. Нисколько. Принято говорить—и это въ большомъ ходу! — что славянофильство уже принесло свою долю пользы, избавивъ общество отъ крайности увлеченія Западомъ, но что теперь-де интеллигенція совсѣмъ ужъ вышла на правый путь и не представляетъ никакой духовной розни съ народомъ, кромѣ той, которая существуетъ между необразованіемъ и образованіемъ, между бытовою непосредственностью и возносящимся надъ нею сознаніемъ... Въ какой степени это вѣрно, лучше всего свидѣтельствуется тѣмъ, что такое отсутствіе розни, такое духовное единство интел-

лигенціи съ народомъ возвѣщаютъ теперь какъ разъ тѣ же самые, которые одновременно объявляютъ нашъ Русскій народъ лишеннымъ всякой «національной самобытности въ сферѣ политическихъ, нравственныхъ и религіозныхъ идей», которые самое притязаніе на какую-либо для Русскаго народа самостоятельность или самобытность клеймятъ ругательствами и насмѣшками!! Это ли не высшее проявленіе, не апогей отвлеченности! Иностранецъ, незнакомый съ исторіей русскаго общества, подумалъ бы, читая многіе наши журналы и газеты, что это отступничество, апостазія... Нѣтъ, — это все та же отвлеченность, чуждая живаго народнаго самосознанія, которой начало положено у насъ реформою Петра и которой все еще не насталъ конецъ, — хотя повидимому и близокъ... Но только повидимому.

Всю эту рѣчь мы ведемъ лишь къ тому, чтобы оправдать слова сказанныя нами въ началѣ и точнѣе охарактеризовать нашу современную суетливую работу. Недугъ отвлеченности сталъ наконецъ сказываться у насъ и на практикѣ бѣдственными, трагическими явленіями. Не довольствуясь разрѣшеніемъ вопросовъ *въ принципѣ*, нѣкоторая, наиболѣе стремительная и наименѣе упражнявшаяся въ строгомъ мышленіи часть общества,—при подстрекательствахъ извнѣ, соблазняемая иноземными примѣрами и образцами, увлекаемая вѣковымъ обычаемъ подражанія, вошедшимъ у насъ и въ кровь, и въ плоть, — отважилась разрѣшать нѣкоторые вопросы на *практикѣ*, вообразивъ, что насильственное примѣненіе теоріи къ дѣйствительности равняется органическому творчеству жизни! Вышелъ только новый, наихудшій, наибезобразнѣйшій, наипреступнѣйшій видъ насилія, — практическаго насилія *революціонерствующей отвлеченности* надъ народомъ. Тѣмъ не менѣе эти явленія служили и служатъ симптомомъ угрожающей намъ опасности: они свидѣтельствуютъ, что недугъ нашей отвлеченности созрѣлъ до остраго состоянія, что нужно же наконецъ отыскать ключъ къ болѣе нормальной и цѣльной жизни. Въ настоящее время, кажется, все и всѣ сошлись на *отрицательномъ* отношеніи къ текущей дѣйствительности,— но и только. Правительство стало чуждо прежняго самомнѣнія, одушевлено безспорно искреннимъ желаніемъ блага, чутко прислушивается къ указаніямъ

общества и печати—и недоумѣваетъ, внемля разноголосицѣ... Гдѣ правда? гдѣ же наконецъ она, настоящая общественная мысль? Общество! Но что такое общество? То ли, что говоритъ и голоситъ въ собраніяхъ и въ печати, или же то, что молчитъ? За кѣмъ дѣйствительная и окончательная сила? за толпою ли громковѣщающихъ, или же за массами тѣхъ—безмолвныхъ? Печать? Но точно ли служитъ она выраженіемъ общественнаго мнѣнія, а не личныхъ мнѣній самихъ редакторовъ, или разнообразныхъ, нерѣдко противорѣчащихъ воззрѣній въ средѣ самого общества? Въ наши дни въ особенности дѣятельность мысли кишитъ и кипитъ. Это не прежнія досужія только рѣчи,—въ каждомъ словѣ звучитъ болѣзненная нота, свидѣтельствующая объ удрученномъ состояніи духа; онѣ какъ будто и вовсе не похожи самымъ содержаніемъ своимъ на бывалыя отвлеченныя разглагольствія нашей интеллигенціи: не къ Западу приковано ея вниманіе, какъ во дни оны, а къ Россіи,—не философскіе, даже не научные вопросы возбуждаютъ ея живой интересъ, а вопросы насущные, практическіе, по отношенію къ намъ самимъ... Но тутъ-то и обнаруживается самообманъ. Перемѣнился объектъ, но не точка зрѣнія, которая по прежнему не русская, а иноземная, по прежнему отвлеченная, по крайней мѣрѣ у большинства выступающихъ на печатную трибуну интеллигентовъ,—да и на печатную ли трибуну только? Читая и слушая ихъ, думаешь иногда, что попалъ въ сонмъ благодѣтелей-иностранцевъ, притомъ же разноплеменныхъ, но равно кипящихъ искреннимъ желаніемъ пособить русскому горю,—выбивающихся изъ силъ и изъ голоса, чтобы отрекомендовать каждый свою панацею! Каждый день выбрасываетъ на свѣтъ божій сотню газетныхъ листковъ (мы и самихъ себя не выключаемъ изъ ихъ числа), съ сотнею замѣчаній, указаній критическихъ оцѣнокъ, предположеній, плановъ, совѣтовъ по всѣмъ частямъ, по всѣмъ сторонамъ, по всѣмъ «вопросамъ»,—дергающихъ, сокрушающихъ, созидающихъ, разумѣется только въ принципѣ и на словахъ, существующій строй,—развинчивающихъ, свинчивающихъ, переиначивающихъ нашъ административный механизмъ,—въ непригодности, устарѣлости котораго всѣ согласны, но въ способахъ исправленія или въ выборѣ новаго на смѣну почти никто

другъ съ другомъ не сходится. Такая лихорадочно-возбужденная дѣятельность не можетъ обойтись безъ примѣси страсти и взаимнаго раздраженія, и только пуще и пуще плодитъ недоразумѣніе. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя не поразиться (даже оставляя въ сторонѣ умышленную недобросовѣстность) тѣмъ обиліемъ взаимнаго недоразумѣнія, которое сказывается и у пишущихъ между собою, и между пишущими и читающими. Люди точно лишились способности понимать другъ друга, сговориться, спѣться, достигнуть *споразумленія* (выражаясь по сербски), вникать въ истый смыслъ слова. Мы это по крайней мѣрѣ испытываемъ на себѣ, дивясь самымъ неожиданнымъ превратнымъ истолкованіямъ, которымъ подвергаются иногда наши рѣчи—казалось бы точныя и опредѣленныя. Слово въ наши дни какъ будто служитъ не къ уясненію, а къ большей путаницѣ понятій...

Какъ бы то ни было, но эта дѣятельность русской общественной мысли, восколько она проявляется наружу съ настоящею, впрочемъ вполнѣ законною возбужденностью, пока еще только умножаетъ замѣшательство, только истощается въ мудрствованіи, въ *сочинительствѣ*, и не можетъ выбиться изъ заколдованнаго круга своей отвлеченности. Можетъ-быть намъ суждено пройти еще чрезъ нѣсколько опытовъ практическаго исполненія разнообразныхъ сочиненій, еще неоднажды помудрить надъ жизнью,—но пора бы убѣдиться, что все сочиненное лишено внутренней, зиждущей силы, не пользуется ни авторитетомъ, ни довѣріемъ, предполагаетъ возможность новыхъ остроумнѣйшихъ сочиненій,—однимъ словомъ, осуждено на безплодіе и кратковѣчность. Какъ ни напрягайся, процессъ сочинительства не замѣнитъ органическаго творчества; какъ ни сочиняй, не сочинишь жизни. Какъ ни ставь, какъ ни рѣшай вопроса: «чѣмъ намъ быть?» на него отвѣтъ одинъ: *быть самими собой.*

А что же вы сами—предугадываемъ замѣчаніе нѣкоторыхъ,—вы которыхъ противники осмѣиваютъ, въ сущности же лишь удостоиваютъ печатнымъ наименованіемъ «самобытниковъ», т. е. защитниковъ національной духовной самодѣятельности и вообще правъ духовной народной личности? Но и прежніе славянофилы, и тѣ, которые продолжаютъ дѣйствовать въ томъ же направленіи, какъ бы ихъ тамъ ни прозывали, тѣмъ

и отличаются отъ «либераловъ» и имъ подобныхъ радѣтелей общаго блага, что они не занимались и не занимаются сочинительствомъ формулъ для жизни. Ихъ посильная заслуга, думаемъ, именно въ томъ, что они путемъ отвлеченнаго мышленія и живаго знакомства съ народомъ пришли къ вѣрному опредѣленію разъѣдающаго насъ недуга и его историческихъ причинъ, къ опознанію духовныхъ и бытовыхъ *началъ* Русскаго народа въ его исторіи и въ его настоящемъ, восколько сохранился его исконный нравственный образъ,—къ признанію *правъ* жизни и ея органической работы, къ уваженію народной личности и тысячелѣтняго историческаго подвига народа въ созиданіи Русскаго государства, къ вѣрѣ въ его самостоятельное историческое призваніе въ семьѣ общечеловѣческой,—наконецъ именно къ сознанію тщеты всякаго сочинительства, къ убѣжденію, что только *ставъ сами собою*, только пріобщась народнаго духа. обрѣтемъ мы цѣленіе...

Все это только слова и слова, скажутъ намъ. «Укажите же: *какъ* стать самими собою, *какъ* возстановить цѣльность жизни?»... Мы не знаемъ. Мы не обладаемъ такимъ секретомъ. Можетъ-быть ларчикъ и просто открывается; можетъ-быть и нѣтъ. Можетъ-быть это совершится лишь съ помощью великихъ внѣшнихъ событій, можетъ-быть и иначе,—можетъ-быть тогда, когда нашей интеллигенціи опротивитъ наконецъ безплодное сочинительство, когда она смиритъ свою кичливость и придетъ къ смиренному сознанію, что она ровно ничего не знаетъ и ничего не можетъ, что спасеніе не въ ней, а именно въ презираемой ею народной самобытности, когда она утратитъ суевѣріе «западной» науки и цивилизаціи, и взалчетъ истиннаго просвѣщенія, когда она отрезвится отъ угара самомнѣнія...

И въ самомъ дѣлѣ, не у тѣхъ ли разгадка вопросовъ, кто въ настоящую минуту *молчитъ?* Не они ли скажутъ намъ простую правду, простое слово жизни? О, еслибъ ихъ вызвать на слово! Можетъ-быть голосъ ихъ подалъ бы намъ спасительное отрезвленіе, помогъ бы намъ разбить заколдованный кругъ нашей вѣковой отвлеченности, нашей духовной немощи, перестать мудрствовать и начать *жить!* Не геніи нужны бы намъ теперь.—на каждомъ геніи ле-

житъ печать личнаго духа, — намъ нужно то, чего найти труднѣе въ наши дни, чѣмъ геніевъ, и что дороже теперь всякаго генія: намъ нуженъ простой здоровый смыслъ, неразлучный съ вѣрнымъ инстинктомъ жизни...

По поводу Высочайшихъ указовъ Пр. Сенату о выкупѣ надѣловъ и пониженіи выкупныхъ платежей.

„Русь“, 9 января 1882 г.

Важными двумя актами ознаменовался Новый Годъ—дѣяніями милости государевой къ крестьянамъ, Его заботы объ ихъ благосостояніи. Мы разумѣемъ именные высочайшіе указы Правительствующему Сенату, подписанные 28 прошлаго декабря, которые, вмѣстѣ съ приложеніями, воспроизводимъ ниже только теперь, такъ какъ они получены были въ Москвѣ уже по выходѣ 1 № нашей газеты. Первый изъ этихъ указовъ—о *выкупѣ* надѣловъ остающимися еще въ обязательныхъ отношеніяхъ крестьянами въ великорусскихъ и малорусскихъ губерніяхъ; второй — о *пониженіи* выкупныхъ платежей. Съ главными основаніями этого послѣдняго указа наши читатели уже болѣе или менѣе знакомы, на основаніи перепечатанныхъ нами еще въ минувшемъ году газетныхъ сообщеній; извѣстно также, что въ предварительномъ обсужденіи проекта закона о пониженіи, прежде внесенія его въ Государственный Совѣтъ, принимали прошлымъ лѣтомъ, по волѣ Государя Императора, участіе и «свѣдущіе люди» въ числѣ 11. Много толковъ, споровъ, предположеній возбудилъ въ 1881 г. вопросъ о пониженіи выкупныхъ платежей. Государь призналъ за благо явить *всѣмъ* состоящимъ на выкупѣ крестьянамъ, *безъ различія* и *поголовно*, знакъ своей о нихъ заботы — въ томъ размѣрѣ, въ какомъ это теперь представляется возможнымъ безъ разстройства для государственной казны, т. е. повелѣлъ понизить выкупные платежи повсемѣстно на одинъ рубль съ каждаго душеваго надѣла въ великорусскихъ губерніяхъ и на 16 коп. съ каждаго рубля нынѣшняго оклада выкупныхъ платежей въ губерніяхъ состоящихъ на малороссійскомъ мѣстномъ По-

ложеніи. Нѣтъ сомнѣнія, что крестьяне съ живымъ чувствомъ признательности примутъ этотъ «царскій подарокъ». Скидка въ одинъ рубль съ ревизской души составляетъ для каждаго работника (тягла) облегченіе на 2 р. или 2 р. 50 коп. податной тягости на немъ лежащей. Нельзя согласиться поэтому съ мнѣніемъ, будто такое общее уменьшеніе само по себѣ не имѣетъ экономическаго значенія въ скудномъ бюджетѣ крестьянской семьи. Но еще большее значеніе имѣетъ оно какъ первый шагъ въ *податной реформѣ*, какъ установленіе принципа, котораго слѣдуетъ держаться при дальнѣйшемъ пониженіи выкупныхъ платежей, когда средства Государственнаго Казначейства представятъ къ тому возможность. Справедливость требуетъ, чтобы податная реформа коснулась прежде всего тѣхъ разрядовъ крестьянъ, которые наиболѣе обременены податною тягостью. А можетъ ли быть сомнѣніе, что въ этомъ отношеніи крестьяне, обязанные выкупными платежами, стоятъ именно на первой очереди? Нельзя ограничивать податную реформу одною отмѣною подушной подати; не менѣе важную часть этой реформы составляетъ уравненіе всѣхъ разрядовъ крестьянъ въ ихъ платежахъ, пріуроченныхъ къ землѣ подъ названіемъ государственной оброчной подати и выкупныхъ платежей.

Независимо отъ такого общаго поголовнаго пониженія, повелѣно Государемъ произвести *добавочное пониженіе* выкупныхъ платежей тѣхъ селеній бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, которыя въ томъ нуждаются по особенно разстроенному ихъ хозяйственному положенію. Какъ извѣстно, нужныя о таковыхъ селеніяхъ свѣдѣнія уже затребованы министромъ внутреннихъ дѣлъ отъ всѣхъ земствъ еще въ прошломъ году. По полученіи свѣдѣній, назначенная для добавочнаго пониженія сумма распредѣлится между селеніями по взаимному соглашенію министерствъ внутреннихъ дѣлъ, финансовъ и государственныхъ имуществъ, и затѣмъ самый проектъ распредѣленія будетъ переданъ (какъ значится въ дополнительномъ къ указу высочайше утвержденномъ мнѣніи Государственнаго Совѣта) на заключеніе губернскихъ земскихъ собраній, или, гдѣ земскія учрежденія еще не введены, губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій, усиленныхъ непремѣнными членами всѣхъ уѣздныхъ присутствій губерніи.

Предѣлъ добавочнаго пониженія назначенъ вполнѣ справедливый, именно—размѣръ подесятиннаго оклада оброчной подати, уплачиваемаго бывшими *государственными* крестьянами въ сосѣднихъ селеніяхъ: *ниже* этого размѣра, причитающійся по каждому сельскому обществу бывшихъ *помѣщичьихъ* крестьянъ, среднимъ числомъ, окладъ выкупнаго платежа за десятину удобной земли въ надѣлѣ пониженъ уже быть *не можетъ.* Такимъ образомъ достигается, хоть въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, уравненіе бывшихъ помѣщичьихъ и бывшихъ государственныхъ крестьянъ въ платежахъ на нихъ лежащихъ. Еслибы такого предѣла постановлено не было, то могла бы возникнуть новая неуравнительность уже въ пользу бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ.—Вся эта операція распредѣленія должна быть окончена не позднѣе начала 1883 г.; общее же поголовное пониженіе вводится съ 1 іюля сего года.

Всей суммы на пониженіе назначено *двѣнадцать* милліоновъ, изъ которыхъ только три даются пособіемъ на счетъ казны: остальные же девять покрываются изъ общихъ средствъ выкупной операціи и изъ свободныхъ суммъ по ликвидаціи бывшихъ кредитныхъ учрежденій. Сколько извѣстно, для поголовнаго пониженія потребуется около 7 милліоновъ; слѣдовательно для добавочнаго пониженія селеніямъ разстроеннымъ въ ихъ хозяйственномъ положеніи останется 5 милліоновъ. Можно предполагать, что суммы этой будетъ достаточно для того, чтобы оказать дѣйствительное и существенное облегченіе тѣмъ изъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, которыхъ экономическое положеніе находится въ исключительно-дурныхъ условіяхъ отъ плохаго качества почвы, отъ неудобства или малаго размѣра надѣловъ, отъ отсутстія мѣстныхъ промысловъ или отъ какихъ-либо другихъ не случайныхъ причинъ.

Очевидно, что случайныя невзгоды, въ родѣ скотскаго падежа, пожара, неурожая и т. д., при достаточномъ надѣлѣ и хорошей почвѣ, могутъ дать право на *единовременное* пособіе, но не на такое ежегодное вспомоществованіе, какъ пониженіе выкупныхъ платежей, которые, начиная съ 1 іюля сего года, будутъ отнынѣ производиться уже въ уменьшенномъ размѣрѣ по самый срокъ выкупа. Равномѣрно не мо-

жетъ быть принято за непремѣнное основаніе для добавочнаго пониженія одно несоотвѣтствіе поземельной ренты съ выкупными платежами: въ губерніяхъ нечерноземныхъ, на землѣ никуда негодной и ничего повидимому не стоющей, не рѣдкость встрѣтить богатыя промышленныя и торговыя села, не нуждающіяся, конечно, въ добавочномъ пониженіи. Надо надѣяться, что земства, при собираніи свѣдѣній, не будутъ руководиться никакими предвзятыми доктринами и теоріями ни о малоземельѣ, ни о несоразмѣрности настоящей поземельной ренты съ выкупнымъ платежомъ, — а уже по собраніи фактическихъ данныхъ о селеніяхъ съ разстроеннымъ хозяйствомъ составятъ общіе выводы о причинахъ такого разстройства, отличая причины временныя отъ постоянныхъ, и соотвѣтственно съ тѣмъ раздѣлятъ и самыя селенія на разныя категоріи. Эти данныя, которыхъ опубликованіе было бы вполнѣ желательно, послужатъ безъ сомнѣнія наилучшею статистикой народнаго обѣднѣнія и дадутъ множество полезныхъ и новыхъ указаній. Во всякомъ случаѣ, дѣйствіемъ настоящаго высочайшаго указа о пониженіи выкупныхъ платежей народная податная тягота облегчается отнынѣ на двѣнадцать милліоновъ, безъ особеннаго отягощенія притомъ нашего государственнаго бюджета,—и если всякое даяніе благо, то тѣмъ болѣе такое даяніе, которое, вмѣстѣ съ другими правительственными распоряженіями, служитъ залогомъ народолюбиваго направленія нашей новой державной власти.

Но гораздо важнѣе по своему экономическому и даже соціальному значенію первый указъ—объ обязательномъ выкупѣ. По наибольшей части помѣщичьихъ имѣній крестьяне уже перешли въ разрядъ крестьянъ-собственниковъ и вносятъ ежегодные выкупные платежи, подлежащіе нынѣ извѣстному уменьшенію; такъ-называемыхъ же «временно-обязанныхъ», не развязавшихся окончательно съ помѣщикомъ крестьянъ, не перешедшихъ на выкупъ, числилось къ 1 января 1881 г. 1.552,403 души. Прекращеніе «временно-обязательныхъ» отношеній,—этихъ послѣднихъ остатковъ крѣпостнаго права,—уравненіе всѣхъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ въ ихъ гражданскомъ и соціальномъ, закономъ опредѣленномъ положеніи,—это требованіе естественно, неотвратимо, истека-

етъ само собою изъ всего новаго гражданскаго строя, который введенъ въ нашу жизнь закономъ 19 февраля. Но кромѣ нравственно-логической, такъ-сказать, необходимости довершить дѣло раскрѣпощенія, самая неравноправность такихъ крестьянъ и самая эта неопредѣленность положенія поземельной собственности представляли важныя экономическія неудобства. Сверхъ того, нельзя было бы приступить и къ уменьшенію платежей крестьянъ, состоящихъ на выкупѣ, не дѣлая никакого облегченія для крестьянъ временно-обязанныхъ. Уменьшеніе выкупныхъ платежей $5^1/_2$ милліоновъ крестьянъ-собственниковъ безъ одновременнаго распространенія этой льготы на $1^1/_2$ милл. крестьянъ временно-обязанныхъ и безъ освобожденія ихъ отъ обязательныхъ отношеній еще болѣе увеличили бы существующую нынѣ неуравнительность въ платежахъ между крестьянами-собственниками и временно-обязанными. Необходимость докончить дѣло, начатое 19 февраля, всего сильнѣе подтверждается свидѣтельствомъ высочайшаго указа о томъ, «что дворянство нѣкоторыхъ губерній въ послѣднее время само ходатайствовало о переводѣ всѣхъ временно-обязанныхъ крестьянъ на выкупъ въ видѣ общей правительственной мѣры».

Соображенія объ обязательномъ выкупѣ, именно «въ видѣ общей правительственной мѣры», были составлены еще при жизни самого Освободителя крестьянъ и удостоились Его одобренія за нѣсколько дней до кончины (въ февралѣ—какъ сказано въ указѣ). Затѣмъ, по тщательномъ предварительномъ разсмотрѣніи, утверждены нынѣ Государемъ Императоромъ слѣдующія основанія:

Всѣ остающіеся еще въ обязательныхъ отношеніяхъ къ помѣщикамъ крестьяне, находящіеся на оброчной или *издѣльной* повинности въ 36 губерніяхъ великорусскихъ и малорусскихъ и въ Землѣ Войска Донскаго — съ 1 января будущаго 1883 года переводятся на выкупные казнѣ платежи (въ размѣрѣ *уменьшенномъ*, согласно съ другимъ, выше изложеннымъ нами указомъ) и перечисляются въ крестьянъ-собственниковъ. (Въ теченіи текущаго года не возбраняется совершать выкупныя сдѣлки и на прежнихъ правилахъ). *Уменьшеніе* крестьянами *надѣла* для выкупа, противъ отведеннаго имъ по уставной грамотѣ, *не допускается*,—стало-

быть отмѣняется предоставленное имъ, къ несчастію, по Положенію 19 февраля, право сѣсть на такъ называемый *сиротскій надѣлъ* или отказаться отъ части надѣла. Всѣ сложныя формальности, требовавшіяся прежде при совершеніи выкупной операціи, частію устранены, частію облегчены; вмѣсто выкупнаго договора или объявленія, составляется по каждому имѣнію выкупной актъ, который предъявляется помѣщикомъ, для повѣрки, непремѣнному члену уѣзднаго присутствія въ 4 хъ-мѣсячный срокъ съ 1 января 1883 г.; впрочемъ, помѣщикамъ предоставлено предъявлять таковые и заранѣе, впередъ, т. е. даже и въ нынѣшнемъ году, до 1 января; по тѣмъ же имѣніямъ, по которымъ въ означенный 4-хъ-мѣсячный срокъ актовъ отъ помѣщикомъ предъявлено не будетъ, составленіе таковыхъ возлагается на учрежденія по крестьянскимъ дѣламъ. Срокъ для крестьянъ выкупныхъ платежей остается прежній, 49-тилѣтній, на общемъ основаніи. Выкупныя ссуды выдаются помѣщикамъ также на общемъ основаніи, *со скидкою 20%* или такъ-называемаго *дополнительнаго платежа*, кромѣ мелкопомѣстныхъ (владѣющихъ менѣе 21 десятины), которымъ ссуда выдается, какъ и теперь, отъ казны полностью.

Скидка 20%, — предположеніе о которой проникло въ печать ранѣе изданія высочайшаго указа, — вызвала, какъ извѣстно, полемику въ нашей журналистикѣ *за* и *противъ*. Мы готовы признать, въ принципѣ, значительную долю правды въ возраженіяхъ приводимыхъ противъ скидки, т. е. противъ полученія помѣщиками ссуды съ вычетомъ 20%, но полагаемъ однако, что правительству поступить иначе было и нельзя. Удовлетвореніе того, что можетъ-быть требовалось бы строгою справедливостью относительно помѣщиковъ, не приступившихъ до сей поры къ выкупу, отозвалось бы явною несправедливостью относительно великаго множества тѣхъ помѣщиковъ, которые, съ ущербомъ для себя, поспѣшили прекратить обязательныя къ себѣ отношенія крестьянъ и безропотно понесли потерю 20% выкупной ссуды. Бывали, конечно, одиночные случаи (изъ которыхъ одинъ былъ даже описанъ въ нашей газетѣ), когда замедленіе выкупной сдѣлки происходило не отъ воли помѣщика, а даже вопреки его волѣ, по стеченію разныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ,

по оплошности администраціи, иногда даже по винѣ Главнаго выкупнаго учрежденія, которое, по какимъ-то страннымъ соображеніямъ Министерства финансовъ, въ теченіи многихъ лѣтъ находило нужнымъ тормозить выкупъ; но указъ предоставляетъ право и возможность въ теченіи всего 1882 года, какъ докончанія начатыхъ, такъ и совершенія новыхъ выкупныхъ сдѣлокъ между обѣими сторонами.

Независимо отъ вопроса о скидкѣ 20%, переставшей даже быть и вопросомъ, уже послѣ обнародованія настоящаго указа о повсемѣстномъ выкупѣ начинаютъ раздаваться возгласы—именно изъ черноземныхъ губерній—о необходимости *переоброчки*, такъ-какъ цѣнность земли возросла во многихъ мѣстахъ вдвое и даже втрое противъ той цѣны, которую она имѣла 20 лѣтъ тому назадъ. При этомъ ссылаются на ту статью Положенія, въ которой указывается въ перспективѣ переоброчка земли черезъ двадцать лѣтъ, и на позднѣйшее распоряженіе правительства, которое, по наступленіи этого срока, отложило переоброчку еще на 10 лѣтъ. Дѣйствительно о такой переоброчкѣ упоминается въ Положеніи, и дѣйствительно она была отсрочена до 1891 года. но во 1-хъ, упускаютъ изъ виду слова Положенія, что такая переоброчка можетъ быть совершена лишь «на указанныхъ правительствомъ основаніяхъ», — а каковы бы были эти основанія, никому неизвѣстно; между тѣмъ въ нихъ вся и сила, такъ что ссылаться на эту статью и на ней основывать свое право о полученіи выкупной ссуды по *современной* стоимости земли—едва ли удобно. Во 2-хъ, если подобная статья, вмѣстѣ съ несчастной статьей о «сиротскомъ надѣлѣ», соблазнившей и разорившей столь многихъ крестьянъ, и была включена въ Положеніе, то лишь потому, что при необходимости согласить такую противоположность интересовъ, какая представлялась уничтоженіемъ крѣпостной зависимости и надѣленіемъ крестьянъ частью помѣщичьей земли—признавалось вполнѣ благоразумнымъ: разрѣшеніе нѣкоторыхъ частныхъ вопросовъ оставить для будущаго. Кому же не извѣстно, для кого же не было ясно, при наступленіи перваго двадцатилѣтняго срока, что *переоброчка* всей еще невыкупленной земли, на пространствѣ всей Россіи, представилась политическою и экономическою невозможностью, непремѣнно нарушила бы мирный

ходъ всего великаго, начатаго Положеніемъ 19 февраля дѣла, потребовала бы перекройки, даже совершеннаго измѣненія оснований, установленныхъ Положеніемъ, и прежде всего увеличенія, а во многихъ мѣстахъ удвоенія и утроенія опредѣленнаго Положеніемъ оброка, или же соотвѣтственнаго послѣднему *убавленія* крестьянскаго надѣла? Между тѣмъ, въ неизмѣнности опредѣленныхъ Положеніемъ повинностей и ихъ расцѣнки для выкупа и лежитъ главный залогъ спокойнаго и успѣшнаго разрѣшенія этой исполинской соціальной задачи. Вопросъ о переоброчкѣ тѣсно связанъ съ возбужденнымъ недавно въ нашей литературѣ вопросомъ о томъ, что составляетъ предметъ выкупа по Положенію: поземельная ли рента, или же обязательность отношеній, повинность, только пріуроченная къ землѣ? Въ первомъ случаѣ норма выкупа должна несомнѣнно подлежать тому же постоянному *колебанію*, какъ и сама рента; но практично ли допускать подобное колебаніе при рѣшеніи задачъ подобной государственной важности, объ этомъ едвали нужно и толковать. Если бы Положеніе за основаніе для выкупа приняло только поземельную ренту, an und für sich, то въ наивыгоднѣйшемъ положеніи оказались бы милліонеры села Иванова и тому подобныхъ селеній бывшихъ крестьянъ графа Шереметева, гдѣ земля стоитъ грошъ; если же въ такихъ селеніяхъ справедливо было принимать въ соображеніе развитіе промысловъ и торговли (не имѣющее притомъ никакого вліянія на стоимость самой земли), то стало-быть не одна поземельная рента служила и служитъ основаніемъ выкупа. Вообще вопросъ о поземельной рентѣ, по нашему мнѣнію, вопросъ праздный, да и поставленъ у насъ неправильно, какъ это не разъ было доказываемо въ нашей газетѣ и о чемъ мы распространяться теперь не будемъ. Существуетъ не вопросъ, а фактъ,—фактъ современнаго несоотвѣтствія во многихъ мѣстностяхъ Россіи выкупныхъ платежей, не то что съ поземельною рентою, а съ *платежными средствами* крестьянъ. Явленіе это уже обратило на себя справедливое вниманіе и общества и правительства, и вызвало цѣлый рядъ мѣръ къ устраненію такого несоотвѣтствія, къ числу которыхъ принадлежатъ именно указъ о *добавочномъ*, кромѣ общаго, пониженія платежей, и предполагаемый законъ о

регулированіи переселенія, и законопроектъ о сокращеніи кабаковъ, и новыя правила объ арендѣ казенныхъ земель, наконецъ и доставленіе крестьянамъ дешеваго кредита для пріобрѣтенія земли въ собственность и увеличенія своихъ надѣловъ. Существеннымъ же источникомъ этого несоотвѣтствія, какъ и вообще хозяйственнаго народнаго разстройства, служитъ, какъ теперь едвали кто станетъ спорить, вовсе не одно такъ-называемое малоземеліе (кромѣ разумѣется нѣкоторыхъ мѣстностей), но цѣлая совокупность разорительныхъ причинъ. Въ числѣ ихъ, безъ сомнѣнія, первое мѣсто принадлежитъ самой экстенсивной системѣ хозяйства, истощающей почву и угрожающей ей тѣмъ обширнѣйшимъ истощеніемъ, чѣмъ обширнѣе раздвигается кругъ подобной хозяйственной хищнической дѣятельности. Наша газета цѣлымъ рядомъ статей въ теченіи прошлаго года и теперь не переставала и не перестанетъ указывать правительству на необходимость государственнаго содѣйствія подъему и улучшенію народнаго хозяйства болѣе плодотворнымъ, цѣлесообразнымъ способомъ, нежели это практикуется до сихъ поръ: капиталъ Россіи — земля, и пора же наконецъ перестать намъ, спустя рукава, жить *самимъ* капиталомъ, расхищать самый капиталъ, въ пагубной мечтѣ объ его неистощимости.

Раздавшіеся недавно возгласы нѣкоторыхъ помѣщиковъ черноземныхъ губерній о необходимости *переоброчки* земли въ виду указа объ обязательномъ выкупѣ, опираются несомнѣнно, повторяемъ, на новѣйшія толкованія нашей печати, будто бы выкупъ, установленный Положеніемъ 19 февраля, имѣлъ основаніемъ только поземельную ренту. На такое логическое послѣдствіе этого либеральнаго тезиса было предусмотрительно указано нашимъ сотрудникомъ, Д. Ѳ. Самаринымъ, еще годъ тому назадъ, въ первыхъ №№ «Руси». Но къ чести русскаго помѣстнаго дворянства такіе возгласы составляютъ исключеніе и не найдутъ себѣ отклика въ его средѣ. Оно и на сей разъ безропотно и охотно принесетъ жертвы для окончательнаго прекращенія обязательныхъ къ себѣ отношеній бывшихъ своихъ крѣпостныхъ крестьянъ, для довершенія того великаго дѣла 19 февраля, которое составляетъ славу и гордость Россіи предъ всѣми странами міра.

О нравственномъ состоянiи нашего общества—и что требуется для его оздоровленiя?

«Русь», 17-го апрѣля 1882 г.

Лицамъ, стоящимъ на высотахъ власти, не мѣшало бы иногда снизойти съ этихъ высотъ *долу*, перенестись, хоть мыслiю, въ положенiе всей этой несмѣтной массы подвластныхъ, поразвѣдать, постараться понять — какъ отражается правительственная дѣятельность въ общественномъ сознанiи, въ ладъ ли съ правительственнымъ камеръ-тономъ духовный строй управляемыхъ, и если не въ ладъ, то почему: строй ли фальшивъ, камеръ-тонъ ли невѣренъ или же не довольно звученъ? И тѣмъ нужнѣе подобное разслѣдованiе для центральной власти, чѣмъ отдаленнѣе и уединеннѣе мѣсто ея пребыванiя отъ сосредоточiя народной и общественной жизни. Мы разумѣемъ здѣсь, конечно, не одно вѣдѣнiе дѣйствительныхъ, практическихъ нуждъ страны—экономическихъ, бытовыхъ, соцiальныхъ, потребность котораго уже достаточно опредѣлилась, да и вполнѣ признана самимъ правительствомъ; мы въ настоящемъ случаѣ имѣемъ въ виду нѣчто иное—именно *нравственное* состоянiе общества, которое не можетъ же не быть принимаемо въ соображенiе и разсчетъ верховодящею властью. Въ области управленiя дѣйствуютъ не одни внѣшнiя условiя пользы, выгоды, практической цѣлесообразности, но и нравственные факторы — сочувствiе, одушевленiе, довѣрiе. Не одни частныя, дробныя, хотя бы и вполнѣ основательныя мѣропрiятiя двигаютъ страну къ преуспѣянiю, но еще сильнѣе, можетъ быть, двигаетъ ее провозглашенiе и исповѣданiе началъ, указанiе идеаловъ,— однимъ словомъ все то, что вызываетъ въ обществѣ жизнь и дѣятельность духа. Нравственное состоянiе общества—это именно та атмосфера, отъ которой зависитъ ростъ и процвѣтанiе правительственныхъ законодательныхъ насажденiй: оно можетъ быть здоровое или недужное и въ послѣднемъ случаѣ нерѣдко нуждаться въ правительственномъ врачеванiи; оно можетъ испытывать въ данную минуту и особыя психическiя потребности, заслуживающiя заботливаго вниманiя, а иногда и немедленнаго удовлетворенiя...

Никто не назоветъ нравственнаго состоянія нашего общества здоровымъ, да откуда же здоровью и быть? Было бы болѣе чѣмъ странно, еслибъ мы совсѣмъ безболѣзненно расквитались съ позоромъ и ужасомъ послѣднихъ лѣтъ, и съ олимпійскимъ спокойствіемъ предусматривали въ будущемъ возможность новаго срама, новаго содроганія, новыхъ обидъ и бѣдствій. Не можетъ же нормальный строй духа освоиться съ подобною чудовищною аномаліей и признать ее неизбѣжною принадлежностью русскаго общежитія, естественною приправою нашего ежедневнаго обихода! По истинѣ можно только дивиться крѣпости нашихъ общественныхъ основъ и нервовъ! А нервы все-таки потрясены, и у всѣхъ; недоумѣніе пригнетаетъ многихъ; колобродство мысли и шатость нравственныхъ понятій, смута умственная и душевная одолѣли не малую часть общества. Но и въ большей его части, въ той, которая чужда и такъ-называемаго нигилизма, и доктринерскаго либеральничанья, которая въ своемъ стремленіи къ гражданскому совершенствованію, къ правдѣ, силится удержаться на органическомъ и историческомъ, національномъ пути,—и въ этой части общества, сравнительно болѣе здоровой, нѣтъ сердца не удрученнаго скорбью, не одержимаго страстнымъ желаніемъ обновленія въ надеждѣ и вѣрѣ. Въ самомъ дѣлѣ, послѣ всѣхъ страшныхъ событій, насильственно прервавшихъ мирное теченіе историческаго дня, не возможно же «возвратиться паки на прежняя», т. е. пытаться возстановить то же теченіе, какъ будто ничего и не бывало, какъ будто все совершившееся было лишь случайнымъ эпизодомъ, временною досадною помѣхой! Слишкомъ натянуты были всѣ струны общественнаго духа, слишкомъ жгуча испытанная боль, слишкомъ остры страданія... Послѣ внезапно охватившей насъ тьмы и удушья, живѣй, томительнѣй алчется свѣта и воздуха. Послѣ этого урагана лжи, закрутившаго умы, заслѣпившаго души, такъ нужно,—никогда не было нужнѣе мощное дыханіе правды! Послѣ всѣхъ этихъ явленій слабости, безволія, зыбкости мнѣнія и хотѣнія въ представителяхъ власти, какою неотразимою, мучительною потребностью стала для общества сила *усугубленная*, воля *незыблемая*, твердая, ясная мысль! Блистательное, торжественное оправданіе нужно тѣмъ началамъ порядка,

на которыя совершено было посягательство, которыя подверглись порицанію и отрицанію и которымъ пребыло вѣрно необъятное большинство всей страны! И какъ-бы хотѣло оно, это большинство, снова беззавѣтно довѣриться, снова одушевиться надеждой и рвеніемъ, и ждетъ оно внятнаго, властнаго зова, вслушивается, всматривается—нѣтъ ли гдѣ путевыхъ указательныхъ признаковъ, не видать ли высоко и бодро развѣвающагося знамени...

Едвали эта общественная потребность сознается вполнѣ отчетливо въ Петербургѣ, на окраинѣ нашего государства, въ нашихъ высшихъ, руководящихъ сферахъ. Благонамѣренность правительственныхъ дѣятелей не подлежитъ, да и не подвергается, думаемъ, ничьему сомнѣнію; цѣлый рядъ частныхъ полезныхъ мѣръ свидѣтельствуетъ о прилежной заботѣ и работѣ людей, поставленныхъ на высшей чредѣ государственнаго служенія; но вся эта полезная и честная дѣятельность,—и считаемъ гражданскою обязанностью высказать это откровенно,—по своему дробному и какъ-бы случайному характеру, не стоитъ на уровнѣ того, что̀ на потребу нашему историческому дню и возбужденному общественному духу. Нравственная сила ея значенія не перевѣшиваетъ ни прошлыхъ пережитыхъ, ни даже настоящихъ еще продолжающихся испытаній. Ибо не слѣдуетъ забывать, что возобновляющіяся отъ времени до времени проявленія революціоннаго нигилизма, еще удесятеряемыя, преувеличиваемыя молвою, не особенно могутъ способствовать тому водворенію душевнаго спокойствія, которое такъ было-бы желанно для нашего нравственнаго исцѣленія. Они только обостряютъ положеніе, обостряютъ самыя ожиданія и требованія, обращенныя къ власти. Но даже и тѣ надежды и упованія, которыми, къ своему утѣшенію, уже готово было заручиться общество, не успѣваютъ сложиться въ прочный залогъ—вслѣдствіе какихъ-то особенныхъ, новыхъ, характеристическихъ условій нашей общественной жизни. Никогда не разгуливали на такомъ просторѣ молва и сплетня, какъ въ наши дни, и какая молва, какая сплетня?! Не о какихъ-либо подробностяхъ частной жизни или административныхъ нравовъ, а о самыхъ основахъ правительственной программы, объ удаленіи, смѣнѣ и назначеніи лицъ, стоящихъ во

главѣ самыхъ важныхъ вѣдомствъ! Ошибочно было-бы и едва-ли безвредно относиться къ такому явленію, какъ къ «пустякамъ», какъ къ праздной, невинной забавѣ или какъ къ неотвратимой принадлежности всякаго общественнаго быта. Эти пустяки касаются вовсе не пустячныхъ общественныхъ государственныхъ интересовъ, только плодятъ смуту и шатость умовъ, дѣйствуютъ самымъ деморализующимъ образомъ. Но гдѣ же причина такого ихъ преобладанія въ нашей современной жизни? Не въ томъ ли именно, что не всѣмъ и не отовсюду видно то знамя, котораго одинъ видъ могъ бы обличить въ неправдоподобіи всякую молву и сплетню, — что недостаточно звученъ тотъ правительственный камертонъ, о которомъ мы говорили выше, и по которому могъ бы вѣрно налаживаться общественный строй?..

Другими словами: обществу все еще до сихъ поръ не довольно извѣстна правительственная программа; оно все еще не вполнѣ увѣрено въ непреложности направленія своихъ руководителей, и потому до сихъ поръ еще не можетъ отстать отъ гаданій, отъ предположеній—нерѣдко фантастическихъ; не можетъ установиться и осѣсть на твердой основѣ, и все еще волнуемо слухами, какъ вѣтромъ. А между тѣмъ, съ другой стороны, въ то же самое время оно продолжаетъ испытывать очень реальныя, очень существенныя болѣзненныя ощущенія—вслѣдствіе, напримѣръ, убійствъ, подобныхъ недавнему убійству Стрѣльникова, открытію то тамъ, то здѣсь динамита, и т. д.

Дошло до того, что человѣку, не принимающему непосредственнаго участія въ правленія, для сохраненія спокойствія духа и ясности соображенія, лучше всего зажать уши и запереться въ своемъ кабинетѣ. Но и здѣсь не найдетъ онъ покоя, если только заглянетъ въ иностранныя газеты, въ которыя корреспонденты-иностранцы (ими же кишитъ Петербургъ) немедленно сообщаютъ всѣ колебанія петербургской общественной атмосферы, со всѣми ея слухами, толками и безчисленнѣйшими анекдотами. Тѣ же самыя колебанія мгновенно передаются Москвѣ и провинціи. Люди, «заслуживающіе вѣроятія», на основаніи «самыхъ достовѣрныхъ свѣдѣній» то и дѣло сообщаютъ вамъ, что такой - то главный начальникъ того или другаго

вѣдомства шатается, валится, замѣняется другимъ, совершенно инаго характера и направленія... Обращаетесь къ самимъ «чинамъ вѣдомства»: они—въ тревожной неизвѣстности, но вѣроятности такой перемѣны однакоже не отрицаютъ; наводите справки выше: вамъ разскажутъ, будто и самъ главный начальникъ вѣдомства не увѣренъ въ своемъ положеніи, такъ какъ вокругъ него кипятъ интриги, подъ него ревностно подкапываются, и т. п. Мы вовсе и не думаемъ, что такая неопредѣленность существуетъ близь самаго источника власти: мы, напротивъ, вполнѣ убѣждены, что не только тамъ ея не имѣется, но что тамъ даже вовсе и не подозрѣваютъ возможности подобныхъ общественныхъ сомнѣній и толковъ: вотъ почему именно мы и позволяемъ себѣ обратить вниманіе власти на необходимость устранить для общества вредъ такихъ безпрестанныхъ недоразумѣній. Послѣднія, повторяемъ, едвалибъ даже были возможны, еслибъ слышнѣе, тверже, явственнѣе объявилась, вслухъ и воочію всѣмъ, воля и программа правительства. Никакая спокойная, хладнокровная, точно разсчитанная дѣятельность, конечно, немыслима тамъ, гдѣ дѣятели чувствуютъ зыбкость почвы подъ своими ногами и постоянно смущаемы обидными слухами или дерзкой интригой! Да и заключаетъ ли въ себѣ подобное состояніе общественной атмосферы тѣ условія нравственнаго оздоровленія, которыя такъ необходимы русскому обществу послѣ всѣхъ пережитыхъ имъ содроганій и впечатлѣній, и которыя прежде всего и полнѣе всего могутъ быть преподаны свыше—проявленіемъ воли и силы?

Мы же съ своей стороны еще не колеблемся въ убѣжденіи, что оздоровленіе Россіи вовсе не такъ мудрено и трудно, какъ съ отчаяніемъ въ душѣ думаютъ нѣкоторые; что неистощимъ въ ней запасъ крѣпкихъ, неиспорченныхъ органическихъ силъ, которыя стоитъ только вызвать наружу, освободивъ ихъ изъ-подъ гнета наноснаго разлагающагося хлама бюрократической рухляди и чужеродныхъ нашему государственному организму паразитныхъ тѣлъ... Нужно бы только, вѣрится намъ, — послѣ искуса, выдержаннаго Россіею въ теченіи всего петербургскаго періода ея исторіи, послѣ всѣхъ попытокъ новѣйшаго времени произвести

рознь между верховною властью и народомъ,—явить такое торжественное знаменіе единства и общенія власти съ своею страною, отъ котораго, какъ марево, разсѣялось бы, какъ шелуха свалилось бы все ненародное, съ нигилизмомъ и прочими общественными недугами, въ чаяніи новой, лучшей исторической эры!...

Во всякомъ случаѣ несомнѣннымъ представляется намъ одно: крупны были испытанныя Россіей ощущенія,—нужно и крупное властное дѣйство... Вотъ въ чемъ *психическая* общественная потребность, которая,— смѣемъ думать,—заслуживаетъ нѣкотораго вниманія.

О Кавказскомъ транзитѣ.

„Русь", 30-го октября 1882 г.

Съ 25 числа начались въ Петербургѣ совѣщанія особой коммиссіи при Министерствѣ финансовъ, подъ предсѣдательствомъ директора департамента мануфактуръ и торговли для обсужденія вопроса о Кавказскомъ транзитѣ *). Къ участію въ совѣщаніяхъ приглашены въ качествѣ экспертовъ, представители многихъ извѣстныхъ коммерческихъ фирмъ, имѣющихъ торговыя дѣла съ Персіей и Средней Азіей, вѣрнѣе сказать, посылающихъ туда произведенія своихъ или чужихъ, но русскихъ же заводовъ и фабрикъ. Кавказскій транзитъ для иностранныхъ товаровъ существуетъ уже около 17 или 18 лѣтъ; со времени сооруженія желѣзной дороги изъ Поти

---

*) Для тѣхъ изъ нашихъ читателей, которые мало знакомы съ этимъ терминомъ (а таковыхъ довольно), пояснимъ вкратцѣ въ чемъ дѣло: иностранные товары, ввозимые напримѣръ въ Россію, оплачиваются пошлиною по тарифу, соображаемому обыкновенно съ интересами внутренняго производства, т. е высокому или низкому, смотря по тому, какую отрасль промышленности у насъ дома нужно поощрить и оградить отъ конкурренціи; при транзитной же торговлѣ, тамъ гдѣ допущенъ свободный *транзитъ,* т. е когда иностранный товаръ только проходитъ, напримѣръ, черезъ Россію, а назначается въ другую страну, за Россіей лежащую, пошлины по тарифу съ иноземнаго товара русскимъ правительствомъ не взимаются, а берется только ничтожная провозная или транзитная пошлина.

въ Тифлисъ доставленіе ихъ хотя нѣсколько и облегчилось, однакоже на остальной и наибольшей части пути, отъ Тифлиса до Баку, сопровождалось по прежнему немалыми затрудненіями и могло производиться не иначе какъ гужомъ. Эти затрудненія должны теперь устраниться. Въ настоящую пору достроенъ желѣзный путь отъ Тифлиса до Баку и такимъ образомъ Черное море, черезъ незамерзающій Потійскій портъ, соединено рельсами съ незамерзающимъ же Бакинскимъ портомъ на Каспійскомъ морѣ. Открытіе новой желѣзной дороги отъ Тифлиса до Баку должно послѣдовать черезъ два мѣсяца,—и вотъ, въ виду этого новаго могущественнаго подспорья,—мало сказать подспорья,—поощренія, преміи въ пользу иностранной торговли съ Средней Азіей и возбужденъ нашимъ купечествомъ вопросъ объ условіяхъ транзита. Вѣроятно самое обсужденіе вопроса въ правительственной коммиссіи состоялось вслѣдствіе ходатайства предъ г. министромъ финансовъ Нижегородскаго ярмарочнаго биржеваго комитета, въ который, прошлымъ лѣтомъ, поступало письменное о томъ же предметѣ заявленіе многихъ собравшихся на ярмаркѣ торговцевъ и фабрикантовъ. Это заявленіе было напечатано въ 39 № «Руси».

Въ чемъ же дѣло? А вотъ въ чемъ. Иностранцы, наводняя своими товарами Персію и Среднюю Азію, вытѣсняютъ оттуда произведенія русскихъ фабрикъ и отбиваютъ у насъ тотъ азіатскій рынокъ, который намъ наиболѣе сподручень по нашему географическому положенію и который, казалось бы, предназначенъ намъ самою исторіей. Не говоря уже о Сибири, о нашихъ собственныхъ Средне-Азіатскихъ владѣніяхъ, граничащихъ съ Бухарой, Хивой, Мервомъ, мы всѣмъ нашимъ европейскимъ восточнымъ рубежомъ прилежимъ къ Азіи, а юговосточнымъ къ Арменіи и Персіи. Почему же иностранцы насъ вытѣсняютъ? Потому ли, что товары наши плохи, хуже иностранныхъ? Нѣтъ, товары наши, по крайней мѣрѣ теперь, не хуже, а нѣкоторые, особенно мануфактурные, положительно лучше иностранныхъ, до такой степени лучше и притомъ любимѣе въ Азіи, что иностранцы поддѣлываютъ подъ ихъ наружный видъ свои собственные—качествомъ ниже, ставятъ на нихъ поддѣльныя русскія клейма и продаютъ за русскіе. (Извѣстно, напри-

мѣръ, что въ Китай ввозятся Англичанами сукна, фабрикованныя въ Англіи съ русскимъ клеймомъ Бабкина). Какая же причина доставляетъ иностранцамъ такое преимущество въ торговлѣ надъ нами? Причина та, что они продаютъ свои товары дешевле, а продаютъ дешевле потому, что обладаютъ морями и торговымъ флотомъ, слѣдовательно самымъ дешевымъ, удобнымъ и всегда свободнымъ способомъ сообщенія и доставки тяжестей къ морскимъ портамъ (это вѣдь не наши замерзающія рѣки!). Корабль отдалъ во власть Западной Европы рынки Азіи, Африки, обѣихъ Америкъ, Австраліи и всѣхъ острововъ Океана. Съ такимъ преимуществомъ иностранцевъ трудно тягаться Россіи, не обладающей удобствами торговаго мореплаванія,—Россіи, въ которой мануфактурная и промышленная дѣятельность сосредоточена въ центрѣ громадныхъ, сухопутныхъ пространствъ, только еще недавно, да притомъ еще и недостаточно, не вездѣ соединенномъ съ своими отдаленными приморскими окраинами. Но на это наше купечество и не ропщетъ: оно не выражаетъ ни зависти иностранцамъ, поставленнымъ судьбою въ болѣе счастливыя условія торговли, ни притязаній на всемірность сбыта своихъ товаровъ. Оно не думаетъ перебивать у купцовъ Западной Европы ни американскаго, ни индійскаго рынка; оно давно махнуло рукой даже и на рынокъ Малой Азіи, совсѣмъ захваченный иностранцами, благодаря ея приморскимъ портамъ. Оно мирится поневолѣ и съ тѣмъ, что иностранцы проникаютъ съ своимъ товаромъ въ Персію и въ Среднюю Азію черезъ Персидскій заливъ или изъ Индіи, или даже чрезъ южныя черноморскія пристани, напримѣръ караванной дорогой изъ Трапезунда на Эрзерумъ, Баязетъ и Тавризъ и другими подобными направленіями. Не могутъ только помириться наши купцы съ тѣмъ, чтобы вырывали кусокъ, послѣдній кусокъ у нихъ изъ самаго горла, чтобъ сама же русская власть вырывала и передавала этотъ кусокъ иностранцамъ. Другими словами: не имѣя возможности ни состязаться съ дешевизною и удобствами иностраннаго морскаго подвоза, ни пользоваться многочисленными торговыми путями состоящими въ распоряженіи западно-европейскихъ купцовъ,—наши русскіе купцы осмѣливаются полагать, что было бы по *меньшей мѣрѣ* несправедливо, ради вящихъ удобствъ для иностранной торговли,

создавать *нашими же средствами* и въ *нашихъ же русскихъ предѣлахъ* путь для свободнаго прохода иностранныхъ товаровъ въ Персію, — т. е., облегчая нашего соперника, отнять у русскаго купечества единственную возможность сколько-нибудь удержать за русскою торговлею единственный, еще остающійся у нея уголъ средneазіатскаго рынка! Уже при самомъ началѣ открытія Кавказскаго транзита нанесенъ былъ ей жестокій ударъ; убытокъ этотъ сталъ еще сильнѣе съ устройствомъ желѣзной дороги отъ Поти до Тифлиса, но сухопутная доставка отъ Тифлиса до Баку, если и не уравновѣшивала, далеко не уравновѣшивала, выгоды обѣихъ сторонъ, то все же въ нѣкоторой степени поднимала цѣну заграничнаго товара и ограничивала самые размѣры транспортовъ; она давала наконецъ извѣстную прибыль отъ разгрузки, нагрузки и извоза мѣстному закавказскому населенію. Теперь же, съ предстоящимъ открытіемъ рельсоваго сообщенія вплоть до Баку, упраздняется даже и эта прибыль, и все дѣло представляется въ такомъ видѣ, будто русская администрація сама зазываетъ иностранцевъ, сама вопитъ къ нимъ: «Пожалуйте! все готово, останетесь довольны! Нашими стараніями и нашими деньгами путь вамъ угла-женъ; гдѣ была гора поперекъ — срыта, гдѣ рѣка, тамъ — мостъ! Ворота вамъ настежъ! катитесь по рельсамъ, возите безпрепятственно, наводняйте товаромъ Персію и Среднюю Азію, вытѣсняйте нашихъ!» Конечно въ такомъ видѣ могла бы представиться Россіи русская администрація только лишь тогда, когда бы, по открытіи желѣзной дороги до Баку, Кавказскій *свободный* транзитъ, т. е. свободный отъ взиманія пошлинъ установленныхъ для иностранныхъ товаровъ по тарифу, былъ окончательно разрѣшенъ. Но такого разрѣшенія еще не состоялось, да надобно надѣяться, — и не состоится. Впрочемъ, газета «Голосъ» спѣшитъ заклясть грозу, нависшую надъ интересами иностранной торговли, и повидимому не отчаивается въ успѣхѣ. Срамя московскую печать, защищающую русскіе торговые интересы, названіемъ «шовинистской», «патріотической», опираясь даже на авторитетъ сатирика Щедрина, излюбленный органъ петербургскихъ «либеральныхъ» бюрократовъ силится доказать, будто разсчеты на усиленіе сбыта русскихъ товаровъ въ Персію съ закры-

тіемъ транзита—однѣ иллюзіи!... Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ,—говоритъ «Голосъ», ссылаясь на слова генерала Сипягина,—когда не было транзита, русскіе товары сбывались плохо, потому что были хуже иностранныхъ... *Пятьдесятъ* лѣтъ! вотъ удивительное доказательство! Да тогда и Кавказъ не былъ еще умиренъ, и проникнуть въ Закавказье было трудно по бездорожью, по дороговизнѣ перевозки, да и не безопасно! Но «Голосъ», не принимая ничего этого въ соображеніе, во всемъ обвиняетъ самихъ русскихъ купцовъ. «Ничто не мѣшаетъ имъ—возглашаетъ онъ—и теперь вытѣснить иностранные товары съ персидскихъ рынковъ»...

Ничто не мѣшаетъ? Виноваты во всемъ сами русскіе торговцы, и они одни? Полно такъ ли?

Русскій торговый балансъ представляетъ и теперь, къ невыгодѣ нашей, перевѣсъ статьи ввоза, оплачиваемаго нами иностранцамъ дорогими металлическими деньгами, надъ статьею нашего отпуска, за который мы получаемъ отъ иностранцевъ наши же дешевыя бумажки. Казалось бы, прямой отсюда выводъ: стремиться къ сокращенію ввоза и къ усиленію отпуска. По многимъ отраслямъ промышленности ввозъ уже и сократился и еще сильнѣе сократится, благодаря успѣхамъ русскаго производства при помощи покровительственнаго тарифа. Но какихъ же трудовъ стоило купечеству добиться этого тарифа, и по всѣмъ ли статьямъ онъ таковъ, какимъ долженъ быть? Не одержима ли была десятки лѣтъ, во вредъ странѣ, наша администрація духомъ фритредерской доктрины? Не воздвигаютъ ли наши мнимые либералы и до сихъ поръ преградъ покровительственной системѣ, какъ это ежедневно доказываютъ ихъ печатные органы? Но что наши промышленники не даромъ воспользовались выгодами тарифа, о томъ громогласно свидѣтельствуетъ недавняя выставка. Успѣхи, сдѣланные русскою промышленностью въ эти послѣднія двадцать лѣтъ, изумили иностранцевъ, вызвали даже восторженные отзывы у многихъ, особенно Французовъ (ссылаемся на статью въ книжкѣ «Revue des deux Mondes» 1 ноября), причемъ никому изъ нихъ и въ голову не пришло упрекнуть Россію высокимъ тарифомъ и отступленіемъ отъ теоріи свободной торговли! Этотъ упрекъ продолжаетъ раздаваться въ самой Россіи отъ Русскихъ же—

несчастныхъ *рабовъ* доктрины, именующихъ свое рабство либерализмомъ! Успѣхи нашей промышленности не могли и не должны были радовать нашихъ фритредеровъ; они не прекратили своей агитаціи и теперь, т. е. продолжаютъ *мѣшать:* не удалось на ввозѣ иностранныхъ фабрикатовъ, такъ не удастся ли съ другой стороны, по статьѣ русскаго *отпуска?* Въ самомъ дѣлѣ, принимаются ли какія мѣры для усиленія сбыта нашихъ товаровъ? Понятное дѣло, что европейскіе рынки не нуждаются въ тѣхъ нашихъ издѣліяхъ, въ которыхъ мы являемся учениками и подражателями, хотя бы и вполнѣ искусными, и которыми стараемся вытѣснить у себя таковыя же издѣлія иностранныя; вотъ отчего, по западной своей границѣ, Россія, какъ извѣстно, сбываетъ почти исключительно хлѣбные продукты и сырье; для произведеній же ея фабричной и заводской промышленности имѣется, кромѣ внутренняго рынка, только почти одинъ заграничный рынокъ—азіатскій. Настойчиво, упорно, не щадя никакихъ жертвъ, двигалась Россія къ этому рынку и подошла къ нему вплоть. Каждый шагъ нашъ на этомъ пути ознаменованъ тяжкою борьбою, орошенъ кровью. Дорого обошлось намъ упроченіе за собою Чернаго моря и Каспія. усмиреніе Кавказа, завоеваніе Закаспійскихъ азіатскихъ степей! И надобно воздать должную справедливость нашему купечеству. Оно — въ этомъ торговомъ направленіи — проявило замѣчательно много энергіи, предпріимчивости, настойчивости и отваги. Сами Англичане дивятся этимъ смѣлымъ караваннымъ походамъ русскихъ купцовъ въ Китай, Монголію, въ глубь Средней Азіи. Оно изучило вкусъ, обычаи, нравы Азіатцевъ и приноровило къ нимъ фабрикацію своихъ товаровъ; оно болѣе или менѣе пріобрѣло повсюду довѣріе и сочувствіе населенія. Оно обильно снабдило Волгу пароходами и транспортными судами. Оно съ своей стороны сдѣлало и дѣлаетъ почти все, что для него возможно, но здѣсь,— т. е. по отношенію къ отпускной торговлѣ,—его напряженныя усилія не только встрѣчаютъ слабую поддержку со стороны русской администраціи, но—можно сказать — безпрестанно парализуются отсутствіемъ ясно-сознанной общей торговой политики въ нашемъ правительствѣ.

Да, именно отсутствіемъ такой общей торговой политики

и страдаетъ Россія. И это происходитъ не только отъ того, что у насъ всякая политика ведется не внутри Россіи, а на окраинѣ, отдаленной отъ центра русскихъ производительныхъ и торговыхъ силъ, русской народной жизни и дѣятельности, но и просто отъ того, что таковъ ужѣ нашъ бюрократическій строй, въ которомъ всѣ части управленія распредѣлены по вѣдомствамъ, въ ущербъ цѣлому, и каждое вѣдомство чуть не государство въ государствѣ. Конечно, спеціально вѣдать промышленность и торговлю лежитъ на обязанности Миристерства финансовъ; оно и вѣдаетъ, и теперь, слава Богу, все болѣе и болѣе освобождается отъ духа фритредерской доктрины, показывая искреннее расположеніе прислушаться къ мнѣніямъ наиболѣе заинтересованныхъ въ торговлѣ лицъ и служить не той или другой теоріи, а прежде всего русскимъ національнымъ интересамъ: расположеніе тѣмъ болѣе цѣнное, что ему приходится выдерживать тяжкую борьбу съ довольно сильными въ Петербургѣ иностранными дипломатическими и еврейскими биржевыми вліяніями. Но вѣдѣніе этого министерства не простирается на всѣ условія, отъ которыхъ зависитъ судьба русскаго торговаго дѣла. Министерство финансовъ, напримѣръ, вырабатываетъ и устанавливаетъ цѣлую систему поощреній и поддержекъ русской промышленности и торговлѣ, между прочимъ и тарифъ для ввозимыхъ въ Россію иностранныхъ товаровъ, а желѣзнодорожныя управленія, которыя вѣдаетъ другое министерство, Министерство путей сообщенія, устанавливаютъ такой провозный желѣзнодорожный тарифъ, который приводитъ тарифныя комбинаціи Министерства финансовъ къ совершенному нулю и покровительствуетъ иностранной торговлѣ въ ущербъ русской. А третіе Министерство, внутреннихъ дѣлъ, вѣдающее не искусственныя, а натуральныя дороги, запускаетъ и доводитъ до непроѣздности важный старинный торговый трактъ; а Министерство иностранныхъ дѣлъ вдругъ заключитъ какой либо трактатъ безъ внимательнаго соображенія съ русскими торговыми интересами (хоть бы, напримѣръ, допустивъ въ Берлинскомъ трактатѣ обязательство для Болгаріи руководиться турецкимъ тарифомъ, самымъ неблагопріятнымъ для Россіи и самымъ благопріятнымъ для Англіи съ Австріей, и т. д., и т. д.). Такое же

отсутствіе торговой политики сильно ощущается и по отношенію къ русскимъ торговымъ интересамъ на Средне-Азіатскомъ рынкѣ.

Данъ намъ природою и русскою доблестью богатый водный путь вплоть до Азіи: это Волга, изъ центра Россіи несущая суда въ Каспій. Ужъ этого ли пути не беречь, этой ли нашей кормилицы не лелѣять? Цѣлый рѣчной флотъ торговый покрываетъ ея воды. И что же? нынѣшній годъ засвидѣтельствовалъ — въ какомъ небреженіи находится этотъ путь, и ужъ никакъ не по винѣ русскаго купечества! Противодѣйствовать обмелѣнію Волги, заботиться о срытіи перекатовъ, объ углубленіи и исправленіи фарватера и самыхъ устьевъ— дѣло правительства. Намъ не извѣстно сочло ли своею обязанностью Министерство финансовъ вступиться за соблюденіе русскихъ торговыхъ выгодъ, связанныхъ съ состояніемъ Волги, «вошло ли въ переписку» съ Министерствомъ путей сообщенія, или же признало это обстоятельство до себя не касающимся,—можетъ быть и «вошло», но результатъ повидимому самый жалостный. Если газеты не ошибаются, то Министерство путей сообщенія ассигновало на исправленіе волжскаго воднаго пути на всемъ его чуть не четырехтысячномъ протяженіи... 80 т. р. въ годъ! Это все равно что ничего. Итакъ, съ этой стороны отвѣтственность за затрудненіе встрѣчаемое торговлею ложится опять не на русскихъ торговцевъ, такъ легко и охотно обвиняемыхъ въ косности! Богъ знаетъ какъ усиленно добиваются они удобныхъ сообщеній въ Закаспійской степи! Купецъ Ванюшинъ открылъ и указалъ колесный путь отъ Мертваго Култука до Кунграда близь Аральскаго моря и Аму-Дарьи, по которому, увѣряютъ купцы, очень легко и недорого было бы проложить хоть «верблюжью конку», т. е. конножелѣзную дорогу съ замѣною лошадей верблюдами,—купцы составляли и подавали «куда слѣдуетъ» о томъ записки; дѣло не подвинулось ни на вершокъ... Вѣроятно «денегъ нѣтъ», но деньги однако же нашлись для проложенія желѣзной дороги отъ Тифлиса до Баку; для закавказскихъ желѣзныхъ дорогъ правительство не отступило даже отъ заграничнаго металлическаго займа (потому что помѣщеніе массы облигацій этихъ дорогъ у иностранныхъ банкировъ тождественно съ займомъ и потребу-

стъ новой металлической приплаты ко всѣмъ нашимъ заграничнымъ платежамъ). Вотъ для проложенія Сибирскаго желѣзнаго пути или для продолженія Владикавказской желѣзной дороги денегъ не находится... Конечно, при нашихъ пространствахъ, все что сокращаетъ и хоть нѣсколько одолѣваетъ ихъ—дѣло желанное, и въ этомъ смыслѣ можно радоваться проложенію рельсовъ вездѣ и во всякомъ случаѣ, но само по себѣ сооруженіе Тифлисо-Бакинскаго желѣзнаго пути *безъ соединенія его съ русскою желѣзнодорожною сѣтью*—не представляется ни спѣшно-нужнымъ, ни особенно-выгоднымъ. Напротивъ, оно можетъ грозить великою опасностью для русской торговли. По совершенному отсутствію всякихъ мануфактуръ и иныхъ фабрикъ Кавказъ долженъ бы служить для русской промышленности таковымъ же рынкомъ, какъ и самая Персія съ Среднеазіатскими ханствами. Но всѣ условія, не отъ природы, а отъ административнаго разума зависящія, сложились такъ, что Кавказъ плохо служитъ русскому торговому дѣлу и наводненъ, — благодаря Кавказскому транзиту даже въ настоящемъ его видѣ, отсутствію прямаго рельсоваго съ Кавказомъ сообщенія центральныхъ русскихъ губерній и произволу желѣзнодорожнаго нашего тарифа для подвоза товаровъ къ русскимъ южнымъ портамъ, — иностранною контрабандою. Въ то время, когда на Западѣ стальные рельсы пробили себѣ путь сквозь самое нутро каменныхъ твердынь, взобрались на высочайшія снѣговыя вершины, легли между водопадовъ и скалъ, однимъ словомъ, преодолѣли Альпы и между прочимъ такія горы, какъ Сенъ-Готардъ и Монъ-Сенисъ,—у насъ, кажется, даже и не помышляютъ о желѣзномъ пути черезъ Кавказскій хребетъ. Такимъ образомъ доставка русскихъ товаровъ даже въ Закавказье обходится несравненно дороже доставки западно-европейскихъ товаровъ, — до такой степени дороже, что иностранцы, имѣя право безпошлиннаго ввоза своихъ товаровъ только въ формѣ транзита, находятъ выгоднымъ провозить ихъ транзитомъ до Баку, оттуда отправлять въ Персію и потомъ снова доставлять ихъ въ Баку и на Кавказъ контрабандой подъ видомъ персидскихъ товаровъ, т. е. разной бакалеи и сырья въ бочкахъ и ящикахъ! Такъ по крайней мѣрѣ передавали намъ русскіе фабриканты, торгую-

29*

щіе съ Дербентомъ и его окрестностями. Если иностранцы находили въ томъ выгоду при условіяхъ прежняго транзита, т. е. когда Тифлисо-Бакинской желѣзной дороги не существовало, то выгода такого способа контрабанды только удвоится съ проведеніемъ послѣдней дороги (и при сохраненіи свободнаго транзита, разумѣется). Когда же будетъ докончено сооруженіе рельсоваго пути отъ Батума въ Поти, то какъ транзитъ (если онъ не будетъ отмѣненъ), такъ и контрабанда заграничныхъ товаровъ на Кавказѣ еще значительнѣе усилится.

И такъ, въ то время, какъ иностранцы пользуются постоянно открытымъ, дешевымъ морскимъ подвозомъ товаровъ въ Поти или въ Батумъ—до такой степени дешевымъ, что фрахтъ отъ Марсели до Потійскаго порта обходится по 20 к. съ пуда,—а затѣмъ имъ же будетъ предложено, въ случаѣ разрѣшенія свободнаго транзита, воспользоваться непрерывнымъ сообщеніемъ отъ Поти до Баку, со временемъ и отъ Батума до Баку, — какіе пути и способы сообщенія съ тѣмъ же Баку или же прямо съ Персіей предоставлены русской торговлѣ? Въ 1-хъ, Волга, плаваніе по которой возможно только въ теченіи шести мѣсяцевъ, или даже менѣе, да и въ этотъ навигаціонный срокъ, годъ отъ году болѣе, встрѣчаются затрудненія отъ обмелѣнія. Въ остальные же мѣсяцы она скована льдомъ, а Астраханскій портъ (на Бирючей косѣ), какъ замерзающій, для навигаціи неудобенъ. Слѣдовательно иностранцы имѣютъ огромное премущество надъ нашими торговцами уже во времени, могутъ возить и торговать круглый годъ, тогда какъ мы располагаемъ только полугодіемъ. Во 2-хъ, Владикавказская желѣзная дорога.... Но не говоря уже о длинѣ этого пути и дороговизнѣ провоза, онъ заканчивается у Владикавказа, и стало-быть дальнѣйшая транспортировка до Тифлиса или иной станціи на желѣзной дорогѣ до Баку должна производиться гужомъ. Въ 3-хъ, желѣзный путь отъ Москвы,—гдѣ и въ окрестностяхъ которой находится наибольшее число русскихъ фабрикъ,— до Одессы или Севастополя, и потомъ уже оттуда моремъ до Поти. Но цѣнность провоза по этому желѣзному пути (по 80 коп. съ пуда только до Одессы) не можетъ даже идти и въ сравненіе съ цѣнностью фрахта морскаго — отъ

Марсели до самаго Поти. Провозный тарифъ, самопроизвольно назначаемый компаніями нашихъ желѣзныхъ дорогъ, сообраленъ, конечно, только съ компанейскими интересами, хотя бы они были въ прямой ущербъ государству. Отдавая государственный путь въ монополію частнымъ лицамъ, правительство въ то же время подчинило ихъ произволу и интересы русской торговли; съ соединеніемъ же разныхъ соприкасающихся или параллельныхъ дорогъ въ группы, исключается даже всякая возможность конкурренціи, а пріобрѣтается для желѣзнодорожнаго соединеннаго управленія возможность командовать положеніемъ, давать то или другое направленіе торговлѣ. Это мы и видимъ, напримѣръ, на тарифѣ дорогъ, имѣющихъ направленіе къ Кенигсбергу и вообще къ прусской границѣ, который согласованъ съ торговою политикою Прусскаго государства, такъ что доставка иностранныхъ товаровъ отъ прусской границы до Одессы значительно дешевле, чѣмъ доставка въ Одессу же русскихъ товаровъ изъ Москвы.

Наконецъ, по прибытіи товаровъ въ Одессу, съ уплатою по 80 к. съ пуда, русскій торговецъ, чтобы довезти ихъ до Поти, наталкивается опять на монополію Русскаго Общества пароходства и торговли,—точно также подавляющую всякую попытку конкурренціи. Эта монополія создана громадными субсидіями государственной казны; она убила всякіе зачатки свободнаго каботажнаго судоходства. Фрахты, назначаемые Обществомъ высоки до безстыдства, — за то велика до безстыдства и прибыль акціонеровъ; употребляемъ именно это выраженіе въ виду того убытка, который такая прибыль наноситъ русской торговлѣ. Въ то же время это Общество оказывается неспособнымъ служить тѣмъ политическимъ цѣлямъ, которыя имѣлись въ виду при его учрежденіи и назначеніи ему субсидіи. Его суда не могутъ замѣнить намъ ни военнаго, ни торговаго флота въ Черномъ морѣ; оно отказывается производить плаваніе вверхъ по Дунаю, находя это для себя неприбыльнымъ!....

И такъ, вотъ въ какія невыгодныя условія поставлена русская торговля по отношенію къ Кавказу, Персіи и Средней Азіи. Казалось бы, первымъ дѣломъ здравой торговой политики — позаботиться о возможномъ устраненіи этихъ

вредныхъ неудобствъ для русской торговли,—а не о созданіи новыхъ для нея невыгодъ и новыхъ, напротивъ, удобствъ и выгодъ для иностранцевъ. А между тѣмъ въ самыхъ административныхъ сферахъ являются сторонники свободнаго Кавказскаго транзита, вопросъ о транзитѣ является еще спорнымъ! Трудно было до сихъ поръ конкуррировать русскимъ купцамъ съ заграничными на Кавказскомъ и Средне-Азіатскомъ рынкѣ: пусть же будетъ совсѣмъ невозможно! вотъ сущность доводовъ защитниковъ транзита. Да и не о чемъ хлопотать, прибавляютъ они устами газеты «Голосъ»: по цифровымъ даннымъ оказывается, что въ торговлѣ Россіи съ Персіей привозъ персидскихъ и азіатскихъ товаровъ значительно превышаетъ отпускъ товаровъ русскихъ... Да потому-то онъ именно и превышаетъ, что существуетъ Кавказскій транзитъ, вытѣсняющій русскіе товары иностранными, и что, благодаря ему же, не малая часть персидскихъ вывозимыхъ товаровъ — не болѣе, какъ контрабандный обратный ввозъ на Кавказъ произведеній иностранныхъ фабрикъ!

Неужели и въ самомъ дѣлѣ, какъ говорится въ заявленіи купцовъ, поданномъ въ Ярмарочный Комитетъ, «Россія должна будетъ играть на Кавказѣ только роль охранителя спокойствія, а торговые рынки отдать для торговли иностранцамъ»? Неужели для того именно потрачены Россіею на завоеваніе и замиреніе Кавказа милліарды рублей и сотни тысячъ, если не болѣе, русскихъ жизней, чтобы теперь, собственными же руками, собственными деньгами собранными съ Русскаго же народа, облегчить иностраннымъ товарамъ (которымъ открыты рынки всего міра) вторженіе въ единственные заграничные рынки, сподручные Россіи и еще не совсѣмъ для нея закрытые?

О томъ же.

„Русь“, 4 декабря 1882 г.

Если многое множество вопросовъ нашего внутренняго строенія стоитъ на мѣстѣ, не двигаясь ни взадъ ни впередъ, то причину такого явленія слѣдуетъ, прежде всего. искать въ томъ, что сама жизнь еще не подсказала имъ

отвѣта,—или, вѣрнѣе сказать, ея отвѣтъ еще не проникъ въ смутное сознаніе русскаго общества, еще не обрѣлъ себѣ точной и простой формулы, безспорной и властной для всѣхъ. Даже стараясь вслушаться въ требованія нашей эпохи, всмотрѣться въ ея дѣйствительныя нужды, правительство можетъ только недоумѣвать — видя пока однѣ безплодныя, хотя и мучительныя потуги русской общественной мысли, слыша только страстную, оглушительную разноголосицу взглядовъ и мнѣній, далекихъ отъ всякаго соглашенія... При томъ умственномъ и нравственномъ разбродѣ, какой господствуетъ въ нашей современности, едвали справедливо требовать отъ правительства, чтобъ оно само, вмѣсто общества, какъ Юпитеръ въ своей головѣ Минерву, родило мысль совсѣмъ готовую и вполнѣ вооруженную, и тѣмъ избавило бы общество (претендующее жить и водиться «своимъ умомъ») отъ тяжкой мыслительной работы. Между тѣмъ такія требованія именно предъявляются.

Но если для отвѣта на многіе вопросы—новые, сложные, мудреные, приходится ждать, пока окончатся трудные роды русской общественной мысли; если по нѣкоторымъ другимъ задачамъ рѣшеніе по необходимости отлагается, въ виду— какъ принято говорить не только у насъ, но и за границей — «переживаемыхъ Россіею внутреннихъ затрудненій» (разумѣя тутъ и крамолу, и финансы), то все же исторія не ждетъ, а продолжаетъ твориться, жизнь не останавливается ни у насъ, ни у нашихъ сосѣдей, и не мало такихъ вопросовъ, вовсе не головоломныхъ, хотя тѣмъ не менѣе важныхъ, въ скоромъ и дѣйствительномъ разрѣшеніи которыхъ ничто не мѣшало бы, кажется, проявиться правительственной энергіи. А всякое проявленіе живой правительственной *энергіи*, именно въ приложеніи къ общеполезному дѣлу, ко благу русскихъ національныхъ интересовъ, особенно потребно, въ настоящую минуту, нашему тоскующему, недужному духу: оно могло бы благотворно содѣйствовать его оживленію и подъему... Да, русскій общественный духъ нуждается въ ободреніи, и именно какъ *русскій*. Со времени Берлинскаго тракта онъ приниженъ и сдавленъ, и ничто послѣ этого трактата, ни внѣ нашихъ предѣловъ, ни дома, еще не избавило насъ отъ гнетущаго чувства національнаго уни-

женія и безсилія. А вѣдь такіе случаи, гдѣ вполнѣ бы, кажется, возможно проявиться живому, бодрому, рѣшительному дѣйствію власти, представляются даже и теперь, въ области политики и внутренней и внѣшней, даже въ скромной области экономической...

Оставляя пока первыя двѣ въ сторонѣ, ограничимся сегодня, для примѣра, указаніемъ... ну, хоть на вопросъ стоящій теперь на очереди—о Кавказскомъ транзитѣ. Казалось бы, тутъ и вопросу мѣста нѣтъ, но ужъ если, въ виду открытія желѣзной дороги до Баку, отмѣна свободнаго для иностранныхъ товаровъ транзита возведена въ чинъ вопроса, то этотъ вопросъ, совершенно простой и ясный, долженъ быть поставленъ не иначе какъ такъ: поступить ли *ко вреду* или *къ выгодѣ* для русской промышленности и торговли? Совѣстно становится при одной мысли, что подобная постановка возможна въ нашемъ отечествѣ, а между тѣмъ, другой постановки этотъ вопросъ не терпитъ, да и не имѣетъ. Защитники свободнаго транзита нисколько и не думаютъ отрицать вредныхъ для Россіи послѣдствій этой свободы, а такъ-таки прямо и идутъ этому вреду на встрѣчу, противопоставляя ему не только ничтожныя, сравнительно, выгоды, сулимыя будто бы транзитомъ Кавказской желѣзной дорогѣ и мѣстнымъ жителямъ, но и просто-на-просто выгоды «цивилизованной Европы», или же отвлеченные принципы фритредерской теоріи и космополитическаго либерализма! Г. Нобель (впрочемъ шведскій подданный), производящій разработку нефти близь Баку въ колоссальныхъ размѣрахъ, и ровно никакой торговли съ Персіей не производящій, тѣмъ не менѣе, неизвѣстно почему приглашенный къ участію въ совѣщаніяхъ коммиссіи при Министерствѣ финансовъ,—безцеремонно высказался въ томъ смыслѣ, что если Русскіе не въ силахъ конкуррировать съ иностранцами, такъ пусть сами на себя пеняютъ... И этотъ доводъ, по всему видно, показался въ Петербургѣ чрезвычайно вѣскимъ!!.. Не менѣе вѣски для петербургскихъ «либеральныхъ» бюрократовъ и разсужденія *самой* газеты «Кавказъ», почему-то признаваемой органомъ кавказскаго начальства и интересовъ Кавказа. По ея мнѣнію, свобода Кавказскаго транзита нужна потому. что «скрѣпитъ новымъ узломъ взаимные интересы цивилизаціи

между народами двухъ частей свѣта»... Національ же, именно «Москвичей», газета устрашаетъ тѣмъ, что «Европа *не будетъ рада*, если на первомъ участкѣ *международнаго* пути изъ Европы въ Индію будетъ поставленъ таможенный шлагбаумъ»!... Можно ли, скажутъ, придавать какое-либо значеніе такой вздорной болтовнѣ и смущаться ею? Увы, можно! На «Кавказъ» ссылаются и защитники свободнаго транзита въ «Голосѣ», статьи котораго имѣютъ зловѣще-оффиціозный характеръ; петербургское Общество для содѣйствія (?) промышленности и торговлѣ также струсило обвиненія въ пристрастномъ патріотизмѣ и ищетъ компромисса... Даже персидскій подданный, чрезъ руки котораго проходитъ ежегодно на милліонъ русскихъ товаровъ въ Персію, Мирза Ашимовъ, въ письмѣ своемъ въ редакцію «Московскихъ Вѣдомостей» удивляется, что «въ Россіи есть люди, считающіе себя русскими гражданами, а между тѣмъ *ратующіе* за транзитъ иностранныхъ товаровъ»,—но русскій промышленный міръ уже не дивится. Онъ пристыженъ, онъ смущенъ, онъ скорбитъ духомъ и уже утратилъ всякую надежду на энергическую поддержку русскихъ національныхъ интересовъ въ петербургской оффиціальной сферѣ. Этимъ только и можно объяснить, что вслѣдствіе заявленія 153 промышленныхъ и торговыхъ фирмъ, собраніе выборныхъ Московскаго Биржеваго Общества единогласно постановило: «ходатайствовать предъ самимъ Государемъ Императоромъ о надежнѣйшей защитѣ русскихъ промышленныхъ и торговыхъ интересовъ чрезъ закрытіе Закавказскаго транзита для иностранныхъ товаровъ»...

Читатели «Руси» уже отчасти знакомы съ этимъ вопросомъ изъ нашей статьи въ 44-мъ №, но въ виду того смущенія, въ которое повергнуто все русское торговое и промышленное общество, и его послѣдняго знаменательнаго рѣшенія, мы находимъ нужнымъ перечислить здѣсь вкратцѣ главнѣйшія основанія обѣихъ спорящихъ сторонъ, тѣмъ болѣе, что въ послѣднее время раскрылось нѣсколько новыхъ, освѣщающихъ дѣло данныхъ.

Западной промышленности, обладающей свободными морями, доступны рынки всѣхъ частей свѣта, благодаря дешевому, удобному морскому фрахту. Для русскихъ же мануфак-

туръ имѣется только одинъ сподручный заграничный рынокъ—это Персія и вообще Средняя Азія. Съ Персіей, по милости Волги, мы можетъ вести торговлю воднымъ путемъ, однакожъ только въ теченіи шести мѣсяцевъ навигаціи. Казалось бы, тѣмъ особеннѣе надо было бы намъ дорожить этимъ нашимъ единственнымъ рынкомъ... Такъ казалось бы, но лѣтъ 20, если не болѣе, тому назадъ, признано было однакоже нужнымъ открыть свободный, черезъ Кавказкій перешеекъ, транзитъ въ Персію для иностранныхъ товаровъ, доставка которыхъ дотолѣ производилась караваннымъ способомъ отъ Трапезунта чрезъ Тавризъ, съ большими трудностями, расходами и потерею времени. Мы облегчили иностранцамъ эти трудности; мы сами предложили имъ болѣе удобный путь сообщенія, упуская притомъ изъ виду, что иностранцы имѣютъ возможность доставлять свои товары моремъ къ Поти въ теченіи цѣлаго года, тогда какъ русская торговля ограничена полугодичнымъ срокомъ. Правда, въ то время, вслѣдъ за усмиреніемъ Кавказа, для такой мѣры представлялось еще нѣкоторое благовидное основаніе—предоставить мѣстнымъ жителямъ немалую прибыль отъ извознаго промысла и положить начало торговымъ сношеніямъ Кавказа съ Европой. Притомъ же всѣ невыгоды, происходившія тогда для русской торговли отъ такой иностранной конкурренціи, почти уравновѣшивались расходами, которые ложились на иностранные товары при сухопутной ихъ доставкѣ отъ Чернаго моря до Каспійскаго, на протяженіи 800 верстъ, гужомъ и на верблюдахъ. На этомъ однакоже дѣло не остановилось. Лѣтъ чрезъ 12 признали нужнымъ, для удобствъ сообщенія Закавказья съ Россіей, выстроить желѣзную дорогу отъ Тифлиса къ Поти. Вѣсы тотчасъ же и явно стали склоняться ко вреду для русской торговли; сильно стали роптать русскіе промышленники и купцы, но ихъ жалобы не обратили на себя никакого вниманія, а вызвали только насмѣшки властъ имущихъ доктринеровъ — фритредеровъ. Мало того. Безъ всякаго соображенія съ общими потребностями Россіи, въ нашихъ высшихъ бюрократическихъ сферахъ вскорѣ плѣнились мыслью соединить Черное море съ Каспійскимъ сплошнымъ рельсовымъ путемъ и привели эту мысль въ исполненіе, даже и не помысливъ о томъ, что не-

сравненно нужнѣе бы было соединить предварительно рельсами Закавказье съ самою Россіей. Въ желѣзномъ пути отъ Баку до Поти представлялось во всякомъ случаѣ менѣе настоятельной надобности, чѣмъ, напримѣръ, въ Сибирской желѣзной дорогѣ, которая, словно заколдованная, вотъ уже лѣтъ 8, несмотря на неоднократныя Высочайшія повелѣнія, не выходитъ изъ области предположеній. Тутъ и денегъ нѣтъ, а для Тифлисо-Бакинской нашлись безъ малѣйшаго затрудненія! Замѣчательно, что при этомъ ни строителями дороги, да кажется и ни кѣмъ въ оффиціальномъ Петербургѣ, даже и не возбуждался вопросъ о будущей судьбѣ транзита; вѣрнѣе сказать, вопросъ этотъ считался предрѣшеннымъ и продолженіе транзита на прежнемъ основаніи разумѣлось само собою. Никому повидимому и въ голову не входило, что при окончаніи втораго участка отъ Тифлиса до Баку дѣло существенно измѣнилось и равнялось уже для Россіи, по отношенію къ ея торговлѣ съ Персіей, самозакланію. Все что уравновѣшивалось для русской торговли расходами караванной или гужевой, къ тому же продолжительной доставки иностранныхъ произведеній отъ Тифлиса до Баку, должно было неминуемо уничтожиться, ко вреду для русскихъ и къ великой выгодѣ для иностранныхъ купцовъ, съ открытіемъ быстрой и сравнительно дешевой перевозки по сплошному желѣзному пути отъ моря до моря. Оказывалось такимъ образомъ, что этотъ путь для того только и построенъ,—построенъ русскими деньгами и русскимъ правительствомъ, — чтобы облегчить иностраннымъ товарамъ доступъ въ Персію и вытѣснить русскія произведенія съ персидскаго рынка: въ этомъ собственно и заключается главный ожидаемый доходъ отъ эксплуатаціи этой дороги. Еслибъ такое условіе наложено было на Россію побѣдителемъ, послѣ бѣдственной войны, то, какъ бы ни постыдно было оно для насъ, мы вынуждены были бы ему покориться: это положеніе еще возможно понять. Но самимъ наложить на себя подобное обязательство, да добровольно, да еще съ легкимъ сердцемъ—это можно объяснить лишь тѣмъ историческимъ процессомъ нашего развитія, который создалъ съ одной стороны нигилистовъ, съ другой—петербургскихъ бюрократовъ, одинаково соскочившихъ съ русской отечественной почвы и

витающихъ въ безнародной отвлеченности, хотя и въ разнокачественныхъ сферахъ.

При дешевой доставкѣ моремъ, въ теченіи цѣлаго года, иностранныхъ товаровъ къ Поти (именно изъ Марселя и даже Гулля по 20 коп. съ пуда, тогда какъ русскому купцу доставка товаровъ по Волгѣ доступна только въ теченіи 6 мѣсяцевъ, а доставка желѣзною дорогой изъ Москвы до Одессы обходится въ 1 р. 18 к. съ пуда мануфактурныхъ товаровъ, да моремъ отъ Одессы до Поти 20 к., итого 1 р. 38 коп. съ пуда) — при такихъ неравномѣрныхъ условіяхъ допущеніе безпошлиннаго транзита по сплошному рельсовому пути отъ Поти до Баку — само собою разумѣется — настежь отворитъ для иностранцевъ двери не только персидскаго, но и всего среднеазіатскаго рынка, и даже нашихъ Закаспійскихъ владѣній. Не безъ основанія опасаются наши торговцы, что Англичане непремѣнно поспѣшатъ воспользоваться этими удобствами и заведутъ свои факторіи и въ Бухарѣ, и въ Хивѣ. А еслибъ это случилось, то конечно въ Петербургѣ не преминули бы поставить такой англійскій захватъ въ вину нашимъ же купцамъ и потѣшиться надъ ними, надъ ихъ косностью и неумѣлостью вдосталь, въ извѣстныхъ органахъ печати, дразня ихъ сравненіемъ съ высокоцивилизованными европейскими негоціантами. Но никто вѣдь и не сомнѣвается въ томъ, что иностранцы и богаче насъ, и опытнѣе, и ловчѣе въ торговомъ дѣлѣ, сильнѣе развитіемъ техники, вообще знаніемъ и культурою. Этого и стыдиться нечего; они старше насъ, они ранѣе насъ выступили на всемірноисторическую арену. и когда Шекспиръ въ Англіи творилъ свои безсмертныя драмы, у насъ только-что заводилась первая казенная типографія, да и то лишь для печатанія церковныхъ книгъ. Это историческій фактъ, и кто-жъ его не знаетъ? Но слѣдуетъ ли изъ этого, что мы должны, признавши за иностранцами такое ихъ преимущество, вѣчно пасовать предъ ними, осудить себя на вѣчную роль учениковъ и недоростковъ, и даже ихъ прислужниковъ? Конечно нѣтъ, а слѣдуетъ, напротивъ, дать намъ самимъ возможность стать на ноги и окрѣпнуть на свободѣ до тѣхъ поръ, пока наше состязаніе съ ними будетъ поставлено въ равныя условія силы. Для того же,

чтобы стать на ноги, нужно чтобъ никто прежде времени не сшибалъ насъ съ ногъ, чтобъ мы имѣли и полный досугъ и выгоду учиться и совершенствоваться, — а никакой науки и опыта никто никогда не пріобрѣтетъ, если за насъ и вмѣсто насъ всякое наше дѣло будетъ производить кто-либо посторонній. Въ этомъ огражденіи свободы нашего воспитанія и заключается, въ приложеніи къ русской промышленности, весь смыслъ покровительственнаго тарифа,— тогда какъ такъ-называемая фритредерская теорія проповѣдуетъ свободу состязанія ученаго съ неученымъ, опытнаго съ неопытнымъ, взрослаго съ несовершеннолѣтнимъ, имущаго съ неимущимъ. Да и на Западѣ эту теорію стали проповѣдывать лишь тогда, когда проповѣдники достигли полноты знанія, силы и возраста, и когда имъ представилось выгоднымъ прилагать ее къ менѣе развитымъ и возрастнымъ. Было бы только забавно, еслибъ ту же теорію стали лепетать и прилагать къ самимъ себѣ именно эти послѣдніе, недоразвившіеся и недоросшіе малолѣтки. А это именно у насъ и случилось, по свойственной намъ подобострастной подражательности, по Молчалинскому отношенію нашему къ авторитетамъ, воспрещающимъ намъ и до сихъ поръ имѣть свое сужденіе даже въ дѣлахъ насъ непосредственно касающихся. Въ Петербургѣ, какъ мы сказали, любятъ колоть глаза русскому промышленному классу его страхомъ предъ иностранною конкурренціей, но справедливѣе было бы, повоздержавшись отъ глумленія и укоровъ, напередъ поставить себѣ вопросъ: все ли сдѣлано и дѣлается со стороны нашихъ начальствъ для того, чтобъ русская промышленность могла изготовиться къ успѣшному состязанію съ иностранной производительностью? Сколько лѣтъ угнетало ее господство фритредерской теоріи на высотахъ власти? Гдѣ видимъ мы предупредительную заботу объ изысканіи удобствъ для русской торговли? Развѣ всякое тарифное покровительство не взято было русскими купцами просто съ боя, т. е. послѣ долгихъ упорныхъ настоятельствъ, — а что было взято, то и дало плодъ, какъ это доказываетъ послѣдняя Всероссійская выставка. Отъ купцовъ ли зависитъ, что на восточномъ берегу Каспійскаго моря не устроено до сихъ поръ ни одного порядочнаго порта (и даже уничто-

жена въ морѣ правительственная флотилія), что до сихъ поръ не проложено ни одной колесной дороги отъ берега въ глубь края, по направленію къ Амуръ-Дарьѣ, хотя таковой путь отысканъ и указанъ русскимъ купечествомъ?...

Съ проведеніемъ желѣзнаго пути вплоть до Баку, защитники свободнаго транзита лишаются главнаго аргумента въ пользу этой свободы. Та выгода для мѣстныхъ жителей, которая получалась отъ гужеваго или караваннаго транспорта и которая простиралась будто до 600 т. р. въ годъ, при рельсовой доставкѣ уничтожается сама собою, кромѣ развѣ доставки отъ Тифлиса въ Джульфу. Но послѣдняя, какъ извѣстно, простиралась только на треть (если не менѣе) всѣхъ товаровъ. Значитъ, съ свободнымъ транзитомъ по желѣзной дорогѣ жители теряютъ прибыли на 400 т. р. Остальные же 200 т. р. не могутъ же быть принимаемы въ соображеніе въ виду тѣхъ громадныхъ милліонныхъ убытковъ, которыми свобода транспорта грозитъ всей русской промышленности и торговлѣ! Если очень упираться на мѣстную для Кавказа прибыль отъ транспортировки товаровъ, такъ не слѣдовало и вовсе класть рельсовъ! Это было бы логичнѣе, такъ-какъ вѣдь всякая желѣзная дорога убиваетъ извозный промыселъ. Перевозъ товаровъ отъ Поти до Баку транзитомъ по желѣзному пути также мало сулитъ Кавказу выгодъ, какъ мало даетъ ихъ, напримѣръ, Тульской, Орловской, Курской губерніямъ — проѣздъ черезъ нихъ товарныхъ вагоновъ изъ Москвы въ Харьковъ... Выгода значительной части кавказскихъ торговцевъ отъ свободнаго транзита заключается совершенно въ иномъ — въ контрабандѣ. Кавказъ, особенно Закавказье, потребляетъ русскихъ фабричныхъ произведеній несравненно менѣе, чѣмъ слѣдовало бы ожидать въ виду его обширности и населенности, и причина тому именно въ контрабандѣ, которой такъ сильно способствуетъ свобода транзита. Мы уже разсказывали и прежде, что не малая часть иностранныхъ товаровъ, пройдя чрезъ Кавказъ транзитомъ, возвращается снова на Кавказъ подъ видомъ персидскихъ товаровъ. А нерѣдко продѣлывается и такъ: нагруженные на персидскую шкуну въ Баку для доставки будто бы въ Персію иностранные товары перегружаются въ морѣ, верстахъ въ 50 отъ порта, со шкуны на лодки и вновь по-

таенно свозятся на берегъ. Это вѣдомо всѣмъ, кромѣ именно тѣхъ, кому о томъ вѣдать надлежитъ. Можетъ-быть, съ точки зрѣнія нѣкоторыхъ приверженцевъ Кавказа было бы и совсѣмъ раціонально объявить весь Кавказъ porto-franco и выдѣлить его вовсе изъ тарифной системы Россійской Имперіи; но не для того, надо думать, Россія купила Кавказъ такою дорогою цѣною, кровью и достояніемъ Русскаго народа, водворила въ немъ миръ и благоденствіе, чтобы создать изъ него новую Финляндію и, хуже того — рычагъ для ослабленія нашей внутренней производительности и торговли. Но, къ счастію, польза Россіи не расходится съ пользой Кавказа. Напротивъ, закрытіе транзита именно-то для Кавказа и благодѣтельно. Только огражденіе отъ наплыва иностранныхъ товаровъ и можетъ вызвать на самомъ Кавказѣ настоящую дѣятельность его собственныхъ производительныхъ силъ. Не странно ли, напримѣръ что стекло (даже для разлива и разсылки кавказскихъ водъ) привозится до сихъ поръ изъ Марселя, когда матеріалъ для него и самое топливо (нефть или каменный уголь) находятся подъ рукою?! Да и одно ли стекло? Кавказскія природныя богатства ждутъ разумной эксплуатаціи, а эта эксплуатація станетъ возможною только тогда, когда будетъ выгодна, т. е. когда будетъ ограждена отъ конкурренціи иностранныхъ товаровъ.

Защитники транзита, и именно въ лицѣ «Голоса», особенно напираютъ на слабое будто бы развитіе русскаго торговаго отпуска въ Персію, который значительно превышается привозомъ оттуда товаровъ въ Россію, — причемъ «Голосъ» ссылается на оффиціальныя данныя, «обязательно сообщенныя ему департаментомъ таможенныхъ сборовъ».... Но эти «обязательно-сообщенныя» данныя не обязательны для нашего соображенія и едвали точны. Мы слышали отъ одного изъ русскихъ торговцевъ, что несравненно болѣе точное опредѣленіе размѣра русской отпускной торговли могутъ дать отчеты русскихъ пароходныхъ обществъ за прошлые годы: «Кавказа и Меркурія», «Лебедя» и «Дружины», причемъ къ общему вѣсу мануфактурнаго товара надо присоединить еще $^1/_3$ товара отправляемаго на персидскихъ шкунахъ. Конечно, этимъ опредѣляется только количество пудовъ, но, по мнѣнію фабрикантовъ, пудъ хлопчато-бумажнаго товара слѣдуетъ

оцѣнить въ 37 р., суконнаго въ 50 р., и тогда можно будетъ сообразить приблизительно и общую сумму. Несомнѣнно также и то: не существуй въ теченіи 20 лѣтъ свободнаго транзита, ввозъ русскихъ товаровъ былъ бы вѣроятно гораздо сильнѣе.

Изъ общей цифры персидскаго привоза значительная часть приходится на хлопокъ, котораго одного доставляется въ Россію изъ Персіи до 400 т. пудовъ. Если, какъ теперь кажется несомнѣнно доказано, печальное состояніе нашей денежной валюты происходитъ именно отъ того,что наша ввозная торговля значительно превышаетъ отпускную, а потому этотъ излишекъ ввоза и оплачивается нами не товаромъ, а наличными металлическими деньгами, то, казалось бы, вся наша финансовая политика къ тому собственно и должна бы направить свои усилія, чтобъ расширить размѣръ русскаго сбыта. Изъ того, что русскій отпускъ въ Персію превышается въ своемъ размѣрѣ, въ настоящую минуту, ввозомъ изъ Персіи товаровъ, — слѣдуетъ ли, что необходимо еще сильнѣе сократить размѣръ отпуска русскихъ товаровъ и увеличить нашу наличную золотомъ приплату за персидскій товаръ? А вѣдь именно таковъ выводъ изъ всѣхъ разсужденій «Голоса»!... Замѣчательно, что сами Персіяне ревностно ратуютъ за отмѣну свободнаго транспорта, и именно потому, что, нуждаясь въ русскихъ товарахъ, они могутъ *мѣнять* его на свои, платить за него товаромъ, а не деньгами, — тогда какъ иностранцы только ввозятъ въ Персію товары, продаютъ ихъ за деньги, а самой Персіи иностранцамъ отпускать нечего. Это подтверждаетъ и упомянутый уже нами Мирза Ашимовъ. Слѣдовательно отмѣна транспорта требуется русскими купцами вовсе не въ видахъ эксплуатаціи немощнаго сосѣда, а въ видахъ усиленія размѣровъ *мѣновой* торговли, равно желаннаго и выгоднаго для обѣихъ державъ. Но Европейцевъ, конечно, не испугало бы и даже это слово: «эксплуатація». Стóитъ только вообразить себѣ на нашемъ мѣстѣ Англичанъ или Нѣмцевъ!...

Если бы вопросъ о транзитѣ получилъ ненаціональное разрѣшеніе, то, нѣтъ сомнѣнія, недужный духъ русскаго общества отъ того бы нисколько не выздоровѣлъ, — да и уваженія къ намъ отъ иностранцевъ ужъ навѣрное бы не

прибыло. Повторяемъ: въ русскомъ обществѣ ощущается страстная потребность въ энергическомъ, наконецъ, проявленіи русской живой струны въ нашемъ правительственномъ инструментѣ. Мы вѣдь не избалованы избыткомъ національнаго патріотизма во властной петербургской средѣ. Записки Муравьева припомнили намъ очень недавнее былое, заслоненное позднѣйшими, тяжкими для нашего достоинства испытаніями.. Да и *правильности* разрѣшенія вопроса о транзитѣ не могутъ, кажется, помѣшать теперь никакія «внутреннія затрудненія», — тѣмъ болѣе, что, по слухамъ, два Министерства—иностранныхъ дѣлъ и военное—держатся въ этомъ дѣлѣ того же мнѣнія, что́ и русское купечество. Самый вопросъ о транзитѣ въ виду окончанія Тифлисо-Бакинской дороги едвали-бы даже не остался молчаливо предрѣшеннымъ во вредъ русской торговлѣ, еслибъ нашъ достойный дипломатическій представитель при Тегеранскомъ дворѣ не предотвратилъ этой опасности своимъ протестомъ, который и былъ принятъ во вниманіе Министерствомъ иностранныхъ дѣлъ. Почти предрѣшенному вопросу потребовалось новое рѣшеніе. Министерство конечно имѣетъ въ виду, что политическое значеніе Россіи въ Персіи, теперь довольно высокое, непремѣнно поникло бы съ допущеніемъ свободы транзита, съ проявленіемъ такой нашей слабости въ защитѣ русскихъ торговыхъ интересовъ, такой податливости иностранцамъ. Военное же Министерство, призванное ограждать безопасность нашихъ владѣній въ Средней Азіи и цѣлость нашей новой съ Персіею границы, должно быть также не видитъ особенныхъ побудительныхъ причинъ къ облегченію для иностранцевъ провоза оружія въ Среднюю Азію и установленія прочныхъ торговыхъ связей съ Персіею.

Наши литературные противники обыкновенно прикидываются непонимающими словъ «народное», или «національное направленіе въ русской политикѣ», ни даже выраженія: «Русская политика»... Можетъ-быть, доказательство *отъ противнаго* скорѣе выяснитъ имъ — что́ такое политика русская, а потому мы когда-нибудь, для ихъ вразумленія, составимъ родъ историческаго очерка *нерусской* въ Русскомъ государствѣ политики, начавъ хоть съ первыхъ лѣтъ XIX столѣтія Диковинные факты придется внести сюда въ пе-

речень! Диковинные именно потому, что въ основанiи ихъ нѣтъ никакихъ злыхъ, сознательно-злыхъ умысловъ, — да тогда и диковиннаго-то ничего бы не было. То и удивительно, что многое, въ чемъ можно было бы предположить, иной разъ, чуть не прямое отступничество—дѣло лишь грубѣйшаго невѣдѣнiя родной земли, малосмысленнаго пренебреженiя къ своей русской народности, иностраннаго воспитанiя и того нашего, даже до сихъ поръ, отношенiя къ Западной Европѣ, которое такъ напоминаетъ претензiю разныхъ «вышедшихъ въ люди», parvenus, мѣщанъ во дворянствѣ, вѣчно стыдящихся своего родства, вѣчно одержимыхъ страхомъ — какъ бы предъ высокою знатью не изобличить своего плебейскаго происхожденiя... А знать глядитъ да посмѣивается...

Застой у насъ происходитъ отъ того, что рѣшали историческiй вопросъ, не вооружась историческимъ сознанiемъ.

«Русь», 1-го февраля 1883 г.

Жалобы, сѣтованiя, пени на «застой» не прекращаются, несмотря на шумную суету и блестящее веселье нашей «Невской Пальмиры». Старый петербургскiй бюрократъ, прислушиваясь къ этому шуму съ одной стороны и къ этимъ жалобамъ съ другой, долженъ вѣроятно недоумѣвать: въ чемъ же застой? Все повидимому приходитъ напротивъ въ надлежащую колею, столичная жизнь спѣшитъ «на прежняя возвратиться», а «теченiе» дѣлъ совершается установленнымъ порядкомъ. Входящихъ и исходящихъ №№ счетомъ, конечно, не менѣе чѣмъ въ былые, необжалованные годы, если таковые когда бывали. Но бюрократъ помоложе, да и любая газета подскажутъ ему, что требованiе предъявляется обществомъ вовсе не на мирное и плавное, безостановочное теченiе такъ-называемыхъ текущихъ дѣлъ, а на нѣкотораго рода скачки съ препятствiями, на реформы и преобразованiя, на смѣлую постановку и еще болѣе смѣлое разрѣшенiе вопросовъ, касающихся самыхъ существенныхъ сторонъ нашего государственнаго политическаго, экономическаго, соцiальнаго строя, и т. д., и. т. д. Тутъ застой очевиденъ... Ложно

или основательно подобное требованіе? Жалѣть или не жалѣть о застоѣ?

Не очень давно привелось намъ слышать отъ одного умнаго и опытнаго сановника разсужденіе такого рода: «въ предъявляемомъ обществомъ требованіи нѣтъ собственно ничего серьезнаго, опредѣленнаго, насущно-нужнаго, потому что никакихъ такихъ «спѣшныхъ», «жгучихъ», «животрепещущихъ» вопросовъ вовсе и не имѣется. Потребность, выражаемая обществомъ,—потребность фальшивая. Оно просто избаловано двадцатью пятью годами непрерывныхъ реформъ, постоянно содержавшихъ его въ возбужденномъ состояніи, постоянно волновавшихъ его болѣе или менѣе сильными ощущеніями. Какъ избалованный ребенокъ, которому ежедневно дарили новую игрушку и вдругъ прекратили подарки, оно, оставшись безъ новинокъ, просто *скучаетъ*. Необходимо, чтобъ общество вышло изъ-подъ власти этого нервнаго, лихорадочнаго состоянія, успокоилось, зажило по будничному, и тогда жизнь съ своими очередными вопросами потечетъ сама собою, нормально и правильно»...

Въ этомъ сужденіи, безспорно, не малая доля правды. Въ прошлое царствованіе, — кто же этого не помнитъ?— кромѣ нѣкоторыхъ крупныхъ, необходимыхъ реформъ, послѣдовала вереница, цѣлый «облакъ» реформъ болѣе или менѣе ненужныхъ, вызванныхъ одною праздною маніею преобразованія. Все и всѣхъ обуяла, по выраженію Ю. Ѳ. Самарина, «законодательная чесотка» или «преобразовательный зудъ». Что общество отчасти избаловалось частыми новинками, привыкло испытывать то нервное щекотаніе, которое неразлучно съ постояннымъ ожиданіемъ новыхъ сюрпризовъ, что оно, между прочимъ, просто скучаетъ—этого нельзя отрицать; а что у него никакихъ опредѣленныхъ программъ и точно формулованныхъ, ясно созванныхъ требованій не имѣется, объ этомъ мы говорили и на страницахъ «Руси». Но—замѣтили мы нашему собесѣднику—было бы величайшею, опасною для правительства ошибкою выводить изъ такой посылки заключеніе, будто все обстоитъ благополучно и никакихъ существенныхъ задачъ въ наличности не обрѣтается. Не менѣе было бы ошибочно—вину за «нервное состояніе» валить на одно общество, не распо-

знать подъ маскарадною, надѣтою имъ на себя, отчасти шутовскою *личиною*—самаго *лица*, и подъ *фальшью* выдвигаемыхъ требованій — нѣкоторой *правды* историческаго инстинкта, правды самимъ обществомъ еще не сознанной или совершенно искажаемой ея ложными формулами.

Начать съ того, — говорили мы и повторяемъ здѣсь, только пространнѣе.—что нервное состояніе общества прежде всего и ближе всего вполнѣ достаточно объясняется и оправдывается потрясающими, небывалыми на Руси, неслыханными въ цѣломъ мірѣ событіями послѣднихъ лѣтъ. Да и куда бы оно годилось, это общество, еслибъ нервы его пребыли спокойны? Можно указать не мало случаевъ сумасшествія причиненнаго впечатлѣніями 1 марта. Не только нервы, но и чувства и мысли, все пришло въ смятеніе и не могло не придти; общество разбилось на партіи, партіи занялись страстными взаимными обвиненіями и самозащитой, вся наша жизнь была притянута къ допросу, все прошлое и настоящее подверглось анализу, критикѣ, — всѣ изыскивали мѣры для огражденія «будущаго», всѣ принялись врачевать нашъ «недугъ» и наперерывъ предлагали лѣкарства, писанныя—какъ это у насъ водится — большею частью по непригоднымъ иностраннымъ рецептамъ. Но конечно при этомъ всѣ и всякъ устремляли требованія къ правительству. Иначе едвали и можетъ быть въ странѣ, гдѣ общество не пріучено, даже давно отучено отъ самодѣятельности и вновь къ ней еще не привыкло; гдѣ оно впрочемъ и не ощущаетъ себя дѣйствительною, реальною силою между двумя — уже несомнѣнно дѣйствительными, воистину реальными историческами силами или «державами» (по выраженію не политиковъ, а плотниковъ). То есть: между народомъ съ одной стороны и верховною властью съ другой,—гдѣ, однимъ словомъ, все и всѣ пріобыкли ожидать почина исключительно отъ правительства... Съ такого рода нервнымъ, вовсе не произвольнымъ состояніемъ общества нельзя бы, казалось, не считаться. Врядъ ли его нервы могутъ быть успокоены бездѣйствіемъ власти или, что̀ почти одно и то же, дѣятельностью правительства ограниченною одними очередными, такъ-называемыми «текущими дѣлами»... Сторожа въ старыхъ нѣмецкихъ городкахъ имѣютъ обыкновеніе призывать

по ночамъ обывателей къ мирному сну извѣстными возгласами: «спите, почивайте — за васъ бодрствуютъ», — и обыватели засыпаютъ спокойно и покорно, зная, что это правда. Вотъ эту - то увѣренность, что «сторожа бодрствуютъ», едва ли бы не мѣшало внушить и русскому обществу вмѣстѣ съ приглашеніемъ его къ успокоенію.... Во всякомъ случаѣ бодрый, энергическій починъ, проявленный властью въ непосредственно принадлежащей ему сферѣ дѣйствій и устремленный къ уврачеванію, по крайней мѣрѣ къ признанію и къ точному уразумѣнію нашихъ общественныхъ золъ, несомнѣнно болѣе способенъ подѣйствовать умиротворительно на «нервность» русскаго общества, вселить бодрое же и довѣрчивое терпѣніе людамъ всѣхъ партій и направленій, нежели простое отрицаніе какихъ бы то ни было настойчивыхъ задачъ, или почти болѣзненный, суевѣрный страхъ какихъ бы то ни было новыхъ «вопросовъ».

Что же касается «правды историческаго инстинкта», несознанныя побужденія котораго, глухо волнуя общество, также разстраиваютъ его нервы, и который до сихъ поръ не обрѣлъ себѣ для выраженія истинной формулы, или же кривится въ кривомъ зеркалѣ нашего сознанія, — то смыслъ этихъ нашихъ словъ слѣдующій. Неужели — говорили мы нашему собесѣднику — думаете вы, что освобожденіе крѣпостныхъ крестьянъ, что реформа 19 февраля 61 года такъ-таки и завершена вполнѣ, дѣло поконченное, отжитое, о которомъ докучаютъ нашей памяти одни лишь выкупные платежи? Да она еще длится, и не можетъ не длиться. Эта реформа—больше чѣмъ переворотъ, въ обыкновенномъ значеніи слова; это цѣлая революція, конечно мирная, но все-таки революція (такъ какъ этотъ терминъ возводитъ понятіе о переворотѣ въ его наиполнѣйшій, усиленный и принудительный видъ), — одна изъ величайшихъ соціальныхъ революцій, какія знавала исторія. И мы еще до сихъ поръ обрѣтаемся въ революціонномъ процессѣ, продолжаемъ испытывать на себѣ его дѣйствіе. Мы сорвались съ одного берега, но еще не пристали къ другому; мы все еще несемся внизъ по рѣкѣ,—мы все еще, какъ выражаются Нѣмцы, im Werden—*творимся*. Такого рода ощущеніе, особенно пока оно не возведено въ объектъ сознанія, не можетъ не сказы-

ваться во всѣхъ отправленіяхъ жизни чѣмъ-то болѣе или менѣе болѣзненнымъ, ненормальнымъ,—тѣмъ что̀ Французы называютъ *malaise* и что̀ можно перевести словомъ: «не по себѣ»... Во всемъ этомъ нѣтъ ничего новаго, возразятъ намъ: кто-жъ не знаетъ, что мы находимся въ переходномъ состояніи? Пожалуй и знаютъ, да плохо сознаютъ. Мы готовы принять и этотъ терминъ, часто, дѣйствительно, употребляемый, но безъ надлежащаго углубленія въ смыслъ. Къ нему, къ этому ходячему выраженію, прибѣгаютъ нерѣдко для объясненія причины, почему наше время такъ неблагопріятно для развитія художественныхъ талантовъ, для свободнаго творчества въ области искусства; но прочія области духа и жизни при этомъ обыкновенно упускаются почему-то изъ виду, особенно со стороны властныхъ сферъ, такъ охотно обвиняющихъ русское общество въ избыткѣ нервозности. Переходное состояніе — тоже вѣдь состояніе ненормальное; но иное дѣло, когда переходишь отъ извѣстнаго къ извѣстному же, или когда отъ извѣстнаго идешь — самъ ясно не видя куда. Рушился старый, вѣковой бытъ, а новый еще не сложился, и какъ онъ сложится — еще не вѣдомо. Сойдя съ твердо установившейся исторической почвы, мы еще не ощупали подъ ногами такой же твердой новой, но все же исторической почвы, а та, по которой мы еще шествуемъ, зыбка,—какъ будто ходуномъ ходитъ.

Въ томъ-то и дѣло, что освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости не было какимъ-нибудь перечисленіемъ предметовъ изъ одного вѣдомства въ другое или одною изъ полезныхъ реформъ въ ряду прочихъ,—даже, пожалуй, самою важною изъ нихъ, увеличившею на 20 милліоновъ число полноправныхъ, съ русской точки зрѣнія, гражданъ. Приступая къ этому великому дѣйствію, мы не только не отдавали себѣ яснаго отчета въ его значеніи, въ объемѣ его послѣдствій, но *даже и теперь* не стоимъ съ нимъ въ уровень нашимъ *сознаніемъ*. Доказательствомъ перваго служитъ хоть бы то, напримѣръ, что одновременно съ освобожденіемъ (на которое почти всѣ смотрѣли съ точки зрѣнія только или преимущественно гуманной и либеральной) поднесли у насъ, водясь духомъ либеральнаго доктринаризма, этому освобождающемуся народу, вмѣстѣ съ опьяняющимъ «кубкомъ сво-

боды», и вольной кубокъ пьяной сивухи въ буквальномъ смыслѣ, т. е.—пресловутую *дешевку!*... Потомкамъ покажется это, пожалуй, истиннымъ преступленіемъ, но мы, современники, знаемъ, что это произошло... *такъ*, по недомыслію, изъ либеральнаго благодушія. Если народъ не обезумѣлъ нравственно отъ двойнаго хмѣля, такъ конечно этимъ обязанъ онъ только себѣ, своимъ нравственнымъ качествамъ, а никакъ не административной мудрости. Мало того: въ Западномъ краѣ, выпуская народъ изъ крѣпостной зависимости, напустили на него, одновременно, и Евреевъ, отмѣнивъ запрещеніе для нихъ водворяться въ селахъ, арендовать землю, держать кабаки, — однимъ словомъ, массу искусныхъ эксплуататоровъ, отъ которыхъ дотолѣ, болѣе или менѣе, ограждались крестьяне не только закономъ, но и помѣщичьей властью. Послѣдствія этого либерализма сказались еще недавно. И того мало. Одновременно же съ тѣмъ страшнымъ экономическимъ кризисомъ, которому подверглось помѣщичье поземельное хозяйство (одинъ изъ существеннѣйшихъ факторовъ экономической жизни нашей, по преимуществу земледѣльческой страны), именно въ ту минуту, когда это хозяйство нуждалось въ дешевомъ поземельномъ кредитѣ,—тутъ-то какъ разъ и былъ уничтоженъ существовавшій издавна, благодѣтельный, теперь-то именно и нужный кредитъ во образѣ «ломбардовъ» или «Опекунскихъ Совѣтовъ», — уничтоженъ такъ себѣ, несмотря на огромныя выгоды приносимыя имъ государству, единственно вслѣдствіе обуявшаго, въ свою очередь, и Министерство финансовъ реформаторскаго духа ... Этихъ доказательствъ достаточно, какъ мало сознавали мы значеніе «эмансипаціи» въ ту самую минуту, когда къ ней приступали.

Но и теперь еще мы едвали доросли до нея сознаніемъ. Давно ли стали мы догадываться, что уничтожая помѣщичій бытъ и крѣпостную зависимость крестьянъ, мы копнули въ самую глубь родной исторіи? Мы смели вѣковые наносы и обнажили стародавній пластъ, историческую цѣлину, да и не знаемъ какъ съ нею и быть: нѣтъ у насъ для нея ни сѣмянъ, ни соотвѣтствующихъ орудій; сѣмена и плуги, которые годились для наносныхъ слоевъ, ей не пригодны. Мы рѣшали *историческій* вопросъ—не вооружась *историческимъ*

сознанiемъ, которымъ наше общество до позора скудно,— запамятовавъ историческiя преданiя! Это вѣдь почти все равно, — позволимъ себѣ, для уясненiя нашей мысли, прибѣгнуть къ гиперболѣ,—какъ если бы наше русское наинароднѣйшее дѣло вздумали обдѣлывать Англичане или Нѣмцы... Конечно обдѣлывали его не Англичане и не Нѣмцы, но мы, Русскiе; да Русскiе-то мы едвали только не по природѣ своей, пожалуй по инстинкту,—наши же умственные и духовные вѣсы и мѣрила, наши прiемы мышленiя, наше мiросозерцанiе—по большей части заемныя, чужiя. Природный и историческiй инстинктъ еще не возведенъ въ сознанiе русскаго общества, да и жизнь Русскаго народа для большинства русской интеллигенцiи — еще загадка, terra incognita. Конечно, русскiй инстинктъ проявился уже въ самомъ принципѣ освобожденiя крестьянъ *съ землею*, но въ реализацiи этого факта (напр. въ выкупѣ) выразилось начало совсѣмъ иное и русскому духу чуждое. То же и относительно административнаго устройства крестьянъ. Да и вообще такого рода противорѣчiй,—противорѣчiй въ началахъ. въ духѣ,— преисполнено Положенiе 19 февраля. Не всѣ, разумѣется, русскiе люди были въ ту пору убоги народнымъ и историческимъ разумѣнiемъ нашихъ началъ, — были и исключенiя, и эти исключенiя образовали даже цѣлую школу, имѣвшую голосъ и въ литературѣ (хотя въ то время еще и очень слабый). Нѣкоторые изъ людей этого направленiя принимали участiе и въ составленiи самаго Положенiя. Имъ, конечно, обязана Россiя тѣмъ, что въ его постановленiяхъ есть лучшаго; но отстаивая русское народное или историческое начало въ одномъ мѣстѣ, они вынуждены были дѣлать уступки въ другомъ, ради успѣха всего дѣла, да и потому, что весь господствующiй вокругъ, властный строй мыслей былъ этому началу враждебенъ. Были также люди — очень немногiе, мы знаемъ ихъ человѣка два-три,—которые, при всемъ горячемъ сочувствiи къ освобожденiю крестьянъ, не дали себя ослѣпить блескомъ великой реформы и зорко провидѣли въ дали будущаго тяжкiя послѣдствiя противоположности началъ и взаимнаго недоразумѣнiя. Къ числу этихъ немногихъ принадлежалъ К. С. Аксаковъ, котораго глубокая любовь къ народу озаряла порой, по выраженiю Хомякова, истиннымъ

ясновидѣніемъ и котораго опасенія, по поводу предпринятаго дѣла эмансипаціи, выражены въ помѣщаемыхъ ниже письмахъ и «Замѣчаніяхъ».

Въ самомъ дѣлѣ, въ то время, какъ все перевернулось или еще переворачивается *внизу*, въ народномъ быту и даже въ общественномъ строѣ Россіи,—*верхніе* ея ярусы пребываютъ неизмѣнными. Мы разумѣемъ здѣсь конечно не историческій принципъ власти; въ сохраненіи этого принципа мы видимъ, напротивъ, залогъ нашего историческаго будущаго и возвращенія Россіи на путь историческій и народный... Боже сохрани, чтобъ этотъ принципъ былъ поколебленъ, — напротивъ, онъ долженъ быть утвержденъ и такъ-сказать возстановленъ во всей чистотѣ своего историческаго, своего земскаго значенія. Наше замѣчаніе о неумѣстной неизмѣнности относится къ тому иностранному типу полицейскаго государства, который водворился у насъ со временъ Петра и глушитъ самобытное развитіе истинно русскихъ народныхъ началъ съ земскими основами государственнаго строя... Совершилось уничтоженіе крѣпостной власти. 20 милліоновъ Русскаго народа, 20 милліоновъ безправныхъ стали полноправными гражданами. Вмѣстѣ съ ними и въ ихъ лицѣ выступилъ на поле нашей исторіи, нашей внутренней, русской гражданской жизни — новый земскій, народный двигатель.... А Петербургскій періодъ русской исторіи однакоже не завершился! Петербургъ остается все тѣмъ же властнымъ Петербургомъ,—центръ тяжести государственнаго правленія не перемѣстился, какъ бы слѣдовало, куда-либо въ центръ государства, а продолжаетъ по прежнему пребывать чуть не за границей... Мы когда то выразились, что періодъ крѣпостнаго права былъ періодомъ долгой мучительной исторической формаціи, благодаря которой сложилось у насъ осѣдлое, землевладѣльческое крестьянство и явилась наконецъ возможность полнаго развитія въ государственномъ строѣ нашей земской исторической стихіи. Манифестъ 19 февраля, сказали мы, примыкаетъ къ указу 1592 и «Государь Александръ II подаетъ руку царямъ Ѳеодору и Борису»... Государь Александръ II, онъ лично — да, но ужъ никакъ, напримѣръ, Сперанскій не могъ бы протянуть руки правителю Годунову или кому бы то ни было въ до-Петровской Руси...

Никакъ не бюрократъ Сперанскій, который и исторію-то Россіи начиналъ только съ Петра, признавая цѣлые восемь вѣковъ ея существованія періодомъ доисторическимъ! Мы впрочемъ пользуемся его именемъ для олицетворенія всей системы бюрократизма, которой онъ былъ—не творцомъ, ибо онъ ее цѣликомъ взялъ изъ-за границы, — а насадителемъ. Геніемъ его и до сихъ поръ вдохновляется нашъ бюрократическій правящій міръ... При всей злой неправдѣ помѣщичьей власти, она, по выраженію К. С. Аксакова, служила какъ бы стеклянным колпакомъ для подчиненнаго ей народа, охранявшимъ послѣднее убѣжище русской самородной жизни отъ непосредственнаго воздѣйствія чуждыхъ бюрократическихъ началъ. Стеклянный колпакъ разбился, и на это убѣжище обрушилась... *Сперанщина*.

Но резиденція ея не въ однихъ лицахъ, штатныя должности занимающихъ. К. Д. Кавелинъ,—съ благою цѣлью отстранить предубѣжденіе, господствующее въ петербургскомъ чиновномъ и сановномъ мірѣ противъ «свѣдущихъ людей»,—утверждаетъ, что никакой рѣзкой разницы между тѣми и другими собственно и не существуетъ, кромѣ той, что послѣдніе обладаютъ бо́льшимъ и болѣе свѣжимъ запасомъ свѣдѣній о нуждахъ и потребностяхъ своей мѣстности: всѣ эти «свѣдущіе люди» сами большею частью состояли на службѣ; сегодняшній чиновникъ завтра можетъ стать уѣзднымъ жителемъ и «свѣдущимъ человѣкомъ», и наоборотъ.... Достопочтенный профессоръ совершенно правъ, болѣе правъ чѣмъ онъ думаетъ. Дѣйствительно всѣ мы — неслужащіе, ученые, литераторы, вся наша «публика», наша «интеллигенція»—всѣ мы болѣе или менѣе заражены бюрократизмомъ, отравлены канцелярски-полицейскимъ началомъ. Всѣ мы лишены простаго, непосредственнаго чутья русской жизни, всѣ всосали въ кровь и плоть, и не столько съ молокомъ матери, сколько съ воспитаніемъ, начала, воззрѣнія, потребности, идеалы, критеріумъ чуждаго намъ строя. Всѣхъ по пятамъ, во всякой дѣятельности, словно дьявольское навожденіе, преслѣдуетъ формализмъ и казенщина.

Положеніе 19 февраля признало и установило крестьянское самоуправленіе. Во что́ же обратилось у насъ хоть бы, напримѣръ, Волостное правленіе? Никто, конечно, спеціально

о томъ не хлопоталъ, но уже таковы всѣ условія нашей государственной жизни, что волостному писарю приходится вести иногда до девяноста книгъ и росписей, и Волостному правленію—очищать чуть не нѣсколько тысячъ №№ «входящихъ»!.. Но это—Волостное правленіе, мѣсто всѣмъ въ мірѣ подчиненное, отъ всѣхъ начальствъ зависимое... Обратимся къ самоуправленію, несравненно болѣе независимому—городскому и земскому. Развѣ это живое, самородное, органическое, а не казенное, не искусственное самоуправленіе? Развѣ наши земскія и городскія управы не тѣ же казенныя присутственныя мѣста? И развѣ кто-либо неволитъ ихъ быть таковыми? Развѣ обязателенъ для нихъ регламентъ Петра Великаго или формализмъ новѣйшаго бюрократическаго измышленія? Всѣ клянутъ хоромъ формализмъ и казенщину, и обойтись безъ нихъ не способны, не могутъ! А между тѣмъ не просили ли всѣ этого самоуправленія какъ манны небесной? Для того, чтобъ лучше оттѣнить характеръ послѣдняго, обратимся къ остаткамъ самоуправленія стариннаго, «самороднаго», какъ мы выразились, обойденнаго, болѣе или менѣе, и Сперанщиной. Они еще хранятся въ тѣхъ общественныхъ классахъ, которые въ до-Петровской Руси и составляли такъ-называемую *земщину* и на которые наша литература не распространяетъ названія «интеллигенціи». Возьмемъ, напримѣръ, хоть наше московское купечество, которое въ своемъ сословномъ самоуправленіи—и дѣятельно, и предпріимчиво, учреждаетъ школы и богадѣльни въ обширныхъ размѣрахъ, то-и-дѣло воздвигаетъ зданія громадныя, солидныя, прочныя. И тѣ же самые купцы въ составѣ всесословнаго городскаго представительства, вкупѣ съ прочими гласными Думы, почти не въ состояніи выстроить ничего—сразу, солидно, прочно и экономно, несмотря на обиліе коммиссій, инспекціи и контроля... Но о сословныхъ самоуправленіяхъ мы поговоримъ когда-нибудь особо.—Положимъ, Думы и Земскія управы—это учрежденія государственныя. Взгляните на любой Благотворительный Комитетъ, на любое частное Общество,—и тѣ норовятъ обратиться въ присутственныя мѣста, и тамъ отъ публики и отъ самихъ членовъ услышите тѣ же жалобы на безплодность результатовъ, на безжизненность, на «казенщину».... Почему же такъ? Не значитъ ли это, что духъ

жизни въ насъ, который по нашей русской природѣ не можетъ быть иной, какъ духъ жизни русской, закованъ въ чужія формы, или до такой степени слабъ, что не можетъ овладѣть этими формами, усвоить ихъ, оживить, одухотворить, освоеобразить... И выходитъ, будто мы у себя дома не дома,—не хозяева, а гости, щеголяемъ неумѣло въ платьяхъ съ чужой мѣрки сшитыхъ, и путаемся мы въ нихъ, и неловко намъ, и тоскливо, и движенія наши несвободны.

А между тѣмъ ходъ исторіи не останавливается и постоянно выдвигаетъ задачи и вопросы русской жизни, требующіе сроднаго, русскаго же рѣшенія... Мы же и подойти къ нимъ не можемъ иначе какъ исходя изъ началъ жизни противоположныхъ, не умѣемъ ни согласить ихъ, ни примирить, и только искажаемъ начала русскія формами иного быта и иного строя!..

Вотъ гдѣ и трагизмъ нашего положенія, вотъ гдѣ и коренная причина всеобщаго нервнаго состоянія и истинный, главный источникъ нашей щемящей, внутренней боли, независимо отъ чужихъ, наносныхъ временныхъ недуговъ...

При такомъ положеніи дѣлъ—«застой», про который говорится теперь такъ много, хотя и принадлежитъ къ разряду явленій анормальныхъ, однакожъ становится понятнымъ и имѣетъ свое историческое оправданіе .. Жалѣть ли о немъ? Конечно, лучше временный застой чѣмъ горячечная дѣятельность *въ пустую* или въ направленіи неизбѣжно-ошибочномъ,—но лучше, разумѣется, при условіи, что это время будетъ проведено съ пользою. Воспользуемся же наставшимъ застоемъ, чтобъ отдаться работѣ мысли, труду нашего національнаго самосознанія, его эмансипаціи, его исправленію,—уразумѣнію истиннаго духа русской жизни и всѣхъ ея коренныхъ органическихъ началъ, однимъ словомъ—правды народной; допросимъ духа исторіи, предпримемъ подвигъ своего общественнаго перевоспитанія... Вотъ что̀ намъ на потребу и безъ чего не найдемъ мы правильнаго рѣшенія ни одному современному, мучающему насъ вопросу...

Было время, когда наука, культура, цивилизація устремлялись на Русскую землю исключительно *сверху*, когда правительство было единственнымъ педагогомъ... Не настала ли пора для обратнаго хода просвѣщенія или педагогической

дѣятельности въ Россіи? Вмѣсто либеральныхъ и иныхъ «вѣяній», вѣющихъ на нашихъ правительственныхъ вершинахъ извнѣ, не время ли повѣять *снизу* вверхъ духу земли нашей, — тому духу, который создалъ и держитъ Русское государство,—духу жизни русской, русской народности, русской исторіи,—и поднимаясь съ самой материковой, народной почвы, обнять собою, любовно и плодотворно, нашу высь и всю властную сферу?...

По поводу запрещенія газеты „Голосъ".

„Русь", 1-го марта 1883 г.

Что̀ отмѣтить изъ выдающихся «явленій», «событій» или «мѣропріятій» нашей внутренней общественно-политической жизни за послѣднія двѣ недѣли? Да прежде всего то, что̀ имѣетъ наибо̀льшую связь съ интересами, правами и льготами русской періодической печати: крупное дѣйствіе высшаго литературно-полицейскаго учрежденія, о которомъ въ нашемъ 4-мъ № мы, по недостатку времени, не успѣли сказать ни слова. Мы разумѣемъ здѣсь запрещеніе газеты «Голосъ» на шесть мѣсяцевъ, да еще съ перспективой — въ случаѣ возобновленія по минованіи срока, подлежать предварительной цензурѣ (причемъ, разумѣется, изданіе ежедневной газеты становится невозможнымъ). Такое «мѣропріятіе» Главнаго Управленія по дѣламъ печати для бюрократической среды Петербурга, которой «Голосъ» служилъ и о̀рганомъ и чуть ли не единственною умственною пищей, имѣетъ конечно значеніе истиннаго «событія». Отмѣтимъ, вовторыхъ, петербургское великосвѣтское веселье, — «явленіе» повидимому самое нормальное и зимнему сезону въ столицахъ обычное, но которое однакожъ возведено Петербургомъ также на степень «событія» чуть ли не политическаго,—а вмѣстѣ и «мѣропріятія» политико-экономическаго свойства. Наконецъ, втретьихъ, назначеніе, или пока еще извѣстіе о назначеніи, подъ предсѣдательствомъ члена Государственнаго Совѣта Макова, особой коммиссіи по еврейскому вопросу—вѣроятно для разсмотрѣнія трудовъ мѣст-

ныхъ губернскихъ коммиссій, учрежденныхъ еще при бывшемъ министрѣ внутреннихъ дѣлъ, графѣ Игнатьевѣ. Объ этой новой коммиссіи, которая вѣроятно въ публикѣ получитъ названіе «Маковской»,—подобно тому, какъ коммиссія подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Каханова называется и въ публикѣ и даже въ газетахъ просто «Кахановской»,—можно гадать только то, что она встрѣтитъ не мало трудностей и вообще неблагопріятныхъ для правильной работы условій, — даже не только потому, что еврейскій вопросъ самъ по себѣ, по существу, вовсе не легокъ для разрѣшенія. Никогда Евреи не царили такъ полновластно на петербургской биржѣ какъ именно теперь; никогда петербургская биржа не была въ такомъ подчиненіи у биржи берлинской, заправляемой Евреями же, да вдобавокъ германскими патріотами, какъ въ настоящее время. Наша же финансовая политика, по мѣстопребыванію своему въ Петербургѣ, при своихъ исключительныхъ заботахъ о поддержаніи курса, о валютѣ кредитнаго рубля, едвали можетъ почитаться вполнѣ независимою отъ воззрѣній петербургской биржи даже на внутренніе экономическіе интересы — такъ мало знаемой и понимаемой тамъ Россіи...

Почему собственно признано было нужнымъ запретить «Голосъ» и вогнать его *внутрь*, вопреки извѣстнымъ правиламъ гигіены, этого мы понять не можемъ, а можемъ лишь сожалѣть—не о «Голосѣ» собственно, но о противникѣ—не нами, къ сожалѣнію, въ открытомъ бою, а постороннею внѣшнею силою обезоруженномъ; но о вящемъ развитіи той старой, относительно печати, системы, противъ которой приходилось намъ столько ратовать въ теченіи всей нашей литературной карьеры—и на газетныхъ столбцахъ, и предъ высшимъ въ Имперіи судилищемъ. Не однажды и на страницахъ «Руси» касались мы того же предмета, по аналогичному поводу; но если паки и паки повторяются случаи подобной административной расправы, то и мы почитаемъ своимъ долгомъ паки и паки повторить свои возраженія. Если «Голосъ» не учинилъ никакого такого проступка, за который могъ бы быть преданъ суду, то стало-быть онъ запрещенъ собственно за «направленіе»... Но развѣ ядъ этого направленія чрезъ запрещеніе вытравленъ? Не сталъ ли онъ,

напротивъ, острѣе и привлекательнѣе, какъ и все безсудно гонимое и запрещаемое,—да вдобавокъ еще сдѣлался недосягаемѣе для противуядія? Два десятка тысячъ подписчиковъ «Голоса»,—изъ которыхъ двѣ трети, если не болѣе, принадлежатъ къ петербургскому бюрократическому міру, взысканы казеннымъ жалованьемъ и чуть ли не всѣми четырнадцатью рангами Петровской табели,—нисколько, надо полагать, не убѣдились и не вразумились аргументаціей явившейся имъ въ формѣ административнаго распоряженія Вѣроятнѣе всего, что они еще глубже прониклись тѣмъ мнимымъ антинаціональнымъ либерализмомъ, который и есть самый духъ петербургскихъ бюрократическихъ болотъ, нашедшій себѣ въ «Голосѣ» выраженіе—и *отдушину* вмѣстѣ. Этотъ духъ, съ запрещеніемъ газеты—своей отдушины, только пуще сопрется теперь въ своей замкнутой сферѣ,— и не литературной полиціи его развѣять! Да и могутъ ли подписчики внимать приговору Главнаго Управленія по дѣламъ печати, какъ оракулу непогрѣшимому въ опредѣленіи добрыхъ и злыхъ качествъ литературнаго дѣятеля? Вѣдь у всякаго на памяти, кто подвергался наисильнѣйшему гоненію при министерствѣ П. А. Валуева или генерала Тимашева, какое направленіе почиталось злонамѣреннымъ, и наоборотъ. Что же касается до «Голоса» въ частности и до газетъ одного съ нимъ знамени вообще, то уже и та большая доля свободы, — которою (по административной оплошности, какъ думаютъ нѣкоторые,—по счастливой оплошности — думаемъ мы!) пользовалась литература въ послѣдніе годы, — ужъ и эта доля свободы нанесла ложному либерализму значительный ударъ и обличила его внутреннюю безсодержательность. Всякому, мало-мальски мыслящему человѣку не могли не быть замѣтны противорѣчія, виляніа, отступленія, бѣдность и безпочвенность положительныхъ идеаловъ «Голоса» и его подголосковъ, какъ скоро они вынуждались отъ отрицанія переходить къ опредѣленному выраженію: чего же собственно они хотятъ и къ чему стремятся. Мы убѣждены, что ничто не могло бы быть гибельнѣе для того нашего либерализма, который повторяетъ лишь суевѣрно зады западной политической мысли, какъ такой просторъ рѣчи, при которомъ не приходилось бы ему вопить при всякомъ прямомъ возраженіи: «доносъ!» «инси-

нуація!» уклоняться отъ спора, прятать пустопорожность своей думы за многоточіе и важно, между строкъ, намекать, что «сказалъ бы слово, да....» Гибельно потому, что это слово *высказанное*—вышло бы одинъ звукъ пустой, способный только скомпрометтировать самихъ произносителей предъ публикой и народомъ. Еслибъ даже, повторяемъ, начальство гарантировало нашимъ либераламъ-западникамъ не только полную личную безопасность, но даже генеральскій чинъ и прибавку жалованья, и разрѣшило бы имъ, — ну хоть на Красной площади въ Москвѣ,—предложить собравшимся слушателямъ введеніе конституціи по западно-европейскому образцу или ограниченіе самодержавія въ пользу фельетонистовъ, учителей, адвокатовъ, однимъ словомъ—всего того, что величается у нихъ именемъ «интеллигенціи», — то едвали бы достало у нихъ на это духа: слишкомъ бы ужъ неумно вышло!.. Стѣсненіе слова и вслѣдствіе того—чувство раздраженія, вынужденная недосказанность и вынужденныя сумерки мысли—вотъ наиблагопріятнѣйшія условія для развитія духа отрицанія и нерусскихъ, мнимо-либеральныхъ, нездоровыхъ стремленій,—и эти-то условія создаются у насъ самою литературно-полицейскою властью! Именно этихъ сумерекъ мысли и не слѣдовало бы допускать, а слѣдовало бы вызвать мысль на бѣлый день, на публичный споръ...

Въ послѣднемъ №, которымъ «Голосъ», благодаря администраціи, закончилъ такъ почетно свое существованіе («палъ на полѣ битвы», пострадалъ за убѣжденіе, за смѣлую рѣчь» и т. д.), онъ въ передовой статьѣ, весьма прилично написанной, отчурался, открещивался отъ «конституціи». Никто не имѣетъ права предполагать, что это отреченіе было неискренно; а если искренно, то вѣдь это уже большой шагъ впередъ. Вмѣстѣ съ нимъ вѣдь и тысячи его читателей и почитателей непремѣнно точно такъ же отреклись, даже съ нѣкоторымъ патріотическимъ паѳосомъ отвергли «нелѣпое предположеніе», будто «Голосъ» и его подписчики ратуютъ за западно-европейскіе конституціонные порядки!... И если это отреченіе правдивое, а не лицемѣрное, не вынужденное страха ради, то чѣмъ же оно вызвано, — такъ какъ вѣдь легко доказать, что годъ тому назадъ (нѣсколько болѣе, нѣ-

сколько менѣе) та же самая газета очень недвусмысленно лишь въ европейскихъ либеральныхъ политическихъ учрежденіяхъ чаяла, спасеніе для Россіи? Ничѣмъ инымъ оно и не вызвано, какъ полемикой съ печатью противоположнаго направленія, сбившею «Голосъ» съ позиціи и обличившею несостоятельность его положеній. Та же самая перемѣна позиціи, хотя и безъ перемѣны фронта, произошла почти во всемъ мнимо-либеральномъ станѣ. Правда, онъ отступилъ отстрѣливаясь, но все же отступилъ, хотя и не хочетъ сознаться въ этомъ. Нѣчто подобное произошло съ бывшими «западниками» по отношенію къ русской народности и такъ-называемому славянофильству. Они теперь всѣ отрекаются отъ западничества, громко возглашаютъ, что всегда-де стояли и стоятъ за народность, даже попрекаютъ издателя «Руси» якобы измѣною славянофильству и колятъ ему же глаза именами, нѣкогда поносными въ западно-либеральномъ лагерѣ, Хомякова, Самарина, К. С. Аксакова!! Все это конечно неумно, неумѣло, неуклюже, очень забавно, хотя и не совсѣмъ честно, все это еще исполнено недомыслія и противорѣчія: такъ въ русской народности они пока допускаютъ самостоятельное начало только лишь въ общинномъ устройствѣ, да въ артеляхъ (благо на это указалъ и самъ западный соціализмъ); въ политическомъ же, нравственномъ, религіозномъ отношеніи никакого права на самобытное, отличное отъ Запада развитіе за Русскимъ народомъ пока не признаютъ... ни, ни! Тѣмъ не менѣе мы не видимъ надобности относиться къ нимъ уже слишкомъ взыскательно и строго и затруднять имъ благовидную ретираду отъ ихъ старыхъ доктринерскихъ вѣрованій: нельзя все же не признать въ этомъ поворотѣ, хотя даже и не вполнѣ чистосердечномъ, нѣкотораго прогресса общественной мысли. Остальнаго надобно ожидать отъ времени. Точно то же совершается отчасти, и совершилось бы полнѣе и рѣзче съ нашими мнимыми либералами, если бы нежданно-негаданно, и во всякомъ случаѣ непрошенно, не вмѣшалась въ борьбу сама наша администрація.

Мы тѣмъ болѣе сожалѣемъ о такомъ вмѣшательствѣ, что какъ разъ въ послѣднемъ № «Руси», говоря о парламентскомъ режимѣ въ разныхъ государствахъ Европы и о зависимости въ нихъ правительства отъ случайнаго большин-

ства голосовъ въ представительныхъ учрежденіяхъ, мы отстаивали для Россіи принципъ вполнѣ независимой *личной* верховной власти—при вполнѣ независимомъ, свободно выражаемомъ мнѣніи народа или страны,—но только *мнѣніи*. Странѣ — объяснялось на страницахъ «Руси» — принадлежитъ право и обязанность высказывать правительству искренно и чистосердечно свою мысль, но правительственное дѣйствіе, но власть принадлежитъ государству, т. е. верховной единоличной волѣ монарха. Въ нравственной силѣ мнѣнія полагаемъ мы и самую лучшую гарантію противъ произвола власти. Конечно, подъ выраженіемъ народнаго мнѣнія мы разумѣли нѣчто иное чѣмъ газетныя рѣчи, но правительственный опросъ мнѣній вѣдь не ежедневное дѣло Въ промежуткахъ времени между такимъ опросомъ печать призвана служить правительству службу приблизительно схожую, хотя и не въ той же мѣрѣ надежную. Печать, это — обширная лабораторія, гдѣ вырабатывается мысль въ сферѣ общественнаго сознанія, въ слояхъ сверхнародныхъ. Она знакомитъ правительство со всѣми составными элементами, оттѣнками и процессомъ образованія мнѣнія въ обществѣ, со всѣми направленіями, добрыми и злокачественными, съ ихъ взаимною борьбою; она полна для разумнаго государственнаго мужа наиполезнѣйшихъ указаній и предостереженій. Это зеркало, отражающее душу общества съ ея здоровыми и больными сторонами, и лишиться такого зеркала — все равно, что заткнуть себѣ уши и зажмурить глаза. Запретите пожалуй всѣ газеты,—работа общественной мысли будетъ все-же производиться, но во тьмѣ, подспудно. при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ для торжества правды: обезоруженными явятся лишь тѣ, которые не способны защищать истину иначе какъ при свѣтѣ, въ открытой и честной борьбѣ.

Вотъ почему мы и жалѣемъ объ исчезновеніи гласнаго органа той партіи или вѣрнѣе среды, которая выражала себя въ «Голосѣ». Нѣкоторые привѣтствуютъ эту мѣру, какъ проявленіе возрождающейся правительственной силы... Какъ было бы отрадно видѣть проявленіе этой возрождающейся силы въ защитѣ, напримѣръ, національныхъ русскихъ экономическихъ интересовъ, и въ Персіи, и въ Финляндіи, и у себя дома! или въ защитѣ прямыхъ политическихъ на-

шихъ интересовъ... хоть бы на Дунайской конференціи, гдѣ Россія, по газетнымъ извѣстіямъ, дѣлаетъ какія-то уступки Англіи и обязывается представить на верховное рѣшеніе Международной Дунайской коммиссіи свои предположенія объ организаціи судоходства въ принадлежащемъ Россіи Очаковскомъ проходѣ Килійскаго устья!

Такое же «возрожденіе жизни» видится многимъ и въ томъ весельѣ, которое обуяло Петербургъ въ прошломъ мѣсяцѣ и о которомъ такъ много молвятъ и даже пишутъ въ газетахъ русскихъ и иностранныхъ. Не только высокопоставленныя лица, но и корифеи денежной аристократіи другъ передъ другомъ изощрялись въ невиданной доселѣ роскоши баловъ и пиршествъ. Въ великосвѣтской жизни, особенно столичной, такое времяпрепровожденіе въ зимній сезонъ, какъ мы уже сказали, дѣло обычное, и нѣтъ ничего удивительнаго, что послѣ долгаго траура и воздержанія отъ подобныхъ увеселеній возвращеніе къ старому строю забавъ совершилось съ нѣкоторою необычною страстностью. Веселье— вещь добрая. Отчего же и не веселиться? Ну и пусть себѣ веселятся, на здоровье, всѣ тѣ, которымъ на душѣ весело, которыхъ тѣшитъ шумъ и блескъ и изящество великосвѣтскихъ сборищъ... Не нужно только возводить веселье на степень «дѣла», и въ возрожденіи пышныхъ баловъ и ужиновъ видѣть какое-то возрожденіе *жизни*,—какъ это усматриваетъ одинъ изъ «консервативныхъ» (такъ онъ самъ себя называетъ) органовъ петербургской печати! Не слѣдуетъ также воображать, что если веселится Петербургъ, то непремѣнно веселится и Москва, и вся Россія, и что оживленіе нѣкоторыхъ отраслей торговли въ Петербургѣ даетъ жизнь и всей россійской торговлѣ, а съ нею и промышленности. Промышленность и торговля въ Россіи несомнѣнно бы болѣе оживились, еслибъ департаментъ мануфактуръ и торговли держался болѣе правильной національной политики... Кстати о національной политикѣ. Нѣкоторые расположены видѣть ея проявленіе даже въ костюмированномъ балѣ, гдѣ болѣе 200 персонъ было одѣто въ богатые русскіе боярскіе костюмы XVII вѣка и ранѣе. Мы видимъ въ этомъ лишь очень счастливую, артистическую идею, потому что такое зрѣлище, несомнѣнно, должно было быть, да по описаніямъ и было,

не только великолѣпно, въ высшей степени изящно, но и совершенно ново. Умиляться однакожъ тутъ національному чувству (какъ этого отъ насъ требовали нѣкоторые) такъ же мало повода, какъ и по случаю напечатаннаго по русски (ужъ не церковно-славянскимъ ли шрифтомъ?) и перепечатаннаго въ «Новомъ Времени» (19 февраля) *меню* ужина на балѣ одного изъ министровъ. Съ нѣкоторымъ затрудненіемъ для пониманія, слѣдуетъ думать, читали высокопросвѣщенные гости: «конкомбръ фре сале», «пети пате», шарлотъ о фрюи» и т. д. Мы склонны думать, что въ этой затѣѣ выразилась очень умная и очень тонкая иронія надъ петербургскими національными замашками, но въ Петербургѣ, чего добраго, многіе способны отнестись къ ней съ серьезнымъ патріотическимъ чувствомъ. Да и развѣ «фре сале» менѣе странно, чѣмъ «коллежскій ассессоръ», даже «статскій совѣтникъ», чѣмъ названіе любаго придворнаго чина и даже названіе самой русской столицы «Санкпетербургъ»? Мы упоминаемъ объ этихъ пустякахъ единственно потому, что въ Петербургѣ нѣкоторые, пожалуй, дѣйствительно готовы воображать, что именно такими проявленіями національности можно утѣшить «старушку Москву» и особенно, такъ близко стоящее къ народу, купечество... Смѣемъ замѣтить, однако, что московское, да и все русское купечество съ представителями промышленности вкупѣ, въ настоящую минуту всего менѣе расположено умиляться, а очень серьезно озабочено, какія «пети пате» и «фрюи фре» изготовилъ имъ, подъ шумъ веселья, столь національно настроенный градъ Петербургъ по дѣлу о Кавказскомъ транзитѣ...

По послѣднимъ извѣстіямъ, защитники транзита, съ рвеніемъ достойнымъ лучшей цѣли, — усматривая, что русское купечество и весь промышленно - фабричный округъ Россіи не идутъ ни накакую сдѣлку,—рѣшились будто бы прибѣгнуть къ такому маневру вмѣсто того, чтобъ идти прямо на проломъ, *rompre en visière*, русской промышленности и торговлѣ, затянуть, замять дѣло, положить въ долгій ящикъ, пока обостренное теперь отношеніе къ вопросу притупится, напряженное вниманіе ослабѣетъ, и потомъ, безъ шума, привести дѣло втихомолку къ компромиссу—для Россіи невыгодному, но для нихъ вполнѣ благопріятному... Одна изъ

петербургскихъ газетъ простодушно заявила, что «вопросъ о Кавказскомъ транзитѣ уже надоѣлъ»! Потолковали-де—и будетъ. Вотъ на эту именно скучливость русскаго человѣка и разсчитываютъ, должно-быть, защитники транзита, а съ ними и иностранцы... Но мы однакоже намѣрены вскорѣ вновь докучить нашимъ читателямъ этимъ дѣломъ, въ виду нѣкоторыхъ новыхъ, полученныхъ нами данныхъ, да и потому, что оно, вмѣстѣ со многими другими фактами, свидѣтельствуетъ довольно краснорѣчиво о «народномъ русскомъ направленіи» русской политики въ сферѣ экономической...

Да и въ одной ли экономической?!...

«Возрожденіе къ жизни и къ силѣ» въ высшихъ властныхъ слояхъ, это вовсе не значитъ—возрожденіе къ жизни и силѣ бюрократическо-канцелярскаго произвола, преданій антинаціональной или лженаціональной политики и вообще старыхъ петербургскихъ порядковъ. Съ понятіемъ о возрожденіи мысль невольно соединяетъ и понятіе объ обновленіи... Мы собственно, которые такъ часто и громко исповѣдуемъ русскій древній историческій принципъ государственной власти, всего менѣе разумѣемъ подъ этими словами то, напримѣръ, возвращеніе къ административному строю не очень давнихъ временъ, котораго желаетъ «Гражданинъ», съ такимъ умиленіемъ вспоминающій о проявленіи правительственной силы и власти въ памятное тридцатилѣтіе, предшествовавшее царствованію Александра II-го. Произнося слово «домой!» надъ которымъ такъ глумились наши противники, мы разумѣли и разумѣемъ возвращеніе къ кореннымъ основамъ нашего народно-государственнаго строя, возвращеніе на путь народности, затерянный въ блужданіяхъ петербургскаго періода русской исторіи. А это и есть путь истинно прогрессивный,—тотъ широкій мирный путь, который безпредѣльному могуществу русскаго престола открываетъ такой благой просторъ для всякаго плодотворнаго почина, для неустаннаго, правильнаго движенія вперёдъ, при могущественномъ же содѣйствіи безпредѣльной любви и преданности народа, при живомъ, искреннемъ, до сихъ поръ Россіи недостававшемъ, общеніи верховной власти съ своею родною землею—конечно не нѣмою и не безгласною.

Шумное, нестройное веселье смѣнилось, слава Богу, строй-

ною тишиною Великаго поста. Будемъ уповать, что найдется время сосредоточиться и поразмыслить...

По поводу Коронаціоннаго Всемилостивѣйшаго манифеста.

„Русь“, 15-го іюня 1883 г.

Высочайшіе манифесты, указы и прочія повелѣнія, помѣщенныя въ 10 и 11 №№ нашей газеты и ознаменовавшія собою торжество царскаго вѣнчанія, имѣютъ несомнѣнно одинъ общій характеръ милости, льготы, облегченія, но нѣкоторыя изъ нихъ представляютъ и органическое поступательное движеніе самого русскаго законодательства. Таковы, въ общей своей совокупности, всѣ мѣры и распоряженія, касающіяся крестьянскаго населенія, а равно и Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта «о дарованіи раскольникамъ нѣкоторыхъ правъ гражданскихъ и по отправленію духовныхъ требъ». Что же относится собственно до такъ-называемаго «Всемилостивѣйшаго Манифеста», этого обычнаго торжественнаго, какъ бы перваго проявленія власти нововѣнчаннаго Царя, перваго ея примѣненія, выражающагося, прежде всего, въ пользованіи «дарованнымъ Ему отъ Бога правомъ миловать и щадить», то онъ, какъ и естественно, обращенъ исключительно: во 1-хъ, «къ тѣмъ нуждающимся и удрученнымъ, кои, по недостаточному положенію или по несчастнымъ обстоятельствамъ, не въ состояніи были выполнить всѣхъ лежащихъ на нихъ предъ правительствомъ обязательствъ» (денежныхъ). По исчисленію одной газеты, таковыхъ недоимокъ слагается на сумму до 50 милліоновъ рублей. Это великое благодѣяніе, и не въ одномъ только матеріальномъ отношеніи. Недоимка, особенно не по личной винѣ недоимщиковъ накопившаяся и, какъ выражаются на канцелярскомъ языкѣ, «безнадежная ко взысканію», но не сложенная, производитъ вообще угнетающее дѣйствіе на населеніе, деморализуетъ его, вися надъ нимъ какъ Дамокловъ мечъ, не давая ему подняться духомъ. Впрочемъ сложеніе недоимокъ простирается не на одно крестьянское или торговое сословіе, но даже,—чего мы, признаться ска-

зать, встрѣтить въ Манифестѣ вовсе и не ожидали,—и на дворянство, даже не на дворянъ лично, а на сословіе. Такъ дворянству прощаются «числящіяся за нимъ въ недоимкѣ суммы за содержаніе и воспитаніе пансіонеровъ дворянства въ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ»... Странно, что дворянство могло допустить себя до подобной неисправности и до подведенія подъ Всемилостивѣйшій Манифестъ! Но не по взысканію только прямыхъ податей, слѣдующихъ въ казну денегъ за ея расходы или причиненныхъ казнѣ убытковъ сложены или сбавлены недоимки; та же милость распространена и на ссуды, произведенныя изъ казны въ разное время лицамъ, обществамъ и сословіямъ. Въ этомъ отдѣлѣ также оставлены безъ взысканія «числящіяся въ недоимкѣ за дворянствомъ разныхъ губерній денежныя позаимствованія изъ бывшаго государственнаго земскаго сбора на разныя нужды дворянства», если они разрѣшены болѣе 10 лѣтъ тому назадъ. Затѣмъ Манифестъ слагаетъ или прощаетъ, вполнѣ или въ опредѣленномъ размѣрѣ, невзысканные еще казенные по службѣ начеты, ущербы или утраты, не распространяя однакоже, въ духѣ высшей справедливости, дѣйствія этихъ статей на «причинившихъ ущербъ казнѣ *завѣдомо* и съ *корыстною* или иною противозаконною цѣлью», а также на тѣхъ похитившихъ или растратившихъ «казенную или принадлежащую учрежденнымъ отъ правительства установленіямъ собственность, когда храненіе оной было имъ *ввѣрено* постоянно или временно». Въ этомъ отдѣлѣ обращаютъ на себя особенное вниманіе начеты по ревизіи отчетности за послѣднюю войну съ Турціей: «за переборъ жалованья и иныхъ видовъ личнаго довольствія», или по убыткамъ казны «отъ неправильнаго или небрежнаго храненія казеннаго имущества въ продовольственныхъ, вещевыхъ и иныхъ матеріальныхъ складахъ на театрѣ бывшей войны и въ прилегающихъ мѣстностяхъ Имперіи, объявленныхъ на военномъ положеніи»... Отрадно подумать, какое громадное множество «дѣлопроизводствъ» прекратится съ этимъ Манифестомъ и будетъ сдано въ архивъ! Впрочемъ слѣдуетъ замѣтить, что вся эта милость даруется съ мудрымъ, внимательнымъ разсмотрѣніемъ, вовсе не огульно, и вообще въ этомъ отношеніи настоящій правительственный актъ чрезвычайно тщательно разработанъ.

Во 2-хъ, Манифестъ простираетъ «царскую милость и на тѣхъ, которые впали въ противозаконныя дѣянія по *заблужденію, легкомыслію и небреженію*, или же хотя омрачили жизнь свою преступленіями, но вслѣдствіе понесенной ими кары закона или по другимъ обстоятельствамъ, заслуживаютъ прощенія или облегченія участи». Мѣра облегченія для осужденныхъ на тяжкія наказанія опредѣляется съ большою подробностью. Отъ этой милости не изъяты и «государственные» или политическіе преступники, какъ сосланные на поселеніе, такъ и отбывающіе каторжныя работы, но примѣненіе къ нимъ допускаемыхъ Манифестомъ облегченій производится каждый разъ по ближайшему усмотрѣнію министра внутреннихъ дѣлъ. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда государственные преступники «раскаяніемъ и добрымъ поведеніемъ заслуживали бы смягченія, превышающаго размѣры въ VII статьѣ Манифеста установленные», разрѣшается министру входить къ Государю Императору съ особымъ докладомъ. Равномѣрно предоставлено тому же министру освобождать отъ «воспрещенія жительства въ извѣстныхъ мѣстностяхъ» лица подвергшіяся такому ограниченію, и повергать на усмотрѣніе Его Величества «участь тѣхъ изъ сосланныхъ *въ административномъ порядкѣ* или подчиненныхъ особому полицейскому надзору за преступленія государственныя, кои по свойству ихъ или по проявленному ими раскаянію заслуживаютъ снисхожденія».

Наши самовольные эмигранты, если только не изобличаются въ злодѣяніяхъ, наказуемыхъ по 241 ст. Улож. о наказ., также могутъ воспользоваться милостію Государя и возвратиться на родину, конечно при условіи искренняго желанія искупить свою прежнюю вину добрымъ поведеніемъ и вѣрностью Государю. Будемъ надѣяться, что найдутся и таковые въ томъ множествѣ молодыхъ отщепенцевъ отъ Русскаго народа, которые губятъ теперь попусту свои силы въ преступной дѣятельности или въ преступномъ бездѣйствіи за границей, которые снискали себѣ такую позорную славу, стали притчею во языцѣхъ въ самой Европѣ и уже едва-едва кое-гдѣ терпимы... Но кто по всей вѣроятности не замедлитъ воспользоваться такимъ милостивымъ разрѣшеніемъ возврата на родину,—это наши выходцы за границу изъ гу-

берній Царства Польскаго и изъ Западныхъ губерній. Всѣмъ имъ, даже участвовавшимъ въ мятежѣ 1863 г., какъ принявшимъ, такъ и не принявшимъ иностраннаго подданства, предоставлено право возвратиться въ отечество, не подвергаясь преслѣдованію за мятежъ и подчиняясь лишь надзору полиціи въ теченіи двухъ лѣтъ. Не возстановляются только ихъ права по имуществу. Тѣ же, которые, пребывая въ самой Россіи, подлежатъ еще, за участіе въ возстаніи 1863 г., воспрещенію жительства въ столицахъ, въ губерніяхъ Царства Польскаго и Западнаго края и лишенію права вступать въ государственную или общественную по выборамъ службу,—получаютъ, на основаніи Всемилостивѣйшаго Манифеста, какъ право свободнаго избранія мѣста жительства безъ всякихъ ограниченій, такъ и право службы. Разумѣется, изъ этого числа исключаются лица осужденныя за убійства, истязанія, грабежи и поджоги, совершенные для содѣйствія мятежу... Дай только Богъ, чтобъ Поляки не употребили во зло эту щедро даруемую имъ милость и это великодушное довѣріе!

Милость—святое дѣло; тѣмъ болѣе преступно злоупотребленіе ею. Она не должна обращаться во вредъ ни населенію—ни въ чемъ неповинному, ни самимъ милуемымъ преступникамъ. Намъ казалось бы, что одновременно съ милостью благоразумно было бы дать мѣсто и такой оговоркѣ, что всякій нынѣ прощаемый, въ случаѣ такъ-называемаго рецидива, т. е. совершенія *вновь* преступленія, подлежитъ наказанію за послѣднее уже въ *усиленной*, тягчайшей мѣрѣ. Это было бы вполнѣ справедливо и согласно съ разумомъ Евангельскихъ словъ: «се здравъ еси, къ тому не согрѣшай, *да не горше ти что будетъ*“...

Прощеніе или убавленіе недоимокъ жалуемое Всемилостивѣйшимъ Манифестомъ, вмѣстѣ съ дарованнымъ два года тому назадъ всеобщимъ пониженіемъ выкупныхъ платежей на одинъ рубль, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и въ большей, очень значительной мѣрѣ; наконецъ, совершенная отмѣна съ 1 января 1884 г. *подушной* подати съ нѣкоторыхъ разрядовъ сельскихъ обывателей и пониженіе ея окладовъ для всѣхъ остальныхъ плательщиковъ оной, между прочимъ для всѣхъ бывшихъ *помѣщичьихъ* крестьянъ, а въ

нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и для государственныхъ, на цѣлую *половину* оклада,— все это, вмѣстѣ взятое, должно въ чувствительной степени облегчить народу тягость прямыхъ налоговъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, открывается для крестьянъ перспектива дешеваго поземельнаго кредита въ формѣ Крестьянскаго Банка (о которомъ мы имѣемъ въ виду поговорить въ «Руси» отдѣльно и подробно), и возвѣщается о намѣреніи правительства произвести измѣненія въ правилахъ о паспортахъ и о перечисленіи лицъ податнаго состоянія изъ одного состоянія въ другое, съ цѣлью доставленія *большей свободы передвиженія*. Такое намѣреніе выражено словами того же Высочайше утвержденнаго мнѣнія Государственнаго Совѣта (объ отмѣнѣ и пониженіи подушной подати): «предоставить г. министру внутреннихъ дѣлъ *войти въ соображеніе* объ измѣненіяхъ» и т. д. Нельзя не вспомнить, что это «соображеніе» значительно облегчено министру работами Коммиссіи свѣдущихъ людей о переселеніи въ 1881 и частью 82 году... Мы имѣли случай познакомиться съ этими работами, такъ неожиданно и странно прерванными; онѣ исполнены чрезвычайно старательно и добросовѣстно, и надобно надѣяться, что г. министръ внутреннихъ дѣлъ не преминетъ ими воспользоваться.

Этотъ рядъ законодательныхъ мѣръ и правительственныхъ распоряженій не можетъ остаться безъ добраго воздѣйствія какъ на благосостояніе крестьянскаго населенія, такъ и на самый духъ народный, ожививъ его вѣрою въ лучшее будущее... Тѣмъ не менѣе мы въ этомъ отношеніи вполнѣ раздѣляемъ мнѣніе «Московскихъ Вѣдомостей», что несравненно тяжелѣй всѣхъ прямыхъ, платимыхъ народомъ налоговъ, несравненно губительнѣе для его благосостоянія — налогъ платимый народомъ кабаку и кабатчикамъ. Въ этомъ же № помѣщаемъ мы статью одного изъ людей, и по своему званію, и по мѣсту жительства, близко стоящихъ къ сельскому населенію: читая ее, убѣждаешься, что пьянство обходится народу не только въ ту сумму денегъ, которая непосредственно отдается въ кабакъ за вино и превышаетъ вдвое, если не втрое, общій итогъ взимаемыхъ съ народа разнообразныхъ налоговъ, — но и въ сумму неизмѣримо высшую, такъ какъ бо̀льшая часть сельскихъ пожаровъ, на сотни

милліоновъ рублей въ годъ, происходитъ отъ пьянства. Не говоримъ уже о растлѣніи нравственномъ и физическомъ. Никто лучше народа не сознаетъ того страшнаго зла, которое наноситъ ему кабакъ, и *нигдѣ въ мірѣ* такъ не легка для правительства борьба съ народнымъ пьянствомъ! Стонетъ, вопитъ народъ, самъ слезно молитъ правительство поддержать его, протянуть ему руку помощи въ этой борьбѣ, оказать ему содѣйствіе и своимъ нравственнымъ авторитетомъ, и словомъ закона,—а правительство... Правительство отказываетъ до сихъ поръ ему въ помощи и содѣйствіи, остается глухо къ его мольбамъ! А между тѣмъ нельзя сказать, чтобъ эти мольбы не доходили до его слуха: чуть не цѣлый годъ въ «Сельскомъ Вѣстникѣ», самимъ правительствомъ издаваемомъ, печатались приговоры сельскихъ обществъ объ уничтоженіи кабаковъ (тщетные приговоры, такъ какъ кабатчикъ воздвигалъ тотчасъ кабакъ или тутъ же на помѣщичьей землѣ или на сосѣдней сельской!), печатались сотнями письма, прошенія и предположенія крестьянъ по вопросу объ искорененіи пьянства. Но все это «оставлено безъ послѣдствій». Мало того: не само ли правительство въ 1881 г. съ такой шумной оглаской приступило къ разрѣшенію этого вопроса, созвало даже Коммиссію изъ свѣдущихъ людей?... Но и Коммиссія, и свѣдущіе люди, и ихъ труды — словно все въ воду кануло!. Правда, это было при другомъ министрѣ внутреннихъ дѣлъ, но вопросъ о пьянствѣ въ Россіи, полагаемъ, не пріуроченъ къ министерскому портфелю того или другаго лица, да и не одно только Министерство внутреннихъ дѣлъ, помнится намъ, интересовалось этимъ, гложущимъ народныя силы недугомъ, но и другія Министерства...

Неужели однако въ Россіи кабакъ заколдованъ, не только никѣмъ и ничѣмъ снесенъ быть не можетъ, но не можетъ быть даже хоть сокращено число мѣстъ распивочной продажи, какъ это предполагалось и Коммиссіею свѣдущихъ людей?... Все можетъ самодержавная власть въ союзѣ съ своимъ народомъ, а въ настоящемъ случаѣ, въ искреннемъ содѣйствіи народномъ она не имѣетъ ни малѣйшаго основанія сомнѣваться. Величайшимъ благодѣяніемъ власти народу,— благодѣяніемъ, при которомъ только и могутъ оказаться вполнѣ плодотворными милости, излитыя на крестьянское населеніе

упомянутыми нами проявленіями Высочайшей благой воли по поводу знаменательнаго и торжественнаго дня 15 мая,— было бы именно оказать народу поддержку въ его борьбѣ съ всерастлѣвающимъ кабацкимъ соблазномъ, такъ властительно разросшимся, разцвѣтшимъ подъ сѣнію русскаго закона и всей правительственной мощи...

Объ иностранныхъ корреспондентахъ во время коронаціи.

«Русь», 15-го іюня 1883 г.

«Со вранья пошлинъ не берутъ» — гласитъ иронически старинная народная поговорка. Ее слѣдовало бы пополнить: въ нашъ цивилизованный вѣкъ за вранье даже платятъ... По крайней мѣрѣ такой странный оборотъ приняло у насъ великодушное гостепріимство, оказанное корреспондентамъ иностранныхъ газетъ, которымъ, во время празднествъ коронаціи, были предоставлены отъ казны не только даровые билеты на проѣздъ по желѣзнымъ дорогамъ чуть ли не отъ границы до Москвы и обратно, но и нумера въ гостиницахъ, и казенный экипажъ, и даже суточныя (какъ чиновникамъ находящимся въ командировкѣ), по 6 р. на брата... Первоначально впрочемъ — если только не ложны слухи — предполагалось оказать такой *секурсъ* лишь французскимъ корреспондентамъ. Едвали не петербургскому Яхтъ-клубу, если не ошибаемся, принадлежитъ первому мысль о необходимости привлечь на русскую сторону общественное мнѣніе Франціи, для чего, кромѣ приглашаемыхъ нашимъ Дворомъ иностранныхъ дворовъ и правителей, пригласить въ гости, на торжества коронаціи, и «французское общественное мнѣніе» въ лицѣ представителей французской печати. А такъ какъ Французъ, хотя и легкомысленъ, но бережливъ, то изъ уваженія къ этой послѣдней его добродѣтели облегчить ему и въ матеріальномъ отношеніи благую возможность замолвить Европѣ доброе словечко о нашей Россіи... Поддержанная петербургскими высшими общественными кругами, эта патріотическая мысль приведена была въ исполненіе, и для приглашенія корреспондентовъ отправился будто бы въ Парижъ,

извѣстный, если и не въ Россіи, то въ этой «столицѣ міра», русскій авторъ нѣкоторыхъ французскихъ драматическихъ піесъ изъ русской жизни, вполнѣ приспособленныхъ ad usum Французовъ... Справедливы ли эти слухи или нѣтъ, только на казенный счетъ дѣйствительно доставлено изъ Франціи что-то около 15, по истинѣ первоклассныхъ.... пустомелей, наговорившихъ потомъ во французской печати не съ три, а съ триста коробовъ всякаго невѣжественнаго, самодовольнаго, хотя и не злокозненнаго о Россіи вздора. Несомнѣнно, что изъ числа пріѣхавшихъ въ Москву французскихъ корреспондентовъ, двое или трое заслуживаютъ изъятія изъ этой общей характеристики, но всѣ остальные таковы, что читая ихъ болтовню, только краснѣешь за русское простодушіе, потратившее на нее казенныя деньги. Впрочемъ, тотчасъ же по приглашеніи Французовъ, было основательно соображено, что такое исключительное вниманіе, оказываемое французской печати, можетъ представиться въ другихъ краяхъ нѣсколько страннымъ и подозрительнымъ, а потому и было рѣшено распространить тѣ же формы гостепріимства (съ дачею суточныхъ, экипажей, дорожныхъ билетовъ) на корреспондентовъ и всей прочей европейской прессы (не исключая и русской, т. е. петербургской и провинціальной), — конечно до извѣстнаго предѣла. Комплектъ былъ назначенъ въ 60 человѣкъ; не нужно и добавлять, что онъ пополнился очень быстро. Разумѣется, представители англійскихъ газетъ, американской и двухъ-трехъ серьезныхъ органовъ германской печати, прибывшіе безъ всякаго зова, были весьма удивлены такою, нигдѣ въ мірѣ не практикуемою щедростью относительно гг. репортеровъ, и отъ всякихъ суточныхъ и иныхъ вспоможеній отказались: не желая, однакоже, изъ деликатности, оскорблять своихъ «коллеговъ», они подчинились общему распоряженію, заявивъ тутъ же, что пожертвуютъ русскія деньги на русскія же благотворительныя учрежденія. Такъ поступили, впрочемъ, и сотрудники нѣкоторыхъ петербургскихъ газетъ; по крайней мѣрѣ «Новое Время» заявило на дняхъ, что оно доставшіяся ему на долю 360 р. передало въ пользу Общества для пособія бѣднымъ литераторамъ. Но за то, съ какою жадностью воспользовались русскою щедростью корреспонденты австрійской, преимущественно вѣнской, враж-

дебной намъ и заправляемой Евреями прессы! За исключеніемъ двухъ-трехъ представителей Вѣны, остальные явили самый непривлекательный образчикъ австро-еврейкой культуры...

Не воспользовались русскимъ гостепріимствомъ именно тѣ, которые болѣе всего имѣли на него право, т. е. корреспонденты нѣкоторыхъ славянскихъ газетъ, бѣдныхъ газетъ, существующихъ не прибыли ради, а ради служенія интересамъ славянской народности и славянской взаимности, на средства доставляемыя истинно доблестнымъ самоотверженіемъ... Не привычные къ нахальству полноправной европейской прессы, преслѣдуемые подозрѣніемъ австрійскихъ властей, смиренные, загнанные, они не сумѣли опередить своихъ иностранныхъ коллеговъ, направились къ тому же не черезъ Петербургъ, а черезъ Кіевъ (какъ же Славянамъ-то не посмотрѣть Кіева!).... О славянскихъ корреспондентахъ въ Яхтъ-клубѣ и вообще въ Петербургѣ не вспомнили, — а ужъ если кому не грѣхъ было бы оказать вспомоществованіе отъ русской казны, такъ конечно имъ! Одинъ изъ нихъ, пріѣхавшій изъ Галиціи, такъ и уѣхалъ, пробывъ три дня (долѣе оставаться не было у него средствъ), не добившись билета на Кремлевской эстрадѣ во время вѣнчанія, ничего не увидѣвъ....

Этотъ упрекъ не относится нисколько къ почтенному Н. А. Ваганову, которому отъ его начальства поручено было вѣдать на коронаціи «прессу». Мы можемъ свидѣтельствовать, что онъ съ своей стороны дѣлалъ все, что̀ могъ, и мы сами пользовались его содѣйствіемъ въ доставаніи входныхъ билетовъ на разныя торжества. Вообще, еслибы гостепріимство ограничивалось только облегченіемъ для художниковъ и газетныхъ репортеровъ доступа къ этимъ торжествамъ, которыхъ иначе и увидѣть вблизи было бы невозможно, — оно заслуживало бы только признательности. Но нельзя не вспомнить безъ истиннаго прискорбія, что первоначальнымъ побужденіемъ къ такому гостепріимству было заискиваніе благосклонности у французской или вообще европейской «прессы» и нѣкоторое желаніе пощеголять предъ Европой русскимъ «высоко-просвѣщеннымъ уваженіемъ къ печати»: русская же періодическая печать явилась тутъ только съ боку-припёка; впрочемъ, — и мы заявляемъ объ этомъ съ истиннымъ удо-

вольствіемъ, для присутствія въ Успенскомъ соборѣ, гдѣ каждый аршинъ пространства былъ принятъ въ разсчетъ, во время православнаго священнодѣйствія, ей было оказано преимущество: изъ иностранцевъ допущенъ былъ только корреспондентъ газеты «Times»,—что̀ было вполнѣ по заслугамъ этого серьезнаго и старѣйшаго журнала.. Авось-либо неудачный опытъ такого пересола въ «высоко-культурномъ русскомъ уваженіи къ иностранной прессѣ», свидѣтельствующаго, къ сожалѣнію, скорѣе о недостаткѣ у насъ истинной культурности, послужитъ намъ урокомъ для будущаго времени.

Неудача сказалась именно въ томъ, что, за исключеніемъ корреспондентовъ англійскихъ и еще трехъ-четырехъ газетъ, людей вполнѣ независимыхъ, просвѣщенныхъ, которые и безъ всякаго за ними ухаживанія передали бы въ европейской печати свои впечатлѣнія и сужденія совершенно добросовѣстно и искренно,—всѣ остальные корреспонденты только пуще наплодили ложь и пуще сбили съ толку общественное мнѣніе Европы. Многіе изъ нихъ заготовили и даже послали свои описанія еще впередъ, за нѣсколько дней до описываемыхъ ими торжествъ! другіе, особенно Французы, занялись изученіемъ Россіи преимущественно въ московскихъ кафешантанахъ; третьи, ничего не уразумѣвъ, настрочили глубокомысленный и вовсе не забавный вздоръ о судьбѣ и будущности *царизма* въ Россіи. Кромѣ оффиціозной вѣнской «Politische Correspondenz», прочія вѣнскія газеты также немилосердно врали о Россіи, но врали умышленно и озлобленно.

Къ чему, спрашивается, нужно было *оффиціозному* органу Венгерскаго правительства «Pester Lloyd'у» держать въ Москвѣ на русскомъ казенномъ иждивеніи своего корреспондента, если въ своемъ 156 № эта газета тѣмъ не менѣе возвѣстила съ злораднымъ паѳосомъ о великомъ знаменательномъ событіи, совершившемся будто бы въ Москвѣ во время коронаціи, предъ которымъ блѣднѣютъ-де всѣ злодѣйскіе подвиги нашихъ нигилистовъ?! Не вѣря глазамъ, читаемъ мы въ этой, довольно гнусной, но и довольно распространенной въ Европѣ газетѣ, что Московскій городской голова, котораго «Pester Lloyd» называетъ то Bürgermeister von Moscau, то Oberhaupt von Moscau, явился «гораздо болѣе

опаснымъ врагомъ нежели даже какой-либо Attentäter», что онъ, Московскій бургомистръ, учинилъ «преступленіе государственной измѣны (eine hochverrätherische That)», оказался основателемъ въ Москвѣ цѣлаго «политическаго общества», что въ лицѣ его, сего бургомистра, «мятежъ» (die Emeute), при обычномъ поднесеніи блюда съ хлѣбомъ-солью, такъ-таки прямо «потребовалъ конституціи (die Verfassung)», брякнувъ «дерзостною, озадачивающею (überraschende) рѣчью».... Газета торжествуетъ на всѣ лады, предвидя въ Россіи бунтъ и междоусобіе, и это «извѣстіе», какъ оно намъ въ Россіи ни кажется забавнымъ, однакоже повторяется и комментируется теперь на всѣ лады всею европейскою печатью!... Русскія газеты упорно молчатъ, но это молчаніе принимается иностранною прессою только за подтвержденіе... Да и не можетъ быть иначе. Какъ согласить иностранцамъ: съ одной стороны такое русское уваженіе къ заграничной прессѣ, которое простиралось даже до выдачи суточныхъ газетнымъ корреспондентамъ; съ другой, вдругъ, такое пренебреженіе ко ея мнѣніямъ—въ дѣлѣ касающемся тѣхъ же торжествъ и чести русскаго общества?!... Русскіе, путешествующіе за границей, смущены, не знаютъ, что̀ отвѣтить,—со всѣхъ сторонъ обращаются они къ намъ съ вопросомъ, а иные даже съ упрекомъ въ безмолвіи. Мы этого упрека не заслуживаемъ, такъ-какъ «Русь» выходитъ лишь два раза въ мѣсяцъ. Теперь же спѣшимъ заявить, — не для русской публики, конечно, а для иностранной, — что все это «извѣстіе» — наглѣйшая ложь, нахальнѣйшая клевета съ начала до конца, съ первой строки до послѣдней. Дѣлаемъ это заявленіе изъ любви къ истинѣ, изъ любви къ Москвѣ, честью которой дорожимъ, изъ уваженія къ Московскому городскому обществу, избравшему г. городскаго голову. Никакихъ рѣчей Его Величеству при поднесеніи блюдъ ни городскимъ головою, да и никѣмъ говорено не было. Во весь этотъ майскій праздничный періодъ Московскоду городскому головѣ, какъ мы удостовѣрились, пришлось держать слово только однажды, за дружескимъ обѣдомъ нѣсколькихъ десятковъ провинціальныхъ городскихъ головъ. Эта рѣчь не была предназначаема для печати и такъ и осталась ненапечатанною, а между тѣмъ, кѣмъ-то изъ

многочисленныхъ слушателей (должно быть съ очень ужъ быстрымъ и настроеннымъ на извѣстный ладъ соображеніемъ) были пущены о ней совершенно превратные толки. Мы уже какъ-то замѣчали въ своей газетѣ, что въ русской публикѣ еще слабо развито умѣнье *читать*, т. е. разумѣть прямой смыслъ читаемаго,—намъ постоянно приходится обличать въ таковъ неумѣньи нашихъ антагонистовъ; тѣмъ менѣе умѣютъ у насъ надлежащимъ образомъ *слушать* У страха же не только глаза, но и уши велики... На обѣдѣ мы не присутствовали, но съ текстомъ рѣчи Московскаго городскаго головы имѣли случай на другой же день ознакомиться, и свидѣтельствуемъ рѣшительно, что въ ней нѣтъ не только слова «конституція», не только какого-либо на нее намёка, или даже самомалѣйшей тѣни намёка, но ничего такого, отъ чего бы имѣли право отречься даже тѣ, что̀ прямо величаютъ себя именемъ «охранителей» или «консерваторовъ». Г. Чичеринъ, какъ извѣстно, не принадлежитъ къ числу сотрудниковъ и единомышленниковъ нашей газеты, никогда не числился, не числится и теперь въ такъ-называемыхъ «славянофилахъ», но тѣмъ не менѣе въ текстѣ его рѣчи мы находимъ многое, что̀ мы и сами не разъ и писали и говорили. Смыслъ рѣчи таковъ: «вотъ мы, земскіе люди, собрались теперь изъ разныхъ концовъ Русской земли, благодаря радостному всенародному торжеству, но много ли толку въ этомъ нашемъ собраніи и свиданіи, если оно не послужитъ «началомъ единенія между нами», если разойдясь, опять пойдемъ мы по старому мыслить и дѣйствовать кто въ лѣсъ, кто по дрова? Не отъ того ли все и зло въ Россіи, что общество идетъ въ разбродъ? не отъ распутья ли русской мысли сталъ возможнымъ у насъ тотъ ужасный нравственный недугъ, который опозорилъ Россію преступленіемъ 1 марта, который вынуждаетъ насъ теперь «оберегать какъ зѣницу ока то, что̀ намъ всего дороже, самую святыню Русскаго народа, и радоваться когда день прошелъблагополучно, тогда какъ все бы должно быть исполнено довѣрія и любви». Съ этимъ недугомъ одному правительству съ его внѣшними средствами, «безъ воздѣйствія самого организма, безъ общественнаго содѣйствія и не сладить (оно и само это оффиціально заявляло). Его могутъ побороть только дружныя

усилія земскихъ людей въ тѣхъ «самостоятельныхъ центрахъ жизни и дѣятельности, которые созданы по всей Русской землѣ самимъ нашимъ правительствомъ»... «Мы по собственному почину должны сомкнуть наши ряды противъ враговъ общественнаго порядка» Но какое же можетъ быть тутъ дружное общественное содѣйствіе, когда мы точно «разсыпанная храмина», по выраженію Петра Великаго, ни къ какому единству мысли и направленія не пришли? Созови насъ правительство, обратись къ намъ за содѣйствіемъ (въ виду не только внутренняго положенія Россіи, но и возможныхъ въ недалекомъ будущемъ внѣшнихъ новыхъ испытаній), — что мы ему скажемъ? Заголосимъ опять въ разсыпную, каждый что взбредетъ ему на ту пору на умъ, не поработавъ мыслью, не обмѣнявшись ею напередъ, не провѣривъ ее какъ слѣдуетъ, и словно застигнутые врасплохъ, поднимемъ такой разноголосый хоръ совѣтовъ и мнѣній, что хоть уши затыкай!... Не о правахъ идетъ рѣчь, «мы не требуемъ правъ», но мы должны быть готовы на спросъ правительства, и наше настоящее собраніе не останется безслѣднымъ, если мы унесемъ отсюда «сознаніе общей связи», «общаго одушевляющаго насъ чувства любви къ Престолу и отечеству», и «потребность совокупной дѣятельности, ибо духъ не знаетъ границъ и связываетъ людей, раздѣленныхъ тысячами верстъ, въ одно органическое цѣлое»...

Вотъ сущность рѣчи, какъ она отразилась въ нашемъ пониманіи и переданная нашими словами, за исключеніемъ нѣкоторыхъ подлинныхъ ея выраженій, поставленныхъ нами въ ковычкахъ. И по поводу-то ея трещитъ теперь иностранная пресса ложью и клеветою на Москву, на Россію, хочетъ омрачить въ общественномъ мнѣніи Европы пережитое нами свѣтлое торжество!

Долгъ честнаго человѣка не позволяетъ намъ, при всемъ нашемъ маломъ уваженіи къ газетнымъ толкамъ, давать укореняться такой клеветѣ. Къ сожалѣнію, нашъ личный голосъ слишкомъ для этого слабъ; но такъ какъ званіе Московскаго городскаго головы очень видное, да и оффиціальное, то пристойнѣе всего было бы вступиться за честь его и Московскаго городскаго общества или «Правительственному Вѣстнику», или по крайней мѣрѣ нашему «Journal de St.-Pétersbourg».

Есть и другая, ложь, которая также, вопреки гостившимъ у насъ иностраннымъ корреспондентамъ, разгуливаетъ теперь по бѣлу свѣту европейскому,— но эта ложь, по своей забавной нелѣпости, не заслуживаетъ даже и опроверженія. Она къ тому же опровергается и каждымъ выходящимъ № нашей газеты. Дѣло идетъ ни болѣе ни менѣе, какъ о ссылкѣ редактора «Руси» въ Сибирь, или просто о высылкѣ его изъ Москвы,—и за что? за статью въ 10 №! *) Мы бы и не упомянули объ этомъ вздорѣ, если бы онъ, вмѣстѣ со вздоромъ о г. Чичеринѣ, не наводилъ на нѣкоторыя невеселыя мысли. Что жъ это такое? Какое же въ самомъ дѣлѣ понятіе о русскомъ государственномъ строѣ составили себѣ иностранцы, если даже заявленіе о необходимости искренняго общественнаго, земскаго содѣйствія верховной власти или даже возведеніе въ нашей статьѣ русскаго самодержавія къ его идеалу, къ его историческому народному понятію, представляются имъ несовмѣстимыми съ русскою формой правленія и подаютъ поводъ къ такимъ безобразнымъ, нелестнымъ для Россіи слухамъ? Ничего, видно, не сказали, ничего не объяснили имъ эти мощныя восторженныя выраженія народной любви и преданности своему самодержцу-Царю, это новое, единодушное, такъ радостно, торжественно и свободно явленное народомъ, предъ лицомъ всего міра, утвержденіе нашему основному историческому, государственному принципу,—если даже и теперь еще способны они, иностранцы, а вмѣстѣ съ ними и наши казенные люди, воображать, будто эта народная любовь и преданность относятся именно... къ *казенщинѣ*, будто нашими прекрасными празднествами дана лишь новая санкція... *бюрократіи*!!... Неужели всякое не пошлое, прямое, честное, хотя бы и рѣзкое слово, несомнѣнно одушевленное искреннею приверженностью къ русскому началу единовластія, осуждено и за границею и у насъ прослыть «конституціоннымъ» или «революціоннымъ»? Долго ли наконецъ эта казенщина и пошлость будутъ застить русскую правду, а съ нею истинную русскую мощь и твердыню, отъ взоровъ русской власти и всего свѣта?...

---

*) См. „Государственный и Земскій вопросъ". Т. V. стр. 118—126.

Не бойтесь жизни, а вызывайте ея проявленія!

„Русь“, 15-го апрѣля 1884 г.

Въ первомъ департаментѣ Правительствующаго Сената не то рѣшенъ, не то полурѣшенъ и имѣетъ быть перенесенъ въ Общее Собраніе департаментовъ для окончательнаго (а быть-можетъ и не совсѣмъ окончательнаго) рѣшенія — очень интересный вопросъ, касающійся правоспособности нашихъ городскихъ общественныхъ управленій. Вопросъ этотъ рано или поздно долженъ былъ непремѣнно возникнуть. Можно лишь удивляться, что онъ не возникъ ранѣе, такъ какъ поводовъ къ его возникновенію было не мало, и можно только жалѣть, что изъ всѣхъ этихъ многочисленныхъ поводовъ выбраны были какъ нарочно — похороны знаменитаго русскаго писателя... Извѣстно, что по случаю смерти И. С. Тургенева Петербургская Городская Дума ассигновала двѣ тысячи рублей на расходы по устройству похоронной церемоніи, — не потому, конечно, чтобы его родственники и наслѣдники въ этой относительно ничтожной помощи нуждались, а потому что этимъ знаменовалось участіе самого города въ общемъ чествованіи,—стало-быть возвышалось значеніе погребальнаго торжества. Самое торжество организовалось, кажется, помимо Думы и не отъ ея имени, и хотя оно совершилось не только чинно, но и «благочинно», однакожъ отъ него-то весь сыръ-боръ и загорѣлся.

Тургеневъ — большой, многопрославленный русскій художникъ; великую утрату понесла съ его кончиной русская словесность; да и въ немъ самомъ было столько русскаго мягкодушія, добрыхъ, хорошихъ сторонъ, что лично онъ внушалъ къ себѣ симпатію и дружелюбіе почти всѣмъ, кто его зналъ, даже изъ числа его рѣшительныхъ противниковъ по образу мыслей и направленію. Вѣсть объ его смерти вызвала общую скорбь, и нѣтъ сомнѣнія,—похороны его всегда бы, сами собою, вышли не только многолюдны, но и торжественны, даже безъ всякой нарочитой организаціи: т. е. безъ всѣхъ этихъ опубликованныхъ «церемоніаловъ», этого процессіональнаго маршированія съ вѣнками отъ Ташкента, отъ

Батума, отъ ветеринаровъ, отъ Общества Покровительства животнымъ и тому подобныхъ центровъ и органовъ русскаго просвѣщенія; безъ всѣхъ этихъ, столь противныхъ русской природѣ, да изъ чужи и перенятыхъ, театральныхъ пріемовъ для выраженія восторга, печали и сочувствія. Такъ намъ кажется, по крайней мѣрѣ. Похороны можетъ-быть вышли бы не такъ пышны, но было бы въ нихъ больше искренности и простоты, а это было бы, конечно, достойнѣе писателя; было бы больше толкотни и меньше порядка, но за то и меньше аффектаціи, меньше того самодовольства, которое, говорятъ, у многихъ фигурантовъ такъ и читалось на лицахъ: «да-съ! вотъ-де мы какіе теперь уже *большіе* стали! совсѣмъ настоящая Европа»! и т. д. Фальши, безъ сомнѣнія, было тутъ очень и очень не мало, именно въ этомъ желаніи многихъ участниковъ торжества показать, что Тургеневъ хоронится не просто какъ художникъ, а какъ «носитель» какихъ-то «идеаловъ», чуть не политическаго свойства,— какихъ никто бы разумѣется и опредѣлить не сумѣлъ. Все это, конечно, было не очень умно, даже нѣсколько (и совсѣмъ не кстати) забавно,— но вѣдь и только; ужъ никакъ не преступно, никакъ не *бѣдствіе* какое-либо, изъ-за котораго стоило бы приходить въ ужасъ и бить въ набатъ,— тѣмъ болѣе, что рѣчей неумѣстныхъ произнесено не было и порядокъ, по слухамъ, соблюденъ былъ такой, которому любая полиція могла бы позавидовать... Фальшь! Да гдѣ же это и въ чемъ она у насъ не подмѣшана,—и фальшь, и мелкоуміе, и пошлость? Такъ и кликать тотчасъ полицію? Не прозвана ли вся наша страна давнымъ-давно за границею—царствомъ фасадовъ? Не преизобилуетъ ли вообще наша публичная жизнь и парадомъ, и пародіей? Что-жъ, чѣмъ богаты тѣмъ и рады. Таковы нравы, не только русской вольной общественной, но и бюрократической и дипломатической среды, и иныхъ многихъ оффиціальныхъ и руководящихъ русскихъ сферъ. Одни повинны въ фальшивомъ, чуждомъ народному духу *либерализмѣ;* другіе, даже власть имѣющіе, въ губительномъ для русской промышленности *фритредерствѣ*, или также въ фальшивомъ антинаціональномъ *консерватизмѣ;* одни съ напускнымъ паѳосомъ поклоняются Тургеневу какъ дальнозоркому политику, какъ истолкователю ихъ *идеаловъ;* для

другихъ *идеалъ* сидитъ въ англійскомъ лордѣ и сами они мечтаютъ о политической роли англійскаго аристократа. Одни обращаютъ похороны русскаго писателя, по выраженію «Московскихъ Вѣдомостей», въ «либеральную демонстрацію», въ «либеральный спектакль»; другіе задаютъ спектакли и демонстраціи въ консервативномъ вкусѣ, провозглашаютъ, напримѣръ, публично неосмысленные тосты «за русскаго Царя какъ за перваго дворянина» (т. е. какъ за Его же царскаго *слугу!*); млѣютъ консервативнымъ противонароднымъ восторгомъ предъ польскими магнатами и балтійскими баронами, или же демонстративно принижаются предъ иностранною дипломатіей, предъ ихъ іудейскими величествами, королями биржъ, и т. д. и т. д. Обѣ стороны другъ друга стоютъ: обѣ—логическій продуктъ той лжи нашего духовнаго и умственнаго развитія, которая зачалась очень уже давно и завоевала себѣ, нѣкоторымъ образомъ, право на историческое бытіе,—съ которою, поэтому, волей-неволей, приходится считаться и которой полицейскими мѣрами — не избыть. Мы вѣримъ, что она начинаетъ уже доживать свой вѣкъ, но приблизить желанный конецъ, сократить ей дни возможно, кажется, только допустивъ ей довольный просторъ (конечно, до извѣстныхъ предѣловъ вреда и при полной свободѣ критики),—однимъ словомъ: дать ей выболтаться, вычерпаться, выказаться наружу во всей своей красѣ и — посрамиться... Думаемъ, напримѣръ, что шутовской эпизодъ въ Петербургской Думѣ съ несчастнымъ, ни въ чемъ неповиннымъ Шпильгагеномъ послужитъ ей болѣе плодотворнымъ предостереже-женіемъ отъ претензій на культуртрегерство, чѣмъ всякіе оффиціальные протесты и мѣропріятія...

Но все это мимоходомъ. Вопросъ теперь вовсе уже не въ томъ, *какъ* совершились проводы Тургенева въ могилу (хотя въ этомъ *какъ* собственно и кроется первоначальная причина всего дѣла), а въ томъ: правильно ли было постановленіе Думы объ ассигнованіи 2000 р. въ юридическомъ отношеніи. Петербургскій Градоначальникъ призналъ его несогласнымъ съ статьями Городоваго Положенія; въ томъ же смыслѣ высказалось и Петербургское Присутствіе по Городскимъ Дѣламъ. Дума, съ своей стороны, воспользовалась

предоставленнымъ ей по закону правомъ аппелляціи и принесла жалобу въ Первый департаментъ Сената.

Такимъ образомъ имя недавно умершаго писателя, котораго талантомъ и произведеніями славится русская словесность, пошло теребиться теперь канцелярскими перьями по разнымъ канцелярскимъ казеннымъ мытарствамъ, во множествѣ занумерованныхъ «входящихъ» и «исходящихъ» бумагъ, красоваться на обложкахъ съ надписью: «Дѣло о чествованіи памяти сочинителя Тургенева»... Казалось, имя его достойно бы лучшей участи, и съ нѣсколько бóльшимъ административнымъ тактомъ можно бы избѣгнуть этого всероссійскаго, можетъ-быть и всеевропейскаго скандала,—но ревность о законѣ обуяла нашу администрацію. Ревность несомнѣнно почтенная, заслуживающая большой похвалы; жаль только, что отличается-то она крайнею неравномѣрностію въ своихъ проявленіяхъ. Поводовъ къ вспышкѣ такого благаго чувства законности даже относительно этого самаго Городоваго Положенія, какъ мы сказали, представлялось и прежде довольно.

Какъ бы то ни было—распоряженіе Думы опротестовано не въ силу какихъ-либо соображеній о неумѣстности его въ нравственномъ или политическомъ смыслѣ, а въ силу статей закона. Данный случай возведенъ въ правонарушеніе, обобщенъ въ юридическій вопросъ; рѣчь идетъ уже не о похоронахъ Тургенева, а о правѣ Городскихъ Думъ на чествованіе общественныхъ дѣятелей; споръ поставленъ на почву законности.

Станемъ и мы на эту почву.

Что́ говоритъ законъ?

Статья 1 нашего Городоваго Положенія гласитъ:

Городскому общественному управленію предоставляются попеченія и распоряженія *по городскому хозяйству и благоустройству.*

Статья 2 Положенія слѣдующимъ образомъ исчисляетъ «предметы вѣдомства городскаго общественнаго управленія»:

а) дѣла по устройству сего управленія и по городскому хозяйству; б) дѣла по внѣшнему благоустройству города (содержаніе улицъ, площадей, освѣщеніе и т. д.); дѣла касающіяся благосостоянія городскаго населенія (народное продовольствіе, народное здравіе, принятіе мѣръ противъ пожаровъ, попеченіе о

развитія мѣстной торговли и промышленности и т. п.); г) устройство на счетъ города благотворительныхъ заведеній и больницъ; участіе въ попеченіи о народномъ образованіи, а также устройство театровъ, библіотекъ, музеевъ и другихъ подобнаго рода учрежденій; д) представленіе правительству свѣдѣній и заключеній по предметамъ касающимся мѣстныхъ нуждъ и пользъ города и ходатайство по симъ предметамъ; е) другія обязанности, возлагаемыя закономъ на общественное управленіе.

Очевидно, что ни къ одному изъ этихъ пунктовъ, опредѣляющихъ кругъ дѣятельности городскаго управленія —чествованіе литературнаго и общественнаго дѣятеля относиться не можетъ; стало-быть къ данному случаю вполнѣ должна быть примѣнена статья 9 того же Положенія:

Городское общественное управленіе при распоряженіяхъ своихъ *не можетъ выходить* изъ круга указанныхъ ему дѣлъ. *Всякое постановленіе его, въ противность сего состоявшееся, недѣйствительно.*

Коротко и ясно. Г. Петербургскій Градоначальникъ былъ безусловно правъ. Этотъ выводъ еще опредѣлительнѣе подтверждается далѣе 139-статьею или первою статьею 6-ой главы Городоваго Положенія: «о городскихъ расходахъ и смѣтахъ, счетоводствѣ и отчетности». Вотъ тѣ «предметы расходовъ», которые по этой статьѣ «обязательно относятся на городскія средства», именно:

1) Содержаніе городскаго общественнаго управленія; 2) содержаніе городскихъ общественныхъ зданій и памятниковъ; 3) уплата суммъ по городскимъ займамъ и выполненіе принятыхъ на себя городомъ обязательствъ; 4) производство пособій на содержаніе учебныхъ, благотворительныхъ и иныхъ общеполезныхъ заведеній, на основаніи особыхъ утвержденныхъ законодательнымъ порядкомъ постановленій, и т. п.; 5) издержки по отправленію воинскаго постоя и другихъ воинскихъ повинностей, по отопленію и освѣщенію тюремъ; 6) участіе въ расходахъ на содержаніе чиновъ городскихъ полицій; 7, 8, 9, 10 пункты касаются содержанія пожарныхъ командъ, пожарнаго обоза, зданій для полиціи и для пожарныхъ командъ; 11) содержаніе улицъ, площадей, бечевниковъ, мостовъ, бульваровъ, садовъ, водопроводовъ, и пр., городское освѣщеніе; 12) отводъ мѣстъ для своза нечистотъ и для зарытія падали скота.

Мы нарочно выписали эти статьи Положенія почти цѣликомъ, чтобы читатели видѣли—какой кругъ дѣятельности указанъ закономъ нашему городскому общественному управленію... Однакожъ, вслѣдъ за 139 статьею идетъ статья 140, въ которой читаемъ такія строки:

«За удовлетвореніемъ указанныхъ въ 139 статьѣ (или 2086-ой II т. Св. Зак.) потребностей, городскія средства могутъ быть употребляемы, по усмотрѣнію Городской Думы, *на всякіе вообще предметы, относящіеся къ пользамъ города и его обывателей и законамъ не противные*».

На этой-то статьѣ и основалась Петербургская Городская Дума, оправдывая свое распоряженіе предъ Правительствующимъ Сенатомъ. Въ силу этой же статьи, какъ сообщали петербургскія газеты еще въ концѣ февраля мѣсяца, призналъ будто бы и Первый Департаментъ Сената постановленіе Думы правильнымъ, находя, что «празднованіе государственныхъ событій и чествованіе литературныхъ и общественныхъ дѣятелей, *какъ содѣйствующее къ умственному и нравственному* развитію общества, даютъ право городскимъ управленіямъ расходовать суммы изъ общественной кассы на такіе предметы». Но рѣшеніе это еще не получило силы закона, да вообще съ нимъ случилось странное происшествіе. Переданное упомянутыми газетами въ дословно тождественномъ изложеніи, — переданное безъ критики, напротивъ въ большей части органовъ съ сочувствіемъ, — оно въ теченіи почти мѣсяца оставалось *неопровергнутымъ*; но какъ только появилась рѣзкая на него критика въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», «Правительственный Вѣстникъ» тотчасъ же поспѣшилъ объявить, что «окончательнаго рѣшенія еще не постановлено», что «проектъ рѣшенія вовсе не содержитъ въ себѣ тѣхъ соображеній и разсужденій», какія приведены нами выше, да и «подлежитъ еще дальнѣйшему обсужденію въ установленномъ порядкѣ»! Такъ что, пожалуй, можно ожидать и совсѣмъ иного рѣшенія?... Какъ бы то ни было, но истолкованіе 140 статьи, выданное газетами за сенатское, дѣйствительно можетъ быть пригодно лишь какъ проектъ дополнительнаго закона, но *какъ истолкованіе* едвали выдерживаетъ строгую критику. Нельзя же безъ видимой натяжки включать похороны уважаемаго писа-

теля въ число «предметовъ, относящихся къ *пользамъ* города и его обывателей», особенно въ виду 1-й статьи Положенія, что «городскому общественному управленію предоставляются попеченіе и распоряженія *по городскому хозяйству и благоустройству*», и въ виду 9 статьи, воспрещающей городскому управленію «выходить изъ круга указанныхъ дѣлъ» и объявляющей впередъ *недѣйствительнымъ* «всякое постановленіе, въ противность сего состоявшееся». По мнѣнію «Московскихъ Вѣдомостей», «предметы», упоминаемые въ 140 статьѣ, должны по характеру своему подходить къ тѣмъ же предметамъ, кои исчислены во 2 и 139 ст. Положенія, и Думы вообще не должны смѣть, въ своемъ кругѣ дѣятельности, выступать изъ сферы мѣстнаго городскаго *хозяйства* и *благоустройства*. Въ толкованіи, приписываемомъ Первому департаменту Сената, что къ предметамъ, подразумѣваемымъ 140 статьею, должно относиться все что «содѣйствуетъ умственному и нравственному развитію общества»,—газета видитъ опасную эластичность и какъ бы разрѣшеніе «приставленнымъ къ общественной кассѣ лицамъ—распоряжаться ею по своему произволу, не стѣсняясь опредѣленіями закона»...

Допустимъ, что сенатскія соображенія формулованы неудачно. Признаемъ, да и нельзя не признать, что постановленіе Петербургской Думы вполнѣ противорѣчитъ буквѣ закона. Но забудемъ на время о похоронахъ Тургенева и поставимъ общій вопросъ: самая-то буква закона не противорѣчитъ ли требованіямъ жизни и тѣмъ условіямъ, въ какія поставлены Думы какъ общественныя корпораціи? Всегда ли имѣютъ онѣ возможность удержаться въ предѣлахъ «хозяйства и благоустройства», или въ кругѣ дѣятельности указанномъ 1 и 2-ою, равно и 139 ст. Городоваго Положенія? До такой степени не всегда, что нарушенія Думами этихъ статей (впрочемъ безъ особеннаго вреда) вошли чуть не въ обычай и подлежащими начальствами оставляются безъ протеста. Такъ, напримѣръ, Москва въ 1880 г. чествовала открытіе памятника Пушкину. Положимъ, по 2 статьѣ Положенія, «содержаніе памятниковъ» лежитъ на обязанности городскаго управленія, но иное дѣло—«содержаніе», иное—обѣдъ, которымъ, по этому случаю, почтила Московская Дума

гостей Москвы—многочисленныхъ депутатовъ отъ разныхъ обществъ и учрежденій, извѣстныхъ литераторовъ и ученыхъ, а также разныхъ высокопоставленныхъ лицъ. Обѣдъ стоилъ, если не ошибаемся, тысячъ до пяти, взятыхъ изъ городской общественной кассы,—обѣдъ съ рѣчами, даже не процензурованными. Если примѣнить къ дѣйствію Московской Думы статьи 2 и 139, то оно было совершенно — *беззаконно*. А была ли нравственная возможность для Думы поступить иначе? и былъ ли бы доволенъ городъ Москва, еслибъ уполномоченная имъ хозяйка города—Дума ограничилась, слѣдуя буквѣ Положенія, только формальнымъ принятіемъ памятника отъ Коммиссіи въ свое вѣдѣніе?... Выходитъ, что имѣются у Думъ кое-какія функціи и помимо «городскаго хозяйства и благоустройства».

Если держаться буквы Положенія, такъ можно, пожалуй, придти къ вѣрному, хотя и безобразному заключенію, что и всѣ иллюминаціи, производимыя на городской счетъ въ высокоторжественные дни или въ дни великихъ патріотическихъ радостей — также *беззаконны*: вѣдь ни во 2, ни въ 139 статьѣ о нихъ ни слова! Этотъ пробѣлъ замѣченъ и Первымъ Департаментомъ Сената; по крайней мѣрѣ въ приписываемомъ ему истолкованіи 140 статьи, въ число предметовъ «относящихся къ пользамъ города и обывателей» включено имъ и «празднованіе государственныхъ событій». Но *практика* городскаго управленія давно безпрепятственно пополнила этотъ пробѣлъ: *вопреки закону*, Думы на пространствѣ всей Россіи, во всѣхъ городахъ, гдѣ только существуютъ, тратятъ городскія деньги на этотъ общепринятый способъ выраженія преданности обывателей Отечеству и Престолу! Въ Городовомъ Положеніи, которымъ обязана руководиться и Московская Дума, даже не предусмотрѣно величайшей важности всероссійское, но вмѣстѣ съ тѣмъ и спеціально-Московское событіе, налагающее на Думу древней первопрестольной столицы совершенно особыя обязанности: мы разумѣемъ — Вѣнчаніе на царство Государя Императора. Хороша была бы Московская Дума, еслибъ въ виду Коронованія удовольствовалась лишь «примѣненіемъ и добросовѣстнымъ исполненіемъ *дѣйствующихъ* законоположе-

ній», какъ этого вообще требуется теперь отъ Думъ нѣкоторыми газетами.

Приведенные нами примѣры указываютъ на обычныя, неизбѣжныя, закономъ не допускаемыя, но начальствомъ однакожъ пропускаемыя безъ протеста, траты со стороны городскихъ Думъ—городскихъ денегъ *на мѣстѣ*. Но въ исторической жизни городовъ бываютъ случаи, когда они съ особенною силою сознаютъ себя частями единаго общаго отечества и не могутъ замыкаться въ предѣлахъ мѣстнаго городскаго эгоизма. Мы очень хорошо знаемъ, что самыя эти выраженія («сознаніе себя какъ части единаго общаго отечества», «мѣстный городской эгоизмъ») могутъ показаться чуть не забавною, пустою фразеологіей и идеологіей всякому законнику, который въ городскомъ управленіи видитъ лишь какой-то механическій правительственный снарядъ, только препорученный правительствомъ городскому обществу—для веденія дѣлъ по городскому хозяйству и благоустройству въ указанныхъ рамкахъ и направленіи. Да такъ оно, пожалуй, и выходитъ по Городовому Положенію, и «Московскія Вѣдомости» формально правы, когда утверждаютъ, что «коль скоро Городская Дума выйдетъ изъ круга указанныхъ ей 1-ю статьею Городоваго Положенія дѣлъ, она перестанетъ быть Думою, и все что̀ ея разсыпавшіеся члены постановятъ внѣ предѣловъ компетенціи своего учрежденія, но его именемъ, не только не можетъ быть признано дѣйствительнымъ, но и должно подвергать виновныхъ отвѣтственности». И тѣмъ не менѣе, что̀ бы тамъ ни писали, какіе бы законы ни сочинялись петербургскими канцеляріями, понятія о мѣстномъ эгоизмѣ и о сознаніи себя соціально-юридическими и историческими индивидуальностями, живыми коллективными единицами въ общемъ государственномъ составѣ, не чужды и не могутъ быть чуждыми жизни городовъ, а стало-быть и ихъ о̀ргановъ въ лицѣ городскихъ выборныхъ... Голодаетъ Самарская губернія — богатые города шлютъ голодающимъ помощь,—Московская Дума, напримѣръ, пожертвовала чуть не 50 т. р., на что̀ впрочемъ послѣдовало разрѣшеніе свыше. Пала Плевна, стоившая Россіи столько крови, столько жертвъ,—и Москва въ лицѣ Думы и также съ правительственнаго разрѣшенія учреждаетъ

«Плевненскую пенсію» для опредѣленнаго числа тяжко-раненыхъ въ битвахъ подъ Плевной. Не думаемъ, чтобы изъ московскихъ обывателей кто-либо когда попрекнулъ Думу за такое противозаконіе. Правда, всѣ эти формально-противозаконныя траты городскихъ средствъ удостоились правительственнаго разрѣшенія. Но самое это разрѣшеніе доказываетъ только, что правительство не усматриваетъ никакой нравственной и юридической аномаліи въ *подобнаго рода* предположеніяхъ, постановленіяхъ и ходатайствахъ городскихъ выборныхъ учрежденій. Вѣдь Городовое Положеніе даже и ходатайства никакого не допускаетъ иначе, какъ въ смыслѣ опредѣленномъ 2-й статьею, гдѣ, въ числѣ предметовъ вѣдомства городскаго общественнаго управленія, подъ пунктомъ д) значится: «представленіе правительству свѣдѣній и заключеній по предметамъ касающимся *мѣстныхъ* нуждъ и пользъ города». Самое уже «представленіе» Московской Думы по предмету совершенно чуждому мѣстныхъ нуждъ и пользъ—было, по смыслу этого пункта, дерзостнымъ актомъ, превышеніемъ права. Однакожъ не только никакого выговора Думѣ не послѣдовало, а напротивъ, если не ошибаемся, къ общему утѣшенію Москвы, послѣдовала благодарность! Значитъ, само правительство признаетъ за городскими общественными корпораціями нѣкоторое значеніе большее и высшее, чѣмъ то, какое указывается Городовымъ Положеніемъ,—нѣкоторую нравственную правоспособность переступающую предѣлы «круга дѣлъ», такъ подробно и точно ограниченнаго 2 и 139 статьями. Само собою разумѣется, еслибы какая Дума стала ходатайствовать о назначеніи Иванова министромъ финансовъ или о новомъ перевооруженіи войскъ и т. п., то такое дѣйствіе было бы вторженіемъ въ область Верховной власти и подвергло бы Думу вполнѣ заслуженной карѣ. Но между сферою Верховной власти и *нынѣ* дѣйствующимъ Городовымъ Положеніемъ есть все же «предметы», которые могутъ и должны подлежать вѣдѣнію городовъ — даже не какъ закономъ формулованное право (что̀, быть-можетъ, было бы не всегда и удобно), а въ силу самой природы вещей, какъ естественная подразумѣваемая компетенція городскихъ общинъ, какъ принадлежность самого государственнаго строя. Еслибъ даже

всякое уклоненіе отъ буквы Положенія допускалось не иначе, какъ съ правительственнаго разрѣшенія, то и въ такомъ случаѣ выясненный нами принципъ нисколько бы не поколебался въ своемъ значеніи. Разрѣшеніе, *регулируя* пользованіе городами подобною расширенною компетенціею, было бы лишь признаніемъ такой ихъ органической правоспособности, которой не вѣдаетъ Положеніе и которая многими теперь отрицается въ самомъ принципѣ, несмотря на явныя указанія жизни.

Къ числу таковыхъ явныхъ указаній, кромѣ вышеприведенныхъ нами примѣровъ, принадлежатъ и *всеподданнѣйшіе адресы*, для поднесенія которыхъ, конечно, испрашивается Высочайшее соизволеніе, но которые тѣмъ не менѣе свидѣтельствуютъ, что выборныя городскія учрежденія въ этихъ случаяхъ признаются проводниками мысли и чувствъ самихъ обывателей города. Не мало таковыхъ адресовъ было подано Московскою Думою и принято благосклонно во время государственныхъ событій прошлаго царствованія. Дума, конечно, подавала ихъ не отъ своего лица, а отъ лица Москвы, какъ ея законный, выборный органъ. Да и какъ бы иначе могли выразить Государю свои мнѣнія и чувства жители Москвы или другихъ городовъ? Не чрезъ начальниковъ же губерній! Начальникъ губерніи—не представитель города, а представитель самой Верховной власти при городѣ или въ данномъ округѣ; еслибъ онъ являлся выразителемъ чувствъ и мнѣній города, не имѣя на то спеціальнаго отъ города уполномочія, то выходило бы лишь нѣчто странное, будто власть сама себя привѣтствуетъ и увѣряетъ въ вѣрноподданничествѣ. Вотъ почему Правительство нисколько и не затрудняется, при торжественныхъ событіяхъ, разрѣшать жителямъ поднесеніе адресовъ—чрезъ Думы, какъ чрезъ ихъ *законные органы*...

Мы признали не лишнимъ напомнить обо всѣхъ этихъ явленіяхъ современной городской общественной жизни именно теперь, при очевидной наклонности въ нѣкоторыхъ высшихъ канцелярскихъ сферахъ ограничить городскія выборныя учрежденія, яко «государственныя», только областью «обязательнаго», какъ выразилась одна газета, только «примѣненіемъ и добросовѣстнымъ исполненіемъ *дѣйствующихъ* законополо-

женій», т. е. статей 1, 2 и 139 Городоваго Положенія. Вообще въ сознаніи нашей бюрократической среды понятія о функціяхъ общественныхъ выборныхъ учрежденій и объ отношеніи ихъ къ правительству постоянно двоятся, путаются и оттого большею частью неискренни. Съ одной стороны, еще съ XVIII вѣка, съ тѣхъ поръ, какъ русскую жизнь стали *дѣлать* въ Петербургѣ, появилось и вожделѣніе, чтобъ она была не чѣмъ инымъ, какъ покорнымъ матеріаломъ, способнымъ воспринимать на себя всѣ напечатлѣнія петербургскихъ «умоначертаній» и «конъ-юнктуръ»,—чтобъ организмъ сталъ—механизмомъ, чтобъ на мѣсто жизни, которая имѣетъ то неудобство, что вѣдь рядомъ съ пшеницей подчасъ раститъ и плевелы, водворился казенный «порядокъ». Съ другой стороны, однакожъ, сооруженіе вполнѣ правильнаго и стройнаго механизма, приводимаго въ движеніе центральною властью на такомъ необъятномъ и разнообразномъ пространствѣ, какова Россія, оказалось, послѣ разныхъ попытокъ, совсѣмъ невозможнымъ; да и соблазнительно удобнымъ представлялось возложить заботу о благоустройствѣ и хозяйствѣ городовъ—на нихъ самихъ, на ихъ отвѣтственность и средства, безъ затраты денегъ изъ Государственнаго Казначейства и безъ прямой отвѣтственности центральнаго управленія. Послѣдствіемъ этого соображенія и явился компромиссъ между принципомъ правительственной власти и принципомъ общественной мѣстной жизни—въ видѣ разныхъ общественныхъ автономій. При этомъ наитруднѣйшая задача компромисса для петербургской канцеляріи заключалась въ томъ, чтобы сочетать живое, органическое съ механическимъ, чтобы съ выгодами самодѣятельности соединить удобство послушной машины и вообще допустить участіе жизни — настолько, чтобъ она двигалась какъ заведенные часы, по статьямъ и параграфамъ законоположеній, не уклоняясь ни вправо, ни влѣво. Задача, увы! неразрѣшимая въ своей идеальной полнотѣ, такъ какъ никакіе законы, хотя бы ихъ было не 15 томовъ, какъ у насъ, а 115, не способны предусмотрѣть въ своихъ формулахъ разнообразныя случайности жизни; задача, кромѣ того, крайне мудреная для примѣненія, такъ какъ, при малѣйшемъ перевѣсѣ стороны механической, живое начало способно мертвиться, — «самодѣятель-

ность» становится часто формальною, внѣшнею, а потому и безплодною. Само собою разумѣется, что отношеніе центральнаго управленія къ мѣстнымъ самоуправленіямъ не во всѣ времена было одинаково; бывали эпохи и событія, когда въ жизненности общественнаго мѣстнаго духа оказывалась для страны крайняя потребность, когда было не до «порядка», а необходимо было вызвать самодѣятельность мѣстныхъ общественныхъ учрежденій до высшаго напряженія (какъ напримѣръ въ 1812 г., отчасти въ 1863 г.); бывали періоды, когда напротивъ находили почему то нужнымъ ослабить самодѣятельность до нуля.

Впрочемъ, независимо отъ всѣхъ соображеній центральной власти въ новѣйшей, уже петербургской Россіи,—изъ глубины древности, изъ подлиннаго русскаго историческаго грунта, сквозь всѣ наслоенія иноземныхъ заимствованныхъ понятій, пріемовъ и порядковъ, само собою, естественною силою прорастало начало мѣстнаго самоуправленія, искони присущее русской жизни. Это начало—вѣчевое, мірское, общинное, земское, которое, вмѣстѣ съ царскимъ единовластіемъ, составило историческое существо русскаго государственнаго строя: одно безъ другаго не мыслилось. Когда же власть, не измѣняясь нисколько въ объемѣ и значеніи, отступила отъ своего стараго національнаго типа и вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнились и формы и духъ ея отношеній и сношеній съ землею; когда учредился Петербургъ, когда завелись въ немъ канцеляріи на иностранный ладъ и старый государственный и общественный бытъ подвергся ломкѣ и переиначенъ по готовымъ чужимъ образцамъ; когда крутой и насильственный переворотъ отшибъ самую память историческую у верхняго руководящаго и правящаго слоя Русской земли,—тогда, понятно, новосозданная Петромъ дружина цивилизаторовъ и самая страна очутились какъ бы въ разныхъ вѣкахъ и на разныхъ полюсахъ,—какъ бы въ отношеніяхъ постояннаго взаимнаго недоразумѣнія. Прежнія мірскія управленія городовъ и посадовъ, съ своими самородными, національными и въ то же время простыми и грубыми формами, не могли уже, конечно, вполнѣ удовлетворить новымъ сложнымъ требованіямъ правительства и государственной жизни, вдохновляемой иноземными образцами. Петръ, провѣдавъ про Маг-

дебургское право, хотѣлъ было и его примѣнить къ нашимъ городамъ, завелъ магистраты и ратуши, но не успѣлъ довершить городской реформы. Новую организацію городамъ и новыя формы самоуправленія на почвѣ самоуправленія стариннаго, исконнаго, дала уже Екатерина II. Но предъ нею носился идеалъ заграничныхъ муниципальныхъ общинъ, который Императрица видимо старалась приладить къ «русскимъ нравамъ»,—вводя русскіе термины: «дума» «головы», «гласные», «граждане», и облекая головъ и гласныхъ *въ мундиры*—въ видѣ русскихъ кафтановъ съ *саблями*... Жалуя свою знаменитую Грамоту, Екатерина едвали и вѣдала про существующее мірское устройство и была повидимому убѣждена, что даруетъ новыя, небывалыя привилегіи,—чуть не своего рода конституцію, почему и обставила свое Городовое Положеніе тщательными гарантіями для власти и подробнѣйшими правилами, за строгимъ соблюденіемъ которыхъ надзоръ былъ возложенъ на высшее начальство въ губерніи. Она не думала создавать чисто купеческой или мѣщанской Думы, но такъ вышло на практикѣ, потому что другихъ осѣдлыхъ обывателей въ городахъ почти и не было: дворяне имѣли свои привилегіи и свой кругъ дѣятельности, городскими дѣлами не интересовались, да и слишкомъ рѣзка была въ то время бытовая разница между ними и прочими низшими сословіями. Подъ воздѣйствіемъ иностранныхъ доктринъ того времени, только въ развитіи городской жизни усматривавшихъ достоинство страны и залогъ ея экономическаго и культурнаго преуспѣянія, Екатерина однимъ почеркомъ пера возвела сотни селеній въ привилегированное званіе городовъ,—изъ которыхъ значительное число, по неимѣнію никакихъ условій для такой формы существованія, было потомъ переименовано въ *заштатные*.

Заштатный городъ! оригинальное явленіе петербургскаго періода русской исторіи, когда все было подчинено понятію о казенномъ *штатѣ*, и все наше отечество какъ бы раздѣлилось на оффиціальную, штатную Россію и нештатную народную Русь! Внутренняя исторія бытовыхъ видоизмѣненій у насъ еще въ зачаткѣ, и потому свѣдѣній—какъ была принята, какъ усвоена городами Грамота Императрицы имѣется мало. Хотя наша статья и безъ того велика, но читате-

ли может-быть не посѣтуютъ на насъ, если мы теперь же кстати напомнимъ имъ нѣкоторыя данныя, добытыя нами лично и уже сообщенныя въ прежнихъ нашихъ изданіяхъ. Пишущему эти строки привелось въ послѣдніе два года его недолгой служебной карьеры состоять по особымъ порученіямъ въ Министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и въ этомъ качествѣ произвести въ началѣ 50-хъ годовъ ревизію городскихъ хозяйствъ въ Ярославской губерніи, по порученію Н. А. Милютина, завѣдывавшаго въ Министерствѣ городскими дѣлами.

Въ городѣ Петровскѣ (существованія котораго въ Министерствѣ и не подозрѣвали) жители подали намъ для представленія министру слезное по тону прошеніе о *разжалованіи* города даже изъ *заштатныхъ*—въ простое село, такъ какъ городскія привилегіи представлялись имъ лишь непосильною повинностью, и правá городской службы и управленія согласно съ Городовой Грамотой — истиннымъ бременемъ. — Въ городѣ Мологѣ оказалось, что въ Екатерининской Грамотѣ жители усмотрѣли прежде всего статью разрѣшающую «обывателямъ»,—независимо отъ городскихъ доходовъ опредѣляемыхъ Грамотой и имѣющихъ законное назначеніе,—дѣлать межъ собою добровольную складчину, которую и расходовать по произволу, не отдавая въ томъ никому отчета. На этомъ основаніи, на другой же день полученія Грамоты, жители, собравшись, составили приговоръ (мы отыскали его въ городскомъ архивѣ) о томъ, чтобы вести одновременно два *самоуправленія*: одно—*казенное*, по штату и по закону, для видимости и для исполненія требованій начальства, подъ его контролемъ; другое—*настоящее*, свое, подъ контролемъ самого общества, для чего тотчасъ же, по добровольной раскладкѣ, собрать особую сумму. Такъ и было сдѣлано, безъ всякаго вѣдома начальства, — такъ и велось до половины сороковыхъ годовъ, въ теченіи почти 60 лѣтъ! Собранная складочная сумма была пущена въ оборотъ; помощью ея выстроился гостиный дворъ, приносившій значительные барыши. *Оффиціальный* городъ былъ бѣденъ, имѣлъ не свыше 4000 р. дохода и столько же расхода, чему составлялись формальныя смѣты, которыя тщательно разсматривались и утверждались Губернскимъ Правленіемъ. *Неоффиціальный* городъ имѣлъ дохода свыше 20 т. р.,

расходовались они по приговорамъ городскаго общества, которое составляло изъ себя то законную «Общую Городскую Думу», то — незаконное вѣче. Доходы и расходы записывались тщательно въ особыя книги, которыя мы сами видѣли; видѣли также изъ нихъ, что деньги отдавались иногда взаймы изъ высокихъ процентовъ. Благодаря этому тайному самоуправленію, городъ, сравнительно съ прочими, процвѣлъ: онъ былъ и вымощенъ, и освѣщенъ лучше другихъ уѣздныхъ городовъ Ярославской губерніи; въ немъ построенно было два каменныхъ дома для училищъ; выдавалось пособіе бѣднымъ церквамъ и даже одной загородной; пожарный обозъ былъ исправнѣе чѣмъ гдѣ-либо. Губернаторъ Баратынскій, до свѣдѣнія котораго въ 1844 или 45 году дошло о существованіи какихъ-то, не представляемыхъ на ревизію приходорасходныхъ книгъ, потребовалъ ихъ къ себѣ, но получивъ отъ городскаго головы отказъ, уволилъ его за это отъ службы, предалъ суду, наложилъ на незаконнорожденное городское имущество запрещеніе, представилъ Министерству; Министерство передало вопросъ объ имуществѣ на разсмотрѣніе гражданскаго суда, который рѣшилъ отнять его у неоффиціальнаго городскаго общества и передать въ собственность казеннаго города. Однимъ словомъ, тайному, свободному самоуправленію положенъ былъ конецъ; городъ остался при самоуправленіи оффиціальномъ и — пришелъ въ упадокъ. Чувство справедливости побуждаетъ насъ однако замѣтить, что по всей вѣроятности Молога, при прежнемъ мірскомъ устройствѣ, едвали бы подвиглась къ той самодѣятельности, которую проявила и которая очевидно была вызвана соревнованіемъ съ новыми формами автономіи; что, наконецъ, бо́льшая часть улучшеній по городскому благоустройству была произведена въ духѣ указаній и требованій новѣйшаго времени, предъявленныхъ городамъ правительствомъ: очевидно, что не столько эти требованія, сколько формы казеннаго самоуправленія казались Мологжанамъ стѣснительными и чуждыми духу кореннаго русскаго общиннаго строя.

Въ городѣ же Угличѣ случилось нѣчто напоминающее недавній казусъ съ Петербургскою Думою. Этотъ историческій городъ живо хранилъ преданія мѣстной старины, добивался возвращенія изъ ссылки того колокола, который, по

случаю убіенія народомъ предполагаемыхъ убійцъ царевича Дмитрія Углицкаго, былъ сосланъ при царѣ Θеодорѣ Ивановичѣ, съ обрѣзаніемъ ушей, въ Сибирь; очень чтилъ память царевича, мощи котораго почиваютъ теперь въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ. По пріѣздѣ пишущаго эти строки въ Угличъ, городской голова и гласные въ откровенной бесѣдѣ заявили ему, что въ городскомъ общественномъ управленіи, какъ оно существуетъ, не видятъ они для городскаго общества никакой надобности; что отвлекаться отъ своихъ дѣлъ для службы не только безвозмездной, но весьма предъ начальствомъ отвѣтственной, «гражданамъ» не только не лестно, но въ великую тяготу; что они не хозяева города, а лишь даровые чиновники, и что городъ предпочелъ бы платить казнѣ сколько слѣдуетъ—чтобы уже она сама отъ себя, своими чиновниками-техниками, мостила улицы, чистила фонари, строила казармы, содержала полицію и пр. Причина такого отрицательнаго отношенія къ дѣлу не замедлила выясниться. Ровно за годъ до нашего посѣщенія была уже произведена формальная ревизія городскаго управленія особо командированнымъ чиновникомъ Министерства внутреннихъ дѣлъ, А. К. Г—ъ, въ высшей степени добросовѣстнымъ, строгимъ законникомъ. Документы этой ревизіи были Милютинымъ переданы намъ для соображенія. Изъ нихъ и изъ разсказовъ членовъ Думы оказалось, что г. Г., при разсмотрѣніи смѣты гор. Углича, нашелъ слѣдующую *незаконную* статью расхода: ассигновано сто рублей на содержаніе лампады въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ при мощахъ Димитрія царевича отъ имени гор. Углича. На указаніе г. министерскаго чиновника, что изъ городскихъ доходовъ такого расхода по уставу не полагается, а могутъ граждане тратить на лампаду изъ своего кармана, — Дума отвѣчала, что уплатить сто рублей могъ бы, конечно, любой изъ гражданъ, но это было бы уже пожертвованіемъ отъ *частнаго* лица, Петра, Семена, Ивана, а жителямъ было непремѣнно желательно, чтобъ вожжена была лампада отъ *имени* самого города Углича, чего исполнить иначе нельзя, какъ затративъ сто рублей изъ оффиціально-городскихъ денегъ. Пошла дѣятельная переписка. Кончилось, разумѣется, тѣмъ, что Думѣ—выговоръ, Губернскому Правленію утвер-

ждавшему смѣту—выговоръ, и беззаконіе устранено! Не напоминаетъ ли ревность строгаго чиновника Г—а ревность новѣйшихъ публицистовъ по поводу толкованія 140 статьи Городоваго Положенія: всѣ они, какъ и Г., безъ сомнѣнія, стоятъ на одной почтенной почвѣ—«законности».

Вскорѣ за тѣмъ городскія управленія подверглись преобразованію на маперъ новѣйшихъ иностранныхъ муниципальныхъ учрежденій, съ характеромъ «представительныхъ» и съ подобіемъ, впрочемъ невинныхъ, маленькихъ парламентовъ (чего, кажется, въ оригиналѣ и не имѣется). Впрочемъ на первое время основаніемъ для представительства послужили по крайней мѣрѣ наши туземныя условія. Думы стали *всесословны*, т. е. всѣ городскія сословія, равныя въ настоящее время въ правахъ, но все же составляющія разныя *бытовыя* группы (дворяне, разночинцы, купцы, (мѣщане), имѣли равное число представителей. Дѣло сначала пошло недурно (по крайней мѣрѣ въ Москвѣ), благодаря личному рвенію и талантамъ первоизбранныхъ, препобѣждавшихъ неуклюжесть думскаго механизма, но съ 1870 г. послѣдовала новая реформа, болѣе строго сообразженная съ доктриною «представительства». Всѣ сословія попали въ одинъ общій мѣшокъ «плательщиковъ» (les contribuables), встрясены вмѣстѣ и подѣлены на три разряда по размѣру уплачиваемыхъ въ пользу города повинностей,—вслѣдствіе чего въ смыслѣ *бытовомъ* представительство вышло неравномѣрное...

Итакъ, вотъ сколько наслоеній поверхъ древняго вѣчеваго или мірскаго строя: Магдебургское право съ магистратами, ратушами, ратманами и т. п., типъ средневѣковыхъ западно-европейскихъ городскихъ общинъ, даже съ цехами, собирающимися въ «гербергахъ» (см. Св. Законовъ), съ ремесленными головами, имѣющими трости съ гербомъ города на набалдашникѣ (тамъ же);—затѣмъ новѣйшій, вполнѣ западно-европейскій «либеральный» типъ: муниципалитетъ по образцу современнаго иностраннаго «представительства», даже отчасти превзойденному (хозяйство ведется разомъ всѣмъ составомъ гласныхъ), съ нерасходящимися парламентиками,—съ парламентскимъ многоглаголаніемъ и бюрократіей, и при всемъ томъ съ строгой законодательной указкой, а въ новѣйшее время и съ довольно придирчивымъ административ-

нымъ муштрованіемъ. Создавъ «представительныя» городскія учрежденія (которыхъ никто и не домогался), администрація какъ будто сама удивилась и безъ малѣйшаго съ ихъ стороны повода стала къ нимъ въ отношеніе недовѣрчивое и ревнивое. Съ одной стороны, городамъ дѣйствительно предоставлены самыя широчайшія права, — напримѣръ полная свобода отравлять обывателей водою, какъ это было, да отчасти и есть въ Петербургѣ, гдѣ, казалось бы, санитарное состояніе милліона жителей, изъ коихъ больше половины даже и не имѣетъ представителей въ Думѣ, касается нѣсколько и администраціи. Но мѣстныя начальства повидимому предпочитаютъ вообще возлагать вину на Думы, потирая руки съ присказкой: «вотъ вамъ и представительное учрежденіе, вотъ вамъ и парламентъ»!... Съ другой стороны, едва проявится въ какой-либо Думѣ какой-либо признакъ жизни *нештатной*, хотя бы самаго невиннаго свойства, сейчасъ— тревога и мѣропріятія. Въ городишкѣ Зарайскѣ, напримѣръ, также снабженномъ муниципалитетомъ, городское «представительство», большею частью однородное и одного уровня культуры, приняло свое новое призваніе, какъ говорится, въ серіозъ и первымъ долгомъ почло постановить: «изгнать изъ града всѣ кафешантаны и всѣхъ арфистокъ, и впредъ таковыхъ, какъ развращающихъ юношество, не допускать». Отцы и матери было возрадовались, но «представительству» тотчасъ же послѣдовалъ нагоняй въ видѣ начальническаго протеста... А вотъ вѣдь въ Сѣверной Америкѣ есть такіе варварскіе города, гдѣ запрещаютъ на театрѣ давать «Прекрасную Елену»!

Въ общемъ результатѣ городское управленіе въ современной формѣ, городское хозяйничанье всѣмъ представительнымъ собраніемъ вкупѣ—идетъ вяло, неуклюже, мало внушаетъ къ себѣ въ обществѣ симпатіи и довѣрія. Еще въ столицахъ и нѣкоторыхъ большихъ городахъ—центрахъ просвѣщенія—оно имѣетъ хоть внѣшній видъ довольно благообразный, *подъ лицо* иностранному,—но въ какомъ-нибудь Зарайскѣ, въ Корчевѣ, Корочѣ, да Коротоякѣ и тому подобныхъ, дѣло, быть-можетъ, еще пожалуй пошло бы вѣчемъ или міромъ, но плохо плетется новымъ либерально-штатнымъ порядкомъ. Конечно, русскіе купцы и мѣщане и

тамъ—люди правительству послушные, готовы съ покорностью быть сегодня магистратомъ и ратманами, завтра парламентомъ и «почтенными ораторами», постоянно озираясь на начальство: «такъ ли»?... но все это представительство выходитъ какимъ-то представленіемъ,—вся эта дѣланная жизнь лишена настоящей жизненной, творческой силы!

Жизни, жизни, настоящей жизни!... Еслибъ администрація позволила намъ дать ей совѣтъ, мы бы сказали ей: не бойтесь жизни, а вызывайте ея проявленія! Она одна въ состояніи оболванить, передѣлать, обрусить и одухотворить всѣ нагроможденные вами такъ неумѣло, такъ обезьянски и такъ насильственно, всевозможные нерусскіе порядки и формы. Пусть она и нашалитъ, надѣлаетъ глупостей и вздору подчасъ: не смущайтесь тѣмъ,—это принадлежность развитія, это все къ росту, въ науку; жизнь же сама и цѣленіе подастъ. На то вѣдь и власть, чтобъ не допускать до положительно-вредныхъ уклоненій; на то и государственный умъ—понимать, что не споткнувшись ходить не выучиваются. Имѣете вы дѣло съ общественными корпораціями: не угашайте въ нихъ духа, не раздражайте ихъ понапрасну, признайте за ними нравственныя права сборной личности, дорожите ихъ чувствомъ чести и самостоятельности, ихъ историческимъ самосознаніемъ. Не тѣсните жизни, и она, эта русская жизнь, выправится и своимъ, еще не заглохшимъ въ ней историческимъ духомъ, спасетъ себя и васъ. Вѣдь, говоря по совѣсти: что̀ значатъ всѣ грѣхи и промахи нашихъ городскихъ и иныхъ общественныхъ учрежденій—съ грѣхами и промахами самой нашей администраціи?..

Если таковы были превратности судьбы въ самоуправленіи нашихъ городовъ, то сердце стынетъ при мысли: неужели таковымъ превратностямъ, такой петербургской издѣльщинѣ подвергнется и русское село?!.. Уже занесена надъ нимъ сѣкира.—Коммиссія такъ-называемая Кахановская близь дверей стоитъ, подбивается къ нему, грозитъ раздвоить его и превратить, судя по слухамъ, одну его половину въ какое-то подобіе муниципалитета съ своего рода представительнымъ собраніемъ вмѣсто древняго вѣча. Невозможно будетъ уже мужикамъ напримѣръ, какъ прежде бывало, *міромъ* воспретить существованіе кабака въ чертѣ села,—«пра-

вовой «порядокъ» такого патріархальнаго самовластія не дозволитъ... А если и село у насъ погибнетъ,—это послѣднее убѣжище неказенной, нештатной Руси,—если эта народно-историческая соль обуяетъ, «чимъ осолимся»?...

По поводу безпорядковъ на юбилеѣ Кіевскаго университета.

„Русь“, 15-го октября 1884 г.

Послѣ Скерневицкаго свиданія, самымъ выдающимся событіемъ въ русской общественной жизни, и на сей разъ въ области не внѣшней, а внутренней политики, былъ безъ сомнѣнія Кіевскій злополучный университетскій юбилей со всѣми своими, злополучными же, совершившимися и совершающимися послѣдствіями. Форма нашего изданія помѣшала намъ высказаться о нихъ своевременно, но тѣмъ удобнѣе побесѣдовать о нихъ теперь, не подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ первыхъ впечатлѣній.

«Скандалы не новость въ нашихъ университетахъ», скажемъ и мы съ «Московскими Вѣдомостями». Но года уже два, если не болѣе, послѣ безпорядковъ въ университетѣ Петербургскомъ, немедленно прекращенныхъ быстрою и вполнѣ разумною расправою Попечителя Ѳ. М. Дмитріева (энергія котораго, стяжавшая тогда ему похвалы и награду по службѣ, должна казаться теперь очень тщедушною, такъ какъ онъ, помнится намъ, ограничился исключеніемъ лишь семидесяти студентовъ; не свыше),—въ нашемъ учащемся мірѣ не было нарушенія тишины. Напротивъ того, подробное изслѣдованіе самыхъ этихъ петербургскихъ безпорядковъ довольно ясно свидѣтельствовало, что громадное большинство студентовъ нисколько не сочувствовало буйству своихъ товарищей. Близорукъ, очень близорукъ тотъ, кто не видитъ, особенно въ подрастающей молодежи, начало новаго поворотнаго самостоятельнаго движенія, попытку,—конечно теперь еще не слишкомъ смѣлую, еще не вполнѣ оперившуюся такъ-сказать,—высвободиться изъ-подъ духовнаго ига фальшиво-либеральныхъ традицій, которыми жили предшествовавшія поколѣнія, которыя и до сихъ поръ такъ

властны въ русскомъ мірѣ «знанія и науки». Для насъ, эта зачинающаяся перемѣна въ нравственномъ и умственномъ настроеніи юношества несомнѣнна. Да она подтверждается и гнѣвомъ людей противоположнаго направленія. Въ одномъ изъ №№ «Руси» въ началѣ года напечатанъ былъ подробный разборъ повѣсти помѣщенной въ «Отечественныхъ Запискахъ» и принадлежащей перу одной ветеранши «сороковыхъ годовъ», всегда однакожъ бѣжавшей въ догонку за молодыми поколѣніями. Вся эта повѣсть не что иное, какъ нытье и негодованіе — по адресу молодежи послѣдняго отпрыска, обвиняемой авторомъ въ охлажденіи къ идеаламъ извѣстнаго пошиба, въ *измѣнѣ* (sic) своимъ старшимъ братьямъ, тоже «вѣдь еще молодымъ», этимъ «страдальцамъ и мученикамъ, такъ торжественно завѣщавшимъ имъ свое дѣло». и т. д. и т. д. Однимъ словомъ—это вполнѣ авторитетное, а потому и вполнѣ отрадное признаніе, своего рода росписка—въ томъ, что тенденціи натворившія Россіи столько бѣдъ и погубившія столько нужныхъ ей силъ, не находятъ уже себѣ прежняго сочувствія въ новой средѣ русскаго юношества. Само собою разумѣется, что такое новое, еще слагающееся въ ней настроеніе — похоже на молодой, нѣжный ростокъ, съ которымъ и обращаться слѣдуетъ нѣжно и вообще крайне осторожно, никакъ не гнать усиленно его ростъ, да и поливать-то — не заливая... Это долгій и медленный процессъ, которому должно предоставить—свободу; котораго неизбѣжно-странными, переходными фазисами смущаться ничего, потому что—истинно такъ!—все это къ здоровью! Нигилизмъ теперь, что бы ни говорили, несомнѣнно *опошлился*,—либеральная фразеологія обветшала, истрепалась, такъ что и употреблять ее совѣстно; вѣчно-абстрактныя, отрѣшенныя отъ русской жизни доктрины и теоріи опротивѣли молодымъ людямъ или начинаютъ становиться имъ противными до тошноты: поставьте, пожалуй, всѣ эти глаголы, вмѣсто *прошлаго* времени, въ *настоящемъ*, сущность нашей характеристики отъ того не измѣнится... Но если абстракты имъ надоѣли, кто же научитъ ихъ нравственно-плодотворному отношенію къ русской живой реальности? Если всѣ эти идеалы болѣе или менѣе отрицательнаго или безнароднаго, антинаціональнаго характера разсыпа-

лись въ прахъ, обличились или обличаются теперь во всей своей ничтожности, кто же подастъ имъ идеалы положительные, свои, народные, которые бы творили изъ нихъ мужей Русской земли и народа? Увы! некому, или почти некому, ни научить, ни подать! Наши педагоги, за малыми, очень малыми исключеніями, въ лучшемъ своемъ видѣ представляютъ изъ себя... ну, допустимъ, тотъ же типъ, что и «Вѣстникъ Европы»: очень вѣдь приличный и благообразный, чопорный, точно съ послѣдней картинки европейскихъ модъ снятый,—такъ что и сравненіе не обидное. Но журналъ сей съ сотрудниками—это своего рода Бурбоны сороковыхъ годовъ или правильнѣе—легитимисты буржуазнаго общеевропейскаго «либерализма», которые хвалятся тѣмъ, что ничего не забыли и ничему не научились въ послѣдніе полвѣка ни изъ исторіи Европы, ни тѣмъ менѣе изъ исторіи нашего отечества,—у которыхъ шея закостенѣла въ подобострастномъ наклонѣ къ Западу и которыхъ существеннѣйшій догматъ символа вѣры—отрицаніе правъ русской народности на бытовую и духовную самобытность, и вожделеннѣйшая забота—вытравить изъ русской души всякое вѣрованіе кромѣ единаго: въ «европейскую цивилизацію». Тутъ какъ ни ныряй, никакой живой силы пригодной для бодраго служенія своему народу не выловишь, никакой живой воды цѣлительной для измученной русской души не зачерпнешь. Винить ли нашихъ подростающихъ юношей, какъ это часто теперь приходится слышать, въ недостаткѣ идеализма? Не обратить ли обвиненіе за этотъ ихъ недостатокъ на самихъ наставниковъ? И не есть ли эта анти-идеальность — естественная реакція той космополитической, неприкладной отвлеченщинѣ, которою надували ихъ какъ надуваютъ газомъ—мячъ, такъ долго, долго времени?... Было бы вѣдь странно, даже и не совсѣмъ разумно ожидать, чтобъ послѣ всего прожитаго нами періода времени съ 60-хъ годовъ — молодые люди вдругъ, сразу, обзавелись и яснымъ разумѣніемъ потребностей настоящаго, и зрѣлою политическою нравственностью, и порвали съ прошедшимъ однимъ махомъ, рѣшительно и рѣзко? Тутъ вѣдь, въ этомъ долгомъ процессѣ перерожденія и перевоспитанія, ничего не можетъ и не должно дѣлаться по командѣ; тутъ всего менѣе мѣста—*полиціи*.

Какъ бы то ни было, никто не станетъ отрицать достовѣрности того факта, что въ послѣдніе два или три года въ сѣверныхъ нашихъ университетахъ, Петербургскомъ, Казанскомъ и Московскомъ, популярность профессоровъ,—тѣхъ, которые прежде такъ заискивали ея у студентовъ и, казалось, такъ прочно пріобрѣли ее,—значительно между студентами пошатнулась и подобныя заискиванія стали встрѣчать съ ихъ стороны ироническую холодность; что большинство учащихся юношей заявляетъ рѣшительное расположеніе къ соблюденію тишины и порядка. Сами «Московскія Вѣдомости» заявляютъ съ торжествомъ, по поводу безчинства происшедшаго недавно на Страстномъ бульварѣ, что изъ трехъ тысячъ московскихъ студентовъ приняло въ немъ участіе только 60 человѣкъ. Все это признаки времени — утѣшительные. Тѣмъ менѣе повода, казалось бы, приходить въ паѳосъ негодованія и разражаться громомъ и молніей по поводу все-таки еще возможныхъ, а потому еще и случающихся отъ времени до времени, вспышекъ потухающихъ мятежныхъ огней,—этихъ возвратныхъ, постепенно слабѣющихъ пароксизмовъ стараго, закоренѣлаго, но въ корнѣ своемъ уже потрясеннаго недуга. Зачинщики буйствъ,— каковъ напримѣръ герой Страстнаго бульвара, московскій студентъ Петръ Рождественскій и ему подобные, да и сами педагоги изъ тѣхъ, что̀ либеральничаютъ и популярничаютъ, — это уже послѣдніе могикане отживающаго общественнаго нравственнаго строя,—это уже своего рода *ретрограды*, *отсталые*...

Въ менѣе, конечно, благопріятныхъ условіяхъ находятся наши южные университеты, какъ и вообще наши южно-русскія провинціи. Онѣ менѣе богаты преданіями исторической государственной жизни, да и туземное населеніе не представляетъ той сплошной, однородной, древле осѣдлой силы, какою отличается населеніе великорусскихъ губерній. Разноплеменный, разновѣрный, пришлый, пестрый сбродъ, заселившій, напримѣръ, Новороссію, совсѣмъ почти заслоняетъ собою вполнѣ надежный элементъ кореннаго, малорусскаго племени. Колонисты-Нѣмцы, всяческіе «восточные человѣки», Поляки, Евреи, Евреи и Евреи... все это вообще не легко сплавить и претворить въ политически-цѣльную русскую государственную плоть; но ужъ особенно трудно достичь этой

цѣли при господствовавшемъ до сихъ поръ, да и теперь еще порядочно сильномъ, изъ нашихъ же русскихъ интеллигентныхъ сферъ исходящемъ вѣяніи того гнилаго космополитизма и отрицательнаго отношенія къ русской народности и къ историческимъ правамъ Русскаго государства, въ которомъ эти сферы, въ своемъ роковомъ скудоуміи, видятъ крайнее выраженіе либерализма и прогресса. Извѣстно, что наши анархисты охотнѣе и легче свиваютъ себѣ гнѣздо именно на нашемъ Югѣ и Юго-Западѣ. Понятно поэтому, что постановка учебнаго дѣла въ тѣхъ областяхъ (а также и на Сѣверо-Западной нашей окраинѣ), неизмѣримо труднѣе, чѣмъ въ великорусскихъ губерніяхъ; что постъ попечителей, ректоровъ и профессоровъ въ тамошнихъ университетскихъ округахъ—постъ, можно сказать, политическій, и что поэтому требуется особенная осмотрительность въ выборѣ начальствующаго и учащаго персонала. Университеты тамъ, служа образованію, должны въ то же время служить и правильному разрѣшенію политической государственной задачи. Но понятно также, что всякая неважная сама по себѣ вспышка, всякое проявленіе простаго буйства жизни, столь естественнаго въ юные годы, однимъ словомъ, всякій такъ-называемый безпорядокъ, даже самый незначительный, легко осложняется въ тѣхъ краяхъ острою примѣсью элементовъ инородческаго политическаго свойства.

Въ Кіевѣ вздумали справлять 50-лѣтній юбилей университета Св. Владиміра: назвали гостей отовсюду, пригласили иностранныхъ ученыхъ,—праздникъ просвѣщенія однимъ словомъ, къ которому готовились съ легкимъ сердцемъ, ничтоже сумняся! Мы говоримъ «съ легкимъ сердцемъ и ничтоже сумняся» потому, что г. Попечитель пріѣхалъ только за пять дней до юбилейнаго дня, тогда какъ не только вопросъ о студенческомъ увеселительномъ празднествѣ на казенныя средства, но самый главный, по нашему мнѣнію, вопросъ о допущенія участія студентовъ въ торжествѣ юбилея не былъ еще разрѣшенъ окончательно! Студентовъ полторы тысячи; всѣ они, конечно, не могли же быть допущены въ юбилейную залу; коммиссія по устройству юбилея опредѣлила выдать студентамъ 600 билетовъ и успѣла уже выдать 200, но зря, кому попало; г. Попечитель основательно нашелъ таковую

раздачу неправильною, особенно въ виду начавшагося уже между студентами волненія по поводу переговоровъ объ устройствѣ студенческаго музыкальнаго вечера и появившихся нѣсколькихъ глупонаписанныхъ, мятежныхъ прокламацій. Какъ же исправлена эта ошибка коммиссіи? Выдачу билетовъ приказано было считать недѣйствительною, а принялись было раздавать новые по своему усмотрѣнію—«благонадежнымъ». Это уже была крупная неловкость. Полученіе билета обращалось въ личную аттестацію благонадежности,—а такъ какъ билетовъ по самому устройству залы можно раздать лишь ограниченное количество, 300 или 400, то тѣмъ самымъ всѣ остальные, неполучившіе билетовъ, хотя бы и самые надежные, зачислялись въ «неблагонадежные», наравнѣ съ дѣйствительными буянами. Нужно совершенно не вѣдать человѣческой природы, и именно въ молодомъ возрастѣ, не вѣдать ни условій, ни приличій товарищества, чтобъ измыслить такую мѣру! Понятно, что студенты вовсе отказались отъ полученія билетовъ, да ничего другаго дѣлать имъ и не оставалось. Что же вышло? Вышло, на диво всѣмъ, особенно иностранцамъ, юбилейное торжество 50-лѣтней преподавательской дѣятельности, 50-лѣтняго «служенія университета наукѣ и *юношеству*» (по выраженію самого г. ректора) безъ представителей юношества, того самого, о которомъ только и рѣчи было во всѣхъ торжественныхъ рѣчахъ, привѣтахъ и отчетахъ, возглашенныхъ на торжественномъ актѣ! Университетъ безъ студентовъ не мыслимъ, но таковымъ предсталъ однакожъ Кіевскій университетъ на своемъ юбилеѣ... Между тѣмъ (какъ намъ пишутъ изъ Кіева) стоило только распорядиться, чтобъ къ присутствію на юбилеѣ были допущены лишь студенты старшихъ курсовъ (что во всѣхъ отношеніяхъ было бы и прилично, и справедливо, и разумно, и какъ разъ то число студентовъ, которое могло бы помѣститься въ залѣ)—и чувство чести студенческой было бы удовлетворено, и достоинство университета было бы соблюдено, и можетъ-быть не было бы и послѣдующихъ безобразій. Что же касается до студенческаго вечера, то онъ могъ бы быть запрещенъ безъ всякихъ колебаній и безъ дальнѣйшихъ переговоровъ, соглашеній и переминаній при первой же показавшейся прокламаціи или тотчасъ же, какъ попечитель узналъ

о почетномъ пригласительномъ билетѣ, адресуемомъ «польскому писателю Крашевскому въ тюрьму»: этого основанія, объявленнаго гласно, было бы уже вполнѣ достаточно, и едва-ли справедливость его стала бы оспариваться большинствомъ русскихъ студентовъ! Но университетское начальство предпочло отпраздновать юбилей такимъ образомъ, чтобъ студенты именно блистали отсутствіемъ. Насталъ ожиданный день, карета за каретой подъѣзжала къ крыльцу, а у крыльца—тысячная толпа «питомцевъ», не допускаемая полиціею и жандармами съ свой «питомникъ», въ «святилище науки» для нихъ предназначенное, къ своей «alma mater»!

Не нужно быть завзятымъ психологомъ, чтобъ разгадать процессъ ощущеній и чувствъ, который долженъ былъ происходить въ *душѣ* громадной толпы молодыхъ людей, собравшихся на улицѣ у затворенныхъ для нихъ дверей университета, правильно или неправильно, но считающихъ себя оскорбленными, да и дѣйствительно, хотя бы даже и вполнѣ заслуженно, оскорбляемыхъ, къ тому же публично, въ виду всего города и гостей,—да еще при томъ общемъ возбужденіи, которое и безъ того свойственно всякой уличной толпѣ при публичномъ праздничномъ торжествѣ?! Неужели власти университетскія и городскія предполагали, что такая толпа возбужденной молодежи способна стоять смирно и чинно, какъ батальонъ солдатъ? Въ молодыхъ людяхъ одно уже ощущеніе себя многолюдной толпой, т. е. уже силой, всегда возбуждаетъ нравственный темпераментъ, и чѣмъ долѣе, тѣмъ сильнѣе. Вотъ и стали встрѣчать нѣкоторыя кареты свистками, даже бросать сливы! (Полѣньевъ и каменьевъ, по словамъ достовѣрныхъ очевидцевъ, брошено не было). Этого уже конечно не слѣдовало допускать. Здѣсь, на улицѣ уже вступала въ свои права полиція и могла бы, по крайней мѣрѣ, хоть прослѣдить—кто именно отличался такими грубыми, наглыми поступками. Да наконецъ неужели изъ множества профессоровъ не нашлось ни одного, хоть бы изъ «популярныхъ», который бы рѣшился обратиться къ студентамъ со словомъ увѣщанія, чтобъ не срамили они себя и университетъ предъ иностранцами, предъ всѣмъ свѣтомъ; который бы сказалъ имъ, что ничего нѣтъ гаже деспотизма толпы и ничего нѣтъ подлѣе такихъ свистовъ и метаній изъ-за угла или чужихъ

спинъ, съ надеждой на безнаказанность? Не нашлось... Въ то самое время г. ректоръ Ренненкампфъ держалъ въ зданіи университета торжественную рѣчь, о которой намъ придется еще сказать нѣсколько словъ.

Окончился съѣздъ. Студенты порѣшили—въ честь празднества совершить процессію съ пѣснями къ памятнику Св. Владиміра и по улицамъ города. Въ этой процессіи предосудительно лишь то, что она совершилась безъ дозволенія начальства и безъ разрѣшенія полиціи, а сама по себѣ разрѣшена бы она быть могла, какъ разрѣшаютъ въ Германіи нѣмецкіе студенческіе Fackelzug'и и т. п. торжественныя шествія. По крайней мѣрѣ изъ надежнаго источника насъ увѣряютъ, что возмутительнаго содержанія пѣсенъ спѣто не было; начали съ «Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ», пропѣли многолѣтіе университету, великорусскія и малорусскія пѣсни. Но хотя бы при этомъ никакихъ безобразій и не происходило, хотя бы поэтому и ничего похожаго на «революцію», какъ выразились, въ горячности своего негодованія, «Московскія Вѣдомости», въ Кіевѣ и не бывало,— тѣмъ не менѣе нельзя же было, даже просто съ точки зрѣнія полицейскаго благочинія, дозволять студентамъ самовольно запружать собою улицы, тѣмъ самымъ задерживать ѣзду экипажей, нарушать общую тишину громогласнѣйшимъ пѣніемъ 800 человѣкъ! Безнаказанность подобной демонстраціи, разумѣется, подняла на нѣсколько градусовъ дерзость молодежи, и можно еще удивляться, что она такъ и ограничилась тутъ только прогулкой и пѣснями... Затѣмъ, вечеромъ толпа молодыхъ людей, человѣкъ во сто,—неизвѣстно одних ли студентовъ, или съ участіемъ постороннихъ «дѣятелей», какъ въ недавнихъ безпорядкахъ на Московскомъ бульварѣ,—отправилась къ дому ректора (никѣмъ не охраняемому, несмотря на полученныя имъ заранѣе, да и самой полиціи вѣдомыя угрозы отместки!). Сначала произвели тамъ такъ-называемый кошачій концертъ, затѣмъ стали швырять каменья, причемъ, говорятъ, бóльшая часть толпы разбѣжалась, а осталось человѣкъ 30, которые съ дикимъ крикомъ и гамомъ разбили каменьями ставни и окна, даже поранили одного изъ гостей (хорошо, что не убили!), а когда наконецъ показались казаки, подло удрали. Къ великому сожалѣнію, ни одинъ изъ этихъ негодяевъ не попался, не понесъ

наказанія, котораго заслуживалъ въ строгой, назидательной и памятной для другихъ мѣрѣ! Можетъ-быть, еслибъ виновные были налицо, и съ Кіевскимъ университетомъ поступлено было бы такъ же, какъ поступили съ Петербургскимъ нѣсколько лѣтъ назадъ,—а на дняхъ съ Московскимъ, гдѣ найдено было возможнымъ не привлекать къ отвѣтственности три тысячи студентовъ за вину 60-ти человѣкъ... Въ Кіевскомъ же университетѣ тѣмъ легче бы, казалось, можно было разобраться въ массѣ студентовъ, что въ прокламаціяхъ, напримѣръ, писанныхъ на плохомъ русскомъ языкѣ или съ разными полонизмами, а также въ приглашеніи послать адресъ Крашевскому въ тюрьму (гдѣ онъ сидитъ за сообщеніе французскому правительству плановъ германскихъ крѣпостей), обличалось прямое верховодительство инородцевъ, и главнымъ образомъ польскаго происхожденія.

Но любопытно однакоже ознакомиться съ тѣмъ, что въ этотъ, оффиціально «высоко-радостный», а въ дѣйствительности глубоко-печальный юбилейный день университета Св. Владиміра вѣщалъ торжественно съ каѳедры его представитель и ректоръ, многоуважаемый профессоръ Ренненкампфъ, — какъ выяснилъ онъ предъ собравшимся сонмомъ чтителей просвѣщенія вообще и русскаго въ особенности — значеніе и характеръ дѣятельности Кіевскаго университета?

Г. ректоръ свою, недлинную впрочемъ, рѣчь, въ которой онъ нашелъ время почтить и «Русь» полемикой (не малая часть рѣчи посвящена опроверженію нашей передовой статьи въ 16 №, отъ 15 августа, 1884 *) изъ которой, не называя ее, онъ выписываетъ нѣсколько строкъ, впрочемъ совершенно ошибочно понявъ самое основаніе нашей мысли),—г. ректоръ свою рѣчь начинаетъ словами, что «великій основатель Кіевскаго университета задумалъ учредить въ Кіевѣ высшее учебное заведеніе съ тою мыслію, чтобъ силой *европейской* науки сблизить и примирить разнородные элементы населенія, сгладить историческія недоразумѣнія и предразсудки и скрѣпить вѣковыя узы Юго-Западнаго края съ Русскою землею»... Такъ какъ здѣсь не вообще наука подразумѣвается, а именно европейская, потому что далѣе авторъ поясняетъ, почему именно русскіе профессора не могли явиться иначе

*) См. Т. IV, отдѣлъ „Общественное Воспитаніе“, стр. 751.

какъ «передатчиками европейской науки»,—то мы позволимъ себѣ замѣтить, что миссія Кіевскаго университета опредѣлена авторомъ не достаточно точно. Представители разнородныхъ элементовъ Юго-Западнаго края могутъ вѣдь отправиться и въ Германію, напримѣръ, и хлебнуть тамъ уже изъ самаго источника «европейской науки», но проникнутся ли чрезъ то эти элементы единствомъ русскаго національнаго духа и русской государственной идеи? «Европейская наука» миритъ ли Французовъ и Нѣмцевъ?... Наше замѣчаніе могло бы, пожалуй, показаться придиркой, еслибъ въ рѣчи почтеннаго профессора не звучалъ отголосокъ той, весьма знакомой и ходячей музыки, которою аккомпанируютъ у насъ педагоги вообще «служеніе наукѣ и юношеству», даже самое отрицательное по отношенію къ русской національности!... Да и самъ профессоръ говоритъ далѣе, что «народный духъ, самый могущественный и даровитый, взятый самъ по себѣ, можетъ творить чудеса, совершать исполинскіе подвиги, *но не создаетъ науки»*... Ну, а искусство создаетъ или нѣтъ? Существуетъ ли Итальянская живопись? Греческая скульптура?... Ни одинъ народъ, конечно, не «создаетъ» ни искусства, ни науки во всей ихъ цѣльности и полнотѣ, съ началомъ и концомъ,—но *Германская* философія, напримѣръ, относится ли она къ наукѣ? Не вся ли она запечатлѣна свойствами великаго германскаго національнаго генія, что нисколько не мѣшаетъ ей быть и обще-человѣческимъ достояніемъ? Впрочемъ г. Ренненкампфъ ниже, черезъ нѣсколько строкъ, самъ выражаетъ надежду, что русскіе университеты (не народный духъ, стало-быть?) со временемъ будутъ «двигать и творить науку» и даже, — прибавляетъ онъ скромно, — «станутъ руководителями и учителями другихъ *младшихъ* народовъ». А старшимъ такъ-таки и не скажутъ ничего новаго?... Почтенный профессоръ совершенно основательно и кстати выражаетъ затѣмъ желаніе, чтобъ будущіе историки могли сказать о нашихъ университетахъ то же, что профессоръ Бильротъ говоритъ о германскихъ, — именно что «германскіе университеты имѣли самое существенное вліяніе на могучее развитіе *національнаго* духа, на политическій ростъ государства Германскаго». Это совершенно вѣрно, это именно то, чего мы не перестаемъ требовать

отъ русской школы и русскаго университета. Но возможно ли ожидать отъ нихъ благотворнаго воздѣйствія на «могучее развитіе *національнаго* (русскаго) духа», если они станутъ проповѣдывать отрицательное къ нему отношеніе, отвергать всякое его стремленіе къ противной имъ «самобытности», требовать отъ русскаго ума какого-то научнаго молчалинства, отметать съ презрѣніемъ право Русскаго народа даже на самостоятельный юридическій обычай и,—какъ напримѣръ ученые наши профессора, приглашенные въ коммиссію для пересмотра русскихъ гражданскихъ законовъ,—настаивать на измѣненіи ихъ и русскаго бытоваго и семейнаго строя—по образцу французскаго Code civil — ибо-де «это произведеніе *европейской* науки»? А не національнаго *французскаго* духа?! Очень бы желательно было, чтобы точка зрѣнія профессора Бильрота была усвоена себѣ всѣми нашими педагогами, но съ большею строгостью и послѣдовательностью чѣмъ почтеннымъ кіевскимъ профессоромъ, судя по его рѣчи. Чего же въ самомъ дѣлѣ требовать отъ русскихъ студентовъ, если въ нихъ станутъ по прежнему расшатывать всякое уваженіе къ своей народности и въ самое основаніе ихъ умственнаго и нравственнаго развитія полагать безпочвенность,—если для студентовъ нѣкоторымъ образомъ дѣлается обязательнымъ ходить по идеалы въ Европу, гдѣ они, конечно, и выбираютъ себѣ идеалы по своему вкусу и темпераменту, и конечно болѣе живые, реальные—согласно съ послѣднимъ словомъ западной жизни, а не науки?...

Съ удовольствіемъ отмѣчаемъ въ рѣчи г. ректора попытку оправдать и защитить учащееся юношество отъ нареканій (уже въ виду начавшихся безпорядковъ), и жалѣемъ, что этой части его рѣчи студентамъ не удалось выслушать. «Справедливо ли — говоритъ онъ — выдѣлять университеты и студентовъ изъ общей жизни и возлагать на нихъ однихъ отвѣтственность за общіе ошибки и грѣхи»?... «Дѣйствительно, продолжаетъ онъ,—въ новомъ обликѣ студенческой молодежи замѣтна нѣкоторая тягостная, печальная черта: въ столь многолюдной студенческой семьѣ встрѣчаются лица оправдывающія недовѣрчивый взглядъ общества, но въ общемъ итогѣ, подъ новою формою, не рѣдко грубою, распущенною, живетъ по прежнему отзывчивый духъ молодости, жаждущей

познаній, способной горячо и серьезно трудиться»... Г. ректоръ вѣритъ, что общество «въ настоящій юбилейный день,— день отпущенія и возрожденія,—предастъ забвенію университетскія невольныя и случайныя ошибки»... Увы! оно тутъ-то ихъ и вспомнило, озираясь кругомъ и не видя ни одного изъ представителей обучаемой молодежи, но зная при томъ, что двери для нея заперты и она стоитъ тамъ, за стѣнами университета, въ видѣ лишь уличной толпы... «Нерѣдко,— говоритъ съ сожалѣніемъ (и какъ бы пророчески!) г. ректоръ въ той же своей рѣчи,—заблужденія и свойства *меньшинства* обобщаются и вмѣняются *всему* университетскому юношеству»...

Впечатлѣніе, произведенное кіевскими юбилейными событіями на всю Россію, было громадное. Университетское начальство и мѣстная администрація слагали вину другъ на друга. городъ раздѣлился на партіи. Появилось наконецъ въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» оффиціальное сообщеніе или описаніе событій, по смыслу котораго вся вина возлагается: вопервыхъ, на студентовъ, — вовторыхъ, на администрацію. Тонъ порицанія относительно университетскаго начальства слышится лишь въ словахъ о *«снисходительности* ректора» и о томъ, что онъ, «по установившемуся въ нѣкоторыхъ университетахъ неумѣстному и вредному обычаю, счелъ нужнымъ призвать къ себѣ студентовъ (въ числѣ 16-ти) для обсужденія устройства студенческаго праздника». «Правительственное сообщеніе» оправдываетъ недопущеніе студентовъ на юбилейный актъ, утверждая, что «послѣ явленій крайняго возбужденія, сходокъ и прокламацій, университетское начальство имѣло полное основаніе и обязанность оградить юбилейное торжество отъ всякой случайности и явно готовившихся безпорядковъ»... Едвали однако же, думаемъ мы, студенты старшаго курса стали бы рисковать потерею всѣхъ трехлѣтнихъ своихъ трудовъ ради удовольствія побуянить на актѣ, гдѣ имя каждаго изъ нихъ было бы извѣстно и каждый бы могъ подвергнуться личной отвѣтственности!

«Совокупность вышеизложенныхъ обстоятельствъ вполнѣ доказываетъ»,—заключаетъ свое изложеніе «Правительственный Вѣстникъ»,—«что въ средѣ учащихся въ университетѣ Св. Владиміра есть не мало, къ прискорбію, людей испор-

ченныхъ и злонамѣренныхъ... *Большинство же студентовъ*, видя зло, *не обнаружило достаточно нравственной силы, чтобъ противостать зачинщикамъ*».

По смыслу этихъ словъ выходитъ, будто студенты въ университетѣ составляютъ какую-то *корпорацію*, стало-быть солидарны между собою въ глазахъ начальства, другъ за друга отвѣтственны! Извѣстно однако, что не только слово «корпорація», даже понятіе о ней, даже малѣйшій признакъ корпоративнаго духа въ средѣ студентовъ—считается контрбандою, тщательно вытравливается изъ ихъ умовъ по распоряженію самого же высшаго начальства... Какъ могло бы это благонамѣренное «большинство студентовъ» протестовать противъ дѣйствій меньшинства не согласившись, не спѣвшись между собою на какихъ-либо сходкахъ? Оно не имѣло права явиться *коллективною* силою: благонамѣренные студенты были осуждены лишь на противодѣйствіе единичное и разрозненное, которое, разумѣется, никогда не бываетъ сильно.

«Правительственное сообщеніе» заканчивается словами: «Дабы очистить университетъ отъ вредныхъ элементовъ, а равно и отъ исполнителей приказаній разныхъ агитаторовъ и подстрекателей, *постановлено*»: слѣдуетъ затѣмъ исчисленіе извѣстныхъ, по истинѣ энергическихъ мѣръ... Мы напечатали курсивомъ слово: *постановлено*, потому что, сколько помнится, такая анонимная форма рѣшеній власти доселѣ никогда не употреблялась. Это не есть Высочайшее повелѣніе, потому что таковыя повелѣнія, исходя непосредственно отъ личной власти Монарха, по установленному ею же закону, возвѣщаются всегда открыто и прямо. Самостоятельныя распоряженія того или другаго органа власти или начальника вѣдомства также до сихъ поръ всегда объявлялись отъ имени лица, издавшаго распоряженіе за своею отвѣтственностью. По всей вѣроятности, мѣры по истинѣ энергическія, о коихъ мы говорили выше, принадлежатъ Министерству народнаго просвѣщенія, о чемъ не упомянуто лишь по винѣ редакторовъ «Правительственнаго Вѣстника».

Мѣры эти слѣдующія: 1) университетъ закрыть до 1 января: 2) *всѣхъ* студентовъ (т. е. всѣхъ 1500 человѣкъ, сколько ихъ числится) уволить и возвратить имъ документы съ воспрещеніемъ пріема уволенныхъ въ другіе университе-

ты; 3) образовать съ 1 декабря коммиссію подъ предсѣдательствомъ попечителя, ректора и пр. для пріема прошеній отъ тѣхъ уволенныхъ студентовъ, кои пожелаютъ вновь поступить въ университетъ, при чемъ коммиссія обязана «по каждому прошенію собирать самыя точныя справки и удостоивать пріема лишь тѣхъ, благонадежность которыхъ не будетъ подлежать никакому сомнѣнію».

Вѣроятно, были какія-нибудь осебенныя, намъ неизвѣстныя основанія, сверхъ изложенныхъ въ «Правительственномъ Вѣстникѣ», для проявленія подобной энергіи со стороны Министерства. Во всякомъ случаѣ изложеніе ихъ въ формѣ упомянутаго, анонимнаго правительственнаго сообщенія возбуждаетъ многія недоумѣнія и вопросы, напримѣръ:

1) Производится ли, или будетъ ли произведено тщательное дознаніе и слѣдствіе о всѣхъ перечисленныхъ въ «сообщеніи» безпорядкахъ и наглыхъ буйствахъ, хоть-бы для того, чтобъ подвергнуть виновныхъ особому заслуженному наказанію? Вѣдь на основаніи правительственныхъ опубликованныхъ мѣръ выходитъ, что благонамѣренные студенты,—коихъ, по словамъ «сообщенія», *большинство*, — виновные лишь въ томъ, что не образовали изъ себя коллективной силы противодѣйствія меньшинству (т е. не собирали сходокъ и не ощутили въ себѣ корпоративнаго духа, однимъ словомъ, не чинили того, что̀ имъ строго воспрещено),—подлежатъ теперь одинаковому наказанію со студентами громившими квартиру ректора каменьями, сочинявшими прокламаціи и т. п.! Мало того: тому же одинаковому наказанію подлежатъ даже отсутствовавшіе студенты, которые въ это время находились гдѣ-нибудь на излѣченіи въ Крыму или на Кавказѣ...

2) Почему не найдено возможнымъ примѣнить къ Кіевскому университету тѣ же самыя мѣры взысканія и очищенія отъ вредныхъ элементовъ, какія съ такимъ успѣхомъ примѣнены были къ Петербургскому и на дняхъ къ Московскому? Почему признано было нужнымъ отсрочить опредѣленіе благонадежности студентовъ до 1 декабря, а не приступить къ нему тотчасъ, по свѣжимъ даннымъ? Вѣдь если коммиссія можетъ заняться съ успѣхомъ такою квалификаціей 1 декабря, — она еще съ лучшимъ успѣхомъ, во вся-

комъ случаѣ съ неменьшимъ, могла бы исполнить эту задачу теперь же...

3) Не могли, конечно, укрыться отъ начальника вѣдомства или отъ тѣхъ, кого разумѣетъ выраженіе «Правительственнаго Вѣстника»: «*постановлено*», — что 1-му декабря предшествуетъ 1 ноября, т. е. призывъ къ отбыванію воинской повинности, которой значительная часть изъ уволенныхъ, по своему возрасту и какъ нигдѣ на ту пору оффиціально не учащаяся, должна подлежать, и подлежать на тяжелыхъ для себя условіяхъ, на основаніи гимназическаго аттестата. Между тѣмъ благонадежные изъ этихъ уволенныхъ, составляющіе, по словамъ правительственнаго сообщенія, «большинство», имѣютъ полное право надѣяться — быть черезъ мѣсяцъ же принятыми обратно въ университетъ: зачѣмъ же имъ лишаться льготы, присвоенной хорошимъ студентамъ? «Московскія Вѣдомости», на заявленное въ печати недоумѣніе въ этомъ смыслѣ, отвѣчали категорично, что таковые (благонадежность которыхъ имѣетъ опредѣлиться лишь въ декабрѣ) не будутъ подлежать въ ноябрѣ воинской повинности,—но этимъ отвѣтомъ возбуждается новое недоумѣніе: чему вѣрить? анонимному ли «постановлено», или «Московскимъ Вѣдомостямъ»?

Будемъ надѣяться, что послѣдуетъ же наконецъ новое оффиціальное, болѣе обстоятельное разъясненіе. Энергія—хорошее дѣло. Энергія—необходимое свойство самой природы правительственнаго служенія; но вовсе не желательно, чтобъ она проявлялась какъ пароксизмъ,—а такое именно впечатлѣніе производитъ спѣшная и анонимная редакція «сообщенія» въ «Правительственномъ Вѣстникѣ»... Впрочемъ, можетъ-быть, этотъ повидимому пароксизмъ — только начало новой эры?... По крайней мѣрѣ, въ статьѣ посвященной оцѣнкѣ кіевскихъ происшествій, истолкованію и горячему одобренію изложенныхъ въ оффиціальномъ сообщеніи мѣръ, «Московскія Вѣдомости», указывая вмѣстѣ съ тѣмъ на новый университетскій уставъ какъ на новое движеніе въ законодательствѣ, возглашаютъ громко и во всеуслышаніе: «встаньте! правительство идетъ! правительство возвращается!» Хотя многоуважаемая газета и не приставлена къ правительству, какъ судебный приставъ къ суду, спеціально

уполномоченный знать его входы и выходы, предшествовать его появленію и возвѣщать о немъ публикѣ,—тѣмъ не менѣе слова эти вѣски и заслуживаютъ вниманія. Но такъ-какъ правительство, сколько мы знаемъ, ни въ какой отпускъ не уѣзжало и безъ вѣсти не пропадало, а пребывало на мѣстѣ, то и желательно бы выяснить: что̀ разумѣется здѣсь подъ словомъ «правительство», — когда и въ чемъ, по какимъ признакамъ слѣдуетъ распознавать отсутствіе его присутствія и присутствіе отсутствія?... Но разсмотрѣніе этого интереснаго вопроса мы отложимъ до другаго раза.

Какъ отражается отсутствіе національности на нашихъ внутреннихъ дѣлахъ.

«Русь», 21-го декабря 1885 г.

Должно-быть есть что-то нездоровое въ самомъ петербургскомъ климатѣ для судьбы русскихъ національныхъ интересовъ. Казалось бы — нѣтъ недостатка во власти и мощи, и ужъ не Россія станетъ Петербургу перечить въ томъ, что ей взаправду полезно и выгодно! Казалось бы — нѣтъ недостатка и въ о́рудіяхъ власти или въ вѣдомствахъ спеціально призванныхъ вѣдать русскія народныя нужды; нѣтъ недостатка и въ истинномъ патріотизмѣ: канцеляріи биткомъ набиты, такъ и кишатъ патріотами, да еще «просвѣщенными» и притомъ несомнѣнно чистосердечными; благими намѣреніями, и притомъ самыми искренними, выстланъ паркетъ всѣхъ пышныхъ казенныхъ зданій... А въ концѣ-концовъ результатъ всей этой неусыпной бюрократической работы выходитъ, и очень ужъ часто, какъ-то навыворотъ: вмѣсто пользы — вредъ, вмѣсто выгоды — убытокъ, вмѣсто русскаго національнаго интереса — порою интересъ совсѣмъ чужой, берлинскій, вообще иноземный. И это не въ какой-либо спеціальной области политики внѣшней, подчасъ спорной и во всякомъ случаѣ связанной съ обстоятельствами внѣшними, отъ самой Россіи не всегда зависящими, — но именно въ области политики внутренней, какъ административной, такъ и экономической: въ послѣдней же—особенно ярко.

Это явленіе серіозное, доходящее до трагизма и заслужи-

вающее наконецъ бдительнаго вниманія нашихъ государственныхъ людей. Явленіе притомъ возникшее не со вчерашняго дня, но стародавнее, современными дѣятелями лишь такъ-сказать унаслѣдованное въ видѣ какой-то, словно-бы непреложной, роковой традиціи, съ которою даже и бороться они повидимому безсильны. Было бы совершенно несправедливо упрекать лично самихъ дѣятелей въ какомъ-либо сознательномъ антинаціональномъ умыслѣ,—а между тѣмъ антинаціональность результатовъ всей этой дѣятельности несомнѣнно проявляетъ нѣкоторую стойкость и послѣдовательность, что-то въ родѣ неумышленной систематичности.

Переберите всѣ листки газетъ,—и именно наиболѣе чуждыхъ какого-либо тенденціозно-отрицательнаго отношенія къ правительству; возьмите, наконецъ, любой № «Московскихъ Вѣдомостей»,—и въ каждомъ № (если только дѣло идетъ не о судахъ или о думахъ и земствѣ, и нѣкоторыхъ спеціальныхъ вопросахъ) вы найдете самыя строгія, мѣткія, а подчасъ и сокрушительныя разоблаченія той или другой правительственной мѣры, исходящей изъ высшихъ вѣдомствъ, прошедшей иногда и высшее совѣщательное учрежденіе... И всѣ эти разоблаченія сводятся преимущественно къ тому, что означенныя мѣры исполнены и переполнены направленіемъ антинаціональнымъ, что ими предоставляются иностранцамъ важныя льготы и преимущества—къ явному ущербу для русскихъ экономическихъ интересовъ, или же наносится вредъ не только прибытку, но и самой нравственности Русскаго народа. Вчера — по поводу русской желѣзной промышленности и заказовъ казны иностраннымъ или русскимъ передѣлочнымъ заводамъ; сегодня — по поводу новыхъ русскихъ за границею займовъ и финансовыхъ мѣръ; завтра будетъ очередь за товарнымъ тарифомъ нашихъ рельсовыхъ путей; потомъ—за колонизаціей Кавказскаго Черноморскаго побережья, столь важной и въ политическомъ отношеніи (о чемъ такія интересныя свѣдѣнія помѣстилъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» полковникъ Дукмасовъ и о чемъ «Русь» не замедлитъ также сказать свое мнѣніе, на основаніи и своихъ собственныхъ данныхъ); потомъ очередь за новымъ Уставомъ продажи питій, который и терзается въ клочки, и надо признаться—вполнѣ по заслугамъ... Мы позволили себѣ сослаться

именно на «Московскія Вѣдомости», такъ какъ ихъ никто уже не заподозритъ въ предвзятой враждебности къ власти или въ систематической оппозиціи. Читатели и почитатели почтенной газеты, даже консервативнаго десятка, такъ привыкли къ такой постоянной жесткой критикѣ правительственныхъ мѣръ и распоряженій этого рода, что даже и удивляются, а прочіе пожалуй и скучаютъ, когда ея нѣтъ; но не мѣшало бы, особенно почитателямъ, начальство и команду имѣющимъ, пораздумать немного надъ общностью и непрерывностью самого факта и задать наконецъ самимъ себѣ вопросъ: почему-же подобное разоблаченіе антинаціональности направленія внутренней правительственной политики (если не во всѣхъ, то во многихъ сферахъ ея дѣятельности) доселѣ не иссякаетъ? почему всегда для него находится поводъ, да такой, что и обличителями выступаютъ даже органы—причисляемые въ самомъ Петербургѣ къ благоразумнѣйшимъ и надежнѣйшимъ защитникамъ существующей петербургской правительственной системы?

Приглашаемъ и читателей «Руси» прочесть также со вниманіемъ приложеніе къ настоящему №, именно лекцію г. Шарапова о поѣздкѣ его, по порученію Московскаго Отдѣленія Русскаго Общества содѣйствія промышленности и торговлѣ, въ Лодзинскій и Сосновицкій округи нашей польской окраины: прочесть и также поразсудить надъ вопросомъ: какимъ образомъ могло случиться, сложиться, безвозбранно совершиться и наконецъ восторжествовать описанное въ приложеніи нѣмецкое экономическое нашествіе на Россію?

И какое нашествіе! Производство на сумму свыше 50 милліоновъ рублей,—начиная отъ самой нашей границы, по сю ея сторону и подвигаясь все вглубь,—производство иностранцами (почти исключительно германскими подданными) иностраннаго товара, иностранными руками, на своихъ иностранныхъ фабрикахъ,—производство пользующееся не только всѣми льготами, принадлежащими русскому національному производству, но и громадными надъ нимъ преимуществами, а потому и удручающее тяжкимъ гнетомъ нашу отечественную промышленность! Пусть читатели прослѣдятъ ходъ этого тріумфальнаго нашествія, этого постепенно-быстраго надвиженія германскихъ экономическихъ бойницъ или цитаделей —

по приложенной картѣ. На ней впрочемъ изображенъ только Сосновицкій германо-промышленный округъ, возникшій на Россійской территоріи всего въ теченіе послѣднихъ *семи* лѣтъ. Городъ же Лодзь и его промышленный округъ стали совсѣмъ германскими уже съ полвѣка назадъ (все же подъ нашимъ владычествомъ); тамъ уже вполнѣ царство нѣмецкой рѣчи, которая даже у туземцевъ-Поляковъ вытѣсняетъ родную рѣчь. «Московскія Вѣдомости» съ своей стороны дополнили эту картину картою пограничной части Калишскаго уѣзда и подробными свѣдѣніями о таковомъ же и тамъ германскомъ завоеваніи русской государственной земли—подъ сѣнію русской администраціи и русскихъ законовъ! — завоеваніи не только промышленномъ, культурномъ, но и территоріальномъ, обращающемъ землю въ частную собственность иностранныхъ, т. е. германскихъ подданныхъ! Какъ таковые, они, эти пришельцы, пользуются безвозбранно правомъ имѣть оружіе, и въ прилагаемой сегодня брошюрѣ читатели прочтутъ описаніе—какъ прусскій ландверъ изъ фабричныхъ рабочихъ, командуемый своими офицерами (также при фабрикахъ служащими), производитъ военныя экзерциціи въ предѣлахъ Русской имперіи, хотя, для приличія, въ штатскихъ платьяхъ...

И все это происходитъ у насъ не въ видѣ только какого-либо вопіющаго злоупотребленія. Нарушенія правилъ чинятся конечно и тутъ — со стороны мелкихъ властей, но не въ этихъ нарушеніяхъ истинный корень зла. Все это нашествіе и завоеваніе производится, большею частью, совершенно легально, даже подъ покровительствомъ существующихъ нашихъ законовъ и петербургскихъ административныхъ распоряженій. Напримѣръ: изъ Сосновицъ, какъ *русскаго* пункта, нашъ желѣзнодорожный тарифъ установилъ плату за провозъ русскихъ товаровъ въ Москву на 40% дороже, чѣмъ—въ силу нашего же прямаго съ Германіей желѣзнодорожнаго соглашенія (!)—за германскіе товары изъ сосѣдняго прусскаго пункта Катовицъ. И вотъ германскіе фабриканты изъ русскаго Сосновицкаго округа находятъ выгоднымъ возить свой нѣмецкій товаръ сначала въ Катовицы и уже оттуда въ Москву. Но вѣдь изъ Пруссіи, изъ Катовицъ, онъ можетъ идти лишь какъ заграничный, а потому и подлежать таможенной оплатѣ высокою русскою пошлиной? Ничуть не бы-

вало! Нѣмцы сумѣли себѣ исходатайствовать у нашего Министерства финансовъ, чтобъ, по предъявленіи ими свидѣтельства о *русскомъ происхожденіи* ихъ нѣмецкаго товара, онъ провозился въ Россію изъ Катовицъ чрезъ нашу таможенную черту—*безпошлинно*, какъ наше туземное русское произведеніе!...

Еслибы даже высшая мѣстная власть вздумала серіозно противостать такому германскому вторженію (а таковыя попытки случались), то она непремѣнно бы наткнулась на противодѣйствіе въ самихъ петербургскихъ канцеляріяхъ: за Пруссаковъ стоитъ горою Германскій консулъ, а изъ-за его спины выглядываетъ самъ Германскій канцлеръ: въ Петербургѣ же пуще всего пугаются шума, тревоги, непріятныхъ съ иностранцами столкновеній, особенно же дипломатическихъ переписокъ. А тутъ и опять наша желѣзнодорожная республика! Вотъ ужъ подлинно «государство въ государствѣ» — эти наши компаніи желѣзныхъ дорогъ съ своими тарифами, уничтожающими значеніе русскихъ правительственныхъ тарифовъ, своими прямыми соглашеніями съ германскими желѣзнодорожными компаніями! Можно бы подумать, что онѣ у насъ могущественнѣе самого правительства!.. Добросовѣстный трудъ покойнаго графа Баранова, дававшій право ожидать правильной постановки у насъ государственнаго и общественнаго контроля за желѣзнодорожнымъ самодержавіемъ и возбуждавшій въ обществѣ, особенно торговомъ, такія радужныя надежды,—трудъ этотъ, пройдя черезъ всѣ наши административныя и законодательныя мытарства, свелся къ самому пустому, ничтожному результату...

Мы конечно не станемъ, да было бы и невозможно, перечислять въ предѣлахъ одной газетной статьи всѣ административные и законодательные факты, какъ-то случайно и неумышленно, но однако же довольно систематически и постоянно, извращающіе, искажающіе всякія благія въ національномъ духѣ у насъ начинанія и, напротивъ того, такъ или иначе подрывающіе наши родные, кровные русскіе интересы, экономическіе и иные! Кто-нибудь можетъ-быть и занимается составленіемъ такого печальнаго перечня, но въ настоящую минуту мы не имѣемъ въ немъ надобности. Для подтвержденія нашего общаго тезиса довольно сослаться,

повторяемъ, на любой № нашихъ газетъ. Насъ неотступно преслѣдуетъ вопросъ, и сами мы здѣсь ставимъ: гдѣ же тому причина?

Причина та, отвѣчаютъ нѣкоторые, что въ борьбѣ нашей съ Западноевропейцами мы имѣемъ противъ себя политику— какъ торговую, такъ и не торговую—твердую, убѣжденную, исполненную яснаго сознанія своихъ національныхъ пользъ и нуждъ,—а съ нашей стороны что мы можемъ противопоставить? Есть ли у насъ даже какая-либо опредѣленная торговая или экономическая политика — одна по всѣмъ вѣдомствамъ? Есть ли единство? есть ли вѣдѣніе и сознаніе русскихъ народныхъ интересовъ, — такое сознаніе, которое бы одушевляло и направляло дѣятельность нашей петербургской бюрократической среды, создавало бы непреоборимую мощь? Въ томъ-то и горе, что по отношенію къ иностранцамъ у насъ невольно шевелится въ душѣ что-то похожее на... на...—употребимъ иностранное же слово: все-таки выходитъ какъ-то деликатнѣе и благороднѣе,—на *сервилизмъ*, такъ и подталкивающее насъ къ снисканію ихъ благосклонности, къ угодничеству, а потому и къ уступкамъ.

Но и опять вопросъ: откуда же это такъ? Какая же причина такой слабости нашего національнаго самосознанія?

«Русь» съ своей стороны, какъ извѣстно (такъ же какъ и «Москва», и «День» того же издателя), никогда не переставала обличать эту нашу печальную, роковую слабость, усматривая ея первоначальную причину въ отчужденіи высшихъ сверхнародныхъ слоевъ отъ русской народной жизни, начавшемся съ реформы Петра Великаго и обусловленномъ потомъ всѣмъ послѣдующимъ ходомъ нашего историческаго развитія. Но вѣдь прошло уже почти два вѣка съ тѣхъ поръ какъ Россія вступила на путь европейскаго просвѣщенія, и пора бы, кажется, уже давно закончиться процессу того «отреченія отъ *исключительной* національности», которое легло въ основу нашего перевоспитанія при Петрѣ, которымъ объясняется необходимость его крутыхъ преобразованій и котораго воинствующимъ символомъ и цитаделью явился созданный Петромъ градъ въ ингерманландскомъ «парадизѣ». Пора бы, кажется, Петербургу сообразить, что его историческая миссія уже завершилась, что теперь вос-

вать ему уже не съ чѣмъ, что теперь не только «исключительной національности» никакой у насъ не обрѣтается, но самый націонализмъ въ русскихъ просвѣщенныхъ людяхъ, особенно тамъ въ Петербургѣ, представляется исключеніемъ. Нужно ли напоминать, что безнародность или космополитизмъ для правительства какой-либо страны — то же что *безличность* въ человѣкѣ, — качество совсѣмъ незавидное; что никакое истинное просвѣщеніе чувства народности не исключаетъ и не отвергаетъ, — какъ это мы и видимъ во всѣхъ европейскихъ странахъ? Что есть область такихъ внѣшнихъ, до грубости ясныхъ и безспорныхъ національныхъ вопросовъ и интересовъ, на которые никакой скептицизмъ отвлеченной мысли распространяться не можетъ или не долженъ? Примѣромъ тому служитъ даже современная Японія. Примѣромъ тому служитъ и у насъ самихъ царствованіе Екатерины II... Правда и то, что въ ея время русскіе люди (какъ мы это не разъ говорили) еще только перерядились, но не переродились, и подъ французскими кафтанами и париками сохраняли еще въ себѣ цѣльность своей русской природы. Перерожденіе въ смыслѣ отрицательномъ, и именно въ верхнихъ властныхъ, правящихъ слояхъ, завершилось вполнѣ ко временамъ Александра I. Однакоже, вскорѣ затѣмъ, начался въ русскомъ обществѣ, въ его слояхъ среднихъ, процессъ обратный, процессъ новаго перевоспитанія въ духѣ и смыслѣ русской народности, путемъ неустанной работы національнаго самосознанія. Очевидно, что въ самомъ средоточіи русскаго управленія, т. е. въ Петербургѣ, процессъ этотъ происходитъ очень ужь туго и медленно...

Такое мнѣніе «Руси» обыкновенно оспаривается. Оппоненты ея стараются доказать, что наше общественное просвѣщенное обрусѣніе состоялось уже вполнѣ, и хлопотать больше не о чемъ... Дѣйствительно, какъ въ правительственной средѣ, такъ даже и во всѣхъ петербургскихъ канцеляріяхъ, не найдется теперь ни кого, кто бы открыто и сознательно объявилъ себя противникомъ своей русской національности. Допускаемъ охотно, что причиною современныхъ печальныхъ, выше указанныхъ явленій — не недостатокъ доброй воли, а лишь неразумѣніе и невѣдѣніе русскихъ народныхъ

нуждъ, интересовъ и историческихъ преданій съ одной стороны, а съ другой—пребывающая еще сила старой канцелярской и общественной петербургской рутины, отчасти и преданій. Но отъ этого Россіи не легче. Но съ этою рутиною, съ этими-то преданіями и надлежитъ энергически бороться. Но отъ этой угнетающей правительство силы и отъ условій ее поддерживающихъ и необходимо избавиться, изыскавъ для того надежнѣйшія средства. И если позоръ Берлинскаго трактата можетъ быть *объясненъ* историческими условіями нашего развитія, то уже никакъ не оправданъ...

Газета «Московскія Вѣдомости» являлась всегда поборникомъ «сильной власти». Всѣ помнятъ ея призывъ и возвѣщеніе: «Вставайте, господа! правительство идетъ, правительство возвращается!»... Ну мы и встали—охотно, радостно, и ждемъ... Но почтенная газета сама же, повторяемъ снова, въ каждомъ № своемъ смущаетъ и разочаровываетъ насъ. Видно, не въ одномъ аттрибутѣ «силы» условіе добраго дѣйствія власти! И также не въ одной благости ея намѣреній, въ которую каждый изъ насъ вѣритъ отъ всей полноты сердца,—вѣритъ и соболѣзнуетъ, видя такъ часто невольную ихъ безуспѣшность,—безсиліе силы самой благонамѣренной!.. Должно быть, самое существо основнаго историческаго русскаго принципа власти (о которомъ стоитъ и держится Россія) находится въ какомъ-либо рѣзкомъ противорѣчіи съ дѣйствующими нынѣ способами его примѣненія и проявленія, съ условіями нашего «петербургскаго режима» и съ духомъ всей петербургской среды, такъ плотно правительство облегающей: среда же эта по самой природѣ своей, по происхожденію и преданію своему, какъ мы указали выше, антинаціональна и только заслоняетъ собою Русскій народъ...

Нужно, чтобъ голосъ Русской земли доходилъ непосредственно до самой власти; нужно, чтобъ и сама власть обрѣталась ближе къ своей родной землѣ,—тамъ, гдѣ самъ собою слышнѣе бьется пульсъ русской народной жизни. Вотъ что̀ нужно... Безъ этого сама, благая по существу, верховная власть истощится лишь въ напрасной борьбѣ съ своими, антинаціональными по существу же, орудіями и формами власти!..

ВВЕДЕНІЕ

КЪ

УКРАИНСКИМЪ ЯРМАРКАМЪ

И. С. Аксакова

Въ 1853 г. Географическимъ Обществомъ была отправлена для изслѣдованія Украинскихъ ярмарокъ особая экспедиція, возложенная на дѣйствительнаго члена Общества И. С. Аксакова и продолжавшаяся весь слѣдующій годъ. Плодомъ его трудовъ было обширное изслѣдованіе, заслужившее автору Константиновскую медаль Географическаго Общества и Демидовскую премію Академіи Наукъ. Этотъ трудъ изданъ былъ въ 1858 году тѣмъ же Обществомъ и составляетъ объемистую книгу (383 стр. in 4°), сдѣлавшуюся нынѣ, къ сожалѣнію, почти библіографическою рѣдкостью. Мы перепечатываемъ только «Введеніе», содержащее общій историческій и экономическій взглядъ на предметъ изслѣдованія. Остальныя части, посвященныя разработкѣ статистическихъ данныхъ о ярмаркахъ, здѣсь не воспроизводятся, такъ какъ онѣ большею частью потеряли современное значеніе, хотя по живости и изяществу изложенія книга вполнѣ сохраняетъ свое литературное достоинство и можетъ служить образцомъ художественной обработки статистическаго матеріала.

УКРАИНСКІЯ ЯРМАРКИ*).

Подъ общимъ наименованіемъ Украинскихъ ярмарокъ разумѣется цѣпь гуртовыхъ или оптовыхъ ярмарокъ на Украинѣ, смѣняющихъ одна другую въ теченіе цѣлаго года, принадлежащихъ къ одной системѣ, посѣщаемыхъ — за немногими измѣненіями—одними и тѣми же торговцами. Вотъ ихъ названія: Крещенская, Успенская и Покровская—въ Харьковѣ; Ильинская—въ Полтавѣ, Маслянская и Вознесенская—въ Ромнѣ, Полтавской губерніи; Коренная—въ Коренной Пустыни, Курской губерніи; Крестовоздвиженская—въ г. Кролевцѣ, Черниговской; Введенская—въ г. Сумахъ, Харьковской; и Георгіевская—въ г. Елисаветградѣ, Херсонской губерніи. Сюда же должно отнести, по связи ея съ ярмаркою Ильинскою, Троицкую шерстяную ярмарку въ Харьковѣ.

Обозрѣніе торговли на всѣхъ этихъ одиннадцати ярмаркахъ составляетъ задачу труда, представляемаго нынѣ на судъ публики. Сочиненіе наше раздѣлено на двѣ половины: первая содержитъ въ себѣ описаніе каждаго ярмарочнаго пункта и каждой ярмарки въ отдѣльности; вторая—отдѣльные очерки торговли каждымъ значительнымъ товаромъ, такъ сказать, монографіи товаровъ, ихъ торговой судьбы и странствованія по всѣмъ ярмарочнымъ мытарствамъ Украины.

*) Въ экземплярѣ брошюры: „Украинскія ярмарки", съ собственноручною надписью И. С.: „М. П. Погодину", которая здѣсь перепечатывается, сдѣлано примѣчаніе: „эта брошюра прилагается вмѣсто „введенія" къ Украинскимъ ярмаркамъ, которое въ самой книгѣ напечатано *неисправно и съ значительными пропусками*".

Но мы считаемъ полезнымъ предварительно познакомить читателя съ общимъ видомъ Украинской ярмарочной мѣстности и всей той среды, гдѣ совершается описываемое нами торговое движеніе, съ характеромъ главныхъ дѣятелей, съ тѣми особенностями, которыя, принадлежа не одной, а всѣмъ Украинскимъ ярмаркамъ, составляютъ ихъ существенное отличіе отъ ярмарокъ Великорусскихъ, однимъ словомъ—передать читателю запасъ нѣкоторыхъ общихъ свѣдѣній, необходимыхъ для уразумѣнія частныхъ описаній.

Раздробленная на удѣлы, волнуемая внутренними междоусобіями, тревожимая съ Юга Половцами, тяготѣя къ Сѣверу, могущественнѣе во Владимірѣ, чѣмъ въ Кіевѣ, Русская Земля, тѣмъ не менѣе, до XIII вѣка еще хранила свое единство, Русскіе князья еще блюли связь преданій, вѣры и единоплеменности. Внезапное нашествіе Татаръ, разлившись пожаромъ по всей Руси, всколебало всѣ основы строившагося зданія, нарушило цѣльность и единство Русской Земли, отодвинуло къ Сѣверу Русь Сѣверную, прахомъ и пепломъ покрыло Южную и, разорвавъ надолго связь между ними, призвало ихъ къ разнымъ историческимъ судьбамъ: раздѣлило на два рукава нѣкогда цѣльный потокъ. Великая Русь, высвободясь изъ-подъ Татарскаго гнета, преодолѣвъ удѣльный обычай, собственною силою и вѣрою въ свое призваніе переработавъ всѣ разъединяющіе элементы, сплотилась наконецъ въ одно громадное тѣло и, подъ державою Московскихъ царей, занялась своимъ внутреннимъ устройствомъ. Гости, купцы и посадскіе и разныя торговыя сотни, не стѣсняемые прежними междоудѣльными отношеніями князей, раздвинули предѣлы внутренней торговли; торговый бытъ созидался самостоятельно.

Не то было въ Малороссіи. Правда, начатки гражданственности ея, схороненные подъ развалинами сожженныхъ городовъ, оживились вновь съ освобожденіемъ Малороссіи отъ Татарскаго ига помощью языческой Литвы, и воздѣйствовали на внутреннее гражданское устройство самаго Литовскаго княжества; но это уже была не свободная самобытная дѣятельность народнаго духа, а скорѣе отношеніе

подчиненное, пересиливавшее самую власть крѣпостью быта. Во времена татарскаго опустошенія, при разрывѣ связей съ Сѣверною Русью, населеніе Руси Югозападной должно было естественно уклониться въ путь племенной односторонности, развить въ себѣ ту племенную особенность, которая была мало замѣтна до Татарскаго нашествія, сглаживалась отъ постоянныхъ сношеній съ другими сѣверными Славянскими племенами и, можетъ быть, сгладилась бы совсѣмъ, если-бъ Малороссія продолжала находиться въ общемъ составѣ разнонародной Русской Земли. По характеру этой, въ отдѣленіи отъ Сѣверной Руси развившейся, ея племенной особенности, Югозападная Русь болѣе подходила къ Западному, чѣмъ къ Сѣверовосточному Славянству, и, вмѣстѣ съ первымъ, поддавалась вліянію тѣхъ чуждыхъ элементовъ, которые воспринимало тогда въ себя все Западное Славянство. Наконецъ, высокомѣрныя притязанія католической Польши, съ которою соединилась Литва, указали православному Югозападному краю на опасность, грозившую его нравственной самобытности и единственному ея оплоту—вѣрѣ. Отнынѣ Малороссія является призванною—не къ самостоятельному политическому бытію, а къ самостоятельной, временной, исторической дѣятельности. Съ одной стороны сдерживая напоръ Ногайцевъ и Крымцевъ, ежечасно грозившихъ поглотить ея матеріальное существованіе; съ другой—лишь временно и съ трудомъ покоряясь исторической случайности политическаго союза съ враждебнымъ Католичествомъ, она стала на стражѣ своей вѣры и народности, и отстояла мечемъ и вѣру и народность. Почти два вѣка сряду отбиваясь то отъ набѣговъ Татаръ, то отъ попеченій Ляховъ, непрерывно воюя, совершая безпримѣрные подвиги мученичества и удальства, она не имѣла времени заняться своимъ внутреннимъ устройствомъ, и распалась на два сословія: на воителей и на пахарей, на казачество и на посполъство. Городское населеніе было слабо, да и самые города учреждались на ненародныхъ, чуждыхъ началахъ: мы подробнѣе о нихъ поговоримъ ниже.—Много страданій и горя вынесла Малороссія, но за то сколько жизни, блеску и славы было въ этомъ историческомъ призваніи! Столько жизни, столько славы, что казачество поглотило въ себя, исчерпало почти всѣ прав-

ственныя силы, почти всю дѣятельность народнаго духа. Такъ шумно, блестяще и бранно прожито Малороссіею ея прошедшее, что даже и теперь, несмотря на внутреннее народное сознаніе въ томъ, что прежнее призваніе ея окончено и прошлое минуло невозвратно, Малороссія все еще будто отдыхаетъ отъ совершенныхъ ею боевыхъ подвиговъ, еще будто не собралась жить новою жизнью, еще будто тревожится порою грезами казацкой вольности и славы. Еще и нынѣ простой пахарь воспѣвается въ пѣсняхъ лишь въ поэтическомъ и любезномъ народу образѣ казака. — Когда Хмельницкій окончательно расторгнулъ союзъ съ Польшей и принялся за устроеніе Малороссіи, онъ долженъ былъ ясно увидѣть, что вѣковыя войны не выработали въ ней никакихъ задатковъ для дальнѣйшаго гражданскаго развитія, для политическаго самостоятельнаго бытія. Опасность миновалась; съ нею окончилось и призваніе къ самобытной исторической дѣятельности, и славное казачество теряло всякій живой практическій смыслъ, всякое законное право на историческое существованіе.—Малороссія присоединилась къ Россіи; разрозненные ручьи слились въ одинъ общій потокъ. Но полная гордыхъ воспоминаній о своей самобытной дѣятельности, она ревниво и упорно стерегла себя отъ тѣснаго нравственнаго и гражданскаго сближенія: подъ охранительною сѣнью разныхъ «кондицій», лишенныхъ народнаго историческаго значенія, основанныхъ на призракѣ гражданскаго устройства, ей же вполнѣ чуждаго и введеннаго ей же враждебною Польскою администраціей, она еще мечтала о самостоятельномъ гражданскомъ развитіи. Такъ напримѣръ, она требовала отъ Россіи сохраненія Магдебургскаго права, даннаго привилегіями Польскихъ королей разнымъ Малороссійскимъ городамъ, права, совершенно чуждаго Малороссійскому быту, не создавшаго никакой прочной гражданственности и не привившагося къ жизни народной.

Какъ всегда бываетъ съ отжившимъ историческимъ явленіемъ, казачество подверглось внутреннему разложенію, обратилось во вредъ родной сторонѣ, обагрило ее кровью, задержало ея матеріальное преуспѣяніе. Впрочемъ, его высокомѣрныя притязанія на дальнѣйшее существованіе были въ самомъ началѣ казнены историческимъ правосудіемъ чрезъ

утрату всякой самостоятельности на правомъ берегу Днѣпра, отданномъ по Андрусовскому договору подъ владычество Польши, чрезъ распаденіе Малороссіи, чрезъ нарушеніе ея цѣльности и единства. Польша не только уничтожила званіе, но и самое имя казацкое, раздѣлила Малороссійскихъ людей и земли Польскимъ магнатамъ,—и правый берегъ Днѣпра позавидовалъ лѣвому.

Россія поступила иначе: она распространила военное устройство казачества на всю подвластную ей Малороссію, сохранила ея раздѣленіе (до 1782 г.) на 10 полковъ, а полковъ на сотни, и подчинила ее военному управленію казацкому. Всѣ гражданскія дѣла вѣдались полковниками, сотниками и разными казацкими властями, которыя, ставъ такимъ образомъ господствующимъ, служилымъ сословіемъ, обратились постепенно въ шляхетство, въ пановъ, наконецъ въ Россійскихъ чиновниковъ и дворянъ, а потомъ въ Россійскихъ помѣщиковъ. Что же касается до городовъ, то собственно городовое устройство оставалось неизмѣненнымъ до конца XVIII вѣка.

Мы сказали выше, что, въ періодъ своей воинственной дѣятельности, Малороссія распалась на два сословія, на посполитство и на казачество. Городоваго Малороссійскаго сословія въ ней почти и не существовало. Польскіе короли, заботясь объ учрежденіи сословія, легко обуздываемаго матеріальными интересами, и объ устройствѣ городовъ съ цѣлью стратегическою и административною, образовали дѣйствительно городскія общины, пользовавшіяся многими преимуществами по Магдебургскому праву и составившіяся изъ разнаго сброда. Но всѣ эти усилія не создали, однако же, городскаго сословія въ народѣ; не смотря на «привиліи», народонаселеніе столпилось не въ города, а въ мѣстечки, которыя и теперь населеннѣе большей части городовъ и почти всегда оживленнѣе. Кто-то сказалъ довольно справедливо, что въ Малороссіи города похожи на села и мѣстечки, а мѣстечки и села на города. Къ сожалѣнію, Малороссійскіе историки были слишкомъ славолюбивы и мало обращали вниманія на эту сторону Малороссійской жизни; для нихъ военные подвиги казачества заслоняли исторію внутреннихъ судебъ Малороссійскаго народа. Поэтому, мы и не имѣемъ

положительныхъ данныхъ для исторіи городскаго населенія въ Малороссіи. Но, кажется, можно утвердительно сказать, что городовъ, городовой самобытной дѣятельности въ Малороссіи не было, даже нѣтъ и въ настоящее время; что города въ Малороссіи устрояются и возникаютъ только теперь, населяемые Великорусскими купцами; что пышное Магдебургское право не имѣло никакого корня въ быту народномъ, что это чуждое насажденіе засохло и завяло само собою, даже прежде манифеста 1785 года, распространившаго на Малороссію общее городовое положеніе, введенное Екатериною II-ю въ Россію [1]). Оно исчезло безъ борьбы, почти не оставивъ воспоминаній. Слѣды прежняго устройства сохраняются еще только въ томъ, что во всѣхъ торжественныхъ процессіяхъ и при похоронахъ ремесленниковъ выносятъ старинныя цеховыя знамена, жалованныя королями; также и въ томъ, что званіе мѣщанина, не смотря на смыслъ, присвоенный этому слову Русскими законами, въ народномъ употребленіи въ Малороссіи означаетъ городскаго жителя вообще (der Bürger) и пользуется бо́льшимъ уваженіемъ, чѣмъ въ Великороссіи, такъ что не рѣдко мѣщанинъ выбирается въ городскіе головы, хотя въ городѣ въ то же время живутъ и купцы, а на надгробныхъ доскахъ и въ синодикахъ вы можете иногда встрѣтить надпись: «знатный мѣщанинъ» такой-то.

Почему же, съ прекращеніемъ междоусобныхъ браней послѣ Андрусовскаго договора, промышленность и торговля не возникли въ Малороссіи съ новою силой на новыхъ, чисто народныхъ началахъ? Многіе объясняютъ эту безжизненность городовъ, это отсутствіе дѣятельнаго посредствующаго сословія между производителемъ и потребителемъ — Малороссійскою лѣнью, происходящею отъ условій мѣстности, почвы и климата. Конечно, плодородная земля, ласковая природа легко удовлетворяютъ незатѣйливыя потребности сельскаго народонаселенія, не вызываютъ на борьбу и дѣятельность, не порождаютъ сами по себѣ—промышленнаго и торговаго духа. Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ эти условія мѣстности отра-

[1]) Кромѣ, однако же, Кіева, въ которомъ общее положеніе окончательно введено только въ 1835 году.

жаются и въ характерѣ народномъ, особенно въ яркой поэтической сторонѣ его духа, въ тонкомъ чувствѣ красоты, въ нѣжномъ характерѣ его пѣсенъ и мелодій. Но почва также плодоносна въ Тамбовской и Саратовской губерніи, климатъ и природа богаче и роскошнѣе въ Греціи и Южной Франціи; однако же ни Греки, ни жители Прованса не подвергаются упреку въ лѣни. Лѣнивъ или нѣтъ Малороссіянинъ отъ природы, рѣшить трудно; но нѣтъ сомнѣнія, что теперь онъ лѣнится, что онъ, какъ будто, отдыхая послѣ напряженной исторической дѣятельности, еще не пускаетъ въ ходъ всей своей внутренней силы. Упорно держась своего быта, создавшагося подъ воздѣйствіемъ исключительныхъ историческихъ обстоятельствъ, онъ съ удивленіемъ и недоумѣніемъ смотритъ на все, совершающееся съ нимъ, и самъ себѣ не рѣшилъ вопроса о своемъ гражданскомъ призваніи. Если-бъ, послѣ Петра I-го, сама Великая Русь шла путемъ самобытнаго развитія, Малороссія вѣроятно бы легко присоединилась къ Общерусскому дѣлу; но трудно было ей принять искреннее участіе въ направленіи лживомъ. Болѣзнь, которая по крайней мѣрѣ въ Великой Россіи являлась *своею* болѣзнью, законною, понятною для народнаго историческаго смысла, была для Малороссіи, такъ сказать, похмѣльемъ въ чужомъ пиру. Вторженіе Россійско-Нѣмецкаго правительственнаго элемента и Великорусской народной порчи, укрѣпленіе крестьянъ, учрежденіе дворянства, въ смыслѣ Екатерининской грамоты, — всѣ эти явленія вполнѣ объясняютъ намъ и недоумѣніе Малороссіянина, и невольное безпокойство его воспоминаній, и тогдашнюю непріязнь къ Москалю, нынѣ уже несуществующую. Впрочемъ, никакія усилія Мазепы и ему подобныхъ мечтателей не восторжествовали, да никогда бы и не могли восторжествовать надъ разумомъ народнымъ, который, признавши однажды необходимость возсоединенія всей Православной Руси, рѣшился терпѣть и ждать, пока минуютъ невзгоды.

Такимъ образомъ Малороссія, при недостаткѣ съ одной стороны выработанныхъ задатковъ для жизни гражданской, а съ другой—при необходимости, послѣ военныхъ тревогъ, устроиться съизнова; съ одной стороны смущаемая въ высшихъ своихъ представителяхъ славными историческими вос-

поминаніями, съ другой, подвергаясь напору уже готоваго, но чуждаго ей государственнаго устройства, задержалась въ своемъ развитіи почти на той степени, на которой стояла въ половинѣ XVII-го вѣка.

Послѣ Андрусовскаго договора народонаселеніе въ Малороссіи сгустилось еще болѣе отъ частыхъ притоковъ выходцевъ изъ-за праваго берега Днѣпра. Казачество разселилось по хуторамъ, селамъ, мѣстечкамъ и городскимъ предмѣстьямъ, и предалось мирнымъ сельскимъ занятіямъ. Но значеніе городовъ отъ того не усилилось, казакъ не сталъ купцомъ, и торговля его ограничивалась продажею сельскихъ произведеній — добычи собственныхъ трудовъ, собственной жатвы, ручнаго домашняго ремесла. Понятно, что при такомъ положеніи дѣлъ, при такомъ слабомъ значеніи городовыхъ центровъ и купеческаго промысла, сельскія ярмарки должны были получить для народонаселенія особенную важность. Дѣйствительно, нигдѣ ихъ нѣтъ въ такомъ множествѣ, какъ въ Малороссіи. По оффиціальнымъ даннымъ ([1]), первыя два мѣста по числу ярмарокъ во всей Россіи принадлежатъ Харьковской и Полтавской губерніямъ, изъ которыхъ въ одной 425, въ другой 372 городскихъ и сельскихъ ярмарокъ, тогда какъ во Владимірской губерніи ихъ только *девять*. Но не только числомъ разнится Малороссія отъ Великороссіи: самый характеръ ярмарокъ совершенно отличенъ. Малороссійская сельская ярмарка стоитъ на мѣстѣ цѣлую *недѣлю* или *день*, а иногда и больше, и возобновляется въ одномъ и томъ же пунктѣ до 6-ти разъ въ годъ, переходя въ промежуточное время въ другія мѣста, такъ что ярмарки образуютъ тысячи маленькихъ ярмарочныхъ округовъ. Тотъ же характеръ перенесенъ и на оптовыя ярмарки. Такъ напримѣръ, въ Харьковѣ 4 ярмарки, изъ которыхъ каждая продолжается около мѣсяца, въ Ромнѣ ихъ было три, и т. д. Ярмарка, которая беретъ 4 или 3 мѣсяца въ году съ одними и тѣми же купцами и товарами, въ одномъ и томъ же пунктѣ, не можетъ назваться ярмаркою въ общепринятомъ смыслѣ: и сельскія и городскія ярмарки на Украинѣ носятъ характеръ *поденнаго*, *ходячаго рынка*, вращающагося цѣлый годъ по своему округу. Разу-

[1]) См. № 6 Полтавскихъ губернскихъ Вѣдомостей 1854 года.

мѣется, подобное явленіе, которымъ поспѣшили воспользоваться и Великорусскіе торговцы и Евреи, въ сильной степени способствовало къ развитію въ Малороссіянахъ привычекъ лѣни и медленности,—въ свою очередь поддерживающихъ это явленіе и донынѣ. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть удобнѣе этого порядка: сидѣть дома, зная, что не замедлитъ появиться ярмарка съ купцами, которые и привезутъ товары и купятъ товары? Здѣсь кстати будетъ привести слова автора «Топографическаго Описанія Харьковскаго Намѣстничества», изданнаго въ 1789 году. Выпишемъ сначала любопытныя строки о Малороссійскомъ характерѣ, обличающія, впрочемъ, въ авторѣ—природномъ, какъ видно изъ книги, Великороссіянинѣ—нѣкоторое пристрастіе къ Украинѣ: «бѣлыя, чистыя и свѣтлыя избы или хаты, возращенные сады, разведенные овощные огороды свидѣтельствуютъ объ образѣ жизни, отличающемъ ихъ отъ другихъ инообразнаго поведенія людей. Въ семъ-то заключается симпатія, или сокровенная склонность, съ пріятностью ощущаемая и признаваемая пріѣзжающими и квартирующими въ ихъ селеніяхъ. Духъ Европейской людскости, отчужденіе Азіатской дикости питаетъ внутреннія чувства какимъ-то услажденіемъ; духъ любочестія, превратясь въ наслѣдное качество жителей, предупреждаетъ рабскія низриновенія и пополазновенія,—послушенъ гласу властей, самопреклонно, безъ рабства. Духъ общаго соревнованія препираетъ стези деспотизма и монополіи.» Вотъ что говоритъ онъ о торговлѣ: «торговый промыселъ во всей Украинѣ примѣчателенъ, но торговля ихъ, хотя и второй руки, есть домовная, *располагающая больше къ пристойному пропитанію*, а не къ *обогащенію*...» Далѣе: «Слободскихъ селеній торговля можетъ почесться пространною относительно къ цѣлому намѣстничеству, но единовременная купля и продажа, въ урочные года дни заведенныя, останавливаютъ въ городахъ теченіе всегдашней торговли. Въ прежнее время города, мѣстечки и слободы, одни предъ другими, наперерывъ рисковали обратить къ себѣ урочныя случайныя торжища: отъ сего произошло основаніе частыхъ ярмарокъ, иногда по 6 и больше въ одномъ мѣстѣ, въ подрывъ законной торговлѣ жителей городовъ.»

Между тѣмъ Малороссіяне нуждались въ лѣсѣ, стеклѣ,

желѣзныхъ орудіяхъ и въ другихъ предметахъ, которыхъ Малороссія не производила и которые, при отсутствіи фабрикъ и заводовъ, она могла получать только изъ Великороссіи или изъ Польши. Съ другой стороны она сама богата была сырыми произведеніями, въ которыхъ нуждались ея сосѣди. Но не приготовленный къ торговой суетливой дѣятельности, чуждый гражданскаго устройства Сѣвера, Малороссіянинъ, не только прежде, но даже и теперь, рѣдко ѣздитъ самъ съ товарами и за товарами въ Великую Русь, почти никогда не ходитъ на заработки въ сѣверныя губерніи, и если необходимость заставляетъ его иногда двинуться съ мѣста, такъ онъ идетъ преимущественно на Югъ, — на Донъ, въ Бессарабію. Поэтому Великорусскіе промышленники не стали дожидаться требованія со стороны Малороссіянина, а сами явились къ нему, такъ сказать, на домъ, соблазняя его товаромъ, избавляя его отъ хлопотъ перевозки, навязывая ему товаръ въ безсрочный кредитъ. Сначала таможенныя заставы, отдѣлявшія Малороссію отъ Великороссіи, еще останавливали это движеніе; но, съ уничтоженіемъ заставъ и съ прекращеніемъ пошлиннаго сбора, тысячи ходебщиковъ Орловской, Владимірской и Великорусскихъ старообрядческихъ Слободъ Черниговской губерніи спустились тучей на Украину и оживили ея сельскія ярмарки. Этотъ мирный, промышленный набѣгъ, это постоянное вторженіе дѣятельной, живой Великорусской стихіи не только продолжается и по нынѣ, но еще усиливается, съ тою разницею, что бродячее торговое Великорусское племя наконецъ *осѣдаетъ*. По свидѣтельству купцовъ, городскіе центры лѣтъ уже съ 40 тому назадъ стали возрастать, число капиталовъ въ городахъ увеличивается. Но кто же усиливаетъ эти городскіе центры въ Малороссіи? Великорусскіе торговцы. Если прослѣдить происхожденіе всѣхъ сколько-нибудь значительныхъ торговцевъ Украинскихъ городовъ, то окажется, что всѣ они родомъ изъ Калуги, Ельца, Тулы и изъ другихъ чисто Великорусскихъ мѣстъ. Ходебщики Ковровскаго и Вязниковскаго уѣздовъ Владимірской губерніи, извѣстные подъ названіемъ Офеней, исходивъ сторону вдоль и поперекъ и ознакомясь съ нею довольно, приписывались къ городамъ Новороссійскаго края—и большинство Новороссійскаго купечества составлено изъ нихъ. Не гово-

римъ про Сумы и Харьковъ, города, созданные Русскими торговцами, но и въ Полтавѣ, въ Лохвицѣ, въ Лубнахъ — вездѣ ворочаютъ торговлею «фундаментальною», по купеческому выраженію, Великороссіяне; мелкою, розничною — Евреи.

Мы утверждаемъ это — основываясь на разсмотрѣнныхъ нами именныхъ спискахъ купечества во многихъ городахъ Малороссіи и на личныхъ нашихъ разспросахъ, но мы имѣемъ, въ пользу своего мнѣнія, свидѣтельство и за прежнее время. Шафонскій, извѣстный авторъ «Топографическаго Описанія Черниговскаго Намѣстничества», составленнаго въ 1785 и 86 годахъ и изданнаго въ Кіевѣ въ 1851 году, говоритъ на страницѣ 21-й, что «въ Малой Россіи, кромѣ Нѣжинскихъ Грековъ, почти нѣтъ настоящихъ не только оптомъ торгующихъ купцовъ, но ниже порядочныхъ щепетильниковъ. Весь торгъ красныхъ и мелкихъ товаровъ состоитъ въ рукахъ Великороссійскихъ купцовъ, которые ихъ по частымъ ярмаркамъ развозятъ. Хотя же по городамъ — продолжаетъ Шафонскій — особливо въ Кіевѣ, и есть изъ природныхъ тамошнихъ купцы, мелкимъ разнымъ товаромъ торгующіе, но въ сравненіи Великороссійскихъ они весьма малое и недостаточное количество составляютъ.» Далѣе, на 22 страницѣ: «во всей Малой Россіи нѣтъ ни одного купца изъ природныхъ Малороссіянъ, который бы собственнаго денежнаго капитала тысячь 30 имѣлъ.»

Такимъ образомъ Малороссіянинъ самъ почти не двигается съ мѣста, а удовлетвореніе его нуждъ и всѣ торговыя хлопоты приняли на себя Евреи и Великороссіяне. И Жидъ и Москаль тормошатъ его безпрестанно, но туго поддается вліянію послѣдняго упорный бытъ Малороссіянина. Чѣмъ кончится эта внутренняя борьба, оживится ли духъ народа, проявится ли онъ въ промышленности, или на иномъ поприщѣ дѣятельности, уступивъ поле торговли болѣе способному племени, — мы не беремъ на себя разрѣшенія этого вопроса, но указываемъ только на фактъ и предлагаемъ образованнымъ Малороссіянамъ повѣрить наши указанія статистическими изслѣдованіями. Мы полагаемъ, что эти изслѣдованія приведутъ ихъ, между прочимъ, къ такому выводу, что Малороссійскія свободныя, сельское и городовое, сословія переходятъ въ значительномъ размѣрѣ въ сословіе чиновническое, что только

весьма малая часть записывается въ гильдіи, и что изъ записанныхъ въ гильдіи весьма многіе не производятъ никакой торговли.—Впрочемъ, купцовъ мѣстнаго происхожденія еще довольно, а потому считаемъ не лишнимъ прослѣдить главныя характеристическія черты, отличающія Малороссійское купечество отъ Великорусскаго:

1) Въ Малороссіи нѣтъ такого рѣзкаго раздѣленія сословій по занятіямъ, какъ въ Великой Россіи, нѣтъ такого разъединенія, какое существуетъ въ послѣдней, между сословіемъ образованнымъ и простымъ народомъ. У насъ бытъ купеческій, соприкасаясь съ высшими классами общества и въ то же время близкій народу, отлился въ ту особую, странную форму, которая породила типы комедій г. Островскаго. Эти типы совершенно непонятны въ Малороссіи; ничего подобнаго не найдете вы въ Малороссійскомъ купечествѣ Небогатый панъ, казакъ-хуторянинъ, гильдейскій купецъ, мѣщанинъ, всѣ живутъ на одинъ ладъ, однимъ образомъ жизни, говорятъ однимъ языкомъ, подходятъ подъ одинъ общій уровень образованія; вы ихъ никакъ не отличите другъ отъ друга Женщины еще менѣе носятъ на себѣ отпечатокъ своего званія; природная грація, вкусъ къ изящному, художественный складъ мысли, до нельзя доведенная утонченность въ области чувства (чему лучшимъ доказательствомъ служатъ простонародныя пѣсни)—равно присущи всѣмъ Малороссіянкамъ и заслоняютъ недостатокъ образованія; тогда какъ въ Россіи купчиха есть явленіе типическое и рѣзко выдѣляется изъ ряда женщинъ прочихъ сословій.—Въ Россіи существенную примѣту купечества составляютъ уже однѣ бороды; въ Малороссіи всѣ сословія брѣются.—Въ Россіи дворянское происхожденіе напоминаетъ то рѣзкое разграниченіе, которое существовало въ до-Петровской Руси между сословіемъ служилымъ и земскимъ, разумѣя подъ послѣднимъ и торговое; въ Малороссіи само служилое сословіе распалось на служащее (дворянское, чиновничье) и на сельское (казацкое), частью и торговое.

2) Великорусскій купецъ соединяетъ въ себѣ страннымъ образомъ любовь къ подвижности съ любовью къ осѣдлости, жадность къ деньгамъ съ расположеніемъ къ мотовству. Онъ не запираетъ своихъ доходовъ въ дѣдовскій сундукъ, но—

или пускаетъ ихъ въ оборотъ, для увеличенія своего капитала и торговли, или же употребляетъ ихъ на доставленіе себѣ разныхъ удобствъ и пріятностей жизни, разумѣется, съ купеческой точки зрѣнія, напр., любитъ щеголять лошадьми, упряжью, экипажемъ, большой охотникъ строить дома, преимущественно каменные, прочные, правда, не очень изящной архитектуры, но все же доставляющіе нѣкоторую красу городу, чѣмъ Русскій купецъ любитъ похвастать. По всѣмъ трактамъ, соединяющимъ между собою Украинскіе ярмарочные пункты, содержатели постоялыхъ дворовъ и извозщики всегда съ нетерпѣніемъ ждутъ урочнаго веселаго времени, когда поѣдутъ «Московскіе купцы», и долго потомъ ходятъ разсказы и даже преданія о проѣздѣ тороватыхъ гостей, объ ихъ гульбѣ и щедрости подъ пьяную руку. Этой черты вы не встрѣтите въ *купцѣ* Малороссійскомъ. Его бережливость похожа на скаредность; богатый не только не выставляетъ на видъ своего богатства, но прикидывается бѣднякомъ [1]) и вообще не склоненъ къ благотворительности.—Великорусскіе купцы, круглый годъ перекочевывающіе на Украинѣ съ ярмарки на ярмарку, нерѣдко покупаютъ себѣ дома въ разныхъ ярмарочныхъ пунктахъ, отстроиваютъ ихъ и отдѣлываютъ, тогда какъ Малороссійскіе купцы, даже богатые, довольствуются маленькими хатками и домиками, деревянными или слѣпленными изъ глины и хвороста. Великорусскіе купцы, если только позволяютъ средства, стараются, въ мѣстахъ своей торговли, обзавестись постоянными каменными лавками или покрыть желѣзомъ деревянныя... Вы найдете каменные гостинные дворы и въ Харьковѣ, и въ Сумахъ, и въ Коренной Пустыни, словомъ, вездѣ, гдѣ силенъ Великорусскій торговый элементъ. Напротивъ того, въ Кролевцѣ нѣтъ вовсе ни деревянныхъ, ни каменныхъ лавокъ; въ Ромнѣ— старые ветхіе деревянные ряды.—Въ г. Лохвицѣ (Полт. губ.) стоитъ небольшой деревянный гостинный дворъ, поражающій каждаго своею пестрою крышею: нѣкоторыя лавки крыты желѣзомъ, другія, въ связи съ ними, деревомъ. Вы можете смѣло предположить, что первыя принадлежатъ Ве-

---

[1]) Есть даже выраженіе на Малороссійскомъ нарѣчіи: бидкаться; говорится: „купець бидкаеться", т. е. прикидывается бѣднякомъ.

ликорусскимъ, вторыя—Малороссійскимъ купцамъ, и не ошибетесь: оно точно такъ на самомъ дѣлѣ.—Нѣтъ ничего печальнѣе вида настоящихъ Малороссійскихъ городовъ. Кролевецъ, въ которомъ 200 лѣтъ сряду производится ежегодный богатый ярмарочный торгъ, доставляющій жителямъ значительныя выгоды отъ отдачи въ наемъ квартиръ и лавочныхъ мѣстъ, Кролевецъ—жалкая деревня въ сравненіи съ Нѣжиномъ или Путивлемъ, отстоящимъ не далѣе 50 верстъ отъ Кролевца: но Путивль городъ Великорусскій, а Нѣжинъ обстроенъ Греками. Скажутъ можетъ быть, согласно съ авторомъ Описанія Харьковскаго Намѣстничества, что «ярмарки исторгаютъ изъ городовъ существительную ихъ душу;» но мы укажемъ на г. Сумы (Харьк. губ.), который былъ обязанъ своимъ значеніемъ *единственно* двумъ своимъ ярмаркамъ и находился въ условіяхъ менѣе выгодныхъ, чѣмъ Роменъ и Кролевецъ. Между тѣмъ въ г. Сумахъ 97 каменныхъ домовъ, кромѣ лавокъ, и 69 купеческихъ капиталовъ; въ Кролевцѣ, котораго ярмарка превышала оборотами обѣ Сумскія—ни одного каменнаго дома и капиталовъ только 12; въ Ромнѣ, знаменитомъ ярмарочномъ пунктѣ, три ярмарки котораго въ 15 разъ сильнѣе Сумскихъ,—всего 13 каменныхъ домовъ и 76 капиталовъ, включая и Еврейскіе; изъ числа же мѣстныхъ торговцевъ едвали не самый сильный—Великорусскій купецъ изъ г. Сумъ, имѣющій въ Ромнѣ постоянную лавку. Все это можетъ быть объяснено только тѣмъ, что Кролевецъ и Роменъ—города Малороссійскіе, гдѣ преобладаетъ и духъ Малороссійскій, а г. Сумы создался подъ воздѣйствіемъ Великорусской торговой стихіи, на почвѣ *не* Малороссійской, ибо Харьковская губернія или Слободская Украина еще вовсе не Малороссія... Но объ этомъ мы распространимся подробнѣе въ статьѣ о Харьковѣ.

3) Другое существенное различіе между Великорусскимъ и Малороссійскимъ купцомъ заключается въ самомъ способѣ торговли. Во 1-хъ, Малороссіянинъ почти никогда не торгуется, а держится, при продажѣ, одной опредѣленной цѣны, которая, разумѣется, условливается торговыми обстоятельствами, но большею частью назначается съ честною умѣренностью. Мы нарочно наблюдали простыхъ Малороссіянъ и Великорусскихъ, Владимірскихъ или Ярославскихъ тор-

говцевъ на ярмарочныхъ рынкахъ. Что стоитъ вещь, напримѣръ, гусь? спрашиваете вы.—«Тридцать шаговъ»[1]), отвѣчаетъ вамъ, сидя, Малороссіянинъ. — «Вотъ тебѣ гривенникъ», говорите вы, по русской привычкѣ торговаться... «И то грóши» (т. е. деньги), отвѣчаетъ флегматически Малороссіянинъ и отворачивается въ сторону. Напротивъ того, Великорусскій торговецъ тотчасъ распознаетъ своего покупателя по платью, по рѣчи, по пріему, мигомъ смекнетъ. должно ли сдѣлать ему «уваженіе», т. е. уступить, или стянуть съ него вдвое болѣе настоящей цѣны. Онъ продаетъ иногда такъ дешево, что приводитъ въ совершенное недоумѣніе и негодованіе Малороссіянина, торгующаго съ нимъ однородными товарами, и у котораго онъ отбиваетъ покупателей. Малороссіянинъ не понимаетъ, какая можетъ быть выгода въ такой торговлѣ, и иногда лукаво подсмѣивается, думая, что вотъ-вотъ Москаль лопнетъ! Москаль посмѣивается въ свою очередь и ждетъ только «случая», а при случаѣ съ лихвой вознаграждаетъ себя за всѣ потери. Мы вовсе не защищаемъ этого способа, но должны сознаться, что онъ привлекаетъ покупщиковъ.—Великорусскій торговецъ никакъ не понимаетъ, отчего для бѣднаго не сбавить цѣны, и отчего не заставить богатаго заплатить дороже. — Во 2-хъ, Малороссійскій купецъ *никогда не кредитуетъ*, кромѣ рѣдкихъ исключеній, тогда какъ вся Русская торговля основана на самомъ дерзкомъ. безумномъ кредитѣ, на самомъ отчаянномъ рискѣ. Мы еще будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ о кредитѣ въ Русской торговлѣ, кредитѣ не обуздываемомъ никакими банкротствами; но очевидно, что купецъ не кредитующій долженъ ограничиваться самою умѣренною, хотя и вѣрною, прибылью, и что безъ предпріимчивости, безъ отважнаго риска, нельзя ожидать большаго успѣха въ торговлѣ.

Перейдемъ теперь къ историческому обзору прежней ярмарочной системы и посмотримъ, какимъ образомъ перешла она къ системѣ настоящаго времени.

Въ то время, когда Малороссія была дѣйствительно Украиной, т. е. пограничною стороной, когда Россія не имѣла

---

[1]) Шагъ—значитъ 2 мѣдныхъ ассигнаціонныхъ копѣйки, по старому счету грошъ.

портовъ ни въ Балтійскомъ, ни въ Черномъ, ни въ Азовскомъ морѣ, вся торговля Россіи съ чужими краями производилась, кромѣ Архангельска, черезъ Украину и черезъ Польшу, которая сама была для Россіи государствомъ иностраннымъ. Понятно, что вся торговая дѣятельность стекалась къ границамъ и что пограничныя ярмарки имѣли тогда особенно важное значеніе. Этими ярмарками славились тогда Кролевецъ, Роменъ и Нѣжинъ. Янъ Казиміръ, король Польскій, въ 1664 году велѣлъ выстроить крѣпость уже въ существовавшемъ тогда сотенномъ мѣстечкѣ Кролевцѣ, съ тѣмъ,—объясняетъ рукописное описаніе Новгородъ-Сѣверскаго Намѣстничества [1]),—чтобы «купечество Малороссійское соединить вмѣстѣ со Шлезіей для способности торговъ». Это послужило къ учрежденію Крестовоздвиженской ярмарки, существующей и доселѣ. Богданъ Хмельницкій, говоритъ та же рукопись,—«желая пріохотить къ торговлѣ въ Малороссіи», вызвалъ Грековъ и универсаломъ, даннымъ въ Чигиринѣ 1657 года Мая 2-го, освободилъ ихъ отъ всѣхъ службъ и повинностей: въ Нѣжинѣ завелись сильныя ярмарки, особенно одна подъ названіемъ Всеѣдной, которая прекратилась только въ 1847 году. — Роменъ издревле былъ славенъ двумя своими ярмарками, Вознесенскою и Ильинскою: сюда съѣзжались Великорусскіе, Польскіе и Малороссійскіе купцы, Нѣжинскіе Греки, Волохи и Нѣмцы изъ Гданска и Любека.—По присоединеніи лѣвой стороны Днѣпра къ Россіи, Малороссія сохранила свою особую систему пошлинъ (индуктъ и эвекцій) и была отдѣлена отъ Россіи таможенными заставами, которыя находились въ Брянскѣ и Сѣвскѣ. Въ соотвѣтствіе пограничнымъ Малороссійскимъ ярмаркамъ— были ярмарки и Великорусскія: Свинская, близъ Свинскаго или Свенскаго, какъ теперь его называютъ, монастыря, въ 2-хъ верстахъ отъ Брянска, и Коренная въ 27 верстахъ отъ Курска. Послѣдняя, впрочемъ, до половины XVIII вѣка имѣла, какъ кажется, значеніе преимущественно для Русской Украины [2]).

---

[1]) Рукопись находится въ Черниговѣ. Авторъ тотъ же Шафонскій, который составлялъ описаніе и Черниговскаго Намѣстничества.

[2]) Извѣстно, что названіе Украины оффиціально усвоено было всѣмъ

Въ указѣ 1689 г. [1]), которымъ вѣсовыя пошлины на Свинской ярмаркѣ жаловались Кіевопечерскому монастырю, упоминается, что сборъ «вѣсчаго» производился Брянскимъ таможеннымъ головою и цѣловальниками, а въ указѣ 1700 г. [2]),— что для сбора пошлинъ съ Макарьевской и Свинской ярмарокъ посылались нарочно бурмистры изъ Московской ратуши. Когда Петръ I добылъ Азовъ, то указомъ 1701 года Марта 14-го [3]) повелѣлъ: «Свинской ярмаркѣ въ 1701 г. быть по прежнему, а впредь ей не быть. А пріѣзжать для торга Грекамъ въ Азовъ, а Полякамъ въ Смоленскъ, а Русскимъ для торга съ ними пріѣзжать въ тѣ же мѣста, а въ Азовѣ ярмаркѣ быть Августа 20 числа». Это распоряженіе въ 1711 году [4]) было отмѣнено и предписано: «Свинской ярмаркѣ быть по прежнему». — Видно, что Макарьевская (нынѣ Нижегородская), Кролевецкая и Свинская ярмарки были въ торговомъ соотношеніи между собою, ибо съ 1728 года по 1757 годъ включительно мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ указовъ, переставливающихъ сроки этихъ 3-хъ ярмарокъ. Указомъ 1728 года Іюля 10-го [5]) велѣно купцамъ на Макарьевскую ярмарку съѣзжаться къ 27 Іюня и оканчивать торгъ 8 Іюля, дабы поспѣвать къ Свинской ярмаркѣ, которой начинаться 1-го и оканчиваться 15 Августа, ибо, сказано въ указѣ — «нынѣ Макарьевская ярмарка начинается 8 Іюля и бываетъ до 20-го и долѣе, съ которой Русскіе купцы съ товарами на Свинскую ярмарку могутъ поспѣть не ранѣе 15 Августа, а Греки, Поляки и другіе иностранные по прежнему обыкновенію пріѣзжаютъ къ 1 Августа и, не дождавъ Русскихъ купцовъ, отъѣзжаютъ на Кролевецкую, которая начинается Сентабря 1-го, а по отъѣздѣ ихъ, Русскіе купцы, пріѣхавъ на Свинскую ярмарку и видя, что много изъ чужестранныхъ нѣтъ, ѣдутъ

пограничнымъ мѣстамъ Россіи, въ томъ числѣ нынѣшнимъ Курской и Тамбовской губерніямъ, наконецъ, осталось въ оффиціальномъ употребленіи только за Малороссіей и за Харьковскою губерніей, которая, въ отличіе отъ Малороссійской Украины, называлась Слободскою.

1) Полн. собр. законовъ, т. II, № 993.

2) Тамъ же, т. IV, № 1816.

3) Тамъ же, № 1840.

4) Тамъ же, № 2387.

5) Тамъ же, т. VIII, № 5306.

на Кролевецкую также, и отъ того пошлинамъ на Свинской ярмаркѣ чинится умаленіе». По мѣрѣ усиленія Русской торговли, усиливался и пріѣздъ на Кролевецкую ярмарку, тѣмъ болѣе, что она, находясь въ чертѣ Малороссіи, подлежала особымъ условіямъ, да и пошлины въ Малороссіи были дешевле. Значительный недоборъ пошлинъ на Свинской ярмаркѣ заставилъ Сенатъ перевести срокъ Кролевецкой, вмѣсто Сентября, на Декабрь. Это распоряженіе возбудило протестъ члена Войсковой Канцеляріи князя Антона Ивановича Шаховскаго, который донесъ Сенату, что упадокъ Свинской ярмарки происходитъ отъ чрезмѣрныхъ пошлинъ на товары: Брянская таможня съ своей стороны также признавала необходимымъ понизить пошлины до уровня Малороссійскаго тарифа. Сенатъ, возстановивъ прежніе сроки, предписалъ Камеръ-и Коммерцъ-Коллегіямъ обсудить вопросъ о пошлинахъ особо. Тринадцать лѣтъ продолжалась переписка между Коллегіями, наконецъ онѣ представили мнѣніе, которое и было утверждено Сенатомъ, о назначеніи срока Кролевецкой ярмарки въ Декабрѣ; для того же, чтобъ никто—сказано въ указѣ—на Кролевецкой раньше срока не торговалъ, «послать офицера съ командой». Однакоже Малороссійскій депутатъ генеральный хорунжій Ханенко и бунчуковый товарищъ Василій Гудовичъ успѣли выхлопотать перемѣну срока съ 1 декабря на 15 Октября. Въ 1753 году Декабря 20-го состоялся знаменитый указъ Императрицы Елисаветы объ отмѣнѣ всѣхъ внутреннихъ таможенъ и всякаго внутренняго таможеннаго сбора. Тогда на просьбу жителей Кролевца, изложенную въ ходатайствѣ гетмана графа Разумовскаго, о возстановленіи стараго сентябрскаго срока, Сенатъ отвѣчалъ, что прежняя перемѣна сроковъ происходила изъ видовъ сохраненія пошлинъ, сбираемыхъ на Свинской ярмаркѣ, и что теперь нѣтъ никакой надобности отмѣнять старые сроки; что же касается до помѣшательства, которое можетъ отъ того произойти для Свинской ярмарки, — прибавляетъ Сенатъ,—то купцы могутъ «яко для собственной своей выгоды ѣздить и торговать на Кролевецкой [1])». Такимъ обра-

[1]) См. полн. собр. законовъ т. IX №№ 6583, 6964; т. XIII №№ 9609, 9663, 9958; т. XIV, № 10695.

зомъ. Кролевецкая ярмарка существуетъ и понынѣ, начинаясь въ тотъ же сентябрскій срокъ; Свинская августовская ярмарка уничтожилась, но вмѣсто нея возникла Свинская Покровская ярмарка, которая не значится ни въ какихъ оффиціальныхъ спискахъ, но которая чрезвычайно важна не сборомъ народа и живостью раздробительной продажи, а съѣздомъ капиталистовъ и купцовъ, торгующихъ саломъ, коноплей, пенькой и другими такъ-называемыми портовыми, т. е. отпускаемыми въ порты товарами: товаровъ на этой ярмаркѣ почти не бываетъ, а привозятся только образцы.—Съ уничтоженіемъ внутреннихъ пошлинъ торговля оживилась, а вмѣстѣ съ нею и ярмарки, значеніе которыхъ для иностранной торговли во 2-й половинѣ XVIII вѣка особенно усилилось: торговля Балтійскихъ портовъ была еще очень слаба; Черноморскіе и Азовскіе порты были только что присоединены; Новороссійскій край былъ еще пустыней; Германія еще первенствовала тогда по части шерстяныхъ мануфактурныхъ произведеній, Англійскія и Американскія филатуры были еще въ младенческомъ состояніи: пряденая бумага и хлопокъ доставлялись тогда въ Россію изъ Турціи. Вотъ въ какомъ видѣ представляется ярмарочная торговля послѣ 1780 года, по свидѣтельству Шафонскаго, Зуева, Щекатова, и другихъ [1]), и вотъ оптовыя Украинскія ярмарки, посѣщавшіяся тогда Русскимъ купечествомъ:

1) Нѣжинскія *Всеѣдная* и *Покровская*: Нѣжинъ былъ тогда въ цвѣтущемъ состояніи, Нѣжинскіе Греки производили обширную торговлю. Изъ Россіи на ярмарки привозились мѣха, покупавшіеся во множествѣ въ Турцію, и вообще мягкая рухлядь. Русскія льняныя, пеньковыя и шерстяныя издѣлія, изъ грубой шерстяной пряжи, коломянки, холсты, тики, съ Волги, Дона и Днѣпра рыба свѣжая, соленая и вяленая, изъ Крыма соль и овчины; нѣкоторые колоніальные и иностранные мануфактурные товары, привозимые въ Петербургскій портъ, доставлялись сюда Московскими куп-

---

[1]) См. въ Черниговскихъ губ. вѣд. статью г. Китченка о прежней торговлѣ въ Малороссіи; записки Василія Зуева, отъ С.-Петербурга до Херсона, —Спб. 1787 г.: Щекатова. географ. словарь, Москва, 1801 г.

цами, но большая часть иностранныхъ товаровъ получалась черезъ сухопутную границу: изъ Гданска (Данцига), Кенигсберга, изъ Граца (сѣнокосныя косы), изъ Бреславля (Силезскія сукна) и проч.; изъ Италіи, чрезъ Венгрію и Польшу, разные Венеціанскіе шелковые товары; изъ Турціи, чрезъ Молдавію и Польшу: изъ Янина шелкъ вареный, изъ Турнова красные кумачи, изъ Адріанополя и Филиппополя шелкъ сырецъ, хлопокъ, пряденая бумага, изъ Архипелага разныя вина, бакалія, деревянное масло. Изъ Русскихъ купцовъ—особенно дѣятельное участіе принимали въ торговлѣ: Московскіе, Болховскіе, Бѣлевскіе и старообрядческихъ Слободъ Черниговской губерніи.

2) Крестовоздвиженская ярмарка въ Кролевцѣ:—мы уже говорили о ней выше.

3) Вознесенская и Ильинская ярмарки въ Ромнѣ, принадлежавшемъ, до учрежденія Черниговскаго Намѣстничества, къ Лубенскому полку. «Ильинская наипаче славна»—говоритъ словарь Щекатова—,«пріѣзжаютъ купцы изъ разныхъ Русскихъ городовъ и иностранные съ шелковыми, бумажными, гарусными, серебряными и прочими товарами, а особливо великій торгъ и отпускъ бываетъ отсюда табаку, котораго здѣсь сѣется великое количество».

4) Курскъ, по свидѣтельству путешественника Зуева и словаря Щекатова, былъ тогда знаменитъ своею торговлею, своими сношеніями съ заграничными купцами и съ Лейпцигскими ярмарками. Въ 1781 году въ одномъ г. Курскѣ было 1,070 душъ м. п. купцовъ, тогда какъ въ то же время во всемъ Черниговскомъ Намѣстничествѣ было 834 души купцовъ м. п., изъ коихъ 535 Великороссіянъ и 299 Малороссовъ [1]). На Коренной ярмаркѣ, кромѣ иностранныхъ товаровъ, закупались Москвою во множествѣ: медъ, пенька, сало, воскъ, конопляное масло, щетина, рогатый скотъ и лошади. Она была важна и для иностранныхъ и для Малороссійскихъ произведеній: соприкасаясь съ Малороссіей, она въ то же время состояла въ связи съ Макарьевскою и, черезъ нее, съ Ирбитскою ярмарками. Курскъ былъ тогда цен-

---

1) Описаніе Черниг. Намѣстничества. Шафонскаго.

тральнымъ пунктомъ между Западомъ и Востокомъ Россіи, между Москвою и Югомъ.

5) Сборная и Введенская ярмарки въ г. Сумахъ вполнѣ примыкали къ системѣ названныхъ нами ярмарокъ и—для торговли иностранными товарами — имѣли тогда гораздо болѣе значенія, чѣмъ Харьковскія.

6) Изъ нынѣшнихъ 4-хъ Харьковскихъ ярмарокъ только двѣ производили довольно обширный торгъ Русскими товарами; Троицкая и Покровская были совершенно ничтожны.

Съ послѣднимъ раздѣломъ Польши, а потомъ съ присоединеніемъ Бессарабіи, Русская сухопутная граница отодвинулась; усиленіе Американской и Англійской мануфактурной дѣятельности и распространившееся употребленіе бумажныхъ тканей — ослабили значеніе Германскихъ мануфактуръ. Петербургъ, Рига, Одесса и Таганрогъ перетянули къ себѣ всю внѣшнюю торговлю Россіи. Новороссійскій край населился; воздвигались города, куда переходило торговое Великорусское племя. — Все это сильно подѣйствовало на Украинскую ярмарочную торговлю. Малороссія перестала быть Украиной, а сдѣлалась срединной землей между Великою и Новою Россіей; открылся новый рынокъ для сбыта Русскихъ товаровъ, новый обильный рудникъ сырыхъ произведеній. Въ самомъ дѣлѣ, съ тѣхъ поръ, какъ Новороссійскій край зажилъ самостоятельною дѣятельною жизнью, Малороссія видимо обѣднѣла [1]). Не имѣя ни фабрикъ, ни заводовъ, по недостатку топлива и способнаго населенія, вся эта сторона между Днѣпромъ и Дономъ богата была хлѣбопашествомъ, скотоводствомъ, овцеводствомъ, пчеловодствомъ, садоводствомъ, табачною промышленностью и винокуреніемъ. Хлѣба родится *«богато»*, какъ говорится по Малороссійски, но куда сбыть его? Въ Новороссійскій край? но онъ не только изобилуетъ хлѣбомъ, онъ отпускаетъ его и за границу въ огромномъ количествѣ. Къ Черноморскимъ и Азовскимъ портамъ? Но провозъ дорогъ и неудобенъ: Днѣпръ вполнѣ судоходенъ только до Кременчуга, а съ

[1]) Въ статьяхъ гг. Лялина и Раковича, помѣщенныхъ въ журналѣ Министерства Государственныхъ Имуществъ за 1844 г., мы находимъ превосходную картину промышленнаго положенія Малороссіи.

Кременчуга судоходство затруднено порогами и сопряжено съ опасностью. Случается, что въ то время, когда въ Херсонской губерніи покупають пшеницу за 8. за 10 руб. сер., въ средней Малороссіи платять за нее же три, а въ сѣверной и вовсе нѣтъ покупателей. Обширныя богатыя пастбища Новороссійскаго края упрочили за нимъ скотоводство: содержаніе скота тамъ дешево и способствуетъ размноженію, а размноженіе понижаетъ цѣны, что невыгодно для сбыта скота Малороссійскаго, котораго содержаніе обходится дорого, ибо, при густомъ населеніи Малороссіи, сѣно съ каждымъ годомъ поднимается въ цѣнѣ. Такой же перевѣсъ на сторонѣ Новороссійскаго края оказывается и по овцеводству, составляющему главный доходъ южныхъ степныхъ имѣній. Сады Курской и Орловской губерній уничтожили фруктовый промыселъ въ Малороссіи. Пчеловодство также упадаетъ вслѣдствіе истребленія лѣсовъ и луговъ и тѣсноты народонаселенія. Остается одно табаководство, которое производится въ довольно обширномъ видѣ, но—по дешевизнѣ цѣнъ—стоитъ не на высокой степени развитія. Самый естественный сбытъ для Малороссійскаго хлѣба—винокуреніе; самый богатый ея товаръ—вино... Но винокуреніе затруднено высокимъ акцизомъ, сбытъ вина въ непривилигированныя губерніи загражденъ откупщичьими заставами. — Понятно, что въ виду такого богатаго новаго рынка, какимъ явился Новороссійскій край, торговая ярмарочная дѣятельность должна была подвигаться ближе къ Югу: Харьковъ сталъ усиливаться, Харьковскія ярмарки пересилили Сумскія; кажется, въ это время—мы не имѣемъ положительныхъ данныхъ—сама собою уничтожилась Покровская ярмарка въ Нѣжинѣ и мѣсто ея заняла Покровская же ярмарка въ Харьковѣ.

Таково было положеніе дѣлъ до изданія тарифа 1822 года. Никакая правительственная мѣра въ Россіи не произвела такого переворота въ быту промышленномъ, какъ этотъ знаменитый тарифъ. Московская, Владимірская, Костромская губерніи образовали цѣлый мануфактурный округъ; цѣлое народонаселеніе получило иное, фабричное направленіе; сотни тысячъ рукъ пришли въ движеніе, сотни фабрикъ выбрасывали ежедневно массы произведеній, требовавшихъ сбыта. Украина и Новороссійскій край представлялись

готовымъ, обширнымъ рынкомъ; на него устремились взоры промышленниковъ, и вся прежняя система Украинскихъ ярмарокъ замѣшалась; значеніе ярмарочныхъ пунктовъ перестановилось. Города и ярмарки, нѣкогда сильные торговлею иностранными товарами, упали (Курскъ, Нѣжинъ, Коренная, Всеѣдная) и, напротивъ того, быстро усилились тѣ ярмарки, которыя и прежде были важны для сбыта Русскихъ товаровъ, тѣ пункты, которые были ближе къ новому рынку и отдаленнѣе отъ соперничества иностранныхъ товаровъ и контрабанды.— Главнымъ, господствующимъ товаромъ стали *красные* или Русскія мануфактурныя произведенія; они дали смыслъ, жизнь и направленіе всей ярмарочной торговлѣ, и по свойству товара, раздѣлили и ярмарки на лѣтнія и на зимнія; ярмарки получили значеніе не по отпуску отсюда мѣстныхъ сырыхъ произведеній, а по привозу товаровъ съ Сѣвера. Первостатейными ярмарками стали—зимняя Крещенская и лѣтняя Ильинская. Чтобы разомъ поставить читателя на настоящую точку зрѣнія относительно важности Украинскихъ ярмарокъ, скажемъ, во 1-хъ, что сбытъ на этихъ ярмаркахъ Русскихъ мануфактурныхъ произведеній простирается на сумму до 22 милліоновъ рублей серебромъ, составляя около трети общей стоимости производства всѣхъ Русскихъ мануфактуръ и превышая вдвое сбытъ красныхъ товаровъ на Нижегородской ярмаркѣ: во 2-хъ, что на главныхъ Украинскихъ ярмаркахъ открывается до 200 лавокъ, производящихъ оптовую торговлю мануфактурными товарами, и что изъ числа этихъ 200 №№ до 150-ти приходится на долю самихъ *производителей-фабрикантовъ*, предлагающихъ товаръ изъ первыхъ рукъ, безъ посредничества купцовъ.—Въ 1846 или 1847 году сами собой уничтожились ярмарки Сборная въ Сумахъ и Всеѣдная въ Нѣжинѣ, и возникла Маслянская въ Ромнѣ; въ 1852 году Ильинская ярмарка изъ Ромна передвинута въ Полтаву. Съ тѣхъ поръ перемѣнъ еще не было, и мы разсмотримъ Украинскую ярмарочную систему въ современномъ ея положеніи.

Начнемъ со Введенской ярмарки въ городѣ Сумахъ.—Сумы отъ Москвы 647, отъ Харькова 170 верстъ. Оффиціальные сроки ярмарки—21 Ноября и 6 Декабря, но она начинается нѣсколько раньше и кончается нѣсколько позже. Товары,

ѣдущіе изъ Москвы на Крещенскую, заѣзжаютъ сюда по дорогѣ, пользуясь удобнымъ зимнимъ путемъ; ярмарка имѣетъ свои особенности, которыя мы излагаемъ въ особой статьѣ посвященной ея описанію; здѣсь замѣтимъ только, что она быстро падаетъ и, вѣроятно, въ скоромъ времени исчезнетъ совсѣмъ, ибо становится вовсе ненужною при усиленіи—и окружающихъ Сумы городовыхъ центровъ, и мѣстной торговли въ самомъ г. Сумахъ. — Со Введенской ярмарки товары идутъ въ Харьковъ на Крещенскую, а купцы успѣваютъ съѣздить домой, провести дома первые Рождественскіе праздники и вернуться въ Харьковъ.—Крещенская начинается 6 Января и продолжается мѣсяцъ; но конный торгъ открывается за мѣсяцъ до красноряднаго, еще въ первой половинѣ Декабря. Крещенская — самая сильная изъ всѣхъ Украинскихъ ярмарокъ. До 100 тысячъ подводъ, фуръ, возовъ и саней привозятъ разнообразные товары изъ разныхъ концовъ Россіи, изъ Нижегородской губерніи, изъ Бессарабіи, съ Кавказа и изъ Риги. Сюда стекается полный комплектъ ярмарочныхъ торговцевъ, продавцовъ и покупателей, здѣсь главный складъ товаровъ, назначаемыхъ для кочеванья по Украинскимъ ярмаркамъ. На Харьковскихъ ярмаркахъ и на Сумской Евреи не имѣютъ права торговли, т. е. имъ позволяется являться для покупокъ, но безъ товаровъ и не для продажи. — Крещенская кончилась. Опять укладываются товары, нагружаются подводы и длинная вереница обозовъ выступаетъ по направленію къ Ромну. Прикащики ѣдутъ на почтовыхъ или на «вольныхъ»; постоялые дворы оживляются и хозяева съ радостью привѣтствуютъ тороватыхъ Московскихъ торговцевъ, купцы спѣшатъ въ Ромень, на Масляную ярмарку (отъ Харькова 260 верстъ), куда въ это же время высылается небольшая часть свѣжихъ товаровъ и изъ Москвы. Здѣсь кстати замѣтимъ, что по красноряднской торговлѣ дѣлается къ каждой ярмаркѣ новый подвозъ товаровъ, прямо съ мѣста, кромѣ остатковъ, пересылаемыхъ отъ ярмарки на ярмарку. Прежде купцы ѣздили изъ Харькова сначала на Всеѣдную въ Нѣжинъ, потомъ на Сборную (т. е. въ Сборное Воскресенье, на 1-й недѣлѣ поста) въ Сумы, но съ 1846 г. они сами выхлопотали себѣ Масляную ярмарку въ Ромнѣ, которая, убивъ разомъ обѣ

упомянутыя ярмарки, представляла для нихъ ту выгоду, что сокращала лишніе расходы и разъѣзды, находилась въ серединѣ между обоими городами и была третьею ярмаркою въ Ромнѣ, слѣдовательно въ одномъ и томъ же пунктѣ. Казалось бы, что на этой второстепенной, такъ-сказать вспомогательной, ярмаркѣ должны были бы торговать не пріѣзжіе изъ Москвы оптовые купцы, но мѣстные торговцы... Нѣтъ, Московское купечество считаетъ полезнымъ для себя имѣть ярмарку и въ этой сторонѣ, ближе къ Западу, навѣстить самого покупателя, которому обстоятельства не позволили пріѣхать на Крещенскую. Къ тому же эта ярмарка важна участіемъ въ ней Евреевъ, которые покупаютъ товаровъ много и большею частію за наличныя деньги. Поэтому на Масляной въ Ромнѣ являются опять сами фабриканты и главные оптовые ярмарочные купцы, только, разумѣется, въ меньшемъ числѣ, чѣмъ на Крещенскую. Оффиціальные сроки Масляной ярмарки—съ 17 по 24 Февраля, но она продолжается не менѣе 2-хъ недѣль. Въ это время года въ Малороссіи нерѣдко уже начинается весна, земля распускается, дороги становятся непроѣздными. лошади тонутъ въ грязи, обозы вязнутъ и останавливаются; по всей дорогѣ отъ Харькова къ Ромну встрѣчаете вы растерянные товары... Но такова видно нужда торговая, что она заставляетъ купцовъ преодолѣвать всѣ препятствія, поставляемыя природой, переносить всѣ невзгоды, хлопоты и даже убытки, для того чтобъ не лишиться покупателей: «Нельзя, — говорятъ купцы, — покупатель, что заведенная пружина; вотъ онъ явится на ярмарку, да не найдетъ *своего* купца, такъ обратится, пожалуй, къ тому, кто пріѣхалъ раньше, да такъ за нимъ и останется!» — Таково было состояніе дорогъ въ Февралѣ 1858 года, что ярмарка не состоялась, т. е. товары прибыли уже послѣ льготнаго срока, и купцы, особенно краснорядскіе, чтобъ не потерпѣть большихъ убытковъ, должны были объявить капиталъ, т. е. заплатили гильдейскія пошлины за право торговли, и торговали уже не какъ ярмарочные, а какъ «иногородные».—Отторговавъ на Масляной, купцы разъѣзжаются по домамъ, оставляя часть товаровъ въ Ромнѣ — до Вознесенской ярмарки, а часть обращая назадъ въ Харьковъ. Нѣкоторые же посылаютъ

товары заранѣе въ г Елисаветградъ для Георгіевской ярмарки (21 Апрѣля). Эта послѣдняя ярмарка возникла лѣтъ 25 тому назадъ, не болѣе; т. е. она существовала и прежде, но въ разрядъ оптовыхъ Украинскихъ ярмарокъ вошла не ранѣе этого времени. Она и теперь не имѣетъ большой важности, слабѣе всѣхъ прочихъ, даже Сумской ярмарки, но она все-таки замѣчательна тѣмъ во 1-хъ, что сюда является человѣкъ до 20 или нѣсколько болѣе фабрикантовъ изъ Москвы, и вообще изъ Великорусскаго мануфактурнаго округа; во 2-хъ, что Русскихъ мануфактурныхъ товаровъ продается на этой ярмаркѣ на 750 т. р. сер.; въ 3-хъ наконецъ, что она есть лучшее доказательство стремленія торговли на Югъ, къ Новороссійскому рынку, несмотря на отдаленность Елисаветграда, неудобства и дороговизну провоза. Елисаветградъ отстоитъ 300 верстъ отъ Ромна и 374 отъ Харькова. Кажется, объ этой ярмаркѣ нѣтъ никакихъ свѣдѣній въ гражданскомъ вѣдомствѣ, потому что Елисаветградъ, состоя въ округѣ военныхъ поселеній, не подчиненъ гражданскому начальнику Херсонской губерніи, а управляется военными чиновниками, подъ главнымъ начальствомъ Департамента Военныхъ Поселеній. — Съ Елисаветградской ярмарки остатки вновь везутся, частію въ Харьковъ, а частію опять въ Роменъ на Вознесенскую ярмарку. Она слабѣе Масляной и продолжается недолго (однако-же дней 10), потому что купцы торопятся, кто въ Курскъ на Коренную, кто въ Харьковъ на Троицкую, а нѣкоторые стараются попасть и на обѣ.—Троицкая ярмарка, несмотря на свое названіе, имѣетъ опредѣленный срокъ, 1 Іюня. Она исключительно шерстяная: ея спеціальность—торгъ шпанскою шерстью, перегонною и мытою, простирающійся на полтора милліона рублей серебромъ; въ этомъ отношеніи она занимаетъ первое мѣсто въ ряду шерстяныхъ ярмарокъ Россіи. Торговцы называютъ ее также *«панскою»*, потому что производители и продавцы товара — *паны*, помѣщики, для которыхъ шерсть составляетъ главную статью дохода. Выручивъ за шерсть наличныя деньги, они закупаютъ у здѣшнихъ розничныхъ торговцевъ все нужное для своего домашняго обихода: Троицкая ярмарка есть самое лучшее время для Харьковской розничной торговли. Для покупки шерсти являются

сюда большею частію сами суконные фабриканты, Австрійскіе и Прусскіе купцы, Бердичевскіе Евреи, а также и нѣкоторые Русскіе торговцы.

Коренная ярмарка начинается обыкновенно въ 9-ю пятницу послѣ Пасхи и считается у купцовъ *горячею* ярмаркою; т. е. она, по ихъ выраженію, *разыгрывается* въ нѣсколько дней; разумѣется, это относится только къ капитальному ярмарочному товару, т. е. къ мануфактурнымъ произведеніямъ. Тѣмъ не менѣе ярмарка продолжается дней 10, а съ пріѣздомъ и разъѣздомъ болѣе 2-хъ недѣль. Мы уже сказали выше, что, съ ослабленіемъ нашей внѣшней сухопутной торговли, значеніе Курска упало; съ изданіемъ тарифа оно понизилось еще болѣе, а съ движеніемъ торговли на Югъ, къ Новороссійскому рынку—утратилось и значеніе Коренной ярмарки, какъ пограничнаго Великорусскаго ярмарочнаго пункта. Это мѣсто занялъ теперь Харьковъ и весьма понятно почему обороты Коренной ярмарки уменьшаются съ каждымъ годомъ и она быстро клонится къ упадку. Евреевъ на этой ярмаркѣ не бываетъ; покупателю съ Юга нечего и ѣздить, потому что онъ имѣетъ въ виду Вознесенскую и Ильинскую ярмарки; остаются, какъ говорятъ купцы, одни покупатели *обапольные*, т. е. изъ ближайшихъ окрестныхъ мѣстъ. Особенность ея заключается въ томъ, что она стоитъ, такъ сказать, на краю Украинскаго ярмарочнаго колеса, на границѣ двухъ системъ: чрезъ нее Украинскія ярмарки соприкасаются съ системою ярмарокъ сѣверовосточныхъ, т. е. Ростовской въ Ярославской губерніи, Нижегородской и Ирбитской. Сюда является много такихъ купцовъ и фабрикантовъ, которые далѣе Коренной на Югъ не ѣздятъ, а отправляются отсюда прямо на Нижегородскую. Разумѣется, и изъ прочихъ фабрикантовъ, торгующихъ на Украинѣ, бóльшая часть также посылаетъ свои товары въ Нижній-Новгородъ, но не изъ Украины, а прямо съ мѣста, такъ что эти два рынка ничего общаго у нихъ между собою не имѣютъ.—Такъ какъ «покупатель» на Коренной ярмаркѣ преимущественно Великорусскій, то и товары здѣсь отличаются нѣсколько отъ товаровъ, посылаемыхъ въ Украину—солидностью вкуса и прочностью, напр. изъ мануфактурныхъ произведеній здѣсь идетъ по большей части товаръ кубовый,

т. е. окрашиваемый синею краскою, тогда как на Украинѣ особенно въ ходу пестрые ситцы. Древняя, знаменитая Коренная ярмарка давно бы упала, еслибъ не держалась еще силою преданія и обычая, столь важною въ торговлѣ.

Вновь укладываются товары, вновь тянутся обозы: предстоитъ обширный торгъ, на который снова является полный комплектъ ярмарочныхъ дѣятелей: въ половинѣ Іюля открывается Ильинская Полтавская ярмарка. До 1852 года она была въ Ромнѣ, но въ этомъ году переведена изъ Ромна въ Полтаву. Этотъ переводъ былъ совершенъ Правительствомъ вопреки желанію купцовъ, вообще неохотно разстающихся съ дрѣвнимъ обычаемъ, вопреки протестамъ, жалобамъ и кликамъ Роменскимъ жителей; совершенъ былъ не изъ видовъ торговыхъ, а единственно для того, чтобъ поднять значеніе бѣднаго доходами губернскаго города Полтавы. Но должно сказать правду, несмотря на насильственный характеръ этой мѣры, она вполнѣ удалась, потому что совпала съ внутреннимъ требованіемъ самой торговли, не совсѣмъ даже сознаннымъ ярмарочнымъ купеческимъ сословіемъ. Въ статьѣ о Полтавѣ мы подробно излагаемъ причины успѣха Полтавской ярмарки; но читатели изъ всего сказаннаго нами сами легко могутъ вывести заключеніе, что при стремленіи торговли на Югъ, при томъ значеніи, какое получилъ для нея Новороссійскій рынокъ, передвиженіе ярмарочнаго пункта ближе къ этому рынку, согласное съ общимъ направленіемъ торговли, должно было непремѣнно увѣнчаться полнымъ успѣхомъ. Конечно, было бы можетъ-быть полезнѣе, какъ предлагали нѣкоторые, перевести ярмарку въ Кременчугъ, городъ, пользующійся выгодами судоходства; но и въ Полтавѣ Ильинская ярмарка съ перваго же раза оказалась лучше Роменской. Безъ этого внутренняго условія успѣха, насильственный переводъ ярмарки, какъ всякое насиліе въ дѣлѣ торговли, не принесъ бы никакой пользы и скорѣе убилъ бы ее, чѣмъ поднялъ; мы уже видѣли выше, что тридцатилѣтнія усилія Правительства отмѣнить срокъ Кролевецкой ярмарки — не перемогли обычая, крѣпкаго внутреннею потребностью. — Для красныхъ товаровъ необходимы двѣ главныя ярмарки въ году, одна зимняя для лѣтнихъ, и другая лѣтняя для зимнихъ товаровъ:

въ оптовой торговлѣ лѣтомъ запасаются тепломъ на зиму, зимой—легкими тканями и прохладнымъ товаромъ на лѣто. Поэтому и Ильинская ярмарка особенно сильна торговлею суконъ и шерстяныхъ тканей, также и пушною торговлею, и въ этомъ отношеніи имѣетъ значительный перевѣсъ надъ Крещенскою. Одинъ изъ фундаментальныхъ товаровъ Ильинской ярмарки—шпанская шерсть, дающая ей право на 2-е мѣсто въ числѣ шерстяныхъ ярмарокъ, послѣ Троицкой, и привлекающая человѣкъ до 30 иностранныхъ покупателей. Но особенно важна эта ярмарка для торговцевъ участіемъ Евреевъ, которые, налетая какъ саранча, продаютъ товары и оптомъ и въ розницу, пускаютъ въ оборотъ большія суммы наличныхъ денегъ, привозятъ огромное количество иностранныхъ галантерейныхъ и мануфактурныхъ произведеній, но еще несравненно въ большемъ размѣрѣ забираютъ у Русскихъ торговцевъ издѣлія Русскихъ фабрикъ и мануфактуръ. Ильинская ярмарка оффиціально начинается 20 Іюля и кончается 1 Августа, но продолжается гораздо долѣе.

Едва успѣли купцы свести счеты, какъ снова укладка, снова въ дорогу: 15 Августа начинается Успенская ярмарка въ Харьковѣ, который отстоитъ отъ Полтавы, по извощичьему тракту, 120 верстъ. Переводъ Ильинской ярмарки въ Полтаву много повредилъ Успенской ярмаркѣ въ Харьковѣ. Близость сроковъ (между ними только нѣсколько дней или недѣля промежуточнаго времени) и близость разстоянія, кажется, должны были бы и совершенно сдѣлать ее ненужною; но Успенская имѣетъ нѣкоторыя особенности, которыя служатъ ей сильною поддержкой и даютъ ей почетное мѣсто въ ряду вспомогательныхъ Украинскихъ ярмарокъ. Срокъ Успенской ярмарки совпадаетъ съ послѣднимъ осеннимъ походомъ чумаковъ въ Крымъ *за силью;* отправляясь порожнякомъ, на волахъ, они охотно берутъ здѣсь товаръ за весьма дешевую плату и развозятъ его по пути; если же предвидятъ сухую продолжительную осень, то доставляютъ товары и въ Одессу, и въ Бессарабію, и въ Ростовъ на Дону, и въ другія разныя мѣста на Югѣ, близкія къ Перекопу, или удобныя для зимовки, такъ, чтобы они могли съ раннею весною, нагрузившись солью или бѣлою рыбой, выступить въ обратный походъ. Дешевизна провоза составля-

етъ важное условіе для товаровъ малоцѣнныхъ, которыхъ стоимость не выноситъ дорогой провозной платы. Такіе товары называются у торговцевъ *тяжелыми*, не по вѣсу ихъ, а по отношенію цѣны товара къ цѣнѣ провоза. Напримѣръ, желѣзо, бѣлая рыба — товаръ тяжелый, ибо цѣна пуду отъ 1 р. до 1 р. 50 к. и за дальнюю доставку на лошадяхъ приходится отдавать копѣекъ 35 съ пуда и болѣе; напротивъ того пудъ серебра—тотъ же пудъ вѣсомъ—называется товаромъ *легкимъ*, ибо расходъ провоза для него нечувствителенъ. Этихъ-то тяжелыхъ товаровъ доставляется особенно много на Успенскую ярмарку, къ урочному времени дешеваго чумацкаго извоза. Успенская ярмарка стоитъ съ 15 Августа по 1 Сентября и нѣсколько далѣе.

Отторговали на Успенской, но еще не совершенъ годовой ярмарочный кругъ, и купцы вновь нагружаютъ возы и воловыя фуры, вновь спѣшатъ и суетятся: надобно торопиться на Крестовоздвиженскую ярмарку въ Кролевецъ. Впрочемъ значительная часть товаровъ отправляется туда прямо изъ Полтавы, съ Ильинской ярмарки. Кролевецъ—отъ Полтавы 305 верстъ, отъ Харькова 280. Въ этомъ городѣ, какъ уже извѣстно читателю, ярмарка начинается тотчасъ послѣ праздника Воздвиженья, 14 Сентября, но молодые прикащики высылаются заранѣе, чтобы приготовить мѣста для торговли. Въ Кролевцѣ нѣтъ вовсе ни каменныхъ, ни деревянныхъ рядовъ, и владѣльцы лавочныхъ мѣстъ на площади обязываются выстроить нанимателю лавку съ деревяннымъ помостомъ, полками и прилавкомъ, съ циновочною крышею, съ рогожаными стѣнами; каждый прикащикъ наблюдаетъ за своей лавкой, торопитъ владѣльца и рабочихъ,—и вотъ въ нѣсколько дней созидается цѣлый городокъ изъ холста, циновокъ и рогожи, съ длинными рядами лавокъ, съ улицами и переулками. Кролевецъ — крайній ярмарочный пунктъ на Западѣ, уже граничащій съ другою, сѣверо-западною системою торговли. Съ переводомъ Ильинской изъ Ромна въ Полтаву, Кролевецкая ярмарка стала замѣтно усиливаться. Тотъ западный и сѣверо-западный покупатель (Волынскій, Черниговскій и Бѣлорусскій), который прежде ѣзжалъ въ Роменъ, но пересталъ ѣздить въ Полтаву за отдаленностью, обратился теперь къ Кролевцу. Такимъ образомъ эта ярмарка, послѣ

200-лѣтняго существованія, пережившаго столько превратностей торговыхъ, вновь ожила, вновь получила важное торговое значеніе, свидѣтельствующее краснорѣчиво о томъ, какъ мало развился этотъ край въ такой долгій періодъ времени. Кролевецкая ярмарка цѣнится купцами уже и потому, что это послѣдній въ году торгъ, въ которомъ принимаютъ свободное участіе Евреи. Здѣсь Московскіе купцы разстаются съ ними—до Маслянской ярмарки въ Ромнѣ.—Послѣ Кролевецкой, товары свозятся снова въ Харьковъ на Покровскую ярмарку, которая, начинаясь нѣсколько позже 1 Октября, стоитъ почти цѣлый мѣсяцъ. Она также довольно сильная вспомогательная ярмарка и особенно шибко торгуетъ тѣми товарами, которыми необходимо запастись до наступленія зимнихъ морозовъ, напримѣръ: овощнымъ, съѣстнымъ товаромъ, винами и т. п. Для краснорядцевъ она важна тѣмъ, что Владимірскіе ходебщики или разнощики обыкновенно съ Покровской начинаютъ свое торговое бродяжничество по Украинѣ. Итакъ вотъ 11-ть или вѣрнѣе сказать 10-ть оптовыхъ ярмарокъ, потому что Троицкая есть исключительно шерстяная, 10-ть оптовыхъ ярмарокъ, составляющихъ одинъ кругъ, одинъ поясъ, обхватывающій Украину. Ярмарочные пункты, стоящіе на краю этого пояса, слѣдующіе: Кролевецъ—самый крайній сѣверо-западный пунктъ, Курскъ или Коренная — сѣверо-восточный, Харьковъ — юго-восточный, Полтава—южный, если не считать Елисаветграда—крайняго юго-западнаго ярмарочнаго пункта. Такимъ образомъ Сумы и Роменъ находятся внутри предѣловъ ярмарочнаго круга. Сколько труда, сколько траты времени, сколько ломки, порчи товаровъ, сколько издержекъ и напрасныхъ убытковъ! на каждой ярмаркѣ надобно разложить и потомъ вновь уложить товары, и такимъ образомъ повторить эту операцію 20 разъ; одинъ переѣздъ отъ одного ярмарочнаго пункта до другаго въ теченіи года составляетъ 2405 верстъ.—Разумѣется, не всѣ фабриканты и купцы торгуютъ на всѣхъ 10 ярмаркахъ; нѣкоторые бываютъ только на трехъ Харьковскихъ, на Коренной и на Ильинской, другіе—не ѣздятъ ни на Сумскую, ни на Георгіевскую, третіе—напротивъ того посѣщаютъ всѣ 10, а иные даже и всѣ 11 ярмарокъ. Большинство ярмароч-

ныхъ дѣятелей — беретъ 8 ярмарокъ: три Харьковскія, Коренную, Ильинскую, двѣ Роменскія и Кролевецкую.

Названіе *подвижнаго рынка* точно также можетъ быть перенесено съ мелкихъ и на Украинскія ярмарки. Площадь, занимаемая ярмарочнымъ кругомъ, такъ тѣсна, что эти 10 ярмарокъ составляютъ какъ бы одинъ непрерывный торгъ въ теченіи цѣлаго года, обходящій по очереди 6 ярмарочныхъ рынковъ. Въ этой ярмарочной торговлѣ замѣчается стремленіе сократить, по возможности, число переходовъ, стать въ нѣкоторомъ смыслѣ осѣдлою. Отъ того и возникаютъ въ одномъ и томъ же пунктѣ по нѣсколько ярмарокъ: въ Харьковѣ три или даже четыре, въ Ромнѣ двѣ, а было три, въ Сумахъ было двѣ. Вездѣ, гдѣ бываетъ болѣе одной ярмарки, образуются постоянные склады товаровъ. Ярмарочная дѣятельность натаскала торговую силу въ города Сумы и Харьковъ и населила эти города ярмарочными купцами. Торгуя лѣтъ 30 на Харьковскихъ ярмаркахъ, имѣя въ Харьковѣ постоянные склады, обзаведясь знакомыми покупателями, обращающимися къ нимъ съ требованіемъ товаровъ и не въ ярмарочное время, весьма многіе купцы приписываются къ Харькову, сначала какъ иногородные, для того, чтобъ пользоваться правомъ торговли и по окончаніи ярмарочныхъ сроковъ, а потомъ поступаютъ и совсѣмъ въ разрядъ постоянныхъ мѣстныхъ Харьковскихъ торговцевъ. Такъ лавки съ желѣзомъ, съ скобяными издѣліями, съ пушнымъ товаромъ, съ золотыми и серебряными вещами, съ красной рыбой, съ бакаліей, лавки, производившія сперва оптовую торговлю только въ теченіе трехъ мѣсяцевъ въ году, теперь уже не запираются и въ прочіе мѣсяцы. Вѣроятно, торговля избрала бы себѣ два, три центра, гдѣ бы наконецъ осѣла и стала бы производиться правильнымъ, нормальнымъ способомъ, еслибъ крайняя необходимость сбыта для производителей красныхъ товаровъ не заставляла ихъ искать постоянно новыхъ рынковъ и, такъ сказать, бѣгать съ товаромъ за лѣнивыми потребителями.— Мы сказали уже выше, что, изъ 200 гуртовыхъ лавокъ «съ красными товарами», до 150, по крайней мѣрѣ, торгуютъ товаромъ *изъ первыхъ рукъ*. Разумѣется, не всѣ эти первые производители заслуживаютъ названіе фабрикантовъ; изъ нихъ человѣкъ до 50 такихъ, которыхъ настоящіе фабриканты съ

презрѣніемъ называютъ мастерами или *кустарниками*, или *самовозами*. Извѣстно, что въ нашемъ мануфактурномъ округѣ не вся мануфактурная дѣятельность сосредоточена на фабрикахъ, а обхватываетъ цѣлыя окрестныя селенія, переходитъ частію въ домашнее ремесло. Крестьяне Московской и Владимірской губерній, работая для фабрикантовъ на своихъ домашнихъ станкахъ, наконецъ покупаютъ пряжу на собственный счетъ и ткутъ у себя дома разныя низшія бумажныя ткани, сарпинку, нанку, холстинку, миткаля, которые отдаютъ потомъ въ краску одного цвѣта и сбываютъ это все или сами, или чрезъ посредство своихъ же крестьянъ на разныхъ ярмаркахъ, въ томъ числѣ на Украинскихъ и преимущественно па Крещенской и на Коренной.—Какъ бы то ни было, но это явленіе, т. е. ярмарочная гуртовая продажа, производимая не черезъ посредство купцовъ, а изъ первыхъ рукъ, самими производителями-фабрикантами, перекочевывающими, въ лицѣ своихъ прикащиковъ, съ ярмарки на ярмарку въ теченіи цѣлаго года,—это явленіе такъ замѣчательно, что требуетъ подробнаго разъясненія

Оно возникло лѣтъ 25 тому назадъ, не болѣе. Конечно, двѣ, три фабрики еще и прежде посѣщали Украину, но торговля мануфактурными произведеніями, и послѣ изданія тарифа 1822 года, сосредоточивалась въ первое время въ рукахъ купцовъ. Подъ вліяніемъ тарифа фабрики умножались, и производительность мануфактурная усиливалась день ото дня съ такою судорожною, лихорадочною дѣятельностью, съ такою неимовѣрною быстротою, что количество произведеній скоро оказалось несоразмѣрнымъ требованію. Надо было искать новыхъ рынковъ для сбыта постоянно увеличивающагося количества товаровъ, надо было родить потребность, создать покупателя, навязать ему товаръ почти насильно, обольстить и опутать его кредитомъ, и такимъ образомъ придти къ тому странному положенію, въ которомъ находится нынѣ мануфактурная торговля. Размноженіе фабрикъ и соперничество ихъ, при скудости требованія, понизило цѣны донельзя, т. е. если брать въ соображеніе издержки производства. При такой относительной дешевизнѣ товара фабрикантамъ приходилось брать массою, т. е. сбывать товаровъ какъ можно больше, а эта необходимость заставила ихъ высвободиться

изъ-подъ зависимости и опеки купеческой, отклонить всякое лишнее посредничество между производителемъ и потребителемъ. Мы разумѣемъ здѣсь подъ потребителемъ не «публику», какъ говорятъ купцы, а *розничнаго торговца*. Ярмарочные *оптовые* купцы стѣсняли фабрикантовъ разными требованіями, видимо обличавшими стремленіе къ монополіи. Купцы, разумѣется, брали только то количество, какое было имъ нужно, и поднимая товаръ въ цѣнѣ на ярмаркахъ, обращали барышъ въ свою пользу; тогда же наконецъ многіе фабриканты рѣшились сами воспользоваться этимъ барышомъ и расширить кругъ своего сбыта, тогда купцы уже не могли продавать товаръ дороже, чѣмъ продавали сами первые производители, и стали забирать товары только у тѣхъ фабрикантовъ, которые еще сами на ярмарки не ѣздили, причемъ купцы требовали, чтобы эти фабриканты никому, кромѣ ихъ, товаровъ на Украину не продавали. Но и эти фабриканты, одинъ за другимъ, по мѣрѣ усиленія производства на ихъ фабрикахъ, разрывали тягостныя для нихъ условія съ купцами и выступали на поприще ярмарочной торговли. Участіе, принятое фабрикантами въ ярмаркахъ, было причиною банкрутства многихъ купцовъ, которое въ свою очередь нанесло огромные убытки другимъ фабрикантамъ, ввѣрявшимъ имъ свои товары; это обстоятельство еще болѣе способствовало къ устраненію всякаго купеческаго посредничества.

Но и этого еще было мало для усиленія сбыта товаровъ. Появленіе фабрикантовъ на ярмаркахъ, продажа товаровъ изъ первыхъ рукъ, совмѣстничество производителей на безденежномъ Малороссійскомъ рынкѣ, постоянно увеличивавшаяся масса привоза—породили не только кредитъ, необуздываемый никакими банкрутствами, но даже соперничество въ кредитѣ. Каждая лавка, желая привлечь къ себѣ покупателей, соперничаетъ съ другою—не бо́льшимъ или меньшимъ достоинствомъ товара, не дешевизною, ибо цѣны уравнялись до низшей степени и у всѣхъ почти одинаковы, а болѣе или менѣе отважнымъ кредитомъ. Кто больше кредитуетъ, тотъ и товаровъ бо́льшую массу сбываетъ, и понятно, что при такомъ положеніи дѣлъ, Малороссіянинъ, не рискующій и не кредитующій, совершенно затертъ, такъ сказать, Великорусскими торговцами. Безъ кредита не было бы никакой воз-

можности сбывать такое огромное количество товаровъ; мало того: безъ кредита не было бы никакой выгоды торговцу. Цѣна товарамъ на Украинскихъ ярмаркахъ—*кредитная*, основанная большею частью на 6-мѣсячномъ кредитѣ, отъ одной ярмарки до другой, отъ Крещенской до Ильинской, отъ Маслянской до Успенской, и т. д. Кредитная цѣна чрезвычайно высока, и на этомъ только разсчитана выгода, которую еще могутъ получать купцы, вторые производители товара, въ присутствіи первыхъ производителей. Купецъ-капиталистъ покупаетъ, напримѣръ, у фабриканта извѣстное количество товара, по извѣстной, т. е. кредитной цѣнѣ, и въ долгіе сроки, мѣсяцевъ на 12 и 18, ибо пользуется преимущественнымъ предъ прочими довѣріемъ. Пріобрѣтя товаръ и пустивши его въ оборотъ, онъ старается какъ можно скорѣе, черезъ мѣсяцъ или два, заплатить фабриканту наличныя деньги, вычитая въ свою пользу проценты за всѣ остальные мѣсяцы, а самъ продаетъ товаръ по кредитной цѣнѣ, и даже иногда нѣсколько дешевле самой общепринятой кредитной цѣны. Дерзость кредита, размѣры купеческаго риска превосходятъ всякое вѣроятіе. Если является новый покупатель и беретъ на 3,000 р. с. товаръ за наличныя деньги, то можетъ смѣло забрать товаровъ сейчасъ же на 30 т. р. с. въ кредитъ; въ слѣдующій разъ онъ опять заплатитъ 3, 4 тысячи и опять пользуется такимъ же неограниченнымъ кредитомъ.—Такова необходимость въ сбытѣ, что фабриканты, желая удержать за собой покупателя, не только облегчаютъ ему всѣ способы къ покупкѣ, но и берутъ на себя обязанности уже чисто купеческія: именно въ каждой лавкѣ, даже въ лавкахъ самыхъ знаменитыхъ фабрикантовъ Москвы, вы найдете, сверхъ издѣлій самого фабриканта, предлагаемыхъ имъ изъ первыхъ рукъ,—товары чужіе, купленные, которые онъ держитъ для своего покупателя, приноравливаясь къ его вкусу и требованію, съ тѣмъ, чтобы покупатель не имѣлъ уже вовсе надобности заходить въ другую лавку и заводить съ нею торговыя связи.

Но не довольствуясь личнымъ своимъ натискомъ на Украинскіе рынки, Великорусскіе фабриканты ведутъ за собою цѣлое войско Великорусскихъ дѣятельныхъ агентовъ, разнощиковъ, коробочниковъ, ходебщиковъ Ковровскаго и Вязни-

ковскаго уѣздовъ Владимірской губерніи и старообрядческихъ Слободъ Черниговской. Безъ ихъ содѣйствія нельзя было бы ожидать такого живаго сбыта товару посредствомъ однихъ мѣстныхъ розничныхъ городовыхъ купцовъ. Но кромѣ офеней и слобожанъ, разбирающихъ товаръ во множествѣ и большею частью въ кредитъ, самымъ полезнымъ дѣятелемъ для мануфактурныхъ торговцевъ — служитъ живое, торговое, оборотливое Еврейское племя. Прежде Евреямъ кредитовали очень мало, но теперь начинаютъ кредитовать и имъ, хотя и не въ долгіе сроки; Евреи же стараются, съ своей стороны, какъ можно скорѣе заплатить наличныя деньги, чтобы воспользоваться скидкою процентовъ, и выручаютъ свои барыши раздачею товара въ долгъ, по мелочи, за *еврейскіе* проценты. Этотъ классъ торговцевъ, т. е. ходебщики и Евреи, собираясь къ урочному времени ярмарки, мигомъ растаскиваютъ товары и разбѣгаются съ ними во всѣ стороны, разнося и развозя ихъ по деревнямъ, хуторамъ и селамъ, по лѣнивымъ панамъ, по казакамъ-домосѣдамъ, по крестьянамъ-щеголямъ, по крестьянкамъ-щеголихамъ, жинкамъ и дивчатамъ, отъ границъ Австріи и до Кавказа, отъ Дона и до Дуная, разсовываютъ товаръ всюду, по мелочи, соблазняютъ покупателей удобствомъ кредита. — Въ этомъ отношеніи весьма выгодны для оптовыхъ торговцевъ частые сроки ярмарокъ, ибо они доставляютъ имъ случай часто видѣть покупателя, безпрестанно имѣть съ нимъ дѣло и даютъ возможность судить объ его торговыхъ обстоятельствахъ. Къ тому же красный товаръ — товаръ прихотливый, капризный, скучный, — говорятъ купцы, — любящій перемѣну, подверженный случайностямъ моды, вкуса, погоды; потому-то и необходимо — и оптовому торговцу или фабриканту къ каждой ярмаркѣ, смотря по мѣстности и времени года, выписывать изъ дому новые, свѣжіе «*подходящіе*» товары, и покупателю, для его розничной торговли, запасаться кое-какими «самыми новѣйшими модными новинками». Частыя ярмарки вполнѣ соотвѣтствуютъ свойству краснорядской торговли. — Нельзя не упомянуть о довольно любопытномъ явленіи, отражающемъ въ себѣ также современное состояніе торговаго дѣла на Украинѣ. Послѣ Маслянской ярмарки прикащики большей части купцовъ отправляются въ стран-

ствованіе по должникамъ, для сбора наличныхъ денегъ. Мы видѣли однажды списокъ мѣстъ, которыя предлежало объѣхать прикащику одного Московскаго фабриканта: онъ заключалъ въ себѣ до 30 разныхъ названій городковъ, мѣстечекъ и селеній Новороссійскаго края и Бессарабіи. Для сокращенія расходовъ прикащики отъ разныхъ хозяевъ соединяются обыкновенно вмѣстѣ, человѣка по два и по три. Путешествіе продолжается большею частью до Елисаветградской ярмарки, на которую и сбираются прикащики съ деньгами, а хозяева за деньгами. Кромѣ цѣли денежной, этотъ способъ доставляетъ ту выгоду купцамъ, что они получаютъ такимъ образомъ подробныя и вѣрныя свѣдѣнія о состояніи торговыхъ дѣлъ должника, о самомъ краѣ, о современномъ положеніи розничной торговли, о господствующемъ вкусѣ, и пріобрѣтаютъ новыхъ покупателей и новыя знакомства.

Но обратимся къ кредиту. Невольно возникаетъ вопросъ: какимъ же образомъ держится этотъ порядокъ вещей при такомъ отчаянномъ, такъ-сказать наступательномъ кредитѣ, не обезпечиваемомъ почти никакими обязательствами? Да и чѣмъ можетъ обезпечить Еврей заборъ товаровъ, превышающій во 100 разъ его денежныя средства? какимъ-нибудь домишкомъ, слѣпленнымъ изъ глины и хворосту, въ какомъ-нибудь отдаленномъ Еврейскомъ захолустьѣ! — Взысканіемъ по закону? Но гдѣ отыскивать Еврея по всему Западному или Новороссійскому краю, да и время ли купцу этимъ заниматься! Обанкрутится Еврей, назовется вмѣсто Мошки Лейбой и продолжаетъ торговлю въ другомъ мѣстѣ. Чѣмъ обезпеченъ кредитъ фабриканта крестьянину Ковровскаго уѣзда, нерѣдко помѣщичьему? Ничѣмъ. Самъ купецъ виноватъ въ томъ, что ему вѣритъ! А попробуй не вѣрить, такъ товаръ и останется на рукахъ! — Купецъ знаетъ, что настоящаго соотвѣтственнаго обезпеченія въ дѣлѣ торговаго кредита быть не можетъ, что лучшее обезпеченіе — добрая слава, которою дорожитъ торговецъ, и взаимная выгода; что злоумышленный неплательщикъ лишится кредита, а безъ кредита не двигается никакая торговля. Мы разумѣемъ здѣсь отношенія купцовъ *между собою*, а не къ «публикѣ»; другъ съ другомъ они большею частью честны, а надуванье купцами публики не роняетъ нисколько ихъ *купеческой* доброй славы. —

Если бы можно было взять въ соображеніе всю цѣнность кредитуемыхъ товаровъ, съ одной стороны, а съ другой—цѣнность потерь, понесенныхъ отъ банкрутства, то конечно последнія составили бы весьма незначительную часть всего кредитуемаго капитала.—Конечно, кромѣ банкрутства оффиціальнаго, еще больше бываетъ банкрутствъ негласныхъ. Приходитъ срокъ расплаты; покупатель видитъ, что забралъ товаровъ не подъ силу. Дѣлать ничего, является онъ къ главнѣйшему и почетнѣйшему изъ своихъ кредиторовъ, и объясняетъ свои несчастныя обстоятельства. Купцы почти всегда отказываются отъ судебнаго преслѣдованія, разбираютъ и взвѣшиваютъ торговыя обстоятельства должника сами, возьмутъ копѣекъ по тридцати или по полтинѣ за рубль, побранятъ, помылятъ ему голову и — опять кредитуютъ, въ надеждѣ, что «авось поправится». Они хорошо знаютъ, что судебное преслѣдованіе только напрасно погубитъ человѣка, не принеся никакой существенной пользы, и что торговое счастіе бываетъ перемѣнчиво; но зорко наблюдаютъ за должникомъ и, если повезло ему счастіе и дѣла его точно поправились, то настоятельно потребуютъ отъ него уплаты. Послѣдняя война, привлекшая огромныя массы денегъ въ край, страдавшій безденежьемъ, чрезвычайно много способствовала денежнымъ разсчетамъ, и многіе старые долги были уплачены!—Росписки должниковъ или покупателей въ забранныхъ товарахъ дѣлаются или на простой бумагѣ, или въ видѣ векселя. Но весьма часто бываетъ, что и срокъ векселя прошелъ, а онъ продолжаетъ ходить, какъ денежная бумага, съ передаточными надписями, потерявъ уже всякую законную силу. Мы хотѣли бы опредѣлить отношеніе суммы торговыхъ векселей къ суммѣ кредитуемаго капитала; но данныя для оцѣнки послѣдняго слишкомъ недостаточны. Однако же, возьмемъ для примѣра обороты 4-хъ Харьковскихъ ярмарокъ и сличимъ ихъ со свѣдѣніями, доставленными намъ отъ Харьковскихъ маклеровъ и нотаріусовъ [1]). Въ 1854 году на всѣ Харьковскія ярмарки привезено было товаровъ, по оффиціальнымъ вѣдомостямъ, на 24.394,278 р., а про-

---

[1]) Кромѣ маклеровъ Коммерческаго Банка, но Коммерческій Банкъ не имѣетъ почти никакого значенія для ярмарочной торговли.

дано на 13.043,387 р. с. Между тѣмъ сумма векселей и *заемныхъ писемъ* (слѣдовательно *неторговыхъ* долговыхъ обязательствъ), явленныхъ и протестованныхъ въ ярмарочные мѣсяцы: Январь, Іюнь, Августъ и Октябрь—не простирается свыше 850 т. руб. сер.—И такъ сдѣлаемъ, для ясности, выводъ изъ всего сказаннаго нами о торговлѣ мануфактурными товарами:

Размноженіе фабрикъ породило совмѣстничество между фабрикантами и увеличило количество произведеній; усиленная производительность понизила цѣны до той степени, которая могла приносить выгоды только при сбытѣ товара большими массами; эта необходимость сбыта заставила фабрикантовъ искать новыхъ рынковъ и устранить всякое постороннее посредничество между производителемъ и потребителемъ. Все это привело къ тому, что торговля мануфактурными произведеніями перешла на Украинскихъ ярмаркахъ отъ оптовыхъ купцовъ къ самимъ фабрикантамъ, которые стали разъѣзжать по ярмаркамъ, какъ простые купцы. Этотъ набѣгъ фабрикантовъ на безденежные Украинскіе рынки принялъ такіе размѣры, что, при общемъ уравнительномъ пониженіи цѣнъ до-нельзя, возбудилъ между ними состязаніе уже не въ достоинствѣ товара, не въ большей или меньшей дешевизнѣ, а въ рискѣ, въ размѣрахъ, продолжительности и дерзости кредита. Послѣдствіемъ этого было введеніе совершенно особенныхъ пріемомъ въ торговлѣ, именно оцѣнки товаровъ въ общемъ употребленіи по кредитной цѣнѣ и скидки процентовъ изъ общей кредитной цѣны, при покупкахъ на наличныя деньги. Продажа въ кредитъ, кромѣ того, что дѣлаетъ возможнымъ сбытъ товаровъ въ неимовѣрно огромныхъ массахъ, является для продавца весьма выгоднымъ способомъ торговли, восполняя недостатокъ наличныхъ денегъ и дешевизну денежной—некредитной цѣны. Кредитъ обезпечивается только взаимными выгодами продавцовъ и покупателей, и сравнительная сумма векселей и банкрутствъ съ цѣнностью кредитуемаго капитала - весьма незначительна [1]).

---

[1]) Все, что мы говорили о мануфактурныхъ товарахъ. относится преимущественно къ бумажнымъ произведеніемъ, составляющимъ половину привоза всѣхъ мануфактурныхъ издѣлій, къ шелковымъ и от-

Что же изъ всего этого можно ожидать? Вопросъ обширный, разрѣшеніе котораго трудно и потребовало бы цѣлаго особаго разсужденія. Мы замѣтимъ только, что, по увѣренію многихъ торговцевъ, фабриканты сами, безъ всякаго взаимнаго соглашенія, стали умѣрять пропорцію привоза на нѣкоторыя ярмарки. Можетъ случиться, что наконецъ это совмѣстничество, этотъ натискъ товаровъ доведетъ или до катастрофы въ торговлѣ, или же до такой безвыгодности, что фабриканты перестанутъ ѣздить сами, займутся удешевленіемъ самаго фабричнаго производства и улучшеніемъ товара, и предоставятъ снова ярмарочную торговлю естественному посредничеству купцовъ.

Мы описали площадь, гдѣ совершается Украинское ярмарочное движеніе, объяснили, по возможности, историческое происхожденіе ярмарочныхъ пунктовъ и постепенные фазисы ярмарочной торговли, указали на столкновеніе двухъ народностей и ихъ отличительныя, племенныя черты въ торговомъ дѣлѣ, старались, сколько позволяетъ намъ задача нашего введенія, познакомить читателей съ существеннымъ характеромъ современнаго направленія, пріемовъ и дѣятельности ярмарочной торговли.—Теперь посмотримъ; 1) на размахъ Украинскаго ярмарочнаго колеса, т. е. очертимъ вкратцѣ захватываемое имъ пространство — по происхожденію и сбыту товаровъ, 2) на особенныя отличія въ классѣ продавцовъ и покупателей.

Съ Сѣвера и Сѣверовостока являются главными вкладчиками товаровъ—Москва, Московская губернія, Владимірская, Костромская, вообще мануфактурный округъ, присылающій сюда бумажныя, шелковыя, шерстяныя и льняныя издѣлія и отчасти сукна. Сверхъ того, изъ Москвы и черезъ посредство Москвы привозятся: глиняная и фарфоровая посуда, дорогіе мѣха, овощный, съѣстной, шорный Русскій и иностранный москотильный и галантерейный товаръ, чай, кни-

---

части къ шерстянымъ. Что же касается до суконъ, то эта торговля остается въ рукахъ купцовъ потому, что первоначальный матеріалъ, шерсть — товаръ денежный, производители котораго не торговцы, а потому и не признаютъ кредита; слѣдовательно, суконному фабриканту необходимѣе наличныя деньги, чѣмъ всякому другому, и онъ предпочитаетъ имѣть дѣло съ оптовыми купцами-капиталистами.

ги, и проч. и проч. Изъ Владимірской губерніи, сверхъ мануфактурныхъ товаровъ — стекло, хрусталь, ленъ; изъ Костромской — сборный крестьянскій холстъ, крестьянскія сукна и игольный товаръ; изъ Ярославской губерніи продавцовъ является чрезвычайно мало: привозятъ ленъ, да полотна; изъ Рязанской только изъ двухъ уѣздовъ: изъ Егорьевскаго—бумажныя ткани низшихъ сортовъ, и изъ Касимовскаго — произведенія тамошнихъ чугунныхъ и желѣзныхъ заводовъ. Изъ Нижегородской губерніи, или лучше сказать отъ Макарья—какъ до сихъ поръ называютъ торговцы Нижегородскую ярмарку — желѣзо и желѣзныя издѣлія; изъ уѣздовъ Нижегородской губерніи—Горбатовскаго, Семеновскаго и Арзамазскаго—замочный товаръ и ножи, доставляемые крестьянами села Павлова и Ворсмы, сундуки, Катунскій опоекъ, простая крестьянская пестрядь, деревянная посуда, грибъ, моченая и сушеная ягода, циновки, рогожи и нѣкоторые другіе черные товары, привозимые оттуда самими крестьянами и тамошними торговцами. Говоря о Сѣверо-востокѣ, мы должны назвать и Касимовскихъ Татаръ, привозящихъ сюда — калмыцкія овчины, бухарскія мерлушки, бухарскую пряденую бумагу, казанскіе сафьяны. Изъ Курской губерніи—выдѣланныя кожи, простыя шерстяныя крестьянскія издѣлія, медъ, воскъ, конопляное масло, холстъ, полотна, и т. д. — Изъ Орловской губерніи — чугунныя издѣлія, мочальный товаръ, канатъ, бичева, холстъ, выдѣланная кожа, и проч. Изъ Калужской губерніи — писчая бумага, калужская нить, калужская подошва, стеклянная посуда и чугунныя издѣлія (изъ Жиздринскаго уѣзда), и проч. Изъ Тулы — стальныя и мѣдныя издѣлія, скобяныя вещи, гармоніи, и нѣкоторые другіе незначительные предметы торговли.—Съ Сѣверо-запада привозятся товары: изъ Смоленской губерніи стеклянная посуда (изъ Рославльскаго уѣзда); изъ Черниговской губерніи фарфоръ, глиняная посуда, писчая бумага, сукна, и т. д.; изъ Риги мануфактурные товары — преимущественно шерстогребенныя ткани и сукна. Мы говоримъ здѣсь только объ ярмарочной торговлѣ; есть и другіе Рижскіе товары, но они не составляютъ предмета ярмарочнаго привоза. Изъ Гродненской губерніи, изъ Бѣлостока, изъ Царства Польскаго — сукна и шерстяныя

матеріи, варшавское серебро, разный галантерейный товаръ, качества несравненно высшаго, чѣмъ московскій, и проч. Съ Запада—сукна и шерстяныя ткани, свекловичный сахаръ, иностранный Еврейскій товаръ, т. е. доставляемый Евреями черезъ сухопутную границу: мѣха, разныя ткани, голландскія полотна, галантерейныя вещи довольно грубой нѣмецкой работы, австрійскія сѣнокосныя косы и проч.—Съ Юго-запада: изъ Бессарабіи—молдавская слива, волошскій орѣхъ и отчасти вина. Съ Юга: изъ Одессы—бакалейные товары и иностранныя вина; изъ Крыма—фрукты, крымскія мерлушки, крымскія вина; изъ Таврической, Херсонской и Екатеринославской губерній — сырыя кожи, шерсть шпанская и простая, и проч. Съ Юго-востока: съ Азовскаго поморья—рыба, разная бакалія и т. д.; съ Дону—рыба, вина, лошади; изъ Кизляра и Моздока — водка, чихирь; изъ Астрахани—рыбій клей, вязига, икра и нѣкоторые товары, получаемые изъ Персіи; изъ Саратовской губерніи — почти ничего: бываютъ крестьяне изъ Кузнецкаго уѣзда съ кониною, гривою и байбачьей шкурой. Съ Востока: изъ нѣкоторыхъ уѣздовъ Воронежской губерніи — медъ, воскъ, подсолнечное масло, и т. п.

Сама же тѣсная площадь, на которой кружится ярмарочный рынокъ, поставляетъ слѣдующіе товары: шпанскую шерсть и сырыя кожи (преимущественно изъ степной части Малороссіи), лошадей, сахаръ и сахарный песокъ, табакъ, воскъ, медъ, холстъ, разный черный товаръ для Малороссійскаго простонародья, и прасольскій товаръ, собираемый по всей Малороссіи, по Екатеринославской и Херсонской губерніямъ, по Азовскому побережью, даже на Кавказской Линіи, а отчасти и на Дону, въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Воронежской и Курской губерній: подъ этимъ названіемъ разумѣются—щетина, сырыя шкурки, пухъ, перо, воскъ, медъ, шпанская муха, отчасти холстъ и разные другіе предметы мелкой сельской производительности.

Мы очертили истоки, мѣста, доставляющія товаръ; посмотримъ теперь—въ какую сторону онъ сбывается. Мѣстомъ главнаго сбыта товаровъ, привозимыхъ на Украину *изъ Россіи*, служатъ губерніи: Харьковская, Полтавская, Екатеринославская, Херсонская, Азовское побережье даже до Кав-

казской Линіи, Крымъ, Бессарабія, вообще Южная часть Россіи; въ меньшей степени, однако же въ довольно значительной: Кіевская, Волынская, Подольская, Черниговская и отчасти Бѣлоруссія; на Востокъ сбытъ ограничивается Домомъ и нѣкоторыми уѣздами Воронежской губерніи, и производится вообще въ весьма небольшомъ размѣрѣ; на Сѣверѣ онъ захватываетъ одну Курскую губернію.—Товары, идущіе съ Юга и Запада, везутся съ Украинскихъ ярмарокъ большею частью на Сѣверъ, т. е. въ Курскую, Орловскую, Тульскую, Московскую губерніи, и на Сѣверо-западъ, т. е. въ Ригу и въ Литву — щетина, перо, пухъ, и проч.; иные же товары направляются и въ Сѣверо-восточныя губерніи, за Москву и къ Нижнему-Новгороду—сухіе фрукты, табакъ, смушки; на Востокъ, т. е. въ Воронежскую губернію — сахаръ (но не всегда) и смушки. Нѣкоторые товары Малороссійскіе и идущіе съ Запада сбываются также и на Югъ и Юго-востокъ — сукна, табакъ, иногда и сахаръ, Еврейскій иностранный товаръ. — Этотъ краткій перечень приводитъ насъ къ слѣдующимъ замѣчаніямъ:

а) Привозъ товаровъ изъ Россіи на ярмарки превышаетъ вывозъ товаровъ *съ ярмарокъ* въ Россію; это объясняется, между прочимъ, тѣмъ, что торговля главными мѣстными произведеніями Украины совершается безъ посредства Украинскихъ ярмарокъ, или пользуется ими въ весьма слабой степени. Такъ, напримѣръ, сбытъ табаку, скота, сала. Коренная ярмарка уже утратила прежнее свое сильное значеніе для торга «будущимъ» [1]) саломъ, который теперь обходится почти безъ ея содѣйствія.

б) Пространство ярмарочной торговли для нѣкоторыхъ товаровъ стѣсняется бассейнами рѣкъ Дона и Днѣпра. Такъ, напримѣръ, Черниговская губернія, Кіевская и Юго-Западная сторона Новороссійскаго края, равно какъ и вся Заднѣпровская, получаютъ неиздѣльное желѣзо, чугунъ, стекло, и хрусталь—водянымъ путемъ посредствомъ Днѣпра и Десны, на которую товары доставляются волокомъ изъ Брянскаго уѣзда, съ заводовъ, и съ Мценской пристани, снабжающейся желѣзомъ посредствомъ Оки. Съ другой сторо-

---

[1]) Т. е. покупаемымъ впередъ, по образцамъ.

ны—Донъ и такъ-называемыя Донскія мѣста получаютъ желѣзо и всѣ товары, пріобрѣтаемые на Нижегородской ярмаркѣ—путемъ Волги до Качалинской пристани и потомъ, отъ Дубовскаго посада, внизъ по Дону до Новочеркасска и Ростова.

в) Дѣятельность ярмарочная и сбытъ товаровъ направлены преимущественно къ Югу и Юго-западу, доходя до крайнихъ предѣловъ Бессарабіи, и напротивъ того почти вовсе не простираются на Востокъ. Не только Тамбовская губернія, но и Воронежская, сосѣдняя съ Харьковской и Курской, принимаютъ весьма слабое участіе въ ярмарочной торговлѣ.

Говоря о привозѣ и сбытѣ товаровъ, мы должны обратить вниманіе читателя на тѣ обстоятельства, которыя съ перваго раза могутъ показаться очень странными и привести въ затрудненіе иного статистика, рѣшающаго вопросы только по цифрамъ и географическимъ картамъ. Въ самомъ дѣлѣ, всякій, кто слыхалъ про важность Харькова, какъ центральнаго пункта, про огромные обороты его ярмарочной торговли, въ правѣ подумать, взглянувъ на карту, что Харьковъ служитъ складочнымъ мѣстомъ для всѣхъ окрестныхъ губерній, въ томъ числѣ, разумѣется, для Воронежской губерніи. Едвали кому придетъ въ голову, чтобы Воронежская губернія, стоя рядомъ съ Харьковской, стояла, такъ сказать, къ ней спиною, или чтобы Старобѣльскій уѣздъ Харьковской губерніи почти не имѣлъ доли въ Харьковской торговлѣ, а принадлежалъ къ системѣ торговли Воронежской. Почему, напримѣръ, Донъ выписываетъ не прямо съ мѣста, а изъ Харькова бархатныя машинныя пробки, которыя привозятся въ Харьковъ изъ Одессы и такимъ образомъ совершаютъ путь почти вдвое длиннѣе прямаго пути изъ Одессы въ Новочеркасскъ? Почему сукна доставляются изъ отдаленныхъ мѣстъ Черниговской, даже Гродненской губерніи, а 14 суконныхъ фабрикъ Тамбовской не присылаютъ сюда ни одного аршина? Стекло и хрусталь везутся изъ Судогодскаго уѣзда Владимірской и Рославскаго уѣзда Смоленской губерніи, почти за 900 верстъ, обходя заводы, несравненно ближайшіе къ Украинѣ, но не имѣющіе съ ней никакихъ торговыхъ связей? Отчего, напримѣръ, торговля суквами составляетъ на Украинѣ нѣкоторую спеціальность Рыльскихъ

купцовъ, и еще недавно торговля Штейрмарковскими сѣнокосними косами была исключительно присвоена Рыльску, а не другимъ городамъ, ближайшимъ къ Австрійской границѣ?—Разумѣется, подобныя явленія не могли бы возникать и удерживаться въ торговлѣ, если бъ были сопряжены съ значительною невыгодою. Но происхожденіе ихъ зависитъ отъ многихъ иныхъ побужденій, которыя разъясняются исторіей, преданіями, народнымъ характеромъ и другими нравственными причинами. Вспомнимъ, что торговля вообще, и Русская въ особенности, есть явленіе вполнѣ живое и свободное, какъ жизнь, и, какъ жизнь, подвержена воздѣйствію всѣхъ случайностей и тысячи мельчайшихъ, почти незамѣтныхъ обстоятельствъ. Она не движется по непреложнымъ законамъ отвлеченной системы, и потому-то такъ трудно, въ дѣлѣ торговой статистики, проводить прямыя и рѣзкія линіи.

Много значитъ въ торговлѣ заведенный обычай, давнее знакомство, личныя связи, протоpенная дорожка старинныхъ сношеній, даже симпатія, основанная на единствѣ быта и происхожденія. Такъ, напримѣръ, Старобѣльскій уѣздъ заселенъ почти весь Великоруссами и только въ 1819 году присоединенъ отъ Воронежской губерніи къ Слободско-Украинской, заселенной Малороссіянами; несмотря на присоединеніе, онъ сохранилъ прежнія сношенія съ Воронежскими, Елецкими, Ливенскими купцами и вообще съ Великорусскими губерніями, лежащими отъ него на Сѣверъ и Сѣверо-востокъ.—Изъ уѣздовъ Воронежской губерніи наибольшее участіе принимаютъ въ Украинской ярмарочной торговлѣ тѣ уѣзды, которыхъ жители Малороссійскаго происхожденія: при заселеніи Слабодской Украины, въ числѣ пяти слободскихъ казачьихъ полковъ, учрежденныхъ Московскимъ правительствомъ еще до Петра I, стоялъ и Острогожскій полкъ; полковъ давно не существуетъ, Острогожскъ обращенъ въ уѣздный городъ Воронежской губерніи, но прежняя связь его съ Слободскою Украиною выражается въ томъ, что. не смотря на бòльшую близость къ нему Воронежа, чѣмъ Харькова, онъ ѣздитъ за красными товарами въ Харьковъ, а не въ Воронежъ.—Съ своей стороны Донъ, Воронежъ, Тамбовъ и вся эта Юго-восточная часть Россіи зажила торговою жизнью гораздо ранѣе Харьковской губерніи, и торговыя сношенія ихъ съ

Россіей, заведенныя изстари, продолжаются и понынѣ. Не удивительно, что, по выраженію купцовъ, Донъ тянетъ къ Макарью, т. е. къ Нижегородскому ярмарочному рынку— это объясняется водянымъ сообщеніемъ Волги и Дона,— но и для сношеній своихъ съ Москвою онъ не прибѣгаетъ къ посредничеству Харьковскихъ ярмарокъ, несмотря на близость и на удобство, представляемое многолюднымъ стеченіемъ на ярмаркѣ Московскаго купечества. — Весьма важную роль въ торговлѣ играютъ слова: «кстати» и «дѣло подходящее». Купецъ, обязанный пріѣхать въ Харьковъ, положимъ съ Дону, для продажи нѣкоторыхъ товаровъ и для пріобрѣтенія тѣхъ, которыхъ нигдѣ въ другомъ мѣстѣ и не получитъ, нерѣдко закупаетъ *кстати* и другой товаръ, подходящій къ его торговлѣ, напр. пробку. Конечно, было бы ближе получать пробку прямо изъ Одессы, но для этого надобно заводить сношенія съ Одессой, нанимать нарочныхъ извощиковъ, которые еще не проторили этого пути, тогда какъ къ Харькову съ Дону уже издавна проложена дорога— чумаками.—Прикащикъ Великорусскаго купца, приписавшагося къ Лохвицѣ, самъ Великорусскаго происхожденія, женится на Малороссіянкѣ изъ Гадяча, открываетъ въ Гадячѣ желѣзную торговлю и не только заводитъ прямыя сношенія съ Москвой и Тулой, минуя ярмарки, но даже торгуетъ выписываемыми изъ Москвы товарами—въ Ромнѣ и въ другихъ городахъ, которые однако находятся въ выгоднѣйшихъ, въ сравненіи съ нимъ, условіяхъ мѣстности и разстоянія. Что же касается до вопроса, почему торговля сѣнокосными косами и сукнами какъ будто присвоена была, а отчасти присвоена и теперь г. Рыльску, то вотъ нѣкоторыя свѣдѣнія, не лишенныя интереса и, по нашему мнѣнію, бросающія свѣтъ на многія подобныя явленія Русской торговли.

Преданіе говоритъ, что первый завелъ эту торговлю въ Рыльскѣ и открылъ для Рыльскихъ граждан сношенія съ заграничными купцами, — нѣкто купецъ Филимоновъ, котораго Нѣмцы, изъ уваженія къ его необыкновенному уму и торговымъ дарованіямъ, чествовали *фономъ*. Это названіе перешло и въ Россію, такъ что, не только въ Рыльскѣ, но и по всей окрестной сторонѣ, даже въ простомъ народѣ, зна-

менитый купецъ извѣстенъ былъ подъ именемъ фонъ-Филимонова. По смерти его, торговый его домъ рушился и потомки, перейдя въ другое званіе, давно уже покинули городъ; но память о немъ живетъ и понынѣ между жителями Рыльска. И теперь въ Рыльскѣ есть купецъ Филимоновъ, одинъ изъ сильнѣйшихъ торговцевъ косами, вовсе не родственникъ, а только однофамилецъ основателя Рыльской косной торговли; но замѣчательно, что *уличное*, народное прозваніе настоящаго, современнаго Филимонова—*Фончиковъ*, какъ-бы въ отличіе отъ титула полнаго фона, которымъ пользовался нѣкогда знаменитый фонъ-Филимоновъ! Въ самомъ дѣлѣ, достойно вниманія, какъ много имѣетъ значенія для торговой жизни общества личность одного человѣка. Заграничныя сношенія Рыльска вовсе не были слѣдствіемъ выгодныхъ условій мѣстности, и никакими географическими причинами нельзя объяснить, почему именно къ Рыльску привилась косная торговля, а не къ Путивлю, не къ Кіеву, не къ Глухову... Но явился предпріимчивый человѣкъ, который отважнымъ примѣромъ проложилъ новую дорогу капиталамъ, и вотъ вскорѣ почти все общество Рыльскихъ гражданъ двинулось по проторенной дорогѣ, пользуясь устроенными сношеніями, знакомствомъ съ заграничными купцами, кредитомъ и опытомъ Филимонова, обратившимися въ общее достояніе. Такимъ образомъ завелась, установилась и усвоилась Рыльску торговля косами, проникла въ бытъ, образовала привычки и преданія, и почти 100 лѣтъ сряду удерживалась за нимъ въ видѣ монополіи, необезпеченной впрочемъ, какъ мы уже сказали, ни условіями мѣстности, ни формальными правами, а только однимъ живымъ обычаемъ и тѣмъ, какъ выражаются въ подобныхъ случаяхъ Русскіе торговцы, что «такъ уже повелось, таково уже въ Рыльскѣ искони заведеніе».—Разумѣется, такое основаніе непрочно, и въ настоящее время Рыльскіе купцы горько жалуются на упадокъ коснаго торга, тогда какъ онъ не упалъ, а усиливается, и только переходитъ въ другія руки. Вступивъ въ постоянныя сношенія съ иноземными купцами и часто посѣщая Германію, Рыльчане завели у себя и другія отрасли заграничной торговли: посылая извощиковъ за сѣнокосными косами, они стали отпускать за границу

щетину, гриву, шкуру, пухъ, перо и другіе прасольскіе товары, и сами, кромѣ косъ, закупали въ Бреславлѣ и въ другихъ городахъ *сукна*, которыми въ особенности славилась тогда Силезія. Оттого и теперь, когда заграничныхъ суконъ почти вовсе нѣтъ въ продажѣ и всѣ они замѣнены издѣліями Русской, Польской и Остзейской фабрикаціи, — торговля сукнами на Украинѣ почти вся сосредоточена въ рукахъ Рыльскихъ купцовъ. Безъ этого объясненія трудно было бы понять, почему на всѣхъ ярмаркахъ являются именно Рыльскія лавки съ сукнами и Рыльскіе же торговцы содержатъ въ Харьковѣ постоянные, обширные суконные магазины, тогда какъ торговля сукнами имъ такъ же съ руки, какъ и другимъ сосѣднимъ городамъ.

Сдѣлаемъ теперь нѣсколько замѣчаній о продавцахъ и о покупателяхъ.

1) Почти всѣ Московскіе купцы-краснорядцы, а также заводчики, предлагающіе товаръ изъ первыхъ рукъ, могутъ быть названы только *продавцами*, въ томъ смыслѣ, что сами они ничего на ярмаркахъ не покупаютъ. Впрочемъ нѣкоторые суконные фабриканты и кожевенные заводчики, продавая свои издѣлія, пріобрѣтаютъ здѣсь же сырые матеріалы для своего производства — шерсть и кожи. Нѣкоторые являются только для покупокъ, напримѣръ изъ Крыма, изъ Бессарабіи; одни больше продаютъ, чѣмъ покупаютъ; другіе больше покупаютъ, чѣмъ продаютъ. Торговцы Черниговскихъ Слободъ забираютъ множество мануфактурныхъ произведеній и сбываютъ множество предметовъ прасольской торговли. Вообще трудно постановить рѣзкое разграниченіе продавцовъ съ покупателями. 2) Не допускаетъ также строгости и раздѣленіе торговцевъ на фабрикантовъ или заводчиковъ и на купцовъ, на продающихъ товары изъ первыхъ или изъ вторыхъ рукъ. Мы уже замѣтили выше, что многіе фабриканты, которые, разумѣется, при статистическомъ описаніи, причисляются къ классу первыхъ производителей товара, держатъ въ своихъ лавкахъ и произведенія чужихъ фабрикантовъ, «такъ, для своихъ покупателей», какъ они выражаются; слѣдовательно, въ отношеніи къ этимъ произведеніямъ, они уже являются купцами, продающими изъ вторыхъ рукъ. 3) Точно такъ и оптовые торговцы иногда доводятъ опто-

вую продажу до такого ничтожнаго размѣра оптовыхъ партій, что она совершенно обращается въ розничную. Иногда же и розничный продавецъ продаетъ, при случаѣ, товаръ большими оптовыми партіями; иногда въ одномъ и томъ же лицѣ соединяются оба способа торговли. Напримѣръ, мѣховщики—торгуя оптомъ дешевыми мѣхами, продаютъ дорогіе поштучно. 4) При разсмотрѣніи оффиціальныхъ данныхъ, необходимо имѣть всегда въ виду, что названіе города, къ которому принадлежитъ купецъ, часто не имѣетъ никакой связи съ его торговлею. Напримѣръ, въ спискахъ оффиціальныхъ вы прочтете: «Бердянскіе купцы съ красными товарами и сукнами; Ейскіе купцы съ желѣзнымъ» и проч. На дѣлѣ выходитъ, что ни Бердянскій, ни Ейскій купецъ никогда Бердянска и Ейска даже въ глаза не видали, а проживаютъ въ Богородскѣ или Ельцѣ. Такъ какъ Бердянскъ и Ейскъ привилегированные города, приписавшіеся къ которымъ достигаютъ почетнаго гражданства скорѣе, чѣмъ въ другихъ городахъ, то многіе Великорусскіе купцы увлеклись такою выгодою, а Евреи создали изъ этого — особаго рода спекуляцію. Необходимымъ условіемъ для званія мѣстнаго купца въ этихъ городахъ полагается осѣдлость, т. е. недвижимая собственность, земля или домъ; поэтому на ярмарку нерѣдко являются къ Русскимъ купцамъ Евреи съ предложеніемъ приписать ихъ къ Ейску или Бердянску, получаютъ довѣренность и деньги, покупаютъ или заказываютъ какую-нибудь хатку изъ камыша, навоза и глины, и привозятъ своему довѣрителю всѣ нужные документы и свидѣтельства. 5) Названія, присвоенныя обычаемъ нѣкоторымъ товарамъ, также могутъ ввести въ заблужденіе. Напримѣръ, на каждой ярмаркѣ вы увидите временной, а въ нѣкоторыхъ городахъ постоянный, деревянный или каменный рядъ лавокъ подъ названіемъ «Суздальскаго» ряда. Почти всѣ Великорусскіе краснорядцы, торгующіе бумажными товарами, въ обыденной рѣчи называются *Суздалами*, а товары ихъ—*Суздальскими*. Въ частности это названіе присвоивается фабрикантамъ и товарамъ Владимірской губерніи, и даже Костромской. Между тѣмъ изъ Суздаля пріѣзжаютъ только два купца (два брата Назаровы), а изъ прочихъ уѣздовъ Владимірской губерніи — 15. Не есть ли этотъ обычай живой

4*

слѣдъ народной исторической памяти, отголосокъ давней старины, когда весь тотъ край извѣстенъ былъ народу подъ славнымъ именемъ «Суздаля»? Есть многіе товары, которымъ названія нисколько не соотвѣтствуютъ. Такъ, напримѣръ, овощный товаръ не заключаетъ въ себѣ почти никакой овощи и правильнѣе долженъ назваться съѣстнымъ товаромъ. Въ игольномъ товарѣ почти нѣтъ ни одной иголки, или, во всякомъ случаѣ, она составляетъ самую ничтожную часть этого товара, подъ которымъ разумѣется разный галантерейный товаръ простой работы и низшаго качества. Весьма трудно опредѣлить, что именно слѣдуетъ понимать подъ названіемъ москотельныхъ и бакалейныхъ товаровъ: есть товары, которыми равно торгуютъ и бакалейщики и москотильщики; бакалейными товарами называетъ свои товары и каждая овощная лавка. Въ большей части оффиціальныхъ вѣдомостей они причислены къ *Русскимъ* товарамъ, тогда какъ бакалія,—если подъ нею разумѣть сухіе фрукты и ягоды—получается изъ Греціи, Архипелага, Турціи и Малой Азіи, а москотиль—т. е. коренья и краски—также изъ-за границы. 6) Также по обычаю, происхожденіе котораго вѣроятно давно забыто и самими торговцами, многіе товары, вовсе не однородные, продаются вмѣстѣ, въ одной лавкѣ, т. е. одинъ изъ нихъ является придаточнымъ къ главному товару. Напримѣръ, оптовыя лавки съ желѣзомъ—продаютъ также и бечеву; при сахарѣ большею частію продается бумага, не сахарная, а простая писчая и оберточная; при игольномъ или галантерейномъ простомъ товарѣ имѣются нѣкоторые предметы и москотильной торговли, преимущественно краски, и т. п.

Къ числу ярмарочныхъ продавцовъ товара, особенно замѣчательныхъ по способу своей торговли, должно отнести вообще прасоловъ, чумаковъ и самовозовъ. Товаръ чумацкій есть собственно рыба и соль; мы еще воротимся къ нимъ, говоря объ извозѣ; самовозами называются тѣ торгующіе крестьяне, которые привозятъ товаръ на собственныхъ лошадяхъ или волахъ, а не на наемныхъ. Такіе самовозы являются, напримѣръ, изъ Саратовской губерніи съ конной гривой и байбачьими шкурами, изъ Нижегородской губерніи съ русскимъ грибомъ, клюквой, циновкою и рогожей; изъ

Полѣсья съ польскимъ грибомъ, и т. п. Для тѣхъ изъ нашихъ читателей, которые мало знакомы съ торговымъ бытомъ Россіи, не излишнимъ будетъ изъясненіе, что собственно разумѣется подъ прасольствомъ, о которомъ мы уже не разъ упоминали и которое особенно сильно развито въ нашемъ отечествѣ.

Прасольствомъ называется сборъ изъ первыхъ рукъ, отъ первыхъ производителей, такихъ однородныхъ предметовъ сельскаго домашняго хозяйства и промысла, которые, будучи разсѣяны по рукамъ производителей, сами по себѣ, такъ сказать въ одиночку, не имѣютъ особеннаго значенія и цѣнности. Только собранные вмѣстѣ, совокупленные въ одну массу, годятся они въ дѣло, получаютъ и цѣнность и значеніе въ торговлѣ. Прасольскій товаръ—товаръ сборный. Важность этого промысла для Россіи объясняется какъ слабостью городской централизаціи, такъ въ особенности тѣмъ, что у насъ сельская промышленность не сосредоточена въ рукахъ немногихъ землевладѣльцевъ, а есть достояніе *всего* сельскаго сословія, что сельское народонаселеніе наше живетъ осѣдло, раздроблено на безчисленное множество отдѣльныхъ хозяйствъ, изъ которыхъ каждое имѣетъ свою землю, свою мелкую долю участія въ общемъ народномъ хозяйствѣ и промышленности. Возьмемъ, напримѣръ, прасольскій товаръ щетину: крестьянка собираетъ небольшой пучокъ щетины около своихъ свиней; самъ по себѣ, отдѣльно взятый, этотъ пучокъ не имѣетъ никакой цѣнности, но является ходебщикъ съ товарами, беретъ у крестьянки пучокъ щетины, платитъ ей бездѣлицу или мѣняетъ на какое-нибудь оловянное колечко, и такимъ образомъ набираетъ огромное количество пучковъ, которые, переходя отъ мелкихъ купцовъ къ крупнымъ, поступаютъ на фабрики и заводы или отправляются за границу. Ходебщикъ-прасолъ служитъ посредникомъ между крестьянскимъ и купеческимъ сословіемъ, избавляетъ крестьянъ отъ издержекъ, сопряженныхъ съ провозомъ товара до мѣста сбыта, и доставляетъ крестьянскому хозяйству немалыя выгоды. Съ одной стороны — разсѣянное народонаселеніе, огромныя пространства, недостатокъ удобныхъ сообщеній были бы неодолимымъ препятствіемъ для сбыта купеческихъ товаровъ, если бъ не разносило ихъ по потребителямъ кочевое племя

торговцевъ-пѣшеходовъ и самовозовъ. Съ другой стороны— безъ ихъ дѣятельнаго посредничества, несмѣтныя богатства Россіи, раздробленныя въ простонародномъ быту на милліонныя частицы, оставались бы еще надолго мертвымъ капиталомъ. Было бы весьма полезно и любопытно знать въ подробности размѣры этой торговой силы и механизмъ ея внутренняго, древняго устройства. Прасольская дѣятельность охватываетъ всю Россію, разумѣется, измѣняясь по мѣстности и товару, принимая въ себя разныя характеристическія особенности, раздѣляясь на многіе разряды и виды [1]). Нѣкоторые прасольскіе промысла имѣютъ даже свои домашніе, разумѣется неписанные, уставы, свой условный языкъ (напр. Угличане-холщевники и другіе). Въ Малороссіи какъ промыселъ, такъ и самый прасольскій товаръ, называется *шибайнымъ*, а въ Низовой Россіи, на Волгѣ, *тарханомъ*. Прасольствомъ занимаются Черниговскіе Слобожане, о которыхъ распространимся подробнѣе, говоря о покупателяхъ, также мѣщане, отчасти крестьяне Курской и Воронежской губерній, и жители м. Рашевки Гадячскаго уѣзда. Рашевка весьма любопытное явленіе, едвали не единственное во всей Малороссіи. Оно такъ мало извѣстно, что мы позволяемъ себѣ сдѣлать нѣкоторое отступленіе и разсказать о немъ подробнѣе, основываясь на личныхъ нашихъ изысканіяхъ и на свѣдѣніяхъ, сообщенныхъ въ Полтавскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ 1851 года.

Мѣстечко Рашевка, Гадячскаго уѣзда, въ 17 верстахъ отъ Гадяча, имѣетъ до 2,000 жителей казаковъ, мѣщанъ, свободныхъ хлѣбопашцевъ и панскихъ крестьянъ. Кромѣ того, изъ Рашевскихъ казаковъ человѣкъ до 8 приписаны къ г. Гадячу. Изъ нихъ самые значительные — Тихановичъ и Хандро. Въ описаніи Черниговскаго намѣстничества, составленномъ въ 1786 году, мы находимъ о Рашевкѣ слѣдующія строки: «жители большею частью торгуютъ медомъ, воскомъ и разными товарами, продавая ихъ Великороссій-

[1]) Къ предметамъ прасольской торговли въ *обширномъ* смыслѣ принадлежитъ даже сало, пенька, рогатый скотъ, вообще тотъ товаръ, который *собирается* такъ сказать по частямъ, поштучно, въ болѣе *тѣсномъ*, въ какомъ мы здѣсь разумѣемъ: щетина, перо, пухъ, мѣдъ, вощина, майка (шпанская муха), шкурки, холстъ и проч. и проч.

скимъ купцамъ, для закупки чего, особенно заячьихъ, кроличьихъ и кошачьихъ шкуръ, вездѣ разъѣзжаютъ и оныя сырыми продаютъ, отчего отъ своихъ сосѣдей называются *кошкодерами*».—Мы не знаемъ, удержалось ли это названіе; мы слышали другое названіе—*щетинниковъ*. Вотъ какъ происходитъ эта торговля. Жители мѣстечка Рашевки, преимущественно казаки. образуютъ изъ себя артели отъ 6 до 10 человѣкъ. Каждая артель дѣлаетъ складчину, избираетъ себѣ начальника или атамана и, черезъ посредство его, беретъ у одного изъ Рашевскихъ купцовъ извѣстную пропорцію игольнаго товара, а иногда занимаетъ и денегъ, на честномъ словѣ, безъ всякой росписки; потомъ уплачиваетъ подати за себя и за семьи, добываетъ паспортовъ и приготовляется въ путь. До выѣзда вся артель собирается къ атаману, который раздаетъ каждому часть товара и нѣкоторую часть денегъ, съ общаго согласія назначаетъ срокъ и мѣсто для сбора, и потомъ вся артель расходится въ разныя стороны, по разнымъ дорогамъ, пѣшкомъ, съ котомкой или коробкой за плечами, а атаманъ съ остальнымъ товаромъ и деньгами прямо ѣдетъ въ телѣгѣ на сборный пунктъ. Артельщики рѣдко покупаютъ что-нибудь за наличныя деньги, а почти всегда вымѣниваютъ свой дешевый игольный товаръ на щетину, перо, пухъ, старый мѣдный ломъ, шкурки, восчину и т. п. Эта мѣна гораздо выгоднѣе продажи. Русскій игольный или иначе простой галантерейный товаръ—дешевизны необыкновенной. Есть кольца (оловянныя), которыхъ сотня стоитъ 20 копѣекъ ассигнаціями. Это самыя дешевыя; но есть и такія кольца и серьги, которыя стóятъ по 4 коп. серебромъ за штуку — и даже до 10 копѣекъ! Очевидно, что продавать за деньги не было бы никакой выгоды; но, при промѣнѣ, каждая вещица даетъ огромные проценты. Есть такой товаръ, противъ котораго не устоитъ никакая Украинская *гарная дивка* или жинка, есть кольца-*змѣйки* и серги-*польки*, издѣлія мужиковъ села Сидоровскаго Нерехтскаго уѣзда Костромской губерніи, за которыя Малороссійская крестьянка охотно отдастъ и собранную ею въ теченіе года щетину, и птичье перо палое и щипанное, и многіе другіе мелкіе предметы ея хозяйства, ей ничего не стоющіе, а въ массѣ получающіе огромную цѣнность. Иног-

да, впрочемъ, товаръ пріобрѣтается и за деньги.—На сборный пунктъ, въ урочное время, являются всѣ артельщики, отдаютъ атаману вымѣненныя вещи и отчетъ въ деньгахъ, и представляютъ къ освидѣтельствованію наличный оставшійся у нихъ товаръ. Атаманъ сейчасъ дѣлаетъ заключеніе, кто былъ исправенъ, кто нѣтъ, по какой причинѣ: если отъ пьянства или вообще отъ собственной вины артельщика, то немедленно творится артелью общій судъ и расправа, т. е. виноватый тутъ же наказывается. Если же дѣло артели шло удачно и прибыль хороша, то всѣ разсчеты заканчиваются магарычомъ, послѣ котораго вновь раздаются товары, вновь назначается сборный пунктъ, и артель движется далѣе... Такимъ образомъ артель проходитъ до Азовскаго побережья, постоянно смыкаясь и размыкаясь, то превращаясь въ одну цѣльную общину, произносящую судъ, то распадаясь на отдѣльныя самостоятельно дѣйствующія лица, ибо успѣхъ каждаго зависитъ отъ его личныхъ свойствъ, смѣтки, умѣнья и характера. Разумѣется, не всѣ артели путешествуютъ такъ далеко; нѣкоторыя изъ нихъ совершаютъ свои походы не далѣе Кіевской или Херсонской губерній, раза по два и по три въ годъ; отправляющіяся къ Азовскому морю, къ Черноморскимъ казакамъ и даже на Линію, проводятъ въ странствованіи около года.—Промѣнявъ весь взятый изъ дому товаръ и нагрузивъ опорожненную телѣгу новымъ пріобрѣтеннымъ, артель возвращается домой. Атаманъ сдаетъ купцу, ссудившему ихъ деньгами и вещами, весь привезенный товаръ — по существующимъ цѣнамъ. Купецъ вычитываетъ изъ общей цѣнности товара сумму, которая ему слѣдуетъ въ возвратъ, безъ процентовъ, а за остальной товаръ уплачиваетъ наличными деньгами. Тогда чинится разсчетъ въ самой артели: выручка дѣлится на равныя части между всѣми, причемъ деньги, взнесенныя въ кассу, возвращаются каждому сполна, но атаманъ получаетъ еще другую часть, за подводу. Если же кто не оказалъ усердія, то съ его части, съ общаго согласія, дѣлается вычетъ. Всѣ разсчеты, по увѣренію автора статьи Полтавскихъ губернскихъ вѣдомостей, кончаются въ одинъ день, заключаются пирушкой,— и партія расходится. Всѣхъ ходебщиковъ считается до 1,000 человѣкъ. Къ Рашевкѣ присоединяются въ этомъ промыслѣ

также селенія Лютенька, Сары, Лисовка и Харьковецъ. Есть особый сортъ щетины, называемый Рашевскимъ; Рашевскій воскъ, выдѣлываемый изъ восчины на Рашевскихъ заводахъ, также имѣетъ извѣстность въ торговлѣ. Рашевскіе купцы, для продажи добытыхъ такимъ образомъ прасольскихъ товаровъ, являются на Крещенскую, Маслянскую, Вознесенскую, Коренную и Ильинскую ярмарки. Для сбыта звѣроваго товара самая лучшая ярмарка Маслянская.

Обратимся теперь къ покупателямъ, принимая это слово въ смыслѣ покупателей на привозные Русскіе товары. Изъ нихъ ярмарочные торговцы отличаютъ слѣдующихъ: 1) городовыхъ покупателей; 2) Караимовъ; 3) Евреевъ; 4) Армянъ; 5) Слободскихъ или Слобожанъ; 6) Офеней или Владимірцевъ; 7) торговокъ Русскихъ или Еврейскихъ.

1) *Городовой покупатель*—слово, принятое въ торговлѣ, означаетъ розничнаго купца городоваго, осѣдлаго, мѣстнаго. Это покупатель «фундаментальный», выражаются купцы, прочный, настоящій купецъ, обыкновенно владѣющій недвижимою собственностію и, большею частію, Великорусскаго происхожденія.

2) *Караимы*, изъ Таврической губерніи. Они тѣ же Евреи, но не талмудисты, и утверждаютъ, что вышли изъ Іудеи еще послѣ перваго плѣненія Вавилонскаго, а потому не считаютъ себя участниками въ распятіи Спасителя. На этомъ основаніи и правительство, по присоединеніи Крыма къ Россіи, даровало имъ разныя льготы и привилегіи преимущественно предъ Евреями-талмудистами, да и въ торговлѣ у купцовъ они пользуются бо̀льшимъ кредитомъ, чѣмъ Евреи. Вопросъ объ ихъ происхожденіи, кажется, до сихъ поръ не рѣшенъ окончательно. Нѣкоторые признаютъ ихъ потомками Казаръ, исповѣдывавшихъ жидовскую вѣру. Несомнѣно то, что въ бытъ Караимскій вошло много не Еврейскихъ обычаевъ: женщины живутъ въ заключеніи и не смѣютъ показываться мужчинамъ, одежда ихъ совершенно восточная, говорятъ они между собою большею частію по-Татарски, и т. д. Они очень способны къ торговлѣ и многіе изъ нихъ владѣютъ въ Крыму большими капиталами. Мануфактурныхъ Русскихъ произведеній покупаютъ они весьма много.

3) *Евреи*. Евреи — самые дѣятельные покупатели, особенно

на мануфактурные Русскіе товары, которые разносятъ по всему Западному краю, даже по Бѣлоруссіи; они же сильные покупатели и на многіе прасольскіе товары, которые отправляютъ за границу. Почти вся торговля иностранными товарами, привозимыми чрезъ сухопутную границу, производится Евреями, какъ Русскими подданными, такъ и Австрійскими. Броды, Бердичевъ и Дубно главные двигатели этой торговли; черезъ нихъ Украинскія ярмарки имѣютъ нѣкоторую связь съ Лейпцигскими ярмарками, особенно по мягкой рухляди. — Евреямъ не велѣно торговать ни на Коренной, ни на Харьковскихъ ярмаркахъ; на послѣднія, впрочемъ, дозволено пріѣзжать для закупокъ, но только гильдейскимъ купцамъ. Разумѣется, это запрещеніе не можетъ быть строго соблюдаемо, и, подъ именемъ купцовъ, купеческихъ прикащиковъ и слугъ, Евреи и на Харьковскихъ ярмаркахъ являются во множествѣ, и не одни, а съ товарами. Правило относительно Евреевъ потому особенно трудно для исполненія, что сами Русскіе купцы покровительствуютъ ихъ торговлѣ, давая имъ возможность продавать товары въ Русскихъ лавкахъ, за особымъ прилавкомъ, подъ видомъ прикащиковъ. На тѣхъ же ярмаркахъ, гдѣ Евреи пользуются свободнымъ правомъ купли и продажи, они придаютъ торговлѣ какое-то особенное, лихорадочное оживленіе, бѣгаютъ, суетятся, снуютъ, сопровождая каждое слово быстрыми тѣлодвиженіями; вездѣ раздается ихъ шибкій гортанный говоръ, вездѣ, на каждомъ шагу, останавливаютъ они посѣтителя съ предложеніемъ товаровъ. Евреевъ особенно много бываетъ на Ильинской ярмаркѣ: какъ саранча, спускаются они на городъ, продавая товары изъ лавокъ и изъ лавочекъ, изъ шалашей, изъ-подъ навѣсовъ и изъ палатокъ, и оптомъ и въ раздробь, на столикахъ, и въ разноску, и на дому у жителей. Но наступаетъ шабашъ: Евреи исчезаютъ, и въ городѣ—мертвая тишина; торговля въ Русскихъ рядахъ не прекращается, но производится медленнѣе, спокойнѣе и безъ шума.—Торговля Евреевъ тѣмъ еще замѣчательна, что около каждаго Еврейскаго оптоваго купца толпится сотня мелкихъ, бѣдныхъ Евреевъ, которые берутъ товаръ изъ оптовой лавки и продаютъ его въ раздробь. Это оживленіе розничной торговли усиливаетъ массу наличныхъ денегъ на ярмаркѣ; поэтому тѣ

ярмарки, на которыхъ торгуютъ Евреи, считаются денежными. Евреи всегда поддерживаютъ другъ друга, имѣютъ своихъ банкировъ, своихъ подрядчиковъ, своихъ извощиковъ. Съ Великорусскими купцами они въ большихъ ладахъ и пользуются отъ нихъ ласковымъ названіемъ *Жидковъ*. Купцы не считаютъ ихъ слишкомъ опасными для себя соперниками. Въ самомъ дѣлѣ странно, что между Русскими Евреями мало *основательныхъ*, какъ говорятъ купцы, фундаментальныхъ торговцевъ, — вѣроятно отъ излишней поспѣшности и алчности. Еврей нерѣдко продаетъ товаръ гораздо дешевле, чѣмъ купилъ: ему всегда нужны наличныя деньги, оборотомъ которыхъ онъ и надѣется пополнить понесенный убытокъ. Купцы говорятъ, что пока у Русскаго обернется рубль два раза, у Еврея обернется онъ пять разъ. Все это однако же не мѣшаетъ Великорусскимъ купцамъ заселять города въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ Евреи имѣютъ свободное право жительства и торговли, и брать въ торговлѣ постоянный перевѣсъ надъ Еврейскимъ племенемъ.

4) *Армяне*—Армянскіе городовые купцы изъ Нахичевани и Астрахани.

5) *Офени*. Офенями называются ходебщики или иначе разнощики — крестьяне Владимірской губерніи Ковровскаго, отчасти Вязниковскаго уѣзда, которые въ большомъ числѣ отправляются въ Украину и Новороссійскій край, гдѣ занимаются разноскою и развозкою товаровъ, преимущественно красныхъ, также галантерейныхъ, посуды и книгъ, по городамъ, хуторамъ, селамъ и мѣстечкамъ. Они имѣютъ дѣло большею частію съ *панами*, съ помѣщиками, а потому и товаромъ торгуютъ уже степенью выше противъ товара, разносимаго Слобожанами. Ковровцы смѣнили Орловскихъ ходебщиковъ, которые въ прежнія времена ворочали всей розничной торговлею на Украинѣ. Состарившіеся въ ярмарочныхъ разъѣздахъ купцы разсказывали намъ, что лѣтъ 30 или 40 тому назадъ былъ нѣкто торговый крестьянинъ изъ д. Шахова, Кособоковъ, глава всѣхъ Орловскихъ ходебщиковъ, пользовавшійся неограниченнымъ кредитомъ и почетомъ у купечества. Воспоминанія о немъ приняли даже нѣсколько сказочные размѣры. «Нѣтъ торговли на ярмаркѣ, стоитъ ярмарка день, стоитъ другой, ѣдетъ Кособоковъ—всѣ

ожили; пріѣдетъ, полъ-ярмарки разомъ заберетъ»! Такъ отзываются о немъ старожилы. Какъ бы то ни было, но, по ихъ же разсказу, этотъ Кособоковъ, забравъ товару свыше силъ, не успѣлъ сбыть его съ выгодой и, видя, что дѣло плохо, призвалъ своихъ прикащиковъ и работниковъ, роздалъ имъ остальной товаръ, а самъ воротился домой въ деревню. Отсутствіе Кособокова на ярмаркахъ удивило купцовъ, потомъ встревожило; наконецъ, поѣхали къ нему въ деревню и нашли его въ полѣ, въ крестьянской грубой одеждѣ, за сохою: будто вѣкъ и купцомъ не бывалъ. Объяснились купцы, получили по 30 к. за рубль—но многіе обанкрутились. Эта катастрофа повлекла за собою паденіе Орловскихъ ходебщиковъ и усиленіе городовыхъ мѣстныхъ центровъ. На мѣсто Орловцевъ явились Ковровцы, которые сначала торговали очень хорошо; въ настоящее же время ихъ торговля на Украинѣ постепенно слабѣетъ, вытѣсняемая торговлею Слобожанъ и мѣстныхъ купцовъ; теперь Владимірцы, по словамъ торговцевъ, ударились въ Сибирь.—Ходебщики состоятъ при хозяевахъ. У инаго хозяина — Ковровскаго купца или капиталиста-крестьянина—бываетъ до 8 *счетовъ* или прикащиковъ, съ которыми хозяинъ заключаетъ условіе такого рода: онъ даетъ своему прикащику, положимъ, тысячъ на 5 руб. серебромъ товара, да право кредита, или забора товаровъ въ кредитъ на хозяйское имя, также тысячъ на 5 р.; сверхъ того, прикащикъ имѣетъ своего капитала тысячи 3, которыя присоединяетъ къ общей суммѣ: барыши пополамъ, расходы общіе, вычитываемые изъ пріобрѣтенныхъ барышей; но долги всѣ на долю прикащика, т. е. все, что онъ отпустилъ въ долгъ, остается на его отвѣтственности. Если товаръ не распроданъ, то хозяинъ обязанъ взять его у прикащика обратно, но вычитываетъ въ такомъ случаѣ у прикащика 10% стоимости товара. Есть такіе купцы, у которыхъ нѣтъ счета съ прикащикомъ менѣе 15,000 руб. серебромъ. Кромѣ того, обязанные платить гильдейскія пошлины, чтобы имѣть постоянное право торговли въ уѣздахъ, хозяева заводятъ и постоянную мѣстную лавочную торговлю во многихъ городахъ разомъ. Такъ, напримѣръ, Ковровскій купецъ Чернышевъ имѣетъ лавки въ Черниговѣ, въ Прилукахъ и еще въ какихъ-то двухъ городахъ Херсонской губерніи, Са-

зоновъ—въ Рыльскѣ, Льговѣ, Путивлѣ... У прикащика есть помощникъ, называемый *подносчикомъ* и при немъ «ребята» или «*молодцы*». Прикащикъ не *ходитъ*, а разъѣзжаетъ, обыкновенно самъ-четвертъ или самъ-пятъ, на пяти или шести возахъ, нагруженныхъ товарами. Годовой курсъ торговаго странствованія начинается для Владимірцевъ большею частію съ Покровской ярмарки; здѣсь забираютъ они у краснорядцевъ товары и, по мѣрѣ распродажи, приходятъ за новыми товарами на Введенскую, Крещенскую и Маслянскую ярмарки. На лѣто они уходятъ домой, однако же не всѣ, такъ что изъ 8 счетовъ остается два съ тою цѣлію, чтобы получить долги съ помѣщиковъ, пріѣзжающихъ съ шерстью на Троицкую ярмарку. Сами настоящіе хозяева являются только разъ или два въ году для разсчетовъ. Офени пользуются довѣріемъ и хорошею славою.

6) *Слобожане*. Такъ называются жители Великорускихъ старообрядческихъ Слободъ Мглинскаго, Нововыбковскаго, Стародубскаго уѣздовъ Черниговской губерніи: онѣ возникли еще въ XVII вѣкѣ, подъ сѣнію славной въ лѣтописяхъ раскола Вѣтки, въ краю, еще принадлежавшемъ тогда Польшѣ, но были оттуда переведены Петромъ I-мъ въ нынѣшнюю Черниговскую губернію. Нѣкогда знаменитыя своимъ упорствомъ въ расколѣ, эти Слободы нынѣ не менѣе знамениты своею промышленностію и торговлею. Для примѣра укажемъ на посадъ Клинцы, гдѣ работаетъ ежедневно до 22 суконныхъ, шерстяныхъ и льняныхъ фабрикъ, изъ которыхъ семь дѣйствуютъ парами. Онѣ же ведутъ торгъ пенькой и разнымъ прасольскимъ товаромъ, который отпускаютъ за границу или черезъ Рижскихъ портовыхъ купцовъ или, какъ во время послѣдней войны, черезъ Ковно, и который собираютъ по всей Украинѣ и Новороссійскому краю. Слободскіе прасола ходятъ далѣе всѣхъ, въ земли войска Азовскаго и Черноморскаго, до самой Кавказской Линіи, откуда между прочимъ привозятъ щетину, извѣстную подъ названіемъ линейной, и заячьи и русачьи шкуры. Красные товары, которыхъ они покупаютъ очень много, большею частью, какъ мы уже сказали, низшаго качества и сортовъ — сарпинка, нанка, кубовые товары и т. п. Способъ ихъ торговли нѣсколько отличается отъ Владимірскаго. Прежде, говорятъ,

дѣло дѣлалось такимъ образомъ: у одного хозяина было ребятъ до 100 и болѣе коробейниковъ или коробочниковъ, которымъ онъ и раздавалъ купленный товаръ, нуда по 4 въ коробку. Теперь же система нѣсколько измѣнилась. Именно: у купца-хозяина бываетъ коробочниковъ до 400 человѣкъ или болѣе (утверждаютъ, что у купца Гусева ихъ до 800), которые завѣдываются 10 или 20 прикащиками, также называемыми «счетами». Можно не разъ услышать выраженіе: «это купецъ сильный, у него 15 счетовъ»! Хозяинъ, распредѣляя между прикащиками или непосредственно отъ него зависящими *ребятами*—округи дѣйствій и странствованія, имѣетъ въ каждомъ округѣ *станціи* или центральныя лавки, для чего нерѣдко объявляетъ капиталъ и платитъ гильдейскія пошлины въ 7 или 8 городахъ и болѣе. Изъ этихъ центральныхъ лавокъ товаръ, какъ увѣряли насъ, никому уже на сторону не продается, а снабжаются имъ прикащики по особому условію: хозяинъ отдаетъ имъ товаръ по оцѣнкѣ, договариваясь заранѣе въ пользѣ, которая не бываетъ ниже 10%, и назначаетъ имъ срокъ и мѣсто для отчета. При отчетѣ, онъ беретъ свою договоренную прибыль, а непроданный товаръ беретъ назадъ безъ вычета. У купца Гусева, сильнѣйшаго изъ Слободскихъ купцовъ, главною станціею нѣсколько лѣтъ тому назадъ считалась с. Вертлѣевка, въ 90 верстахъ отъ Елисаветграда; но, кромѣ того, было много станцій въ Екатеринославской и Херсонской губерніяхъ, и одна даже на Линіи. Начало года для Слобожанъ — Кролевецкая ярмарка, ибо лѣто они проводятъ дома. Сюда выѣзжаютъ сами хозяева съ цѣлымъ полчищемъ своихъ молодцовъ и прикащиковъ, снабжаютъ ихъ товарами, или сообщаютъ Московскимъ купцамъ - фабрикантамъ, какому прикащику на сколько вѣрить, т. е. отпускать товару въ долгъ. На каждаго прикащика пишется въ лавкѣ особый счетъ, списокъ съ коего фабрикантомъ отдается хозяину, который и самъ запасается товаромъ для своихъ центральныхъ лавокъ. На прочія ярмарки Слобожане являются преимущественно тѣ, которые почему-либо не поспѣли на Кролевецкую. Къ Крещенской большею частью стараются собраться всѣ снова для *освѣженія* товаровъ, т. е. для пріобрѣтенія нѣкоторыхъ новыхъ. На Вознесенской ярмаркѣ въ Ромнѣ—уже по пути

домой—они не закупаютъ матерій, а дѣлаютъ съ хозяевами разсчетъ и сдаютъ имъ непроданные товары. Разумѣется, не всѣ поспѣваютъ прибыть къ Вознесенской ярмаркѣ, нѣкоторые приходятъ и послѣ; но на лѣто и прикащики и работники возвращаются домой. Слобожане по преимуществу называются коробочниками и ходебщиками, потому что не ѣздятъ, а ходятъ и носятъ свой товаръ въ коробкахъ. За всѣхъ своихъ прикащиковъ расплачивается самъ хозяинъ, отвѣчая только за тотъ заборъ товаровъ, который не превышаетъ указанной купцу для каждаго прикащика мѣры.

Если же, напримѣръ, фабрикантъ или краснорядскій купецъ отпустилъ товаровъ болѣе назначеннаго, то онъ уже самъ долженъ вѣдаться съ прикащикомъ, не вмѣшивая сюда хозяина. Таковыхъ хозяевъ на Украинскихъ ярмаркахъ является до 30 человѣкъ. Впрочемъ у Московскихъ купцовъ Слобожане слывутъ народомъ грубымъ, сѣрымъ, менѣе «образованнымъ», чѣмъ Владимірскіе офени и не пользуются такою хорошею репутаціею, какъ послѣдніе.

7) Великорусскія и Малороссійскія торговки, а также и Еврейки. Имъ раздается обыкновенно красный товаръ. объѣхавшій уже всѣ ярмарки и вышедшій изъ моды. Онѣ распродаютъ его тутъ же, на ярмаркахъ, въ розницу, сидя на тротуарахъ, скамейкахъ, столбахъ, и приносятъ выручку купцамъ, съ вычетомъ извѣстнаго процента въ свою пользу; иногда же покупаютъ товаръ и на свой счетъ. Эти остатки товаровъ называются у Евреевъ *рамша* или *рамжа*—слово, усвоенное, кажется, теперь и Русскими ярмарочными торговцами.

Теперь посмотримъ, какимъ способомъ передвигается вся эта масса товаровъ. Способъ перевозки двоякій: извощичій или конный, и фурный или воловій. Товары отправляются или черезъ конторы транспортовъ, или черезъ подрядчиковъ, или черезъ самихъ извощиковъ и чумаковъ.

Конторъ транспортовъ существуетъ въ Харьковѣ двѣ: дѣятельность ихъ, сравнительно съ общею суммою передвигаемаго груза, незначительна. Изъ 60 тысячъ подводъ, отправленныхъ въ разныя мѣста изъ Харькова съ Крещенской ярмарки 1854 года (по частнымъ собраннымъ нами свѣдѣніямъ), на долю конторъ приходится тысячъ 5 подводъ,

не болѣе. Мы говоримъ только объ одной Крещенской ярмаркѣ. Конторами транспортовъ посылается довольно много подводъ лѣтомъ и въ теченіе цѣлаго года съ шпанскою шерстью — въ Москву, къ фабрикантамъ. Отправка черезъ контору обходится дороже обыкновеннаго способа, ибо отправляемые товары большею частью застраховываются. Безъ застраховки она менѣе представляетъ для купца обезпеченія, чѣмъ отдѣльное лицо подрядчика или давно знакомый испытанный извощикъ, а застраховка налагаетъ лишній расходъ, котораго купецъ также избѣгаетъ. Контора дѣйствуетъ по утвержденнымъ правиламъ и уставамъ, есть уже мѣсто, такъ сказать, оффиціальное, съ которымъ нельзя имѣть живаго дѣла, а надо соблюдать разныя формальности и, въ случаѣ пропажи, заводить цѣлую переписку. Слѣдовательно безъ застраховки—контора для *купца* выходитъ совершенно лишнимъ посредничествомъ. — Подрядчиковъ Русскихъ на Крещенской ярмаркѣ человѣкъ до 20. Всѣ они вмѣстѣ, по свидѣтельству одного добросовѣстнаго Харьковскаго подрядчика Грѣшанова, отправили въ 1854 году также не болѣе 5,000 подводъ. Они получаютъ изъ договоренной съ купцомъ платы *подужное* или *дуговое* — извѣстную часть, исчисляемую по числу подводъ; остальное выдается извощикамъ.—Евреи и Армяне также имѣютъ своихъ подрядчиковъ, которые съ Крещенской ярмарки 1854 г. отправили тысячъ 7 подводъ.—За то свыше 40 тысячъ подводъ было отправлено съ одними вольными извощиками, большею частью тѣми же, которые и привезли товаръ на ярмарку. Извозный промыселъ такъ приладился къ торговлѣ, такъ вошелъ въ бытъ, что остановки въ передвиженіи товаровъ почти не бываетъ. У каждаго купца есть свои знакомые, вѣрные извощики, которые по 10 лѣтъ и болѣе кормятся отъ него работой; они уже сами являются къ хозяину, сами нагружаютъ, увязываютъ и доставляютъ товаръ въ назначенный пунктъ, гдѣ также имѣютъ какого-нибудь знакомаго купца, у котораго всегда готова имъ работа въ обратный путь. Они ѣздятъ и договариваются цѣлыми артелями, разумѣется, выбирая изъ самихъ себя какого-нибудь старосту.

Названіе *извощика* присвоено собственно Великорусскому извощику. Малороссійскій извощикъ называется всегда *фурщи-*

комъ, а телѣга его, влекомая парою воловъ—фурою. Конный извощикъ бываетъ троичный; на троичную подводу накладывается до 75 пудовъ, на одиночку — пудовъ 25, не болѣе. На фуру накладываютъ не менѣе 30 пудовъ, а если волы добрые, то 40 и даже 50, смотря по воламъ, по разстоянію и погодѣ. Но какъ волы большею частью тощи, то средній вѣсъ груза, накладываемаго на фуру, долженъ быть опредѣленъ никакъ не свыше 35 пудовъ. Оба извоза, конный и воловій, рѣзко отличаются одинъ отъ другаго. Извощикъ ходитъ и зимою и лѣтомъ; фурщикъ только лѣтомъ: зимою нѣтъ подножнаго корма, воловъ своихъ онъ не подковываетъ, а потому, когда они ступаютъ по снѣгу, то скользятъ. Извощикъ везетъ товары на срокъ, т. е. обязуется доставить ихъ къ такому-то времени; фурщикъ не можетъ обязаться срокомъ, ибо въ случаѣ ненастья, волы везти не могутъ: шея у нихъ отъ дождя, подъ деревяннымъ ярмомъ, прѣетъ; приходится останавливаться и выжидать погоды. Извощикъ проходитъ верстъ по 50 въ сутки; волы—не болѣе 30 верстъ, а если дорога сколько-нибудь грязна, — то 15, 10 верстъ и менѣе. Фурщикъ рѣдко беретъ товаръ «въ Россію», предпочитая ей «свои мѣста», южныя; извощикъ отправляется хоть на край свѣта, если только увѣренъ, что и для обратнаго пути найдетъ себѣ работу. За то фурный извозъ несравненно дешевле коннаго, потому что волы лѣтомъ питаются однимъ подножнымъ кормомъ, да и самъ Малороссійскій фурщикъ несравненно умѣреннѣе въ образѣ жизни Великорусскаго извощика. Извѣстно, что Великорусскій извощикъ любитъ здоровую и сытную пищу, что онъ не жалѣетъ корму и для лошадей, и два раза въ сутки останавливается на постоялыхъ дворахъ, гдѣ платитъ наличныя деньги за обѣдъ и ужинъ для себя, за овесъ и сѣно для лошади, за постой, за ночлегъ. Напротивъ того, Малороссіянинъ всегда останавливается и ночуетъ въ полѣ, въ полѣ обѣдаетъ и ужинаетъ; разведетъ огонекъ, сваритъ себѣ кашицу изъ крупъ, взятыхъ изъ дома, да поѣстъ вяленой рыбы, вотъ и все, а волы его пасутся на дешевомъ, а иногда и на даровомъ подножномъ корму. Впрочемъ и срочная извощичья доставка не всегда бываетъ вѣрна. Въ началѣ Крещенской ярмарки 1854 года было такое бездо-

рожье, что изнуренныя лошади не могли идти далѣе, и извощики, сложивши товары въ разныхъ деревняхъ, селахъ и городахъ, сами ушли. Много было хлопотъ купечеству; наконецъ, приняты такія мѣры, чтобъ извощики въ подобныхъ случаяхъ всегда обращались къ мѣстной полиціи, которая обязана дать знать о томъ хозяину груза и принять товаръ подъ сохраненіе. — Вообще дѣло дѣлается еще очень просто. На каждой ярмаркѣ вы можете видѣть, какъ останавливается обозъ, доѣхавъ до ярмарочной площади, и какъ извощикъ, вынувъ изъ-за сапога накладныя, обращается то къ тому, то другому купцу съ просьбою указать ему лавки хозяевъ, ибо нерѣдко одинъ и тотъ же извощичій транспортъ везетъ товары не одного, а многихъ торговцевъ.

Должно сказать правду, что много силъ и времени пропадаетъ даромъ въ этомъ промыслѣ, и еще болѣе въ Малороссійскомъ извозѣ. Впрочемъ, такой порядокъ вещей носитъ уже въ себѣ самоосужденіе и долженъ неминуемо исчезнуть; но скоро ли и когда — рѣшить трудно.

Малороссійскихъ фурщиковъ называютъ также *чумаками*, хотя это имя принадлежитъ собственно тѣмъ, которые ходятъ на Донъ и въ Крымъ за *солью* и *рыбой*. Чумацкій промыселъ такъ древенъ, такъ сроднился съ Малороссіей, съ ея бытомъ, ея преданіями, ея природою и облегающею ее съ юга степью, что предстоящая близкая кончина этого промысла, должно признаться, много отниметъ поэтической прелести у Малороссіи вообще, у Черноморской степи въ особенности. Разумѣется — мы бы ни на минуту не задумались въ подписаніи смертнаго приговора «чумакованію» проложеніемъ желѣзныхъ путей; но было бы странно, еслибъ, вступая въ новую чреду жизни, мы не оглянулись назадъ съ нѣкоторою грустью, не простились дружески съ исчезающимъ отъ насъ древнимъ, вѣковымъ народнымъ обычаемъ! Народная поэзія посвятила чумакованью цѣлый богатый отдѣлъ пѣсенъ, отражающихъ въ своей унылой однообразной мелодіи—пустынность и однообразіе степи и тихое, мѣрное движеніе воловъ. Не только пѣснямъ, но и для картинъ живописцевъ не разъ служила содержаніемъ — безбрежная степь, съ безоблачнымъ небомъ, съ палящимъ солнцемъ, съ ѣдымъ кавылемъ, лѣниво влекущіеся волы и медленно вы-

ступающій загорѣлый чумакъ, въ дегтяной рубашкѣ, съ коротенькой люлькой, безъ шапки, несмотря на жгущій полдень.

Впрочемъ, чумацкіе походы заслуживали бы не одного поэтическаго описанія, но и внимательнаго изученія. Любопытно ихъ внутреннее управленіе [1]); но еще любопытнѣе тѣ пути, которые только имъ извѣстны и которые они проложили черезъ степи, еще въ то время, когда онѣ еще были вполнѣ дики и пустынны, и не только черезъ степи, но и черезъ самую Малороссію. Существуетъ мнѣніе, что чумацкіе тракты обходятъ всѣ горы и переправы. Но объясненіе съ чумакомъ очень зэтруднительно, потому что онъ не станетъ отвѣчать вамъ на ваши разспросы, особенно же Великоруссу, не говоращему по-Молороссійски. Чумакъ бываетъ ранній и поздній. Ранній чумакъ отправляется въ Крымъ въ Апрѣлѣ и Маѣ, возвращается, потомъ въ концѣ Августа снова идетъ въ путь: тогда онъ называется *позднимъ*. Впрочемъ нѣкоторые изъ нихъ ходятъ только весною, другіе осенью; нѣкоторые успѣваютъ вернуться, въ случаѣ сухой погоды, и изъ втораго рейса, другіе остаются тамъ зимовать. Такъ какъ время послѣдняго чумацкаго похода, когда чумаки, идущіе порожнякомъ, ищутъ попутнаго груза, совпадаетъ со временемъ Успенской ярмарки, то это обстоятельство придаетъ ей особенно важное значеніе для тажелыхъ товаровъ. Русскіе купцы отличаютъ чумака Крымскаго, который ходитъ въ Крымъ и на Донъ, на Азовъ, отъ чумака Одесскаго, или Малороссійскаго фурщика, который промышляетъ только извозомъ, и соли и рыбы не привозитъ. Крымскіе чумаки не бываютъ на Ильинской ярмаркѣ, но бо́льшая ихъ часть собирается къ Успенской, въ Харьковъ. — О размѣрахъ чумацкаго промысла можно судить по тому, что для подъема одной соли, провозимой только черезъ Харьковскую губернію въ количествѣ 3 милліоновъ пудъ (по исчисленію г. Рославскаго) [2]), нужно 100 т. подводъ, или фуръ,

[1]) Чумаки, отправляясь въ походъ, образуютъ изъ себя артели, избираютъ атамана и *на время* похода обязуются имѣть все общее, отказываются, такъ сказать, отъ всякой личной собственности и прибыли.

[2]) См. Мысли о желѣзной дорогѣ отъ Харькова къ Черному морю,

полагая на фуру кругомъ по 30 пудовъ; но какъ соль обыкновенно доставляется въ два похода, то, сокращая это число на половину, все-таки получимъ 50 т. подьодъ, которыя, отправляясь за солью порожнякомъ, могутъ нагружаться товарами.—Впрочемъ, опредѣлить число подводъ на ярмаркахъ нѣтъ никакой возможности, ибо многія изъ нихъ, какъ Великорусскія, такъ и Малороссійскія, успѣваютъ, въ теченіе одной ярмарки, сгрузить товары, нагрузиться новыми, отвезти въ недалекій пунктъ, вернуться и снова нагрузиться.

Цѣны провоза, разумѣется, подвержены колебаніямъ и зависятъ отъ разныхъ случайныхъ обстоятельствъ.—По сдѣланному нами подробному исчисленію, провозъ товара, объѣхавшаго всѣ десять ярмарокъ, стóитъ, по среднему счету, на однѣхъ конныхъ подводахъ 11 руб. 55 коп. асс., а на конныхъ и воловьихъ 9 руб. 70 коп. асс. за пудъ: мы разумѣемъ здѣсь не доставку товара съ мѣста производства, а одно кочеванье между ярмарками, *составляющее 2,405 верстъ по сокращенному извощичьему счету.* Не всякій товаръ способенъ выносить подобный расходъ; впрочемъ, и не всякій товаръ, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, перевозится съ ярмарки на ярмарку. Тѣмъ не менѣе издержки провоза очень велики; понятно, что купцы, желая сокращенія расходовъ, стараются имѣть по нѣскольку ярмарокъ въ одномъ пунктѣ, и что въ торговлѣ тяжелыми товарами замѣтно видимое стремленіе къ осѣдлости.

Къ сожалѣнію, мы до сихъ поръ не имѣемъ спеціальной карты транспортныхъ и извощичьихъ дорогъ въ Россіи, ни подробнаго ихъ описанія. Нельзя достаточно надивиться, какимъ образомъ проложены эти пути народомъ, безъ помощи науки, съ прямизною и краткостью необыкновенными, на такомъ огромномъ пространствѣ. Упомянемъ здѣсь только о нѣкоторыхъ. Изъ трактовъ, пересѣкающихъ Украину, замѣчательны: Сагайдакъ, Ромоданъ и Муравскій шляхъ. Сагайдакомъ называется путь между Ворсклою и Псломъ; Ромоданомъ нѣкоторые зовутъ путь отъ Переяслава на Лубны и изъ Лубенъ на Зѣньковъ и Гадячъ, другіе — путь отъ

рѣчь говоренная въ торжественномъ собраніи Харьковскаго Университета 31 Августа 1852 г. профессоромъ Рославскимъ.

Лохвицы въ Кременчугъ. Что же касается до древняго *Муравскаго шляха*, то въ Книгѣ Большаго Чертежа часть его указывается близь слѣдующихъ урочищъ: «А выше Новаго Городища 10 верстъ Гадское, а Гадичье тожъ... А сверху отъ Муравскія дороги 20 верстъ въ рѣку Пселъ пала рѣчка Пселецъ, ниже Бѣлгородской дороги, что̀ лежитъ въ Бѣлгородъ и̓зъ Курска... А рѣка Ворсклъ вытекла отъ Муравскія дороги отъ верху рѣки Липоваго Донца, а потекла подлѣ Муравскія дороги до устья рѣчки Рабыни и до Мерла и отъ Мерла потекла въ Днѣпръ». Нѣкоторые изслѣдователи называютъ Муравскимъ шляхомъ транспортную дорогу, идущую съ Дону на Валуйки (Воронежской губерніи), оттуда на Тимъ (Курской губерніи) и далѣе къ Окѣ, вообще *отъ Дона къ Окѣ;* другіе полагаютъ, что это названіе относится къ дорогѣ, идущей отъ Днѣпра, въ Екатеринославской губерніи, черезъ Зміевъ (Харьковской губ.), до города Тима, вообще *отъ Днѣпра къ Окѣ.* Впрочемъ, Муравскій шляхъ означенъ опредѣлительно на картѣ, находящейся при Боплановомъ описаніи Украины (XVII в.). Мы съ своей стороны можемъ утвердительно сказать еще, что *непочтовый* трактъ отъ Ливенъ (Орл. губ.) до Бѣлгорода (Курской) называется у Великорусскихъ извощиковъ Муравскимъ шляхомъ.

Вотъ какою дорогою идутъ вообще товары изъ Москвы въ Харьковъ:

Изъ Москвы до Тулы по шоссе..........	169	верстъ.
» Тулы сворачиваютъ и по почтовой дорогѣ ѣдутъ до Ефремова..............	131	»
» Ефремова на Ливны (Орловской губ.) непочтовымъ трактомъ.............	89	»
» Ливенъ на Старый Осколъ и » Стараго Оскола въ Бѣлгородъ } Муравскимъ шляхомъ....	275	»
» Бѣлгорода до Харькова почтовымъ трактомъ..........................	75	»

На картѣ г. **Шуберта** обозначены только непочтовые тракты отъ Ефремова въ Ливны и изъ Ливенъ въ Старый

Осколъ, но изъ Стараго Оскола въ Бѣлгородъ транспортной дороги не показано.

Сверхъ расходовъ провоза, купцу предстоятъ расходы на ярмаркѣ: за наемъ лавки, за квартиру, за столъ въ ярмарочное время, всегда на все возвышающее цѣны. За однѣ лавки въ красномъ ряду приходится отдать въ годъ иногда до 1,000 р. сер. Ярмарки же требуютъ содержанія особыхъ прикащиковъ, жалованья служителямъ, издержекъ прогонныхъ и много другихъ, которыя для краснорядца не очень чувствительны, но для торговца товаромъ недорогимъ и цѣны опредѣлённой — чрезвычайно тягостны. Краснорядецъ можетъ покрыть свои расходы, накинувъ на аршинъ ситцу копѣйку или двѣ ассигнаціями; но желѣзный торговецъ, если накинетъ на пудъ желѣза и одну копѣйку серебромъ, такъ не много выиграетъ. — Мы должны кстати предупредить читателей, что на ярмаркахъ и вообще въ Малороссійской торговлѣ всѣ разсчеты ведутся на ассигнаціи, такъ какъ серебряный рубль представляетъ слишкомъ крупную единицу. Въ самомъ дѣлѣ, какою дробью по счету на серебро опредѣлить цѣнность ассигнаціонной копѣйки? Поэтому и мы въ нашемъ описаніи постоянно держались ассигнаціоннаго счета тамъ, гдѣ переложеніе его на серебро сопровождалось дробями, на практикѣ неупотребительными. Но въ Малороссіи еще существуетъ въ простомъ народѣ особый счетъ денегъ: деньги вообще называются тамъ *грошами*, а прежній Русскій мѣдный грошъ—*шагомъ*. Если вы мѣняете на гроши 3 к. сереб., то вамъ сдаютъ *шесть шаговъ*, т. е. 12 к. асс., такъ что, размѣнявъ въ видѣ мѣдныхъ трехкопѣечниковъ цѣлый рубль серебромъ, вы можете получить за нихъ старыми мѣдными грошами не 3 р. 50 к. ассигнаціями, а 4 р. ассигнаціями. Между тѣмъ цѣлковый или карбованецъ, серебряный или бумажный, ходитъ и тамъ 3 руб. 50 коп. ассигнаціями: «Копà грошей» (денегъ) означаетъ полтину ассигнаціями.

Нельзя не пожалѣть о томъ, что вѣдомости, доставляемыя полиціями или ярмарочными комитетами объ оборотахъ каждой ярмарки, въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, составляются такъ небрежно и исполнены такихъ грубыхъ ошибокъ. Въ каждомъ ярмарочномъ пунктѣ пишутъ ихъ на свой

ладъ и образецъ, и отъ того почти невозможно сдѣлать имъ общаго свода; въ одной вѣдомости показываются отдѣльно сукна, шелковыя и шерстяныя матеріи, въ другой всѣ эти три товара соединены въ одну категорію, въ третьей вовсе не упомянутъ иной крупный товаръ, а означены мелкіе товары, привозъ которыхъ не достигаетъ цифры и одной тысячи рублей серебромъ. Въ иной годъ, по забывчивости, или, лучше сказать, по весьма естественному равнодушію квартальнаго надзирателя, вовсе пропущены нѣкоторые товары, тогда какъ они были на ярмаркѣ, да и въ вѣдомостяхъ прежнихъ лѣтъ показывались. Или же въ нынѣшнемъ году вдругъ придетъ ему въ голову поправить ошибки прежнихъ лѣтъ и включить товары дѣйствительно привозимые, но въ прежнихъ вѣдомостяхъ пропущенные. Квартальный надзиратель забылъ или вспомнилъ; а статистики ломаютъ себѣ голову и выводятъ заключеніе, что «возникло требованіе на товаръ, котораго прежде не привозилось, или «въ торговлѣ замѣчается упадокъ», и т. п. ошибочные выводы.

Въ заключеніе, скажемъ нѣсколько словъ о будущности ярмарокъ. Съ уничтоженіемъ Сборной и Всеѣдной, съ переводомъ Ильинской въ Полтаву, подъ вліяніемъ политическихъ и военныхъ обстоятельствъ, старая система ярмарокъ замѣшалась, новая еще не вполнѣ установилась. Нѣтъ сомнѣнія, что съ проведеніемъ желѣзной дороги отъ Москвы къ Черному морю, всѣ ярмарки, лежащія на пути, постепенно уничтожатся, исключая развѣ шерстяныхъ, которыя вѣрнѣе должны назваться выставками товара, условливаемыми извѣстнымъ временемъ года, чѣмъ обыкновенными ярмарками. Что же касается до Харькова, то онъ, по нашему убѣжденію, не только не упадетъ, но сдѣлается главнымъ складочнымъ пунктомъ, передаточнымъ мѣстомъ для всего Южнаго края, центральнымъ гостинымъ дворомъ, гдѣ будутъ запасаться товарами всѣ окрестныя стороны [1]).

---

[1]) Повторяемъ читателямъ, что предлагаемая статья есть только извлеченіе изъ „введенія къ обозрѣнію Украинскихъ ярмарокъ“—извлеченіе, въ которое не вошли ни описанія разныхъ торговыхъ трактовъ, ни таблицы цѣнъ провоза, ни исчисленіе оборотовъ ярмарочной торговли, ни прочія, слишкомъ частныя подробности.

Прим. Ред.

